Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»

Ю. А. Мизис

НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТАМБОВСКОГО И КОЗЛОВСКОГО УЕЗДОВ В XVII В. (1635–1696 ГГ.)

Тамбов 2023

УДК 93
ББК 63
М58

Посвящается памяти супруги и постоянного литературного редактора моих книг
Мизис Надежды Владимировны

Рецензенты:

В. Н. Глазьев – доктор исторических наук, профессор,
Воронежский государственный университет;

Д. А. Ляпин – доктор исторических наук, профессор,
Елецкий государственный университет

Мизис, Ю. А.

М58 На южных рубежах Российского государства. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов в XVII в. (1635–1696 гг.) : монография / Ю. А. Мизис ; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т имени Г. Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2023. – 520 с.

ISBN 978-5-00078-747-2

Книга посвящена заселению и освоению бассейнов Цны и Воронежа на примере Тамбовского и Козловского уездов в XVII в. Оба уезда отразили в рассматриваемый период процессы, происходящие на южных рубежах России как в военном, так в хозяйственном и социальном аспектах. Рассматривается миграция русского населения и его совместная хозяйственная и военная деятельность с коренным мордовским населением в борьбе с угрозой набегов кочевников. Определяющим событием для развития южного региона стало сооружение Белгородской и Тамбовской черт, которое позволило создать надежный рубеж обороны границ, построить новые города и села, начать аграрное освоение территории. Особое внимание уделено формированию профессионально-социальной структуры населения с преобладанием военно-служилого населения. Книга охватывает период с начала строительства Козлова и Тамбова, сооружение козловского участка Белгородской черты и Тамбовской черты и до середины 90-х годов XVII в. .

УДК 93
ББК 63

© Ю. А. Мизис, 2023
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2023

ISBN 978-5-00078-747-2

ВВЕДЕНИЕ

В первой книге[1] мы рассмотрели историю начала освоения территории междуречья Цны и Воронежа до 1635 г., то есть до начала строительства новых городов-крепостей и укрепленных линий на юге Русского государства[2]. Там же была представлена историография вопроса и анализ источников. В настоящей книге будет рассмотрена история строительства новых городов на этой территории и формирование Козловского и Тамбовского уездов. В таком виде они просуществовали до 1696 г., времени взятия Азова войсками Петра I. После чего начался новый период освоения южной и восточной части междуречья Вороны и Воронежа и формирование той территории, которая впоследствии стала значительной частью Тамбовской губернии и области. Период с 1635 по 1696 г. стал для нашего края временем формирования новой территории, ее экономического освоения, втягивания в общероссийский рынок и складывания сети торговых путей, образования основных социальных групп населения, периодом ожесточенной и постоянной борьбы с набегами кочевников. Тамбовский край практически на столетие превратился в пограничную, фронтирную территорию, связанную общими процессами, происходившими на южных границах Российского государства.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

[2] См. *Мизис Ю. А., Напольникова П. К.* На южных рубежах Московского государства. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). Тамбов, 2022.

В этот период шел процесс освоения лесостепья, включения его в российское военно-политическое и экономическое пространство. Известные и неизвестные герои этого поступательного движения на степь, выполняя государственную волю, поддерживаемые центральной властью, неуклонно расширяли границы России, укрепляя ее южный периметр. Два тамбовских уезда практически отразили те общие процессы, которые шли на всем южном пограничье.

Глава первая

СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ И УКРЕПЛЕНИЙ В ТАМБОВСКОМ КРАЕ В XVII В.

1.1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА НА ЮГЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII В.

В 20-е гг. XVII в. после затяжного кризиса в России, связанного со Смутным временем, начался медленный экономический подъем, который позволил частично восстановить хозяйство центральных уездов. Была укреплена центральная власть, восстановлена система местного воеводского управления, налажен сбор налогов. Однако экстенсивный характер развития сельского хозяйства страны, низкая урожайность староосвоенных земель и истощение почв, суровый климат, связанный с малым оледенением, сопровождавшийся одновременным ростом численности населения, завязали тугой узел социально-экономических противоречий в центральных уездах России. Традиционным выходом из них в Росссийском государстве служило освоение новых земель на окраинах, особенно в южном направлении. Заселение южнорусских земель объясняется остротой социальных противоречий феодального общества, усилением крепостнических тенденций, наличием большого свободного фонда качественных черноземных земель. Бегство наиболее динамичной части крестьянского населения на окраины служило формой социального протеста против усиления крепостного права и феодальных налогов.

Наряду с экономическими и социальными предпосылками заселения юга России важную роль играли и политические цели государства. Русское правительство в 30–40-е гг. XVII в. только начало подключаться к сфере европейской внешней политики, ставя перед собою стратегические задачи присоединения украинских и белорусских земель, выхода к Черному и Балтийскому морям. Однако

их выполнение было невозможно без прочного тыла на южных границах. Это наглядно показала русско-польская война за Смоленск (1632–1634 гг.). Она была во многом проиграна из-за внезапных нападений татарской конницы на южные города, оставшиеся без сильных гарнизонов.

Весь ход событий середины 30-х гг. поставил перед русским правительством задачу строительства мощной линии укреплений, которая бы способствовала активному заселению южной окраины. Планы по укреплению всей южной границы возникли еще в конце XVI – начале XVII в. и были реанимированы после неудачной Смоленской войны. Вопрос о строительстве первоначально отдельных городов, которые должны были перекрыть наиболее опасные участки татарских путей на Русь, являлся традиционной тактикой русского правительства в пограничных районах страны. Часть таких городов-крепостей появилась еще в конце XVI – начале XVII в.: Курск, Воронеж, Белгород, Лебедянь, Елец[1]. Однако они перекрывали только небольшие отрезки южной степи и не могли остановить крупные набеги. Во многих из них имелось незначительное количество сельских поселений, в некоторых уездах они вообще отсутствовали. В. В. Каргалов отмечал, что оборона южных границ стала для правительства Михаила Федоровича приоритетной задачей[2]. В древнем «Тамбовском летописце» идея строительства укреплений на южной границе России приписывается совету святейшего Филарета Никитича, московского патриарха[3]. Была ли на самом деле подобная мысль высказана патриархом Филаретом или эти слова приписали ему в начале XVIII в., вряд ли уже можно подтвердить документально. Однако такой грандиозный замысел сразу же задумывался как единая задача, в его создании наверняка принимали участие многие люди как в окружении царя, так и специалисты по югу России.

---

[1] *Загоровский В. П.* История вхождения Цетрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

[2] *Каргалов В. В.* На границах Руси стоять крепко. Великая Русь и Дикое поле. Проивостояние XIII–XVIII вв. М., 1998. С. 321.

[3] ИТУАК. Вып. 58. 1918. С. 148. Патриарх умер в 1634 г.

Для реализации планов строительства укреплений нужны были значительные усилия. Явно не хватало финансовых и людских ресурсов, а также опыта создания столь обширного проекта. Первоначальная задача состояла в строительстве ряда городов-крепостей. В числе первых таких городов возникли Козлов и Тамбов. Опыт их сооружения оказался успешным, что позволило перейти к созданию сплошной линии укреплений и распространить его на всю южную и юго-восточную окраину. К середине XVII в. эта грандиозная работа, проделанная руками русского народа[1], была закончена и на далеких южных границах: от р. Ахтырки, неподалеку от Белгорода, до берегов Волги у Симбирска возникла мощная черта протяженностью свыше 1200 км.

Отдельные участки новой черты имели свою историю строительства и территориальную подчиненность, что позволяет исследователям выделять их в самостоятельные комплексы укреплений. К ним относятся Белгородская, Тамбовская, Нижне- и Верхне-Ломовские, Инсаро-Саранская и Симбирская черты[2]. Белгородская черта как единая линия укреплений сформировалась к середине 50-х годов XVII в. и «ведалась» Разрядным приказом. Ее административным центром являлся первоначально Белгород, а позднее Курск. Восточным флангом Белгородской черты стали укрепления ее Козловского участка. Далее начинались конструкции Тамбовской черты. Они возникли на землях дворцовой Верхоценской волости и традиционно подчинялись Приказу Большого дворца, как и шацкие укрепления. Остальные черты, расположенные восточнее Тамбова, находились в ведении Приказа Казанского дворца. Там не сложилась еди-

[1] Под «русским» народом мы понимаем также мордву и народы Поволжья, активно участвовавшие в стоительстве этих укреплений.

[2] Термин «черта» использовался в документах XVII в. применительно к линиям укреплений, возникшим в лесостепи в это время. Он противопоставлялся термину «Засечная черта», который использовался для обозначения линий укреплений XVI в., расположенных в лесной зоне страны. Основой новых укреплений XVII в. становились земляные валы, деревянные острожки и линии надолоб. Укрепления XVIII в. появились в степных районах, здесь преобладали земляные укрепления, и они получили название «линия»: Царицинская, Новая Закамская, Украинская линии.

ная система их управления как Белгородская черта, так как они носили вспомогательный характер и не находились на основном острие татарских набегов. Такая форма управления новыми пограничными линиями юга страны сохранялась на протяжении всего XVII в.

Строительство укреплений в бассейнах рек Цны и Воронежа, послуживших началом формирования новой черты, вряд ли можно считать случайным актом. Это было связано с успехами народной колонизации края, наличием двух крупных очагов поселений на этой территории и необходимостью, прежде всего, защиты царской вотчины.

Кроме того, Ногайская дорога считалась одной из самых опасных, так как выводила кочевников к центральным, плотнозаселенным регионам Рязанского и Московского краев. Идея строительства города на р. Воронеже в районе Урляпова городища возникла еще в период правления Бориса Годунова. Таким образом, район междуречья Цны и Воронежа попал в поле зрения не только русских крестьян, но и русского правительства еще в конце XVI – начале XVII в.

Существовал ли единый план строительства линий укреплений на южной границе или это был экспромт возведения нескольких городов, который с течением времени перерос в сплошную линию укреплений? На этот вопрос нет однозначного ответа.

Слишком мало сохранилось документов, связанных с функционированием Боярской думы и обсуждением в ней разных вопросов. Однако некоторые косвенные документы говорят о наличии такого плана, может быть не сразу до конца продуманного.

В грамоте от царя Михаила Федоровича Чардынскому воеводе Б. Камынину в г. Пермь в феврале 1637 г. говорилось о строительстве новых городов на Кальмиусской и Изюмской сакмах и Муравском шляхе. Здесь назывались общие причины строительства укреплений на южной границе «Слыша мы от бусурман на провославных крестьян разорение и всякое злое полонское расхищение, указали на Кальмиусской и на Изюмской сакме, и на Муравском шляху, от татарской войны поставить городы и остроги жилые и стоялые и всякие крепости учинить»[1].

[1] Акты исторические (далее АИ). 1841. Т. 3. С. 349.

Финансовой базой для такого грандиозного дела должен был стать специальный налог. «С живущих четь: с посадов, и с черных волостей и с Мордовских земель с четьи пашни по полтине, а с наших дворцовых сел по выти по полтине ж, а с патриарших и с митрополичьих, архиерейских, и с монастырских вотчин, и с церковных земель с чети пашни по сороку алтын»[1]. Этот указ в Пермь являлся типовым и рассылался по всем русским землям. Пермский воевода должен был собрать средства с подведомственной территории и выслать их в Москву. Еще одной важной причиной строительства укреплений в междуречье Воронежа и Цны являлось наличие дворцовых земель, личной вотчины царя, потерявшей в предшествующие набеги достаточно большое число жителей.

[1] АИ. 1841. Т. 3. С. 349.

1.2. ТИПЫ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ

Строительство новых крепостей на юге Русского государства значительно обогатило русскую военно-инженерную мысль, соединяя национальные традиции и западноевропейский опыт. Длительная эксплуатация новой черты позволила избавиться от устаревших конструкций, сохранять и совершенствовать оборонительные сооружения. Выбор типов фортификационных укреплений во многом зависел от географических условий и тактики противника.

В Русском государстве сложились традиции городской и полевой фортификации, вобравшие богатый многовековой опыт борьбы с кочевниками. Он нашел свое воплощение в крупном общегосударственном мероприятии второй половины XVI в. – строительстве Большой старой, Шацко-Ряжской и других засечных черт[1]. Они возникли в зоне густых лесов, и их основу составили деревянные конструкции: засеки, надолбы, острожки.

Освоение лесостепной зоны в XVII в., в которой намечалось строительство новой черты, потребовало большего разнообразия типов укреплений. Здесь встречались большие степные участки между лесными массивами, по которым кочевники проникали на русские земли. Поэтому основным звеном новых укреплений стали земляные валы и рвы в сочетании с деревянными конструкциями[2]. В их создании широко применялся опыт западноевропейской фортификации.

[1] *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

[2] Подробнее о типах укреплений на юге России см.: *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 77-85.

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что крепости и полевые укрепления создавались по специальным чертежам опытными специалистами, так называемыми градодельцами, Пушкарского приказа с привлечением западноевропейских экспертов.

Мы выделяем в рассматриваемый период два комплекса укреплений, характерных для юга России. Первый комплекс был связан со строительством крепостей. Их конструкция во многом зависела от тактики татар, которые, не имея огнестрельного оружия, никогда не прибегали к осаде или штурму городов. Это позволяло строить на юге России несложные деревянные укрепления. Применялись следующие типы стен: рубленые стены с обламами, стоячий острог с обламами, стоячий острог без обламов, косой острог. Рубленая стена, или стена «по городовому», собиралась из прямоугольного сруба по типу крестьянской избы. Ее ширина колебалась от двух до трех метров. Облам – выступ над стеной, прикрытый бруствером из бревен и двухскатной крышей. Острожную стену устанавливали из бревен длиной в три сажени, из которых одна сажень закапывалась в землю, две сажени находились на поверхности, а также поперечных бревен и железных скоб для их крепления. Изнутри острожной стены для стрелков ставились специальные подмостки – «кровати», опирающиеся на столбы. Подняться на них можно было по специальной деревянной лестнице. Иногда при строительстве крепостной стены строители использовали «тарасы» – срубные конструкции разной конфигурации, засыпанные изнутри сухой землей. Основой городовых укреплений служили четырехугольные или восьмиугольные башни разной высоты.

Крепости окружались одним или двумя рядами стен. В этом случае внутреннюю ее часть выкладывали «по городовому», а внешнюю – острогом. Если крепости имели только острожную стену, то ее, как это было в г. Козлове, дополнительно по углам укрепляли небольшими городками. Внутри крепостей по углам для размещения пушек устанавливались раскаты – специальный деревянный помост высотой с городскую стену. Снаружи крепостной стены строители выкапывали рвы, которые дополнительно укрепляли кольями, ча-

стиком[1] и позднее надолбами[2]. Таким образом, русские города на южной окраине представляли собою серьезное многопрофильное фортификационное сооружение, способное защитить местный гарнизон.

Другой комплекс укреплений был связан с перекрытием степных участков. Первоначально здесь применяли старинные конструкции: засеки, надолбы, острожки, башни, частик и реже земляные сооружения. Однако деревянные укрепления не отличались высокой степенью надежности, часто горели, быстро гнили и требовали периодического ремонта.

Опыт эксплуатации новой черты показал большую надежность земляных сооружений. Поэтому в период значительных строительных работ в 1647–1648 гг. на юге Русского государства взамен деревянных укреплений стали шире применять земляные валы. Их мощные насыпи, перекрывая значительные степные пространства, служили серьезной преградой кочевникам. Высота валов колебалась в районе 4 м, а рядом с ними выкапывали один или два рва. Около валов вырывали полевой ров шириной 2 саж. с четвертью, глубиной 2 саж. без. четверти с надолбами. С середины XVII в. подошву вала укрепляли «ослоном», который создавал дополнительную преграду и останавливал сползание насыпи[3]. Во взаимодействии с линией надолб, частиком и рвом «ослон» создавал серьезные препятствия для татарской конницы.

Опорными пунктами земляных валов служили башни и острожки. На тамбовских и козловских укреплениях встречались различные их типы. На самом валу: 1. земляной городок с башней (башня дубовая или липовая); 2. земляной городок; 3. земляной городок с башней

[1] Частик, чеснок – металлические прутья на деревянной основе, вкопанной в землю.

[2] Надолбы (в документах XVII в. – «надолобы») – сложные деревянные укрепления разной конфигурации. Что касается тамбовских укреплений, то здесь, скорее всего, использовали два вкопанных в землю столба с двумя или тремя поперечными связями. Они хорошо прослеживаются по чертежу козловского вала, представленного Я. Корнелием.

[3] «Ослоном» называлась косая острожная стена, наклоненная острием в сторону степи и установленная во рву у подошвы вала.

и избой; 4. земляной городок с башней, избой, проезжими воротами и мостом в поле; 5. городок; 6. башня с обламами и дубовым острогом, с надолбами на стороже; 7. башня с обламами и шатрами, дубовым острогом с кроватями, катками и с надолбами на стороже.

Кроме этого использовали косой острог как полевое укрепление, столбы и катки на дубовых связях. Дополнительно перед земляным валом или другими полевыми укреплениями делали со степной стороны земляные ямы с дубовыми кольями глубиной в сажень «без четверти». Также на вспомогательных участках в районе рек устанавливались надолбы дубовые в 2, 3 или 4 ряда со связями (иногда упоминались нодолбы сосновые или березовые). На некоторых лесных участках укреплений рубили засеки шириной до 50 саж.

Особое внимание военные специалисты уделяли флангам, где обычно строились стоялые или жилые городки. Они имели вид небольших крепостей с несколькими башнями и даже артиллерией. Подобные разнообразные типы земляных и деревянных сооружений использовались на тамбовских укреплениях и широко применяли затем на юге страны до конца XVII в. Таким образом, полевые укрепления представляли собою сложные фортификационные сооружения, вобравшие передовой западноевропейский опыт, русские традиции, и их создавали на конкретной местности с привязкой к рельефу.

Засеки как тип укреплений также сооружались на новой черте, но они, в отличие от XVI в., носили вспомогательный характер, так как больших лесных массивов в этом районе встречалось немного. Но небольшие леса включались в общую линию обороны и там прокладывали засеки. Недостатком таких укреплений в лесостепи являлась активная хозяйственная деятельность людей и, прежде всего, необходимость заготавливать лес на строения и дрова. Такие лесные массивы располагались по рекам Цна, Челновая, Липовица и Воронеж.

Так, в 1676 г. в наказе козловским воеводам Разрядный приказ еще раз напомнил о заповедном лесе по р. Польному Воронежу ниже Стрелецкой слободы и за р. Челновой от Стрелецкой слободы, где не разрешалось сечь лес, прокладывать дороги и стежки. От Бель-

ского городка вниз по реке запрещалось ловить рыбу. Уже проложенные дороги и стежки требовалось засечь всякими крепостями[1]. Хоромный и дровяной лес предлагалось сечь за Челновой. Воевода должен был распросить козловцев об использовании Липовской дороги через заповедный лес. Козловские дети боярские Г. Быков с товарищами сказали, что по этой дороге мимо тамбовских валовых крепостей они проезжали, так как по ней ездили до них козловские дети боярские из с. Нижних Пупок.

Воевода И. В. Алферьев получил грамоту из Разрядного приказа от 24 января 1653 г. о выделении стрельцам и полковым казакам Бельского городка дровяного и хоромного леса вниз по р. Польному Воронежу с лесной русской стороны между Булатовским острогом и Хмелевой слободой[2].

В Тамбов к воеводе П. Лопухину 8 декабря 1676 г. в приказную избу привели тамбовских засечных сторожей из Малых Пупок Т. Конбарова с товарищами с засеки заповедного Липовского леса в количестве 15 человек козловцев. Их задержали, так как они ехали позади тамбовских крепостей по валу и проложили дорогу через заповедный Липовский лес к Хоперской дороге. Они остановились в этом лесу станом, срубили много деревьев. Из них трое человек везли на Хопер еще вино на продажу в количестве 7 ведер. Воевода приказал эту новую дорогу через Липовский лес засечь и укрепить, запретить возить на Хопер вино и, напившись допьяна, грабить тамбовцев на дороге. Запрещалось ездить здесь за камышником и заготавливать сено. Воевода сообщил об осмотре полевых крепостей и сильной порубке заповедного леса от Бельского городка до Хмелевой, Устенской слобод и Суренского острога, прокладывании дорог и стежек. Для хоромного дела и дровяного леса предлагалось казакам ездить по одной дороге в Воронежский лес к Польному Воронежу. Таким образом, контроль за состоянием всех типов укреплений в уездах оставался за воеводами.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 286. Л. 1-8, 97-99.

[2] Там же. Л. 108-113.

1.3. КОЗЛОВСКИЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Летом 1635 г. в правительственных кругах возник план строительства города на р. Воронеже. Разрядный приказ 18 августа собрал в Москве опытных специалистов, знатоков юга России: москвичей Г. Кириевского, М. Спешнева и воронежца сына боярского И. Носа[1]. Им предложили рассказать об Урляповом городище и возможностях строительства там города. Они поведали о планах возведения здесь города еще при царе Борисе Годунове и высказали предложение о создании целой линии укреплений, так как один город не смог бы защитить большой степной участок. Во время опроса в Разрядном приказе 18 августа 1635 г. приглашенные эксперты сказали, что Урляпово городище находилось на р. Лесной Воронеж «в лесных и крепких» местах на русской стороне, а с «ногайской строны в Лесной Воронеж впала р. Польной Воронеж[2]. Опрашиваемые отметили, что азовцы ходят на Русь от этого места верстах в 30 «в лево», то есть западнее Урляпова городища, откуда разделяются на два направления. При повороте направо кочевники выходили на Шацк, Сапожок и Рязань. А поворачивая налево – на Воронежские и Ряжские места. При возвращении обратно с Руси на Хопер они проходили как раз через Урляпово городище. Часть нападавших, двигаясь по Кальмиусской и Изюмской сакмам на Ливенские и Новосельские места, переходили через Дон с так называемой крымской стороны на «ногайскую» и далее шли на Данковские и Ряжские места через Урляпово городище. Поэтому консультанты считали перекрытие района Урляпова городища важным актом по пресечению татарских набегов на русские земли. Они же напомнили, что еще царь Борис Годунов хотел на Урляповом городище строить город.

Руководство Разрядного приказа провело дополнительный опрос жителей г. Сапожка – казака С. Стрелкова и пушкаря С. Лукья-

[1] *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 70-71, 85-86.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 3-9.

нова, а также лебедянца сына боярского В. Иванова. Последний, как раз незадолго до поездки в Москву, был на Урляпове городище. Он отметил, что татарская сакма проходила в трех верстах выше городища по течению реки Лесной Воронеж.

Основываясь на мнении служилых людей, Разрядный приказ подготовил указ от 22 августа о строительстве нового города, который 5 сентября утвердила Боярская дума[1]. По указу предлагалось строить город на Урляповом городище или «где пригоже». Последняя формулировка давала строителям определенную свободу в выборе места под крепость. Единственное обязательное требование указа сводилось к необходимости строить город «нынешней осенью вскоре». Предлагалось разослать в «украинные», рязанские и польские места к воеводам грамоты, чтобы воеводы велели на торгах «бирючем» кликать и, «которые охочие люди от отцов дети, и братья, и захребетники и всякие вольные люди ни в какой службе не написаны шли на то Урляпово городище на житие с женами и с детьми»[2].

Руководить строительством нового города Разрядный приказ поручил опытному воеводе И. В. Биркину[3] и его молодому зятю

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 12.

[2] ИТУАК. 1897. Вып. 41. С. 151.

[3] Биркин Иван Васильевич – род Биркиных, выходцев с Рязани, служил рязанским князьям. То есть они длительное время были связаны с обороной юга России. Родословная Биркиных начинается с Ивана Михайловича, служившего наместником при великом князе рязанском Олеге. Его сын Иван Иванович получил прозвище Бирка, которое дало название фамилии. Многие представители этого рода в XVI в. служили воеводами в разных городах России. Биркин Иван Васильевич в 1614 г. собирал деньги на Белом озере, в 1617 г. служил воеводою в Ряжске, в 1619 г. вместе со стольником Л. И. Долматовым ездил в Вязьму для размена пленных с поляками, принимал участие в возвращении из плена патриарха Филарета, который приблизил его к себе. С Филаретом поехал в Москву. Его имя регулярно встречается на различных церемониях у царя и патриарха. В 1626 г. – дворецкий в Патриаршем дворцовом приказе, а в 1629–30 гг. был воеводою в Данкове. В 1632 г. он пожалован в ясельничие и направлен в Конюшенный приказ. В 1635 г. И. В. Биркин ставит на Поле город Козлов. В 1639 г. опять служит в Москве, в Конюшенном приказе, в 1641 г. пожалован из ясельничих в думные дворяне. Умер в 1643 г.

М. И. Спешневу[1]. В их распоряжение поступала большая группа детей боярских, казаков, пушкарей, затинщиков, воротников, стрельцов, кузнецов из 10 близлежащих городов: Переяславля-Рязанского, Михайлова, Пронска, Ряжска, Данкова, Сапожка, Лебедяни, Шацка, Ельца и Воронежа[2]. На каждый город спускалась определенная норма «даточных людей» – по 50-60 человек (только Воронеж должен был поставить 170 человек), а общая численность строителей доходила до 660 человек. При определении «даточных» людей дьяки Разрядного приказа исходили из общего числа жителей городов. Замена строителей планировалась через каждые шесть недель (табл. 1).

Таблица 1

Смета работников служилых людей, составленная для строительства г. Козлова в 1635 г.[3]

п/п	Город	Количество служилых людей в городе	Разовая посылка в Козлов
1	Переяславль-Рязанский	361	50
2	Михайлов	734	50
3	Пронск	274	50
4	Ряжск	1170	110
5	Данков	259	30
6	Сапожок	232	50
7	Воронеж	2335	130
8	Лебедянь	457	50
9	Елец	1540	50
10	Шацк	249	50

[1] Спешнев Михаил Иванович – русский государственный и военный деятель, стольник, основатель города Козлова. Дата рождения неизвестна. Происходил из дворян. В 1617–1635 гг. – воевода в Данкове. В 1635 г. вместе со своим тестем И. В. Биркиным основал крепость Козлов. В последующие годы был воеводой в городах Коломне и Великом Устюге. Умер в 1639 г.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201.

[3] Там же. Л. 17-21, 128.

Воеводы получили указ о строительстве нового города от 18 августа и 5 сентября отправились из Москвы[1]. Прежде чем выехать на место строительства города, они долго испрашивали для себя всякие льготы. Так, И. В. Биркин получил высокое годовое жалованье на сумму в 70 рублей и разрешение участвовать в строительных работах своего сына Самойла[2] и внука Василия, что приносило дополнительные деньги[3]. М. И. Спешнев в свою очередь получил 34 рубля. Но основное внимание воеводы и руководство Разрядного приказа уделили организации дела. Велась обширная переписка с воеводами вышеуказанных городов о присылке строителей. Они должны были прибыть на сборный пункт полностью экипированными: с рогатиной, пищалью и двумя пудами «зелья» ружейного, фунтом свинца на пули, топором и телегой с лошадью. Пушкарский приказ выделил три пищали[4] с запасом ядер и пороха. Специалистов пушкарского дела, плотников и казенных кузнецов для нового города поставляли Переяславль-Рязанский, Ряжск, Сапожок и Пронск. Таким образом, центральные органы полностью обеспечили материальную базу строительства.

Местом сбора основных сил отряда стала степь под Ряжском. Отсюда 1 октября 1635 г. строители двинулись на р. Воронеж и уже 7 октября прибыли на место. Им предписывалось «того Урляпово городища и иных мест меж воронежских и ценских верхов... досмотреть» и выбрать место для города, «где пригоже». Однако район Урляпова городища, расположенный при слиянии Лесного и Польного Воронежа (около современного с. Никольское Мичуринского района), не соответствовал сложившимся традициям строительства крепостей на юге России. Низменное место, отсутствие крупного лесного массива затрудняли строительство города.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 150. Л. 80.

[2] Биркин Самойло Васильевия – стольник. Патриарший кравчий (1628). Вместе с отцом был в числе строителей города-крепости Козлова. Воевода Козлова (1638–39), Тамбова (1641). В 1639 г. участвовал во встрече кизилбашских послов.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 51-53.

[4] Пищалью на Руси называли пушку и ручное огнестрельное оружие.

Поэтому строители воспользовались предоставленной привилегией выбора, подобрали новое место для города – в Козловом урочище на р. Лесном Воронеже, где правый берег реки резко возвышался над окружающей местностью и находился крупный лесной массив. «И опричь тово Козлова урочища угожее не изыскали»[1]. Воеводы в отписке Разрядному приказу специально подчеркнули близость к городу с юга и севера лесных запасов, которые могли быть использованы для строительства укреплений и жилья. Расположенная около урочища степь обеспечивала местный гарнизон плодородной пашней и сенокосными угодьями.

В Козловом урочище находился бортный ухожей крепостных крестьян князя Д. М. Пожарского из с. Горитова С. Козлова с товарищами. Не дожидаясь окончательного решения Разрядного приказа и используя данное им право выбора, И. В. Биркин и М. И. Спешнев приказали начать здесь строительные работы. Крепость торжественно заложили в воскресенье 11 октября 1635 г. Прошел молебен, освятили место строительства города, и на следующий день начались строительные работы. Крепость первоначально называли «новым городом на Козловом урочище», а ближе к зиме стали именовать Козлов. Так название местности и прозвище русского крестьянина переплелись в имени города, которое он носил около трех веков.

Строительство крепостей и укреплений в Русском государстве в XVII в. поручалось специалистам Пушкарского приказа, своеобразным военным инженерам-фортификаторам своего времени. С этой целью на р. Воронеж послали русского мастера, «градоделеца» Ивана Андреева. Он составил чертеж нового города и сделал разметку на местности. По государеву указу крепостные стены предлагалось строить «по городовому». Однако близость зимы заставила строителей торопиться и выбрать более легкий тип укреплений, так называемый острог с обламами.

Город быстро обустраивался, заложили соборную церковь Покрова Святой Богородицы. Уже в середине ноября произошла вторая замена строителей, воеводы просили прислать дополнительно плотников и кузнецов – специалистов по изготовлению замков на ворота,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 150. Л. 81.

«зелейного» погреба, тайника и других сооружений. О том, что строители спешили закончить работы до начала сильных морозов, говорит одна из фраз воеводской отписки в Разряд. Они объясняли причину задержки высылки городового чертежа отсутствием свободных людей: «и те все у городового дела лес на острог и к башням возят беспрестанно и острог ставят с поспешанием» [1]. В отписке в Разрядный приказ И. В. Биркин и М. И. Спешнев доложили, что к 5 декабря 1635 г. был достроен острог, заканчивали рубить башни. Это позволило отпустить ратных людей по домам. Отписку и чертеж выполненных работ в Москву отвез голова П. Красников, за что получил жалование 5 рублей и «англицкое» сукно.

Строительные работы продолжались и зимой. Например, 8 декабря 1635 г. воеводы сообщали о начале сооружения тайника к реке, рва вокруг крепости и башен. В это же время перевезли амбар и житницу из поместья Д. М. Пожарского с. Горитово для постройки их в новом городе общим объемом в 1 тысячу четвертей. Компенсировали крестьянам это изъятие выдачей по 1 рублю за каждое сооружение[2]. Воеводы докладывали, что строительные работы идут полным ходом, ратные люди завершают строительство городовых укреплений, возводят церкви. Только сильные морозы заставили прекратить стройку. Весь комплекс работ по городу завершили в 1637 г. Еще весной этого года М. И. Спешнев и И. В. Биркин докладывали о нехватке плотников, недостроенных башнях и стенах. 25 марта 1637 г. по государеву указу из приказа Большого дворца был отправлен вестовой колокол весом 25 пуд.[3] Воеводам окских городов послали приказ о помощи при перевозке колокола через Оку. В 1642 г. козловский воевода князь И. А. Ростовский пожаловался в Разрядный приказ, что у него в городе вестовой колокол разбит[4]. Правда, вес его он указал 34 пуда. Разрядный приказ обратился в Пушкарский приказ с просьбой выделить для Козлова новый колокол. Однако Пушкарский приказ ответил, что у них в наличие только два вестовых

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 266.

[2] Там же. Л. 481.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 26-29.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 240-242.

колокола для Усерда и Рыльска. Но уже 27 июня 1642 г. из Разрядного приказа пришел ответ, что в Козлов посылается новый колокол весом 20 пуд. 30 гривен с дальнейшей установкой на башне. Старый разбитый колокол требовалось вернуть в Москву.

Одновременно в 1637 г. воеводы жаловались на массовые недоделки по городу, так как не хватало плотников, которых насчитывалось всего 7 человек. Поэтому остались недокрытыми тесом 11 башен. На строительстве города работали 5 кузнецов из Воронежа, Рязани, Ельца и Лебедяни. После их отъезда козловские воеводы в 1637 г. просили прислать еще хотя бы 2 кузнецов[1].

В 1638 г. опять пригласили даточных людей из вотчин, находящихся в 50 верстах от Козлова. Они участвовали в достройке козловских укреплений, полевых сооружений и охране черты (табл. 2).

Таблица 2

Участие крестьян приписных к Козловскому уезду в строительстве укреплений[2]

п/п	Владелец	Населенные пункты	Количество дворов	Количество даточных в Козлов
Поселения отошли к Козловскому у.				
1	Пожарский Д. М.	с. Горитово	207	2
2	Чудов монастырь	с. Ранчина Поляна, Калинино, Доброе Городище, д. Буховая	272	14
3	Спаса Новый монастырь	с. Ратчино, Калинино, Доброе Городище, Хомутец, Кривец, д. Борисовка	327	16
4	И. Г. Пушкин	с. Доброе Городище	18	1
5	К., С. и С. Вельяминовы	с. Лодыгино, Семеновка, д. Хомутец, Тафино	144	7
Поселения Лебедянского у.				
6	Б. Плещеев	с. Богородицкое, д. Панино	100	7
7	Трубецкого А.	с. Юрлуково	36	6

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 200.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 236-240.

Крестьян монастырских и помещичьих использовали при постройке козловского вала, а затем, из-за нехватки служилых людей, для его охраны. В 1642 г. архимандрит Спаса Нового монастыря просил освободить его крестьян с. Доброе Городище от обязательной службы на валу и использовать их только по вестям о татарах. С подобной же просьбой обратились вдова князя Д. М. Пожарского Феодора, Б. Плещеев и И. Бобрищев-Пушкин. Они ссылались на разорение своих крепостных, бегство с поместий и вотчин. Их просьбы власть удовлетворила[1].

В 1637 г. по указу от 15 марта В. Биркин просил отправить его к дяде С. И. Биркину на службу в Козлов, что и было выполнено. 5 ноября 1637 г. И. В. Биркин и М. И. Спешнев получили из Разрядного приказа грамоту учинить Козлову список и ехать с ним в Москву. Их трехлетнее пребывание в Козлове закончилось. В апреле 1638 г. они направили челобитную на государево имя с перечислением своих заслуг и просьбу о дополнительном жаловании[2]. По итогам их работы они получили поощрение. И. В. Биркин – 40 соболей стоимостью 65 руб., ковш 2 гривны, камку куфтер 10 аршин[3]. К прежнему окладу 900 четвертей добавили 100 четвертей, денег к 70 рублей окладу еще 40. М. И. Спешнев получил 40 соболей в 45 рублей, ковш в 1,5 гривенки, камку кармазин в 10 аршин. К прежнему окладу 800 четвертей сделали придачу 150 четвертей, а денег к 34 еще 30 рублей[4].

И. В. Биркин и М. И. Спешнев сделали первое описание козловских городских укреплений, которое отвезли в качестве отчета о своей работе в Москву. По этому описанию острог вокруг города делался из дуба, в самом городе имелось 2 башни проезжие, 1 башня тайник, 8 башен глухих[5]. То есть всего при первых воеводах

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 208-214.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 150. Л. 80.

[3] Сорт камки, добрая и толстая.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 304. Л. 332-333.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 90. Л. 136-137; Столбцы Белгородского стола. № 150. Л. 91-99.

соорудили 11 башен, все из дубового дерева. Лес на башни брался длиной 3 сажени[1]. Общая длина стен составила 370 сажен. Вокруг городских стен выкопали ров и вал высотою косую сажень. От дна рва до вершины вала насчитывалось 3 сажени. У вала и рва сделали обводы для стока воды, подлазы и «бои». От Лесного Воронежа крепость прикрывал высокий берег реки. Около слобод поставили тын и надолбы. Из города к реке сделали тайник, срубили из дерева крышу и сверху засыпали дерном. В городе соорудили воеводский двор, съезжую избу и зелейный погреб из дуба для хранения пороха, ядер и оружия. Для хлебных запасов установили амбар, 8 житниц и 4 клети. В городе имелась тюрьма из дубового сруба, огороженная тыном.

В остроге размещалась Стрелецкая слобода и место для двух церквей и дворов священников. Срельцам определили территорию для размещения 200 человек. Им и священникам воеводы отвели за городом 1664 четверти земли под пашню.

Рядом с крепостью разместили несколько слобод. В слободу полковых казаков по разнарядке предполагалось набрать 150 человек. Для пашни выделили 3020 четвертей земли. Слобода Пушкарская предназначалась для пушкарей и затинщиков. В ней планировалось разместить 45 человек и 4 воротника. Для этого выделялось 450 четвертей земли в поле[2]. Слобода Сторожевых казаков расчитывалась на 60 человек. Под землю запланировали 3020 четвертей земли. Во всех слободах размеры под одну городскую усадьбу составляли 20 сажень в длину и 10 в ширину. Слободы с трех сторон обвели дубовым тыном так, что концы укреплений подходили к высокому берегу реки. Общая длина стены составила 990 саженей. Дополнительно стена около острога укреплялась надолбами в два ряда.

За острогом выделяли землю для слободы донских и яицких казаков с дворовыми местами на 100 усадеб, а места под пашню –

---

1 Сажень в XVII в. – 2,16 м. См.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975. С. 3-13.

[2] Здесь и далее по всему тексту: количество наделения землей рассчитывалось из расчета в одно поле, реальные наделы выдавались в трех полях: яровые, озимые и пары. То есть цифры надо умножать на три.

3200 четвертей. Во всех слободах отдельно выделялись места для священников и строительства церквей. Отдельно наделялись землею по 50 четвертей два попа соборной церкви. За острогом размещался старинный Троицкий монастырь, под который выделили 50 четвертей земли. Подводя итоги своей работы, воеводы отметили устройство в городовых слободах 646 служилых людей, подьячих и священнослужителей. Общее количество отведенной земли составило 13704 четверти. При первых козловских воеводах были заселены в уезде 3 слободы и 18 деревень, отмерено 13 мест под церкви и 260 земли дикого поля под церковную пашню. Всего в Козлове и уезде для 1412 человек отмерили земли 54544 четверти с полуосминою[1].

Подводя итог полевым работам, 31 октября 1636 г. козловский воевода И. В. Биркин отметил, что сделано от р. Воронежа до Челновой 4 земляных городка, две большие башни у вылазных ворот размерами 5 на 5 сажень, 70 башен глухих с подлазами, у р. Воронежа поставили большую башню. По приезде в Козлов 12 октября 1636 г. воронежца А. Мишнина с 300 рублями появилась возможность выдать части строителям жалование за один день по 10 денег на человека. Всего по отпискам воеводы в работе участвовали 953 человека. При расчете выяснилось, что необходимо было иметь сумму в 1808 руб. 11 алт. 4 д., чтобы расплатиться со строителями. Поэтому воевода опять обратился в Москву за распоряжением о присылке денег.

В 1638 г. новым воеводой Козлова стал И. Ф. Кикин. При нем строительные работы продолжились. В городе в одной из башен появился тайник к реке длинной 21 сажень. Для хлебных запасов уже функционировали 8 житниц, дубовый погреб под «зелейную казну».

На протяжении всего XVII в. крепость Козлов неоднократно достраивалась и перестраивалась. Часто приходилось менять недолговечные, быстрогниющие деревянные строения, укреплять ров и вал. Например, большие строительные работы развернулись в 1654 и 1659 гг. при воеводах П. М. Пушкине и В. Н. Лихареве. В целом к концу 50-х годов крепость приобрела законченный вид, который почти не менялся до начала XVIII в. В ее создание строители

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 150. Л. 115.

вложили свой многовековой опыт, талант и истинно широкую русскую натуру.

Восстановить внешний облик г. Козлова середины XVII в. можно по многочисленным архивным документам[1]. По плану крепость имела прямоугольную форму, острожную стену с обламами и первоначально 11 башен. К середине 50-х гг. XVII в. в Козлове насчитывалось уже 15 башен, из которых 2 башни проезжие, 12 глухих и 1 над тайником. Высота башен колебалась от 11 до 13 сажень (24-27 м). Выделялись размерами две башни: Московская и 10-я, их высота соответственно достигала 22 и 20 сажень (46 и 42 м). Все они были увенчаны шатровым верхом с крышей из теса и маленьким навершием в виде прапора или стрелы из белого железа, установленных на острых спицах. Сами башни рубили из дубового леса в замок в восемь стен. В Московской башне имелось 7 мостов с лестницами. Здесь же находились проезжие ворота и калитка с железными засовами и замками для прохода пеших людей. В 1659 г. между башней и рвом пристроили рубленый городок из дубового леса в две стены длиной 17,5 сажень. В высоту тот городок имел 19 венцов с обламами. В нем находился раскатный мост для пушек.

Шестую и седьмую башни строили при воеводе И. В. Алферьеве, одна из них стояла на тайнике, то есть спуске к реке длиной 30,5 сажень. Уровень воды в тайнике составлял полсажени. Новыми были также 9-я и 10-я башни. Причем 10-я башня имела проезжие ворота, к которым при В. Н. Лихареве соорудили рубленый городок в одну стену с городнями, длиной 17 сажень.

При воеводе В. Н. Лихареве в 1659 г. шел ремонт городовых укреплений, делались во рву обламы, около шестой башни построили обруб к реке на 4 сажени, тарасы в пряслах все засыпали землей. В обламах на нижних рядах соорудили бой для пушечной стрельбы, а верхние бои предназначались для пищальной стрельбы. К восьмой

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 162, 201, 223, 473, 502; Столбцы Новгородского стола. № 137; Столбцы Владимирского стола. № 90; Книги Приказного стола. № 11, 40; Столбцы Приказного стола. № 159. Л. 3-15; ИТУАК. 1892. Вып. 33. С. 67-106.

башне с проезжими воротами построли новый городок из дубовых бревен в одну стену с городнями длиной в 11 сажень. Стена городка составляла 17 венцов и 3 венца обламов. Сам городок находился около городовой стены в сторону реки Воронеж. Такой же городок был построен при В. Н. Лихареве у 10-й башни с проезжими воротами.

Всего из 15 башен 12 были переделаны при воеводе П. М. Пушкине и 3 – при И. В. Алферьеве. То есть строения первых козловских воевод перестроили спустя 20-25 лет. В 1652 г. при воеводе П. М. Пушкине около города с трех сторон, кроме прясла от р. Лесной Воронеж, выкопали новый ров длиной 432 сажени. В ширину ров имел 4 сажени, в глубину 2 сажени с четвертью. При нем же ров ослонили дубовым лесом, а часть рва в 200 сажень ослонили в 1656 г. при воеводе С. И. Колтовском.

Оставшуюся часть рва в 262 сажени отремонтировали при В. Н. Лихареве в 1656–57 годах. При нем же на обламах установили катки, то есть дубовые бревна в три ряда по три бревна, подвешенные к крыше для сбрасывания на противника. Всего использовали на всех пряслах крепости для этого 476 бревен. Во рву и около города в 1659 г. сделали частик и набили колья острожные, дубовые, закопанные в землю. Всего рва с частиком установили на 476 сажень.

Общая длина стен по периметру – 584 сажени (1244 м). Их высота достигала 3 сажени с «малой четвертью» (6,5 м). В 50-е годы XVII в. стены дополнительно укреплялись тарасами и землей. Вдоль обламов с наружной стороны находились «кровати», на которых во время тревоги стояли служилые люди с ручным огнестрельным оружием. Городовую стену с внешней стороны опоясывал широкий сухой ров длиной 432 сажени (933 м), глубиной 4 м и шириной 8,5 м. Он начинался от берегового обрыва северной стены и закрывал крепость с трех сторон. Четвертая восточная стена крепости выходила на высокий берег реки и не требовала дополнительных укреплений. Между рвом и стеной насыпали небольшой вал высотой в косую сажень (2,5 м). В середине XVII в. во рву установили дубовый «ослон» и «частик» в 2 ряда, а с напольной стороны – надолбы в 3 ряда, «чтоб в приступное время нельзя приметов привалить».

Рассматривая систему фортификационных укреплений Козлова, исследователи упускали из виду дополнительные сооружения, появившиеся в самый разгар русско-польской войны в 1659 г. При воеводе В. Н. Лихареве около трех проезжих ворот с внешней стороны стены были построены деревянные рубленые городки. Они стояли между рвом и стеною, закрывая подъезды к городским воротам. Один из них имел длину стен в 25 м, а два других по 37 м. Городки создавали дополнительную преграду на случай нападения противника.

Внутри г. Козлова располагались воеводская приказная изба, тюремный острог, «зеленый погреб» для хранения пороха и боеприпасов, житный двор с амбарами для хранения зерна, лавки и строения городовых казаков. Тюремный острог появился при воеводе П. М. Пушкине в 1652 г. Он размещался у больших проезжих ворот и представлял собой четырехугольник с длиной стен 33 сажени (71 м), с избой на внутреннем дворе. При нем же вокруг государевых житниц установили дубовый острог со стенами длиной 53 сажени (114.5 м), то есть появился настоящий житный двор, где хранились припасы на случай осады.

Основная часть оружия была роздана служилым людям, запасное хранилось в зелейном погребе, а пушки располагались по башням и раскатам. Однако в зелейном погребе хранили не только запасы пороха, ядер, пулек и свинца. Здесь находились все приспособления, необходимые в оружейном и пушечном деле, различный инструмент. Это, прежде всего, разные весы для взвешивания пороха и свинца: контарь с гирями, безмен, а также железная сажень, буравы большие, средние и малые, скобель, деки для рытья земляных валов, наметки с пробоями, конопаты, кирки, лопаты, долото, пешня, топор, дадила для правки теса, котлы винные, скобы железные. Здесь же хранились старые и поломанные пищали, пищальные целые и поломанные стволы, шпаги, остаточные мушкеты[1].

При том же воеводе П. М. Пушкине в 1652 г. торговые лавки и мясные полки перенесли из-за города внутрь городских строе-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л.173-178.

ний[1]. А таможенную избу вынесли за городские укрепления и устроили рядом площадь для приезжих торговцев. Козловский воевода С. И. Колтовский в 1655 г. пожаловался в Разрядный приказ, что торговые ряды, мясные лавки и полки построены «непристойно» от пожара, от тесноты стояли близко к проезжей башне. Городские жители жаловались, что после продажи в мясных лавках и от забитых животных: быков и баранов, – особенно в жаркие дни «бывает дух большой». Поэтому торговые и ремесленные козловские люди просили перенести их лавки и полки за город обратно и устроить рядом с таможней. Они жаловались, что их лавки стояли достаточно далеко от проезжих ворот и к ним покупатели не доходили. Также ссылались на тесноту и грязь внутри города. Разрядный приказ разрешил перенос лавок из города в посад.

При воеводе И. В. Алферьеве для государевых запасов построили две житницы. В 1641 г. московский Спаса Новый монастырь, имевший земли с крестьянами в Добром Городище и с. Кривец, попросил разрешение построить в новом городе Козлове монастырское подворье для приезда старост и служек на случай «осадного» времени. Двор предполагали соорудить на р. Воронеж рядом с Пушкарской слободой[2]. Разрядный приказ дал согласие удовлетворить просьбу архимандрита монастыря.

В каждом русском городе обязательно строился колодец на случай осады противником. Первый колодец был вырыт еще в самом начале строительства города. Однако в 60-е г. XVII в. проблема с обеспечением хорошей водой в городе обострилась. Поэтому встал вопрос о строительстве еще нескольких колодцев. Воевода И. А. Вельяминов в январе и июне 1665 г. обращался в Разрядный приказ с просьбой об устройстве в Козлове колодца[3]. Колодезные мастера ведались, как и специалисты по военной фортификации, в Пушкарском приказе.

5 мая 1666 г. в Козлов приехал колодезный мастер К. Фролов. Он происходил, вероятно, из семьи потомственных мастеров

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 289. Л. 185-193.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 16-17.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 120-124, 165-166.

колодезного дела, так как в челобитной в Разрядный приказ отмечал, что его брат Т. Фролов в 1666 г. делал такое же сооружение в г. Путивле. Ему поручался осмотр города, выбор места и рытье колодца. В яму предполагалось опустить колодезный дубовый сруб с диаметром бревен в 7-8 вершков. Прежде, чем поехать в Козлов, К. Фролов просил дать ему на дорогу денег, как и его брату в Путивль[1]. В Разрядном приказе он получил «на подъём» 3 руб. Ему с его помощником и провожатым тамбовским пушкарем С. Титовым выдали подводу для проезда из Москвы в Козлов и обратно[2].

Для начала мастер вычистил старый колодец, который теперь можно было использовать по назначению. Для рытья нового колодезя в качестве рабочей силы использовали детей боярских и других служилых городовых людей без оплаты работы. Новый колодец имел в глубину 11 сажень (почти 24 м), в ширину по 1 сажени. Над ним находился шатер размером 2,5 сажени (почти 5,5 м). На прокорм К. Фролову полагалось по 8 денег в день. Всего мастер пробыл в Козлове с 5 мая по 31 июля 1666 г., то есть 86 дней. Оплата проживания за все дни в размере 3 руб. 14 алт. 4 деньги проходила из козловских ссудных пошлин и неокладных доходов.

Вторая линия укреплений Козлова опоясывала городские слободы. Вокруг крепости с юга, запада и севера к середине XVII в. сложилось несколько городских слобод служилых и посадских людей: Полковая, Пушкарская, Казачья, Посадская, Стрелецкая, Кузнецкая и Сторожевая. Западные и северные слободы прикрывала линия надолб длиною 1540 сажен (более 3 км) с 6 башнями, пять из которых имели проезжие ворота для связи с внешним миром. Заворонежская казачья слобода, находившаяся на противоположной стороне реки, также имела линию надолб в 2 ряда длиной 1285 м и небольшой ров. Посадскую слободу при стольнике И. В. Алферьеве окружили надолбами в два ряда длиной в 540 сажень. У пригородной Заворонежской слободы при Р. Ф. Боборыкине установили надолбы дубовые в два ряда длиной 595 сажень, а рядом набили ча-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 254-255.

[2] Там же. Л. 297.

стик. Таким образом, русские мастера создали достаточно мощную линию обороны г. Козлова, способную выдержать длительную осаду. Такой же частик установили у Черкасской слободы, усилив его рвом длиной 536, 5 саж. (1159 м).

В 1651–52 гг. выше Пушкарской слободы г. Козлова под двор архиепископа Рязанского и Муромского воевода И. В. Алферьев выделил площадку 15 на 10 сажень[1]. В феврале 1652 г. козловский сын боярский Г. Ф. Базаров продал за 5,5 руб. свой двор в Сторожевой слободе в дом архиепископа Мисаила под дворовое строение. В нем две стороны двора были огорожены тыном, с третьей стороны – «заметом». Во дворе размещались изба, клеть, конюшня, баня, сени, омшенник[2] и чулан.

Под городом была выстроена мельница. В строельных книгах С. И. Биркина написано, что 14 декабря 1636 г. на основании государева указа на р. Лесной Воронеж ниже города, рядом с Пушкарской слободой выделили место длиной 20, а попрек 10 сажень мельнику С. С. Савину для постройки мельницы[3]. Он получил льготу не платить налоги 7 лет, а после этого срока платить оброк 3 руб. в год. Эту мельницу С. С. Савин продал козловскому пушкарю В. Азарову, которую последний пополам разделил с крестьянами боярина П. А. Репнина М. Мухановым и И. Д. Мельником. Однако дворовое место смыло полою водою. Поэтому П. А. Репнин просил дать своим крестьянам порожее место в Козлове около церкви Николая Чудотворца.

В Козлове по разнарядке стояли на охране без вестей 30 человек, в двух проезжих башнях по 10 стрельцов, на житном дворе 2 пушкаря, в съезжей избе также 2 пушкаря. Таким образом, ежедневно в охране города принимало участие 54 служилых человека. В случае тревоги их численность удваивалась.

После строительства Козлова сторожевая служба перешла в подчинение местным воеводам. Сохранились некоторые старые

[1] ИТУАК. 1886. Вып. 11. С. 42-43.

[2] Омшенник – помещение для хранения пчел зимой.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 20-24.

сторожи, но появились и новые. И. В. Биркин и М. И. Спешнев перечислили старые шацкие и ряжские сторожи: на Липовице, Матыре у мордовского Липяга и Салдыча Липяга[1]. Это послужило основой для составления новых сторож. Набор служилых людей первыми воеводами Козлова в целом был завершен к началу ноября 1638 г. (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения г. Козлова в 1638 г.[2]

п/№	Группы служилых людей	Численность на начало года	Численность на конец года
1	Дети боярские	382	856
2	Поместные атаманы	142	150
3	Донские и яицкие казаки	62	37
4	Сторожевые казаки	60	60
5	Полковые казаки	222	236
6	Стрельцы	200	200
7	Пушкари	25	20
8	Затинщики	20	25
9	Воротники	4	3
10	Кузнецы казенные		2
11	В донскую службу		12
12	На р. Польный Воронеж стрельцы		60
	ИТОГО:		1461

Подводя итоги смотра служилых людей в городе и уезде, воевода И. Ф. Кикин в январе 1639 г. называл цифру 2493 человека, из них получили государево жалование 1658 человек, 457 детей боярских не получили жалование, их детей и братьев насчитывалось с оружием 23, без оружия – 352 человека[3]. В 1678 г. в Козлове служилых конных и пеших людей насчитывалось 4784 человека. Резерв из род-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 503.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 90. Л. 138; Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 206, 314-315.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 90. Л. 149.

ственников служилых людей, поспевших в службу взамен выбывших, составлял 1873 человека[1].

Уже в начале своего существования в Козлове имелась артиллерия. В 1637 г. в городе наряд состоял из 3 пищалей медных по 6, 3 и 2 гривенки весом ядра, 10 пищалей медных с ядром весом 1 гривенку, 6 пищалей скорострельных железных[2]. То есть 19 пушек. Всего в 1638 г. артиллерийский парк состоял из 19 пушек, самая крупная из которых имела вес ядра 6 гривенок. К ним хранилось зелья ручного 30 пуд., пушечного – 20 пуд., свинцу – 60 пуд.[3] В декабре 1638 г. в крепости уже располагалось 24 пушки, из них 18 медных и 6 железных[4]. Зелья на вес 124 пуда 39 гривенок, свинцу 16 пуд. 13 гривенок с полугривной, да не взвешенного 14, 5 «свиней»[5].

В феврале 1643 г. в Козлов направили 170 ядер железных весом 2 гривны, 156 ядер железных весом 1 гривна и 30 пудов зелья. В Челнавский острог посылались железная пищаль с ядром весом 5 гривенок, 2 пищали железных по 2 гривенки и всего к пищалям 100 ядер, зелья 20 пуд. пушечного и 30 пуд. ручного, а свинцу для пулек 30 пуд.[6] В 1666 г. в Козлове находилось больших и малых скорострельных 20 пищалей, к ним имелось 1792 железных ядра и 297 свинцовых ядер, плюс 337 ядер в Челнавском остроге и Бельском городке. Всего в погребах насчитывалось 2422 ядра, свинцу старых и новых посылок – 120 пуд. 15 гривенок. Кроме этого мушкетного зелья в бочках 157 пуд. 4 гривенки, пушечного старой и новой присылки – 912 пуд. 4 гривенки[7].

Размещение артиллерии в крепости показывает места центров обороны[8]. В большой Московской башне на воротах у верхнего моста

[1] РГАДА Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 921. Л. 517.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 92.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 90. Л. 141.

[4] Там же. Л. 149.

[5] «Свиньей» называли большой кусок свинца.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 164.

[7] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 336.

[8] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 90. Л. 314-316.

располагались две медные пищали. Около той башни имелось по два боя и около каждого стояло еще по пищали. Одна пищаль находилась у водяных ворот, две пищали на нижнем бою проезжих ворот, через которые совершали поездки на вал. Здесь же у земляного вала стояла еще одна пищаль. В наугольной башне на нижнем мосту у Пушкарской слободы одна пищаль и другая на земле. На средней башне в нижнем бою стояла одна пищаль, другая в наугольной башне в нижнем бою против Стрелецкой слободы. В земляной башне на Касимовом перелазе стояли 5 пищалей.

Обязательной принадлежностью русских пограничных городов являлся вестовой колокол. Такие же колокола размещались в городках, в частности в Бельском и Челнавском. Колокол обычно крепился на самой большой башне и был самым крупным в округе, чтобы его звон разносился достаточно далеко, предупреждая жителей об опасности татарского набега. Из Москвы высылался вестовой колокол 10 пудов весу, 400 рублей «государевой» казны и даже строительный инструмент. Козловские воеводы остались недовольны весом вестового колокола. Когда его водрузили на башню, то выяснилось, что его звон плохо слышен в окрестностях и по вестям воинские люди в соседних слободах звука не услышат[1]. Они отправили этот колокол в Разрядный приказ в сопровождении пушкарей, которые должны были взять новый колокол весом 20 пуд. и привезти его в Козлов. Временно предложили установить вестовой колокол с местного собора. Позднее привезли новый колокол. В Козлове находился вестовой колокол весом 34 пуд. 1 гривенка. Его привезли еще при первых козловских воеводах. В 1660 г. воевода В. Н. Лихарев сообщил в Москву, что в Козлове нет вестового колокола[2]. Старый вестовой колокол оказался разбит при прежних воеводах. Его остатки отослали в Москву в 1656 г. Вместо него поставили колокол из соборной церкви весом 10 пуд. 35 гривенок. Его мощность была явно недостаточной, и в дальних и ближних слободах его не было слышно. Также отсутствовал вестовой колокол в Бельском городке. В от-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 309-310.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола № 343. Л. 56-57.

вет на этот запрос из Разрядного приказа пришел ответ о высылке в Козлов вестового колокола весом 20 пудов с козловским приказным подьячим М. Ефимовым[1].

Полевые укрепления Козловского уезда

Одновременно с крепостью строились полевые укрепления Козловского уезда. Планировалось ли сразу строительство большой линии укреплений, связанных между собой, или первоначально речь шла о создании отдельных участков для перекрытия наиболее опасных мест в степи, которые затем по мере эксплуатации переросли в сплошную черту, об этом сказать трудно из-за отсутствия источников, связанных с дискуссиями царя и бояр в Боярской думе. Можно согласиться с мнением В. П. Загоровского, что в 1635 г. предполагалось возведение только отдельных городов и полевых участков укреплений. Приглашенные в Разрядный приказ для консультации москвичи Г. Кириевский и М. Спешнев, проводившие до этого описание южных земель, а также воронежский сын боярский И. Нос предложили строить в междуречье Воронежа и Цны сплошную линию обороны[2]. Поэтому возведение крепости Козлов на р. Лесной Воронеж послужило началом строительства серии укреплений на юге России. Вместе с крепостью строились и полевые сооружения Козловского уезда[3]. В декабре 1635 г. И. В. Биркин провел разведку местности в междуречье Польного Воронежа и Челновой. Он предложил Разрядному приказу на выбор два варианта укреплений: деревянную острожную стену (острог) или земляной вал. Большинство военных консультантов Разрядного приказа рекомендовали строить здесь вал. 7 февраля

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 361.

[2] *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 70.

[3] Достаточно подробную историческую справку строительства Козловского вала и его описания представил воронежский историк и археолог И. П. Кошелев. Он провел археологическое обследование и съемку укреплений Козловского вала вместе с чертежами (См.: *Кошелев И. П.* По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1958. Т. XXVI. С. 133-175).

1636 г. козловские воеводы получили грамоту из Москвы с предложением сметить территорию, где можно построить новый вал, опросить служилых людей, приехавших на строительные работы: какие деревянные острожки и тип земляного вала здесь можно соорудить по типу немецких городков под Смоленском, Можайском и в Лужицком монастыре[1]. От воевод потребовали решить вопрос о строительстве деревянных сооружений или земляного вала, рассчитать количество строителей, необходимого наряда. Расчеты предлагалось оправить в Москву.

Козловские воеводы рекомендовали строить земляной вал и дополнительно укрепить его надолобами. В противопожарных мерах предлагалось весной в сухую погоду «обжигать» степь от надолоб на 5 и более саженей, что позволило бы создать зону безопасности от пожаров. На надолбы требовалось 4 тыс. бревен размером по 3 сажени с локтем, а на поперечные перекладины планировалось заготовить еще 20 тыс. бревен. Всего с русской и ногайской сторон надолбы должны были стоять около вала по три ряда. При длине предполагаемого вала в 12 верст рассчитывали от р. Польный Воронеж до р. Челновой заготовить 240 тыс. бревен на разные сооружения, а на пять малых острожков – еще 8 тыс. бревен.

Такую же идею строительства земляного вала предложил голландский военный инженер Я. Корнелий. К нему за консультацией обратилось руководство Разрядного приказа. Он разработал чертеж – проект Козловского вала, правда, сделал это не выезжая в Козлов и без привязки к местности[2]. По его проекту насыпь вала рекомендовалась в вышину в «косую сажень», в ширину «косая сажень с четью». Расстояние между городками на валу планировалось в 150 саж., ров – сажень косая, а шириной – 1,5 саж. Между валом и рвом предполагалась берма[3] в 2 саж., чтобы земляная насыпь не об-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 92. Л. 320-324.

[2] Там же. Л. 231-233.

[3] Берма – горизонтальное пространство (уступ) между верхним краем канавы и нижним краем откоса выемки, или не покрытая насыпью часть кордона стены.

валивалась. Линию надолоб рекомендовал поставить в 8 саж. от насыпи вала с «ногайской» стороны. Голландский эксперт предложил также с русской стороны расположить в полуверсте вторую линию надолоб, которая бы прикрыла тыл нового вала и острожков, а также на каждую версту вала разместить по четыре башни и по шанцу[1] размером 2 саж. Всего планировалось построить 10 башен с боями на все четыре стороны. Длина и ширина шанца по 10 саж. В них хотели разместить 100 и более служилых людей, а в башнях от 12 до 20 чел.

Чертеж вала предусматривал использование современных по тем временам типов европейских земляных укреплений: реданов и редутов. Поскольку голландец не видел место строительства, поэтому предлагал соорудить вал размером в 12 верст. Скорее всего, укрепления типа надолоб были известны голландскому фортификатору. На его рисунке они изображены в виде сплошной линии с поперечными двумя бревнами.

Чертеж Я. Корнелия должен был привезти в Козлов к воеводам ряшанин[2] Ф. Рахманинов. Однако он прибыл в новый город 10 марта 1636 г. без чертежа, сказав, что потерял его по дороге. Поэтому воеводы просили прислать новый вариант чертежа.

Указ о строительстве вала между Польным Воронежем и Челновой, подготовленный Разрядным приказом, 3 марта 1636 г. утвердили на заседании Боярской думы. Строительство такого крупного земляного сооружения осуществлялось в России XVII в. впервые. Поэтому правительство попыталось заинтересовать строителей денежной оплатой. Им установили ежемесячное кормовое жалованье размером в 1,5 руб. По подсчетам В. П. Загоровского, каждая верста Козловского вала обошлась казне в 500 руб.[3]

Вал одновременно начали сооружать 950 служилых людей из 10 южных городов[4], а для установки линии надолб привлекались

[1] Шанец – небольшое земляное фортификационное сооружение, использовавшееся для защиты артиллерийских орудий.

[2] Ряшанин – житель Ряжска.

[3] *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 89.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 150. Л. 80.

«деловцы» из поместий светских и духовных феодалов, чьи села и деревни находились вблизи Козлова[1]. В 1637 г. Козловские воеводы получили царскую грамоту, разрешающую взять для строительства и охраны Козловского вала крестьян близлежащих помещиков из сел на расстоянии не больше 50 верст[2]. Козловские воеводы выявили таких 16 сел, деревень и починков[3]. В 1637 г. часть из этих сел и деревень принадлежали Чернееву, Спаса Новому и Чудову монастырям. Они должны были поставить как работников, так и охрану с ружьями на Козловском валу. Местные старосты пытались оспорить это решение, ссылаясь на большую чем 50 верст удаленность от Козлова. Однако на примере с. Юрлуково можно проследить механизм привлечения вотчинных и поместных крестьян для охраны козловских укреплений. Здесь с 163 крестьянских дворов взяли 6 даточных людей с пищалью, люди «самые добрые, кому служба и полевое дело было за обычаем», имели пищали и умели из них стрелять[4]. Запрещалось привлекать «худых» мужиков, старых и малых ребят.

Князь Д. М. Пожарский пожаловался, что с его поместья с. Горитово с деревнями взяли «деловцев» по одному человеку с 10 дворов[5]. То есть всего он отдал 30 «деловцев» в строительные работы, а остальные «разбрелись» в неизвестном направлении. Затем на сооружение вала взяли еще 13 человек. Князь жаловался, что у него осталось всего 40 человек крестьян. Просьба заслуженного воеводы была уважена и специальным государевым указом ему разрешили не давать даточных людей на строительные работы по валу[6].

Надолбы один строитель делал на 6 саж. «Деловцы» из других городов должны были явиться на строительные работы с ружьем, рогатиной, топором, лопатой и шестинедельным запасом продуктов,

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп.13. Д. 92. Л. 83–89.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 16-18.

[3] Села Горитово, Юрлуково, Ратчина Поляна, Каликино, Доброе Городище, Богородицкое, Ладыгино, Семеновка, Хомут, Кривец и д. Буховая, Панино, Семеновка, Тафино, Хомутец и Борисовка.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 23.

[5] Там же. Л. 168.

[6] Там же.

так как каждые шесть недель производилась их замена. Время в пути не учитывалось. Для земляных работ Разрядный приказ послал из Москвы в Козлов заступы и лопаты. Строители обеспечивались боеприпасами. Так, грамота в Михайлов и другие города от 1 марта 1636 г. предлагала выдать служилым людям по фунту ружейного зелья и свинцу[1]. Еще 20 марта 1636 г. в Козлов из Москвы отослали 400 железных лопат, 100 заступов, 100 кирок для проведения строительных работ по валу[2]. Этот инструмент предложили по завершении работ отвезти в Елец.

Основная часть строителей прибыла в Козлов с 25 марта по 3 апреля. Все работы по сооружению Козловского вала осуществлялись с 20 апреля по 16 октября 1636 г. под руководством «градодельца» И. Андреева. Скорее всего, они начались без чертежа Я. Корнелия, по наброскам самого градодельца, но предложения голландца затем использовались. По завершении строительства длина вала достигала почти 29 км.

В мае месяце 1636 г. служилые люди разных городов, прибывшие на строительные работы, пожаловались в Разрядный приказ[3]. По приезду в Козлов они получили обещанные фунт ружейного зелья и фунт свинца, а положенные кормовые 1,5 руб. им так и не дали. Грамота из Разряда от 21 мая подтвердила законность требования выдачи денег строителям вала и надолоб, а вскоре из Москвы прибыли первые деньги. 20 июля 1636 г. козловские воеводы подтвердили присылку в Козлов 4 тыс. руб. на жалование строителям. Это позволило выделить деловцам за надолобное дело 245 руб. 12 алт. За строительство 4 верст вала и земляных городков им же выдали 2723 руб. 4 алт. 4 деньги. Одна верста сделанного вала обошлась в 778 руб. 8 денег. Большим стимулом для проведения дальнейших работ стал приезд в Козлов в конце июля подьячего М. Картавцева с 2136 руб. 16 алт., что подтвердило желание правительства выполнить свои финансовые обязательства[4].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 133.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 316-317.

[3] Там же. Л. 398-399.

[4] Там же. Л. 603-607, 610, 515.

Угроза татарских набегов и спешка не позволили полностью реализовать первоначальные планы, и высота насыпи достигала всего «косую сажень» (2,5 м), а ширина в подошве 1,5 саж. (то есть более 3 м). На валу выстроили четыре земляных городка (Челнавский, Моховой, Ярославский и Бельский), три большие башни с проезжими воротами и 70 башен земляных. Первоначально это были земляные городки, внутри которых размещались избы, на избах стояли раскаты для установки пушек и «верхи по башенному обычаю с караулом»[1]. Среднее расстояние между городками и башнями по расчетам В. И. Кошелева составили от 165 саж. (около 360 м) до 178 саж. (385 м), что позволяло обстреливать с двух сторон все межваловое пространство из ручного огнестрельного оружия[2].

Размеры вала, как показал дальнейший опыт эксплуатации, оказались явно недостаточными, а ров с городками и башнями не мог служить надежной преградой татарам. Это наглядно проявилось во время татарских набегов середины 40-х гг. XVII в. и вынудило русское правительство провести серьезные работы по усилению южной границы. Среди прочих укреплений на валу по описям 1645 г. воеводы Ф. Д. Погожево в пяти местах установили кровати на столбах, с караульными вышками, на которых стояли караульщики в день и в ночь[3]. Кровати размещались между городками, скорее всего, позднее вместо них появились городки с башнями. В целом в 1645 г. на 37 верстах были устроены два жилых острога, шесть острожков стоялых, четыре городка земляных, большая башня земляная, 72 башни земляных глухих с подлазами. Всего надолоб в разных местах соорудили на 12 верстах 530 саж., установили дубовые сваи в три ряда на 222 саж., а также колоды, набитые частиком, на 1056 саж., острогу – 224 саж.[4]

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 150. Л. 80.

[2] *Кошелев В. И.* Указ. соч. С. 13.

[3] «Кровати» – помосты на столбах, которые размещались за крепостной или острожной стеной. Они позволяли защитникам находиться на высоте верхней части стены и контролировать подходы к укреплениям.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 223. Л. 144-145.

В 1647 и 1652 гг. Козловский вал продолжал подвергаться реконструкции. Его насыпь увеличилась до 2 саж. (более 4 м), а ширина до 6 саж. (около 13 м) в подошве. Строители особо укрепили фланги Козловского вала. В 1647 г. при воеводе Р. Ф. Боборыкине развернулись большие работы по реконструкции козловских укреплений. Одновременно в это время по многим участкам Белгородской черты прошла перестройка оборонительных сооружений, связанная с возведением новых земляных конструкций, заменой и ремонтом старых деревянных. По козловскому валу шел процесс расчистки старых рвов, укрепления земляных городков, возведения деревянных башен. Ров увеличили в размерах до 2 саж. с четвертью в глубину и столько же в ширину.

Так, на западном фланге Козловского вала, где река Белый Колодезь впала в Польной Воронеж, был заново отстроен Бельский жилой городок. Он имел семь башен, двое проезжих ворот и стены длиной в 462 саж. (970 м). Городок окружали линия надолб и широкий ров. Рядом с ним в Стрелецкой слободе поселили по разнарядке до 300 стрельцов, имевших на вооружении ручное огнестрельное оружие и 8 пищалей. Бельский городок контролировал западный фланг Козловского вала в месте его соединения с руслом реки Польной Воронеж, где татары могли пройти на русские места.

На восточном фланге Козловского вала у р. Челновой находился земляной Челнавский стоялый валовый городок, а в 600 м от него отдельно от вала около реки Челновой размещался жилой городок с постоянным военным гарнизоном в 300 чел. Его соорудили по указу царя Михаила Федоровича и должны были заселить стрельцами, выделить часть Челнавского леса для приобретения леса на дворовое строение и на дрова, не затрагивая заповедный лес по Челновой[1]. Просьбу передали тамбовскому воеводе Р. Ф. Боборыкину, но он отказал, ссылаясь на многолетнее использование этого леса дворцовыми крестьянами Верхоценской волости для бортного промысла.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 230-239.

Туда послали козловского голову П. Быкова[1] для размежевания леса, но Р. Ф. Боборыкин отказался заниматься межеванием. Тогда в Челнавский лес послали михайловского полкового казака В. Вяткина с товарищами, однако тамбовские ратные люди гонялись за теми казаками с пищалями и грозились стрельбою, загнали михайловских казаков в реку и захватили в плен. В. Вяткина отвезли в Тамбов, где Р. Ф. Боборыкин посадил его в тюрьму, а затем, избив, отправил в Козлов. Этого избитого казака козловские воеводы направили в Москву с жалобой.

Городок построили еще в 1636 г., он имел высокие двухсаженные стены длиной в 240 саж. (511 м) и пять пушек. Жилой Челнавский городок прикрывал возможный проход татар вдоль русла реки Челновой, находясь от реки в 41 саж. Оба жилых городка Козловского вала служили опорными пунктами обороны, фактически небольшими самостоятельными крепостями, а их слободы обслуживали не только эти городки, но и ряд укреплений Козловского вала. При козловском воеводстве Р. Ф. Боборыкина на них также провели большие работы по замене устаревших и подгнивших конструкций, а затем основательно реконструировали при воеводе И. З. Ляпунове в 1650 г. Челнавский городок имел четырехугольную форму с дубовыми стенами в 2 саж. в вышину, двумя проезжими башнями: одна на юго-восточной стороне, а другая на северо-западной, – и четырьмя наугольными. Вокруг острога выкопали ров длиной 248 саж. В 1659 г. проводились работы по расширению рва на 41 саж. Ров имел в ширину и в глубину 2 казенные сажени. В 1664 г. в городке на случай осады вырыли колодец глубиной 3 саж. с шатровым верхом из дуба. Позади рва с напольной стороны длиной 256 саж. стояли «столбцы» в три ряда. Кроме вышеперечисленных городков на Козловском валу выделялись размерами от остальных Чебоксарский, Красный, Ярославский и Моховой земляные городки, выстроенные в самых опасных местах.

[1] Быков Путила Васильев – уроженец Болхова, за службу в Данкове в 1631 и 1632 гг., за плен и раны получил жалования 8 руб. По приезду в Козлов ему оставили этот уровень жалования. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 145.

Одновременно серьезные работы производились на юго-западной границе Козловского уезда, где шло формирование сплошной линии укреплений. Западную часть козловских полевых укреплений начали возводить уже в 1636 г., но окончательную их конфигурацию завершили к середине 50-х гг. XVII в. Опорными пунктами здесь служили небольшие деревянные острожки с косой острожной стеной, башней и теплой избой для служилых людей. Длина стен острожков колебалась в пределах 14-45 саж., а около некоторых из них находился небольшой ров с земляным валом и надолобы. Часть острожков возникли на местах расположения бывших ближних к Козлову сторож вдоль берега р. Польной Воронеж. Острожки цепочкой протянулись вдоль русла реки с русской стороны, а пространство между ними перекрывалось линией надолоб, рвами, засеками и частиком. Наличие в этом районе речных преград, лесов, болотистых мест позволило строителям сполна использовать все преимущества рельефа и создать недорогую эффективную оборонительную систему.

Планы строительства укреплений западнее вала разрабатывались во время объезда территории с декабря 1635 по весну 1636 г. М. И. Спешневым[1]. Основные центры полевых укреплений возникали на местах бывших ряжских и шацких сторож, там, где имелись перелазы через р. Воронеж. Южнее Козлова находились два главных татарских перелаза. Один проходил через Урляпов брод, где планировалось первоначально строить новый город, а второй на Касимовом перелазе. Через Урляпов брод татары ходили редко, так как там имелся лес и «проход тесен». Здесь сразу планировалось установить косой острог и надолобы.

Около Касимова перелаза уже осенью 1635 г. установили надолобы и планировали выстроить косой острог 200 саж. в длину и «больши», а вдоль реки набить частик. То есть эта территория перегораживалась системой традиционных деревянных укреплений. Планировалось возведение четырех острожков: один на Польном Воронеже, другой на Касимовом перелазе, третий на Ярославских вершинах, а четвертый острожек на Челнавской «рассоши» на р. Челновой.

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 92. Л. 116-120.

Между Касимовским и Урляповым перелазами воеводы сделали на 800 саж. вал, названный Урляповым. Первоначально он имел ширину в подошве и в высоту 1 саж. косую. Наверху вала находились бои, то есть брустверы для стрельбы и три земляные отвода для обстрела стен. На валу выстроили 3 земляные башни. Около вала с напольной стороны вырыли ров шириной и глубиной в косую сажень. По конец вала стояли засеченный лес и вбитые дубовые сваи. Около Касимова брода соорудили земляной городок с валом шириной в подошве 2 саж. без четверти и в высоту косая сажень с четвертью[1]. Здесь находился вал длиной 200 саж. «с лишком». В низких местах в воде вбили дубовые сваи в два ряда. Между Урляповым и Касимовым бродами в лесу имелось два «переполья»[2] по 50 саж. В этих местах установили надолбы, сваи в два ряда и частик[3].

На Урляповом перелазе размещалась еще одна сторожа. По описи козловского воеводы Ф. Д. Погожево в 1645 г. на Урляповом броде в реке со стороны Козлова положили дубовые колоды, набитые частиком, длиной в сажень[4]. Вдоль берега разместили двойные надолбы длиной 700 косых сажень. С обеих сторон надолоб сделали в лесу засеки, а далее начинался Урляпов вал.

На Польном Воронеже на городской стороне устроили Хмелевую слободу с поместными атаманами. Около слободы со стороны Козлова между рекой и озером выстроили надолобы в два ряда мерой 66 саж. В самой слободе на случай осады имелся острог из дубового леса длиной 80 саж. Напротив слободы в полуверсте располагался лес и в нем устроили также острожек с избой из дубового леса размером в 12 саж. За острогом в трех местах стояли надолобы в два ряда: 75, 98 и 203 саж. длины[5]. Такой же комплекс возник у Стрелкового брода: острожек – 20 саж., надолобы в два ряда длиной 76 саж. и полверсты засеченного леса. Далее стоял еще один острожек стоя-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 150. Л. 102-103.

[2] Переполье – аналог слова «дикое поле».

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп.12. Д. 162. Л. 109.

[4] РГАДА. Ф. 210. Д. 223. Л. 135.

[5] Там же. Л. 136.

чий, около него частик дубовый в 50 саж. длиной. Напротив острога надолбы в реке и дубовые колоды с частиком.

Устенская слобода, возникшая на правом берегу р. Лесной Воронеж, была заселена поместными атаманами, и в 1643 г. здесь уже имелось 60 дворов. При воеводе И. З. Ляпунове невдалеке от слободы соорудили двойные надолбы длиной 300 сажень, а в лесу сделали засеку и надолбы на 170 сажень[1]. Татарский перелаз через реку в этом месте с полевой стороны закрепили засекой. С русской стороны на соснах соорудили караульную кровать с кровлей[2], где регулярно стояли два караульщика. С этой кровати просматривалась местность до Урляпова перелаза. Здесь несли службу по 20 устенских атаманов, а по вестям размещалось 60 человек с пищалями. Воевода подметил отсутствие избы для размещения служилых людей, из-за чего в зимнее время перелаз никто не охранял. Это упущение исправили.

Всего к середине 50-х гг. XVII в. в Козловском уезде на западном полевом участке укреплений располагалось 17 острожков: Изморинский, Лежинский, Прогорелый, Маковицкий, Касимов, Стрелковый, Булатовский, три Торбеевских и другие. Первый Изморинский острожек стоял на татарском перелазе невдалеке от Бельского городка, а остальные уходили на запад вдоль русла реки.

Заканчивались козловские укрепления на западе Казинским и Горитовским острожками, расположенными на левом берегу р. Воронежа на месте старых поселений князя Д. М. Пожарского. Далее шли укрепления Добренского участка Белгородской черты. Всего для обороны западной части козловских укреплений в обычное время использовали 225 человек (по 10–25 чел. на городок), а в случае нападения татар их численность удваивалась.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 186. Л. 142-144.

[2] Караульной кроватью называли деревянный помост, который устанавливали обычно на высоком дереве. С него сторожевые казаки несли контроль за степью.

Функционирование козловских укреплений в XVII в.

Сооружение полевых укреплений Козловского участка Белгородской черты сразу осуществлялось с использованием современного для того времени европейского фортификационного опыта и знаний зарубежных специалистов. Причем этот опыт творчески применялся и сочетался с традициями русских деревянных укреплений. Первоначальные размеры земляного вала в реальных боевых действиях себя не оправдали, и начиная с 1647 г. по всей Белгородской черте, в том числе на Козловском валу, начались масштабные работы по совершенствованию полевых укреплений. Для этого широко использовали опыт эксплуатации Козловского вала. В документах того времени еще не встречались европейские термины, обозначающие виды этих укреплений. Это произошло уже в петровскую эпоху при строительстве новых линий укреплений, но сами такие сооружения уже были известны в России и широко применялись.

Важным фактором функционирования полевых укреплений являлось наличие водных ресурсов для его защитников. Если с флангами Козловского вала не было проблем, они упирались соответственно в р. Челновая и Польной Воронеж, то на остальных участках проблема обеспечения питьевой водой стояла достаточно остро. Поэтому в самом начале строительных работ в годовой смете 1637 г. воеводы отметили наличие питьевых источников. Так, на большой башне Козловского вала в 2 верстах от Бельского городка, около проезжих ворот, строители отметили, что здесь вода летом пересыхает. Около Махового городка вода имелась в ржавцах и колодцах[1].

Функционирование Козловского участка Белгородской черты приводило к постоянным ремонтам деревянных укреплений, их реконструкции и обновлению. После строительства городских укреплений Козлова и полевых укреплений уезда, с начала их создания в 1635–1636 гг., прошло всего 11-12 лет, и воевода Р. Ф. Боборыкин констатировал обветшание многих деревянных конструкций.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 108. Л. 235.

Будучи человеком опытным в строительных работах и энергичным, он прикладывал значительные усилия для их реконструкции. То есть в среднем время использования деревянных сооружений, которые соприкасались с землей, составляло 10-15 лет. Далее они требовали ремонта и замены. В строительных работах по козловским укреплениям гораздо чаще, чем по тамбовским, использовали лиственные деревья и реже сосну, что объяснялось составом лесных массивов вдоль рек Польной и Лесной Воронеж. Особенно остро стоял вопрос с привлечением дубового леса.

На Козловском участке Белгородской черты практически применялись все типы укреплений, которые использовались затем по всей черте: земляной вал с дубовым ослоном; земляной городок на валу с башней дубовой или липовой; земляной городок с башней и избой; земляной городок с башней, избой и проезжими воротами и мостом в поле; косой острог дубовый как полевое укрепление со столбами и катками на связях. На отдельных степных участках ставили башню на стороже с обламами и шатрами или острог дубовый с надолбами, башню с обламами, дубовым острогом с кроватями и катками.

Около вала устанавливались надолобы дубовые, сосновые, березовые в 2-3-4 ряда «со связями»; ямы с полевой стороны с кольями дубовыми глубиной в сажень без четверти; полевой ров с надолбами; дубовые колоды с частиком и засеки шириной не менее 50 саж.

К 1642 г. значительная часть полевых козловских укреплений пришла в негодность. Об этом сообщал воевода Иван Ростовский[1]. Крепости, вал и башни во многих местах осыпались и заросли, надолбы погнили, многие сгорели. Воевода сообщил, что в 1642 г. между реками Челновая и Польной Воронеж несколько раз приходили татары, которые разрыли вал, захватили в полон местных жителей, стада лошадей. В этих местах фактически укреплений не имелось, что требовало начала новых ремонтных работ. Фактически прошло всего 6 лет, и многие деревянные укрепления начали приходить в негодность.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 160. Л. 432-434.

Большие работы проводились в 1651 г. Еще 15 января 1651 г. козловский воевода Н. В. Пушкин получил из Разрядного приказа указ провести ремонтные работы по Козловскому валу и рассчитать объем заготовок бревен. Он съездил 22 января 1651 г. на вал и посчитал, что для всех работ потребуется 130 тысяч дубового тесу длиной 4 сажени и диаметром 2-5 вершков. Рассчитал заготовку леса на козловских, челнавских, бельских и уездных служилых людей в количестве 3 тысяч человек. По расчету Разрядного приказа в Козловском уезде насчитывалось 3158 человек для привлечения к работам. По расчету воеводы на каждого в условиях зимы планировалось вывезти 20 бревен, то есть всего предполагалось заготовить 65760 бревен[1]. Узнав о планах работ по валу, козловцы всех служб жаловались на непомерные работы, ссылаясь на прошлые ремонтные работы, свою бедность, отсутствие лошадей, нашествия саранчи за предшествующие два года до этого. Да и дубового леса в таком количестве просто в окрестностях не имелось. Они напомнили, что в прежние годы они вывозили на вал по 6-10 бревен, а заготовка по 49 бревен для них непосильная ноша.

Воевода отметил бегство ряда привлеченных людей, в частности, речь шла о детях боярских Борецкого стана, которые отказывались приезжать на работы. Тем не менее, Н. В. Пушкин отметил, что 17 апреля вывезли к валу 47 тыс. бревен, что позволило к концу апреля ослонить дубовыми бревнами 1600 сажень вала, а с апреля и по конец июня 1651 г. ослонить еще 3300 сажень. В среднем в неделю на человека приходилось построить 2 сажени вала. В неделю одновременно работали по 400 человек и ославнивали по 50 сажень.

После смены воевод большие работы по реконструкции козловского вала прошли в 1651 г. при И. В. Алферьеве[2]. Он съездил 13 июня из Козлова лично «дозирать» земляной вал и деревянные городки, организовал работы на всех 12 верстах 600 саженях вала. Отметил, что во многих местах вал обвалился и ров землей засыпало, что позволяло противнику почти безнаказанно пройти через укрепления.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 167-173, 180-188, 197-198, 256-258.

[2] Там же. Л. 47-51, 91-100, 342-362.

Для строительных работ привлекались служилые люди Козловского уезда и разных городов, расположенных невдалеке. Они возили лес, строили вал, башни и городки, осланивали рвы. Норма вывоза составляла 20 бревен на человека. Козловский воевода И. В. Алферьев жаловался на отсутствие по Польному Воронежу караульных башен и острожков, что не позволяло держать здесь постоянные караулы[1]. Поэтому воевода предложил построить ряд караульных башен и острожков. От Бельского острожка на первом карауле в Прогорелом, Касимовом, Стрелковом, Булатовском, Суренском, Хмелевом перелазах и сторожах соорудили к уже имеющимся 5 башням, четыре дубовых острога и линии деревянных надолб. Воевода отмечал, что старые надолбы, поставленные при Р. Ф. Боборыкине и В. Волынском, находились в хорошем состоянии и не нуждались в ремонте.

За весь 1651 г. козловские служилые люди построили 30 земляных городков и 28 деревянных башен для караулов, в старых земляных городках Моховом и Ярославском установили 2 башни с проезжими воротами[2]. Еще одну башню с проезжими воротами установили на большой дороге в Тамбов в конце земляного вала и Челнавского острожка. Все башни выдвигались за вал, чтобы с них «подле земляного валу из пищальные стрельбы очищать мочно было»[3]. Таким образом, с чуть выдвинутых за вал башен удобно было вести фронтальную стрельбу. Всего по валу козловцы выкопали 10 верст 299 саж. рва и 1201 саж. сделали служилые люди других городов, то есть всего получилось заново прокопать его на 11,5 верст. Глубина рва составила 2 саж., а ширина в 2 саж. с четвертью, то есть по своей конфигурации он стал почти прямоугольным.

Вдоль всего козловского земляного вала проходил ослон рвов в длину на 6742 саж. Ослоном называлось сооружение острожной стены вдоль насыпи вала у ее подошвы с напольной стороны. Он представлял собой сплошную острожную стену из бревен длиной 3 саж.,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 2-8, 77.

[2] Там же. Л. 297-308.

[3] Там же. Л. 298.

диаметром по 6 вершков, из которых 1 саж. вкапывалась в землю. Таким образом, стена высотой более чем в 4 м с заостренными концами представляла собой достаточно надежное прикрытие земляного вала.

Одновременно с ремонтом козловских укреплений козловскому воеводе И. В. Алферьеву в 1651 г. поручалось обследовать места около Доброго Городища и Сокольска на предмет создания здесь сплошной линии обороны, что уже выходило за границы Козловского уезда. Обследовалась территория от Романова Городища Лебедянского уезда, вотчины боярина Н. И. Романова, до усманских укреплений. С этой целью воевода выезжал в указанные места и составил проект строительства здесь укреплений на 8 верстах 640 саж.[1] По р. Лесной Воронеж шла установка новых укреплений. Строительные работы поручались Добринским и Сокольским драгунам. Около с. Вороненского и д. Грязновки вообще не оказалось никаких сооружений. Здесь по рассказам старожил часто проходили татары на русскую землю. Поэтому козловский воевода указал построить в этом месте линии надолб в два ряда, а на дорогах установить две башни с проезжими воротами. Надолбы делались из дубовых бревен диаметром в 6 вершков, а на связи клались бревна до 10 вершков в диаметре. И. В. Алферьев лично осмотрел те места, сделал их описание и составил чертеж будущих укреплений. 1 декабря 1651 г. приказные люди боярина Н. И. Романова доложили, что надолбы на 8 верстах 640 саж. полностью установлены.

Для проведения значительных работ по строительству и ремонту деревянных козловских укреплений требовалось большое количество бревен. Козловцы и служилые люди других городов должны были по зимнему пути вывезти 30 тысяч бревен дубового леса диаметром 5-6 вершков[2]. Однако такого леса в Козловском уезде оказалось немного, и поэтому бревна имели диаметр 4,5-4 вершка. Большая часть этих бревен уходила на ослонку вала. Расстояние от ближайшего лесного массива до укреплений составляло 30-40 верст, что естественно затрудняло перевозку материала. Козловский воевода

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 105-116, 294-296.

[2] Там же. Л. 8-11.

И. В. Алферьев получил из Разрядного приказа указ о возможности использования на ослон бревен размером в диаметре 4 вершка. За все проведенные работы И. В. Алферьев удостоился 20 декабря 1651 г. личной царской похвалы[1].

В 1653 г. при воеводе И. З. Ляпунове также продолжились ремонтные работы. Инициатором выступила московская власть, направив в Козлов соответствующую грамоту[2]. В 1658 г. козловский воевода В. Н. Лихарев, готовясь по государеву указу к возможному нападению татар, провел обследование козловских полевых укреплений. Он отметил, что Бельский и Челнавский городки «худые» и ветхие, а рвы заплыли землей и в приход «воровских» черкас «в тех городках, твоим государевым служилым людям сидеть будет нельзя, потому что место малолюдное, а городни строения старое на ровном месте... и обламы и острог погнили, и рвы худы и все заплыли» [3]. Москва потребовала провести ремонтные работы по крепости и черте, укрепить Челнавский и Бельские городки и, если другие земляные городки по валу будут в плохом состоянии, перевезти оружие и служилых людей в Челнавский и Бельский городки.

Достаточно подробное описание укреплений Козловского участка осталось от 1666 г.[4] Вся длина вала составляла 13 верст и 367 саж., на нем находилось 37 городков (33 городка перестроены при воеводе И. В. Алферьеве). За эти годы особенно серьезные работы проводились по полевым укреплениям к западу от Бельского городка. До Урляпова вала располагалась линия надолоб в два или три ряда. Сам Урляпов вал перекрывал татарский перелаз через р. Воронеж. За Урляповым валом находилось 12 городков: Устинский, Сестринский, Торбеевский и остальные безымянные, башни из трехсаженных дубовых, липовых и березовых бревен. В каждой башне имелся шатровый верх и караульные клетки, крытые лубьями и тесом, а также острожная стена из трехсаженных дубовых бревен.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 308.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 160. Л. 432-433.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 215. Л. 16.

[4] ИТУАК. Тамбов, 1892. Вып. XXXIII. С. 67-95.

Острог имел «кровати» для размещения на стенах служилых людей и катки на случай осады, которые можно было сбросить на штурмующего противника. У некоторых острожков имелся ров длиной до 550, глубиной 2 без четверти и шириной 2 сажени. Все башни и острожки охраняли по 50 человек козловских детей боярских, а у двух Горитовских башен и острогов – по 10 чел. охраны. В основе западного фланга Козловского участка лежали линии дубовых надолоб в 2-3-4 ряда, сделанные из дубовых, сосновых и березовых бревен с поперечными связями. Многие надолобы погнили, часть из них снесло полой водой и требовали замены.

Важное место в защите западной части козловских укреплений играли засеки. Наличие вдоль русла Лесного Воронежа небольших лесных массивов позволили соорудить здесь традиционные полевые системы обороны. В строельных книгах 1651 г. воеводы И. В. Алферьева отмечается наличие засек, сделанных в его воеводство. Одна из них размещалась около Суренского городка с полевой стороны вдоль берега Польного Воронежа. Здесь было засечено леса на 200 сажень. Другая засека находилась у Хмелевой слободы по р. Польной Воронеж и Лебяжьему озеру. Она состояла из двух частей: 50 и 15 сажень. Третья засека размещалась между Прогореловым и Касимовским городками с полевой стороны по руслу реки, около Суренского острожка. Еще одна засека начиналась от Хмелевой слободы и заканчивалась около Урляпова земляного вала длиной 2 версты 200 сажень. От Урляпова земляного вала вниз по реке до Атаманской слободы находилась засека длиной 3 версты 300 сажень. От Устенской слободы по реке Лесной Воронеж с русской стороны до Горитовского и Казинского селищ располагалась засека на 10 верстах. В некоторых случаях засеки являлись основным видом укреплений Козловского участка Белгородской черты, в других – служили дополнением к уже имевшимся деревянным конструкциям.

Таким образом, весь участок козловских укреплений вместе с валом размещался на 54 верстах 758 саженях. Всего насчитывалась 51 башня с острожками, на которых несли службу 730 человек «без вестей». А по «вестям» их численность удваивалась.

В марте 1670 г. в Разрядный приказ поступила челобитная козловцев: детей боярских, поместных атаманов, сторожевых и полковых казаков, стрельцов и пушкарей[1]. Они жаловались на непомерные нагрузки по ремонту и реставрации козловских укреплений. В челобитной служилые люди напомнили историю начала строительства Козлова и козловских полевых укреплений, когда над их сооружением трудились посланцы многих городов, расположенных к северу от нового города. Они отмечали, что строительство козловского участка происходило с 1635 по 1652 г., то есть 22 года.

Именно местные служилые люди и дополнительные силы из других городов помогли построить мощную козловскую линию укреплений[2]. На этих крепостях регулярно стояли «в день и ночь» 600 и 700 служилых людей на случай внезапного прихода «воинских» людей. А при получении вестей о подходе кочевников на линию укреплений выдвигались все служилые люди уезда. Челобитчики напомнили о постоянных столкновениях с татарами, где они гибли и получали ранения, не пропуская противника вглубь территории страны, что с 1653 по 1656 годы все работы по ремонту козловских укреплений производились только силами козловских служилых людей. Основной проблемой для местных жителей стало постоянное использование с 1653 г. 400 человек местных служилых людей на службе в Белгородском полку, многие из которых получили ранение или были убиты. Они писали, что в службу было взято по 2-3 чел. со двора, а в некоторых случаях и по 5 чел.

В 1670 г. воевода стольник А. И. Еропкин составил смету служилых козловских людей, а следующий козловский воевода С. И. Хрущов заставил их проводить большие работы по ремонту и переделке укреплений, включая новый ров, строительство и ремонт башен, замену на башнях кровли. Местные служилые люди отмечали трудности в зимнее время заготовки бревен, подчеркивали скудность

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 393. Л. 74-80.

[2] В челобитной перечисляются строители из Ряжска, Данкова, Сапожка, Пронска, Лебедяни, Доброго, Сокольска, Гремячева, Рязани, Шацка, Ельца, включая помещичьих и монастырских крестьян.

леса в районе г. Козлова, его удаленность от полевых укреплений, так как здесь преобладала степь. В прошлые годы они заготавливали строительный лес вместе со своими родственниками, которых затем приписали к Белгородскому полку. Отмечалась нехватка лошадей, ушедших вместе с приписными к Белгородскому полку. Челобитчики просили отпустить своих родственников из Белгорода домой. В ответ дьяки Разрядного приказа напомнили, что в первые годы строительства козловских укреплений уезд был слабо заселен и поэтому в помощь выделялись строители из других городов. А в указанное время уезд уже заселен, и предлагали местному населению воспользоваться только своими силами.

В 1675 г. в Козлове вместо Е. А. Пашкова воеводой стал Г. К. Шишков[1]. Он осмотрел полевые укрепления и констатировал, что от Бельского до Казинского городка земляные и деревянные крепости оказались в плачевном состоянии, сгнили и во многих местах повалились. Бельский городок, по его словам, весь сгнил, от Челнавского городка по большому валу до Бельского городка подгнил ослонный лес, обвалялся ров, вал и городки во многих местах осыпались, башни в городках подгнили и стояли непокрытыми. Козловцы, которые несли службу по укреплениям, зачастую не имели оружия и коней. Ремонт козловских укреплений и их реконструкция происходили и в другие годы. В конце 70-х гг. XVII в. местные воеводы докладывали в Разрядный приказ данные о плохом состоянии полевых укреплений. Время и климат привели большинство деревянных конструкций в плачевное состояние.

Ситуация на юге России резко обострилась из-за русско-турецкой войны, татарские набеги участились. 1 июня 1679 г. козловский воевода И. П. Селунский получил из Разрядного приказа распоряжение о починке и ремонте укреплений Козловского вала силами городских и уездных служилых людей[2]. Они заготавливали дубовые бревна длиной 3 саж., и с весны вал и стоялые городки предполагалось подвергнуть ремонту, в частности, земляную насыпь укрепить дерном,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 826. Л. 506-508.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 984. Л. 325-326.

ров ослонить лесом и установить надолбы. То есть к этому времени значительная часть деревянных укреплений Козловского вала пришла в негодность и подгнила. Воевода отмечал отсутствие необходимого количества леса для этих работ, кроме заповедных лесов, по которым проходила система обороны. Недостаток качественного леса служил сдерживающим фактором ремонта козловских укреплений. В дальнейшем значительные работы по козловским укреплениям не происходили.

В этой же смете давалась раскладка по возможному ремонту козловских укреплений от Челновой до Бельского городка[1]. Всего рва и крепостей планировалось отремонтировать на 32605 саженях. Для этого могли привлечь козловцев, рязанцев и ряшан в количестве 32965 человек. Им же поручалось переставить 37 и покрыть 5 башен, а также заново построить 12 изб для служилых людей. С этой целью требовалось сделать запас дубовых бревен для ослона, надолбных бревен, сосновых и липовых башенных бревен, теса, тесницы, драни. Предполагались следующие строительные материалы: городовые и валовые дубовые бревна длиной в 3 сажени, а в «отруб» по 7 и 6 вершков. Для ослона на 1 сажень планировалось использовать 13 бревен. На надолбы двойные уходило наметни бревен 3 сажени, столбы по 2 сажени без четверти, связи по 2 сажени и в «отрубе» по 8-10 вершков. На 1 версту планировалось наметок по 1000, столбов 1000, связей по 500 штук. На 1 башню шло по 300 бревен, 150 тесниц по 2,5 сажень. На избу требовалось 150 бревен, 200 драни или «сколько понабиться»[2].

Функционирование полевых деревянных укреплений имело высокую степень пожароопасности. Пожар мог возникнуть вследствие поджога степи со стороны кочевников. Поэтому существовала практика превентивных поджогов сухой растительности служилыми людьми, когда ветер дул в сторону поля. Пожар мог возникнуть и из-за природных катаклизмов или неосторожного обращения с огнем. Бывали случаи, когда пожар уничтожал часть полевых деревянных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №1167. Л. 6-7, 66-70.

[2] Там же. Л. 223-224.

укреплений. Один из таких эпизодов произошел в апреле 1658 г.[1] К воеводе В. Н. Лихареву 15 апреля 1658 г. в съезжую избу приехал с козловского вала сын боярский С. Титов. Его в Козлов послали голова Челнавского острога И. Головин и сотенный голова М. Уретин. Со степи на вал ветер пригнал огонь между Челнавским и Маховым городками. Большой пожар уничтожил ослонные бревна. Опрос голов показал, что пожар пришел со степи по сухой траве и остановить его было невозможно. Головы, собрав дополнительные сотни служилых людей, огонь потушили. Общий ущерб ослона составил 164 сажени, однако по сообщению голов выгорели не все бревна, а только часть. Воевода прогорелые места приказал ослонить вновь дубовыми бревнами. Для этого привлекли сотенных людей и нетчикови, а также стрельцов Бельского острога. На ремонтные работы ушло 506 бревен. Однако бельские стрельцы голову Р. Резакова не послушались, бревна не стали заготавливать и учинили сход и круг. Они пригласили голову, обвинив его в том, что эти работы учинил он лично. Голова, испугавшись расправы, из городка убежал, а бельские стрельцы бревна не вывезли. Эту работу выполнили козловцы дети боярские и челнавские стрельцы. Все работы завершились 29 апреля 1658 г.

Еще один пожар произошел на козловских укреплениях в сентябре 1665 г. В ночь с 9 на 10 сентября этого года из Ярославского городка Козловской черты сотенный голова И. Карцев прислал нарочного с известием о степном пожаре[2]. В этот день большой пожар подошел к укреплениям Козловского вала, и И. Карцев со своей сотней пытался его потушить, однако сил для этого оказалось недостаточно. На валу в острожках находилось всего три сотни служилых людей. От пожара загорелся дубовый ослонный лес. Поэтому воевода И. А. Вельяминов послал на тушение пожара дополнительно служилых людей из города Козлова, Бельского и Челнавского острожков. Воевода не выдержал ожиданий известий и сам лично поехал на Козловский вал. Усилиями служилых людей уезда пожар удалось остановить. Общий ущерб от него составил 1256 сажень выгоревшего

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 186. Л. 62-64.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 215-223.

ослона. Воевода оправдывался, доказывая, что масштаб пожара не позволил бы остановить его и при большем числе людей, так как площадь возгорания оставалась достаточно большой, а с поля дул резкий ветер. В результате засухи болотца и ржавцы все высохли, и воды для тушения пожара брать было неоткуда.

И. А. Вельяминов приказал немедленно заменить ослон на выгоревших участках, опасаясь прихода татар. Для этого использовали заранее заготовленный в 1658 г. у р. Ярославки лес. Его хотели применить для строительства городков на Козловском валу, он лежал у вала, сложенный в стопах. Этот запас оказался как никогда кстати. По 6 октября основные работы по ремонту Козловских укреплений оказались завершенными. Для этого использовали 6761 дубовое бревно размером в 3 сажени. Еще у р. Ярославки оказались неиспользованные 5838 бревен, и их оставили нетронутыми до специального государева указа.

Пострадала и черта между Булатовским городком и Хмелевой слободой. Этот участок в 25 сажень воевода также отремонтировал. Он сообщал, что по Козловскому уезду в степи и внутри черты пожары происходили еще несколько раз и ему приходилось постоянно посылать сторожей для контроля обстановки, что позволило избежать повторения предшествующего бедствия. Разрядный приказ указом от 8 декабря 1666 г. распорядился впредь с весны и по осень скашивать траву около вала на 200 саж. Для этого предлагалось использовать местных служилых людей[1]. В деревянных острожках им приказывалось находиться с «большим бережением», и воеводу предупредили о возможной «опале», если подобное явление повторится вновь.

Козловские укрепления фактически стали своеобразным полигоном, через который проходили проверку новые системы укреплений, до этого не применявшиеся в России. Они удачно сочетались со старыми испытанными видами деревянных конструкций. Использование козловских укреплений позволяло отмечать недостатки конструкции и затем подвергать реконструкции выходившие из строя и пришедшие в негодность сооружения. Опыт

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 223.

их функционирования и эксплуатации затем распространялся на все южные регионы страны. Функционирование полевых козловских укреплений на протяжении всего XVII в. требовало больших усилий местного населения, отвлекало от хозяйственных работ, вызывало их естественное недовольство. Поэтому воеводам предписывалось производить их не в период основных полевых работ, а в межсезонье. Особенно это касалось перевозки и установки бревен, а также земляных работ. Воеводам приходилось прибегать к просьбе о присылке специального государева указа, который позволял им заставлять местное население участвовать в этих работах. Таким образом, Козловский участок Белгородской черты, сформировавшийся в единую укрепленную линию к середине XVII в., надежно прикрыл полевую окраину Русского государства в междуречье Воронежа и Челновой от постоянных татарских набегов. В соединении с укреплениями Тамбовской черты удалось защитить один из основных путей татар на русские земли – Ногайский шлях, обезопасить селения дворцовой Верхоценской волости и проходы на рязанские места.

Матырский острожек

Несколько особняком от сплошной линии Козловского участка стоял Матырский острожек. История его возникновения относится к 1644 г., когда 11 сентября в Разрядный приказ от имени «козловцев всяких чинов старых сел и деревень, которые сидят по реке Воронежу и реке Матыре», была подана челобитная[1]. В ней предлагалось устроить городок для защиты старинных боярских и монастырских вотчин и поместий, находившихся к юго-западу от черты: «и воюют нас сирот твоих беспрестанно»[2]. Необходимость таких мер оправдывалась наличием татарских сакм через р. Битюг и Матыру. Челобитчики прислали в Разрядный приказ чертеж местности, который не дошел до наших дней. Разрядный приказ подготовил 6 февраля

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 90-92; № 166. Л. 1-44; № 172. Л. 475-477; № 557. Л. 29-31.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 166. Л. 1.

1645 г. указ о строительстве на р. Матыре в устье р. Шехмани стоялого острога. Возглавил работы козловец сын боярский А. Кашинцов. В его подчинение передавалась группа служилых людей из Козлова и частновладельческих крестьян Козловского и Лебедянского уездов. На последних спускалась разнарядка: с каждых 10 крестьянских дворов прислать по одному человеку с пищалью и рогатиной, так как «Матырский острог будет устроен по их челобитью». Из Москвы посылалась одна пищаль весом ядра 3 гривенки, три пищали с весом ядра 2 гривенки и вестовой колокол. Пушкарей предлагалось взять два человека из Данкова. А. Кашинцов жаловался, что вместо обещанных строителей пришли только козловцы дети боярские 30 человек, сторожевых 5 и полковых – 15 казаков, даточных – 90 человек. Не явилось 50 человек.

19 апреля 1645 г. строители пришли на место, стали станом, огородив его деревянным косым острогом, и начали заготовку леса. Всего на строительных работах трудилось 100 служилых людей и 105 даточных крестьян. А. Кашинцов сразу же написал о проблемах этого городка, что он находится далеко от линии укреплений – в 40 верстах и помощи «...в приход воинских людей ни от которых городов не будет...». Однако на его мнение никто не отреагировал, и к концу августа Матырский острожек был построен. Он возник в узком месте изгиба русла реки (сейчас это окраина с. Яблоновец Петровского р-на), где она делает своеобразную петлю. Строители удачно использовали этот природный феномен. Лука реки создала здесь своего рода полуостров с узким горлышком шириной всего около 600 м. Острог с системой укреплений послужил «затычкой» перешейка, преградившей важную татарскую сакму.

Матырский острог имел вид прямоугольника с почти равными стенами и 4 башнями, в одной из которых сделали проезжие ворота. На ней же установили караульный «чердак» для наблюдения за полем. Обзор местности с этой башни достигал 6-7 верст. От другой наугольной глухой башни к реке шел тайник. Общая длина стен с обламами достигала 70 сажень (151 м). Вокруг стен острожка выкопали ров глубиной 2 сажени без четверти, а к речным берегам шла линия надолб.

Рядом с Матырским острожком А. Кашинцев поставил шесть сторожевых постов, в задачу которых входил контроль за степью. Однако уже в первый год функционирования острожка выявились существенные недостатки его положения, о которых предупреждал еще А. Кашинцев. Находясь сравнительно далеко от черты, среди пустынной местности, он требовал постоянного гарнизона. Главная опасность поджидала служилых людей во время перемены. Посылка небольших отрядов через степь, где не было естественных укреплений, являлась рискованным мероприятием. Так, 31 мая 1645 г. отряд козловцев численностью в 50 человек, направляющихся в Матырский городок для смены гарнизона, атаковали более 200 татар[1]. В ожесточенном бою кочевники сумели захватить в плен 4 детей боярских.

Козловские служилые люди не горели желанием выезжать в далекий и плохо защищенный острожек. Сам А. Кашинцев уже 18 августа 1645 г. попросил его сменить. На его место направили М. Я. Сонина с даточными людьми: по 1 человеку с 10 дворов. Речь шла о крестьянах соседних помещиков и монастырей. Планировалось брать с 10 живущих дворов по 1 человеку. Невдалеке от Матырского острожка находились владения Спаса Нового монастыря с. Доброе Городище – 35, Чудова монастыря с. Доброе Городище – 27, И. Пушкина там же – 2, братьев Вельяминовых – 14, боярина, князя Д. М. Пожарского с. Горитова – 14 даточных человек. Всего в Матырском остроге козловцев и даточных людей планировалось ставить у острожного дела по 151 человеку.

В Разрядный приказ посыпались челобитные от козловских служилых людей с просьбой о ликвидации Матырского острожка. Козловский воевода Ф. Д. Погожев от имени всех служилых людей Козловского уезда направил в Москву записку. Он предлагал срыть острожек, так как тот никакой помощи козловским укреплениям не оказывал. Подобные челобитные поступали и от некоторых владельцев вотчин по Матыре и Воронежу. Они писали, что Матырский острожек находится далеко от их владений и никакой защиты им не дает, отвлекает крестьян от полевых работ. Например, боярин А. Н. Трубецкой

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 166. Л. 31.

жаловался, что из его вотчины в с. Юрлуково в Матырский острожек регулярно, раз в две недели, выезжали по 25 человек, и в приход татар в селе остается мало защитников. А. Н. Трубецкой писал, что его вотчина находится в 40 верстах от острожка и тот ее не защищает, поэтому просил своих даточных людей туда не отправлять. Другие владельцы откровенно саботировали присылку даточных людей, ссылаясь на то, что просьба о строительстве укреплений на Матыре поступала лишь от братьев Вельяминовых для защиты их владений.

Козловский воевода Р. Ф. Боборыкин 26 января 1647 г. послал в Матырский острог сына боярского М. Булгакова. Тот 7 февраля прислал в Козлов к воеводе пушкаря Я. Соврасова и дьячка Г. Бозарова, которые сообщили, что М. Сонин в Козлов не поехал, списков не дал, а направился прямо в Москву. В остроге они обнаружили только 26 драгун из Доброго Городища и 10 крестьян помещиков С. и А. Вельяминовых. Они отказались дать себя переписать, не ходили на сторожи и не слушались нового голову, оправдываясь, что они не Козловского уезда люди.

Многочисленные жалобы, нежелание служилых людей и крестьян выезжать на далекую окраину вынудили руководство Разрядного приказа предложить новому козловскому воеводе Р. Ф. Боборыкину произвести опрос служилых людей разных чинов о дальнейшей судьбе городка. В этом своеобразном уездном референдуме Р. Ф. Боборыкин опросил 1931 человека. Все они единогласно подчеркнули бесполезность существования Матырского острожка: «...городу Козлову, Козловскому уезду и крепостям, и иным местам береженья помочи, и вестей не бывало»[1]. В марте 1647 г., получив разрешение Разрядного приказа, Р. Ф. Боборыкин приказал служилым людям покинуть Матырский острожек, а укрепления разметать. Так, Разрядный приказ вынужден был отменить свое поспешное решение о строительстве острога на Матыре, продиктованное заботой о дворянском землевладении отдельных владельцев и необъективной обстановкой на южной границе.

[1] *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012. С. 224.

Сторожевая служба Козловского уезда

В Козловском уезде после строительства крепости и полевых укреплений была создана своя система сторожевой службы. В 1635 г. козловские воеводы сделали предложения по размещению четырех сторож. Одна смесная сторожа козловцев и шатчан планировалась на р. Липовица, вдоль ее русла на 20 верст до «двух лесов»[1]. Другая козловская сторожа на р. Матыра у «мордовских липягов». Третья – у липяга Салдыча, на высоком месте у р. Сурена, четвертая сторожа планировалась по р. Лесной Воронеж у Малого Хоботца, а «проезд той сторожи» 15 верст до р. Лесной Воронеж устья р. Вишневой.

В 1642–44 гг. имелось 8 ближних козловских сторож[2]. Первая сторожа находилась на Торбеевском броде, невдалеке от д. Торбеево, где имелись надолбы и стояли по третям 60 детей боярских Алешинского стана и ряжские головы из детей боярских. Здесь сторожа в зимнее время не стояла. Вторая сторожа находилась на р. Лесной Воронеж невдалеке от Устенской слободы. Около слободы в 1643 г. при воеводе И. З. Ляпунове установили двойные надолбы на 300 сажень, а по конец надолоб сделали засеку. На дереве установили караульную кровать на двух человек для наблюдения за полем. На стороже находилось 20, а по «вестям» все 60 человек. Третья сторожа располагалась в 7 верстах от города выше Устенской слободы вверх по Польному Воронежу и в 2 верстах к Урляпову перелазу. В зимнее время на Урляповом перелазе служилые люди не стояли. Четвертая сторожа находилась от города в 8 верстах выше Урляпова перелаза. Она контролировала участок с русской стороны длиной с версту по р. Польной Воронеж. Сторожами здесь стояли поместные атаманы Хмелевой слободы. Пятая сторожа размещалась в 8 верстах от Козлова под Булатовым Липягом выше Хмелевой слободы и контролировала участок в 4 версты, где располагался деревянный острожек.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 92. Л. 119-120.

[2] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 186. Л. 140-183.

Шестая сторожа размещалась в 8 верстах от крепости выше Булатова перелаза на Польном Воронеже до Стрелкова перелаза. Здесь стоял острожек Колотой, с караульной кроватью, на которой день и ночь находилось по 2 человека. Воеводы предлагали для осеннего и зимнего времени установить в остроге избу с раскатом и караулом. Седьмая сторожа размещалась в 8 верстах от города на р. Польной Воронеж выше Стрелкового перелаза. Здесь находился Касимов перелаз, а около него земляной городок и вал. Восьмая сторожа стояла по р. Польной Воронеж на Прогорелом перелазе выше Касимова городка. С русской стороны здесь размещался дубовый стоячий острожек, а в нем горница размером в 3 сажени с караулом. В зимнее время на Прогорелом перелазе служилые люди не стояли.

Для вестей о возможном приходе татар от одной до другой сторожи в ночи «беспрестанно» проезжали по 2 сторожевых казака. От Козловских сторож до сторожевого Белого городка, а от него до Ярославского, Махового, Челнавского городков также регулярно ездили по 2 человека ночных сторож.

В 1642 г. козловский воевода И. З. Ляпунов расспрашивал местных служилых людей, знатоков сторожевой службы, о возможных местах расположения дальних сторож за козловскими крепостями[1]. Они предложили установить сторожи на р. Битюг у Чамлыцкого кургана в Чеплинской Луке. От Чеплинской Луки вверх по Битюгу к Высокой дубраве, от нее к Мордовскому липягу и до устья р. Плоскуши. А от Плоскуши до Ахматова Липяга, где встречалось более 20 сакм и перелазов. Весь участок имел длину 50 верст. Расстояние от Козлова до Чемлынского кургана составляло двое суток пути. В Охматовом и Красном лесу козловские станичники должны были съезжаться с тамбовскими казаками. На эту сторожу планировалось 6 человек во главе с атаманом или головой. Выше Охматова леса через Битюцкие вершины имелось 3 перелаза, которые контролировали тамбовские станичники. От Чамлынской Луки вниз по Битюгу в прежние годы сакмы переезжали воронежские сторожи. Из новых ближних сторож предлагалось установить сторожу на р. Маты-

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 186. С. 180-182.

ре в Тафинском лесу в 20 верстах от Козлова. Проезд этой станицы планировался дважды в сутки от Салтычева Липяга до Шатрища на расстоянии 10 верст.

Стрельцы Бельского городка стояли на службе все лето «до больших снегов» по 50 человек с пищалями, переменяясь через семь недель, во главе с головами. Всего здесь стрельцов насчитывалось 157 человек, а всех ратных людей, конных и пеших, – 326 человек. В 1643 г. в Бельском городке дополнительно находились 93 ряжских детей боярских и 100 поплевинских казаков во главе с 2 головами и 100 михайловских стрельцов[1]. В Маховом городке на караулах стояли по 2 человека сторожей. В городке охрану несли 30 лебедянских полковых казаков с пищалями и 11 ряжских полковых казаков во главе с головой.

В Челнавском городке на карауле «в чердаке» день и ночь стояли по 2 человека сторожей. А на р. Челновой в слободе устроили на «житие» 228 стрельцов. В деревянном городке службу несли 100 поплевинских казаков, 27 даточных людей Чудова монастыря. Все они приезжали с пищалями. В земляном Челнавском городке охрану несли 20 стрельцов, а по «вестям» 50 человек.

Козловские укрепления ведались вместе с другими городами Белгородского полка в Приказном столе Разрядного приказа, однако 24 апреля 1669 г. их перевели в подчинение Московского стола[2]. С 21 февраля 1671 г. Козлов и Тамбов с пригородами передавались в Приказной стол «по прежнему». Однако уже 23 марта 1671 г. это решение было отменено, и оба города передавались в Московский стол.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 186. С. 168.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 848. Л. 258-259.

1.4. ТАМБОВСКАЯ ЧЕРТА[1]

Строительство укреплений в Козловском уезде осуществлялось одновременно с созданием Тамбовской черты в Поценье. Она возникла на дворцовых землях и по традиции управлялась в Приказе Большого дворца, хотя многие вопросы формирования и управления служилыми людьми ведались в Разрядном приказе. Завершение формирования Белгородской черты с единым центром в Белгороде и Курске, подчинением Разрядному приказу поставило вопрос об управлении укреплениями, лежащими к востоку. Здесь не сложилась единая мощная черта, типа Белгородской, а выделились отдельные Тамбовские, Шацкие, Инсарские, Нижне- и Верхне-Ломовские, Саранские и Симбирские укрепления. Термин «Тамбовская черта» появился в официальных документах в конце 50-х гг. XVII в. и затем регулярно применялся в правительственной переписке. Так, в 1690 г. в документе о передаче тамбовскому епископу Питириму Шацкого Черниева монастыря с землями и крестьянами отмечалось наличие Тамбовской черты, которая начиналась от Лысых Гор, доходила до Кузьминой Гати и далее поворачивала на север к Шацким укреплениям[2]. Упоминался большой черный лес до Шацка и до Керенска, а линия русских укреплений заканчивалась под Симбирском. За Волгой была выстроена Закамская черта. К югу от этих укреплений простиралась дикая степь и бортные и рыбные угодья местных дворцовых крестьян и служилых людей.

[1] Подробно история строительства Тамбова при воеводе Р. Ф. Боборыкине нами рассмотрена в книге: *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012. Поэтому мы в краткой форме рассмотрим этот процесс.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 16. С. 29-31.

Первый этап формирования Тамбовской черты был связан со строительством Тамбова и полевых укреплений в уезде[1]. Весной 1636 г. правительство подготовило указ о закладке крепости на Цне в устье р. Липовицы «напротив крайней мордовской деревни Тонбов» (т. е. самой южной деревушки Верхоценской волости). Об этом говорит грамота, подготовленная дьяками Разрядного приказа руководителю Пушкарского приказа А. Ф. Масальскому-Литвинову 21 февраля 1636 г., в которой ставился вопрос о посылке в новый город на Цне наряда[2]. Вместе с воеводой Пушкарский приказ отправил опытного градодельца, подьячего Ф. Наквасина с чертежником для составления городового чертежа. Выбор места строительства крепости нельзя признать случайным, она должна была перекрыть опасную сакму Ногайской дороги, переправу у Кузьминой Гати и закрыть собою всю Верхоценскую волость. Однако крепость построили в другом месте. «Обложен город Тамбов на реке Цне, на левой стороне на устье речки Студенца апреля в 17 день...» – говорится в «Тамбовском летописце» – историческом повествовании, написанном в стиле летописи неизвестным монахом в начале XVIII в.[3] Это был день самого крупного праздника православного мира – день Живоначального Христа, или Воскресенье – Пасха. Вероятно, строители специально торопились подготовить все предварительные мероприятия к этому дню. Другой праздник в этот же день посвящался преподобному Зосиме Соловецкому – весьма почитаемому святому в русском православном календаре. С понедельника начались основные строительные работы. Соборную городскую церковь заложили 6 августа 1636 г. в праздник Преображения Господня. Освящение соборной церкви осуществили священник М. Поздняков и дьякон В. Миронов.

---

[1] Полный комплект документов о начале строительства крепости Тамбов в РГАДА практически отсутствует, за исключением отдельных дел. Фонд Приказа Большого Дворца сгорел в начале XIX в. во время пожара в Москве, занятой Наполеоновскими войсками.

[2] ААЭ. СПб. 1836. Т. 3. С. 398.

[3] ИТАУК. 1918. Вып. 58. С. 148.

Руководителем строительных работ правительство назначило стольника и воеводу Р. Ф. Боборыкина[1]. Несмотря на свою молодость (ему в эти годы было 25-26 лет)[2], он считался опытным, энергичным и сведущим в военном деле человеком, хорошо знавшим район предстоящего строительства[3]. В одной из отписок царю Р. Ф. Боборыкин писал, что 27 марта 1636 г. он в Шацке собрал присланных служилых людей мещерян дворян и детей боярских, белозерцев шацких помещиков для строительства нового г. Тамбова[4]. Были составлены списки смотру прибывших, которые воевода отослал в Москву 17 апреля с мещеряниным, сыном боярским А. Слепцовым. Вероятно, это был день, когда все строители, собравшиеся в Шацке, отправились на место сооружения нового города на Цне. Проходя со служилыми людьми на место строительства будущего города, воевода пересек р. Челновую, на которой соорудил специальные мосты для прохода телег и груза.

---

[1] В документе 1639 г. фамилия Р. Ф. Боборыкина пишется по разному: Бобарыкин, Баборыкин, Боборыкин, Бабарыкин (См.: РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 3. Д. 106). Дьяки и подьячие Казанского приказа, в котором шел разбор этого следственного дела, плохо знали правильное правописание этой фамилии, сравнительно недавно, после возвращения из польского плена Филарета, приближенной ко дворцу. Эта путаница сохранялась и в последующие годы. Пока в 1662 г. Алексей Михайлович потребовал от дьяков Разрядного приказа найти в боярских списках верное правописание фамилии, уже прочно вошедшей в государев двор. Последние подтвердили правильность написания фамилии Боборыкин, что в дальнейшем закрепилось в официальной документации. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 208. Л. 421.

[2] *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012. С. 20.

[3] Р. Ф. Боборыкин входил в число доверенных лиц царя Михаила Федоровича, его имя неоднократно фигурирует в числе участников царских обедов. В 1631 г. он был шацким воеводой и принимал участие в организации отпора татарским набегам. За активное участие в строительстве города ему позволили быть в нем воеводой 3 года (1636, 1637, 1638 гг.). В последующие годы находился на воеводстве в разных городах на юге России, неоднократно возглавлял строительные работы. При Алексее Михайловиче в 50-е гг. попал в опалу. В последний раз его имя упоминается в официальной переписке в 1680 г., когда он затеял земельную тяжбу с опальным патриархом Никоном.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 115. Л. 568.

Затем, уже находясь на месте строительства Тамбова, он еще посылал списки прибывших к нему на помощь служилых шацких людей.

Какие причины заставили строителей изменить место первоначального строительства Тамбова? Первые козловские воеводы И. В. Биркин и М. И. Спешнев в своей жалобе в Разрядный приказ в 1637 г. обвинили Р. Ф. Боборыкина в том, что он город поставил не на татарских сакмах, а на «казачьих проходах», по которым казаки с Дона и Хопра ездят на Русь, и поэтому крепость не будет надежной защитой государству[1]. Их жалоба в Разрядный приказ – обычная местническая ссора воевод-соседей. Однако они точно подметили одну из главных причин переноса города на новое место – выгодное экономическое положение на перекрестке торговых путей: старинной Ордобазарной дороги из Астрахани и новой от донских казачьих городков. Другая причина переноса города связана с рельефом местности в устье р. Липовицы. Плоская с пойменными заливными лугами территория не могла служить удобным местом строительства крепости и противоречила устоявшимся традициям русской фортификации.

В районе слияния Студенца с Цной высокий левый берег образовывал два холма, которые строители умело использовали для размещения крепостных стен. С севера крепость защищало русло р. Студенец с небольшим правым берегом, с востока – два рукава Цны: Ерик и Коренной с заливными лугами и кустарником, а с запада лежали заболоченные участки степи. Лишь с юга простиралась ровная степь. Выбранное для крепости место имело идеальную конфигурацию, создавая своеобразный коридор между руслом Цны и болотами, по которому татарская конница только и могла подойти к городу. Именно здесь и находились наиболее мощные южные укрепления города и концентрировалась артеллерия. Строительство Тамбова отразило высокий уровень фортификационного искусства и талант русских мастеров, умелое использование рельефа местности.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 45-48. Сами козловские воеводы считали более приемлимым местом строительства нового города район Лысых Гор на р. Челновой.

Тамбов практически сразу в официальных документах получил свое название[1]. К его строительству правительство привлекло гораздо больший круг населения, чем в Козлове. Основной груз строительных работ вынесли на своих плечах крепостные крестьяне шацких помещиков, дворцовые крестьяне Верхоценской волости, шацкие сторожевые и полковые казаки и новоприборные тамбовские служилые люди[2].

В сооружении Тамбовской крепости задействовали крестьян Чернеева монастыря. Игумен Моисей писал в Москву об участии его монастыря в 1636–38 гг. в «городовом деле» по строительству Тамбова. Всего в строительных работах от него участвовало по 25 человек крестьян ежемесячно, из расчета оплаты по 4 руб. каждому человеку, «а иным и больше»[3]. С этих крестьян брали все налоги – стрелецкие и ямские деньги вместе с другими сошными людьми. В 1636–38 гг. они построили в Тамбове Знаменскую церковь Пречистые Богородицы с тремя престолами, две большие башни на четырех и пяти мостах, два раската, торговую баню, около города и острога копали ров. На речке Липовицы монастырские крестьяне построили острог. Привлечение широкого круга крестьян для строительных работ объяснялось правительством защитой их сел от набегов кочевников.

Охрану строительных работ несли «мещеряне, дворяне и дети боярские, и белозерцы шацкие помещики»[4]. Р. Ф. Боборыкин жаловался в Разрядный приказ на уклонение шацких служилых людей

---

[1] Тамбов получил свое название по одноименной реке и деревне Тонбов, напротив которых его предполагали первоначально построить. Первоисточник топонима – река Тонбов (сейчас Лесной Тамбов). Корень слова мокшанского происхождения («тонбо» – омут или другой вариант перекресток). Первоначально в XVII в. название города писалось – Тонбов или Танбов (именно так оно звучало в документах большого следственного дела дворцовых крестьян Верхоценской волости против воеводы Р. Ф. Боборыкина. См.: РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 3. Д. 106). Современное правописание возникло и закрепилось в XVIII в.

[2] ИТУАК. 1886. Вып. VII. С. 14-15.

[3] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 45-46.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 115. Л. 365.

от обязательной службы по охране. Он отмечал, что 127 человек этой категории строителей просто не объявились на смотре. Список нетчиков воевода отослал в Москву 16 июня 1636 г. Часть из них появилась в новом городе только 4 июля, но уже 17 июля бежало 13 шацких жителей. Воевода требовал провести в Шацке сыск беглецов. С этой целью из Москвы командировали в Шацк дворянина или «жильца», то есть московского городского обывателя, для поиска и наказания виновных «без пощады» и возвращения обратно «к Роману». Контроль за беглецами перекладывался на шацкие сторожевые заставы. В случае поимки беглецов, их арестовывали, били кнутом и держали в тюрьме до «государева указа». Указ предупреждал лиц, оказавшим помощь беглецам, о таком же наказании. Однако эти грозные меры не останавливали бегство со строительных работ.

Строительство укреплений в Поценье отразило многообразие интересов различных социальных групп населения. Шацкие дворяне преследовали свои цели, выпрашивая впоследствии за службу в Тамбове новые земельные и денежные пожалованья. Рядовая масса строителей, особенно дворцовые крестьяне, была заинтересована в создании серьезной оборонительной черты для своей безопасности, проявляя инициативу и самопожертвование. Угроза татарских набегов сдерживала развитие их экономической деятельности. Так, крестьяне Верхоценской волости не только несли городовую службу, но и принимали непосредственное участие в стычках с татарами осенью 1636 г. Некоторые из них имели огнестрельное оружие, лошадь и участвовали вместо полковых казаков в отражении набегов кочевников. В 1636 г. Р. Ф. Боборыкин вынужден был взять от острожного дела в Тамбове 200 крестьян и мордву Верхоценской волости и отправить в сторожевые отряды на надолбы и сторожи для досмотру степи[1]. В своем донесении в Москву тамбовский воевода отметил среди отличившихся группу крестьян и мордовцев Верхоценской волости из деревень Тонбов и Куксово: А. Бойкина, А. Кукосова и других. После возвращения этих отрядов обратно их вновь использовали для строительных работ.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 171-172.

Заложенный 17 апреля 1636 г. Тамбов был отстроен к 1 октября этого же года. Подробно история строительства крепости Тамбов нами рассмотрена в книге о воеводе Р. Ф. Боборыкине[1]. Поэтому мы остановимся только на главных этапах его дальнейшего развития. Сохранились описания Тамбова 1649[2], 1659 и 1662 гг., которые позволяют его реконструировать. Он имел вид трапеции и делился на две части: собственно «город», или, как его позднее стали называть тамбовские краеведы, кремль, и острог.

Наиболее информативно описание 1662 г. В 1662 г. «город» окружали 12 башен высотой от 12 до 16 сажень (25,5–34 м) и дубовая стена, сложенная «по-городовому», с обламами длиной 584,5 сажени (1245 м). Их сооружали «по городовому», то есть в виде венцов, как срубы крестьянских изб, подгоняя венец к венцу, только прямоугольного типа. Внутри стены засыпались для прочности землей. Сверху на стене делались обламы. Сверху устанавливалась двускатная крыша из теса, защищавшая обороняющихся от стрел. В бруствере делались бойницы, через которые защитники города могли обстреливать противника из ручного огнестрельного оружия. Бойницы имели прямоугольный размер и, вероятно, как в других деревянных крепостях того времени – овальные косые отверстия для удобного расположения ружей и большего обзора. В обычное время бойницы закрывались изнутри деревянной задвижкой.

Основу оборонительной системы города составляли башни. Башни делались из бревен, они опирались на клети. Три башни Тамбова имели проезжие ворота, особенно выделялась своими размерами Московская башня высотой 24 сажени (51 м), т. е. вышина современного шестнадцатиэтажного дома. На ее шатровой крыше размещалась караульная будка с вестовым колоколом. Московская башня в Тамбове была самым высоким деревянным сооружением на юге Русского государства. Ее размеры объясняются особенностями рельефа местности. Севернее крепости проходила высокая

[1] *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012. С. 60-105.

[2] *Гуркин В. А.* Росписной список Тамбовских укреплений 1649 года // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов, 2020. С. 60-63.

гряда, вдоль которой шли полевые тамбовские укрепления. Только с такой высокой башни можно было увидеть сигнальные костры. Внутри башни имелись 4 моста. Внизу у подошвы находилось 6 бойниц с пушкой на специальном станке и проезжие ворота, через которые въезжали в центральную часть крепости. На первом мосту размещалось большое пушечное окно, напротив которого стояла пушка. На втором и третьем мостах располагались мушкетные бойницы. На четвертом мосту стояла пушка, находились два пушечных окна и бойницы мушкетные. Башню венчал высокий шатер с 4 мостами и наверху имелась караульная вышка с вестовым колоколом. Около башни размещалась сторожевая изба для караула. От проезжих ворот через ров в острог построили деревянный мост.

Город также окружали глухие и угольные башни. От Московской башни стена проходила на юг, где имелась одна глухая башня высотой 34 м с 3 мостами и бойницами. Далее на юг шла угловая башня высотой около 12,5 сажень[1] с 3 мостами и бойницами. В башне размещали две пушки: одна в «подошвенном бое», то есть внизу на земле, а другая – на 2-м мосту.

От угольной башни городовая стена поворачивала на восток к р. Цне. В этом прясле стены до угольной башни на берегу Цны находилась глухая башня высотой в 12,5 сажень. Она имела три моста и бойницы для мушкетов. Далее шла угловая башня на берегу р. Цны высотой 12,5 сажень, с тремя мостами и мушкетными бойницами.

Далее от угольной башни стена поворачивала на север. До угольной стены в прясле города построили две глухих башни высотой 12,5 сажень. В них размещалось по три моста и мушкетные бойницы. В первой глухой башне находился тайник с выходом к р. Цне и колодцем в нем. В другой находился открытый выход к реке. В угольной башне, которая стояла на высоком берегу Цны, высотой 12,5 сажень, также насчитывалось три моста с бойницами и проход к реке.

От угольной башни стена поворачивала на север и шла к р. Студенец к другой угловой башне высотой в 27 м. с тремя мостами[2].

[1] 27 м.

[2] Сейчас это место где-то невдалеке от современного старого каменного моста через р. Студенец, около дороги на Рассказово. Мост был сооружен в начале XVIII в. из камня архиерейского дома, который за ненадобностью был разобран.

Внизу этой башни находились пушка и караульная изба, а напротив на р. Студенец размещалась мельница с плотиной. Здесь же находились проезжие ворота к р. Студенцу, через которые ездили в Полковую слободу.

Далее шла северная стена города. В ней стояла глухая башня в 12,5 сажень высоты, с 3 мостами и проезжими водяными воротами. Через них горожане выезжали за водой к Студенцу. Заканчивалась северная стена города угловой башней в 12,5 сажень высоты с тремя мостами. В подошве башни размещалась пушка и три пушечных окна, а на первом этаже – еще одна пушка. От угольной башни стена поворачивала на юг, до большой Московской башни, где имелась еще одна глухая башня в 12,5 сажень высоты с тремя мостами. Общая длина городовых стен составляла в 1666 г. – 789 сажень[1].

Со стороны р. Цны город защищали вырубленные тарасы – земляные насыпи из деревянных клетей, чтобы крутой берег реки не осыпался. Со стороны полковой слободы от Студенца также размещались тарасы и небольшой ров. Северная часть городовой стены выходила на русло реки Студенец и невысокий берег. С западной и южной частей крепости был выкопан сухой ров от Студенца до Цны.

В «городе», который являлся административным центром уезда, размещались воеводская и съезжая избы. Воеводская изба, или воеводский двор, считалась официальной резиденцией воеводы, где он жил вместе с членами своей семьи. Съезжая изба служила административным органом управления уездом и находилась в прямом подчинении воеводы. Через нее проходила вся официальная переписка с московскими приказами. Во главе избы стоял «старый» подьячий, в распоряжении которого имелось несколько молодых подьячих. Подьячии вели всю переписку с центральными приказами. Здесь же размещался пороховой погреб и пушечный амбар, для хранения пороховых запасов, пушек, ядер и свинца на изготовление ружейных пуль, казенный амбар с запасами ружей – мушкетов. Недалеко от воеводской избы построили 9 житниц для хранения зерна на случай осады крепости. Важной составной частью города служила

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 381-382. Общая длина стены города – 1704 м.

соборная церковь Преображения Господня. На плане Тамбова начала XVIII в. в центре «города» располагалась каменная неосвященная церковь, будущая соборная церковь, которую епископ Питирим не успел отстроить, а ближе к реке – старая деревянная церковь, вероятно, первая соборная церковь города. Здесь же располагалась тюрьма, состоящая из двух изб, окруженных тыном, в которой содержали арестованных.

В 1654 г. при воеводе М. И. Еропкине в городе построили двор для рязанского и муромского архиепископа Мисаила. Мисаил обратился с челобитной на государево имя с просьбой о строительстве такого двора в Тамбове, так как епископу негде было останавливаться на случай своего приезда[1]. Кроме того, от архиепископа в Тамбов часто приезжали его приказные люди и дети боярские для сбора денег и ведения духовных дел. Для этого двора выделили пустое место размером 22 на 9 сажень около соборной церкви между воеводской избой и двором священника Федора.

Другая часть крепости – острог была окружена острожной стеной с обламами. Острог, как и кремль, защищали 12 башен высотой 9 сажень с четырьмя проезжими воротами. Во время ремонта крепости в 1662 г. в остроге соорудили еще две башни: Водяную и Глухую. Внутри острога размещались казенный и кружечные дворы, таможенная изба, 10 лавок, Знаменская церковь и слобода городовых казаков. По его углам стояли два раската с пушками. Дополнительным укреплением острога служил ров с частиком, который в 1662 г. заменили на дубовый ослон. В этом же году часть острожной стены укрепили тарасами.

Острожную стену изготовили из более легких конструкций в виде бревен высотой до 6 м., которые частично вкопали в землю, а сверху над ними возвышались обламы с бруствером и двухскатной крышей. В основании острожной стены делались тарасы, засыпанные землей. На внутренней стороне острога имелись «кровати», то есть помост, опирающийся на бревенчатые столбы, для прохода защитников. Начинался острог от городовой стены у Студенца и шел

[1] ИТУАК. 1886. Вып. 11. С. 44.

на запад вдоль русла реки, то есть от северной башни, и заканчивался у восточной «наугольной» башни кремля. Северная стена острога имела три башни. В первой из них сделали проезжие водяные ворота к реке. Скорее всего, сами ворота размещались рядом с башней высотой 12 сажень[1] с двумя мостами, около ворот находилась караульная изба. В подошвенном бою стояла пушка. Далее шла глухая башня и угловая башня в 8 сажень[2] высотой с двумя мостами. Угловая башня размещалась где-то на выходе к нынешней ул. Карла Маркса, внизу на земле стояла пушка.

От угловой башни стена поворачивала на юг. Западная стена острога проходила по скверу нынешней ул. Карла Маркса ближе к домам по четной ее части. Всего от угольной башни в ней насчитывалось 5 башен. Первой была самая крупная Козловская башня. Она имела высоту 12 сажень[3], ворота с калиткой, через которые выезжали в сторону г. Козлова и Москвы. Внизу в башне находились проезжие ворота с калиткой, пушкой и караульной избой. Всего в башне имелось два моста, а пушка стояла на втором мосту. Далее размещались четыре глухих башни размером в 9 сажень[4] с двумя мостами и мушкетными бойницами. Угловая башня размещалась в центре нынешней площади В. И. Ленина. Она имела высоту 19 м и два моста с бойницами. Внизу в подошвенном бое стояла пушка.

Далее стена острога поворачивала на восток и проходила по скверам улицы Интернациональная. В южной стене острога кроме угольной башни размещались еще четыре башни. Сначала шла глухая башня высотой 19 м с двумя мостами, затем Хоперская проезжая башня, она имела высоту 26 м и 2 моста. Около башни размещалась караульная изба, напротив проезжих ворот стояла пушка. Другая пушка находилась на первом мосту. Хоперская башня стояла на перекрестке нынешних улиц Интернациональная и Советская, напротив нынешнего здания музыкального института.

[1] 26 м.
[2] 17 м.
[3] 26 м.
[4] 18 м.

Через проезд Хоперской башни выезжали служилые люди и торговцы в сторону старой Ордобазарной дороги в нижнее Поволжье, на Хопер, Астрахань и на полевые сторожи. Здесь имелся самый опасный участок крепости, так как именно с юга можно было ожидать основное нападение противника. Отсюда неоднократно во время приступов проходила атака тамбовского гарнизона повстанцами С. Т. Разина во главе с М. Мещеряковым и Н. Чертком.

Далее от Хоперской башни вдоль стены стояли глухая и угольная башни высотой 19,5 м с двумя мостами. В глухой башне имелся выход к Покровской слободе. Угольная башня находилась возле спуска к реке Цне, где сейчас установлен памятник С. В. Рахманинову. Внизу на Цне имелся перевоз (в начале XVIII в. здесь находилась мельница). В этом месте ширина р. Цны по документам составляла около 43 м, и глубиной она была около 1,5 м.

От угловой башни, которая стояла на берегу р. Цны, острожная стена поворачивалась на север и проходила вдоль берега Цны. Здесь находилась проезжая башня с воротами, через которые выезжали к реке Цне, и далее через мост – в сторону нынешнего города Рассказово. Высота этой башни составляла 7 сажень[1]. Во время ремонта стен в 1662 г. в остроге появились еще две башни: Водяная и Глухая. В 1666 г. в остроге насчитывалось 16 башен, из которых 4 башни – проезжие. Общая длина острожных стен составляла в 1666 г. – 946 саж.

От реки Студенец до Цны вдоль западной и южной стен острога был выкопан ров длиной 3029 м, поперек до 10,5 м. У подошвы вала имелся ослон – заостренные бревна, вкопанные в землю. Высота таких бревен составляла 6 м, из них 2 м вкапывали в землю, а остальная часть возвышалась перед стеной крепости. Внизу вала стояли заостренные деревянные колья или чеснок[2]. Перед рвом установили надолбы из бревен. Простейшие конструкции представляли собой два врытых в землю бревна с одной или двумя поперечными перекладинами. Уже по документам 1666 г. надолбы пришли в негодность – стали «худы» и требовали замены[3].

---

[1] 15 м.

[2] Чеснок – металлические прутья в досках, прикопанных землей.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 381-382.

В остроге по углам соорудили раскаты – деревянные строения в виде помостов высотой практически с крепостную стену. На помосте размещали тяжелую артиллерию, которую было трудно поднимать на башни. Один раскат имел высоту 7,5 м и длину 64 м, другой раскат находился около наугольной башни юго-западной части острожной стены. Он также имел 64 м длины и 8 м высоты. На раскате стояла большая пушка. Внутри острога размещались подьяческие дворы, где жили тамбовские чиновники – подьячие, часовня святителя Николая Чудотворца (рядом с Козловскими воротами), Знаменская церковь, торг и торговые лавки, кабак, часть стрелецкой слободы и слободы городовых казаков, где жили городовые стрельцы и казаки. На стрелецких дворах имелись 3 колодезя с питьевой водой. В остроге размещался кружечный двор, через который продавались хлебное вино и кислый мед, а также таможенная изба. Через таможенную избу осуществлялась вся торговля в городе.

В общем описании г. Тамбова 1666 г., сделанном стольником и воеводой И. П. Акинфовым, в самом городе по-прежнему насчитывалось 12 башен, из них две проезжие[1]. Расстояние между башнями составляло 789 сажень. С одной стороны крепость защищало русло р. Цны, с двух сторон – ров, а с северной – р. Студенец. В самом городе имелся тайник, приказная изба. В 1668 г. у приказной избы был построен новый сарай, в котором хранилось 318 рейтарских ружей с «починкой, не в деле и с необходимости большой починкой 173 ружья»[2]. То есть часть ружей требовала небольшого ремонта, а часть – более серьезного, не в Тамбове. В остроге 16 башен, из них 4 проезжие. Периметр острога 946 сажень. В остроге размещались 2 раската и на стрелецком дворе 3 колодца.

Кроме крепости, частью города являлись слободы служилых людей: Полковая, Пушкарская, Панская и Покровская. Их население принимало деятельное участие в охране Тамбова и укреплений по черте. С южной стороны около острожной стены находилась Покровская слобода. В ней жили дворцовые крестьяне, принадлежавшие царю. С 1648 г. после строительства тамбовского вала

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 381-386.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 642. Л. 421.

их перевели в полковую казачью службу, и они служили по охране уездных укреплений от нападения противника. С напольной стороны слободу прикрывала линия надолб.

В Покровской слободе в 1666 г. старец Иосиф заложил Казанский монастырь. Сначала по благословлению архиепископа рязанского и муромского Иллариона на берегу Цны за острогом построили деревянную церковь Пресвятой Богородицы, а затем и остальные сооружения монастыря. Территорию монастыря окружили деревянной острожной стеной с башнями. Укрепления служили дополнительным препятствием для татар на случай осады города. 8 мая 1666 г. в Тамбов от царя пришел указ о посылке в новый монастырь церковной утвари для начала службы[1].

За западной стеной острога размещались дворы Стрелецкой слободы. Их прикрывала от внезапного татарского набега линия двойных надолб. Другие слободы размещались на левом берегу р. Студенец, напротив северной стены крепости. Первоначально это была Пушкарская слобода, в которой жили пушкари, воротники и затинщики, несшие службу по охране городовых стен. В ней имелись две деревянные церкви, одна из них – Живоначальной Троицы. В этом месте в 1690 г., оградив деревянной стеной несколько келий при устьях речек Студенца и Гаврюшки, второй епископ Питирим закладывает женскую обитель в Тамбове. Первой настоятельницей нового Вознесенского монастыря предание указывает родную сестру Питирима монахиню Екатерину. В монастыре размещались два храма: Вознесенский и Рождественский.

Далее вдоль Студенца располагались строения казачьей Сторожевой слободы, в которой имелась своя Рождественская церковь. В этой слободе располагался государев двор для приезда на службу голов. За Сторожевой слободой вдоль берега Цны находились жилые строения Полковой слободы, в которой жили полковые казаки. В слободе размещалась церковь Архистратига Михаила. За Сторожевой слободой располагалась Панская слобода полковых казаков, т. е. выходцев из Слободской Украины, которых за денежное жалова-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 985. Л. 595-599.

ние и земельные наделы пригласили на государеву службу. А в 1668 г. под Тамбовом на винокурне находилось 16 титанов для выкуривания вина и 3 житницы для хранения хлеба на винное курение[1].

Пушкарский приказ сразу озаботился присылкой в город артиллерии, ядер, запаса пороха и свинца. Тамбовский гарнизон с самого начала располагал значительным нарядом. Сохранилась «Память» руководителю Пушкарского приказа А. Ф. Масальскому-Литвинову, датированная 21 февраля 1636 г., то есть еще до начала работ по строительству крепости, о посылке в новопостроенный город Тамбов пушек и пищалей[2]. Первые 9 пушек и 20 затинных пищалей с запасом боеприпасов из Пушкарского приказа направили еще в 1636 г. Среди них упоминалась пищаль вестовая, то есть для подачи сигналов, ядро весом 8 гривенок, 2 пищали по 6, 2 пищали по 3-4 и 4 небольшие пушки по 2 гривенки[3]. Всего требовалось поставить к орудиям 20 пуд. «зелья пушечного», 40 пуд. «зелья пищального ручного» и свинец для ружейных пуль.

Пушкарский разряд должен был поставить вестовой колокол весом 15 пуд. для подачи сигналов. Одновременно с пушками предлагалось послать пушкарей из Москвы «смотря по наряду» на временную посылку до прибытия постоянных пушкарей. Разнарядка предусматривала присылку 10 человек из Арзамаса и 10 человек из Касимова, Шацка, Переяславль-Рязанского, имевших опыт пушкарской службы. Руководителю Пушкарского приказа окольничему А. Ф. Масальскому-Литвинову указывалось прислать все эти приказы на подводах «не мешкая».

В 1659 г. в Тамбове насчитывалось «наряда» в станках на колесах – 19 пищалей медных и железных, к ним имелось 14090 железных ядер[4]. В крепости находилось 20 затинных пищалей с 970 железными ядрами. В запасе хранилось 208 старых и новых мушкетов с испорченными ложами и замками, которых нельзя было использовать

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 642. Л. 423.

[2] ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 398; РНБ. Отдел рукописей. F-IV-75. С. 108.

[3] Калибр пушек в XVII в. определялся весом ядра.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 13-14.

по назначению. В казенном погребе лежали 3 бочки ручного, 6 бочек пушечного зелья и 11 «свиней» свинца для пулек. Воевода жаловался, что не смог взвесить припасы, так как в Тамбове не оказалось весов: терезий или кентарей.

В 1663 г. в Тамбове и двух городках насчитывались 1 железная пищаль весом ядра 14 гривенок, 2 пищали железных с ядром 10 гривенок, 3 пищали железные с ядром 8 гривенок, 2 пищали медные и 4 железные с ядром 6, 2 пищали железные с ядром 5, 3 пищали железные с ядром 4, 4 пищали медные с ядром 3, 4 пищали медные – 2 гривенки и 16 затинных пищалей. То есть всего в Тамбове имелась 41 медная и железная пищаль с 1420 ядрами. Основная часть пушек концентрировалась в кремле (21 орудие) на угловых башнях и у проезжих ворот. Только на Московской башне находились 4 пушки. Зелья пушечного в наличие 174 пуда, ручного – 148 пудов 30 гривенок и свинцу 101 пуд.[1] Оба Лысогорских городка располагали 11 железными и медными пищалями, а также затинными.

По отчету 1668 г. думного дворянина и воеводы Я. Т. Хитрово в Тамбове, на Лысых Горах, в Красном и Беломестных городках во время восстания под руководством С. Т. Разина насчитывалось 23 пищали железных, 11 пищалей медных[2]. Всего к ним лежало 1611 ядер, то есть в среднем 47 ядер на пушку. В городе и уезде насчитывалось 10 пищалей затинных и к ним 520 ядер, то есть 52 ядра на орудие. В казне в земляном погребе в это время находилось зелья пушечного в бочках 203 пуда, ручного – 158 пудов 10 гривенок, свинцу четверть пуда 1 гривна и 40 пудов фитиля.

В 1670 г. в Тамбове насчитывалось 11 медных и 23 железных пищали. К ним прилагалось 1611 ядер пушечных, 168 пудов зелья ручного и 203 пушечного с деревом, для пулек 95 пудов 30 гривенок свинцу, фитилей 40 пудов[3]. В этом же году в Тамбов полуголова московских стрельцов Григорий Соловов привез медную полковую пищаль, с ней ручного и пушечного зелья 200 пуд.,100 пуд. свинцу

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 278-279.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 642. Л. 420-421.

[3] ИТУАК. 1897. Вып. XLI. С. 144.

и 300 пуд. фитилей. Усиление огневой мощи местного гарнизона объяснялось смутным временем восстания С. Т. Разина и опасением проникновения восставших в дворцовую волость.

Со временем городовые укрепления Тамбова ветшали и требовали серьезного ремонта. В описании города тамбовского воеводы Ф. Языкова в 1682 г. отмечаются все проблемы состояния городских укреплений. В остроге на 120 саженях стена погнила и обвалилась, в зелейном погребе сгнили обруба и стены «оболились». В этом же году в полую воду осыпался берег около городовой стены у р. Цны. В результате городовая стена «пошатнулась, а прежние обрубы огнили и оболились»[1]. Пришлось ядра и порох из зелейного погреба переносить в амбары, что создавало опасную ситуацию. Воевода жаловался, что он уже писал о проблемах укреплений, но указа о ремонте из Москвы так и не поступило.

Таким образом, по мощи крепостных укреплений и количеству артиллерии Тамбов XVII в. можно сравнить лишь с самыми крупными крепостями на Белгородской черте, такими как Белгород и Яблонов. Этот факт подчеркивает важное стратегическое положение города в системе обороны южных границ (см. Приложение, табл. 8).

Полевые укрепления Тамбовского уезда

Одновременно со строительством крепости шло сооружение полевых укреплений в уезде. Их, как и Тамбов, возводили по специальному плану подьячего Пушкарского приказа Ф. Наквасина. Весной 1636 г. он выезжал в Тамбовский край для составления «городового и засечного чертежа»[2]. Документы называли его «чертещиком добрым». План предусматривал создание укреплений от устья р. Челновой до Лысых Гор и далее через степь до р. Матыры. Однако проект явно не учитывал существование южных селений Верхоценской волости и направление козловских полевых укреплений. Поэтому на практике чертеж претерпел серьезные изменения.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1045. Л. 92.

[2] ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 398.

Линия укреплений начиналась от Лысых Гор на р. Челновой, т. е. почти напротив восточного фланга Козловского вала. Промежуток между ними вдоль правого берега реки прикрывала засека, а на окраине Челнавского леса соорудили Лысогорский острожек. От него на юг до Липовицкого леса протянулась линия надолб «вдвое» с поперечными связями, Спорным и Тамбовским острожками. У края леса строители поставили Липовицкий острожек. Далее вдоль р. Сухая Липовица на 5 верстах 692 саженях проходила линия засек вперемежку с надолбами. Кончалась засека около урочища Двойни. Здесь вся местность до р. Цны состояла из топей, «ржавцов» и болот и не требовала дополнительных укреплений.

Одним из самых опасных участков в Поценье считался район Кузьминой Гати, где проходило одно из ответвлений Ногайской дороги. В этом месте, от Липовицкого леса до р. Цны, строители соорудили линию надолб с башней, а на противоположной стороне Цны у переправы установили надолбы с подъемными связями и набили в воде частик. Вдоль берегов Лесного и Нару Тамбова стояли надолбы и засека. Далее на север до Шацка простирался большой Цнинский лес, служивший надежной преградой от татарской конницы.

Таким образом, от р. Челновой до Цны была сооружена сплошная линия укреплений. При ее создании применили традиционные для Руси деревянные конструкции (засеки, надолбы, частик, башни и острожки), которые умело сочетались с естественными преградами (лесом, реками и болотами). Если при возведении козловских укреплений применялся передовой европейский опыт, приобретенный в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг., то для тамбовских укреплений строители выбрали старинные, типично русские оборонительные конструкции, апробированные многолетней практикой борьбы с кочевниками.

Система сторожевой службы, сложившаяся до начала строительства Тамбова, потеряла свое прежнее значение. Места расположения сторож стали, после образования Тамбовского уезда, в глубоком тылу и требовали новых форпостов. Так, в 1637 г. встал

вопрос о сторожах на Челновой и Липовице, а также на р. Островке. Крестьяне Верхоценской волости жаловались, что эти сторожи занимали их старинные ухожья[1]. На них по-прежнему стояли шацкие и ряжские казаки, которые регулярно грабили вотчинников, разоряя их пчелиные борти, «секли» ульи, разоряли покосы и поля. Крестьяне подчеркивали, что после строительства Тамбова и линии полевых укреплений эти сторожи стали за линией укреплений с русской стороны. Кроме того, в Тамбове регулярно находились вестовщики из Шацка и Ряжска, которые в случае появления известий о татарах могли быстро доложить об этом шацким и ряжским воеводам.

Строительство Тамбовского вала

Активизация татарских набегов заставила принять энергичные ответные меры и завершить создание сплошной линии укреплений на юге страны. В 1645 г. к руководству страной пришло правительство молодого царя Алексея Михайловича, которое возглавил его «дядька» боярин Б. И. Морозов. Оно активизировало южное направление внешней политики государства. Поход служилых и «вольных охочих» людей в низовья Дона в 1646–1648 гг. отвлек внимание татар и позволил в спокойной обстановке провести крупные строительные работы в пограничной полосе[2]. В эти годы только на Белгородской черте возникло 8 новых городов, строились земляные валы, реконструировались старые укрепления. Поэтому работы по строительству вала в Поценье были связаны с общим ходом реконструкции черты.

Указ о закладке Тамбовского вала Боярская дума приняла 19 марта 1647 г.[3] Руководителем работ назначался князь стольник

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 74. Л. 311-314.

[2] См.: *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 114-120.

[3] ААЭ. СПб., 1886. Т. 4. С. 31; АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 241; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 235. Л. 620-621.

И. И. Ромодановский[1]. Ему поручалось в степи между Липовицким и Челнавским лесами делать земляной вал. Из Пушкарского приказа предполагалось отправить четырех мастеров валового дела в распоряжение руководителя Приказа Большого дворца боярина князя А. М. Львова для дальнейшей отсылки в Тамбов. В своей отписке в Разрядный приказ он наметил 23 апреля как последнюю дату сбора строителей. В создании Тамбовского вала принимали участие шацкие дворяне, ценские мурзы и татары Шацкого уезда, тамбовские служилые люди и посадские люди ряда южных городов. Под шацкими дворянами понимали мещерян[2] дворян и детей боярских. Это были почти те же шацкие служилые люди, которые в 1636–1637 гг. помогали Р. Ф. Боборыкину охранять строительные работы по возведению крепости Тамбов. В 1647 г. они беспрестанно находились в сотнях, станицах, разъездах, на сторожах. По своей челобитной они получили за прежнюю деятельность поместного оклада по 50 четвертей в поле и по 3 руб. государева жалования[3].

В строительных работах принимали участие крепостные крестьяне шацких помещиков по норме 1 человек с 5 крестьянских дворов и, возможно, крестьяне Верхоценской волости[4]. Они ставили башни, вал копали и рвы насыпали с весны до зимы. Тем, кто работал на валу, выдали по 14 руб., а кто работал, но уехал раньше установленного срока – 10 руб. Однако и в этот раз встречалось немало

---

[1] Князь Иван Иванович Меньшой Ромодановский – крупный политический деятель эпохи Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. С детских лет был приближен к государеву дворцу. В 1633 г. – первый воевода большого полка в Туле, отразил три татарских набега. С 1635 по февраль 1639 г. был первым воеводой в Томске. 27 ноября 1647 г. князь Иван Иванович Ромодановский пожалован из стольников в окольничие. В этом же году руководил строительством Тамбовского вала. Затем несколько лет находился при государевом дворе. В 1654-1655 гг. князь И. И. Ромодановский находился на воеводстве в Яблонове, а в апреле 1657 г. пожалован из окольничих в бояре. В марте 1675 г. боярин князь Иван Иванович Ромодановский скончался.

[2] Мещеряне – жители Мещеры, части Шацкого уезда.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 227. Л. 20.

[4] АМГ. СПб., 1894. Т. 2. С. 252-253.

«нетчиков», не прибывших вовремя на службу. Так, за невысылку к сроку «деловцев» из числа жителей посада г. Елатьмы в распоряжение тамбовского воеводы, приказчик К. Рагозин был оштрафован на крупную сумму в 100 рублей и наказан тремя днями тюрьмы[1].

Первоначально на Тамбовском валу находились 18 башен. Он начинался от Лысых Гор и шел на протяжении почти 50 км на юго-восток до Кузьминой Гати. Крупные строительные работы развернулись на Тамбовской черте в период русско-польской войны в 1659–1662 гг. В 1658 г. татары воспользовались сложной обстановкой на Украине, связанной с изменой гетмана И. Выговского, усилили набеги на южную границу Русского государства. Так, летом этого года они прокопали в нескольких местах Тамбовский вал и проникли в Тамбовский уезд, убив 89 и взяв в плен 237 человек[2].

Сложная политическая обстановка вынудила правительство принять дополнительные меры по укреплению южной границы, в том числе и Тамбовской черты. Осмотр укреплений показал их плохую сохранность: вал во многих местах оплыл, деревянные конструкции острожков погнили. С 1658–1659 гг. тамбовские служилые люди и дворцовые крестьяне начали осланивать вал, вновь отстроили два Лысогорских городка, соорудили 4 новых башни и реконструировали ряд старых укреплений. Работы обычно начинались зимой, когда крестьяне возили дубовые и сосновые бревна из близлежащих к валу лесов. А с весны начинался ремонт черты. Только в 1658 г. в нем приняли участие 2657 тамбовских, шацких и ряжских казаков, детей боярских и дворян. В 1659 г. была поставлена задача вывоза на городовое и валовое строение, на ослон с шацких помещиков, боярских, окольничьих, стольничьих, городовых дворян их крестьян, с каждых «осьми четвертей» по 30 бревен[3]. Тамбовский воевода отмечал, что многие крестьяне указанных владельцев вывезли требуемое количество бревен к земляному валу на ослон, но достаточно много владельцев не прислали своих работников. Поэтому тамбовский воевода просил

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 561. Л. 579-580.

[2] Там же. № 951. Л. 109-116.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 38-44.

отправить в Шацк государеву грамоту с требованием выслать нетчиков в Тамбов на работы. Ф. И. Леонтьев отмечал всех имеющихся у него служилых людей и деловцев из Шацка, присланных для валового и острожного дела, в количестве 2779 человек: 1818 тамбовских служилых людей, 230 донских казаков и 91 крестьянин Верхоценской волости с ружьем.

Одним из главных элементов реконструкции черты стал ослон вала дубовыми и сосновыми бревнами. Эти работы проводились при воеводе А. И. Головнине и были связаны с угрозой татарских набегов. В мае 1662 г. рязанец И. Головнин[1] докладывал в Разряд о выполнении задания по ослону бревнами Тамбовского вала[2]. Ему поручали на еще свободные места по валу произвести ослон насыпи и поставить надолбы. Эти работы были выполнены, и 27 декабря 1662 г. он подал в тамбовскую приказную избу воеводе А. И. Головнину строельные книги с печатью о проделанной работе. Затем эти книги с И. Головниным отослали в Москву.

Завершилась реконструкция тамбовских укреплений только в 1662 г. Как показал ход событий, принятые меры оказались своевременными. Татарские набеги постоянно натыкались на мощную укрепленную линию, надежно преграждавшую путь вглубь страны. Татары потеряли элемент внезапности во время набегов, инициатива перешла в руки местного населения и администрации уезда, а военные действия разворачивались в основном в зоне черты.

С завершением реконструкции укреплений окончательно сформировалась Тамбовская черта как самостоятельный военно-административный комплекс. Она начиналась от р. Челновой и состояла из нескольких участков. Ее описание приводится по документам конца 50 – начала 60-х годов[3]. Черта начиналась небольшой засекой в Челнавском лесу длиною в 4850 м и шириною в 108 м с допол-

[1] Возможно, родственник Алексея Головнина, брат или сын.

[2] ИТУАК. 1886. Вып. 12. С. 11-12; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 218. С. 1-2, 64-65.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 47-91; Дела разных городов. Книга № 10. Л. 242-251.

нительными укреплениями в виде 6240 колов. От края леса и засеки вдоль правого берега Челновой шел малый Челнавский вал. Он имел длину 2680 м и высоту 2 м. На насыпи вала стояли 4 проезжие и 2 глухие башни высотой 5,4 м.

Рядом с малым валом в 1648 г. выстроили Красногорский городок, имевший в плане почти квадратную форму с четырьмя угловыми глухими башнями и двумя проезжими воротами. На башнях находились две пищали: медная и железная, да 2 затинные пищали[1]. Общая длина стен городка, срубленных «по-городовому», составляла 266,5 сажени[2]. Внутри городка размещались съезжая изба с тюрьмой и двор казачьего головы. Городок заселили 250 казаками, одновременно из Шацка для усиления сюда перевели 100 человек беломестных казаков и атаманов[3].

В месте соединения малого вала с большим строители соорудили в 1647 г. Лысогорский городок, взамен сожженного татарами. Его заново отстроили при воеводе Ф. И. Леонтьеве. Новый городок окружали три деревянные стены, срубленные «по-городовому», три башни глухие и одна с проезжими воротами. На башне располагалась медная пищаль. Четвертой стеной служило прясло вала. Стены были срублены из дуба, а общая длина стен городка составила 224 саж. (474 м)[4]. В городке располагался колодезь.

От Лысогорского городка начинался большой вал – основное звено тамбовских укреплений. Он простирался на юго-восток почти на 34 км. Его размеры: 4,5 м – высота, 10 м – ширина в подошве. Перед валом выкопали широкий ров. Большой вал обороняли в обычное время 520 человек, а по «вестям» их численность удваивалась. Служилые люди несли службу на 22 башнях высотой по 26 м каждая. Лишь в Спорном и Сухинском острожках имелись пушки, а в остальных – только ручное огнестрельное оружие.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 15-16.

[2] 575,5 м.

[3] ИТУАК. 1918. Вып. 58. С. 151.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 16.

В районе Липовского отрога большой вал соединялся с малым Липовицким, который шел дальше на юг к Кузьминой Гати на протяжении 11,5 км. Его земляная насыпь достигала 2 м высоты и 3 м ширины. На валу стояли 4 башни высотой 21,5 м, а перед ним со степной стороны в Липовицком лесу продолжала функционировать старая засека, служившая дополнительной преградой, что позволяло не увеличивать размеры земляной насыпи вала в этом месте. Липовицкий вал соединялся с большим Кузьминским невдалеке от слободы Кузьмина Гать. Небольшой, всего 2 км, он был ориентирован с запада на восток и прикрывал слободу полковых казаков и переправу через Цну. Высота вала достигала 4 м, а ширина в подошве – 8 м. Учитывая значение данного перелаза, строители создали здесь достаточно мощный узел обороны, включая земляной городок, башню с проезжими воротами на валу и засеку длиной 4850 м вдоль русла р. Липовицы.

При воеводе Ф. И. Леонтьеве вновь переставили 4 новых башни, и заново отстроили 5 башен. Как писал воевода: «А поставлено тех башен на земляном валу степью на крымскую сторону и из тех башен в степи стало караулисто и земляной вал из ружья очищать мочно»[1]. Он же начал ослон Тамбовского вала и отметил наличие 16722 сажень неосолоненного вала. На его ослон требовалось 2000 бревен длиной 3,5 сажени, диаметром в 6 вершков. Поэтому воевода предлагал брать бревна зимой в Цнинском лесу в 10, 15 и «больше» верстах, а летом в Челнавском лесу. Он насчитал на Тамбовском валу 26 стоялых острожков и караульных башен. На валу в башнях и острогах на караулах стояли «без вестей» 440 человек, а «по вестям стоят всего города пополам, половина на валу, а другая в городе»[2]. В двух Лысогорских городках на караулах без вестей» постоянно находились 80 человек лысогорских беломестных казаков, а по «вестям» их численность доходила до 200 человек.

Ф. И. Леонтьева сменили на воеводстве в апреле 1659 г. И. А. Полев и В. Н. Лихарев, которые продолжили ремонт и ослон вала.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 16.

[2] Там же.

Эти работы поручались тамбовским служилым людям и крестьянам Верхоценской волости, которые должны были вывести лес по зимнему пути и весной начать ремонтные работы[1]. Однако воеводы пожаловались, что они приехали в Тамбов весной и вывозить лес по полой воде оказалось невозможно. Заготовленный их предшественником лес оставался плохого качества, в основном сосновый, березовый и осиновый, и на ремонтные работы не годился. Они установили нормы вывоза леса и ремонта вала: с каждого «дыму» по 2 сажени ослона. Воеводы расписали служилых людей на работы по валовым крепостям в июле 1659 г. На Сухинской башне и в Спорном городке на валу работы возглавил ряшанин Н. В. Куров, на Кузьминой Гати у Хоперских ворот белозерец С. Г. Саблин, а в Моршенских воротах ряшанин Л. С. Парфенов[2]. Они должны были стоять там со служилыми людьми для охраны на случай появления противника, регулярно объезжать вал от Кузьминой Гати до Лысогорского острожка.

Дворянские сотни, присланные из соседних уездов, предполагалось держать день и ночь на валу, посылать станицы численностью до 10 человек «для проведования воинских людей» до Хопра и Хоперской пристани. Они приезжали на работы с подводами, заступами, топорами и лопатами. Результатом этих работ стал ослон Тамбовского вала на 5007 сажень, новый дубовый острожек на Кузьминой Гати около Хоперской проезжей башни. У Горельской башни на валу установили новые две острожные стены из дубового леса, а в Тамбовском уезде на Лысых Горах и в Красном городке построили новый ров длиной в 270 сажень, глубиной 2 сажени без четверти и шириной 2 сажени. В Тамбове острожную стену «зарубили» в тарасы с землей на 833 сажени. Таким образом, завершались масштабные работы по ремонту тамбовских укреплений.

На Кузьминой Гати у проезжих ворот постоянно находилась охрана. Здесь стояли стрельцы и казаки г. Тамбова с головой и местные казаки[3]. Голова контролировал поведение стрельцов и казаков,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 105-108.

[2] Там же. Л. 130-131.

[3] ИТУАК. 1889. Вып. 23. С. 118-119.

сохранность укреплений, регулярную отправку сторожей в степь. На сторожу не разрешалось посылать старых, увеченных и «малых» казаков. Голова получал право на суд и расправу за непослушание по государеву указу и Соборному уложению. Служилые люди контролировали засеки, надолбы и заповедный лес, ремонтировали подгнившие укрепления. Голове поручалось следить за состоянием засек, заповедным лесом и не разрешать населению близлежащих сел и деревень выезжать туда для хозяйственных дел. Запрет касался и прокладывания дорожек и стежек по заповедному лесу. Служилые люди контролировали проезд через Кузьминские ворота торговцев, беглых холопов и крестьян. Запрещалось провозить различные «заповедные товары»: свинец, порох, вино.

От устья р. Тонбов по руслу Цны вдоль берега на 140 саженях набили «честик». Для прохода сторожевых казаков использовались подъемные надолбы, а под надолбами частик и колоды «отворотные». Выше по Цне до сухих «крепких мест» строители срубили засеку на 180 саженях[1]. А выше по р. Цне до р. Липовицы шли на версту и далее болотца, ржавцы и озера без татарских перелазов. По другой стороне Цны до устья р. Тонбов и вверх вдоль русла Тонбова на 15 саженях устроили засеку и по лесу еще 353,5 сажени. Далее до р. Нару Тамбов размещались надолбы вдвое с поперечными связями, в том числе подъемные надолбы с частиком и отворотными колодами, через которые ездили проезжие станицы.

На берегу р. Цны соорудили сторожевую башню на самой Кузьминой Гати и татарском перелазе. На этой башне стояли донские атаманы и казаки, перешедшие на постоянное местожительство на Кузьмину Гать. Они также для контроля за степью выезжали на татарские сакмы до р. Царевки и урочища Борку и по Донской и Хоперской дорогам до р. Сампур, а станицы из Тамбова ездили до Хопра и Медведицы. Еще одна сторожа выезжала на урочище Двойни, где находился татарский перелаз. Здесь регулярно размещались сторожи казаков из Кузьминой Гати и Пяшкильской слободы. Вдоль р. Липовицы шли татарские перелазы со стороны степи.

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 41-43.

В районе Кузьминой Гати практически заканчивались искусственные укрепления Тамбовской черты, далее на север вдоль русла Цны простирался большой Цнинский лес, служивший надежной естественной преградой татарской коннице. От р. Керемза уже начинались шацкие укрепления, а дальше шли ломовские и керенские.

В описании Тамбовской черты 1680 г. дается подробное описание восточного фланга Тамбовских укреплений. Они шли от Кузьминой Гати вниз по течению р. Цны до р. Керемзы «до Шацкого рубежа» на протяжении 71 версты 900 сажень в виде заповедного Ценского леса[1]. Ширина леса в этом районе колебалась от 5 до 20 верст[2].

Осмотр тамбовских укреплений и рекомендации по их ремонту были составлены по книгам окольничего, князя, воеводы К. О. Щербатова[3]. Предлагалось ослонить Тамбовский вал и вычистить рвы на 20670 саженях, переставить 22 башни и заново сделать 12 башен. Для этого требовалось 22996 человек, из расчета по одной сажени «без шти вершков» на человека. От с. Кузьминой Гати до р. Цны в заповедном лесу планировалось соорудить деревянных укреплений, засеки и 3 башни на 4234 сажени. Таким образом, от Кузьминой Гати до р. Челновой необходимо было на 20670 саженях отремонтировать и ослонить вал и вычистить ров. Это могли сделать шацкие и тамбовские служилые люди и крестьяне Верхоценской волости. Всего требовалось 22996 человек, т. е. чуть более 1 сажени на человека.

На протяжении ста лесных километров только два его участка требовали дополнительных сооружений. Один из них находился в устье р. Лесной Тамбов, где местные служилые люди срубили засеку и поставили две караульные башни. Другой подобный участок находился неподалеку от с. Морша. Здесь с востока через р. Кашму проходили Кашматские ворота, т. е. имелся естественный коридор через лес, и проходила татарская сакма. Им часто пользовались татары, выходя из саратовских степей в северную часть Тамбовского уезда. Поэтому в этом месте в 1662 г. по просьбе крестьян с. Морша

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1167. Л. 6-7, 66-70.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1029. Л. 327.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1167. Л. 68-70.

Разрядный приказ разрешил построить «валовую крепость» – Кашматский городок. Он находился в 5 верстах к востоку от с. Морша на правом берегу р. Кашмы в «красном», т. е. сосновом, лесу.

Вдоль берега р. Кашмы на расстоянии двух верст стояли частик и надолбы. Они упирались в топи и болота. Городок имел стену длиной 43 сажени (91,5 м) и одну башню размером по 3 сажени в длину и ширину, с караульной клеткой наверху[1]. От башни по обе стороны проходила острожная стена. Одна сторона стены имела 130 сажень до топей, а другая – 400 сажень до р. Кашмы и представляла собой острог с обламами и двумя рядами бойниц: верхними и нижними. Около городка находилась часовня с кельей, в которой жил старец Никодим. Ее построили при тамбовском воеводе Я. Т. Хитрово в 1668 г. Весь комплекс укреплений перекрывал сплошной линией Кашматский проход и саратовскую дорогу.

Караульную службу здесь несли крестьяне близлежащих сел по норме 1 человек с выти, при еженедельной смене караула. На вооружении местного гарнизона находились одна пищаль затинная с 10 ядрами и 10 солдатских мушкетов, к ним 1 пуд пороха и 1 пуд свинцу. Голова в Кашматский городок назначался указом Разрядного приказа из числа детей боярских сроком на 1 или 2 года. В конце 70-х – начале 80-х гг. XVII в. эту должность занимали дети боярские из разных городов или иноземцы, приписанные к тамбовскому полку. Так, 8 октября 1681 г. на эту службу отправили жильца П. Мосолова вместо прежнего головы князя Н. М. Янаева, а 5 августа 1682 г. – жильца Т. Д. Трубникова[2]. В документе говорилось, что они служили в головах по году и по два года.

Кашматский городок фактически располагался на северном фланге Тамбовской черты. Далее до Шацка тянулся лес, затем шли шацкие укрепления, а от них черта поворачивала на Керенск и Нижний Ломов. Старая Шацкая засека непосредственно в линию укре-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 326. Л. 1-2; Столбцы Белгородского стола. № 1029. Л. 202-204; *Пискарев П. П.* Писцовые книги старых сел Верхоценской волости. Тамбов, 1888 . С. 47-48.

[2] РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 1021. Л. 379-382, 396-397.

плений не входила, но продолжала играть вспомогательную роль, прикрывая часть Шацкого уезда. Таким образом, укрепления Тамбовской черты проходили от Лысых Гор до Кузьминой Гати и затем поворачивали на север и доходили до р. Серп. Общая их длина превышала 150 км. Она надежно защитила села и деревни Тамбовского уезда от татарских набегов.

Сохранялись сторожи, которые выезжали в степь для контроля за татарскими приходами. Сторожа казаков Кузьминой Гати и Пяшкильской слободы выезжали до урочища Борку и до р. Царевки, по донской и хоперской дороге до р. Сампура. Одна сторожа постоянно находилась на урочище Двойня в двух верстах от устья р. Липовицы вверх по руслу реки на татарском перелазе.

Другая сторожа выезжала в степь «по вестям» через р. Липовицу до урочища Липяга до «Пичиловры». В этом месте по одну сторону Липовицы начинался небольшой лес шириною в 1 версту 250 сажень с «ржавцами и болотами». По южную сторону реки простиралась сухая степь и проходили многочисленные татарские перелазы. Здесь в сторожевом остроге в 5 верстах 600 саженях от Тамбова стояли тамбовские полковые казаки. Отсюда они выезжали для досмотра на р. Липовицу и в степь на верховья рек Битюг и Кореян, к урочищу Ахматов Липяг. От сторожевого острога вверх по Липовице на 6 верстах 830 саженях проходили многочисленные татарские перелазы.

В целом строительство новых укреплений на южной границе Русского государства сыграло важную роль в дальнейшем экономическом, социальном и политическом развитии страны. Русское государство осуществляло планомерную политику постепенного закрепления районов лесостепи и степи, включая их в хозяйственную жизнь страны.

1.5. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАПАСЫ В ЮЖНОРУССКИХ ГОРОДАХ XVII В.

На протяжении всего XVII в. в южнорусских городах сложилась практика подготовки к возможному татарскому набегу. Одной из традиционных мер безопасности от возможной осады крепости противником являлось обеспечение наличия продовольствия в государевых закромах. Во всех описаниях и актах сдачи города всегда присутствовали данные о хлебных запасах на случай осады. Кроме того, часть этого хлеба отправлялась через г. Воронеж в виде государева спуска донским казакам.

В апреле 1661 г. в амбарах и житницах Козлова после раздачи налицо хранилось сборного хлеба, взятого с детей боярских, 817 четвертей ржи и 350 четвертей овса[1]. Норма сбора составляла по осмине ржи и овса на человека. В донской отпуск и на корм государевым людям выдали рожь и овес. В остатке осталось 263 четверти с полуосминою ржи. Целовальниками у того хлеба стояли козловские посадские люди А. Лысый и М. Летуновский. Всего хлебных запасов в Козлове в амбарах в остатке на 7 марта 1686 г. находилось 1816 четвертей ржи и 1624 четверти овса.

Стратегическим запасом на случай осады считалась соль. Ее запасы обязательно должны были находиться в государевой казне. В городе не имелось на тот момент государевых запасов соли. В 1665 г. козловский воевода И. А. Вельяминов жаловался в Разрядный приказ на отсутствие соли в Козлове[2]. Он с 1664 г. находился на воеводстве в Козлове, а из Москвы казенную соль ни разу не присылали[3].

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Приказного стола. № 11. Л. 420-423.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330 . Л. 42-43.

[3] Там же.

В то же время соль привозили на местный торг в достаточно большом количестве по цене 10 алтын за 1 пуд, однако в казне денег на ее закупку не предусматривалось. Воевода предлагал взять с приезжих торговцев соль с пуда «по развытке» безденежно, то есть вместо налога. Однако Разрядный приказ не хотел наносить убыток торговцам и просил еще раз выяснить суммы сбора налога за привозимую соль. В конце-концов воевода получил разрешение взять соль с пудовой развытки безденежно.

В 1663 г. в Тамбове имелось в наличие 1782 четверти ржи и 576 четвертей 1 четверик овса[1]. В 1664 г. в Тамбове и с Тамбовского уезда со всяких чинов людей собрали 1455 четвертей 6 четвериков ржи и овса «тож». В 1665 г. в г. Тамбове в государственных хлебных запасниках хранилось более 2500 пудов 1,5 четверика ржи, 538 четвертей 7 четвериков овса[2].

Так, в 1666 г. в Тамбове боярин и воевода Г. С. Черкасский готовился принять участие в съезде и подписании договоров с калмыцкими тайшами. С этой целью ему планировалось выдать 200 четвертей ржи и 300 четвертей овса из государевых закромов[3]. Была составлена роспись хлебных запасов в Тамбове при воеводе И. П. Акинфове. В ней упоминалось 3618 четвертей 1,5 четверика ржи и 1978 четвертей с полуосминой и с четвериком овса[4]. Всё жалование рекомендовалось выдать за счет имевшихся продовольственных запасов.

Проследить продовольственные запасы в Тамбове в годы восстания под предводительством С. Т. Разина можно по документам отчетности воеводы Я. Т. Хитрово в 1668 г. Это был один из немногих случаев, когда Тамбов реально оказался в осаде. В его житницах в это время находилось 3887 четвертей 3 четверика ржи, 1248 четвертей 6 четвериков овса[5].

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 145. Л. 278.

[2] РГАДА. Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 391.

[3] РГАДА. Столбцы Новгородского стола. № 300. Л. 278-294.

[4] Все измерения сделаны московской мерой.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 642. Л. 421.

В целом, можно констатировать, обязательное наличие определенного запаса продовольствия на случай татарской осады. Однако в XVII в. запасы практически не использовались по прямому назначению. Татары не практиковали осаду или штурм русских городов. Основная часть хлебных запасов уходила в государевы «спуски» донским казакам.

1.6. ТАТАРСКИЕ НАБЕГИ С 1635 ПО 1680-Е ГГ. XVII В.

В разгар строительных работ под Тамбовом и Козловом объявились передовые отряды татар. Так, 21 ноября 1635 г. татары совершили нападение на пронских казаков, которые шли в новый город Козлов на перемену своим товарищам[1]. Им помогли ряжские служилые люди, которые прискакали на место сражения и отвели пронских казаков к дубраве. Там сомкнули телеги и бились до ночи. Получил ранение пронский казак П. Филиппов, были убиты три казачьи лошади. Сами татары потеряли одного человека и две лошади. Не добившись успеха кочевники ушли в степь.

Воеводы послали вдогонку за ними в поход служилых людей с головами П. Красниковым и П. Быковым[2]. Их отряд дошел до р. Малый Хоботец, где татары погромили пронских казаков. Однако обнаружить противника не удалось, сакмы запорошило снегом, а кочевники ушли в степь.

Сложилась опасная ситуация для строителей 29 апреля 1636 г., когда человек 400 татар пытались пройти в районе р. Челновой и неожиданно для себя встретились с ратными людьми, участвующими в строительстве Тамбова[3]. Русские люди вышли за р. Лесной Воронеж и дали бой татарам[4]. На том бою служилые люди татар многих

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 386.

[2] Там же.

[3] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. С. 236.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 150. Л. 110-112.

побили и гоняли их до Касимова брода на р. Польной Воронеж. После чего противник побежал обратно в степь. Отличившегося в бою сотника рязанских казаков Ф. Ураева, привезшего в Москву донесение воевод, наградили 6 рублями и сукном добрым.

В июле этого года о появлении татар в степи козловским воеводам написал Р. Ф. Боборыкин. 23 июля в Тамбов с Хопра приехал крестьянин д. Хмелины Верхоценской волости Н. Сергеев. В расспросе воеводе он рассказал, что перед Николиным днем татары приходили в Верхоценскую волость и взяли его в плен на полях своей деревни. Во время переправы через Дон у Казанского перевоза на татар напали донские казаки, убили 15 кочевников и отбили 10 пленных. Тогда татары попытались перейти Дон в другом месте, на Белом перевозе, и здесь вновь состоялся бой с казаками, которые нанесли им серьезный урон и отбили еще 40 человек пленных, в том числе и рассказчика.

Н. Сергеев пришел в Устькорочанскую вотчину Чернеева монастыря на Хопре, где казаки и вотчинники сказали, что за три дня до Ильина дня более 10000 татар перелезли Хопер в районе Тихих плёсов и их приход ожидался под Тамбов, Козлов и рязанские места. На основании этого сообщения Разрядный приказ разослал грамоту «о бережении» на случай прихода татар.

Еще одна попытка пройти через козловские места была предпринята 7 августа 1636 г. Вечером этого дня противник прошел между земляным городком и р. Челновой на самом конце Тамбовского вала. По смете их насчитали 300 человек. Козловцы под руководством головы П. Быкова бились с противником у надолоб. Татары говорили через толмачей, что, якобы, за ними в поход идет Алей мурза «со многими людьми». Козловские служилые люди татар на Русь не пропустили и отогнали их в степь. За участие в успешном походе на татар П. Быков подал челобитную о пожаловании его сукном на «платишко».

Из Шацка воевода Г. Юшков отписал в Москву о появлении татар 5 августа 1636 г. К нему с Липовицкой сторожи приехал сторожевой казак Н. Сидоров. Он 3 августа видел, как мимо Липовицкой сторожи прошли на Русь к Козловскому валу более 2000 татар.

За успешные действия и отражение татарских набегов оба тамбовских воеводы получили государеву похвалу.

О появлении татар осенью 1636 г. рассказал крестьянин с. Шаморга Шацкого уезда Самсон Сидоров. Во время сбора меда на р. Булундаке[1] его захватили татары, но он сумел от них бежать. Он видел, как кочевники взяли в плен вотчинников из Шацкого и Темниковского уездов, которые вели бортный и рыбный промысел по рекам Хопру, Медведицы, Битюгу и их притокам. С. Сидоров слышал от татар, что они хотели идти на Шацкие места, но, узнав о строительстве здесь города Тамбова и полевых укреплений, а также наличии многих служилых людей, повернули обратно в степь.

Еще одну информацию о появлении татар принесли в Тамбов воеводе Р. Ф. Боборыкину два донских казака И. Калинин и Л. Харитонов[2]. Они пошли с Дона, зная, что в Азове и татарских улусах появилось «моровое поветрие», то есть эпидемия, которая не затронула казачьи городки. 8 сентября 1636 г. казаки в степи встретили 120 человек татар, выходивших с Руси. Во время боя казаки убили у татар 32 человека и захватили «лутчшего» человека Агужева, который сообщил о желании 200 человек татар зимовать между реками Хопер и Медведица. У них имелся табун из 500 лошадей и 700 коров. Они же планировали поход под Тамбов. Отряд из 200 татар видели на Хоперской и Пандинской дорогах. По Пандинской дороге ездили дворцовые крестьяне на свои бортные ухожья, а местность находилась в 2 днях проезда от Тамбова.

Козловский воевода И. В. Биркин получил известия от своего соседа Р. Ф. Боборыкина, что крестьяне д. Куксово и с. Конобеева были в своем бортном промысле на р. Хопре и Вороне[3]. Они видели татар 200 человек на р. Кардаиле[4], притоке Хопра. Они же видели татарскую сакму на р. Вороне, по которой прошли свыше 200 татар. Воевода 31 октября 1636 г. отправил за ними 300 служилых людей

[1] Так в источнике. Возможно, речь идет о р. Бузулуке.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 173-177.

[3] Там же. Л. 203-204.

[4] Так в источнике. Возможно, речь идет о р. Карай.

под командованием головы П. Красникова. Служилые люди не пропустили татар на русскую сторону и отогнали их в степь.

В октябре 1636 г. Р. Ф. Боборыкин послал голову С. Бесстужева с шацкими и тамбовскими служилыми людьми, и у них на р. Вороне 24 октября произошел бой с кочевниками. Они сумели захватить в плен татар и их лошадей, освободили русский полон[1]. Среди пленных языков упоминались И. Басулаев, Д. Тонаев, С. Охреян. Воевода особо отметил отличившегося в сражении бывшего донского атамана, записавшегося в тамбовские казаки, М. Болдырева. Именно его за «службу и радение» отправили с донесением и пленными татарами в Москву. Среди отличившихся в этом сражении воевода отметил также дворцовых крестьян Верхоценской волости д. Тонбов А. Бойкина и д. Куксово А. Куксова.

Стольник Р. Ф. Боборыкин писал в Москву 7 ноября 1636 г. об отражении очередного татарского набега[2]. Тамбовский воевода, узнав о появлении в степи разведывательных отрядов кочевников, направил против них в поход голов Е. Акинина и Ф. Чарыкова, сына боярского Б. Богданова с белозерцами, шацкими помещиками, атаманами и казаками, а также тамбовских сторожевых и полковых казаков. Этот отряд успешно отразил татарский набег и захватил в плен 39 языков азовцев и больших нагаев. Когда пленных привели в Тамбов, то служилые люди из Рязани, тамбовские, шацкие крестьяне и мордовцы многих из них узнали. Они сказали воеводе, что те татары приходили в прежние годы в Верхоценскую волость как вожи (проводники) крупных и малых татарских отрядов. Многие крестьяне Верхоценской волости, попавшие в плен татарам, а затем бежавшие из него или выкупленные на обмене, также признали пленных как участников набегов на дворцовую волость. Появление в междуречье Вороны и Воронежа крупных сил строителей новых городов сорвали планы татар провести массированные набеги на южную границу России.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. №123. Л. 18-19.

[2] АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 37-38; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 123. Л. 1-16.

Захват в 1637 г. Азова донскими казаками в значительной мере повлиял на положение юго-восточной окраины России. Татарские набеги были во многом свернуты, их основные силы привлекли для осады Азова. Однако небольшие отряды кочевников все-таки появлялись на южной окраине. Изменилась тактика борьбы с набегами. Уже в 1637 г. они появились под Тамбовом. Их насчитывалось, по отзывам современников, около 100 человек. Это наверняка была разведка крымских татар обстановки на южных рубежах. Р. Ф. Боборыкин послал за ними 400 полковых казаков, которые в степи отбили у кочевников коней и взяли двух пленных[1]. Татары бежали в степь пешим порядком. За ними отправили 50 казаков во главе с А. Колодой. Преследователи обнаружили беглецов у Северского Донца. Во время боя убили мурзу и 5 человек татар, а остальные 63 человека взяли в плен и привели в Тамбов.

Р. Ф. Боборыкин в ноябре 1637 г. послал 268 тамбовских служилых людей во главе с головами С. Бестужевым, Г., С. Свищевыми, С. Барсуковым в погоню за татарами[2]. На реке Вороне у служилых людей с кочевниками произошел бой. Татары потеряли 82 человека убитыми и 19 пленными. Головы за отличие в бою получили по 5 руб. жалования и по «доброму сукну». За убитых «мужиков»[3] давали компенсацию по 1 рублю, а за два – дополнительно по 50 четвертей земли. За ранение в бою детям боярским полагалось 50 четвертей земли и 2-3 рубля денег. 18 декабря 1637 г. по государевому указу отличившимся воеводам, служилые люди которых возьмут 60-70 языков, полагалась награда в виде золотого размером в два «угорских» – венгерских, за меньшее количество – 1,5 «угорских». Таким образом, правительство пыталось стимулировать активные действия воевод по отражению татарских набегов.

Наличие сильных гарнизонов отпугнуло противника, и он не решился на более серьезные действия[4]. За активное участие в отражении татарских набегов и взятых языков воевода Р. Ф. Боборыкин

[1] ИТУАК. 1918. Вып. 58. С. 149.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 109-116.

[3] Так в документах называли татар, пришедших в набег.

[4] ИТУАК. Вып. 46. 1902. С. 75.

получил разрешение выдать жалование детям боярским от 2 до 12 руб. в зависимости от заслуг[1].

В 1638 г. тамбовский воевода Р. Ф. Боборыкин сообщил, что 9 января он послал из Тамбова станицу из 10 казаков во главе с донским атаманом А. Орлом до р. Хопра и различных урочищ с целью сбора вестей о татарах[2]. Эта станица вернулась обратно 25 января и казаки рассказали, что они находились на р. Таловке в 10 верстах от Казанского перевоза на Дону. Здесь к вечеру обнаружили татарские станы без костров. Казаки начали стрелять из ружей, и тамбовский казак И. Козлов подстрелил одного татарина, а противник, испугавшись, что на него напали государевы ратные люди большим числом, побежал с этих станов. Казаки с убитого татарина в качестве доказательства срезали уши и сняли одежду[3]. Станы татары готовили для зимовья, так как на них находились большие запасы звериного мяса, утепленные жилища, запасы дров и травы для лошадей. Противник ночью перешел у Казанского перевоза с ногайской стороны Дона на крымскую и ушел в степь. Всего по сакмам станичники насчитали более 150 кочевников. Это позволило сделать вывод, что весной татары готовились к большому набегу на русские «украинные» места.

Набеги 1639 г. были связаны с попытками кочевников проверить на прочность новые укрепления. Татар обнаружили тамбовские станичники, посланные «по вестям» на р. Хопер. 30 мая 1639 г. они увидели в устье р. Медведицы двухдневную татарскую сакму[4]. Кочевники пришли от темниковских и саратовских мест, перейдя с ногайской на крымскую сторону под Царицыным Яром. Других угроз от кочевников больше не наблюдалось.

Сдача Азова донскими казаками Турции привела к новому обострению русско-татарско-турецких отношений. В период массиро-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 376-378.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 105. Л. 105-108.

[3] В Московских приказах надо было подтверждать факт убийства противника. Чаще всего для этого служили срезанные уши.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 98. Л. 228-232.

ванных татарских набегов с 1642 по 1645 г. тамбовские укрепления прошли проверку боем. Отряды кочевников, минуя надолбы, проникали в Тамбовский уезд через Лысые Горы, междуречье Челновой и Липовицы, Липовицкий лес и Кузьмину Гать. Они чередовали зимние набеги с летними, проходя далеко в глубь уезда. В начале зимы 1642 г. татарским набегам подверглись Усердский, Яблоновский, Оскольский и другие уезды. Весной 1642 г. темниковский воевода Ж. В. Кондырев сообщил в Разрядный приказ сведения инзарского караула, который рано утром 3 мая видел в районе речки Инзар около 50 ногайских людей во главе с мурзами. Воевода предупреждал о возможном появлении противника в районе г. Тамбова[1].

Весной 1642 г. татары появились под Тамбовом. Об этом написал в Москву козловский воевода И. А. Ростовский[2]. Он сообщил, что 23 апреля 1642 г. ему написал тамбовский воевода С. И. Биркин о приходе татар к Тамбову. Они захватили на полях около 150 человек и отогнали конские стада. После боя с тамбовскими служилыми людьми они ушли в поле.

Летом татары двинулись по Ногайской дороге. Атаке подверглись Тамбовский, Козловский и Воронежский уезды. 2 июня они прорвались к Касимовскому и Стрелковому перелазам и захватили четырех человек. Один из них, В. Шацкий, бежал из плена и вернулся в Козлов. Его отправили вместе с донесением воеводы в Москву, для получения возмещения за плен, потерянные лошадь и ружье, чтобы продолжить службу. 11 июня противник проломил надолбы в районе Сторожевого острожка, расположенного между Тамбовом и Козловом, захватил 4 казаков, более 30 лошадей и безнаказанно скрылся[3]. Под Козловом татары 12 июня захватили в плен четырех человек. Однако донские казаки отбили этот полон за р. Донцом. 20 августа около 20 кочевников в слободе Хмелевой Козловского уезда взяли в плен одного казака, затем попытались переправиться

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 961. Л. 310.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола № 140. Л. 105-106.

[3] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. С. 315.

через Польной Воронеж, но были отбиты поместными атаманами. Около д. Тофино, вотчины И. и С. Вельяминовых, их настигли козловские служилые люди и отбили полон. Казаки преследовали татар в степи и еще раз в бою вернули часть пленных.

Из отрывочного донесения Веневского воеводы, который по цепочке из других городов получил донесение тамбовского воеводы Ж. Кодырева о татарах, 28 августа 1642 г. в поле под Кузьминской слободой на Велмисовом углу крестьяне Покровской слободы косили сено и на них напали около 30 татар[1]. Противник сумел захватить в поле двух человек. Однако большого набега в этот год на тамбовские земли не произошло. Осенью 7 ноября ночью кочевники прошли под Козловым к Хмелевой слободе и взяли в плен в степи за Польным Воронежем в районе Стрелкового перелаза казачьего атамана. 21 ноября 1642 г. татары подходили к крепостям на Польном Воронеже и с ними произошел бой козловских служилых людей.

В 1643 г. кочевники ворвались в Козловский и Тамбовский уезды. 10 апреля они приходили к с. Кривец Сапаса Нового монастыря и д. Ярок князя Д. М. Пожарского. Воевода И. З. Ляпунов послал сторожевых казаков и атаманов Борщевой слободы, однако противник повернул к Дону. В конце апреля они атаковали Козловский уезд, а 30 апреля около 800 татар и черкас переправились через Польной Воронеж и появились в Козловском и Лебедянском уездах[2]. Разгромам подверглись вотчины местных помещиков, в том числе д. Ярок князя Д. М. Пожарского. Здесь татары захватили 240 пленных. Они проникли в с. Кривец, Хомутец, Борисовку, д. Липовку. В с. Кривец татары разорили церковь, ограбив ее имущество: образы и оклады, ризы, книги, колокола. На Торбеевом перевозе между козловскими служилыми людьми и нападавшими произошел кровопролитный бой. Наличие в рядах кочевников черкас с «огненным боем» позволило им выстоять и уйти только после завершения всей операции.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 160. Л. 128.

[2] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. С. 317-318.

Еще одна группа татар появилась 30 апреля под с. Горитовым и д. Ярок, а затем повернула к Хмелевой слободе. Всего татары взяли в полон 240 крестьян, что привело к массовому бегству крестьян со своих мест проживания. Архимандрит Спасского монастыря Иона писал о приходе татар в их вотчины в с. Ривец, Бортовку, Топитово и д. Липовскую, который привел к разорению, грабежу в церквях образов, святых книг, колоколов и гибели и полону 470 человек, захвату лошадей и скота[1]. Архимандрит также жаловался на воеводу И. З. Ляпунова, который принимал беглых его крестьян и записывал их в воинскую службу.

Козловский воевода И. З. Ляпунов лично собрал 264 ратника и встретил кочевников у с. Горитово. Кровопролитный бой продолжался с середины дня до вечера. Татары понесли серьезные потери убитыми (33 человека) и ночью отступили. Однако немалые потери понесли и русские. Сам воевода получил огнестрельное ранение, было убито 19 детей боярских, а 69 человек ранено[2], потеряно 15 лошадей и 21 лошадь ранена. В погоню отправили голову С. Шишкина с отрядом казаков 337 человек. Он настиг татар в степи на р. Шехманке и добился серьезной победы. Сам голова убил одного противника, но потерял свою лошадь. Татары потеряли 50 человек убитыми, но из плена удалось вернуть только 2 ребятишек, остальных противник увел в степь.

Подробный перечень имущества, возвращенного у татар, показывает, что их интересовало в набеге. У татар отбили напрестольную пелену для покрытия евангелия, деревянные церковные сосуды и 2 ребят полоняников, одну кобылу, 5 лошадей, 10 коров, 15 арчаков, 3 пищали, 5 саадаков, 12 уздечек, 3 епанчи, 2 шубы бараньи, 2 чекменя, 5 сум, 20 треног, 5 топоров, 6 ножей, 4 котла, 4 рога с зельем, 5 сапог татарских, 6 штанов, 10 шапок.

10 апреля и 3 мая 1643 г. татары появились в Козловском уезде около сел Вельяминово и Чудиново. Козловский воевода И. З. Ляпунов послал им навстречу ряшан детей боярских, и они, отогнав татар,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 429-430.

[2] Там же. Л. 401.

взяли в плен одного человека и привели его в съезжую избу. Им оказался русский человек И. Жданов, захваченный во время татарского набега 30 лет тому назад в Крапивинском уезде. Он все время провел в плену у татар Казыева улуса. В расспросе рассказал, что в Козловский уезд приходили 700 человек татар и черкас. Они сошлись за р. Битюгом, где между ними произошло столкновение. После боя противники замирились, и татары одни пошли на Русь. Во время перехода через р. Матыра Иван от них бежал и пришел в с. Лодыгино. Его отправили под конвоем в Москву.

2 мая голова С. Шишкин с козловскими служилыми людьми бился с татарами на р. Шехмани, где убили многих татар и черкасов[1]. 8 мая 1643 г. за р. Битюгом козловцы захватили полоняника и привезли его в Козлов. Им оказался крестьянин с. Хомута Спасской вотчины О. Емельянов[2]. Его взяли в плен 30 апреля 1642 г. на поле, когда он стерег стадо лошадей, а с ним захватили еще 20 человек. Из плена О. Емельянов сумел бежать 7 мая на р. Битюг, где татары и черкасы разделились: первые пошли к Хопру, а вторые – к Дону.

Козловский воевода И. З. Ляпунов 14 июля от приказчика с. Романово Городище Лебедянского уезда Б. Юреева получил известие о появлении татар[3]. Тому сообщил эти сведения полоняник Воронежского уезда с. Манина Н. Кестьянин. Он видел татар за Битюгом на р. Серете и считал, что они появятся под Воронежем или Тамбовом. И. З. Ляпунов отписал воронежскому воеводе князю В. Г. Ромодановскому и тамбовскому Ж. В. Кондыреву донесение с предложением о совместных действиях против татар ратных людей всех трех городов. Он послал в поле 96 козловских ратных людей во главе с головою С. Шишкиным. Первым на это предложение откликнулся Ж. Кондырев, который согласился отправить тамбовского голову И. Кравякина с казаками для схода 18 июля 1643 г. с козловскими служилыми людьми на р. Битюге, в урочище между речками Сомовец и Чамлык. Позднее воронежский воевода прислал донесение о посылке своих

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 351-354.

[2] Там же. Л. 349-359.

[3] Там же. Л. 454-455.

ратных людей, однако из них никто на сход так и не явился. Это был один из немногих совместных эпизодов действий воевод разных уездов по предупреждению татарского набега. Традиционно местные воеводы предпочитали без особого царского указа не проводить совместные мероприятия по отражению набега противника.

30 июля 1643 г. козловцы вернулись обратно, и голова С. Шишкин рассказал, что они сошлись с тамбовскими ратными людьми в устье р. Чамлык при впадении ее в Битюг[1]. Сюда к ним пришли крестьяне, «охочие» люди из вотчин боярина Н. И. Романова с. Романово Городище, князя А. Н. Трубецкого с. Сокольева и Юрлукова. Объединенный отряд двинулся в степь, и 23 июля они встали станом на ночлег между речками Добренкой и Татаркой. Здесь на них напали более 300 татар, которые шли на русские земли. В бою служилые люди побили многих татар и лошадей под ними, а врага на русские земли не пропустили. Татары с того боя бросились в степь «наутек».

О приходе кочевников под Тамбов в августе 1643 г. сообщил в Москву шацкий воевода Ю. Колединский[2]. К нему из Тамбова пришел шацкий «вестовщик» беломестный казак Я. Иванов. Он рассказал, что 23 августа этого же года под Тамбов приходили кочевники численностью более 500 человек. Используя значительное численное превосходство, они блокировали тамбовский гарнизон, не позволяя ему выйти из крепости. Итогом набега стал захват значительного полона. В слободах и на пашне они взяли многих служилых людей и осадили город. После обеда здесь произошел бой с местными служилыми людьми, и татары пошли в степь за р. Липовицу.

С этими событиями связана челобитная шацкого служилого мурзы А. Т. Екаева[3]. Они вместе с группой товарищей находились на царской службе в Тамбове. 23 августа к городу подходили приступом крымские, азовские татары и ногаи численностью до 299 человек. Тамбовский воевода Ж. В. Кондырев послал их против противника вместе со своим сыном П. Кондыревым. В бою под Тамбовом был

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. С. 472-473.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 189. Л. 1-4.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 187. Л. 8-13.

ранен и попал в плен брат А. Екаева Б. Темиров. Поэтому он просил выслать на Дон к казакам грамоту с просьбой о выкупе брата из плена. 23 сентября 1643 г. такой указ ушел к донским атаманам. Зачастую донские казаки выступали посредниками при выкупе пленных.

Особенно тяжелым оказался 1644 г. Татары начали концентрацию войск перед походом на Русь еще весной. Одновременно в этот год небольшие татарские отряды все лето тревожили Тамбовский уезд. В апреле 1644 г. они приходили под Тамбов и «побрали» в плен 20 человек служилых тамбовских людей. Тамбовский воевода послал за ними 500 казаков во главе с головой И. Кородыкиным. В степи 12 апреля они настигли противника, но силы оказались неравными, и в коротком бою погибли 30 человек казаков. В начале мая группа татар численностью 100 человек проникла через надолбы в верховьях р. Липовицы и напала на с. Тонбов и слободу Кузьмину Гать[1]. Местные жители отбили набег, татары повернули к Лысым Горам, где захватили в плен 9 местных казаков. Нападающие проломили тамбовские полевые надолбы и повернули на Козлов. 27 апреля 1644 г. кочевники вместе с запорожскими черкасами приходили под Кузьмину Гать[2].

Начиная с июля отряды татар постоянно нападали на южную границу России по Муравскому шляху. Общая их численность составляла 30-40 тыс. человек. Противника наблюдали в Белгородском, Курском, Карповском, Рыльском, Путивльском, Севском уездах. Оказать достойное сопротивление разрозненные небольшие силы местных воевод не смогли. С большой добычей в середине сентября татары покинули пределы Руси.

Татарские отряды все лето тревожили и Тамбовский уезд. Воевода жаловался на отсутствие достаточного количества служилых людей в Тамбове. Он послал в острожки по 14 казаков, а в Спорный – 20 человек, на Лысые Горы – 8 тамбовских и 2 козловских людей. На Лысые Горы вечером уехало только 8, а один из них воротился к себе домой. Именно тех 8 человек татары поймали в степи и взя-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 187. Л. 8-12.

[2] Там же. Л. 2, 9-11, 39, 47.

ли в плен. Я. Лепехов бежал из плена, через 5 дней пришел в Тамбов и рассказал воеводе об этих событиях. Всего в плену он пробыл 9 дней. Их под Лысыми Горами ночью татары захватили в плен, затем они пошли на русские земли в неизвестном направлении. Нападавшие являлись астраханскими татарами и, по отзывам пленного, хорошо знали тамбовские места.

В мае 1644 г. воевода Д. Тургенев писал из Тамбова весть о появлении татар. В районе сторожевых острожков по рекам Липовицы и Челновой 5 мая появился противник[1]. Около сотни кочевников прошли рядом с Липовицким острожком в Верхоценскую волость. В районе сел Тонбов и Кузьмина Гать произошел бой с тамбовскими казаками, и противник повернул на запад. На Лысых Горах они взяли в плен 9 человек, однако одному из них, Л. Лазореву, удалось бежать и вернуться в Тамбов. Здесь он рассказал воеводе, что татары двинулись к Спорному острожку, разломали надолбы и пошли в сторону Козлова и Воронежа. Другие полковые казаки Р. Оленин, Л. Лазарев и П. Пронин прибежали в Тамбов 6 мая и рассказали о появлении под Липовицким острожком около 100 татар.

Тамбовский воевода Д. Тургенев сообщил о проходе 31 июля 1644 г. между Спорным и Сухим острожками более 5000 татар[2]. Их видели поделенными на полки вместе с 10 знаменами. То есть это шли не обычные грабители, а регулярные войска, посланные на Русь. Татары перешли укрепления через р. Челновую и направились в сторону Верхоценской волости. Тамбовский гонец в Москву полковой казак Г. Иванов рассказал шацкому воеводе о бое 1 августа козловского воеводы И. З. Ляпунова с татарами на Лысой Горе. Татары побили около 100 служилых людей, сожгли два острожка и отошли в степь около Дальней Липовицы в 15 верстах от Тамбова. Татары на некоторое время разместились станом на Дальней и Ближней Липовице «между двух лесов» в 15 верстах от Тамбова, продемонстрировав свое численное превосходство. Они стали хозяевами положения в междуречье Цны и Польного Воронежа. Таким

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 187. Л. 8-13

[2] Там же. Л. 181-182; № 1118. Л. 65-69; АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 138.

образом, новая укрепленная линия на юге России и города-крепости со своими гарнизонами не смогли остановить массовый набег противника, потери русских составили более 10 тыс. человек взятыми в полон. Это было серьезным поражением местных воевод. В ответ на такие вести Разрядный приказ отправил в Ряжск стольника и воеводу князя С. Р. Пожарского с дворянами и детьми боярскими для отражения набега.

Вынужденная сдача Азова донскими казаками после «Азовского сидения», значительные потери казаков и их ослабление привели к усилению татарских набегов на южнорусские земли. Воодушевленные победами и успехами татары активизировались на пограничье в 1645 г. Они появились на юге России уже в декабре 1644 г. Голод выгнал их из Крыма, и около 20 тыс. всадников сосредоточились в степи. Основные силы прошли по Бакаеву шляху, далее развернулись на Муравский шлях и вышли к Рыльскому, Путивльскому, Курскому уездам. Сообщалось о захвате большого количества пленников.

О появлении татар весной 1645 г. в пограничных землях сообщили тамбовские станичники сторожевые казаки И. Завьялов с товарищами[1]. Всего в станице числилось 10 сторожевых казаков. Тамбовский воевода С. И. Биркин послал их на Дон до Кременного городка. Они вернулись в Тамбов 22 мая и рассказали воеводе в съезжей избе о встрече в казачьем городке с казаком Филиппом. Тот поведал им о переходе Дона с крымской на ногайскую сторону более 2000 крымских татар. Возвращаясь обратно на Русь в районе Хоперской пристани, станичники встретили донского атамана Дениса Григорьева с 30 казаками, которые вели на Русь крымского «языка». Казаки сообщили об обнаружении в нескольких местах около Дона татар. В 1645 г. в татарских походах на Русь участвовало до 30 тысяч человек. В районе Козлова они появились 12 августа. Смешанный отряд в 500 человек крымцев и азовцев во главе с одним из Ширинских мурз в бою около Хмелевой слободы потерпел поражение от козловских служилых людей под руководством воеводы Ф. Д. Погожева. Татары

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 376-378.

потеряли весь захваченный в других местах полон, в плен попал мурза и несколько татар[1].

Одно из крупных сражений произошло в 1945 г. на р. Токай, притоке Елани, впадающей в Хопер. Река Токай ныне протекает на юге Тамбовской области по Токаревскому району и частично в Воронежской области. Прежде всего, необходимо остановиться на предыстории этих событий. Воеводы не часто лично участвовали в отражении набегов кочевников, обычно предпочитая организовывать отпор противнику, располагаясь под защитой городских стен. Однако наиболее горячие и нетерпеливые из них могли лично участвовать в боях. Козловский воевода Ф. Д. Погожево в 1645 г., узнав о нападении татар численностью до 500 всадников на Лебедянскую вотчину А. Н. Трубецкого в с. Юрлуково и взятии в плен 240 крестьян вместе с конскими и «животинными» стадами, собрал своих ратных людей и бросился 13 августа за ними в погоню. После трех дней преследования 16 августа 1645 г. на р. Токае враг был настигнут. Сражение развернулось с середины дня и до вечера. О напряженности и ожесточенности боя говорит не только его продолжительность более полудня, но и потери. Воевода писал в своей отписке в Разрядный приказ о больших потерях татар убитыми и ранеными, о взятии четырех человек кочевников в плен. В этом бою у татар отбили большой полон русских людей в 193 человека и возвратили его обратно. Кроме этого взяли конские и «животинные» стада, которых отогнали в с. Юрлуково, Козловского уезда. В качестве трофеев упоминаются татарская «рухлядь, седла, епанчи, саадаки, сабли»[2].

По возвращении обратно в Козлов 16 августа пленных кочевников допросили в съезжей избе. Они рассказали, что шли из Крыма отрядом 450 человек с сыном мурзы М. Елань, который пошел на Русь «самовольством». В начале похода к ним приехал крымский царевич М. Саидан и стал уговаривать не идти на Русь, но горячий молодой татарин отказался подчиняться. В состав отряда,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 198. Л. 134, 141, 143, 145, 158.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 6-7, 34, 40-59.

ушедшего на русские земли, входили 150 ногайцев, 105 белгородских татар, более 100 крымцев. Отголоском этого татарского набега стала поимка пленного крымского татарина С. Дасаева воронежскими полковыми казаками Д. Быковским с товарищами. Они находились в своей бортной вотчине на р. Толчеевой (ныне Толчеевка), где 20 сентября и захватили пешего пленника[1]. Он приходил с татарами под козловское село Юрлуково, потерял лошадь и ушел пешим в степь, где бродил 15 дней. Пленника привели в Воронежскую съезжую избу, и воевода А. В. Бутурлин провел его допрос.

По возвращении в Козлов воевода Ф. Д. Погожев подробно описал заслуги каждого отличившегося в бою, получил ряд челобитных участников похода и отправил в Москву донесение о бое с просьбой о пожаловании поместным и денежным окладом отличившихся[2]. Так, среди них упоминался голова поместных атаманов и сторожевых казаков С. К. Быков. В бою он убил двух «мужиков», получил ранение из лука на правой ноге «выше колена». Ряшанин С. И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери[3]. Он в 1642 г. находился на государевой службе в Козлове и принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина и потерял коня. В 1645 г. во время очередного похода и боя с противником на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало ему повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади. Подобных просьб только за битву на р. Токае было несколько.

Среди участников боя на р. Токай упоминались козловские черкасы, сведенцы из г. Корочи И. Хвенонко, С. Кириллов и Л. Харитонов. Они бились «явственно не щадя голов своих»[4]. В бою первые двое убили по татарину, а у С. Кириллова погиб конь. Л. Харитонов за убитого мужика получил 1 руб., потерю лошади – 4 руб. и за пытку

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 169.

[2] Там же. Л. 34, 40-59.

[3] Там же. Л. 184.

[4] Там же. Л. 235-236, 284-285.

и увечье добавлено еще 3 руб. То есть всего черкашенин получил достаточно большую по тем временам сумму в 8 руб. И. Хвенонко за убитого мужика получил 1 руб., а С. Кириллов за лошадь – 6 руб. В сражении участвовали и черкасы Заворонежской Козловской слободы, которые в бою потеряли своих лошадей. Их пожаловали, выдав каждому по 1 руб. за потерянных лошадей и по 1 руб. за убитых «мужиков».

Еще одним отличившимся в бою стал галичанин Т. Г. Воротомясов. В 1643 и 1645 гг. он находился на службе в Козлове и ходил в походы против татар и ногайцев. В сражении на Токае убил двух противников. Т. Г. Воротомясов жаловался, что его братья по службе уже имели по 100 четвертей наделов земли, а он беспоместный, без единой четверти земельных наделов. За воинскую активность его наделили земельным наделом в 250 четвертей и установили оклад 50 руб. городовых. То есть он получил практически максимальный оклад[1]. Реально на руки ему выделили 50 четвертей земляного надела и 1 руб. за убитых татар[2]. Таким же подвигом отметился сын боярский г. Козлова А. М. Золотухин. За двух убитых татар он получил 150-четвертной оклад и 5 руб. городовых денег, а реально выдали 50 четвертей земли и 1 руб.

Еще один участник боя сын боярский Г. Полянский имел большой послужной список[3]. Он начал свою службу еще при Михаиле Федоровиче, находился все время под Смоленском во время русско-польской войны 1632–34 гг. При строительстве Козлова переехал в новый город, участвовал в отражении татарского набега, убил в бою одного кочевника. При воеводе И. З. Ляпунове к Козлову приходили татары, и в этом бою Г. Полянский убил двух человек. Далее он участвовал в походе с головой С. Шишкиным, в котором

[1] Земельный и денежные городовые оклады выдавались детям боярским и дворянам при записи на службу и за заслуги в сражениях. Однако реальный земельный надел и денежный городовой оклад составляли гораздо меньший размер. Получить максимальный оклад можно было только активной воинской службой государю. При достижении максимального оклада за заслуги его могли увеличить и дать возможность в течение нескольких лет достигнуть и его.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 254-255.

[3] Там же. Л. 277-283.

на р. Толучееве сразились с татарами. Он и там убил одного противника. Поэтому в бою на р. Токае участвовал уже опытный, матерый воин. Он убил одного татарина, но здесь потерял лошадь и получил ранение в голову, ноги и руки в 8 местах. Упал замертво и был ограблен кочевниками. У него отобрали пару пистолетов, седло от лошади, саблю, сапоги, сумку, епанчу, атласный зипун, кафтан и шапку на общую сумму 19 руб. 26 алтын 16 д. На лечение от ран Г. Полянский получил 3,5 руб. и поместной придачи земляной надел 50 четвертей.

В целом решением правительства за успешный бой участникам сражения добавили поместные оклады в среднем по 50 четвертей земли и по 2-3 руб. деньгами. Всего 38 участникам сражения выдали 105,5 руб. в качестве жалования.

Эта успешная битва с татарами отрезвила кочевников. Они потерпели серьезное поражение, потеряли всю свою добычу, и только часть из них могла вернуться в степь. Можно отметить серьезную поддержку наиболее отличившихся и получивших ранение участников похода. Власть поддерживала царистские традиции патернализма, оценивая отличившихся и пострадавших в сражениях, выделяя им земельные наделы и денежные оклады.

В начале августа 1645 г. козловский воевода Ф. Д. Погожев донес в Разрядный приказ информацию о возможности прихода черкас[1]. Он сообщил, что 1 августа 1645 г. в вотчине стольника Н. И. Романова на Романовом Городище был пойман приказным человеком черкашенин И. Бородавка. Его отослали в Воронеж, где он рассказал, что в двух днях от Козлова стоят около 20 черкас, которых послали по городам подговаривать своих собратьев, записавшихся на службу к русскому царю, идти в их войско. Якобы к ним на переговоры в степь выезжал козловский черкашенин Алешка. Воевода допрашивал, с применением пытки, козловского черкашенина А. Харитонова, поскольку других лиц с таким именем больше в Козлове не было. Однако черкашенин сказал, что ничего не ведает и на степь не выезжал. Воевода черкашенина А. Харитонова с товарищами по-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 82-88.

садил в тюрьму до государева указа. А 7 августа ему из Воронежа доставили плененного черкашенина И. Бородавку. Его расспрашивал козловский воевода, и тот рассказал, что он вышел на Белгород три года тому назад и стерег «животину». С Белгорода сошел на Оскол, женился в с. Яблоново у священника Митрофана на «женке» и ушел жить опять на Оскол. Он шел через Козлов, где жил у черкашенина А. Харитонова и Я. Чепковского 4 дня, а затем пошел на Воронеж. Однако в Романово Городище его задержал приказной человек Г. Верещагин.

И. Бородавка признался, что сошел под Корочею, где его захватили татары. На Донце его у татар отбили черкасы, и он был с ними некоторое время. Он подтвердил наличие татар в двух днях от Козлова численностью человек с 500. Однако отказался от своих слов о поездке козловского черкашенина А. Харитонова в степь, отметив, что Г. Верещагин это написал сам. Его историю подтвердили пятидесятник С. Колударов с товарищами из Михайлова, которые шли вместе с этим черкашениным из Скопина в Козлов. Поэтому арестованных козловских черкас воевода выпустил из тюрьмы, не получив данные об их участии в сговоре с пришлыми черкасами. Из Москвы пришла грамота с требованием освободить пленного черкашенина из тюрьмы, выдать ему 1 руб. и отпустить на волю.

Летом 1646 г. в район Козловского вала пришли 1000 татар. 25 июля они подошли к земляному валу и в трех местах его раскопали. Воевода Ф. Д. Погожево с козловскими ратными людьми дал бой татарам в районе Чебоксарского и Ярославского городков, и многих нападавших «побили» и на русские земли не пропутили[1]. Татар выдавили за вал и не позволили захватить полон. В ответ на эти события в Козлов направили стольника, князя И. И. Дашкова. Он должен был возглавить работы по ремонту и укреплению Козловского вала.

События 1644–1646 гг. стимулировали серьезные работы по дальнейшему укреплению Белгородской черты. С 1647 г. прошла серьезная реконструкция Козловского вала и был построен Тамбовский вал, что значительно усилило полевые укрепления нашего края.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 23, 104-105.

Такие же большие работы прошли и по укреплениям Белгородской черты. В этот период одной из форм защиты от татарских набегов считался сбор всех жителей уезда в городе, за крепостными стенами. Козловский воевода Ф. Д. Погожево в 1646 г. писал в Москву, что узнав о возможном появлении значительных сил татар, до 3 тысяч человек под Козловым, отписал в села и деревни Козловского уезда вестовщиков с требованием всем жителям жить с «великим береженьем», убрать хлеб и везти его в житницы Козлова, остальной хлеб ссыпать в ямы, а стоячий развозить по лесам. Населению приказал идти в город за крепостные стены. Однако многие уездные люди этого указа не послушались, жен своих и детей, а также хлеб в город не отправили. Воевода вынужден был запрашивать Разрядный приказ о своих дальнейших действиях. В последующие годы местная власть отказалась от идеи собрать всех жителей уезда в городе, поскольку их численность резко увеличилась, а села сами представляли труднодоступные мелкие укрепления, способные самостоятельно отбиться от небольших татарских отрядов.

Таким образом, перед началом крупных работ по всей линии укреплений Юга России граница подверглась в течение нескольких лет мощному натиску объединенных сил кочевников. Все недостатки южных укреплений сразу же проявились, что потребовало их значительной перестройки.

Татарские набеги с 1647–1680-е гг. XVII в.

Татарские набеги на территорию Тамбовского и Козловского уездов продолжались и после реконструкции укреплений. В 1647 г. воевода г. Козлова Р. Ф. Боборыкин послал детей боярских в степь с головой П. Батюшковым[1]. Они сошлись с татарами на р. Избердей. С учетом количественного превосходства татар козловцы засели в осаде в кустах и дали противнику бой. В нем убили у кочевников двух человек и заставили их повернуть назад в степь. За участие в этом бою все получили жалование по фунту зелья и свинцу.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы. Московского стола. № 279. Л. 30 .

В мае 1648 г. татары приходили в Тамбовский уезд из Саратовских степей, т. е. с восточной стороны. Они прошли через Моршенские ворота и напали на с. Морша. 22 мая 1648 г. в шацкую съезжую воеводскую избу приехала из с. Морши и с. Пеньков группа крестьян и мордовцев во главе с атаманом В. Фоминым и привели с собой пленных ногайских татар 5 человек[1]. В расспросе они рассказали воеводе Г. С. Хитрово, что 9 мая утром татары напали на д. Моршу, захватили полон и с ним побежали в степь. Атаман В. Фомин собрал 45 человек, бросился в погоню за противником и настиг его на Карай Горе в 5 днях хода от Тамбова. Здесь произошел бой, в котором татарский отряд в 49 человек был разбит и 7 человек захвачено в плен. Однако двое пленных от ран скончались, а пятерых они привели в Тамбов. В этом бою был убит и руководитель татарского отряда А. Мурза Юсупов.

События набега татар на Тамбовский уезд весной 1648 г. имели свое продолжение в деле о судьбе крещеного татарина Б. Ахамбетьева[2]. Его якобы взяли в плен во время боя под Тамбовом и прислали 2 мая 1648 г. в Москву. В расспросе в Разрядном приказе он поведал, что родился в каком-то улусе больших ногаев, а в детстве его украли астраханские стрельцы и отдали на воспитание А. Зубову. В Астрахани его крестили под православным именем Никита, свезли в Москву и женили на дворовой девушке Марице. После смерти А. Зубова крещеного татарина отпустили на волю, и он с женой поселился в с. Лысково, расположенным невдалеке от г. Болахна. Из Лыскова ушел в Астрахань и записался в стрельцы.

Из Астрахани нового стрельца отправили в «посылку», где он попал в плен к татарам, и они отвезли его в Азов. Во время войны его привлекли в качестве вожа. Н. Ахамбетьев говорил, что хотел уйти на Русь с целью побега к своей жене. Во время возвращения обратно из Руси около Тамбова Никита бежал и пришел к тамбовским укреплениям. Он не соглашался с тем, что его якобы взяли в плен и настаивал на добровольном приходе. Дьяки Разрядного приказа рассмотрели дело Н. Ахамбетьева и приказали сослать его в Нижегородский

[1] АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 217.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 270. Л. 646-653.

Печерский монастырь на черновые работы сроком на один год. После этого разрешали отпустить в с. Мурашкино Нижегородской уезда в вотчину боярина Б. И. Морозова для воссоединения с семьей. Сам Никита не хотел признавать недоверие властей в искренности его действий и просил Разрядный приказ взять его на поруки. Однако окончательное решение по делу Никиты в архиве не сохранилось.

В 1652 г. пришло несколько известий о возможном нападении татар на Козловский уезд. Козловский воевода П. М. Пушкин сообщил в Москву о получении грамоты из Сокольска от местного воеводы. Тот сообщал информацию от сокольского драгуна Т. Ф. Зяблова, который возвращался с Дона и увидел в верхних казачьих городках между Доном и Хопром более 100 татар, перешедших с крымской стороны на ногайскую. Предполагали их приход под Козлов. Из Москвы от Разрядного приказа пришла грамота, в которой говорилось, что 25 сентября 1652 г. в Яблонов вышла полонянка Арина[1]. Она сообщила о планах татар напасть на Козловские, Добринские и Сокольские места. От донских казаков пришло известие о переходе 1,5 тыс. крымских татар на ногайскую сторону Дона. Поэтому козловский воевода получил опасную грамоту с требованием собрать всех людей уезда в крепость Козлов, на пашни и животинный выгон не отпускать, чтобы татары людей в полон не поймали и «животин» не отогнали. А которые люди поедут по своим делам, то им иметь при себе оружие. Козловский воевода сообщал в Москву, что у него на данный момент нет ни одного человека служилых людей из других городов. Разрядный приказ отослал вестовщиков в другие города по отправке в Козлов дополнительных служилых людей.

В 1653 г. козловский воевода П. М. Пушкин докладывал о появлении татар[2]. Драгунский сын К. Бурдин 10 июня 1653 г. видел на р. Бурнак татарский отряд численностью в 10 человек. Татары пошли к р. Сампур, где разведчики видели широкую сакму и ночные огни кочевников. Тамбовский воевода М. И. Еропкин сообщил в Козлов сведение от сторожевого казака Пяшкильской слободы Г. Пеши-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 246. Л. 91-93, 332-334.

[2] АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 327; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 246. Л. 375-380.

ка, который рассказал о встрече с татарами. У Хоперской пристани донские казаки поведали им, что взяли татарского языка на Черной протоке. Тот сообщил о подготовке противника идти по Хоперской дороге на Русь. Козловский воевода приказал стоять на городовых и степных караулах «накрепко» в день и ночь. Караулам вменялись постоянные проезды, чтобы татары безвестно не прошли, а на р. Бурнак и Сампур послал 70 человек козловских служилых людей во главе с сыном боярским И. Дубовицким.

О приходе татар под Тамбов в 1653 г. известно из донесения Шацкого воеводы Л. Хрипунова[1]. 13 сентября в 3 часа ночи он получил известия от шацкого вестовщика казака И. Корнилова. Тот привез сообщение тамбовского воеводы М. И. Еропкина, который ходил с товарищами тамбовскими казаками на Хопер заниматься промыслом. 3 сентября около р. Тагайки на них напали более 100 татар, которые после боя ушли вверх по реке на Хопер и стали там обозом.

Ситуация изменилась с 1654 г. Русская армия начала военные действия с Польшей. Война продлилась 13 лет – с 1654 по 1667 г. Во время этой войны в круговорот событий была втянута Украина и юг России. Первые сведения о возможном приходе татар в Тамбовский край в 1656 г. местные воеводы получили еще весной[2]. Козловский воевода С. И. Колтовский сообщил информацию тамбовского воеводы о приезде 29 апреля в Тамбов казачьей станицы из 6 человек. Они у хоперской пристани на р. Хопер расспросили местных казаков. Те поведали о переходе через Дон на Казанском перевозе на русскую сторону большого количества татар. Другая станица под руководством атамана Ф. Курпанова вернулась в Тамбов 3 мая и передала информацию от донских казаков с Хоперской пристани. Группа хоперских казаков во время охоты видела в степи более 100 татар, идущих на Русь.

В 1656 г. 9 августа под Тамбов вновь приходили «крымские люди». Они прокопали вал, проникли в уезд, взяли много народу в плен, захватили стада коров и лошадей[3]. Тамбовский воевода И. Короваев писал в Москву о том, что он с татарами бился на зем-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 287. С. 229-231.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 282. Л. 321.

[3] Там же. Л. 294, 299-300.

ляном валу и сумел отбить раненых пленных. Однако через раскопанный земляной вал противник сумел прогнать захваченную добычу и уйти в степь. Воевода жаловался на нехватку служилых людей, многие из которых находились в походах на государевой службе. Он написал «путному ключнику» Верхоценской волости Н. Протопопову о необходимости выслать в Тамбов новокрещенных мордовцев и крестьян по 3 человека с выти, однако никого так и не получил. Поэтому при отсутствии значительной части людей удалось только отремонтировать вал.

Вести о возможном появлении татар в апреле 1657 г. в Тамбове воевода Иван Измаилов получил от пешего казака Н. Кореневa[1]. Тот нанялся сопроводить хоперского казака М. Бубна до Хоперской пристани. Возвращаясь обратно, повстречал на степи у р. Волжанки трех крестьян-промысловиков из д. Шаморга. Они рассказали Н. Кореневу о встрече в степи 30 человек конных воинов, предположительно передового разведовательного отряда от большой группы кочевников. Другой информации в этот год не поступило.

В 1658 г. татары также приходили в Тамбовский уезд. Они приступили к Тамбову, одних жителей гарнизона убили, других взяли в плен, «потолочили хлеб» на полях, прошлись по уезду 50 верст до р. Челновой, сел Вирятино и Кулеватово, захватили пленных и скот и безнаказанно ушли в степь. Полковой казак д. Семикино Е. Иванов рассказал тамбовским воеводам А. И. Лобанову-Ростовскому и Ф. И. Леонтьеву о приходе под Тамбов татар, которые захватили его в поле[2]. Он 10 дней провел у них в плену, на р. Медведице сумел уйти от противника и добраться до ближайшего казачьего городка. По его сообщению татар было 1400 человек. Они разделились на две части: одна пошла на Казанский перевоз, а другая – через р. Хопер. Роспись потерь жителей Тамбовского уезда во время набега татар в 1658 г., составленная воеводами И. А. Полевым и В. Н. Лихаревым, дает представление о масштабах бедствия[3]. Всего уезд потерял во время набега татар 322 мужчин и женщин, из них 89 человек

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 282. Л. 116-117.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 301. Л. 40.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 111-116.

убитыми и 233 ранеными. Пострадали жители Тамбова и 21 села и деревень Тамбовского уезда.

Достаточно подробно освещены эти события в челобитной тамбовского попа преосвященному архиепископу рязанскому Иллариону[1]. В ней отмечалось появление татар 25 августа 1658 г. в Тамбовском уезде. Они прошли земляной вал, появились под Тамбовом и осадили город, блокируя гарнизон. Кочевники сумели захватить в слободах полон, порубили многих казаков, «потолочили» хлеб в поле. Фактически на 50 верст до села Вирятино и по реку Челновую уезд оказался в их власти. Был захвачен большой полон, стада домашних животных. В с. Вирятино осквернили церковь. Кочевники долгое время стояли станом за валом, заставляя крепостной гарнизон сидеть в осаде.

В 1659 г. вновь многочисленный отряд крымских татар под Тамбовом в бою побил 90 человек местных служилых людей, а часть захватил в плен[2]. «Тамбовский летописец» весьма скупо писал о приходе дважды под Тамбов «большим собранием» воинских людей и захвате в селах большого полону[3].

В июле 1660 г. козловский воевода И. П. Лихарев получил из Бельского городка от головы Г. Ремизова известие о появлении татар. 21 июля 1660 г. 8 бельских стрельцов находились за р. Польным Воронежем на своих сенных покосах около р. Сурены и на них в поле напали свыше 30 татар, с которыми был бой[4]. Далее татары ушли за р. Сурену в степь. Позднее 6 августа 1660 г. в Козлов пришел из полона бельский стрелец А. Коломнин. Он рассказал, как их захватили в поле татары и привезли в кош на степи на речку, название которой он не знал. Здесь находился большой отряд татарской конницы. Их допрашивал лично татарский мурза. Пленных били и мучили. Татар интересовали сведения о местонахождении царя, сколько служилых людей в Туле, Козлове и Тамбове, на валах и по башням.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 77.

[2] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. С. 152.

[3] ИТУАК. 1918. Вып. 58. С. 152.

[4] АМГ. 1901. Т. III. С. 106 -108.

А. Коломнин услышал, что татары были посланы крымским ханом для поимки языков. Пленных повезли в Крым, и при переправе через Дон А. Коломнин свалился с лошади вместе с татарином, удавил его руками, бежал в лес и сумел выйти к русским местам.

7 июля 1660 г. в Тамбовском уезде появилась Ордобазарная казачья станица во главе с головой С. Репьевым и встала станом около Кузьминой Гати в 15 верстах от Тамбова[1]. Ее посылали из Астрахани на Черную речку и Царицын для выяснения возможного прихода кочевников. Они получили сведения о переходе на ногайскую сторону калмыков и с этими известиями поехали в Москву. В середине августа этого же года тамбовскому воеводе И. Д. Пожарскому пришла опасная грамота из Москвы о появлении под Азовом крымского хана со служилыми людьми.

В 1660 г. тамбовский воевода стольник А. И. Головин получил грамоту из Москвы об измене гетмана Ю. Хмельницкого и Запорожского войска русскому царю, планах прихода их на украинные города. Воеводе предлагалось принять все необходимые меры по защите своего уезда и города. При этом все уездные люди должны были с женами и детьми, скотом и хлебом приехать в Тамбов в осаду. Тех, кто «дуростью своею и самовольством ... не пойдут и тех велел имать и приводить к себе, за их непослушание делать им жестокое наказание»[2]. Осенью 1660 г. в Тамбов пришли полоняники казак Полковой Тамбовской слободы Ф. Хомутцкой и стрелец А. Беляев[3]. Ф. Хомутцкой был захвачен в плен во время воеводства С. И. Биркина и просидел в плену около 20 лет. Из плена он ушел в 1660 г. и вышел в казачий Черкасский городок. Вместе с донскими казаками ходил под Азов, где пожгли татарские базы, нанесли татарам сильный урон, отогнав около 500 голов разнообразного скота. А. Беляев попал в плен под Тамбовом во время прихода татар 1658 г. В плену он жил в Крыму в г. Тамани. Осенью 1660 г. ему удалось бежать и уйти в Черкасский городок к казакам. Он сообщил о сборе под Азовом и на Север-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 308. Л. 326-329, 334.

[2] ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 167.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 446. Л. 137-140; 161-162.

ском Донце крымского хана с большим количеством воинских людей, установке им четырех башен с ногайской стороны и железных цепей против прихода казаков.

В ответ на это сообщение тамбовскому воеводе А. И. Головину пришла опасная грамота с перечнем мер по защите южной границы. Такие же документы посылались в другие южные города. Воеводе поручалось послать гонцов в села и деревни с предупреждением об опасности. Немолоченый хлеб предлагалось молотить «с большим поспешанием», везти в город и ссыпать его за деньги в житницы для «осадного времени». Если кто-то не сдаст хлеб вовремя, то у них предлагалось брать немолоченый хлеб бесплатно в государеву казну для раздачи государевым служилым людям. Всякие корма требовалось сжечь, чтобы они не достались противнику.

В 1666 г. в Тамбове планировалось провести съезд калмыцких тайш во главе с Мончаком и боярином, воеводой Г. С. Черкасским для заключения договора. Тамбовскому воеводе И. П. Акинфову предлагалось быть у посла вместе с воеводой стольником А. И. Дашковым в «товарищах»[1]. Самому А. И. Дашкову полагалось для этой поездки по 100 четвертей ржи и овса. В состав посольства планировалось набрать 20 человек охотников из числа дворян соседних уездов[2]. Сюда же направлялись дьяк А. Ташлыков с жалованием по 50 четвертей ржи и овса, подьячии Казанского дворца П. Варахеев и В. Михайлов соответственно по 6,5 и 3 четверти ржаной муки, овса и толокна. В качестве переводчиков посылался А. Балцен и толмач Т. Иванов. Переводчик получал по 10 четвертей, а толмач по 4 четверти ржаной муки, овса, крупы и толокна. Из Казанского дворца направили сторожа Х. Калинина с жалованием осмина ржаной муки, по четверику крупы и толокна. В задачу последнего входил контроль за перемещением иностранных послов. Таким образом, готовилась материальная база для проведения переговоров. Это был один из немногих случаев участия Козлова и Тамбова в процессе международной деятельности государства.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 300. С. 278-294.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 378. Л. 355.

Активизировались татары в период русско-турецкой войны за Чигирин. Еще накануне этих событий 7 сентября 1675 г. около козловских крепостей недалеко от с. Торбеева появились татары. Их видели под Касимовским городком, а также между Челнавским городком и четвертой башней, Бельским и Чебоксарским городками. В районе Чебоксарского городка они осадили служилых людей и проламали деревянные укрепления. Около торбеевских крепостей состоялся бой. Татары подходили к первой башне от Бельского городка и пытались ее сжечь, но обороняющиеся этого сделать не позволили. Козловский воевода Е. А. Пашков собрал всех наличных служилых людей и пошел в с. Торбеево для отпора противника. Нападавшие ушли в степь, а козловский воевода приказал все поломанные надолбы исправить и установить новые[1]. В козловские села он же послал гонцов с предупреждением о сборе всех служилых людей в Козлове для похода. Воевода жаловался на оскудение козловских служилых людей: «они худы, скудны, и бесконны и безоружны...», что не позволит отразить большой набег татар. Он просил добавить служилых людей из других городов, так как лучшие люди из Козлова были взяты в Белгородский полк к Г. Г. Ромодановскому.

В ответ из Разрядного приказа пришла грамота с требованием жить в городе Козлове «с великим бережением», ремонтировать деревянные и земляные укрепления[2]. Никаких дополнительных воинских сил обещано не было.

В июне 1681 г. в Тамбов «прибежали» два тамбовских полковых казака П. Михайлов и А. Андреев. Они вместе с товарищами группой в 16 человек выехали в степь для «вотчинного промыслу», и 7 июня в 30 верстах от Тамбова в урочище Сампур на них напали татары[3]. Численность противника достигала 100 человек. В бою 7 человек казаков убили, остальные, раненые, отошли в лес. Из леса казаки отправились по большой проезжей дороге к Тамбову и видели с дерева как большой отряд татар численностью более 3 тысяч человек пошел в сторону Тамбова. Не доходя до Кузьминой Гати верст 15, они пово-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 826. Л. 211-220.

[2] Там же. Л. 216-220.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1555. Л. 801-803.

ротили в сторону козловских укреплений. Поэтому двое из оставшихся тамбовских казаков ночью спешно поехали в Тамбов. Тамбовский воевода И. А. Языков сообщил, что татары подходили к Красному городку и отогнали большие стада. Тамбовский воевода принял ответные меры. Он послал на Тамбовский вал майора С. Тоболевского с солдатами, а на Лысые Горы иноземца А. Леина с двумястами конными казаками. Сам воевода сообщил в Москву, что лично с воинскими людьми вышел в поход против татар. Хотя татарский набег удалось отбить, но потери в людях и животных оказались серьезными.

Из Москвы в октябре 1681 г. пришла в Козлов грамота, в которой воеводу Е. С. Язова предупреждали о возможном появлении в уезде калмыков[1]. В грамоте говорилось о приходе в Верхний Ломов 25 сентября 1681 г. конного казака С. Наумова с товарищами. К ним на юрт на р. Вороне прибежал полоняник, тамбовский казак И. Андреев. Он рассказал, что его взяли в полон на р. Сортобе калмыки. Потребовали от него показать другие юрты земцев с целью поиска провожатых на русские города Пензу, Нижний и Верхний Ломовы. По смете тех калмыков насчитывалось 600 человек. Поэтому козловскому воеводе предлагалось жить с «береженьем» и кочевников на Русь не пропустить.

В июле 1690 г. тамбовский воевода князь Л. И. Дулов направил проезжую станицу до р. Хопра во главе со станичником С. Курохтиным. Они 27 июля приехали в Тамбов и сообщили воеводе, что доехали до пристани казачьего городка. Сюда приехал из Беляева городка неизвестный им казак, который сообщил, что по обеим сторонам Дона идет на Русь крымский хан с ордой, азовцами, ногаями и горскими черкесами[2]. Эту весть подтвердили крестьяне стольника Ф. В. Бутурлина из с. Палеха Юрьевского уезда. Они находились на Дону в казачьих городках для своих промыслов. 12 июля 1690 г. в казачий городок в устье р. Медведицы из Войска Донского привезли письмо с сообщением о проходе через Дон крымского хана с войском.

В 1694 г. тамбовский воевода И. Ю. Леонтьев сообщил козловским воеводам А. А. и И. А. Соймоновым о приходе под Тамбов

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1018. Л. 585-586.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 37. Л. 200-203.

татар[1]. Это произошло 28 сентября ночью. Татары прошли валовые крепости, захватили в плен двух пастухов и отогнали с Кузьминой Гати конные и коровьи стада. Один из пастухов житель с. Бойкина К. Устинов сбежал из плена у р. Липовицы. Он прибежал в Тамбов и рассказал, что нападавших калмыков насчитывалось 10 человек вместе с русским вожем. Воевода послал вдогонку тамбовца Л. Гридина с полковыми казаками и станичниками.

Информацию о возможном противнике давали, прежде всего, сторожевые казаки, выезжающие на ближние и дальние сторожи. Иногда информация поступала от владельцев бортных ухожьев. Находясь на промысле, они могли наблюдать появление в степи кочевников. Так, в конце августа 1681 г. в Тамбов приехал сторожевой казак проезжей станицы Д Баклыков. Он сообщил, что 30 августа этого же года ему рассказали шацкие «вотчинные промышленники», что видели в районе Бездушного Липяга на р. Тонбовке табун около 300 лошадей. Они подозревали о наличии здесь воинских людей, которые готовились к набегу на тамбовские и козловские места. Информацию о противнике давали и донские казаки.

В целом 1670–80-е гг. оказались более спокойными для территории Тамбовского края в отношении набегов кочевников. На это оказали влияние усиление оборонительных укреплений, эффективные действия Белгородского разрядного полка и крымские походы боярина В. В. Голицына. Тактика строительства оборонительных укреплений позволяла создать надежный заслон татарским набегам, обезопасить тылы в борьбе за Украину и противостоять турецкой экспансии в Причерноморье. В случае появления противника и получения информации местные воеводы были обязаны предупредить о ней соседей и центральные правительственные органы. Из Центральных приказов на места рассылались «опасные» или «оберегательные» грамоты, по которым воеводы проводили ряд мероприятий по обеспечению безопасности южных границ. Они должны были собрать всех служилых людей в уездный город в осаду, послать станицы и сторожи на опасные места и преследовать противника при его появлении.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 1837. Л. 153.

Глава вторая

ЗАСЕЛЕНИЕ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В XVII ВЕКЕ

Строительство новых городов на южных рубежах Русского государства неизбежно вело к образованию вокруг них уездов. Уезд – основное административное деление страны в XVII в. Если для центральных уездов понятие границ было достаточно определенным, то на юге России контуры уездов оставались весьма условными[1]. Огромные малозаселенные просторы Поля позволяли длительное время обходиться такими условными линиями. Например, до конца XVII в. границей Тамбовского и Козловского уездов служило русло р. Челновой, Шацкий и Тамбовский уезды разделяла р. Серп, а Козловский и Ряжский – р. Верда и Становая Ряса[2]. Хотя строельные книги Р. Ф. Боборыкина не сохранились, выписки из местных архивов содержат некоторую информацию по этому вопросу. Межой между Козловским и Тамбовским уездами считалась линия от Матырских до Челнавских верхов «от двух лесов в Русь спорным гребнем»[3]. Из отписки воеводы Р. Ф. Боборыкина за 1636 г. видно, что по государевой грамоте из Разрядного приказа от 9 декабря 1636 г. ему указали договориться с козловскими воеводами «дозрить» земли по р. Челновой и Челнавским лесом[4]. Предлагалось распределить

[1] См.: *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 139-141.

[2] РГАДА. Ф. Столбцы Белгородского стола. № 92. 9–29; Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 245-247; Столбцы Владимирского стола. № 131. Л. 174-180; № 145, Л. 272-279; Столбцы Дополнительного стола. № 22. Л. 56-61.

[3] ИТУАК. 1891. Вып. 32. С. 103.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 291-295.

земли, которые отойдут к Козловскому и Тамбовскому уездам, устроить служилых людей на землю, выделить лес на «селитьбу», то есть на устройства домов и хозяйственных построек, а также на дрова. По согласию с воеводой М. И. Спешневым Челнавский лес исстари использовался крестьянами Верхоценской волости как бортный ухожий, для ловли рыбы и бобровых гонов. Поэтому логично, что весь лес отходил к Тамбовскому уезду, тем более там устраивалась засека, преграждающая проход татар на русские места. Челнавский лес был сравнительно небольшой – шириной 1-1,5 версты. Поэтому Р. Ф. Боборыкин констатировал, что леса на Челновой для появления здесь слобод служилых людей не хватит и нужно вводить запрет козловцам выезжать туда для хозяйственных нужд.

В ответ козловские воеводы возразили, отметив, что такая ширина леса только в районе от Козловского вала, а на «стежке», по которой на Челновую ездили шацкие и ряжские сторожи, до устья реки шел лес шириной 5, 6, 7 и более верст. Поэтому они настаивали на возможности расселить вдоль Челновой слободы служилых людей. Они также обвиняли тамбовского воеводу в отсутствии надолб от Лысых Гор до Челновой, которые не закрывали крупные татарские сакмы. В целом можно отметить несогласование на первых порах планов строительства козловских и тамбовских полевых укреплений в районе Лысых Гор на месте стыка двух укрепленных линий. При этом каждый воевода пытался отстоять интересы своих корпоративных групп населения.

От изгиба Челновой около с. Сосновка граница Тамбовского и Шацкого уездов проходила по р. Серп, что в принципе оставалось более точным делением. К Тамбовскому уезду относились населенные пункты по притокам Серпа, Вопши и Островки. Восточная и южная границы Тамбовского уезда точно не определялись. Однако лесные массивы на правом берегу Цны и ее притоках Керше, Ломовисе, Лесном Тамбове и Липовице постоянно эксплуатировались местным населением в качестве бортных и рыбных ухожеев. Откупные ухожья по Вороне и Савале продолжали сохранять общерусское значение и после образования Тамбовского уезда. Здесь находились

сенокосные угодья, места для «дровяного и хоромного строения». Жилая зона уездов на юге ограничивалась чертой, за пределами которой запрещалось иметь поселения. В то же время хозяйственная зона пограничных уездов четко не определялась и варьировалась достаточно широко. Так, земли, примыкавшие с юга к черте и огромное пространство Цнинского леса на востоке, включались в уезд и широко эксплуатировались местным населением как сенокосные угодья, бортные, рыбные и звериные ухожья. Поэтому граница хозяйственной зоны простиралась до Хопра, Битюга и их притоков.

Быстрое заселение новых уездов, рост численности населенных пунктов приводили к смыканию со староосвоенными территориями Лебедянского, Ряжского и Шацкого уездов, постоянным конфликтам новопоселенцев со старожильцами. В подобных конфликтах размежевание земель осуществлялось местной администрацией. Осенью 1636 г. и весной 1637 г. лебедянский воевода М. С. Ладыженский и козловский воевода М. И. Спешнев межевали землю по р. Иловай, где находились владения Чудова монастыря и пришлых новопоселенцев. Идентичный конфликт произошел в 1639 г. при заселении с. Ламки. Сюда переехали 34 сына боярских во главе с Н. Золотухиным. У них произошел спор с крестьянами соседнего с. Сосновки, которые стали их «с того поместья сбивать и селиться не дают»[1]. Спор рассматривался в Разрядном приказе и был разрешен в пользу новопоселенцев. Однако подобные конфликты на юге России возникали как исключение, так как огромный фонд свободных плодородных земель обеспечивал потребности всех желающих. Переселенцы свободно растекались по степным просторам, заселяя удобные приречные земли.

Границы уездов сохранялись практически без изменений почти до конца XVII в. Только в начале 80-х гг. правительство предприняло попытку размежевать земли южных уездов и провести «валовую» межу[2]. По указу Ивана и Петра Алексеевичей 12 августа 1682 г. дья-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 159. Л. 147.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 186. Л. 329-330; Столбцы Приказного стола. № 608. Л. 340-345; № 1431. Л. 531-537.

кам В. Г. Семенову и Ф. Л. Шакловитому поручали организовать проведение размежевания земель между Тамбовским, Шацким и Козловским уездами, то есть провести большую валовую межу. За основу ее проведения взяли «утерянные» строельные книги Р. Ф. Боборыкина. Для этого к воеводе Льву Ермолову посылался указ о привлечении к межеванию дворян «добрых», знающих межевое дело. Такой же указ получил шацкий воевода В. Т. Кашкин.

В 1691 г. правительство опять вернулось к идее проведения «градской межи» между тамбовскими, шацкими и козловскими землями. За основу взяли строельные книги Р. Ф. Боборыкина 1636 г. По государеву указу от 22 апреля 1691 г. стольнику и воеводе А. Нестерову поручалось досмотреть старую межу вместе с тамбовскими, шацкими и козловскими старожилами[1]. Причиной появления этого указа стали многочисленные жалобы крестьян Тамбовской дворцовой Верхоценской волости на шацких помещиков, которые насильно завладели их старинными землями.

Планы строительства на южных границах страны новых городов и укрепленных линий потребовали нестандартных решений. Русское правительство отошло от традиционной практики заселения новых земель «сведенцами» из центральных уездов. В июне 1636 г. Боярская дума утвердила грамоту о наборе в новые города переселенцев. По ней воеводам разрешалось записывать в местные гарнизоны обедневших служилых людей, покинувших службу и оказавшихся с 1613 г. в крестьянах[2]. Этот пункт указа открывал возможность для беглого крепостного крестьянина сменить социальный статус и записаться в казаки, стрельцы и даже в дети боярские. На территории южных уездов вплоть до начала массовых сысков беглых крестьян в конце 50-х гг. XVII в. фактически не действовало положение Соборного уложения по отмене «урочных лет», позволяя все новым и новым волнам беглецов оседать в приграничной полосе.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 1431. Л. 531-532.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 251. Л. 158; Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 43–45

2.1. ЗАСЕЛЕНИЕ КОЗЛОВСКОГО УЕЗДА

Накануне строительства Козлова территория р. Воронеж частично уже была заселена. Подробное описание ее дано в отписке в Разрядный приказ о завершении строительства Козлова ясельничного И. В. Биркина и М. И. Спешнева, посланной с головой П. Красниковым 18 декабря 1635 г. в Москву[1]. Воеводы отметили строительство крепости на р. Лесной Воронеж на Козловом урочище и подчеркнули наличие городских пашен по Лесному Воронежу, рекам Каменке и Хоботцу. В том числе здесь наделили землей соборную церковь в размере 100 четвертей, а стрелецкой и пушкарской пашни отмерили 11304 четверти. Большой лес для строительных работ градским людям находился ниже по течению реки под Турмасовом, Хоботом, Радосным и до р. Олешня. За Хоботецким лесом шла дорога на Ряжск и в урочище Великие Луки, где уездным людям по смете отмерили 20 тысяч четвертей земли. Вниз по течению Лесного Воронежа до слияния с Польным Воронежем и вверх по Польному Воронежу до Булатова урочища воеводы отмерили еще 1 тысячу четвертей земли. Выше р. Ярославки «усады»[2] и на пашню дикого поля отмерили 15 тыс. четвертей. Вдоль Челновой они отметили городище на р. Сосновке, где можно было поселить служилых людей. В отписке в Москву отмечалось, что после строительства Козлова здесь находиться бортным ухожьям будет нельзя из-за недостатка свободного леса.

И. В. Биркин и М. И. Спешнев представили описание поместных владений на этой территории, расположенных вблизи нового города.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 159. Л. 69-143.

[2] Усадами в документах называли места под усадьбы.

У боярина князя Д. М. Пожарского с. Горитово[1] находилось на р. Воронеж на ногайской стороне в 100 верстах от Ряжска и 20 верстах от Козлова. По переписным ряжским книгам 1629–31 гг. Пехлецкого стану за Д. М. Пожарским здесь записано с. Горитово, Федякина поляна, Ярок и Торбеево[2]. Всего 250 четвертей земли. Около р. Горитовка имелось поле в 2 тыс. копен сена. В с. Ранино от Ряжского уезда под Воронежским лесом жили дети боярские. Само село располагалось в 10 верстах от Козлова. Село Ранина Поляна принадлежало нескольким ряжским помещикам. За П. К. и Л. К. Объедковыми числилось 50 четвертей пашни и 500 копен сена. За Н. А. Дубовицким имелось также 50 четвертей поля, а за Е. К Смагиным по его жеребью – 25 четвертей. Там же владели землей и другие дети боярские.

В 1642 г. произошел конфликт между козловским воеводой И. А. Ростовским и вдовой Д. М. Пожарского княгиней Ф. А. Пожарской[3]. Козловский воевода пожаловался на крестьян княгини из с. Горитово. Воевода указал на Торбеевском броде стоять в караулах сорок человек детям боярским Алешинского стана с. Лаврова. Однако на Торбееву поляну приехали крестьяне с. Горитово, сломали крепостные сооружения и поставили здесь свои дворы. В ответ на эту жалобу встречную челобитную написала княгиня Ф. А. Пожарская. Она пожаловалась на приезд в ее поместье с. Горитово воеводы князя И. А. Ростовского с козловскими детьми боярскими. Они побили крестьян, некоторых забрали в тюрьму, при этом один из крестьян от побоев умер. Обвинения в порче укреплений она отрицала и напомнила, что д. Горитово стояла на своем месте уже более 10 лет, еще до строительства Козлова. А укрепления, построенные при воеводах И. В. Биркине и М. И. Спешневе, оказались нетронутыми. Она пожаловалась на действия детей боярских из соседнего с. Лаврово,

[1] В документах село называлось Горетово, но впоследствии приобрело сегодняшнее написание – Горитово.

[2] Князь Д. М. Пожарский владел землями во многих уездах России еще до начала Смуты, после нее значительно увеличил вотчинные и поместные земли. См.: *Эскин Ю. М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 185- 207.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. 144. Л. 36-41.

которые «пустошили» ее крестьян, пытались по требованию воеводы ломать строения горитовских крестьян. Она требовала разбора дела в Москве. То есть перед нами налицо конфликт помещиков со служилыми новыми людьми, который правительству надо было избежать на пограничных землях.

Еще одна роспись владений Пожарских была составлена 18 января 1647 г. в Поместном приказе И. И. Румянцевым[1]. По ней за вдовой Д. М. Пожарского Феодорой Андреевной числилось в Пехлецком стане Ряжского уезда, в сельце Горитово, Федякиной Поляне, Казинке, Ярок 149 дворов, а также 511 человек мужского пола[2]. Перепись появилась в связи с указом о записи крестьян Пожарских в драгунскую службу и переводе поселений за черту с русской стороны[3]. Однако еще в 1649 г. воевода В. С. Волынский писал в Разрядный приказ, что не все новозаписанные драгуны, проживавшие на р. Воронеже, переехали с ногайской стороны на русскую. А те, кто переехал на новом месте пока не строятся. Поскольку теперь контроль за драгунами переходил козловскому воеводе, он предлагал провести переезд в зимнюю пору и обеспечить их дворовыми и огородными землями. Воевода лично ездил в с. Юрлуково и в иные места, где драгуны продолжали жить на своих старых местах. Он перевел всех драгун вглубь уезда с женами и детьми и со всем имуществом[4]. Драгун с. Ярок перевел на Стаеву Поляну, а из Горитово и Казинок перевез по зимнему пути под Хоботецкий лес. Воевода пообещал весной наделить их пашнями и сенными покосами по обе стороны р. Хоботца. Для перевозки козловских драгун он послал грамоту в Доброе Городище к воеводе Ф. П. Обернибесову, чтобы тот выделил от добренских драгун телеги, однако тот его грамоту не послушал и никаких подвод не прислал. Драгуны с. Торбеево жили на русской стороне, а пашни

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Книга № 385. Л. 413-459.

[2] Пожарский Д. М. – князь, боярин. Умер в 1642 г.

[3] *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012. С. 219-221.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 385. Л. 5-6, 89-92.

у них располагались на ногайской[1], что создавало угрозу нападения кочевников. Поэтому воевода предложил наделить торбеевцев лишней землей в количестве 545 четвертей в селах Лаврово, Гавриловке и д. Малой Гавриловке. Эти земли находились вблизи Торбеево.

По бывшему Лебедянскому уезду и книгам 1627–28 гг. в Городском стану братьям К., С. и С. Вельяминовым выделили земли в с. Соколье. В 1623 г. братья Вельяминовы через челобитную в Поместный приказ выселились из с. Соколье вследствие «тесноты» и переселились в урочище Лодыгина Поляна. Здесь на реках Воронеж и Семеновке они основали с. Лодыгино. К нему отошли и три починка: Семеновский, «Вавилов тож» на р. Семеновке, Пантелеев, «Желтые Пески тож» у Семеновского затона и Иванков, «Бастрыгин тож». Пашни у них у р. Буховая на чудовских землях с. Ратчино стали общим размером 356 четвертей, 3 поларшина.

За князем А. Н. Трубецким осталась вотчина пашня в 40 четвертей в с. Юрлуково. За Спасом Новым монастырем сохранились села Кривец, Борисовка, Хомутец, Семеновка и д. Луповка. В с. Хомутец имелось пашни 70 четвертей, в с. Кривец 320 четвертей, а в Борисовском Починке – 150 четвертей. Всего за Спасским монастырем числилось 670 четвертей. В Ряжском уезде д. Буховая под лесом и с. Ратчино относились к Чудову московскому монастырю и имели 356 четвертей пашенной земли.

В Добром Городище находилось поместье И. Г. Бобрищева-Пушкина. Из этого поместья два его крестьянина Р. Тихонов и С. Гребцов записались в Козлов в служилые люди. Пример оказался заразительным, и многие крестьяне захотели последовать ему. Помещик просил не записывать его крестьян в службу[2]. Наличие помещичьего землевладения приводило к постоянным конфликтам на юге России, что потребовало от правительства сделать пограничные территории свободными от крепостного права, избежать конфликта интересов помещиков и служилых людей.

[1] Эти термины в документах были условными, так как вся прилегающая территория до р. Хопра считалась русской.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 121. Л. 1.

Многочисленные источники XVII в. позволяют детально рассмотреть историю заселения и освоения Козловского уезда до середины столетия[1]. Уже в 1636 г. его поделили на 5 станов: Олешинский, Иловайский, Турмасовский, Борецкий и Устенский, в 1651 г. к ним добавился еще Челнавский. В 1636 г. в Козловском уезде насчитывалось 18 деревень, 3 слободы, 2 жилых городка и 1 город, т. е. всего 24 поселения. В 1638 г. их уже стало 35, а в 1651 г. – 68 поселений. Большинство деревень к этому времени превратились в села. Около города возникла Заворонежская слобода с предполагаемой численностью полковых казаков в 150 человек. Однако к ноябрю 1637 г. в ней насчитывался только 91 человек[2].

Переселенцы первоначально осваивали берега рек Лесной Воронеж, Иловай, Алешня, Пара, Становая Ряса, а с 1650-х гг. – Челновую и Верду. Места для поселений подыскивали сами переселенцы, а затем обращались к воеводе с челобитной, тот связывался с Разрядным приказом, и, если не обнаруживались конкуренты, Москва присылала официальное разрешение. После указа можно было начинать заселение свободной земли. Некоторые поселения в уезде возникли по прямому указанию правительства. Весной 1636 г. Разрядный приказ указал поселить на флангах Козловского вала по 300 стрельцов. Так появились слободы у Бельского и Челнавского городков.

В 1637 г. вотчины Лебедянского Спаса Нового монастыря с. Доброе Городище, Ратчино, Калинино, Кривец, Хомутец, д. Барское и Липовка приписали к Козловскому уезду[3]. Теперь их должны были «ведать» в г. Козлове, а изготовление стругов для донского спуска оставалось в ведении лебедянского воеводы. В апреле 1639 г. козловскому воеводе И. Ф. Кикину из Разрядного приказа пришла грамота о взятии с вотчин Спаса Нового монастыря, Доброго Городища с деревнями даточных людей 33 человека с пищалями. Их велели направить к козловским земляным крепостям с 30 мая во все лето. Настоятель монастыря архимандрит Иона жаловался на бегство крестьян,

[1] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 198, 199, 1014, 1015, 1016.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 84.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 123, 175.

что привело к запустению их пашень. Поэтому Разрядный приказ скорректировал свое прежнее поручение и предложил нести службу пополам, а 33 человека призвать только по «вестям».

Расселение служилых людей по Козловскому уезду не всегда происходило гладко. В некоторых случаях они встречали сопротивление местных владельческих крестьян, которые на этих местах занимались промыслами. Так, в октябре 1636 г. И. В. Биркин и М. И. Спешнев разбирали спор новопоселенцев детей боярских и крестьян Бухового Починку Чудова монастыря[1]. Сын боярский Ф. Печекин с 20 своими товарищами получил разрешение на поселение в районе р. Оловай. Однако они пожаловались воеводам, что крестьяне Чудова монастыря селиться в этих местах и пашню заводить не дали. В 1636 г. из Лебедяни приехал сын боярский С. Чеусов, посланный воеводой М. С. Ладыженским. Он выделил землю Чудову монастырю от д. Бухового Починка до р. Оловай на 20 верстах, что привело новопоселенцев детей боярских к «тесноте великой». В то же время земля Бухова Починка от Лебедянского и Ряжского уезда оказалась отделенной, и ее передали в Козловский уезд. Было указано наказать кнутом виновных в ущемлении земельных наделов детей боярских за неправильные замеры земли. Последовал указ еще раз перемерить эту землю и о исполнении решений сообщить в Москву. Сам воевода М. С. Ладыженский отказался ехать выполнять распоряжение Разрядного приказа, ссылаясь на болезнь.

В зависимости от состава жителей и рода их занятий все поселения Козловского уезда делились на села, деревни и слободы. В первых двух типах населенных пунктов жили дети боярские и помещичьи крестьяне старых владений, а в слободах – поместные атаманы из донских казаков и стрельцы. В этом плане особенно выделялся Устенский стан, включающий Устенскую, Борщевскую и Хмелевую слободы. Они протянулись цепочкой вдоль южной границы уезда около черты. Другая группа слобод находилась около г. Козлова, Бельского и Челнавского городков. Они возникли уже в 1636 г. и были заселены стрельцами. Стрелецкая служба по социальному статусу

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 159. Л. 38-40.

стояла ниже, чем у детей боярских и поместных атаманов. Поэтому в их число попало немало малоимущих переселенцев из числа крестьян и нищих. Правительству пришлось отойти от обычной практики самообеспечения служилых людей оружием и снаряжением за счет земельных наделов и выделить для бельских и челнавских стрельцов необходимую амуницию. Уже к январю 1639 г. гарнизон Козловского уезда насчитывал 2141 человек: 1133 детей боярских, 150 атаманов, 91 донских и яицких казаков, 232 старых, 33 новоприборных и 60 станичных казаков, 200 стрельцов козловских, 54 стрельца бельских, 202 стрельца челнавских, 20 пушкарей и 25 затинщиков, 4 воротника и 2 казенных кузнеца[1].

Слух о свободном и вольном крае, где можно записаться в привилегированные сословия служилых людей, широко разнесся по южнорусским землям. Сюда хлынул массовый поток переселенцев из числа помещичьих крестьян. Уже в 1636–1638 гг. в Разрядный приказ посыпались жалобы помещиков Воронежского, Данковского, Рязанского, Лебедянского, Переяславль-Рязанского, Ряжского уездов на бегство их крепостных в новый город[2]. В 1638 г. группа воронежцев жаловалась на бегство из их поместий более 300 крестьян в Козлов, а архимандрит Новоспасского монастыря говорил о потерях более 300 своих крестьян[3]. В это же время жалобы поступали от южнорусских помещиков: князя И. Бобрищева-Пушкина, дворян А. и М. Мещеряковых и других владельцев. Массовый уход населения из помещичьих владений приводил к серьезным конфликтам среди сельского населения. Местные приказчики и крестьяне противились бегству своих товарищей, так как остающиеся вынуждены были платить налоги за беглецов. Однако ни угрозы «утопить», ни избиения, ни грабеж не останавливали поток переселенцев.

В 1639 г. подали жалобу помещики братья Вельяминовы. Их поместье с. Ладыгино с деревнями находилось в Лебедянском уезде,

[1] *Davies B. L.* State Power and Cjmmunity in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1636–1949. New York, 2004. P. 90.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. Л. 1-91.

[3] *Davies B. L.* Op. cit. P. 83.

а после строительства Козлова вошло в новый уезд. Козловские воеводы стали брать даточных людей с их поместья для разных работ сначала по 6, а затем по 14 человек[1]. И они стояли на полевых укреплениях до больших снегов все лето. Воеводы г. Козлова направляли в поселения помещиков приставов, которые правили с крестьян подводы, заставляли строить струги, делать городовые «поделки». Крестьяне по их челобитной стали разбегаться в новые города и записываться в службу. В ответ на эту просьбу Разрядный приказ еще раз потребовал брать с поместья Вельяминовых в козловские земляные крепости даточных людей во все лето пополам, а в случае татарской тревоги быть всем 14 человекам.

Правительство, почувствовав опасность крепостническим устоям, предприняло со своей стороны слабую попытку ограничить бегство крепостных крестьян на южную окраину. В Козлов послали грамоту Разрядного приказа, запрещавшую принимать на службу крестьян и холопов: «Добро новый город садити, токмо старых не запустошити». Однако остановить вольную миграцию населения русское правительство опасалось. Строительство Тамбовской и Белгородской черт требовало все новых и новых служилых людей и диктовало центральной власти необходимость уступок в крепостнической политике помещиков.

В эти годы у крепостных крестьян появилась еще одна лазейка для смены своего социального статуса. В 20–30-е гг. XVII в. часть беглецов уходила на Дон и Яик и становилась вольными казаками. Русское правительство быстро оценило все выгоды положения донского казачества и стремилось использовать его в качестве передовых форпостов в борьбе с татарами. Донские казаки поддерживали с правительством особые отношения, основанные на признании вольностей Дона и выполнении ими за жалованье обязанностей сторожевой службы, а также участии в военных походах.

Строительство городов на южной границе государства испытывало определенные трудности с комплектованием гарнизонов. Поэтому правительство искало резерв их пополнения в среде донского

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 299.

казачества или украинских переселенцев[1]. Их привлекали специальными льготами: денежным жалованьем за «выход», на корм лошадям и на обзаведение хозяйством, селили в беломестных слободах, освобожденных от налогов. Такая гибкая политика царизма имела определенный успех. Многие выходцы с Дона и Украины переезжали на постоянное местожительство в южные уезды. Большинство из них являлись недавними беглыми владельческими крестьянами, пробывшими сравнительно недолгое время на Дону и вернувшимися обратно в ранге вольного казака со всеми вытекающими из этого льготами. Многие из них предпочли ратную службу российскому государю за земельный надел и жалование опасной и бедной жизни в верховых городках в ранге казачей «голытьбы».

Другой категорией вольного казачества стали переселенцы со Слободской Украины, которых на Руси называли «черкасами». Они поселились практически в большинстве южных уездах России в отдельных слободах. Переселенцы с Дона и Украины поселились в Козловском уезде в Устенской, Борщевой и Хмелевой слободах на положении поместных атаманов. Если в 1636 г. их насчитывалось всего 150 человек, то к 1652 г. – уже 670 человек. За «выход» они получали по 5 руб. на человека на селитьбу и дворовое строение, отрез сукна, по 3 четверти овса и 3 пуда соли. У одиноких продовольственная норма была ниже: по 3 четверти ржи, 2 четверти овса и пуд соли.

Часто использовались и другие формы поощрения переселенцев. Так, в 1647 г. группе черкас «за выход дано им на Москве жалования по 3 рубля, да по сукну доброму, да по шубе бараньей человеку... и как они в Козлов приедут и ты б их устроил и велел дать нашего жалования по 3 рубля человеку» – говорилось в одном из указов козловскому воеводе[2].

Особое место в процессе заселения Козловского уезда сыграли крестьяне вотчины князя Д. М. Пожарского, первые русские поселенцы в крае. В 1642 г. князь скончался, и в описываемый период

[1] В рассматриваемое время Украина входила в состав Речи Посполитой, т. е. Польши.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 187.

крестьяне принадлежали его вдове княгине Федоре Андреевне. В 1647 г. князь И. И. Румянцев переписал вотчину. В селах Казинки, Ярок, Торбеево, Горитово и Федякиной Поляне он насчитал 149 дворов и 511 крестьян.

Сложная политическая обстановка, связанная с борьбой за Украину, дальнейшие меры по укреплению границ, огромные потребности в росте численности армии вынуждали русское правительство сдерживать аппетиты дворянства и ограничивать рост феодального землевладения на юге страны. С этой целью вводились заповедные города с уездами по черте, где запрещалось помещикам центральных уездов иметь землевладение. Ряд уже существовавших владений изымали и компенсировали их в староосвоенных районах страны. В их число попали и владения Пожарских, крестьян которых записали в 1648 г. в драгунскую службу. Села новоявленных драгун перенесли с полевой стороны на «русскую», в центр Козловского уезда. Воевода Р. Ф. Боборыкин послал отряд казаков для контроля за выполнением решения правительства. Бурные события городского восстания лета 1648 г. в Козлове не позволили сразу завершить дело, только зимой 1649 г. преемник Р. Ф. Боборыкина воевода В. С. Волынский заставил последних бывших крестьян Пожарских вместе с имуществом и разобранными домами поселиться на новом месте. Из с. Ярок они переехали к Стаевой поляне, а из Горитово и Казинок – под Хоботовский лес. По старым документам Ямской приказ попытался с жителей с. Горитово и д. Ранино брать ямские деньги, как это делалось в прежние времена. В декабре 1651 г. дети боярские этих двух поселений во главе с П. Хомутцким написали, что они были приписаны к Козлову и всякими доходами там и ведаются[1]. Поселения возродились на старых местах только в начале XVIII в. Монастырская колонизация в Козловском уезде связана с деятельностью Троицкого монастыря. Он возник в 1627 г.[2] В 1636 г. в нем

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 277-289.

[2] *Мизис Ю. А., Напольникова П. К.* На южных рубежах Московского государства. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). Тамбов, 2022. С. 56-58.

уже имелась небольшая деревянная церковь. Все деревянные строения возводились силами самих старцев, так как место то «пустынное, крестьян нет»[1]. В 1660 г. при игумене Кирилле «человеке твердожительном» были построены первые каменные строения – церкви Успения Богоматери и Живоначальной Троицы.

Таким образом, мощный поток переселенцев привел к тому, что Козловский уезд стал к середине XVII в. одним из самых заселенных районов на юге России. В нем на 1652 г. насчитывалось 68 поселений: 1 город, 2 жилых городка и 65 слобод, сел и деревень, 3435 дворов жилых и 381 – пустых. Всего в уезде проживали 13300 человек мужского пола. По концентрации населения выделялись Турмасовский и Иловайский станы, расположенные в центре уезда, подальше от линии укреплений, и потому более безопасные. В них соответственно проживало 19 и 27 % всего населения уезда.

Дальнейший рост новых поселений в Козловском уезде был ограничен сложившейся территорией. Все удобные приречные земли около лесов были уже заселены, а междуречные пространства осваивать рутинной техникой XVII в. сельское население еще не научилось. Территория к югу от линии укреплений не могла осваиваться под поселения в силу запрета властей. К 1675 г. в Козловском уезде появилось только пять новых населенных пунктов: с. Крутое, д. Бычки на р. Верде, с. Ягодное на р. Паре, с. Ягодное на р. Ягодная Ряса, с. Хоботец[2]. Численность населения в дальнейшем росла за счет бурного естественного прироста.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 597. Л. 1-4.

[2] *Загоревский В. П.* Формирование и заселение Козловского уезда в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж. 1969. Вып. 3.

2.2. ЗАСЕЛЕНИЕ ТАМБОВСКОГО УЕЗДА

Одновременно с Козловским шло заселение Тамбовского уезда. Размежевание между двумя новыми уездами провел Р. Ф. Боборыкин. Сохранилась выписка из строельных книг первого тамбовского воеводы[1]. Градская межа между двумя уездами начиналась в районе двух верхов рек Матыра и Челновая и шла до р. Пара вдоль Челновой и Челнавского леса. Дубравы леса, заимища и угодья отошли к Тамбовскому уезду, так как этими местами исстари владели крестьяне Верхоценской волости. «Налево» от тех мест, то есть к западу, по притокам р. Польной Воронеж шли владения Козловского уезда. Вдоль русла р. Пары до Ряжской дороги и по дороге до Черни и Цнинского леса проходила межа Шацкого уезда. В 1679 г. при выделении земли настоятелю Благовещенского собора Никите Васильевичу и его «братии» эти грани вновь подтверждили[2].

Наряду с общими чертами, характерными для этого процесса на юге России, в Тамбовском уезде существовали некоторые особенности. В Поценье проживала большая группа коренного местного мордовского населения совместно с русскими старопереселенцами из центральных уездов. Они создали крупный земледельческий очаг в крае, заложили надежную базу для его дальнейшего освоения. Переход Верхоценской волости после смерти Марфы Иоанновны в распоряжение Приказа Большого дворца превратил ее в дворцовую вотчину. Старая Верхоценская волость разделилась на две части: Ценская Шацкая дворцовая волость и Верхоценская Тамбовская дворцовая

[1] ИТУАК. 1891. Вып. XXXII. С. 103-105.

[2] Речь идет о московском кремлевском соборе, что «у государя на сенях».

волость. Строительство укреплений дало новый импульс к активному переселению сюда жителей центральных уездов, возникновению новых поселений, связанных с охраной укреплений. Это привело к складыванию двух условных частей Тамбовского уезда: в северной части находилась Дворцовая Верхоценская волость, а в южной – поселения приборных служилых людей.

Формирование воинского контингента нового уезда стало первоочередной задачей тамбовского воеводы Р. Ф. Боборыкина. Специальный правительственный указ разрешал ему обращаться к населению соседних Воронежского, Ливенского, Сапожковского, Лебедянского, Михайловского, Донковского, Ряжского, Мценского, Новосельского и Шацкого уездов с призывом о переезде в новый город. Предполагалось набрать «вольных и охочих людей, от отцов детей, и от братьи братьев, и от дядей племянников, и подсоседников, и захребетников»[1]. То есть главным принципом при записи в воинскую службу становилось отсутствие воинской и тягловой повинности, чтобы не опустошить соседние города. Правительство привлекало в новый город переселенцев «государевым жалованием» и «пашней доброй». Для этого на базарных площадях указанных городов «велено кликать бирючем», то есть громко на весь торг говорить о возможности записаться в новый город служилым человеком.

Р. Ф. Боборыкин жаловался в Разрядный приказ, что воеводы этих городов создавали препятствия переселенцам и даже пускали в погоню специальные разъезды служилых казаков. Они возвращали с дороги переселенцев «...и приведчи их в те города бьют батоги и в тюрьму сажают»[2]. Особое усердие предпринимали козловские воеводы И. В. Биркин и М. И. Спешнев. В те годы основной путь из центральных уездов России и Москвы в Тамбов лежал через Козловский уезд. Местные воеводы стремились заполучить себе всех переселенцев и заставляли их силой записаться в козловские служилые

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 13-44; ИТУАК. 1887. Вып. 13, С. 40-44; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 362-363.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 22.

люди или отправляли обратно в старые города. Козловский голова на Челнавской засеке, бывший болховитин П. Быков вместе со своими товарищами «...тех людей имали и били, и грабили, а жен их позорили и грабят же, а бив и ограбя отсылают назад в Козлов город»[1].

Тамбовский воевода получил царский указ о запрете воеводам других городов чинить препятствие переселенцам в Тамбовский уезд. Козловские воеводы оправдывались тем, что они не пропускали в Тамбовский уезд только тех строителей, которые якобы опоздали в Козлов и пытались проехать в Тамбов. Скорее всего, это явление частично имело место, однако усердие козловских воевод объяснялось хронической нехваткой рабочих рук и служилых людей у себя в Козлове. Тамбовские воеводы должны были прельщать переселенцев государевым жалованием, пашней «добрая», льготами и промыслами вольными[2]. Об угрозах наказания воевод за задержку вольных переселенцев говорит образец грамоты шацкому воеводе. Его предупреждали, что если он против государева указа отпускать своих людей не будет: «И тебе от нас за то быть в великой опале и в наказании»[3]. Меры, предпринятые Р. Ф. Боборыкиным, возымели эффект, воеводам соседних городов стало гораздо сложнее не пускать в новые города своих жителей.

Козловские воеводы, оправдываясь, писали, что часть переселенцев, приехавших в Козловский уезд, не получили государева денежного и хлебного жалования в 1636 г., уехали в Тамбов, и их якобы не задерживали. Воеводы писали, что все лето в Тамбов и из Тамбова ездили разные люди, не говоря о себе ничего.

Р. Ф. Боборыкин одновременно жаловался на разорение бортных угодий дворцовых крестьян в Челнавском лесу. Козловские воеводы отметили, что Р. Ф. Боборыкин прислал в Козлов пострадавших крестьян Верхоценской волости Т. Борисова и П. Васильева[4]. Они рассказали о разорении 9 бортных дубов, 2 сосен и выдранных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 17.

[2] Там же. Л. 24.

[3] Там же. Л. 25, 39-44.

[4] Там же. Л. 45-47.

пчел и меда из 100 деревьев. Они в прежние годы с этих деревьев получали по 10 пудов меду за год. Воеводы из Козлова послали донковских стрелецких пятидесятника и десятника с детьми боярскими, которые и подтвердили этот грабеж. Поскольку речь шла о государевой собственности, М. И. Спешнев приказал найти виновных и доправить с них пеню по 1 руб. за пуд недобранного меда, а за воровство бить батогами.

Первопоселенцами г. Тамбова стали «сведенцы» из г. Шацка, а также Рязани, Коломны и других городов[1]. Правительство официально запрещало переезд на новое место жительства людей, несших тягло или воинскую службу. Однако добровольных переселенцев из числа нетягловых сословий насчитывалось немного, а основная масса служилых людей Тамбовского уезда набиралась из числа беглых крепостных крестьян. Это наглядно проявилось в ходе их сысков в конце 50-х – начале 60-х гг. Они поселились в пригородных слободах, в Пяшкильской слободе, на Лысых Горах и в других местах. Так же, как и в Козловском уезде, в состав тамбовских служилых людей записались выходцы с Дона и Запорожской Сечи.

Выше г. Тамбова по течению Цны в 8 верстах на «приходных татарских сакмах» была заложена слобода Кузьмина Гать. Здесь поставили часовню – предшественницу церкви Святого Николая. Первым приходским священником стал поп Михаил Сазонов. По особому правительственному указу от 17 марта 1636 г. в слободу на Кузьминой Гати переехали на постоянное жительство 45 донских атаманов и казаков во главе с атаманом Г. Ивановым. Еще планировалось добрать 5 человек. Их записали в сторожевую службу как сторожевых атаманов и казаков. Они получили земельные наделы, хлебное жалованье и денежное пособие размером в 12 руб. 25 алтын на семью «на дворовую селитьбу и зов», «на ружье» и другие расходы[2]. Сюда входили 8 руб. «на дворовую селитьбу и на зов», на приобретение ружья по 2 руб., на хлебное жалование 2 руб. 25 коп. с челове-

[1] ИТУАК. 1918. Вып. 58. С. 148-149.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 40-44; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 362-363.

ка. Наделение землей шло из расчета 3 атаманам и двум десятникам по 30 четвертей человеку, а рядовым по 25 четвертей[1] и по 100 копен сена за рекою Цной сенокосных угодий.

Поселенцам разрешалось для домового строения брать лес за р. Цной, исключая бортный. Им устраивалась межа с земельными владениями жителей с. Бокино и д. Неверовой. Вокруг слободы стояла линия надолб от болот до реки на 535 саж. Своим восточным концом надолбы упирались в русло р. Цны и небольшой «чорный» лес. Другая линия надолб в 95 саж. возникла позади слободы. А на самом татарском перелазе была установлена сторожевая башня с надолбами. Ее сооружали крестьяне и мордва Верхоценской волости, местные атаманы и сторожевые казаки. Другая крупная слобода – Пяшкильская – возникла на р. Цне в устье р. Пяшкили, где поселили сторожевых казаков[2]. С 60-х гг. XVII в. здесь же появились солдаты, которые несли службу по Тамбовскому валу.

О важности несения службы на Кузьминой Гати вплоть до конца XVII в. говорит содержание грамоты от государей Ивана и Петра Алексеевичей, в 1695 г. посланной в Тамбов воеводе И. И. Леонтьеву по поводу Г. М. Урнежевского[3]. Он должен был сменить голову тамбовских стрельцов и полковых казаков П. Гущина полковой слободы у Кузьминских ворот. Новому голове поручалось проверить списки вверенных ему служилых людей, состояние оружия у них, знамен и барабанов. Он должен был контролировать службу вверенных ему людей, проверять приезжающих в слободы людей, допрашивать всех подозрительных путешественников и регулярно находиться на Кузьминой Гати. Ему же поручалась проверка наличия летних печей, в качестве противопожарных мер запрещалась топка изб и бань в летнее время, пресекать кормчество, пьянство и курение табака. Самое главное, голова должен был обеспечить регулярные выезды казаков на валовые крепости, проверять состояние укреплений и контролировать их ремонт и починку. Голове предлагалось по-прежнему стоять

[1] Наделение землей шло из расчета одного поля, а реально в трех полях.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 54-56.

[3] ИТУАК. 1889. Вып. XXIII. С. 117-119.

со служилыми людьми на Кузьминских проезжих воротах, организовывать регулярные выезды на засеки засечным сторожам. Кузьминские ворота служили главным пунктом проезда торговцев и других людей со степи и, наоборот, в степь, на Дон и в Астрахань. Таким образом, укрепления Тамбовской черты, особенно в районе Кузьминой Гати, продолжали сохранять свое оборонительное значение практически до конца столетия.

На Тамбовщину из «Литвы» переехала и группа запорожских казаков численностью 73 человека. Им, как и всем переселенцам, предлагали за службу надел земли. Однако казаки отказались и потребовали денежное жалование: «И они де земли не имлют и пашни пахать не хотят»[1]. Из Приказа Большого дворца князю А. М. Львову приказали выдать им государево жалование и кормовые деньги. Они осели в особой Панской слободе г. Тамбова и до середины XVII в. пользовались привилегиями белослободцев. Позднее запорожские казаки слились с полковыми казаками. За «выход» бывшие запорожцы получали по 5 руб., их матери и жены – по 1 руб., дети старше 15 лет – по 1 руб., младше 15 лет – по полтине. Кроме того казакам выдавали «государево» денежное жалованье в размере 5 руб., а атаманам по 7 руб. и хлебное жалованье. Семейные получали по 5 четвертей хлеба, а одинокие – по 3 четверти. Кроме того, переселенцам давали рожь на семена для нового урожая по 2 четверти, по 5 четвертей овса, а земельного надела по 30 десятин «в поле».

Строительство Тамбовского вала с городками потребовало резко увеличить численность служилых людей в уезде за счет дополнительного набора. Учитывая хроническую нехватку дееспособного населения, правительство вынуждено было пойти на крайние меры и перевести в сословие служилых людей дворцовых крестьян. Так, крестьян городской Покровской слободы и деревень Татаново, Вижавино, Святая и сельца Тонбов специальным правительственным указом 1648 г. перевели в казачью службу[2]. Позднее казаками стали крестьяне еще ряда дворцовых сел: Горелое, Черленое и другие.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 362, 365.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 15. С. 50.

Документов о переводе поселений с правого лесного берега Цны вглубь уезда практически не сохранилось[1]. Но сам процесс освоения новых земель в Тамбовском уезде показывает постепенный переход на более удобный для сельскохозяйственных занятий левый берег Цны. В некоторых случаях сохранялось старое и новое село одновременно.

Подобную практику в южных городах В. М. Важинский назвал «милитаризацией» крестьян юга России. Она наблюдалась и в других уездах[2]. Так, группу бывших дворцовых крестьян сел Татаново и Тонбова в 1649 г. перевели в полковые конные казаки[3]. Они должны были нести службу наравне со старыми полковыми казаками. Их вывели со старых бортных ухожьев с правой стороны Цны на левую и выделили под дворы земли в с. Тонбов рядом с Ореховой Лукой (в 3 верстах южнее г. Тамбова). Из с. Татаново новых служилых людей временно расселили на противоположной стороне Цны на старых гумнах с. Куксово «меж дву речек Леплеев», так как других свободных земель рядом не обнаружилось. Название села сохранилось прежним. Вокруг новой слободы установили надолбы, так как здесь проходили в прежние времена татарские сакмы.

Окончательное решение вопроса было предложено путем переселения всех вышеуказанных казаков на Лысые Горы поближе к укреплениям Тамбовского вала. Наличие земляных укреплений Тамбовского вала, требующего постоянной охраны, и отсутствие у новых переселенцев средств, привело к отказу от переселения. Они достаточно потеряли при прежнем переселении, лишившись части своих бортных владений. Разрядный приказ отменил свое решение и оставил их на прежнем месте. Аргументация этого решения

[1] Один из таких документов был опубликован в ИТУАК. Вып. XV. 1887. С. 49-50.

[2] *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974. С. 55.

[3] ИТУАК. 1887. Вып. 15. С. 49-51. Копия с грамоты Тамбовского воеводы Андрея Вельяминова. В ней ошибочно в тексте при напечатывании вставлена дата 175 год. Однако весь документ датируется 20 февраля 7157 г. (1649). В то же время А. С. Вельяминов был Тамбовским воеводой в 1748–49 гг.

связана с наличием здесь татарских проходов, которые эти поселения с системой укреплений должны защищать по-прежнему.

В 1658 г. по государеву указу села Сосновка, Бокино, Пиркино, Вирятино перевели из дворцового ведомства и приписали к Тамбову «на прибылые караулы». Они должны были постоянно выделять по 100 человек для «скорых посылок» на татар[1]. Воевода Ф. И. Леонтьев насчитал там 669 дворов и в них 996 человек.

Набор в солдатские полки, осуществляемый с 1659 г., привел к возникновению солдатских сел. В середине 70-х гг. XVII в. они проживали в Новой Грязновке, Духовке и Пахатном Углу. Из других категорий служилых людей самостоятельными поселениями обзавелись лишь засечные сторожа в д. Пачинки и к концу столетия – станичные вожи в с. Корели. Таким образом, к середине 70-х гг. XVII в. 16 поселений Тамбовского уезда (10 процентов от общего числа) принадлежали служилым людям «по-прибору». К концу столетия за счет интенсивного освоения новых земель их численность увеличилась до 25 поселений (24,5 процента), причем большинство из них принадлежало казакам.

Вероятно, к середине 60-х гг. XVII в. возможности по обеспечению служилых людей новыми земляными наделами были исчерпаны и возникли проекты перевода служилых людей на новые места.

Верхоценская волость

После строительства Тамбова наблюдался быстрый рост территории Верхоценской волости. В XVII в. в России сложилась практика управления дворцовыми землями царского домена. Ими всеми руководил Приказ Большого дворца, который контролировал сбор налогов и хозяйственную деятельность дворцовой волости. В уезд, где размещались дворцовые земли, направлялся воевода, который, наряду с военными, судебными, административными обязанностями, должен был следить за состоянием дворцовой волости. В некоторых случаях воеводы руководили городом, принадлежащим двор-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 42-43.

цовому ведомству, в других там находилось смешанное население. После образования Тамбовского уезда часть Верхоценской волости осталась в Шацком уезде, а другая часть перешла в новый уезд. Этим вопросом занимался сам Р. Ф. Боборыкин[1]. Тамбовский уезд делился почти пополам на северную дворцовую Верхоценскую волость и южную – служилую. Воевода в южный уезд назначался Боярской Думой и Разрядным приказом. В Тамбовский уезд – Боярской Думой и Приказом Большого дворца. Дворцовое ведомство не ограничивалось только руководством дворцовыми владениями, но занималось и контролем всей территории уезда, в том числе назначением и деятельностью воевод. Непосредственно дворцовыми волостями управляли приказчики. Они находились в одном из наиболее крупных сел волости. В Верхоценской волости после ее отделения от Шацкого уезда административным центром стало село Морша. Здесь находился двор приказчика со штатом подьячих. Приказчик представлял государеву власть в данной волости, следил за сбором налогов, вел судебные дела.

До строительства Тамбова большинство сел и деревень Верхоценской волости занимали правый лесистый берег Цны. Это позволяло во время татарских набегов быстро скрыться в Цнинском лесу, используя традиционные мордовские тверди. Сама р. Цна также служила естественной преградой. Правобережье соответствовало основным занятиям мордвы: бортничеству, охоте, животноводству и в меньшей степени земледелию. После строительства Тамбова и тамбовских полевых укреплений значительно расширилась прослойка русских переселенцев, появилась возможность перейти на более плодородную территорию левого берега Цны. Земледелие становится основным занятием местного населения.

[1] В 1683 г. дворцовые крестьяне пожаловались царю на участившиеся конфликты с шацкими дворцовыми крестьянами, которые уничтожили старую межу между землями двух дворцовых волостей и завладели пахотными землями дворцовых тамбовских крестьян. С этой целью был послан межовщик для уточнения старой Тамбовской градской межи по книгам первого Тамбовского воеводы. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 608. Л. 340-341.

В связи с отсутствием документов Приказа Большого дворца первой половины XVII в. проследить динамику процесса перехода на левобережье в целом не представляется возможным. Косвенные данные позволяют предположить, что этот процесс происходил постепенно. Дворцовые крестьяне, освоив русло Цны, устремились на ее притоки: Челновую и Серп. За период с 1636 по 1652 г. здесь появилось 11 новых сел: Алгасово (1636 г.), Вирятино (1636), Сосновка (1636), Сысоево (1636), Вановье (1640), Темяшево (1640), Островка (1641), Хлыстово (1644), Отманов Угол (1648), Кулики (1630), Ракша (1652)[1]. В отличие от поселений служилых людей, где сразу же возникала большая однодворческая община, заселение новых дворцовых сел осуществлялось более разнообразными способами. Крестьяне иногда посылали разведчиков для осмотра местности. Так, в 1648 г. группа крестьян во главе с С. Отмановым из шацких сел Агломазово и Березово переселились на р. Челновую и основали здесь с. Отманов Угол. Лишь позднее за ними двинулась основная масса переселенцев.

Встречалось и одновременное массовое заселение села. Например, в 1636 г. в с. Ильинское, Алгасово тож сразу же переехали 205 человек[2]. По выпискам из несохранившихся строельных книг Р. Ф. Боборыкина отмечено заселение с. Ильинского и приписанной к нему д. Рыбный Борок, расположенной на р. Острошке. Здесь сразу же устроили 133 двора пашенных крестьян. При этом отмечалось, что отведенная под пашню земля выдана «не в меру», так как ее никто не межевал. С одной стороны отмерялась земля под новые поселения в районе Серповского леса, Ольховского болота, речек Орзазово, Сарым, Острофка, Опушка. С другой стороны лежала немерянная дикая степь. Новопоселенцам разрешалось иметь сенные покосы около р. Вопша и выезжать в Черный лес для «хоромного и дровянного, и для лыки, и лубья, и для всякого надобья на селитьбу всякий лес сечь, опричь бортного дельного деревья по р. Вопша, и речке Островке, и по речке Орзазову»[3].

[1] РГАДА. Ф. 394. Кн. № 3553 («Писцовая книга новых сел Верхоценской волости»); Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 214. Л. 127.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола, № 214. Л. 127-130.

[3] Там же. Л. 130.

Откуда шел основной поток переселенцев в Тамбовский уезд? Писцовые книги Тамбовского уезда фиксировали только официально разрешенную миграцию населения из старых дворцовых владений. Другим источником, введенным в научный оборот А. А. Новосельским, служат отдаточные книги беглых крестьян[1]. Они были составлены по материалам массовых сысков беглых, проведенных на юге России в конце 50-х – начале 60-х гг., и позволяют проследить вольную колонизацию Поценья.

Писцовые книги содержат данные за 35 лет (с 1636 по начало 70-х гг.), а отдаточные книги беглых – за период с 1554 по 1664 г., так как сыску подлежали только владельческие крестьяне, бежавшие от своих хозяев после 1653 г. Таким образом, оба источника не могут дать полной информации о размерах бегства крепостного населения в Тамбовский уезде, так как значительная часть из них не попала в официальную статистику, да и многие источники до нас не дошли. Но и фиксированные результаты говорят о массовом характере крестьянской миграции. Писцовые книги содержат информацию о 1583 семьях переселенцев из числа дворцовых крестьян, а сыщик А. П. Еропкин вернул за 1664–1665 годы своим владельцам из Тамбовского уезде 3284 их бывших крестьян (последний вид источников учитывал одновременно мужское и женское население как в служилых, так и в дворцовых селах).

Сопоставление обоих источников показывает районы выхода населения. Всего упоминается 50 уездов Русского государства, но основная масса приходила из соседних северных районов: Шацкого (47 % от общего числа переселенцев), Рязанского (15 %), Ряжского (2 %), а также Мещерского, Владимирского и других уездов. По отдаточным книгам беглых значительная их часть вышла из Рязанского (57 %), Мещерского (12,5 %), Шацкого (6 %), Владимирского (6 %) уездов. А. А. Новосельский отмечал малое количество беглых из числа дворцовых крестьян – всего 60 человек. Этот факт объясняется большими возможностями в легальной миграции населения

[1] *Новосельский А. А.* Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. (Труды иоторико-архивного института). М., 1946. Т. I. С. 127-152.

дворцовых вотчин, чем крепостных крестьян. Дворцовому крестьянину достаточно было сдать свое тягло родственникам или подсоседникам, получить официальное разрешение от приказчика и совершать переезд.

Бегство крепостных крестьян на южную окраину, сопровождавшееся зачастую антикрепостническими выступлениями, приобретали форму социального протеста. В 1661 г. в Москву поступила челобитная группы шацких помещиков на крестьян с. Вановье Верхоценской волости. Вместе со старостой А. Ермиловым они 29 июля 1660 г. «скопом и заговором, со всяким ружьем, с луки, и с пищали, и с бердыши, с топорками, и с ослопьями» приезжали в с. Апушку, разгромили помещичьи дворы, собрали урожай зерновых и вместе с жителями села бежали на Тамбовщину[1]. В 1662 г. жильцы Ф. и С. Таптыковы искали своих беглых крестьян в с. Кулики Тамбовского уезда. Староста села Т. Никитин собрал толпу крестьян и бранил помещиков «всякою неподобною бранью», разорвал наказную память о сыске беглых и отпускал прямые угрозы против новоявленных сыщиков. Подобные факты говорили об обострении социальной напряженности на южной окраине государства в связи с угрозой массового возвращения беглых крестьян.

В целом изучение миграционных потоков на Тамбовщину отражает процесс, охарактеризованный А. А. Новосельским как «сползание населения» на юг, т. е. постепенное перемещение огромной массы населения из центральных в более южные уезды. Технические, экономические и финансовые возможности крестьянского хозяйства XVII в. не позволяли большинству населения передвигаться на значительные расстояния. Только небольшая часть крестьян приходила из далеких Смоленского, Дорогобужского, Ржевского и Московского уездов, не меняя общей картины.

Практически отсутствовали переходы из соседних восточных и западных уездов: Усманского, Саранского, Керенского, Воронежского, которые сами подвергались активному заселению. В процессе формирования селитебной территории в середине столетия усили-

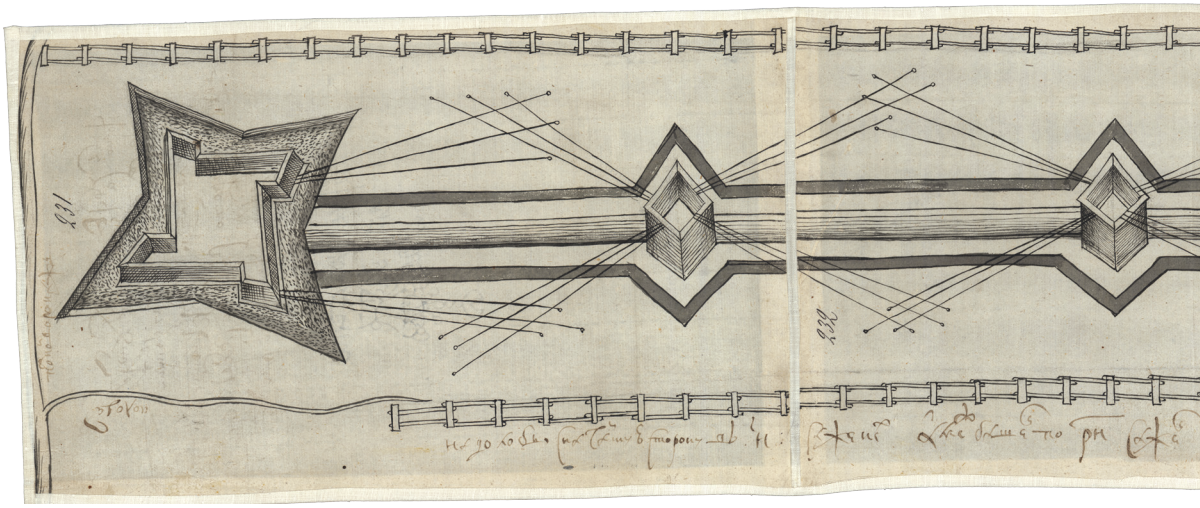
[1] Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 279-280.

лись перемещения внутри Тамбовского и Козловского уездов. Например, в Тамбовском уезде они составили 7,5 % от общего числа переселенцев. Большинство таких переходов осуществлялось из староосвоенных зон в новые поселения.

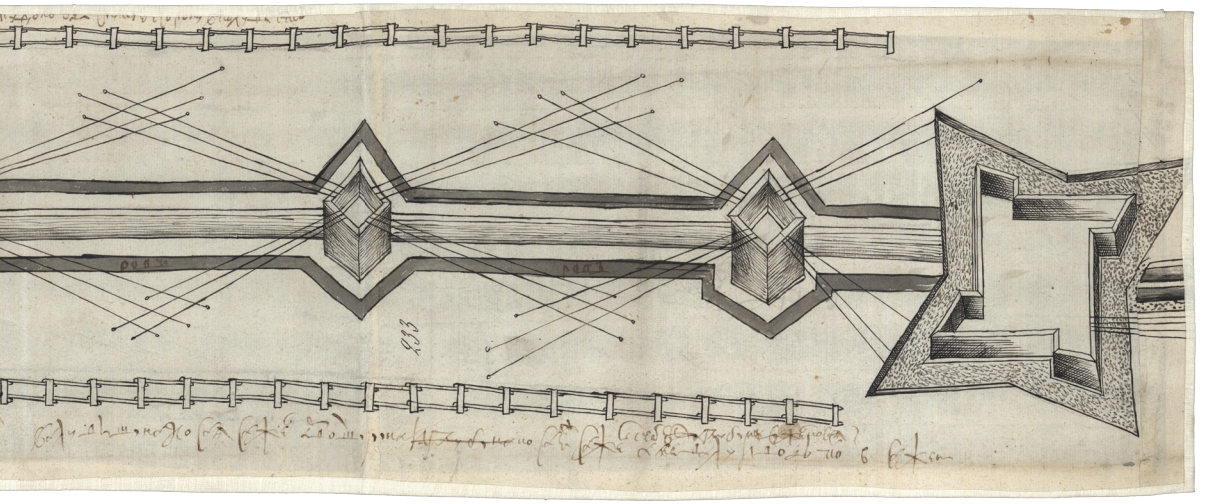
К середине 70-х гг. XVII в. завершился процесс заселения Тамбовского уезда в сложившихся границах. Он включал 85 населенных пунктов, из которых 50 поселений (более 60 %) принадлежали дворцовым крестьянам, 16 поселений (10 %) – служилым людям и остальные – монастырям и помещикам. Общая численность мужского населения составляла 19,5 тысячи человек. Из них 11,5 тысячи (59 % от общего числа) – дворцовые крестьяне, а 6655 человек (34 %) – служилые люди. Тамбовский уезд по численности населения в эти годы значительно превосходил все пограничные уезды южной окраины. Плодородные земли, мощная оборонительная черта и Цнинский лес создавали безопасную зону, привлекали значительные массы населения, обеспечили благоприятные условия для быстрого заселения Тамбовского края.

Крепость Козлов в XVII в.

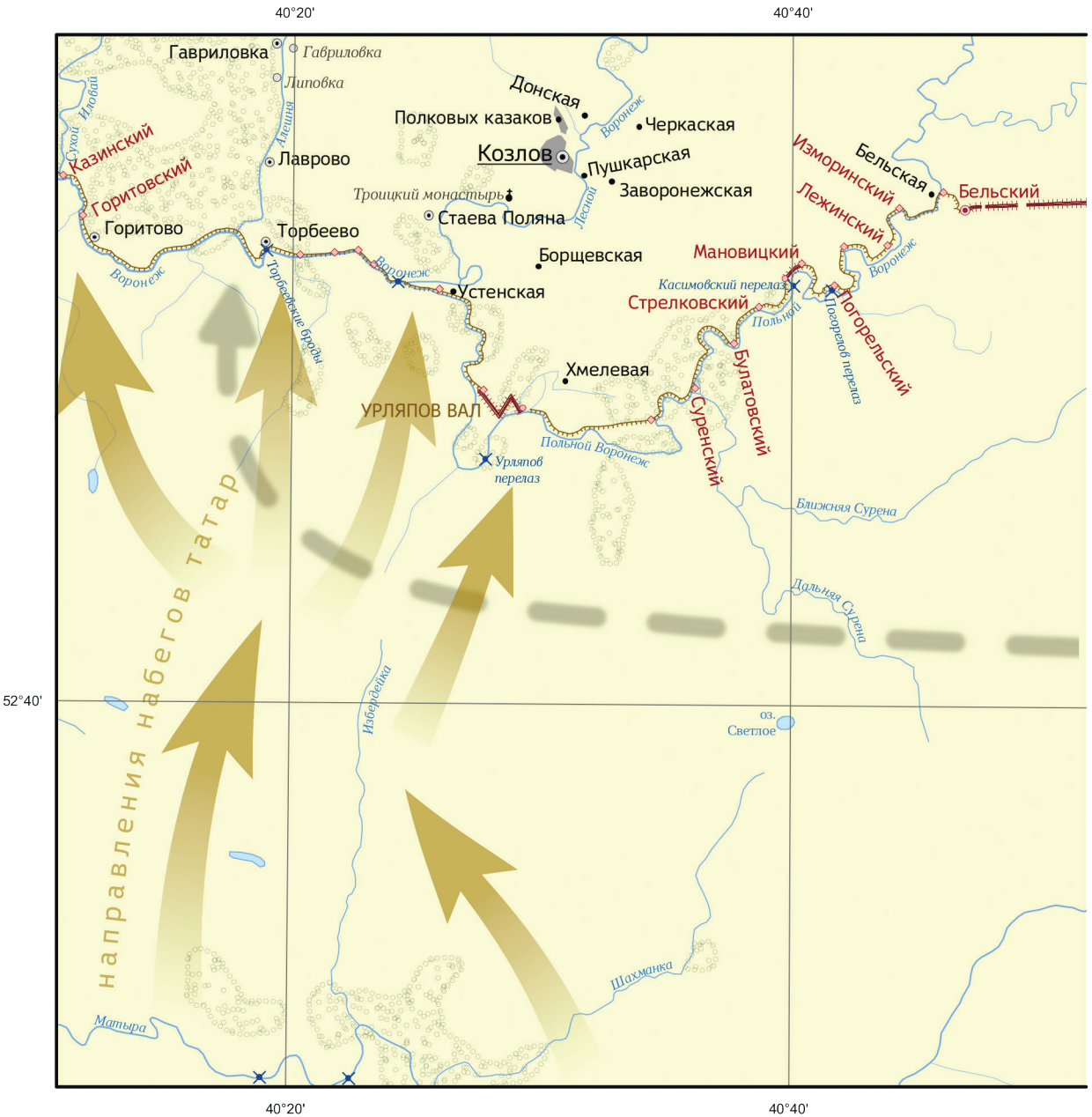
Чертеж Козловского и Тамбовского уездов. 1685 г. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Л. 231-233.



Чертеж Яна Корнелия. Козловск
РГАДА. Ф. 210 Разрядный приказ. Опись 13.

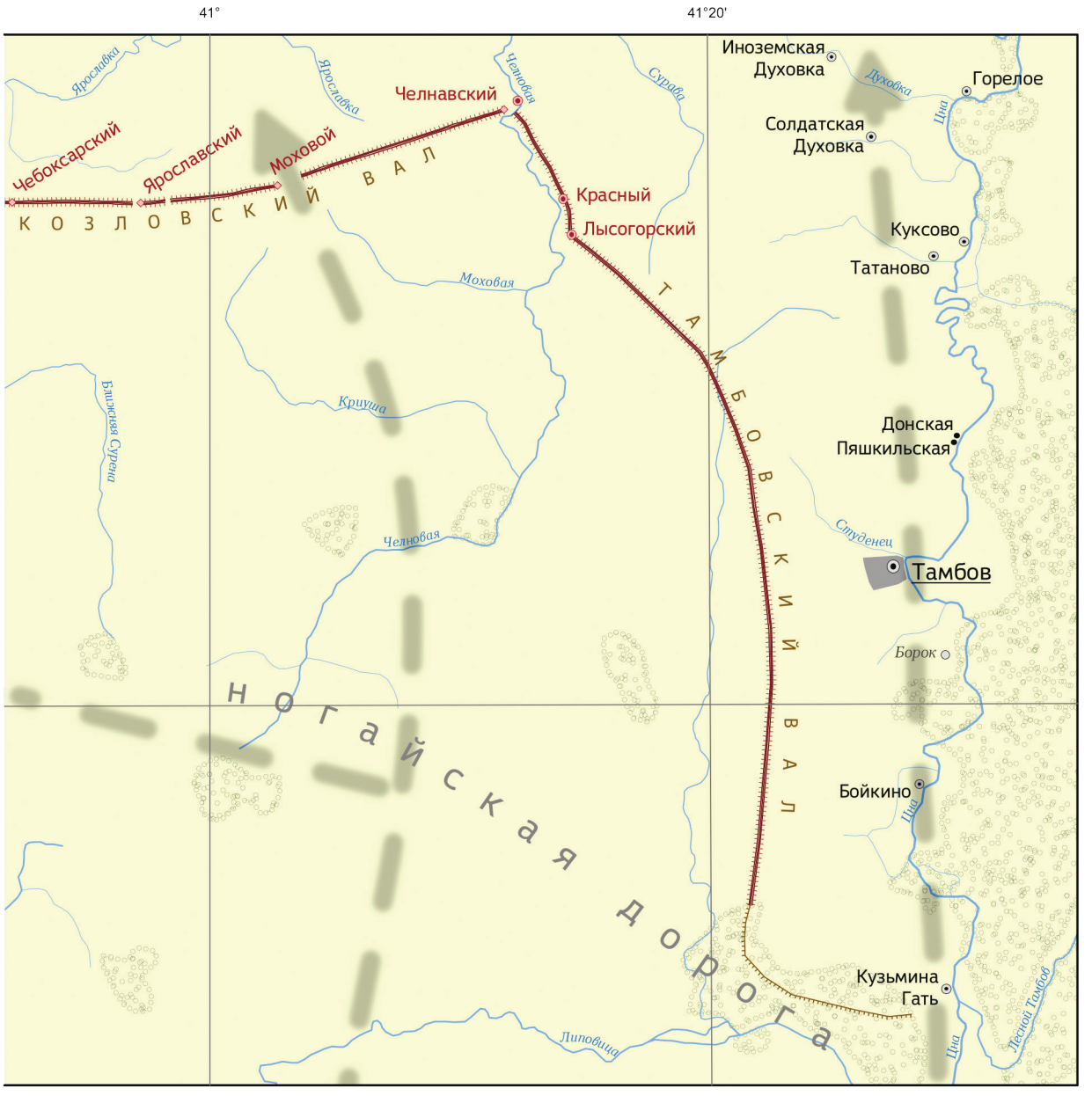


ий участок оборонительного вала.
Столбцы Приказного стола № 92. Л. 231-233.



западнее Казинского острога
начинается Добровский участок
Белгородской черты

Козловский участок Белгородской черты (автор К. С. Кунавин)


41°
41°20'
Ярославка
Ярославка
Челновая
Сурава
Иноземская Духовка
Духовка
Горелое
Цна
Солдатская Духовка
Челнавский
Чебоксарский
Ярославский
Моховой
К О З Л О В С К И Й В А Л
Красный
Лысогорский
Куксово
Татаново
Моховая
Т А М Б О В С К И Й В А Л
Кршуша
Ближняя Сурена
Донская Пяшкильская
Студенец
Челновая
Тамбов
Борок
Н О Г А Й С К А Я Д О Р О Г А
Бойкино
Цна
Кузьмина Гать
Липовица
Лесной Тамбов
Цна
41°
41°20'
город
слобода
стоялый городок
село или сельцо
монастырь
деревня
острог или башня
земляной вал
надолбы или засека
брод или перелаз
1 : 300 000
0 1,5 3 6 9 12 км

Рубленый город

1 – Воеводский двор

Проездные башни

2 – Московские ворота
3 – Водяные ворота
4 - Проездные ворота

5 – плотина и мельница

Острог

6 – Знаменская церковь

Проездные башни

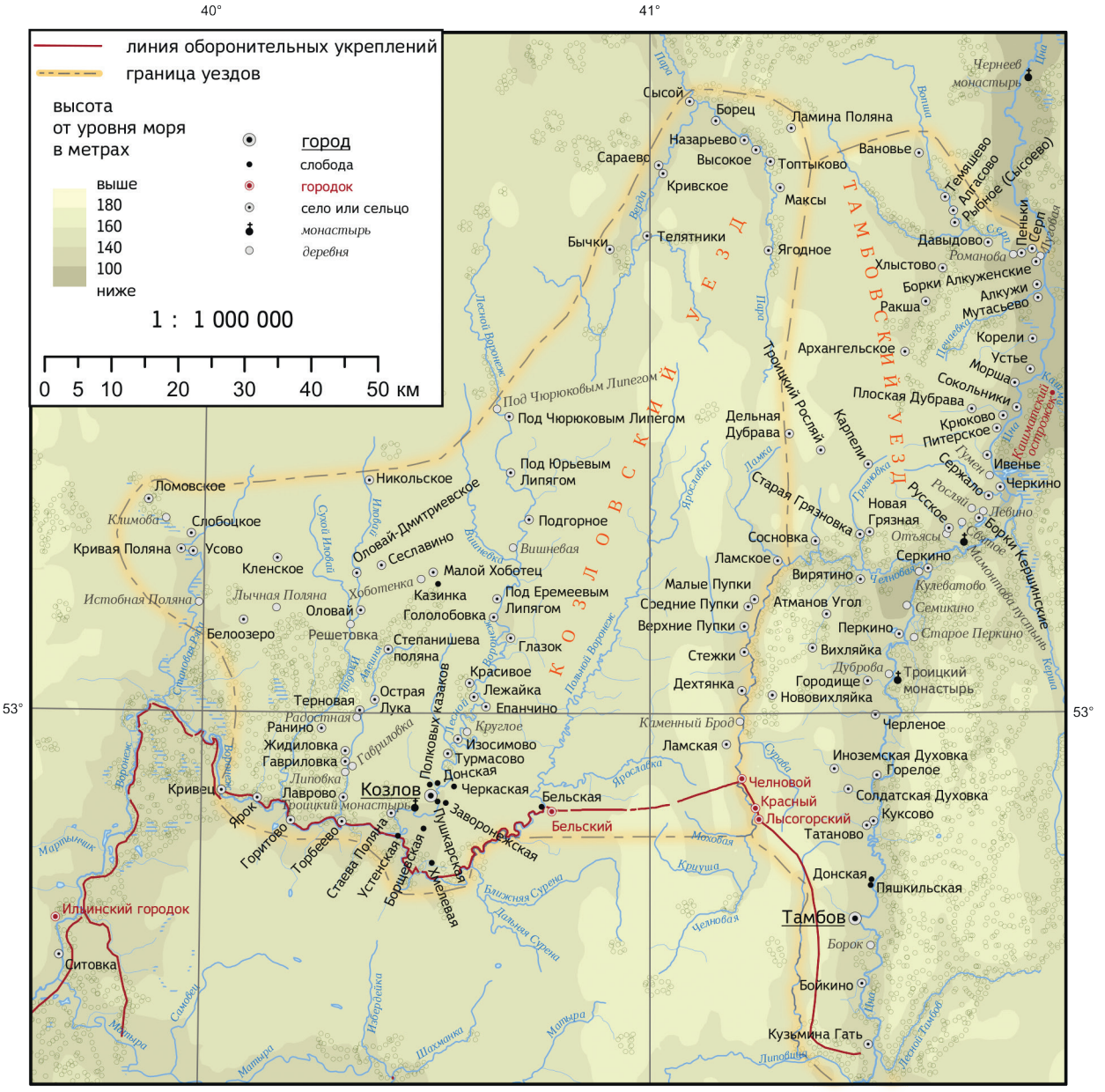
7 – Козловские ворота
8 – Никольские (Студенецкие) ворота
9 – Хоперские ворота
10 – Водяные ворота

11 – мужской монастырь

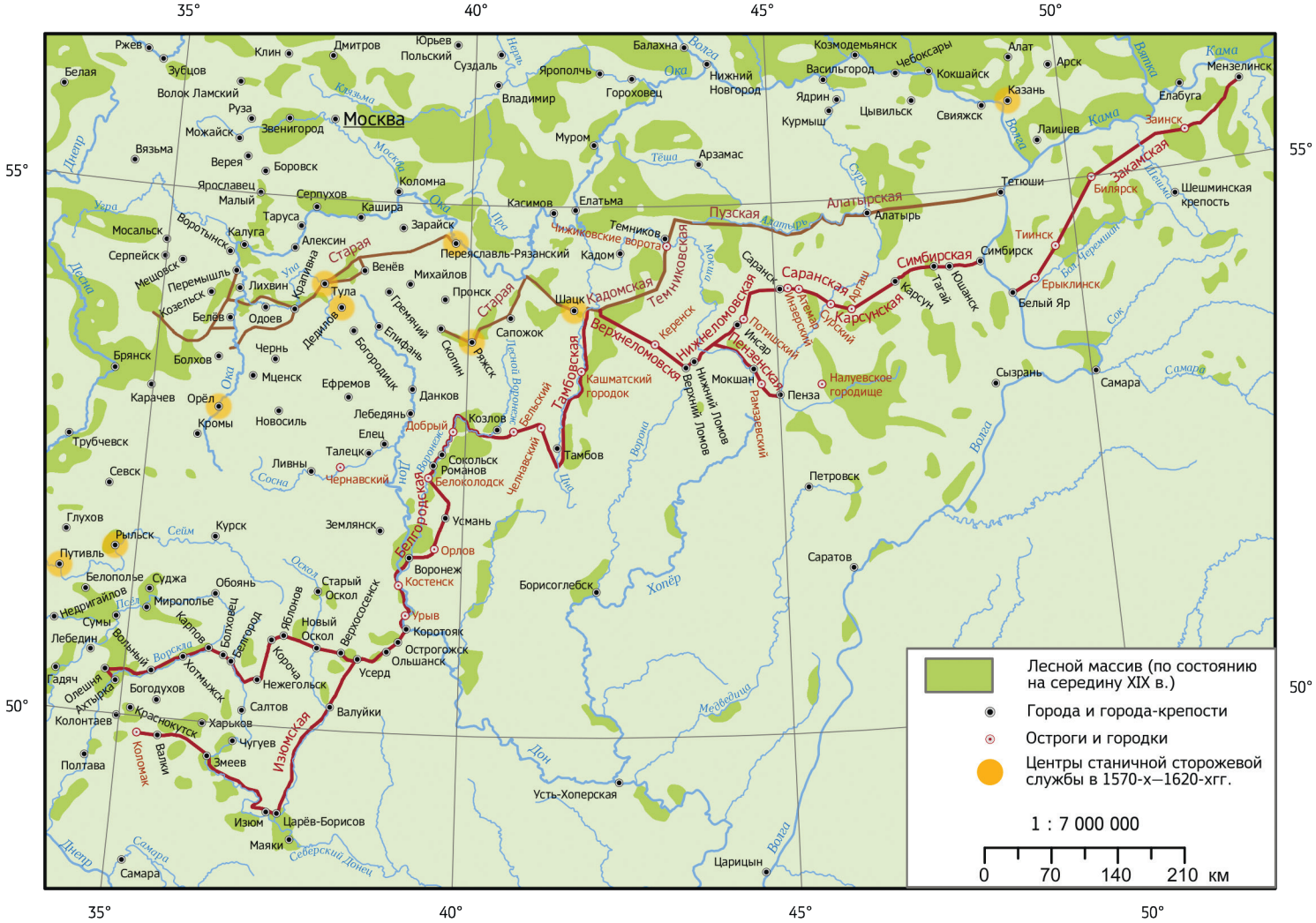
башни с вылазными калитками
караульные избы
раскаты
торговые лавки
надолбы
береговые тарасы
тайник

Реконструкция по: И.А. Воротникова, В.М. Неделин. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV-XVII веков. Крепости юга России. Том 2. Книга 1. — М.: Индрик, 2016. — 556 с.

Крепость Тамбов. Середина XVII в.



Территория Козловского и Тамбовского уезда
во второй половине XVII в. (автор К. С. Кунавин)



Оборонительные укрепления центральной и южной России XVII в. (автор К. С. Кунавин)

Глава третья

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Наличие огромного фонда свободных земель на окраинах государства в период позднего феодализма в России оказало серьезное влияние не только на ход экономических, но и социально-демографических процессов. В XVII в. произошел общий рост численности населения России с 7 млн человек на начало столетия до 10,5 млн человек на его конец. Такие высокие темпы увеличения численности населения для феодальной формации объясняются, с одной стороны, присоединением новых территорий, с другой стороны, благоприятными факторами демографического развития. Среди них решающая роль принадлежит производственной деятельности человека, в частности русского крестьянства, сумевшего в короткие сроки восстановить хозяйство страны после тяжелейшего кризиса начала века. Колонизация малозаселенных территорий в основном молодыми энергичными людьми давала демографический взрыв, что привело к быстрому росту численности населения новых южных уездов.

Начиная с первых дней строительства городов на юге России шел активный процес формирования гарнизонов городов и уездов. Анализ численности служилых людей затрудняется разными целями переписей. В источниках не всегда указывается задача таких переписей. Поэтому в некоторых из них выписывались только те, кто пришел на явку, в других случаях сюда включали лиц, достигших возраста призыва в службу, то есть более 15 лет. Иногда включали потенциальный резерв в виде недорослей детей, братьев, племянников, внуков, половинщиков. В списки могли внести подьячих, посадских людей и даже ямщиков.

3.1. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНО-РУССКОГО ФРОНТИРА В ПЕРИОД ЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ В XVII В.

Заселение огромной территории междуречья Волги и Дона в XVII в. шло за счет строительства сплошной линии укреплений: Белгородской, Тамбовской, Шацкой, Нижне- и Верхне-Ломовской и других черт. Это позволило быстро освоить новые лесостепные территории. Основной поток переселенцев состоял из крестьян, главным образом владельческих, и частично из мелких служилых людей, гораздо меньше насчитывалось выходцев из посадского населения. Именно эти категории переселялись на новые земли, рассчитывая изменить свой социальный статус и стать служилыми людьми, получить повышение по службе, а также земельный надел и гарантированный денежный оклад. Крестьянская психология и привычки еще долго довлели над ними, определяли характер их жизни и деятельности. Многие из них записались в дети боярские, рейтары, солдаты и другие профессиональные категории воинских людей, получив юридические права на поместное личное землевладение. В начале XVIII в. всех мелких служилых людей вновь вернули в прежнее состояние, превратив в государственных крестьян. Так завершился для большинства населения России временный цикл изменения социального статуса.

Юг России предоставлял совершенно другие условия для проживания переселенцев, чем основная территория страны. Это была территория фронтира, которая вырабатывала особый психологический аспект поведения. Прежде всего, пограничье меняло социальный и профессиональный статус большинства переселенцев. Они становились государевыми служилыми людьми, служащими лично царю и защищающими границы Русского государства, то есть

«государевыми холопами». Поэтому в жизнь населения входила повседневная служба на границах государства в местных гарнизонах, с опасными походами, поисками противника, военными столкновениями, отражением угроз набегов кочевников. Постоянная военная опасность входила в менталитет местного населения. Особенностями жизни в районе границы становилась интенсивная военная служба, регулярное участие в военных столкновениях. Наличие оружия в домах являлось обычным фактом в южнорусских уездах, огнестрельное и холодное оружие служило гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных и промысловых работ.

Запись в государеву службу сопровождалась наделением землей и денежным жалованием, которое, правда, выдавалось нерегулярно. Так, в 1643 г. Разрядный приказ подсчитал, сколько понадобится денег для выплаты денежного жалования служилым людям Козловского уезда. Детям боярским, поместным атаманам, полковым, сторожевым и новопоселенным казакам, черкасам – по 5 руб., а пушкарям, стрельцам, затинщикам – 3 руб. Всего необходимо было выдать 9518 руб[1]. Однако суммы уменьшили до 3 и 2 руб. соответственно. Предлагалось взять 2 тысячи рублей в Посольском приказе, Устюжской чети – 1000 руб., во Владимирской чети – 300 руб., в Разрядном приказе 700 руб. По оставшимся 1759 руб. послали память из Разрядного приказа в Новую четь. При этом черкасам думный дьяк Разрядного приказа И. Гавренев денег давать не велел, так как они получали ежегодно государево жалование по 5 руб. Такие же расчеты делались на случай выплаты раненым в боях служилым людям. Выходило всего 350 руб. Разрядный приказ запрашивал мнение царя на этот счет, а 9 мая отправил в Козлов подьячего Д. Брянцева с 5729 руб. на жалование козловским служилым людям. Воеводе указали подготовить помещение для хранения казны. Одновременно пришел указ о пожаловании раненым 30 апреля 1643 г. на татарском бою на р. Сомовец по 3 руб. за тяжелые, 2-1,5 руб. за средние и 1-0,5 руб. за легкие раны.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 232-349.

В службах местных людей, зачастую встречались нестандартные ситуации, когда лица, записанные в службу сыном боярским или поместным атаманом, умерли или попали в плен, а службу продолжили нести их дети, братья и племянники, пользуясь теми же наделами. Однако в расписные списки воевод они еще не успели попасть. Так, в июле 1643 г. козловский воевода И. З. Ляпунов получил из Москвы на жалование местным служилым людям 6068 руб.[1] Он обнаружил, что часть служилых людей из выше описываемой категории в расписной список своего предшественника И. А. Ростовского не попала. Разрядный приказ прислал грамоту в Козлов для воеводы проверить службу не записанных в списки служилых людей и наличие у них дворов в городе, а после этого выдать им положенное жалование.

Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться на имя государя с просьбами о помощи. Это могла быть просьба о приобретении оружия, амуниции, отрезов сукна на кафтан и даже лошади в случае ее утраты во время военных действий. Такие просьбы позволяли, прежде всего, особенно отличившиеся по защите государевых рубежей. Во время военных походов на границу и столкновений с татарами служилые люди теряли лошадей, которых они должны были по статусу службы приобретать на свои средства. По возвращении обратно обращались в приказы с челобитной на имя царя, прося лошадь из государевых запасов или компенсацию деньгами. Иногда лошадь разрешали выдать из воеводского запаса, чаще всего предоставляли деньги из средств местного бюджета. В случае ранения в бою с противником служилый человек рассчитывал на получение дополнительной суммы на лечение. Как правило, поправившись от ранения, он получал от воеводы сопроводительное письмо с описанием своих ран, он выезжал в соответствующий приказ лично и должен был там предъявить свое ранение. Только после этого получал право на компенсацию. Местные служилые люди не стеснялись писать челобитные на царское имя для решения своих насущных проблем, в том

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 435-438.

числе и личных оскорблений. Царская власть ассоциировалась с законом и порядком. Характерным примером стало обращение на имя государя козловского сына боярского С. В. Гурьева д. Степанищево Козловского уезда на своего соседа, прилюдно оскорбившего его при многих людях в 1656 г. обвинением в воровстве и связях с воровскими людьми. Челобитчик требовал суда в Москве[1]. Другим примером стала челобитная козловского стрелецкого сына Р. Горбунова, поданная в декабре 1666 г. в Разрядный приказ на государево имя[2]. Он обвинил козловца д. Телятниково И. Лагунова в краже лошади стоимостью 8 руб., продаже ее незнакомым людям. Челобитчик жаловался, что с потерей лошади он не мог выполнять свои служебные обязанности. В ответ Разрядный приказ указал козловскому воеводе провести сыск в д. Телятниково и попытаться найти лошадь.

Другая, не очень часто встречающаяся, но имевшая место на юге России просьба, была связана с обещанием перед «всевышним» выполнить клятву. Встречались случаи, когда служилые люди попадали в плен и просили бога помочь им выйти из него с обещанием внести вклад в церковь в виде иконы или каких-то других пожертвований. Если им удавалось убежать из плена, то, вернувшись на родину, они пытались выполнить свой обет за счет помощи от царя, обращаясь к нему с челобитной. В ответ на такие письма Разрядный приказ, как правило, выделял деньги бывшему пленнику на реализацию его обета. Естественно до царя такие челобитные не доходили, и решения по ним принимали дьяки и подьячие московских приказов. Но эти решения создавали иллюзию патриоталистических отношений царя с народом и приводили к сакрализации царской власти, способной решить проблемы простых людей.

В южно-русском пограничье складывались особые отношения населения с воеводской властью. Здесь от решений воевод зависело не только благополучие, но иногда и жизнь человека. Поэтому ценность воеводского распоряжения, особенно военных решений, оказывалась гораздо выше и ответственнее, чем в центральных уездах.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 354. Л. 154-162.

[2] Там же. Л. 65-66.

В случаях конфликта местное население прибегало к таким крайним мерам, как отказ выполнять волю воевод, прямому неподчинению и подаче челобитных от имени «всего города и уезда», что в центральных районах страны практически отсутствовало. Важной особенностью воеводской службы на юге России являлась организация мероприятий по защите своего уезда от набегов кочевников: регулярный смотр войск, посылка сторожей на ближние и дальние места, защита укреплений и крепостей, контроль за контрабандой, санитарный контроль в случае возможных эпидемий. Все эти требования центральная власть формулировала в воеводских наказах и повседневных распоряжениях.

Одним из главных привлекательных условий на юге страны для переселенцев стала относительная вольность проживания по сравнению с центральными и северными сельскими поселениями. На юге России государственная власть не имела еще достаточно сильных позиций, в сельских поселениях, особенно расположенных достаточно далеко от уездного центра, действовало местное самоуправление, решавшее множество текущих вопросов. С головой, атаманом или старостой, а также сотским, пятидесятником или десятником можно было договориться, например, о выкуривании вина или приготовлении пива на похороны, свадьбы или крещение детей, выезде по своим делам за черту в поле. На Руси в XVII в. существовала государственная монополия на продажу вина только через государевы питейные заведения. Курить вино и другие пития можно было по заказу казны, с последующей сдачей его в государевые питейные дворы. Однако имелись два повода приготовить пития для личного потребления: свадьба или поминки. В этом случае предполагался запрос разрешения в воеводскую канцелярию. С учетом больших расстояний в пограничных уездах, сделать это достаточно быстро не представлялось возможным. Поэтому по согласованию с местным командиром или старостой эти проблемы решались самостоятельно. Единственный запрет касался продажи остатков такого вина. Уже затем эти проблемы согласовывались с воеводой и подьячими приказной избы.

Местное население отлучалось на охоту даже за черту, не спрашивая особого разрешения у воеводы, и совершало множество других независимых действий. По постоянным требованиям Разрядного приказа о контроле за использованием боеприпасов только на военные цели, становится ясно их частое нецелевое применение на охоте. Иногда такие несанкционированные выезды на охоту за линию укреплений заканчивались пленением или убийством служилых людей во время внезапного татарского набега. В этом случае ответственность за происшедшее перекладывалась на местное руководство.

Юг России предоставлял широкие возможности для торговых связей с Доном, чем местное население регулярно пользовалось. В первой половине XVII в. эти поездки осуществлялись практически самостоятельно, без согласования с органами власти или по рекомендации своих уездных воевод[1]. Во второй половине XVII в. государство ужесточило правило выезда на Дон. Теперь оно выдавалось только воеводами южнорусских пограничных уездов: Воронежа, Яблоновца и др. и оформлялось официальными бумагами. Многие служилые люди Тамбовского и Козловского уездов регулярно участвовали в государевом спуске продовольствия и боеприпасов донским казакам через Воронеж. Поэтому местное население испытывало значительное влияние донской вольности и могло в любой момент знакомыми дорогами уйти через степь в донские казачьи городки, обменяв хлеб, вино, боеприпасы на лошадей или воинскую добычу казаков, даже поучаствовать в казачих походах за зипунами.

Переселение на новые места на юге России иногда шло из одних населенных пунктов, но чаще из разных сел и даже уездов. Возникали новые сельские общины, не имеющие длительных традиций. Новопоселенцы приезжали с уже устоявшихся сельских поселений, где существовал сформированный общинный микромир взаимоотношений. Значительная часть переселенцев по возрасту

[1] *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005. С. 274-309.

были сравнительно молодыми людьми, что также затрудняло быстрое формирование общих интересов. Часто встречались бытовые конфликты, связанные с хозяйственной деятельностью: землевладением и землепользованием, владением бортными ухожьями, сенокосами, межевыми спорами. Поэтому складывание традиций общежития в общине формировалось на протяжении достаточно длительного времени.

Переселение массы молодых инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Отсутствие традиций и старших возрастов в сельской общине служилых людей в какой-то мере способствовало проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. Сказалось и переселение в пограничные регионы лиц, как правило, из числа служилых и посадских людей, совершивших различные преступления в центральных районах страны. Их ссылали сюда на вечное «житие». Они привносили в местные сельские общины негативные традиции прежней жизни.

Наблюдались особенности медленного формирования посадского населения в южнорусских городах. За весь XVII в. на юге России они появились только в 4 городах[1]. Сами посадские общины оставались небольшими и мало влияли на городскую жизнь, где доминировали служилые люди. Даже в торговле в южнорусских городах почти до конца века преобладали служилые люди.

Еще одной особенностью поведения южнорусского населения стала постоянная тяга к социальным конфликтам. Восстания и социальные волнения XVII в. практически всегда охватывали южнорусский регион. Это происходило как в ходе городских восстаний середины XVII в., так и в период восстания под предводительством С. Т. Разина. Причины этого явления лежали, с одной стороны, в социальных противоречиях, боязни возвращения в прежнее холопское и крепостное состояние, с другой – в нерешенности военного статуса, произволе воеводской власти, тяготах военной службы, длительных походах вдали от родных мест. Сказывалась и явно ограниченная

[1] *Кондратьева С. К.* Посадские люди юга России в XVII веке : автореф. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012. С. 16-17.

роль православной церкви, сравнительно недавно начавшей свою деятельность в новом уезде.

Таким образом, проживание на границе, постоянная угроза личной жизни формировали особый менталитет местного населения. Оно привыкало к определенной свободе и независимости поведения, самостоятельности в принятии решений. Отсутствие традиций в новых сельских общинах часто приводило к конфликтам, однако со временем земляческие отношения становились важным элементом поведения южнорусских служилых людей и расширяли возможности общины осуществлять социальный контроль. Встречалось и определенное уездное местничество, которое приводило к конфликтам на границе уездов. Типичным примером этого служили дисятилетние споры козловских и тамбовских служилых людей за использование Челнавского леса.

Миграция населения в России на окраины создала уникальную демографическую ситуацию в условиях всеобщей сельскохозяйственной занятости для сохранения высоких темпов воспроизводства населения. Она позволяла постоянно выводить излишек трудоспособного населения, использовать в сельскохозяйственном обороте центральных и пограничных уездов только лучшие земли, поддерживая высокую урожайность основных культур. Динамичные перемещения населения регулировали его равномерное распределение по всей территории страны, как в центре, так и на окраинах, создавая благоприятную санитарную и эпидемиологическую обстановку.

Миграция значительных масс населения из центральных уездов в южные влияла на социальную и сословную структуру страны. Задачи укрепления обороны южных границ от татар, борьба за Украину заставляли русское правительство в XVII в. сдерживать крепостнические амбиции дворян и создавать в пограничной зоне районы, свободные от крупного помещичьего землевладения и крепостнических отношений. Все это оказало серьезное влияние на складывание специфической сословной структуры южнорусского населения в рассматриваемую эпоху. В период позднего феодализма происхо-

дила дальнейшая дифференциация социальной структуры, появление, наряду с основными классами общества: крестьянами и феодалами, различных промежуточных слоев и групп как в сельской местности, так и в городах. Тамбовский и Козловский уезды с их весьма разнообразным социально-профессиональным составом служили своеобразным слепком общей демографической ситуации на южных границах государства.

3.2. ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В освоении южных окраин Русского государства немаловажную роль сыграли города и городское население. Они становились военными, административными и религиозными центрами, втягивая в свою орбиту сельское население округи, влияя на темпы и характер заселения юга страны. В процессе своего развития города превращались в торгово-ремесленные и промышленные центры, энергично интегрируясь в хозяйственную жизнь страны. Именно в городах зарождались ростки новых буржуазных отношений, начиналась ломка старых, отживающих феодальных порядков, формирование новых сословных групп и классов. Поэтому проблемы русского города позднего феодализма привлекали и привлекают внимание историков и краеведов[1]. Однако ряд вопросов истории русского города XVII в. – как типология, функциональное его назначение, локальные особенности сословной структуры, самоуправление – по-прежнему остаются в числе дискуссионных.

В исторической литературе высказывались различные точки зрения по типологическому определению русского позднефеодального города. Ряд исследователей выделяют два главных признака города: отрыв жителей от земледелия и превращение поселения в торгово-промышленный центр и складывание особой городской общины со своими жизненными и административными устоями[2]. Другие

[1] См.: *Миронов Б. Н.* Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 165-188; *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

[2] *Водарскйй Я. Е.* Население Россия в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. С. 115–1271; *Он же.* Русский город в эпоху феодализма в России. М., 1987.

основное внимание уделяют функциональным особенностям городов, наличию официального статуса, специфическому быту городской жизни[1]. Я. Е. Водарский выделял четыре основных историографических подхода к понятию город: 1. Городом называли поселения, прописанные так в источниках. 2. Город – обязательно торгово-промышленное поселение. 3. Торгово-промышленное либо военно-административное; 4. Торгово-промышленное поселение с обязательной городской сословной общиной[2]. На наш взгляд, все эти положения имеют право на существование лишь при учете локальных особенностей и временных рамок развития каждого региона страны. Вряд ли возможно ставить знак равенства между городами центрального района Русского государства, прошедшими значительный путь своего развития и определившими свой статус, и новыми городами на южной границе, просуществовавшими сравнительно короткий хронологический отрезок времени.

Поэтому необходимы конкретно-исторические исследования русских городов, их социально-экономического, политического и духовного облика в определенные периоды их существования. На территории Тамбовского края в XVII в. возникло два города: Козлов и Тамбов. Первоначально в них преобладали военная и административная функции, и лишь со временем к ним добавились торгово-ремесленная, духовная и культурная. Если в Козлове посадское население возникло практически сразу при его строительстве, то в Тамбове только после первой ревизии в XVIII в. На примере тамбовских городов можно проследить эволюцию русских окраинных крепостей в многофункциональные центры со своим обликом и традициями. Все изменения характера городской жизни неизбежно отражались на социальной структуре, составе и занятиях населения.

[1] *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М., 1976. С. 85-67; *Оборин В. А.* Некоторые особенности формирований и развития городов на окраинах Русского государства в XV–XVII вв. // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XVIII в. Томск. 1978. С. 121-143.

[2] *Водарскйй Я. Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 6-9.

Феодалы, воеводы

Тамбов и Козлов вошли в состав заказных городов на Черте, где представителям московских чинов и дворянам центральных уездов страны запрещалось приобретать земли. В городах на поле служилыми людьми по отечеству были только временно назначенные сюда приказами и Боярской думой воеводы. Воеводское правление было широко распространено в России XVII в. В южнорусских городах воеводы обладали всей полнотой государственной власти, включая военную, административную, финансовую, судебную. Воевод не назначали в те уезды, на территории которых размещались их вотчины и поместья.

Деятельность воевод и воеводское правление в XVII в. неоднократно становились объектами исторических исследований, в том числе и на Белгородской черте[1]. Основное внимание при этом уделялось военной и административной деятельности по управлению уездом и обороне границ от набегов кочевников[2]. Рассмотрены проблемы многочисленных случаев мздоимства воеводами, которые пытались сохранить старинные традиции местничества[3]. Особое место занимала бюрократическая деятельность воевод по контролю за ведением местной документации и разборки судебных дел. Естественно, что непосредственно этими вопросами занимались подьячие приказной избы. Подьячие набирались, как правило, из числа местных грамотных людей, зачастую эта служба передавалась по на-

[1] *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по печатным правительственным актам. СПб., 1902; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; *Глаголева А. А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008; *Дубман Э. Л.* О князе, который строил города (жизнь и деятельность князя Григория Засекина). Самара, 2018; *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012; *Раздорский А. И.* Князья, наместники и воеводы курского края XI–XVIII в.: Краткий биографический очерк. Курск, 2004.

[2] *Глазьев В. Н.* Воронежские воеводы. Воронеж, 2007.

[3] *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб., 2000.

следству. Они в данном городе несли ее длительное время, обрастали связями с местными элитами и являлись важным фактором местного управления в отличие от воевод, которых присылали не более чем на 2 и крайне редко на 3 года. Три года воеводства на южной границе России заслуживали первостроители города и воеводы, которых весь город и уезд через Разрядный приказ попросил оставить еще на один срок. Вообще-то далеко не все служилые люди были рады столь частой смене воевод и выражали по этому поводу свое недовольство. При смене воевод в Козлове в 1680 г. козловские служилые люди послали в Разрядный приказ челобитную с просьбой оставить воеводу И. П. Колтовского еще на третий год, что он исправно несет службу, не чинит напрасных налогов с местного населения: «Тот стольник и воевода Иван Павлович живет в Козлове без корысти и меж нас холопей расправу делает»[1]. Челобитчики подчеркивали, что в Козлове воеводы бывают только два года. С учетом просьбы местных служилых людей воеводе разрешили быть на службе третий год. Однако ситуация с созданием Тамбовского разряда изменила мнение власти, руководителем разрядного полка в Козлов направили Б. П. Шереметева.

Однако встречались и отказы от трехлетнего срока воеводства. Г. К. Шишков получил право на воеводство в Козлове в 1675 г. за свою службу государю, раззорения и раны на срок до 2 лет[2]. Он сменял прежнего воеводу Е. А. Пашкова, который, узнав о замене, прислал в Рязрядный приказ заручную подпись козловцев с просьбой продлить ему службу еще на один год, что и было поддержано. Однако претендент на эту должность сообщил, что поручную запись сделали «немногие» люди, а не все жители уезда, как это было положено. Проведенное расследование показало правоту Г. К. Шишкова, и он приехал на замену в Козлов. Однако спустя 9 месяцев после приезда, 25 июня 1676 г., козловцы, николаевский поп Иосиф с товарищами, всего 5 человек, подали в Разрядный приказ челобитную, обвиняя воеводу Г. К. Шишкова во взятках и налогах, которыми он разорил город. Обвинения касались использования служилых людей на частых смотрах в период сельскохозяйственных работ,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 981. Л. 22-25.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 678. Л. 110-162.

а также взяток куницами и лисицами. А тех, у кого нет мехов, он бьет смертным боем батогами. С неявившихся на смотр брал по полуполтине или по 10 алтын. С торговых людей якобы насильно брал товары и лошадей. Воевода требовал для себя и своих родственников изготовление разных изделий. Челобитчики боялись составить письмо от всего города, опасаясь от воеводы разорения. 25 июня появилась государева грамота о смене козловского воеводы и проведении сыска по обвинениям во взятках. Уже 28 июня из Москвы был отпущен новый козловский воевода С. И. Колтовский, а Г. К. Шишкова велено отпустить в Москву досрочно. Проведенное расследование и опрос 456 человек, включая 218 детей боярских, 93 казаков, 43 пушкарей, 100 стрельцов и 2 посадских людей, показали отсутствие претензий к воеводе с их стороны. А священника Иосифа обвинили в ябедничестве. На этом, похоже, и закончилось обвинение Г. К. Шишкова.

На воеводство иногда посылали за военные заслуги. Так, московский дворянин А. Ф. Щепотьев подал 29 мая 1669 г. челобитную с просьбой поставить его воеводой в г. Козлов. Он участвовал в боях с поляками и перечислил свои раны. Первый раз в полку И. И. Лобанова-Ростовского он участвовал в сражении под Быховым в с. Росторгах с крымскими татарами и черкасами, где получил ранение из лука в левый висок. В этом сражении у него убили лошадь. За полученную рану ему добавили поместный оклад на 100 четвертей, денежное жалование на 5 руб. и на лечение выделили 4 руб.[1] Поскольку у козловского воеводы А. Ф. Щепотьева пошел уже третий год воеводства, то по указу государя от 26 июня 1669 г. его решили заменить на С. И. Хрущова.

Воеводам приходилось считаться с опытом и знанием местной специфики подьячими. Тем не менее, строго контролировали процесс написания официальной документации, поскольку лично несли ответственность за правильность и грамотность ее ведения в переписке с правительственными приказами. Они отвечали за состояние дел в городе и уезде и при сдаче воеводства обязательно включали опись всех документов в акт передачи уезда в руки другому воеводе.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 251-257.

В таких переписях выделялись документы правления конкретного воеводы. Эта сфера деятельности воевод на юге России еще недостаточно исследована[1].

Такой контроль мог осуществляться воеводами, умевшими читать и писать тексты, то есть грамотными людьми. Если в первой половине XVII в. еще могли встречаться, как анахронизм, воеводы, не имевшие таких знаний, то впоследствии при назначении на должность подобные случаи были практически невозможны. Отправку воевод в уезды контролировала Боярская дума, часто с согласия царя и в его присутствии. Грамотность воеводы являлась одним из специальных условий несения службы. Назначение на воеводство в XVII в. служило формой поощрения членов государева двора за верную службу. Это мог быть отдых от воинских дел, поощрения за заслуги родственников, прежде всего отцов, личная служба. Так, в 1679 г. в Козлове воеводу, стольника И. П. Селунского сменил стряпчий И. И. Леонтьев, что являлось поощрением за рану, полученную им в сражении за Чигирин[2].

Воеводство в городах центральной России приносило хороший доход в качестве дополнительных земельных пожалований, денежного довольствия и получения «посулов» от местного общества. Однако воеводство в городах на южной границе кардинально отличалось. Здесь много сил и внимания уделялось военной угрозе со стороны кочевников, состоянию городских и полевых укреплений, формированию воинского гарнизона.

Каждый воевода, отправляющийся на новое место службы, получал от соответствующего приказа воеводский наказ, в котором перечислялись все задачи, стоявшие перед новым назначенцем. Наказы воеводам неоднократно становились объектами исследований историками[3]. Южные города по Белгородской черте отличались

[1] *Глаголева А. А.* Указ. соч. С. 55-62.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1221. Л. 14.

[3] *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России IX–XIX ст. Исторический очерк. Пг., 1917. С. 58; *Вершинин Е. В.* Указ. соч. С. 79-80; *Енин Г. П.* Указ. соч. С. 258; *Камараули Е. В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009. С. 41-54.

от городов центра России, прежде всего, военными задачами по обеспечению обороны границ, недопущению кочевников в центральные уезды страны, поддержкой торговых связей с Крымом, Ногайской ордой и донскими казаками. Эти задачи ставились как приоритетные. Воевода должен был использовать местные традиции по несению сторожевой службы, регулярно совершая посылку ближних и дальних сторож по контролю за степью, опрашивать всех приезжающих с Поля сторожевых казаков, бортников, донских казаков и торговцев о ситуации в степи.

Если приходила тревожная весть о появлении противника, то ее немедленно переправляли в Москву в Разрядный приказ, а также извещали соседних воевод, используя вестовщиков. Поскольку на протяжении почти всего XVII в. большие и малые татарские набеги на южные пограничные уезды шли с завидной регулярностью, местным воеводам приходилось жить в условиях, почти приближенных к военным действиям. За ними оставалась функция сохранности городовых и полевых укреплений, их ремонт и перестройки. Это все традиционные сферы деятельности воевод в южнорусских городах. По прибытии на новое место службы воевода проводил смотр служилых людей, проверяя состояние их оружия, лошадей и амуниции. За ним оставался контроль за потенциальным пополнением служилых людей из числа родственников, поэтому эта категория «поспевших в службу» также находилась в их поле зрения.

Важная функция воевод на юге России – организация отпора набегам кочевников. В случае получения тревожных вестей или грамоты из Москвы о возможном появлении татар воеводы должны были собрать уездных людей с женами и детьми, с «животинами», хлебными запасами в городе, расписать всех служилых людей по крепостным укреплениям и острогам, воротам и башням, указать, где кому быть на случай прихода противника, установить катки, колья и камни. То есть полностью подготовиться на случай осады[1]. Однако это в идеале практически оставалось невыполнимой задачей. Уездные служилые люди предпочитали не идти в осаду в город, защищая свое имущество и хозяйство. Да и вместить всех жителей уезда крепость не могла.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 215. Л. 14.

В 1672 г. 21 января вышел указ о замене козловского воеводы С. И. Хрущова на А. У. Хрущова[1]. Новый воевода по традиции получил наказ с перечислением основных целей и задач своей работы. Ему поручалось в случае неприятельских приходов ведать в Козлове дополнительно крепости Доброе и Сокольск, а их воеводам подчиняться его приказам. Сокольским и добренским драгунам предписывалось оказывать поддержку козловскому воеводе с целью отражения набега татар. Воевода организовывал отпор кочевникам, требовал осторожных действий в степной части, чтобы не попасть в засаду большим воинским группам противника. Ему предписывалось принять город и все укрепления, городовые и острожные ключи, зелье в казне, свинец и всякие оружейные запасы, денежную казну, хлебные запасы, списки служилых людей, записывать в службу поспевших недорослей, пересмотреть количество наряда, выданного казенного оружия. Кроме служилых людей, оружие раздавали жилецким и посадским людям. Городовых, острожных и зелейных погребов ключи он должен держать всегда при себе. На ночь все ворота требовали замыкать и открывать только утром. Охрану погребов с запасами пороха и ядер предлагалось нести узкому кругу лиц, кроме которых никто не смел приближаться к этим хранилищам. За воеводой сохранялось право контроля всех приезжающих в город и уезд чужих людей.

Воеводе поручалось держать постоянно сторожи на указанных местах, следить за сохранностью городовых и полевых укреплений, вовремя производить их ремонт. За воеводой закреплялось право контроля списков голов и росписей с указанием их места для осадного времени по городу и полевым крепостям. Ему поручалось следить за засеками, их сохранностью, чтобы никто здесь не прокладывал дорог и стежек, а для строительства домов и запасов дров определить безопасные участки лесов. Для прохода служилых людей в степь или в Тамбов козловцам предлагалось использовать одну дорогу выше Челнавского острожка. Всех приезжих в город людей требовалось опросить на предмет «морового поветрия», то есть эпидемий или эпизотий. В случае таких известий за воеводой оставалось право вводить заставы. Всю рукописную такую информацию предлагалось

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 860. Л. 15-55.

переписать заново и отсылать в соседние города Ряжск и Переяславль-Рязанский и только оттуда вновь переписанные донесения можно было отправлять в Москву.

Запрещалось без государева указа выселяться из города, а городские овощные огороды и хлебные гумна держать не близко к городу. За разбои, грабежи и воровство, держание корчемного питья на воеводе лежала обязанность провести сыск и наказать виновных кнутом или батогами, собирать пошлины с судебных дел. За воеводами оставался сыск беглых крестьян московских разных чинов людей. Особые полномочия давались для борьбы с пожарами. Запрещалось населению в летние жаркие дни топить избы, мыльны и с огнем поздно не сидеть, а хлеб варить в печах в огородах, в городе в разных местах держать кади с водой все лето. Козловский воевода верстал детей боярских в службу и выдавал поместный оклад из расчета лучшим людям 150 четвертей земли и денег 5 руб., другим по 100 четвертей и 4 руб. и третьей статьи 70 четвертей и 3,5 руб. Их приводили к присяге по евангелической заповеди.

Однако воеводская служба охватывала и чисто бюрократические формы деятельности. При приезде на новое место службы воевода осуществлял приемку всего имущества города и уезда. Так, стольник воевода Р. Ф. Боборыкин, принимая по очереди Шацк, Яблонов и Козлов, постоянно готовил такие описи[1]. Описывалось состояние городовых и полевых укреплений, пушки, пушечный порох в зелейном погребе, все необходимые приспособления для стрельбы из пушек, свободные запасные ружья, ружейный порох и свинец для пулек. Указывался приход и расход боеприпасов. Скорее всего, оружие, боеприпасы, пушки, городовые укрепления осматривались воеводами лично. В документах приводился вес боеприпасов по типу их применения. Р. Ф. Боборыкин, принимая Козлов, приказал по кружалу проверить размеры ядер и их наличие у каждого орудия[2].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 58. Л. 391-394; Столбцы Белгородского стола. № 198. Л. 37-77; Столбцы Московского стола. № 205.

[2] Обычно ядра делались по размеру каждого орудия в соответствии с их калибром, который определялся весом ядра.

Вряд ли все полевые укрепления уезда, имея протяженность более 100 верст, подвергались тщательному осмотру и зачастую описывались по сохранившимся прежним описям. Лишь за время воеводства посещались полевые укрепления, оценивалось их состояние и рассматривалась возможность ремонта. Городовые укрепления подвергались более тщательной проверке, так как их внешний вид сразу бросался в глаза. Воевода Р. Ф. Боборыкин, принимая Козлов, составил большое дело принятия города у своего предшественника воеводы Ф. И. Погожево[1]. На оформление дел ушла ровно одна неделя, что говорило о педантичности нового воеводы, который, уже имея большой административный опыт, хотел увидеть реальное положение дел во вверенном ему уезде. Новый воевода обратил внимание на плохое состояние острожной стены, которая в одном месте просто завалилась, сторожевая башня накренилась, и через этот проход население спокойно проникало внутрь крепости. Обязательно составлялась опись всех документов, хранящихся в приказной избе и список тюремных сидельцев.

Сохранились и отдельные росписи наряда по городу. В 1646 г. при воеводе Ф. Погожево было приказано раздать всем служилым людям для службы из воеводской зелейной казны ружейного пороху по фунту человеку и по фунту свинца на пульки, составить опись артиллерии и всяких пушечных запасов[2]. Воевода подготовил такую опись и отправил ее в Разрядный приказ.

Подробный анализ документации южнорусской приказной избы представила Е. В. Камараули[3]. Она выделила три группы такой документации: документы из московских приказов, памяти из соседних городов, местные уездные документы. Однако под контролем воеводы находились основные документы, которые обязательно включались в приемно-сдаточные описи. Естественно всю документацию вели подьячие приказной избы, но контроль за ее наличием

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 205.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 132-134.

[3] *Камараули Е. В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009. С. 144-162.

и оформлением лежал на воеводах. Именно они отвечали за правильность написания документов в сложившихся нормах. В случае, если такие нормы нарушались, воевод ожидало серьезное предупреждение или выговор из Москвы, иногда дело могло закончиться судебным разбирательством. Особенно это касалось правильности написания государева титула, регулярности информирования центра о событиях в уезде. Без согласования с воеводой подьячие не имели права вести переписку с московскими приказами. Это касалось даже челобитных местных служилых и жилецких людей на государево имя. Однако жалобы на нарушения местных чиновников иногда отправлялись челобитчиками лично без согласования с воеводой. Поскольку большинство служилых людей оставались неграмотными или малограмотными и правильно составить челобитную не могли, то такие документы писались площадными подьячими или местными священниками, а челобитчики только ставили свои подписи.

Встречались челобитчики посланные в Москву за решением своих личных дел, разрешение для которых подавал сам воевода. Так, бежавший из татарского плена козловский сын боярский Ф. Даровский в 1643 г. получил согласие воеводы на поездку в Москву со своей челобитной о пожаловании за «полонское терепение»[1]. Просьба была удовлетворена, и челобитчик получил новый поместный оклад 50 четвертей и 4 руб. городового денежного оклада. Через Козлов ездили челобитчики в Москву из Астрахани, Терека, Царицина и Тамбова. В их числе встречались как русские люди, так и калмыки, татары. Козловский воевода обеспечивал их на основании официальных подорожных поденным кормом из неокладных доходов[2]. Воевода И. Вельяминов отмечал, что для выдачи поденного корма у него в Козлове нет денег. Он просил прислать грамоту с указанием, откуда для этого брать денег.

Состав архива приказной избы должен был иметь в наличии следующие документы: строельные книги воевод, которые строили город, ежегодные сметные росписи укреплений и вооружения

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 136, 174-175.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 232-233.

в городе и уезде. Так, в описях дел при передаче города Козлова 1668 г. в приказной избе упоминаются «Книга строенная земляным и деревянным крепостям строения стольника и воеводы И. В. Алферьева», «Книга смотренная козловцев всяких чинов служилых и жилецких людей, и их детей, и братьев, и росписи Козлову городу... козловского воеводы В. Лихарева» 1657–1658 гг. и другие подобные документы[1]. Выделялись подборки документов воевод, за разные годы проходивших службу в Козлове. Например, 18 списков указных грамот 1635–1637 гг. первого воеводы И. В. Биркина. Таких подборок разных воевод перечисляется несколько комплектов. В документах также указывалось количество хлебных запасов в государевых закромах на случай осады. В сметную роспись зачастую вносились сведения о численности служилых людей разных категорий в городе и уезде, городовых и площадных подьячих, численности посада и их занятиях.

Отдельно сохранялись писцовые и переписные книги земельных пожалований. Они служили постоянным источником разрешения имущественных споров. Так, козловский воевода И. А. Вельяминов в 1666 г. рассматривал споры козловцев детей боярских по межам и граням поместных земель[2]. Козловские служилые люди ссылались на писцовые книги 1651 и 1652 г. писца князя Д. М. Несвицкого. Воевода поручил подьячим проверить наличие челобитчиков в тех писцовых книгах, однако в фонде местной приказной избы этих документов не оказалось. Он запросил для решения этих дел подготовить специальный государев указ.

В 1677 г. козловский воевода С. И. Колтовский разбирал жалобу козловца В. Щербинина, который писал на государево имя, что в этом году был на государевой службе под Чигириным во время осады турецкой армии[3]. Пока его не было дома, козловец Д. Дураков со своими товарищами «насильством» засеяли 2 четверти земли В. Щербинина рожью. Из Москвы пришла грамота с требованием к воеводе разобраться в этом вопросе и прислать в Москву судную записку о решении спорного дела.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 860. Л. 142.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 225-227.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 921. Л. 202-203.

Отдельное место занимала регулярная переписка воеводы с конкретным приказом, чаще всего с Разрядным, которому напрямую подчинялся Козловский уезд, и Приказом Большого дворца, которому подчинялся Тамбовский уезд. Поэтому такие подборки документов по воеводскому правлению каждого воеводы длительное время сохранялись в приказных избах, к ним обращались за справками. К местной документации относились приходно-расходные книги приказной избы, в которые вносились данные по сборам налогов и расходам на содержание самой приказной избы и отправке денег в московские приказы.

Под контролем воевод находились местные кабацкие и таможенные избы. Официально воеводы несли ответственность за выбор таможенных и кабацких целовальников, контролировали их поведение, создавали благоприятные условия торговли, но им категорически запрещалось вмешиваться в непосредственный сбор таможенных и питейных пошлин[1]. После годового сбора пошлин воеводы обеспечивали отправку голов в Москву с книгами-отчетами, финансами, выделяли им охрану и транспорт. Так, в 1646 г. кабацкий откупщик П. Зотов объявил в Новую четь о сборе в Козлове 703 руб. с кабака, деньги у него были готовы к отправке в Москву. Однако он просил дать указ местному воеводе о выделении провожатых для доставки сбора[2]. Из Разрядного приказа пришло другое предложение. Из этих денег воеводе предложили изъять 255 руб. для передачи их в виде годового жалования козловским черкасам. Каждому черкасу полагалось по 5 руб.

Однако различные виды поборов и «посулы» воеводам поступали от местного населения именно через подобный сбор таможенных и питейных сборов, окуда они могли получать денежные подачки. Поэтому таможенным и кабацким головам приходилось искать возможность выделения таких средств для денежных подношений.

---

[1] *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005. С. 135-181.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 7, 17.

Отдельным видом занятий южнорусских воевод, как и их коллег в центральной России, оставались судебные дела, которые сопровождались оформлением значительного пласта документов. Это списки тюремных сидельцев, в них иногда вносились данные о совершенных преступлениях, разбор отдельных уголовных судебных дел. Например, в 1668 г. в Разбойный приказ отправили из Козлова «Роспись тюремным сидельцам»[1]. В нем указывалось 94 человека, из которых мужского пола – 79 и женского пола – 15 человек. Этот список новый воевода Козлова А. У. Хрущов принял у своего предшественника С. И. Хрущова. В списке указывались имя, отчество и фамилия или прозвище сидельца, но почти не отмечалось обвинение, предъявленное каждому арестанту. На это справедливо указали дьяки Разбойного приказа, познакомившиеся с этим списком. Воеводы вершили суд с 1649 г. по статьям Соборного уложения. Во время следственного дела проводилось подробное расследование происшедшего, опрашивались свидетели, затем делались выписки статей из Соборного уложения, под которые попадали преступления. Исходя из этого правового документа, воевода выносил окончательный вердикт. В случаях, связанных с разбойными делами или преступлениями против государя, все документы отправлялись в Москву в соответствующий приказ для окончательного принятия решения, и их результат в местной документации не отражался.

В 1646 г. козловский воевода, стольник Ф. Д. Погожево занимался судебным делом двух местных детей боярских К. Мацнева и Д. Жихарева[2]. Их сын боярский В. Саблин с. Дубового обвинил в воровстве его трех лошадей. Это произошло во время набега татар в 1642 г. и боя с местными служилыми людьми под Лысыми Горами. Именно в этот период Д. Жихарев с двумя своими подручными якобы «покрали» со двора лошадей. В 1644 г. зимой тот же Д. Жихарев пришел во двор к сыну боярскому с. Дубового Г. Гурову и начал бранить его вместе с семьей. В эту же ночь у него «покрали» со двора три лошади. Г. Гуров отбил своих лошадей, за что Д. Жихарев стал угрожать

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 860. Л. 162-193.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 1-4.

ему разбоем, пожогом и смертным убийством. Это дело воевода также рассматривал лично.

Попытку вмешаться в судебные дела козловского воеводы в уезде предпринял губной сыщик из Переславля-Рязанского И. Зюзин. В 1651 г. он послал более 40 целовальников и детей боярских Рязанского архиепископа в села и деревни Борецкого стана для поиска «оговорного» человека И. П. Щербина[1]. Беглеца они не сыскали, но разорили многие дворы местных детей боярских, которые от этого разорения разбежались и на сторожах по Польному Воронежу теперь стоять было некому. При этом сыщик И. Зюзин с воеводой по этому вопросу не связывался и действовал самостоятельно. Козловский воевода Н. В. Пушкин просил разрешения судить все татинные и разбойные дела по-прежнему в соответствии со статьями Соборного уложения, что и было подтверждено царским указом от 17 августа 1650 г.

В 1651 г. сыск по уголовным делам в Козлове был передан из Москвы воеводам. Попытку вывести из-под контроля воевод судебные дела правительство предприняло в середине XVII в., создав губные избы. Во главе губной избы назначался губной староста, который и вел все судебные дела. Некоторое время в ряде городов юга России действовали подобные губные избы. Так, в Козлов губную избу перевели из Лебедяни в 1653 г.[2] Она просуществовала там с 1653 по 1661 г., а затем судебные дела вновь вернули козловскому воеводе[3]. За время существования козловской губной избы она ведала делами не только Козлова, но и Доброго Городища и Сокольска[4]. В 1660 г. в Козлове, как и в других южных городах, были выбраны губные старосты, которые вели судебные дела.

В 1667 г. в Козлов из Разбойного приказа пришла грамота воеводе А. Ф. Щепотьеву, которому поручалось вызвать из Доброго Городища драгуна Г. Свешникова с товарищами для проведения

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 121-125.

[2] *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие организованной преступности. Воронеж, 2001. С. 113-123.

[3] Там же. С. 77, 113-123, 368.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 86-91.

опросных речей[1]. Козловский воевода отписал добренскому воеводе записку о присылке добринских драгун и послал ее в г. Добрый с губным целовальником И. Сколзневым. Речь шла о грабеже добринского драгуна П. Зарубина. У него украли трех лошадей и напали разбоем у с. Буховое на конное стадо. Добринский воевода собрал шесть обвиняемых у себя в избе. Они оказались служилыми людьми Белгородского полка из с. Нижние Пупки Челнавского стана Козловского уезда. Козловский воевода напомнил, что в Добром Городище по указу Разбойного приказа ведать такие дела не велено, а необходимо их отсылать в Козлов.

Из Доброго Городища прислали драгун Г. Свешникова с товарищами. Их козловский воевода и опросил. Драгуны рассказали об участии добринских служилых людей во всяких «воровствах». На просьбу прислать обвиняемых из Доброго местный воевода Ю. Катранский многих подозреваемых укрыл у себя и не прислал. Тогда был послан из Козлова губной целовальник И. Сколзнев. Последний, приехав из Доброго, рассказал, что воевода Ю. Катранский целовальника бранил, посадил его под караул и не выдал обвиняемых. В ответ добринский воевода обвинил своего коллегу из Козлова, что он освободил из своей тюрьмы сидельцев за «посулы», а П. Бочарова замучил насмерть и требовал обвиняемых выслать к нему обратно. Козловский воевода обвинил коллегу в бесчестье, так как тому ведать татинные и разбойные дела в городе не велено. И ни по каким делам слушать козловского воеводу не хочет. Поэтому А. Щепотьев докладывал в Москву, что завершить разбойное дело не может из-за саботажа Ю. Катранского.

Сам добринский воевода хотел завершить это дело у себя в городе. Он написал: «А я господин тобя ни в чем не слушаю и в предь слушать не хочу...А я, божьей милостью, по великого государя указу рад судить и сам умею»[2]. Добринский воевода также отказывался передавать дела о беглых крестьянах, говоря, что сам их судить будет. Ю. Катранский писал в Козлов: «...боюсь я великого государя,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 119-126.

[2] Там же. Л. 148-151.

а тебя не боюсь». Ответ пришел в Козлов из Разрядного приказа. Воеводе А. Ф. Щепотьеву указали, что делами по розыску беглецов ведает белгородский воевода Г. Г. Ромадановский, а в Разрядный приказ такие дела не посылать. Татинные и разбойные дела по-прежнему ведать в Разбойном приказе.

Однако в большинстве городов юга России, в том числе и в Тамбове, основную обязанность суда выполняли воеводы. Наиболее многочисленные судебные дела решались по гражданским челобитным местного населения, которые затрагивали личную жизнь жителей, их хозяйственную и служебную деятельность, торговые операции. На подобные жалобы населения города и уезда воеводы должны были реагировать лично. Так, дело о разрушении мельницы на р. Челновой разбирал козловский воевода И. А. Вельяминов[1]. Сын боярский с. Малых Пупок Челнавского стана О. Перегудов в 1665 г. поставил на Челновой мельницу. Выше по течению реки дети боярские из с. Верхние Пупки Ф. Сысоев и Г. Ненашев поставили свою мельницу. Чтобы избавиться от конкурента, они разломали мельницу О. Перегудова. Разрядный приказ прислал грамоту с обязательством разбора этого дела в Козлове по Соборному уложению.

Служилые люди имели право напрямую подавать челобитные в подведомственные приказы. Однако официально это разрешалось делать только с согласия воеводы[2], хотя иногда это требование не соблюдалось, особенно если речь шла о претензиях к самому воеводе. В остальных случаях служилые люди подавали в приказную избу челобитную, и воеводы официально разрешали им выезжать в Москву для решения личных просьб[3].

Другое дело, связанное с завладением двором служилого человека, также пришлось в 1665 г. рассматривать козловскому воеводе. Сына боярского С. А. Измалкова обокрали и увели со двора лошадь. Он от бедности уехал к своим родственникам в Доброе Городище,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 38-39.

[2] См., например: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 232-233.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 72-74.

а по возвращении обнаружил, что его двором и поместьем завладел сын боярский В. И. Облезов, который продал это имущество за 45 руб. Рассмотрение дела Разрядный приказ передал козловскому воеводе.

В 1679 г. рассматривалось дело по челобитью козловского подьячего М. Попова. Воевода должен был взять из Сокольского уезда с. Воскресенское детей боярских Ф. С. Болдырева с товарищами. Они заняли у дьячка по заемной кабале 70 руб. и не вернули долг. Воевода написал своему коллеге в Сокольск письмо с требованием выслать под охраной в Козлов заемщиков для проведения суда по Соборному уложению. В ответ Сокольский воевода В. Хрипунов отписал, что сможет выслать ответчиков только в Москву, а в Козлов не смеет.

Существовали строгие запреты на выезд служилых людей за линию укреплений в степь без соответствующего разрешения. Однако местные служилые люди иногда позволяли себя такие тайные поездки по личным делам, для охоты или сенокоса. Летом 1660 г. козловский воевода И. Лихарев сообщил о таком выезде на сенные покосы за реку Польной Воронеж 8 бельских стрельцов во главе с Ф. Толмачевым[1]. На речке Сурене на них напали около 30 татар. Во время столкновения один стрелец был убит, другой – Н. Добросотский – сбежал в лес, а остальные попали в плен. Разбор дел ради объективности поручили тамбовскому воеводе А. И. Головину. Ему дали указание выяснить ситуацию: если при очной ставке обнаружится, что голова Бельского городка отпустил своих стрельцов для звериного промыслу, то голову приказано было бить кнутом и снять его с этой должности. Во время следствия выяснилось, что голова бельских стрельцов Г. Ремизов служил перед этим заставным головой у Моршенских ворот в Тамбовском уезде, где «отличился» сбором налогов и нанесением обид дворцовым крестьянам Верхоценской волости. Когда начался разбор его дела с требованием высылки в Москву, Г. Ремизов сбежал в Козловский уезд и стал там головой бельских стрельцов. Попытка козловского воеводы отыскать провинившегося голову не увенчалась успехом, он скрылся в неизвестном направлении.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 8-9.

Однако дело имело продолжение. Г. Ремизов, узнав о передаче его поместья на государя, написал челобитную[1]. В ней он объяснил причину своего отсутствия на службе болезнью. В Разрядном приказе составили выписку о службе Г. Ремизова. По козловскому списку 1665 г. за ним числился поместный оклад в 150 четвертей и 5 руб. городового окладу. По писцовым книгам 1651–1652 гг. Григорий с братом Корнилом владели 60 четвертями земли в с. Юрьевом Борецкого стана и в с. Турмасово Турмасовского стана, а сена имели 120 копен. В 1658 г. его записали в полковую службу, отпустили в Москву, а из Москвы в 1669 г. отправили из-за «очной» болезни обратно в Козлов. По его собственным речам он проболел в Козлове полтора года. В 1660 г. его отпустили в Бельский городок головой к стрельцам и казакам, где и прослужил год. В 1661 г. с 1 мая на службе в Тамбове, а с 1662 г. его направили заставным головую в Моршенский городок, где он прожил полтора года.

С июля 1663 г. Г. Ремизову по своему челобитью и указу государя велено быть сытником на сытном дворе Большого дворца в Москве, где он пробыл год. В мае 1664 г. козловский воевода В. Лихарев написал в Разрядный приказ, что Г. Ремизов, записанный в Белгородском полку, утаил эту информацию и записался на Москве сытником. Дьяки приказа Большого дворца написали указ о передаче Г. Ремизова в Разрядный приказ для дальнейшего сыска. Однако самого обвиняемого на сытном дворе не отыскали. Тогда государевым указом от 1 августа 1664 г. в Козлов к стольнику и воеводе И. А. Вельяминову послали указ, отписать поместье Г. Ремизова на государя до тех пор, пока беглец не объявится. Г. Ремизов прислал челобитную от 11 июля 1664 г., объясняя причину своего отсутствия на службе. Он писал, что у него испортилась от грыжи левая рука, стала гнить и пухнуть. 13 июля 1664 г. Г. Ремизов был осмотрен в Рязрядном приказе. Осмотр подтвердил болезнь. По государеву указу ему разрешили служить в Козлове городе по-прежнему «какая служба по мере» и вернули поместье. Ему предложили служить полковую казачью службу после выздоровления. Вся эта история показывает заботу власти об опыт-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 268-294.

ных и знающих военных организаторах. Власти стремились предоставить максимальные возможности для их дальнейшей службы.

Особый комплекс документов касался проблем возвращения беглых крестьян своим бывшим владельцам. Эти вопросы актуализировались еще до середины 50-х гг. XVII в. В связи с массовым бегством подневольного населения в южнорусские уезды и их записью в служилое сословие новых городов, в 40–50-е гг. XVII в. местные приказные избы буквально завалили подобными челобитными[1]. Подьячие должны были лично провести расследование дела, заслушать показания истцов и ответчиков и затем передать все документы для окончательного решения воеводе. Воеводы вставали перед дилеммой: активно возвращать беглецов или сохранять процесс роста численности местных гарнизонов. Зачастую государственные интересы по укреплению обороноспособности пограничных уездов, расширению местных гарнизонов брали верх над интересами помещика и вотчинника. Воеводы оказывали всяческое противодействие подобным действиям, саботируя разбирательство таких дел.

В 60-е гг. XVII в. развернулась общегосударственная политика массового сыска беглых людей на южной границе России. Воеводы обеспечивали сыскные приказы личным составом местных стрельцов и писцами, но сами этими процессами не занимались, их фактически устраняли от процесса возврата беглецов[2].

Можно сделать выводы о повседневной достаточно напряженной административно-военно-бюрократической деятельности воевод юга России, которые должны были держать под постоянным контролем работу подьячих приказной избы, особенно их писцовую документацию, поскольку несли прямую ответственность по этому

[1] *Мизис Ю. А.* Поиски беглецов на южной границе России в 30–40-х гг. XVII в. (на примере Козловского уезда) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 20. Вып. 10. С. 37-46.

[2] *Новосельский А. А.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй пол. XVII в.// Труды института РАНИОН. 1926. Вып. 1. С. 327-354; *Он же.* Отдаточные книги беглых как исторический источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды историко-архивного института. М., 1946. Т. 2.

виду деятельности. В случае серьезных нарушений в этой сфере воеводы могли не только получить замечания и предупреждения, но и дождаться, при подаче массовых жалоб местного населения, приезда специальной комиссии или сменного воеводы с последующим расследованием его воеводства. Административно-бюрократическая деятельность воевод требовала больших усилий и времени и занимала важное место среди обязанностей городовых воевод. Особое место в их деятельности на протяжении всего XVII в. занимала защита рубежей страны от набегов кочевников.

Воеводы в южные города, назначаемые из числа стольников и окольничих, посылались правительством на срок не более 2 лет. Исключения встречались весьма редко: только в случае коллективных челобитных от имени жителей всего города или уезда воевода мог получить право еще на один год. Такими мерами правительство пыталось бороться с коррупцией местного аппарата и сдержать алчность воевод. Три года воеводства как привилегию получали строители новых городов на юге России. В первой половине XVII в. встречались случаи назначения двух воевод в один город. Они могли нести службу по очереди на равных правах, или один из них был главный, а другой у него в товарищах. Такие случаи часто приводили к воеводским конфликтам и местническим спорам.

Однако все эти меры давали мало эффекта. Центральные органы власти привлекали на должности воевод представителей одной и той же группы служилых людей, имевших опыт административной деятельности. Они быстро осваивались на новом месте, и редкое воеводское правление не заканчивалось жалобами на мздоимство и притеснения. Единственным официальным приемом борьбы с воеводским произволом оставалась подача челобитных, особенно от имени всех жителей уезда. В этом случае Разрядный приказ назначал комиссию для разбора жалобы.

Так, в 1647 г. в Разрядный приказ поступила жалоба служилых людей Козловского уезда на действия нового воеводы Р. Ф. Боборыкина. Он обвинялся в постоянных поборах, использовании служилых людей для ремонта собственного жилья и других многочислен-

ных работ, наказании без вины батогами и смерти от побоев стрельца У. Злобина[1]. Разрядный приказ направил в Козлов для разбора челобитной князя И. И. Лобанова-Ростовского. Он провел сплошной опрос жителей всех сел и слобод Козловского уезда и выяснил, что стрелец У. Злобин был дважды наказан воеводою «без вины», отослан под надзор стрелецкому голове М. Останину в Бельский городок, где вскоре умер от побоев. Остальные погрешения воеводы сыщик посчитал недоказанными.

Разрядный приказ, рассмотрев отчет И. И. Лобанова-Ростовского, поручил тамбовскому воеводе князю А. М. Волконскому взять с Р. Ф. Боборыкина 50 руб. штрафа и передать жене покойного, а стрелецкого голову за превышение власти бить кнутом на «козле» и отстранить от должности. Сравнительно мягкое наказание не устроило местных служилых людей. В июле 1648 г. в ответ на действия воеводы в Козлове и уезде вспыхнуло восстание служилых людей, заставившее Р. Ф. Боборыкина бежать в Ряжск.

В 1672 г. козловского воеводу А. У. Хрущова послали вместо бывшего воеводы С. И. Хрущова. До приезда нового воеводы предлагалось подьячему И. Б. Матвееву приехать в Козлов, взять ключи и передать голове стрельцов С. Шмакову[2]. И. Б. Матвеев приехал в Козлов 31 января 1672 г. и передал государеву грамоту С. И. Хрущову и стрелецкому голове С. Шмакову. Из Козлова И. Б. Матвееву поручалось отвезти старого воеводу в Нежин. С. И. Хрущов отказался подчиняться московскому подьячему. В ответ из Москвы пришла грамота стрелецкому голове С. Шмакову принять местные дела и казну, расписаться и отправить воеводу в Нежин «не мешкая».

Однако не прошло и года, как на нового воеводу пошли жалобы. Их подали 8 июля 1673 г. козловский поп Иосиф, козловец Д. Топильской, богомолец Г. Жеков с товарищами. Козловского воеводу А. У. Хрущова обвиняли в неправедных налогах, разорении служилых людей недоимками, что привело к их обеднению. Воевода получил разрешение быть одновременно писцом, а городом владеть

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 570. Л. 90-365.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 860. Л. 62-111.

его сыну Семену. Они якобы боялись подать челобитную от всего города, так как воевода устроил жестокие побои и разорение, а «люди бедные и маломочные». Другие якобы ему потакали и получали прибыль. Воеводу обвиняли в частых многодневных смотрах служилых людей в период пахотных и сенокосных работ. Откупались от смотров подарками, лисицами, зайцами и куницами. Другие служилые люди, собираясь вскладчину, откупались деньгами, и он их отпускал домой. Тех, кто не давал деньги, воевода не отпускал со смотра, бил батогами безвинно и посылал на дальние городки. Не пришедших на смотр сажал в тюрьму и брал за выход по 10 алтын или по полтине. Он же держал в городе по 100 человек из валовых казачих сотен для посылок, отправлял их к себе домой для личных дел и брал с них «посулы» для отъезда домой. Воеводу обвиняли в любви к псовой охоте, что брал лошадей для своих людей и ямщиков, а «разъезщиков» заставлял пешим порядком водить по степи собак для охоты на зайцев и лис. Многие служилые люди из-за этого остались без лошадей, так как часто отнимали хороших лошадей у их владельцев.

Он же за взятки устраивал в службу детей боярских, пришлых людей и выдавал им земляные наделы из примерных полей. С приезжих торговцев забирал привозные товары и требовал отдачи за взятки. Со стрельцов брал за перемалывания зерна в муку по 10 алтын с человека, стал пересматривать списки козловцев Белгородского полка старого призыва, за деньги «отставливал», за что получал большие «посулы». Он же призвал служилых людей переставливать башни города, но работы оказались не выполнены, так как воевода за это взял взятки и отпустил их всех по домам. Городской подьячий Я. Лунщин писал челобитные на подьячего А. Попова и его товарищей, а воевода, узнав об этом, посадил его в тюрьму. По челобитной А. У. Хрущова подьячего из тюрьмы выпустили. Челобитчики отмечали разорение государевой вотчины – г. Козлова.

По всем этим жалобам последовал государев указ от 31 августа 1673 г. По нему воеводе А. У. Хрущову велено было сдать город воеводе Е. А. Пашкову, а самому на время следствия уехать в Добрый или Сокольск и находиться там до окончания сыска. После окон-

чания сыска А. У. Хрущову надлежало ехать в Москву. На помощь для сыска новому воеводе придавался подьячий Разрядного приказа И. Б. Матвеев. Ему выдали для этого из Москвы в Козлов и обратно телегу, а прогонные деньги предложили получить в Козлове. В Козлов Е. А. Пашков приехал 12 октября 1673 г. и принял город у А. У. Хрущова. 29 декабря он отпустил старого воеводу из Козлова в Москву. Однако тот поехал к себе в деревню, а поп Иосиф – в Москву.

Между воеводой А. У. Хрущовым и организатором челобитной попом Иосифом в Москве состоялась очная ставка, где священник уличал воеводу в поборах и избиениях местного населения[1]. В это время козловские посадские люди подали челобитную, в которой обвинили воеводу в том, что он у них с житного двора насильно выбрал лен, в то время как они его в донской отпуск покупали на фитили по 60 алтын за пуд. Они же обвинили воеводу во взятках: 50 руб. за муку, за выборы палача – 11,5 руб. Он же взял с посадских людей для перевозки калмыков до Ряжска подводы и впридачу 2 лисицы по цене 1,5 руб. В ответ воевода назвал попа Иосифа ябедником, «составщиком», бунтовщиком, «блудником», а челобитную составной и воровской. Челобитчики отметили, что писали все вправду, а в смутное время 1671 г. они верно служили государю. Оба, Иосиф и ответчик, требовали провести сыск по всему уезду. Е. А. Пашков провел сыск по уезду, в котором одна часть населения отметила отсутствие насильства со стороны прежнего воеводы, другие подтвердили претензии. Окончания дел не сохранилось. Скорее всего, отзыв провинившегося воеводы ликвидировал остроту конфликта.

Примером местнической ссоры послужил конфликт между тамбовскими воеводами В. Н. Лихаревым и И. А. Полевым. Их назначили на место воеводы Ф. И. Леонтьева и поручили проверить состояние земляных и деревянных крепостей по валу для последующего его ослона бревнами. В. Н. Лихарев приехал в Тамбов 3 апреля 1659 г. и планировал организовать работы по вывозу леса на ремонт Тамбовского вала[2]. Бревна должны были иметь длину 3 сажени

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 860. Л. 214-218.

[2] ИТУАК. 1885. Вып. VII. С. 21-23.

и в диаметре 6-7 вершков. Воевода составил смету по ремонту тех участков вала, которые еще не подвергались ремонтным работам. Ему же поручалось набрать в солдатскую службу со служилых и жилецких людей 1600 человек. Однако Ф. И. Леонтьев отказался передавать новому воеводе город и подписывать документы на передачу. 6 апреля 1659 г. в Тамбов приехал казачий голова Е. Клементьев, который привез государеву грамоту о назначении в Тамбов воеводой И. А. Полева в товарищи с В. Н. Лихаревым. И. А. Полев приехал в Тамбов 4 апреля.

В. Н. Лихарев писал в челобитной от 3 мая 1659 г., что он не может быть с И. А. Полевым в «товарищах», так как предки последнего служили на гораздо меньших службах. Он приводил примеры служб своих предков, доказывая их явное преимущество в местнических делах над родом Полевых. А мне «холопом твоим быть нельзя», и потребовал провести с И. А. Полевым по этому вопросу суд[1]. Спор о «местах» захватил не только воевод, но и местный гарнизон. В него втянули многих служилых людей. Часть из них отказывалась служить под командованием того или иного воеводы. Так, мещеряне и решане дети боярские отказывались подчиняться В. Н. Лихареву, поддерживая И. А. Полева. Они подали челобитную в Разрядный приказ, прося вернуть их обратно в подчинение воеводы И. А. Полева[2]. Последний также пожаловался в Разрядный приказ на своего коллегу из-за откровенного подзуживания служилых людей не подчиняться ему и «до конца меня холопа твоего, бесчестил»[3].

Разрядный приказ подготовил справку о службах государю обоих родов. Ответ на эту местническую свару последовал 26 мая этого же года. Воеводу В. Н. Лихарева «за бесчестье» И. А. Полева велено было посадить на день в тюрьму и приказывалось впредь быть им «в товарищах». Исполнить решение царя поручалось казачьему голове Е. Клементьеву. Окончательно закончился этот конфликт вызовом И. А. Полева в Москву, переводом В. Н. Лихарева на воеводство

[1] ИТУАК. 1885. Вып. VII. С. 27.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 123.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 5-6, 20-24.

в Козлов. На их место указом от 28 августа 1660 г. направили стольника А. И. Головина[1]. Все это происходило в разгар русско-польской войны и многочисленных татарских набегов.

Воеводство в уезде считалось формой поощрения за хорошую службу в армии или на гражданском поприще. В некоторых случаях воевода получал жалование за свою службу, прежде всего строители городов, в других случаях ограничивались благодарностью и накоплением положительных служб, которые со временем могли выразиться в увеличении поместного и денежного окладов. В 1650 г. стольник и козловский воевода В. С. Волынский просил за свои службы увеличить ему жалование[2]. Он писал, что 19 лет служил стольником, но не был поверстан в молодые годы. У него поместный оклад насчитывал 450 четвертей и 24 руб. денег. Он в 1647 г., будучи в Козлове, провел обследование русла р. Лесной Воронеж до Дона и до устья Тихой Сосны с целью рассмотреть татарские перелазы и крепости. В 1647 г. он же отписал в драгунскую службу крестьян вдовы князя М. Д. Пожарского Федоры Андреевны и С. и И. Вельяминовых – 452 двора, сверх этого нашел еще 46 дворов. В 1648–49 гг. он же организовал ремонт козловских полевых укреплений, набрал в дети боярские 202 человека и наделил их землей, да вновь прибрал 33 человека, которых переселил с «ногайской» на русскую сторону. За все это получил от государя «милостивое слово». После Козлова уехал в Новгородскую Воцкую пятину. За всю службу просил увеличить ему поместный оклад до 600 четвертей. Такую же просьбу высказал Н. В. Пушкин за службу по Козлову. В 1650 г. он продолжил ремонт Козловских укреплений, вывез 59 тысяч бревен для укрепления козловского вала, из которых 33 тысячи бревен использовали для ремонтных работ, одновременно взял на службу и поверстал землей 209 детей боярских[3]. Поместный оклад воеводы составлял 500 четвертей и 20 руб. денег.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 311. Л. 445.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 272. Л. 41-43.

[3] Там же. Л. 44-52.

Так, в 1681 г. произошла смена воеводы в Козлове: вместо стольника и воеводы И. П. Селунского назначили стряпчего И. И. Леонтьева «за чигиринскую рану»[1]. Таким образом, новый воевода получил воеводство за участие в боях и ранение в сражении под Чигирином.

В целом, служба воеводою на юге России оставалась на протяжении всего XVII в. ответственной и напряженной, требовавшей зачастую воли, энергии и знаний.

Дети боярские

Постоянным населением южных городов и уездов являлись дети боярские – низший разряд служилых людей «по отечеству». Их численность в Тамбове оставалась незначительной и к середине 70-х гг. доходила вместе с членами семей до 21 человека. Во время осады г. Тамбова разинцами в книгах таможенного и кружечного двора упоминалась выдача тамбовским детям боярским Г. и А. Парамзинам, Ф. Жалнину, Л. Балобанову, П. Ульеву, А. Саблину по 3 руб. человеку[2]. В декабре 1670 г. такие же суммы получили еще тамбовские дети боярские Ф. и В. Клюковы, М. Ломов, Г. Харитонов, С. Игумнов.

В Козлове в 1685 г. вместе с черкасами, выходцами с Украины, их насчитывалось 506 человек. Дети боярские пользовались правом поместного верстания земли в личное пользование и широко использовались местной администрацией при назначении на младшие командные должности для выполнения специальных поручений. Основная же масса детей боярских проживала в сельской местности.

Подьячии

В городах быстро формировалась местная бюрократия в лице подьячих. Из их среды выделились первые помещики в уездах. Первым воеводам Козлова в 1635 г. придали подьячего из Данкова О. Прутского. Ему положили оклад 15 руб., выдали на прокорм 10 четвертей

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №1221. Л. 14.

[2] РГАДА.Ф. 210. Книга Денежного стола. № 117. Л. 100, 106.

ржи и столько же овса[1]. Он просил в силу своей бедности пожаловать его денежным жалованием за 1635 и 1636 гг. За 1635/36 г. он получил все сполна: 15 руб. денежного жалования, ржи и овса по 10 четвертей. А за 1636 г. ему выдали из-за недостатка денег только 12 руб., без хлебного жалования.

Однако поток увеличившихся дел заставил воевод просить прислать дополнительно подьячих в приказную избу. В 1637 г. в ноябре в Разрядный приказ подал челобитную подьячий г. Валуйки И. Шумовской. Он поведал, что в 1632 г. при разорении города литовскими людьми был убит его брат Алексей, занимавший должность подьячего в съезжей избе, в плен попали жена и дети брата[2]. И. Шумовской их из плена выкупил. После брата ему велели стать подьячим в валуйской съезжей избе. Он сетовал, что его «родимцы» служат в Козлове и просил перевести его в Козлов подьячим местной съезжей избы с окладом в 5 руб.

Еще один подьячий, Т. А. Ратов, происходил из яицких казаков[3]. Он принимал участие в походе под Смоленск в русско-польской войне, где получил ранение – простреленную руку и левый глаз. До этого служил в Туле и Ливных по защите украинных городов. Будучи изувеченным человеком, попросился в новый г. Козлов на должность подьячего с верстанием денежным и земельным жалованием.

По имеющимся выпискам из строельных книг воевод И. В. Биркина и М. И. Спешнева в Козлове уже несли службу три человека: О. Прутцкой, М. Шелковников, И. Шубновской. Их устроили дворами и загородными земляными дачами. О. Прутцкой имел денежный оклад 8 руб., М. Шелковников – 6 руб., И. Шубновской – 5 руб. Каждый из них владел в д. Турмасово под дворы участками земли в 70 на 20 сажень. Дикого поля им выдали первым двум по 15, а третьему 10 четвертей земли, сена по 20-30 копен.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 100; Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 166.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 99.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 138. Л. 111-113.

В 1639 г. в Козлове в подьячих съезжей избы несли службу Н. Малечкин и М. Шенко. Никита имел оклад 8 руб., а Михаил – 6 руб. И. Шумский сошел из Козлова на Валуйки в 1639 г. Освободившееся место занял бывший яицкий казак Т. А. Ратов. Его верстал на Москве боярин, князь А. В. Хилков с окладом 300 четвертей земли и 9 руб. денежного оклада. За раны и службу ему выдали 50 четвертей земли, а жене за приезд 3 руб. Отдельно он получил за службу в Новосилье в 1638 г. за бой с татарами дополнительно 50 четвертей земли и 2 руб.

В 1644 г. в съезжей козловской избе числились подьячими П. Богданов и М. Шелковников. Они жаловались, что не только работали в съезжей избе, но и участвовали в походах против татар, охраняли вал[1]. М. Шелковников, описывая свою службу государю, говорил о своих ратных подвигах: в 1643 г. в приход татар и «воровских» черкас в Козловский уезд он в бою убил одного противника, а под ним убили лошадь. В 1644 г. в тамбовских укреплениях на Лысых Горах он убил одного «мужика», в 1645 г. участвовал в битве на Токае, где также убил одного татарина и сам получил ранение из лука, а в 1646 г. в районе Чебоксарского городка убил противника. То есть показал себя не только чиновником, но и защитником края, успешным воином[2]. В 1647 г. стольник и воевода И. И. Дашков привлек М. Шелковникова для письма и чертежа степных татарских сакм. Для такой активной деятельности он постоянно держал у себя две-три лошади, конскую сбрую и ружье, что привело к обнищанию. М. Шелковников имел денежный оклад 6 руб. в год, да за раны и кровь получил дополнительно 2 руб. Денежного жалования ему не дали в 1644 г. из-за кражи денежной казны в съезжей избе черкашениным М. Петровым. После отправки черкашенина в Казань казну обнаружили, и служилые люди просили выдать им жалования за два года. При проверке в Разрядном приказе выявили, что подьячий П. Богданов получал за 1642 и 1643 гг. жалование сполна, и за 1644 г. ему велели дать жалование, так как М. Шелковников не получил жалование из-за кражи денег. В 1645 г. ему выдали жалование 6 руб.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 271-274.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 128-133.

В 1647 г. умер третий козловский подьячий П. Богданов, в городе остались М. Шелковников и Д. Топильский. На место умершего подал челобитную в Разрядный приказ молодой козловский подьячий Г. Свешников. Он просил назначить его третьим подьячим без поручных записей и без выбора, а поручную запись подать в Москве в Разрядном приказе, что и было выполнено[1].

Иногда козловским подьячим приходилось выполнять государевы поручения. В 1659 г. в Посольский приказ привезли деньги после размена военнопленными с Валуйки в размере 4000 руб. серебром[2]. Сопровождал их козловский подьячий Д. Топильский, который сразу съехал с Москвы обратно в Козлов. Эти деньги были переданы в мешке в Разрядный приказ со счетом и печатью козловского подьячего. Однако среди них оказалось 100 руб. медных денег. Несмотря на посылки в Козлов из Посольского приказа грамот, Д. Топильский в Москву так и не приехал. Поэтому к козловскому воеводе послали грамоту с требованием высылки подьячего в Москву с приставами для дальнейшей передачи в Посольский приказ.

Еще одну грамоту, касающуюся козловских подьячих Г. Свешникова и М. Шелковникова, отослали 18 марта 1666 г. воеводе г. Козлова И. А. Вельяминову[3]. Ему поручалось сыскать в Козлове этих подьячих и отослать в Москву в сопровождении сына боярского К. Прибылого. Оба подьячих привлекались в Разрядный приказ на государеву службу. В 1665 г. Г. Свешников из Москвы сбежал, а М. Шелковникова отпустили. В 1666 г. они вновь приехали в Москву и жили, укрываясь, затем опять из Москвы сбежали. Поэтому козловскому воеводе приказали их сыскать и прислать в Москву обратно.

В 1679 г. козловский подьячий приказной избы В. Свешников подал на государево имя челобитную. В ней он отмечает, что службу подьячим в Козлове он начал в 1662 г. и вел в приказной избе всякие дела[4]. В 1670 г. вместе с воеводой С. И. Хрущовым во время

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 1-2.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 302-303.

[3] Там же. Л. 366-367.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 17-23.

прихода разинцев участвовал в отражении их приступов, захватывал языков, а в период прихода татар и калмыков потерял лошадь. За ним городового жалования числилось 10 руб., а за участие в боях его сотоварищи получали придачу к жалованию по 3 и 4 руб., а он ничего не получил. Послужной список подьячего подтвердил воевода С. И. Хрущов. Он записал участие В. Свешникова в обороне Козлова от разинцев в 1670 г., а 17 ноября в бою под Челнавским и Лысогорским городками тот даже сумел захватить пленного. По выписке думного дьяка С. С. Титова[1], действительно, за участие в боях с козловским воеводою подьячии Г. Васильев к своим 10 руб. денежного жалования получил наддачу в 4 руб., а П. Васильев к 7 руб. – 3 руб. Челобитная была поддержана, и Г. Свешников к своим 10 руб. получил придачу 3 руб.

В середине 70-х гг. XVII в. тамбовские подьячие Т. Г. Хлебников и Ф. Е. Алтухов в д. Перикса владели небольшими поместьями с 6 дворовыми людьми, то есть фактически являлись помещиками[2]. Общая численность местной администрации оставалась сравнительно невелика: в Козлове в 1679 г. в приказной избе подьячими числилось 12 человек, а в 1685 г. их насчитывалось вместе с членами семьи 22 человека. В Тамбове в 1678 г. работало 4 подьячих.

Кроме официальных подьячих практически в каждом городе имелись площадные подьячии. Они не находились на государевой службе, но в случае отсутствия подьячего в приказной избе могли на время или на постоянной основе перейти на государственную службу. Площадные подьячии оформляли за деньги частные челобитные в государевы органы власти и за это брали деньги. Площадный козловский подьячий Д. Свешников с 1664 г. на площади в Козлове писал документы[3]. Его регулярно привлекали для государевых дел в козловскую приказную избу, в том числе в различные «посылки» в Козловский уезд и для сопровождения сыщиков. Он сам происходил из семьи подьячих. В 1669 г. по выбору козловцев в горо-

[1] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М.,1975. С. 516-517.

[2] Архив СПБИРАН. Ф. 2. Кн. № 119. Л. 144-149.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 61-63.

де на кружечном дворе служил подьячим для сбора государевой денежной казны с головою Я. Кривоперстовым. Д. Свешников оформлял там книги приходные и расходные, однако государева жалования не получил. Он просил написать его в козловские подьячие в приказную избу. По росписи воеводы С. И. Хрущова козловских подьячих в приказной избе находилось 6, а площадных 10 человек. Воевода подтвердил участие Д. Свешникова в работе на кружечном дворе без жалования. Из Разрядного приказа пришла грамота, разрешающая Д. Свешникову служить подьячим козловской приказной избы с жалованием.

В 1657 г. подал в Разрядный приказ челобитную козловский площадный дьячок И. М. Первой[1]. Он перечислил свои государевы службы, куда его привлекали: два года служил у «хлебного» приема, затем 2,5 года в Бельском городке работал дьячком, где вел письменные дела, затем участвовал в ремонте укреплений по Козловскому валу для «дозора и меры» крепостей и городков, причем сам сделал одну сажень вала и ослонил его, принимал участие в работе козловской приказной избы. То есть имел большой опыт в писцовом деле. Его приказали взять в приказную избу вместо Д. Топильского, приглашенного в Москву в Разрядный приказ, с денежным окладом 5 руб. Однако Д. Топильский предложил назначить на свое место родного брата Федора. Результатом этого конфликта стало решение Разрядного приказа перевести Ф. Топильского в подьячие козловской приказной избы, на место его брата, а И. М. Первого оставить на его месте в козловском посаде. В данном случае предшествующая запись в писцовых книгах оказала решающую роль в попытках изменить социальный статус.

В 1679 г. с просьбой записать в подьячие козловской приказной избы обратился М. Г. Свешников[2]. Его отец Г. Свешников работал подьячим в козловской приказной избе и в Разрядном приказе. С 1674 г. в козловской приказной избе работал его брат Семен с денежным окладом в 5 руб. Брат умер в 1679 г. Сам М. Свешников

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 354. Л. 1-7.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 186-191.

числился площадным подьячим и жил со своей матерью в Козлове. Он просил перевести его в козловскую приказную избу на место своего умершего брата с его же денежным окладом. Разрядный приказ удовлетворил просьбу М. Свешникова.

С подобной же просьбой обратился в Разрядный приказ козловский площадный подьячий Л. А. Шелковников[1]. Работал он площадным подьячим с 1672 г., отмечал свое участие в различных государевых делах: работал в приказной избе во многих посылках, писал разборные списки, был у козловских струговых дел, у приема и отдачи хлебных запасов в Воронеж. После смерти в 1675 г. его брата Ефима, который служил подьячим в козловской приказной избе, он просился на его место. Е. Шелковников, как выяснили в Разрядном приказе, имел денежный оклад 6 руб. По смете 1679 г. в Козлове в съезжей избе числилось 10 подьячих и на площади 18 площадных подьячих. Указом от 6 февраля 1679 г. воеводе И. П. Селунскому было дано разрешение Л. А. Шелковникову занять место своего брата с тем же окладом. Таким образом, семейные традиции этих групп населения сохранялись на протяжении всего XVII века.

Интересна судьба подьячего А. Панова. Он начал свою подьяческую службу в Козлове в 1654 г. и служил 20 лет, в том числе у воеводы Я. Т. Хитрово в период прихода разинцев. В 1674 г. его взяли из Козлова в Разрядный приказ. Здесь в Москве он овдовел, у него остались сын и дочь, а его дворовые люди разбежались. За ним числился поместный оклад в 300 четвертей и 30 руб. денежного содержания. Сам подьячий постарел и, как это практиковалось при Алексее Михайловиче, когда престарелых подьячих отправляли в небольшие города, просил отпустить его в Козлов. Его отец умер во время рижского похода в 1658 г., от него в Козлове остался земельный надел, а дядя служил у астраханских стрельцов головой и был убит татарами в 1656 г. Брата А. Панова убили в сражении поляки. Поэтому он и просил перевести его на более легкую службу обратно в Козлов. Эту просьбу удовлетворили указом 2 сентября 1679 г.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 50-54.

Служилые люди «по прибору»

Военно-оборонительный характер Козлова и Тамбова влиял на их социальный облик. На протяжении всего XVII в. его основу составляли мелкие служилые люди, набранные на службу в местный гарнизон. Часть из них несла службу по городу, другие – по охране уезда. За выполнение служебных обязанностей они получали земельный надел и иногда, в основном во время военных действий, «государево» жалованье. Их служба передавалась по наследству членам семьи или ближайшим родственникам вместе с правом на земельный надел. В воинскую службу записывали по достижении 15 лет и завершали ее по старости, получая специальное разрешение.

Служилые люди подчинялись на местах воеводе, головам, сотникам, пятидесятникам и десятникам, а в центре – Разрядному, Пушкарскому, Стрелецкому, Иноземскому и Рейтарскому приказам. Голов назначали приказом из Москвы на длительное время из числа мелких служилых людей. В отличие от воевод, головы находились на службе достаточно долго, если не совершали каких-то порочащих проступков и подчинялись соответственным приказам. Поэтому они пользовались относительной независимостью, отстаивая интересы местных служилых людей и имея возможность напрямую списываться с подведомственными приказами. В годовых сметах, вместе с указанием на наличие в данном городе воеводы, обязательно указывались головы. В случае отъезда воеводы из города, он назначал вместо себя голову, чаще всего, стрелецкого. Так, в 1651 г. козловский воевода И. В. Алферьев по распоряжению Москвы поехал в Романово городище для досмотра района Доброго городища и строительства там укреплений. Он оставил за себя на время поездки стрелецкого голову И. Нестерова, которому передал городовые ключи, приказав жить в городе безвыездно[1]. В 1675 г. козловский воевода Е. А. Пашков получил из Разряда грамоту о смене челнавского стрелецкого и казачьего головы: рязанский рейтар Л. Щетинин менял 29 июня М. Мешкова[2]. Расписной список в тетрадях о смене голов воевода выслал в Москву.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 250-251.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 826. Л. 275-276.

Существовали так называемые осадные головы. По крайней мере, в 1678 г. появилась челобитная козловского осадного головы А. Иванова о сложении с себя обязанности в связи со старостью и ранами[1]. Он служил уже около 40 лет, начиная свою службу еще при деде Федора Алексеевича Михаиле Федоровиче, участвовал во многих походах и боях, был ранен в руку и голову. Он вместо себя уже устроил осадным головой своего сына Исая, который до этого служил в Белгородском полку. Челобитная из Тамбова предлагала утвердить это решение, что, скорее всего, и произошло.

Например, в 1663 г. в Тамбове головой у полковых казаков и рейтаров был П. Ардобаев, а у стрельцов иноземец М. Мелентьев, в Лысогорском и Красногорском городках – рязанец И. Акимов[2]. В городах гарнизон размещался в специальных слободах «по службам»: пушкарская, стрелецкая, казачья, солдатская.

Пушкари

Одной из самых малочисленных и в то же время стабильных групп городского населения на юге являлись городовые пушкари, затинщики и воротники. Иногда к ним присоединяли казенных кузнецов, которые обслуживали укрепления и городское хозяйство. Они объединялись общим характером служебных обязанностей. Строительство новых крепостей на южной границе потребовало резкого увеличения количества городовой артиллерии, или, как его называли в документах, «наряда». Вся артиллерия в Русском государстве находилась в ведении Пушкарского приказа, который распределял ее по городам и контролировал набор и военную подготовку пушкарей. Городовые пушкари передавали секреты своего мастерства по наследству, и поэтому в новые категории пушкарей попадали, как правило, их родственники.

Но на юге России от этой привычной практики пришлось отказаться в связи с катастрофической нехваткой специалистов. Первые

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 505. Л. 351-353.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 145. Л. 272.

группы пушкарей в Тамбов и Козлов переводились правительственными распоряжениями из центральных уездов страны, а остальных набирали из числа «вольных» и «охочих» людей. В их число попало немало случайных людей, не имеющих специальной военной подготовки. Воеводы вынуждены были вызывать из Москвы или других городов опытных специалистов для обучения новых пушкарей профессиональным навыкам.

В Козлове пушкарей и затинщиков сверстали в первую очередь, уже в начале 1636 г. числилось 20 пушкарей и 20 затинщиков. Им выдавалось жалование на селитьбу по 5 руб., хлеба по 2 четверти ржи и 3 четверти овса. Землю они получали по 8 четвертей на человека. Одновременно в эту же слободу набрали 4 воротника. Они получили государева жалования на дворовое строение 3 руб., хлеба по 2 четверти ржи и по 2 четверти овса на человека. На 25 января 1637 г. насчитывалось только 20 человек пушкарей и затинщиков, получивших жалование, и 5 новоприбывших получили на селитьбу 5 руб., ржи 2 четверти и овса 3 четверти[1]. Хлеб для раздачи новоприписанным служилым людям привезли из Воронежа: 1500 четвертей ржи и 1500 четвертей овса. Но он уже к этому времени весь был роздан. Большие проблемы возникли с нехваткой овса, что не позволяло снабжать им других служилых людей.

Летом 1637 г. уже 45 козловских пушкарей попросили воевод отпустить их в Москву для подачи челобитной[2]. Они жаловались на постоянное использование в службе по городу и на валу, в разных «посылках», в отличие, по их мнению, от стрельцов и казаков, которые успевали между служебными обязанностями пахать свою пашню. Пушкари просили пользоваться такими же льготами по службе, как казаки и стрельцы.

Затинщиками в русской армии называли воинских людей, вооруженных затинной пищалью, ручным огнестрельным оружием, занимающим промежуточное положение между пушкой мелкого калибра и ружьем. Ее чаще всего использовали для стрельбы

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 311-314.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 198-199.

с крепостной стены. Воротники – специальная группа служилых людей крепости, несущих охрану городских ворот и служебных помещений.

Пушкари, затинщики и воротники жили в одних общинах, выполняли схожие обязанности и подчинялись пушкарскому голове. В Тамбове и Козлове они поселились отдельной Пушкарской слободой. Со второй половины XVII в. доступ в эту сословную группу строго регламентировался, и пополнение стало поступать в основном из числа их родственников.

О стабильности населения Пушкарских слобод красноречиво говорит их численность. В Тамбове в 60–80-е гг. она сохранялась на одном уровне – 40 пушкарей и 4 воротника, в Козлове – 44 пушкаря и 4 воротника[1]. По данным на начало 50-х гг. в козловской Пушкарской слободе в 48 дворах проживало 155 человек мужского пола, а в тамбовской Пушкарской слободе в середине 70-х гг. в 60 дворах – 189 человек (т. е. в среднем по трое мужчин на один двор).

В смотренном списке тамбовских служилых людей 1662 г. указаны места проживания пушкарей, затинщиков и воротников, численность мужского населения их семей[2]. Всего пушкарей в Тамбове в это время насчитывалось 27 человек, 12 затинщиков и 4 воротника. В службу поспело 11 человек, малолетних – 17 человек. У затинщиков в службу поспело – 3, а недорослей у затинщиков и воротников – 15 человек. У 4 пушкарей жили по одному половинщику, у 2 воротников также по одному половинщику[3], с которыми они делили служебные обязанности.

Пушкари, затинщики и воротники меньше всех остальных служилых людей по прибору наделялись землей, так как их служба считалась наименее трудной, не связанной с частыми отлучками. По нормам XVII в. они должны были получать по 10 четвертей пашенной земли в одном поле и по 50 копен сена. Однако фактически

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. № 1015. Л. 50-54; ЛОИИ. Ф. 2. Кн. № 119. Л. 59-69.

[2] РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Кн. № 10. Л. 222-339.

[3] Половинщик – жил вместе со служилым человеком, они совместно обрабатывали поместную землю и по очереди несли служебные обязанности.

их наделы намного превосходили первоначальные планы. В Тамбове пушкарям выдавали по 25 четвертей в поле, а воротникам по 12 четвертей, в Козлове же пушкари имели по 8, а воротники – по 6 четвертей земли. Пушкарей стремились привлечь для разных служб и посылок. В апреле 1643 г. пушкари Козловской Пушкарской слободы в количестве 45 человек пожаловались в Разрядный приказ на непомерные службы[1]. Кроме своих непосредственных обязанностей по обслуживанию пушек в Тамбове и в 5 городках по валу, где стояли беспрестанно летом и зимой, они обслуживали и охраняли зелейную и денежную казну, отправлялись в уезд для всяких «посылок», у них на дворах останавливались приезжие люди, отвечали за содержание колодников в тюрьме, им передавали для кормления опальную «животину», изъятую у арестованных. Это все, по их мнению, приводило козловских пушкарей к разорению и обнищанию. Разрядный приказ запретил использовать козловских пушкарей и затинщиков в уезде для разных дел, а держать приезжих, колодников и опальную скотину поручалось стрельцам, казакам и пушкарям вместе.

В период русско-турецкой войны за Чигирин из козловских пушкарей, их детей и родственников формировали рейтарские полки. 9 февраля 1679 г. И. Селунский получил грамоту быть на государевой службе первой половине козловских пушкарей и их родственникам «против» прошлого 1678 г.[2] По этой грамоте воеводе указывалось провести смотр пушкарей, затинщиков, разсыльщиков и приставов из казенных кузнецов и плотников, а также их родственников, соседей, подсоседников, захребетников[3], половинщиков. Провести смотр и разобрать всех поровну на две половины и дать жеребья тем, кто будет нести службу в малороссийских городах. У них должны быть свои ружья, пищали, бердыши и топоры. Все эти списки требовалось прислать в Рейтарский приказ.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 299-300.

[2] Там же. Л. 86-90.

[3] Захребетник – наемный работник, выполнявший хозяйственные обязанности.

Реально в боевых действиях пушкари на юге России оказывались крайне редко, так как татары практически никогда не предпринимали попыток штурма крепостей, и устрашающе выставленные жерла орудий лишь отпугивали возможного противника. Пожалуй, только один раз в XVII в. тамбовские пушкари выдержали серьезный экзамен. Во время крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина отряды восставших неоднократно пытались штурмом взять Тамбов, однако явное превосходство артиллерии в рядах гарнизона не позволило им сделать этого. Такая вольготная жизнь позволяла пушкарям заниматься торговлей и ремеслами, создавая серьезную конкуренцию посадскому населению.

Стрельцы

Обязательной сословной группой южнорусского города являлись стрельцы «городовые». Стрельцы – русская пехота, формирование которой началось еще в XVI в. В ходе проведения военных реформ Ивана IV из разряда «пищальников» сформировали стрелецкое войско. В XVII в. оно концентрировалось в московских полках и во всех гарнизонах страны[1]. В период строительства новых городов на юге России шло дальнейшее формирование стрелецкого войска и запись в стрелецкую службу. По подсчетам В. А. Александрова, численность стрельцов на южных рубежах России в 30–40-х гг. увеличилась на 3 тысячи человек[2]. Поскольку служба в пехоте считалась менее почетной, чем в коннице, постольку в стрелецкую службу чаще попадали представители малоимущих слоев населения, в основном, из числа беглых крестьян. Требование Разрядного приказа записывать в стрельцы «прожиточных и семьянистых» воеводы выполнить не могли. Военному ведомству пришлось обеспечивать их оружием и снаряжением. Из смет служилых людей видно, что двое из трех стрельцов имели казенное оружие.

[1] *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М., 2004.

[2] *Александров В. А.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 239.

Запись в стрельцы воеводы стремились осуществить уже в первые годы существования крепостей. Их численность по штатам южных городов определялась в 200 человек. На протяжении всего столетия она практически не менялась. В Козлове в 1636 г. насчитывалось 200, в 1645 г. – 204, а в 1700 г. – 186 стрельцов. В Тамбове наиболее ранние сведения относятся к 1663 г. – 232 стрельца, а в 1704 г. – 239 человек.

Пеших стрельцов воеводы стали набирать сразу с 1636 г. Им давали по 5 руб. жалование на селитьбу, 2 четверти ржи и 3 четверти овса. Земли выдали пятидесятникам 10 четвертей, десятникам по 9, рядовым по 8 четвертей[1].

При записи в стрельцы встречались разные казусы. Бывший михайловский казак А. В. Орел в феврале 1637 г. жаловался в Разрядный приказ, что он записался в стрелецкую службу в Козлов, а местный голова стрельцов П. Красников его от службы отставил и не дал жалования[2]. И. В. Биркин и М. И. Спешнев объяснили причину этого явления. Михайловские казаки и стрельцы рассказали, что А. В. Орел в Михайлове промышлял татьбою и был обвинен в воровстве. Поэтому уехал в новый город Козлов. Ему отказали от включения в службу и на это место взяли другого человека, а А. В. Орла решили взять в службу на «поруках» и отправить служить стрельцом к валу.

Запись в стрельцы не означала сразу выдачу земельного надела и денежного жалования. Некоторым новоприписным стрельцам приходилось подавать челобитные с просьбой о выдаче причитающихся им средств. Так, в 1645 г. стрелецкий сын Г. И. Мастеров жаловался в Разрядный приказ, что он подал челобитье на службу стрельцом в Козлов, что и было удовлетворено. Однако государева жалования и земельный надел не получил. С подобной же просьбой в этом же году обратился козловский стрелец, ссыльный человек Г. Макаров. Он был пожалован в стрелецкую службу, однако не получил причитающееся денежное жалование. Обоим челобитчикам приходилось скитаться «меж двор», что позволяло им жаловаться на обнищание.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 76. Л. 365.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 4-5.

Во главе стрельцов назначался голова, который имел двойное подчинение. В городе он подчинялся воеводе, однако обладал правом на прямое обращение в Стрелецкий приказ. В Козлове в 30-е гг. XVII в. голова стрельцов одновременно являлся и головою городовых казаков. В 1639 г. козловским головою стрельцов и казаков стал В. Фиглев, который заменил П. Красникова[1]. Он провел смотр и выяснил, что на смотр к нему явилось 150 стрельцов с самопалом и рогатиной, 50 стрельцов стояли в Бельском городке у земляного вала. Полковых казаков объявилось 176 человек с самопалом и рогатиной, а 50 человек стояли в Маховом городке на валу. Всего в его подчинении находилось 436 человек. Воеводским распоряжением 200 стрельцам и 150 полковым казакам выделили землю, а за р. Лесным Воронежем участки земли получили еще 150 полковых казаков. Реально в этом году землю получили и начали пахать всего 86 человек. Поэтому воевода просил прислать указ, чтобы удовлетворить просьбы вольных людей, желающих записаться в службу.

Головы стрельцов находились на службе гораздо большее время, чем воеводы. Поэтому, зная местную конъюнктуру, могли эффективно отстаивать интересы своего сообщества. Контроль за сменой голов осуществлял воевода. В 1668 г. решанину А. Булыгину за службу, и за «полонное терпение», и за раны разрешили быть в Козловском уезде в Челнавском городке у стрельцов в головах вместо Л. Полубояринова[2]. Он получил наказ следить за стрельцами, чтобы они без его ведома никуда не ездили, не занимались разбоем и татьбою. Стрельцам не разрешалось безъявочно держать у себя в домах посторонних людей. Каждый приехавший должен был объяснять, кто он такой, откуда прибыл и с какой целью. Запрещалось держать корчму, табак, развратных женщин, игры в зернь, разбойников и беглых. Голове поручалось выставлять караулы в день и в ночь на земляных и деревянных крепостях с пищалями. А. Булыгину поручалось организовывать учения по стрельбе стрельцов из пищалей, причем на ученьях стреляли, используя свой личный порох, а казен-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 231.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 678. Л. 45-59.

ное «зелье» держали к приходу татар. В казенном погребе хранились пушечное «зелье» и свинец за личной печатью воеводы или головы. Разрешалось давать суд над стрельцами по Соборному уложению, кроме «татинных» и разбойных дел. Приставов выбирали из стрельцов на год, не «бражников», не замеченных в воровстве и игре в зернь. Голова должен был следить за запретом местным жителям посещать Челнавский заповедный лес, где находились тамбовские укрепления, не делать там проходов. Он же контролировал попытки выезда стрельцов на их промыслы за линию укреплений. Запрещалось челнавским стрельцам в летнее время топить избы и мыльни. Для печения хлеба требовалось строить в огородах подальше от изб летние печки. Голова отвечал за запрет без государева указу варить пития. Разрешалось на праздники сварить по полуосмине или по осмине пития и записать все это в книгу. Он должен был велеть всем стрельцам пить напитки в указанные в челобитной дни, с категорическим запретом их продавать.

В ноябре 1679 г. в Козлов к воеводе И. П. Селунскому пришла грамота из стрелецкого приказа за подписью дьяка Ф. Л. Шакловитого о смене голов у местных стрельцов[1]. Козловцу П. Васильеву за его службу и приказную работу велели стать головой у местных стрельцов вместо М. Мешкова, которого отозвали в Москву. Новый голова должен был принять списки служилых людей с их поручными записями. Воевода 15 ноября провел ротацию голов, передав все документы новому начальнику, который принял стрелецкий двор со стрелецкой приказной избою, судные дела. Оба расписались в передаче дел. К документу прикладывались незавершенные судные дела по стрельцам. Они касались отнятия гнедово коня стоимостью 12 руб., матерной брани, бесчестия и спора о 2 руб. между стрельцом Г. Селантьевым и воротником И. Божетковым. Остался неразрешенным конфликт между белгородским рейтаром С. Гончаровым и П. Кузнецовым о долге в 2 гривны денег и другие незавершенные судные дела, которые находились в ведении стрелецкого головы.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 961. Л. 86-91.

Стрелецкая служба на юге России являлась и формой наказания за различные правонарушения в центральных уездах страны. В ноябре 1643 г. двух московских стрельцов полка Т. Шепелева Е. Антипова и Петрова приказа Н. С. Лаврова с женой за проступки сослали в Козлов за «воровство»[1]. Их определили в пашенные стрельцы. Для переезда из Москвы в Козлов им выделили две подводы и проводников. Стрельцы пожаловались, что у них отсутствовали средства на этот переезд, и попросили выдать государево жалование. Разрядный приказ указал козловскому воеводе И. А. Ростовскому выдать по приезду стрельцов в Козлов Н. Лаврову с женой 5 руб., а Е. Антипову – 4 руб. на «дворовое строение и селитьбу».

В 1649 г. в Козлов сослали из Москвы Коновицина приказа стрельца Б. Деева с женой и детьми[2]. Ему в вину вменили винную и табачную продажу. На продажу вина действовала государева монополия, а хранение и употребление табака запрещалось по Соборному уложению. Всех сосланных записали в козловскую стрелецкую службу. В этом же году крестьянина боярина князя Ф. С. Куракина С. Васильева за винную продажу сослали в Козлов в стрелецкую службу с требованием контролировать его, чтобы из Козлова не сбежал[3]. В Козлов сослали также крестьянина князя Я. К. Черкасского И. Калинина за продажу табака, а также стрельца Ю. Иванова. За винную продажу в стрелецкую службу отправили крестьян Симонова монастыря. Их записали в стрелецкую службу в Челнавский острожек[4]. В Козлов сослали гостинной сотни А. Кислицына с женой и детьми, обвинив в денежном воровстве, и также записали в стрелецкую службу.

Кроме уездных городов, стрелецкие гарнизоны находились в Бельском и Челнавском городках Козловского уезда. По характеру своей службы и хозяйственной деятельности они мало чем отличались от городовых стрельцов. Еще в 1636 г. Разрядный приказ

[1] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 144. Л. 59-64.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 385. Л. 81.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 268. Л. 18-19.

[4] Там же. Л. 88, 92-93, 177, 180.

указал расселить здесь по 300 человек, записав их в стрелецкую службу. В 1636 г. еще раз Разрядный приказ напомнил нормы обеспечения челнавских и бельских стрельцов жалованием и земляными дачами. На дворовое строение и селитьбы выдать по 5 руб., хлеба по 2 четверти ржи и по 3 четверти овса человеку[1]. Землю выдавали из расчета пятидесятникам по 10, десятникам по 9, рядовым по 8 четвертей. Однако достигнуть нормы воеводам не удалось.

В 1639 г. 10 июля в Челнавском городке насчитывался 241 стрелец[2]. Головой у челнавских стрельцов назначили П. Быкова. Новый голова в 1639 г. просил помочь местным стрельцам в приобретении церковной утвари[3]. Он писал, что они люди бедные, в 1638 г. был большой недород хлебов, которых побил мороз, поэтому имелась большая нехватка кормов для скотины. Церковь в слободе они поставили, а священники пришли сюда бедные и без церковной утвари. В июне 1642 г. в Козлов приехал голова П. Быков с грамотой из Разрядного приказа о его повторном назначении на земляной вал на Челновую[4]. С ним должны были нести службу по охране полевых укреплений дети боярские и присланные сюда служилые люди. 20 июня П. Быков в съезжей избе поведал воеводе, что он стоит на валу в Ярославском городке, а ряшане дети боярские, беломестные атаманы и казаки государева указа ослушались, ремонтом укреплений не занимаются, на караулах не стоят, голове не подчиняются, поскольку не хотят входить в его приказ. Часть присланных служилых людей из Ряжска со службы разбежались.

В 1642 г. бельские стрельцы пожаловались в Разрядный приказ на отсутствие у них хлебного жалования[5]. С 1636 по 1642 г. они так и не получили причитающегося им хлебного жалования. При проверке дела выяснилось, что действительно некоторым Бельским стрельцам хлебное жалование не выдали, правительство обратилось

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 252-258.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 99.

[3] Там же. Л. 149.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 244-245.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 312-314, 316-321.

к воеводе с требованием вернуть причитающееся хлебное жалование или заменить его деньгами.

В 1645 г. в Бельском городке насчитывалось только 161, а в Челнавском – 229 стрельцов. Челнавский острожек заселялся стрельцами медленно. Первые воеводы сообщали, что они полагали поместить здесь 300 человек. Однако осенью 1637 г. сумели записать в стрельцы только 32 человека, а на ноябрь этого года уже находился 91 человек. Правительство поддерживало стрельцов Челнавского и Бельского городков не только земельными наделами, но и денежным жалованием. Например в 1638 г. им из Разрядного приказа с подьячим Н. Картавцевым прислали 1500 руб.[1]

Между стрельцами Челнавского острога и лысогорскими новоприборными казаками в 1649 г. возник конфликт из-за земли[2]. Стрельцы владели сенными покосами вверху по р. Челновой до Лысых Гор. Их насильно захватили 300 новоприборных казаков. По выписи челнавских стрельцов со строельных книг И. В. Биркина и М. И. Спешнева за ними числилось 4992 копны сенных покосов. При проверке выяснилось, что челнавские стрельцы в 1649 г. верстались по Козлову в дети боярские, а начали селиться на стрелецкую землю. Однако Разрядный приказ не согласился с этим, запретил им писаться в дети боярские и вернул в стрельцы. В. Волынский подтвердил, что 26 человек верстал в дети боярские Р. Ф. Боборыкин и выделил им землю по р. Узовке, притоке Челновой. Воевода послал ряшанина И. Елютина для выделения земли новописанным детям боярским. Им дали порожжую землю, никем не занятую. Было предложено разделить земли казачью и стрелецкую по урочищу Дехтяная яма. Детей боярских поселили на р. Грязновке напротив их земляных дач и учинили межу. Группу стрельцов из 25 человек прибрал в Челнавский острожек воевода Н. В. Пушкин в 1651 г.[3] Они сразу начали пашню пахать и строиться. Поскольку им не дали денежного жалования на селитьбу, то в Москву послали челобитчика с просьбой о жа-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 69.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 74-75.

[3] Там же. Л. 235-238.

ловании и выдаче ручных пищалей, что и было исполнено. Жалование на селитьбу предложили взять из козловских кабацких доходов.

В 1651 г. в Челнавском острожке устроили на пашню и в службу еще 269 стрельцов. В этом же году воевода добрал 30 человек, которые начали строить дома и пахать пашню[1]. Новоприборные стрельцы просили разрешения отправить в Москву челобитчика Ф. Туснина с просьбой о выдаче им денежного жалования. Вместе с челобитной послали роспись новоприборных стрельцов. Дьяки Разрядного приказа определили размер денежного жалования на «селитьбу» как и старым стрельцам в 5 руб. Воеводу предупредили о записи в стрелецкую службу только вольных людей.

В 1650 г. московского стрельца И. Борисова сослали вместе с женой на вечное житие в Козлов для прохождения службы в Челнавском острожке. В 1651 г. он поехал в Москву бить челом о своей бедности[2]. Однако в Земском приказе его арестовали и посадили в тюрьму на цепь. Он был одним из 20 поручителей на сумму 24 руб., выданную гулящему человеку Л. Михайлову, сбежавшему со службы. И. Борисов просил перевести его в Разрядный приказ, что не выполнили.

Норма земельных наделов стрельцов на юге России равнялась 12 четвертям земли и 25 копнам сенокосных угодий. Реальные наделы оказались гораздо меньше. В 1552 г. в Козлове пятидесятники имели по 10 четвертей, десятники – 9 четвертей, а рядовые стрельцы – лишь по 8 четвертей земли. Нормы в Челнавском и Бельском городках оказались несколько выше, но также не достигали установленного потолка. Так, в Бельском городке 267 стрельцов, записавшихся в службу, получили земельный надел под усадьбу размером 40 на 20 м и гумно 400 м^2.[3]

В хозяйственной деятельности стрельцы, кроме сельскохозяйственных занятий, участвовали в местной торговле, ремесленной деятельности и ростовщичестве. Причем в отсутствие сложившегося посада стрельцы длительное время держали в своих руках

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 191. Л. 289-286.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 20-24.

[3] *Davies B. L.* Op. cit. P. 136.

значительную часть городской торговли. В Козлове в 60-е гг. они из 90 торговых точек владели 41, т. е. почти половиной всех торговых мест. В последующие годы их серьезно потеснили посадские люди, и к 1680 г. из 119 торговых точек в руках стрельцов осталось лишь 16. В Тамбове, пользуясь отсутствием посадского населения, стрельцы сохранили монополию в городской торговле до конца века[1].

Помещики центральных уездов страны часто предпринимали попытки вернуть свих беглых крестьян обратно, в том числе и тех, кто записался в стрельцы. Редкую уже к этому времени попытку объявить козловского стрельца Т. О. Верещагина своим старинным холопом объявил жилец А. В. Осипов в 1679 г.[2] Т. Верещагин жаловался, что его пытались разорить этим подозрением, в то время как он с отцом лет 40 тому назад сошли от разорения с Севска в Скопин, а оттуда в Козлов, где он служил в стрельцах уже более 10 лет. По его челобитной ему дали из Разрядного приказа грамоту о продолжении службы в Козлове в стрельцах, а А. Осипову запретили подавать такие челобитные.

Стрелец г. Козлова К. Ф. Бахолдин в 1679 г. подал челобитную из-за жалобы козловского воеводы И. П. Селунского в попытке объявить его своим крестьянином, а его отца за это посадил в тюрьму[3]. Дед Кирилла длительное время находился в плену, а его жена с маленьким сыном Алексеем вышла замуж за владельческого крестьянина д. Александровская Дубрава Михайловского уезда. Дед, вернувшись из плена, вернул себе свою жену, а сына Алексея им не отдали. Дед записался в новопостроенный Козлов в стрелецкую службу, а затем в полковую казачью. Подросший его сын вернулся к нему в Козлов, однако из-за плохого здоровья от казачьей службы отказался и просился в стрельцы. Из Разрядного приказа козловскому воеводе И. П. Селунскому пришла грамота с требованием К. Бахолдина по-прежнему оставить в стрелецкой службе, а его отца из тюрьмы освободить.

---

[1] *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005. С. 371-376.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 55-56.

[3] Там же. Л. 96-101.

Во второй половине XVII в. в русской армии стала отчетливо проявляться тенденция снижения места и роли стрельцов, их малая приспособленность к длительным военным походам. Военные кампании России последней четверти XVII в. это наглядно отразили. Они все больше выполняли роль полицейской силы в городах и уездах. Стрельцы постепенно превращались в замкнутую корпоративную организацию со своим сложившимся бытом и занятиями.

«Он прежде город был опальный...» (из истории ссылок в Тамбовский край в XVII в.)

Эти строки из поэмы «Тамбовская казначейша» принадлежат М. Ю. Лермонтову. Они должны были отражать особенности прошлого нашего края, который заселялся не только свободными переселенцами, но и ссыльными людьми. Подтвердить эти факты, опираясь на материалы по Тамбову, практически невозможно, так как источники XVII в. по его ранней истории крайне скудны. Традиционно в XVII в. существовала практика посылки в отдаленные гарнизоны определенной части лиц, совершивших преступления или проступки, попадавшие под уголовное наказание. Комплектование сибирских гарнизонов служилыми людьми также частично шло за счет ссылок сюда за провинности и преступления. Таким образом, подобная форма наказания в XVII в. являлась обыденным делом в Русском государстве.

Так, в 1651 г. состоялась массовая ссылка людей, привлеченных по суду к ответу, в Козловский уезд[1]. Шел активный процесс формирования Белгородского полка, который потребовал резкого увеличения всех категорий служилых людей. Такая ситуация сложилась при козловском воеводе И. В. Алферьеве. Речь шла о десятках людей, отправленных на службу в город на «Поле». Возможно, это был ответ власти на просьбу козловского воеводы, которому явно не хватало служилых людей для создания полноценного уездного

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 210.

гарнизона. Особенно остро стоял вопрос об укомплектовании стрелецких гарнизонов в небольших городках по черте: Бельском и Челнавском. Стрелецкая служба являлась одной из самых низкооплачиваемых на юге России[1]. Желающих записаться в нее встречалось сравнительно немного, тем более, что большинство населения уезда состояло из детей боярских.

Характер вины ссыльных был разный: наличие подозрительных корений, запрещенные письма, воровство, драки, невыплата долга. Механизм отправки в Козлов действовал достаточно стандартно. От соответствующего приказа, по которому ведался обвиняемый, происходила передача дела в Разрядный приказ. От него отправлялся служилый человек в качестве сопровождающего лица. Это мог быть служилый человек Козловского уезда или лицо, назначенное Разрядным приказом. Он должен был доставить осужденного в Козлов и передать воеводе. Ссыльные предпринимали различные приемы проволочки, а то и отмены ссылки. Так, за драки и избиения своих односельчан посадили в тюрьму крестьян Коломенского уезда с. Ловель К. Сазонова и Ф. Карельского. Их приговорили к ссылке на вечное житье в Козлов для записи в дети боярские и планировали отправить на подводах по месту службы. Сюда для сопровождения ссыльных в уезд прибыл козловский сын боярский В. Яковлев. Однако воевода выяснил, что обвиняемые «кормились» в селе, подрабатывая ярыжками на стругах, и никаких подвод у них нет. В данном селе он также не нашел подвод, поэтому без особого указа отказался передавать сопровождающему лицу обоих ссыльных. Следующий указ из Разрядного приказа носил более жесткий характер. Посылался другой сын боярский из Козлова, которому предписывали забрать обоих крестьян с женами, детьми и имуществом и на подводах отправить в Козлов. При этом поиски подвод передавались на усмотрение воеводы.

Чудова монастыря крестьянина Ф. Артемьева с женой, двумя сыновьями и двумя дочерьми, да вотчины князя Б. А. Репнина д. Ватутино крестьянина Л. Иванова без жены, но с двумя сыновья-

[1] *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М., 2004. С. 53.

ми, владельческого крестьянина А. Григорьева с женой отправили Разрядным приказом для стрелецкой службы в Бельский городок[1]. Их прегрешения состояли в том, что к ним из литовского рубежа приезжали чужие люди. Поэтому их отправили в Москву, где по решению Разрядного приказа отвезли затем на вечное житие в Бельский острожек Козловского уезда и записали в стрелецкую службу.

В Козлов сослали служек Варлаама-Хутынского новгородского монастыря Ивана и Ипполита Пановых, где их записали в службу в дети боярские. В 1650 г. Ипполит из Козлова сбежал в Заонежский погост Рыборецкой волости монастыря к своим родственникам. Монастырь обнаружил беглеца и доставил его в съезжую избу, где тот говорил, что его отпустил воевода Н. В. Пушкин через год на Пасху в Соловецкий монастырь молиться. А затем якобы заехал проведать своих детей. Его отправили в Москву с поручной записью брата вместе с дочерьми. Самому Ивану разрешили съездить на родину и продать свой дом и усадьбу, после чего его вернули в Москву, а оттуда – в Козлов[2].

В 1650 г. сосланный в Козлов в 1648 г. стрелец Т. Батурин попросил выдать ему лошадь для несения службы и распахивания земли[3]. Он ссылался на отсутствие у него лошади, без чего не мог нести полноценную службу. Лошадь ему выдали из драгунских свободных лошадей.

Каргопольский стрелец, приговоренный на вечное поселение в Козловский уезд, уезжал в Каргополь с целью переезда его семьи. Он приехал в Москву и просил дать ему подводы для поездки в Козлов. Разрядный приказ указом 21 апреля 1651 г. приказал выдать козловскому стрельцу В. Антонову с женой, детьми, матерью и братьями, всего 7 человек, 2 подводы для проезда от Москвы до Козлова[4]. Еще один сосланный в Козлов – Е. Лазарев, крестьянин боярина В. И. Стрешнева из с. Спасское Ярославского уезда, пострадал

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 112-124.

[2] Там же. Л. 249.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 160-161.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 153-156.

за табачную торговлю, которая по Соборному уложению была запрещена. Он жаловался, что его родственников – мать, жену, 2 сыновей и трех дочерей – держат в его опечатанном дворе, и просил отпустить их к нему[1].

В августе 1651 г. четырех служек Спасо-Евфимиево Суздальского монастыря В. Корневского, М. Нечаева, И. Быковского и А. Коровина за их «плутовство», приход к властям скопом, разговоры невежливыми словами, «похвальбы» на государевы дела указали сослать в Козлов на вечное поселение[2]. Они попытались отказаться от переезда на юг, ссылаясь, что всего-то били челом архимандриту монастыря по поводу земли. А архимандрит отправил их в Москву, где им определили новое место жительства. Челобитчики просили отсрочить переезд до зимы, чтобы собрать имущество и урожай и уехать уже по зимнему пути.

Ссылка в Козлов с записью в стрелецкую службу ожидала и пятерых служек Троицко-Сергеева монастыря и вдову Антонию за их многие «воровство», богомерзкие письма и заговоры[3]. Их также отправили в Москву и через Разрядный приказ определили в Козлов и Челнавский острог. Для них выделили подводы с проводниками для перевозки семей и имущества на новое местожительство, поверстали земельным окладом в 150 четвертей и денежным в 7 руб. и выдали хлебное жалование на «завод».

В марте 1651 г. в распоряжение Разрядного приказа направили московской Огородной слободы тяглеца О. Ананьина. Его обвинили в приходе с «воровскими» людьми на подмосковные сады, угрозах смертоубийством и поджогом[4]. В Разрядном приказе указали быть в вечной ссылке в Челнавском острожке Козловского уезда, в стрелецкой службе. Для перевозки семьи – жены, 4 сыновей и одной дочери – ему выдали телегу, а также денежное жалование и лошадь.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 250-251.

[2] Там же. Л. 306, 312-313.

[3] Там же. Л. 380-382, 383.

[4] Там же. Л. 231-233.

В сентябре 1651 г. группу служек московского Чудова монастыря обвинили в различных правонарушениях и приговорили к вечной ссылке в новые города по черте. Среди них упомянули и сторожа монастыря Л. Тимофеева. Его обвинили в краже 100 руб. монастырских денег, пытали и приговорили к вечной ссылке в стрельцы г. Козлова[1]. Л. Тимофеев жаловался, что его оговорили, что он не брал деньги и просил не отсылать его на далекую окраину. Чем закончилась эта история – неизвестно.

Ссылались в Козловский уезд и для записи в дети боярские. В 1650 г. в Козлов сослали двух служек Переславля-Залесского Федоровского монастыря Б. Леонтьева и Д. Кувшинова с женами и детьми[2]. Они обвинялись в насильстве над монастырскими крестьянами, воровстве, игре в зернь, выезде для грабежа на дорогу к реке Сабли. Их сначала отправили в Разрядный приказ, а оттуда в Козлов для записи в дети боярские.

По указу государя 26 апреля 1650 г. пристава Ямского приказа В. М. Парамонова за табачную торговлю приказали передать в Рязрядный приказ и оттуда сослать в «польские» города[3]. Он купил в Туле у приезжих черкас полпуда табака, который привез в Москву. В качестве места ссылки он сам выбрал Козлов. За него поручились кормовые московские иноземцы, выдали жалование 4 руб. на дворовое строение, лошадь и карабин. Он также получил лошадей с подводами для переезда из Москвы в Козлов.

Служек Симонова монастыря П. и В. Племянниковых за воровство и непослушание архимандрит Илия просил сослать в Козлов[4]. Их записали в дети боярские и учинили государево жалование 150 четвертей земли и 5 руб. денег. В 1652 г. из Ферапонтова монастыря Белозерского уезда с достаточно традиционной формулировкой «за многие его воровство»[5] сослали в Козлов и записали в дети

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 47-48.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 246-249.

[3] Там же. Л. 147-148, 152-155.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 132-134, 136-139.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 354. Л. 24-25.

боярские Д. Степанова вместе с женой и детьми. В Москве «на всякий завод» он получил 4 руб. На просьбу испоместить его землей Разрядный приказ велел записать Д. Степанова приставом в козловскую съезжую избу.

В такую же ссылку отправили крестьянина псковского дворцового села Л. Нестерова с женой и детьми за его «затейное воровство и крамолу». В Козлов сослали почепского пушкаря Ф. Калинина для записи в казачью или стрелецкую службу. Разрешение дал Разрядный приказ, выдав жалование 6 руб., однако на руки он получил 2 руб., а остальные 4 руб. предложили отдать в Козлове воеводе. Их, как колодников, планировали отправить водным путем до Переславля-Рязанского, а дальше телегами с тремя провожатыми до Козлова. Воеводе Н. Л. Пушкину предложили ссыльных записать в службу детьми боярскими и назначить поместный оклад 150 четвертей земли и 5 руб. денег.

Другой сын боярский Е. А. Молоковский имел внушительный послужной список десятилетней государевой службы[1]. Он служил в Дорогобуже, Яблонове, на посольском крымском размене на Валуйках, во время черкасской измены в Чугуеве, где в бою убил двух человек. В Курске и Карпове участвовал в строительстве вала и рва, а в новом Цареве-Алексееве строил город, в приход туда татар принимал участие в отражении их набега. Из Царева-Алексеева участвовал в посольском крымском размене на Валуйках. Проступок, по которому его сослали в Козлов, он не называл и прощения не просил. В Козлове Е. А. Молоковский также отличился в период воеводства Ф. Д. Погожево. В бою с татарами он убил одного «мужика», а пойманных им языков отослали в Москву. Служба в Козлове была связана с ремонтом вала и его ослоном. Поэтому оскудевший сын боярский просил дать ему на Москве лошадей, чтобы вернуться обратно в Козлов. Указ из Разрядного приказа предложил воеводе Сокольска выдать драгунскую лошадь из своих запасов.

В Козлов сослали церковного дьячка с. Полтева Ярославского уезда И. Микифорова с семьей за его «воровское» письмо[2]. В его семье,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 354. Л. 278-279.

[2] Там же. Л. 400-416.

кроме жены, насчитывалось три сына и одна дочь. Их всех необходимо было доставить сначала в Москву. Первоначально местом ссылки планировалась Усмань, но Разрядный приказ поменял ее на г. Козлов, где записали в дети боярские. На что И. Микифоров пожаловался в челобитной, что человек он «скорбный и увеченный», на лошадь сесть и ногой опереться не сможет, как и нести государеву службу. Однако аргументы на здоровье не приняли, ему выдали в Москве на освоение на месте 10 руб., а поместный оклад назначили в 150 четвертей и денежный 5 руб., а под двор определили место на городском посаде. Его планировали отправить в Козлов на подводах вместе с другими ссыльными, сковав в кандалы. Их всех освобождали на два года от разных служб по городу и уезду для строительства дома, заведения усадьбы, пашни и сенокосов.

В 1643 г. из Козлова сбежал черкашенин М. Петровский. Он до этого жил в Коломне, откуда за воровство его отправили в Козлов в Донскую слободу на вечное «житие». Ему выдали жалование на дворовое строение и земельный надел. Здесь он 8 мая украл у сына боярского П. Шитилова и у иноземца А. Команского две лошади и уехал в Москву, где его арестовали в Коломне и посадили в тюрьму[1]. Разрядный приказ потребовал от коломенского воеводы найти этого вора и отослать в приказ.

В 1650 г. жителя Барашевской слободы г. Москвы, где обычно селились специалисты по установке шатров в походах, В. Закурдая вместе с семьей за воровство сослали в Козлов с записью в посад[2]. В документах Разрядного приказа сохранилось большое дело, где собрали подобные дела.

Большинство из сосланных в Козлов получали деньги на строительство жилья, на приобретение первоначально продуктов питания, освобождались на первое время от службы. Козловский воевода должен был предоставить участок земли под двор, огород, пашню и сенные покосы, так же, как это выдавалось всем переселенцам. То есть между обычными переселенцами и ссыльными при записи в службу особой разницы не делалось. Формулировка царского указа

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 451-452.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 267-270.

говорила о ссылке «на вечное житье» без права вернуться на прежнее место жительства. Насколько эффективным являлось принудительное переселение в пограничные районы и комплектование за счет криминальных элементов местных гарнизонов, сказать трудно. Однако процент таких переселенцев оставался незначительным.

В это же время в Козлов направили с сыном боярским А. Хлуденевым 1000 пищалей с замками в ложах и 100000 кремней пищальных[1]. Воевода Н. В. Пушкин писал в Разрядный приказ в мае 1651 г. о недовозе 1800 кремней. Оружие он раздал служилым людям в Козлове, Бельском и Челнавском острожках, а также их детям, братьям, племянникам, внучатам, у которых не имелось ружья, но они готовы были призваться на службу. Всего раздали 391 пищаль и 52690 кремней. Каждый из них к пищали получил по 20 кремней. За это воевода взял со служилых людей по 1 руб. за 1 тысячу штук, что позволило обратно вложить в государеву казну 52 руб. 23 алт. Остальное оружие и кремни он не смог раздать, так как все служилые люди оказались заняты ремонтными работами по валу. Выдача оружия, наряду с поместным и денежным окладом, служила стимулом для записи в служилые люди на юге страны.

Переселение массы молодых инициативных мужчин на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Отсутствие традиций и старших возрастов в сельском поселении служилых людей снижало социальный контроль общины, что в какой-то мере способствовало проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. Сказалась и практика переселения в пограничные регионы лиц, как правило, из числа служилых и посадских людей, совершивших различные преступления в центральных районах страны. Социальный контроль в новых уездах оказывался значительно ниже, чем в центральных уездах России.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 210. Л. 252-255.

Казаки

В южнорусских городах проживали различные категории казаков: городовые, полковые, сторожевые. Их появление в окраинных уездах объясняется особенностями войска противника. Мобильной татарской коннице русское правительство противопоставило конную силу в лице приборного казачества. Конная служба в русской армии считалась более привилегированной, чем пешая, и в состав казаков стремились записаться многие переселенцы. Однако коня, снаряжение и вооружение казак по традиции приобретал сам, поэтому в их число попали более зажиточные переселенцы, имевшие соответствующий экономический потенциал.

В Козлове в городовые казаки записали в 1638 г. группу в 85 человек во главе с пятидесятником Ч. Сафоновым. Они получили денежное жалование, но не хлебное, поэтому просили выдать им по 5 четвертей ржи человеку, чтобы дожить до первого урожая со своей пашни[1]. В Зарецкой слободе Козлова на январь 1637 г. числилось 222 полковых казака и 62 донских казака[2]. Против г. Козлова через р. Лесной Воронеж заложили казачью Заворонежскую слободу. В ней на 8 ноября 1638 г. числился 91 человек. Казаки получили хлебное жалование практически всем казакам по 2-3 четверти ржи и овса, а кто не успел его получить, тем указали выдать недостающую часть ржи и овса.

Категория городовых казаков встречалась только в Тамбове до 80-х гг. XVII в. Они выполняли обязанности по охране городских стен и башен и дополняли стрельцов. Более широкие обязанности лежали на полковых казаках: они первыми выступали в поход в случае обнаружения противника, принимали участие в охране черты, выполняли различные разовые поручения воевод.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 77-78.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 84.

Сторожевые казаки

В их задачу входила служба на дальних и ближних сторожах, контроль наиболее опасных путей проникновения противника на Русь. Характер служебных обязанностей и хозяйственная деятельность казаков городов мало чем отличались от их уездных собратьев и будут рассмотрены ниже.

В Козловской слободе сторожевых казаков в 1651–52 гг. проживал 61 казак, а в дачах за ними насчитывалось 3050 четвертей земли, то есть по 50 четвертей на человека[1]. За церковью записали 20 четвертей земли. Сверх их дач имелось еще 343 четверти лишней земли, которую предлагалось раздать по 50 четвертей для братьев, детей и племянников казаков.

В некоторых случаях казаки сопровождали посольства или царских посланников в Крым или Азов. Так, в 1642 г. группа тамбовских городовых сторожевых казаков А. Лихачев, Д. Здвишков и О. Прасолов провожали в Азов государеву казну во главе с А. Г. Желябовским и подьячим О. Башмаковым[2]. Всего в этой поездке из Тамбова участвовали 35 городовых казаков. Послал их в эту дальнюю поездку тамбовский воевода С. И. Биркин без государева жалования и «корму». В Крыму они жили 10 дней и затем провожали обратно на Русь царского посланника. В районе Северского Донца татары отбили у них лошадей, и они шли оставшийся путь пешком – 8 дней до Валуек. Однако А. Г. Желябужский жалование им за службу не выдал. В ответ из Разрядного приказа на жалобу тамбовских казаков было приказано выдать им только корм за две недели их поездки.

Донские и яицкие казаки

Русское правительство было заинтересовано привлечь в южные города опытных в военном деле и знающих особенности службы в поле донских и яицких казаков. Хотя власти отлично понимали, что значи-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 2.

[2] ИТУАК. Вып. 10. 1886. С. 10-15.

тельная часть из них – это недавние беглые крестьяне, но потребности в опытных воинах для обороны границы заставляли привлекать их к государевой службе на льготных условиях. Козловские воеводы И. В. Биркин и М. И. Спешнев получили разрешение на поселение в новом городе донских и яицких атаманов, есаулов и казаков в количестве 144 человек. Они являлись участниками осады Смоленска в период русско-польской войны 1632–34 гг., а затем проходили службу в Туле. Им в новом городе Козлове воеводы выдавали денежное жалование за выход в размере 10 руб. атаманам, 9 руб. есаулам и по 8 руб. каждому рядовому казаку[1]. На дворовое строение и «селитьбу» выделяли по 5 руб. человеку. Дополнительно выдавалось на корм в зимний период с ноября по январь каждый месяц атаманам по 2 руб. 5 алтын 4 деньги. Есаулы получали 1 руб. 38 алтын 4 деньги, а рядовые казаки – 1 руб. 18 алтын 2 деньги. Деньги на корм донским и яицким казакам в сумме 536 руб. 16 алт. привез из Москвы подьячий Н. Картавцев[2].

Царским указом донским казакам, атаманам и есаулам выдавали деньги с 1 ноября 1635 по 1 ноября 1636 г. Однако они пожаловались, что получили кормовые деньги только на 9 месяцев, а с 1 августа им ничего не дали. По подсчету подьячих Разрядного приказа в Козлове на лето 1636 г. в наличии насчитывалось 1 атаман, 2 есаула и 111 рядовых казаков[3]. Деньги донским казакам привез из Москвы голова П. Быков в размере 541 руб. 2 алт. 4 д. для раздачи долга. Сумма строилась из расчета атаманам по 2 алт. 2 деньги, есаулам по 2 алт., рядовым по 10 денег на день одному человеку.

И. В. Биркин 16 сентября 1636 г. произвел осмотр прибывших донских казаков. Он обнаружил отсутствие 11 человек[4]. Атаман Д. Фадеев с товарищами сказали, что они якобы поехали в Лебедянский уезд в монастырские деревни для закупки хлеба и не вернулись обратно. Их поручик казак Н. Семенов был посажен в тюрьму, где сидел уже 5 лет, а поруки на него никто в городе не давал.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 391-407.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 65-67.

[3] Там же. Л. 232-239.

[4] Там же. Л. 124, 134.

В 1639 г. бывший донской казак, записавшийся в Донскую слободу г. Козлова, А. И. Пашигорев жаловался, что он выехал с Дону на Лебедянь к своему брату, а воевода И. Колтовский забрал у него «донскую рухлядь», посадил в тюрьму[1]. Затем отпустил А. И. Пашигорева в Козлов, но присвоил два винных котла, которые донской казак просил ему вернуть. Такие попытки ущемить права донских и яицких казаков на юге встречались нередко.

Донские казаки первоначально позиционировали себя в качестве «иноземцев». В 1645 г. житель Донской слободы г. Козлова просил поверстать его вместо отца[2]. Его отец служил государю в Пронске, откуда переехал в новый город Козлов. Здесь прослужил шесть лет, участвуя в боях с татарами, где в одном из боев получил ранение. В 1644 г. по зимнему пути он поехал в Москву с челобитной. По дороге на него напали разбойники. Его убили и ограбили. Сын просил записать его вместо отца на службу и выдать денежное жалование, как другие «иноземцы» записаны.

Еще в 1657 г. группа малолетних жителей Донской козловской слободы подали челобитную в Разрядный приказ с просьбой о выдаче им ежегодного денежного жалования вместо их умерших родителей[3]. Челобитчики по-прежнему называли себя иноземцами, ссылаясь на отсутствие средств для проживания их матерей и сестер. Просьбу Москва удовлетворила, приказав воеводам выделить каждому челобитчику по 3 руб. годового жалования. Таким образом, особый статус выходцев с Дона продолжал сохраняться, и власти рассчитывали по совершеннолетию использовать челобитчиков в составе местного гарнизона. В это же время сохранялась практика выдачи донским казакам ежегодного денежного жалования 5 руб. из средств доходов таможенной избы.

---

[1] РГАДА. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 133.

[2] РГАДА. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 241-242.

[3] РГАДА. Столбцы Приказного стола. № 354. Л. 47-48.

Посадские люди

Понятие «посадский человек» появилось в период формирования посадов в начале XVII в. и включало в себя жителей городов, длительное время проживавших на посадах и имевших там торги или промыслы. Соборным уложением 1649 г. правительственная политика посадского строения в целом была завершена и стала важным этапом формирования городского сословия феодального общества. Запись в посадское сословие на юге России осуществлялась с большими трудностями, так как большинство переселенцев стремилось получить наделы плодородной земли и заниматься надежным и прибыльным сельскохозяйственным производством. Работа на посаде, выплата посадского налога, выполнение различных тяжелых внутригородских поручений мало привлекали переселенцев. Серьезную конкуренцию посадскому населению южнорусских городов оказывали служилые люди «по прибору». Захватив в свои руки торговлю и частично промыслы, они всячески препятствовали возникновению посадов. Например, в Тамбове на протяжении всего XVII в. торговлей и промыслами занимались пушкари и стрельцы, не позволив сформироваться посадской общине. В силу малочисленности посадского населения на юге России, в частности в Козлове, мы не будем разделять, как это предлагал М. Б. Булгаков, их службы и повинности[1]. Посадские люди делили эти службы с другими группами населения городов.

В Козлове посадское население появилось на рубеже 30–40-х гг. XVII в. В 1639–41 гг. по государеву указу и по сыску боярина князя Ю. А. Долгорукова в ряде южных городов были записаны в посады новоприписные люди. Среди них появляются и посадские люди в Козлове. Их записали в посадское тягло. Они должны были сидеть и торговать в своих лавках, на полках и амбарах «...и всякими торговыми промыслы промышляют»[2]. Их привели к крестному

[1] *Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004. С. 5-6.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 341. Л. 49-50.

целованью, чтобы платить тягло и исполнять тягловые службы. В 1650 г. в козловском посаде насчитывалось уже 24 посадских и 11 служилых людей[1]. Они переехали в новый город из Ельца, Воронежа, Михайлова, Елатьмы, Венева и других мест. Из их числа 11 человек были выходцами из мелких служилых людей (казаков, стрельцов, пушкарей), а остальные – из посадских людей и частновладельческих крестьян. Часть посадских людей еще не закрепилась в городе и снимала жилье у церкви, частных владельцев и государства. Только 6 человек имели собственные дворы. В 1650 г. посадские люди А. Я. Топильский с товарищами 20 человек подали челобитную на государево имя[2]. В ней они отметили, что были записаны в посадские люди г. Козлова при воеводе Р. Ф. Боборыкине. Однако до настоящего года так и не получили дворовые места, землю под пашню и огороды, сенные покосы и вынуждены скитаться по чужим дворам. В 1650 г. воевода Н. В. Пушкин заставил их вместе с другими служилыми людьми возить бревна для ремонта козловских укреплений. Они просили дьяков Разрядного приказа разрешить им в этом году не возить бревна к Козловскому валу, на что получили положительный ответ.

В состав козловского посада входили пушкари и стрельцы. Они выкупали право на лавочную торговлю и временно снимали с себя военные обязанности. На посаде в Козлове в 1646 г. проживали трое посадских кузнецов, дворник боярина Н. И. Романова, а также по одному дворнику подворья Спасо-Нового и Чудова монастырей. Всего в этих дворах числилось 11 человек[3]. В 1646 г. на посаде насчитывалось 4 двора монастырских, 8 человек мужского пола, 5 дворов крестьянских и 13 человек. А на церковных землях находилось 8 дворов бобыльских и 13 человек.

Большая часть посадского населения занималась торговлей, а некоторые ремеслами: кузнечным, войлочным, кожевенным, сапожным, портным делом. Иконописью промышлял сын попа А. Топильский, первый известный нам местный художник. Во второй

[1] ИТУАК. 1892. Вып. 33. С. 59-66.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 289-291.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. № 230. Л. 351-378.

половине XVII в. посадское население в Козлове осталось на прежнем уровне, и в городе насчитывалось в 1685 г. 26 посадских дворов.

Посадское население несло разнообразные государевы службы[1]. Среди прочих встречалась служба в целовальниках на государевых житницах[2]. В их обязанности входили сбор и регистрация хлеба, его сохранность на случай осады. Эта служба была достаточно обременительна и разоряла посадских людей. Поэтому после годового срока они всегда просили переменить их. Посадские люди участвовали в строительстве и ремонте городских укреплений. Они копали рвы, возводили башни и другие укрепления, занимались их текущим ремонтом.

С созданием полков нового строя появилась постойная повинность размещения командного состава солдатских полков в посадских избах. Особенно остро этот вопрос стоял в период русско-турецкой войны за Чигирин. В январе 1677 г. 35 посадских людей г. Козлова подали челобитную в Москву с жалобой на поведение начальных людей солдатского полка И. Аглера, которые стояли у них в избах[3]. Они обвиняли их в «теснотах», обидах и налогах. В целом посадское строение в южнорусских городах шло крайне медленно, испытывая большую конкуренцию местных служилых людей.

Другие жители городов

В их число входила группа солдат, возникшая в конце 50-х гг. XVII в. во время набора в солдатские полки. Часть из них во второй половине столетия проживала в своих домах, а остальные – в домах своих родственников. По своему положению они мало чем отличались от своих уездных собратьев и будут рассмотрены ниже.

В Козлове и Тамбове отдельными дворами селились **бобыли**, которые в силу невысокого экономического положения не могли в полной мере выполнять свои служебные обязанности и платить

[1] *Булгаков М. Б.* Указ. соч.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 16-18.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 921. Л. 206-207.

полный налог. Они платили в государственную казну специальный облегченный бобыльский налог и встречались практически во всех городских слободах, что свидетельствовало о разном сословном происхождении бобылей. Об особенностях занятий городских бобылей источники информацию не дают.

В Козлове существовала небольшая группа **казенных кузнецов и плотников**, причем последние в конце XVII в. перестали фигурировать в официальных списках горожан. Они появились в Козлове во время его строительства в 1635 г. Первым воеводам поручалось набрать плотников, кузнецов и воротников в количестве 10 человек. Жалование им предназначалось на строение, селитьбу и на «всякий завод» в размере 3 руб., выдавалось 2 четверти ржи и 2 четверти овса на человека[1].

В Козлове работали 2 человека из Воронежа и по 1 из Ельца и Лебедяни. После завершения всех работ в городе по разнарядке осели 2 казенных кузнеца. Они так же, как и служилые люди, наделялись землей. В 1652 г. правительство сделало попытку еще раз набрать в Козлове казенных плотников в количестве 4 человек. Их привлекали землей и жалованьем по нормам кузнецов и воротников. Однако по переписи 1685 г. данная группа в городе не упоминается. Обе эти группы проживали в Пушкарской слободе, где у них имелись собственные дворы, гумна и сенокосные угодья.

В 1669 г. козловский казенный кузнец Т. Седов пожаловался в Разрядный приказ на действия иноземца полковника Ф. Ф. Вульфа[2]. Иноземец приехал в Козлов командовать козловским рейтарским полком и был поставлен во двор к кузнецу. Затем на этом дворе стал строить свои собственные хоромы, что заставило Т. Седова продать свой дом и купить новый двор. В других документах эта профессиональная группа больше не упоминалась.

Ямщики – небольшая группа людей, приписанная к городу, выполняющая ямскую повинность по государственным почтовым перевозкам. Так, в 1665 г. все четыре козловских ямщика подали

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 391.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 260-262.

челобитную[1]. Они отметили, что служат по Козлову уже 9 лет, землю получали как плотники – всего 6 четвертей и жалование им дали по 20 руб. человеку. Ямщики жаловались на низкие доходы и предлагали принять в ямскую службу беглых михайловских ямщиков, записанных в разные службы города. Козловцы просили выделить им 120 четвертей порожжей земли, расположенной около города в землях сторожевых казаков. Козловский воевода И. А. Вельяминов обнаружил 21 беглых михайловских ямщиков. Они пришли в Козлов и записались в дети боярские, стрелецкую, казачью службу. Основная их масса записалась в стрельцы, именно они и послужили базой для дальнейшего расширения этой небольшой группы населения (см. Приложение, табл. 1).

Служилые люди других городов России

Недостаток служилых людей на южной границе страны руководство Разрядного приказа компенсировало присылкой дополнительных воинских сил из соседних северных городов. Подобная практика широко применялась в первой половине и середине XVII в. и в Тамбовском крае.

В Козлове при воеводах И. В. Биркине и М. И. Спешневе при строительстве города присутствовали служилые люди из Ряжска, Переяславля-Рязанского, Рязани, Шацка, Пронска, Лебедяни, Данкова, Михайлова и Сапожка: дети боярские, полковые и сторожевые казаки, стрельцы с «вогненным боем», черкасы. Всего по разнарядке 1636 г. задействовали 688 человек[2]. Им велели быть «по третям», то есть меняясь через три равные доли. А по татарским вестям предлагалось прийти всем.

В то же время ряжским детям боярским и поместным казакам надлежало быть в Тамбове по «четвертям», а по татарским вестям трем четвертям, а одна четверть оставалась в Ряжске для охраны города. Время пребывания в службе составляло 6 недель без учета проезда.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 65.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 19.

В 1636 г. в Козлов послали 200 московских стрельцов приказов В. Жукова и П. Лаврова, которые все лето несли службу на караулах по Козлову, на Касимовском перелазе и в других местах[1]. Развести их по домам, как рекомендовал Разрядный приказ, не удалось, так как в городе по слободам местное население дома еще не поставило. Сами стрельцы жаловались, что они остались без корму, так как в новом городе еще не имелось торга, и купить продукты негде. Поэтому воеводы просили отправить их обратно в Москву. В начале сентября пришел указ из Москвы отпустить московских стрельцов 1 октября 1636 г. домой и обеспечить их подводами до Ряжска.

По государеву указу стрельцам предложили выдать подводы за счет крестьян ряжских боярских и монастырских вотчин, расположенных по р. Воронеж. Однако козловский воевода получил отказ от настоятелей Спаса-Нового и Чудова монастырей со ссылкой на наличие тарханных грамот[2]. От крестьян князя Д. М. Пожарского приказчик прислал три подводы, но крестьяне, узнав об отказе монастырей, сбежали из Козлова. Пришлось отправлять 191 стрельца в Москву пешим порядком. Из Москвы пришел государевый указ, требующий жестко наказать виновных в неподаче подвод. Оказалось, что Москва выделила 40 руб. на оплату подвод со стрельцами до Москвы, поэтому потребовала от козловского воеводы доправить 40 руб. со старост тех сел, которые отказались поставить подводы, распределив поровну всю сумму на московских стрельцов.

В 1637 г. всего без «вестей» о татарах приехало 789 человек служилых людей, а по вестям планировалось 935 человек[3]. Сюда входили стрельцы, казаки, дети боярские и черкасы[4]. Они жили по 6 недель в Козлове, кроме служилых людей из Переяславля и Михайлова, которые менялись через каждые 3 недели.

В 1642 г. в апреле вышел царский указ о посылке в Козлов ряжских полковых казаков. Они должны были нести службу в Коз-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 48-53.

[2] Там же. Л. 149-158.

[3] Там же. Л. 207-214.

[4] Ряжск, Переяславль Рязанский, Михайлов, Пронск, Лебедянь, Сапожок.

лове, переменяясь каждые шесть недель, всего четыре перемены. А при появлении вестей о татарах одна половина несла службу в Козлове, а другая половина в Ряжске[1]. Воевода И. А. Ростовский в октябре отписал в Разрядный приказ донесение о бегстве со службы ряшан детей боярских, беломестных атаманов и полковых казаков[2]. Их насчитывалось 47 человек. Им предлагалось служить с 1 октября до 1 ноября 1642 г., однако те покинули Ярославский земляной городок на Козловском валу, оставя там пушки, пушечный наряд и одного пушкаря для охраны. Списки беглецов воевода отправил в Ряжск воеводе. Фактически, своим бегством эти служилые люди оголили систему обороны Козловского уезда.

В 1645 г. в Козлове несли службу ряжские Поплевенской слободы казаки и михайловские черкасы, которые просили их быстрее отпустить домой. Воеводе Ф. Д. Погожево послали 27 сентября 1645 г. из Разрядного приказа грамоту, разрешающую пересмотреть служилых людей других городов в Козлове и 1 ноября отпустить их по домам. Вероятно, не дождавшись официальной грамоты, 8 ноября 1645 г. бежали с козловской службы 20 донковских стрельцов со станицы Хмелевой, 26 лебедянских казаков с Урляпова перелазу и донковских казаков со Стрелкового перелаза[3]. Они покинули свои сторожи, пушки, пушечное «зелье», свинец и другие запасы. Первыми инициативу к побегу предприняли ряжские казаки во главе с С. Зориным. Козловский воевода отослал в Разрядный приказ список беглецов и просил прислать грамоту для последующих действий.

В Козлове в 1647 г. на валу, в городках и в поле несли службу по 6 недель, переменяясь, 109 детей боярских, 102 полковых и беломестных казака из Ряжска, 27 черкас, 62 стрельца и 62 полковых казака из Михайлова, 45 казаков и черкас из Пронска, 73 казака из Лебедяни, 39 казаков из Данкова, 35 казаков из Сапожка, 50 стрельцов из Переяславля[4]. В Тамбов высылались шацкие и ряжские казаки,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 93-95.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 81.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 218.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 130. Л. 142.

дети боярские, мещерские дворяне и служилые татары. Служба этих служилых людей в Тамбове и Козлове мотивировалась тем, что они «стали впереди Шацка» и необходимость в прежней сторожевой службе отпала.

В Козлов служилые люди посылались из Ряжска, Михайлова, Пронска, Лебедяни, Данкова, Сапожка, Переяславль-Рязанского. В 1638 г. их насчитывалось в новом городе 704, в 1648 г. – 654 человека. Они использовались в качестве конницы для борьбы с татарами, выполняя полковую и сторожевую службы, охраняли строительные и ремонтные работы. Отряды служилых людей посылались на черту попеременно через каждые 4 или 6 недель. Тяжелая, малопривлекательная служба в южных городах совпадала с разгаром сельскохозяйствсенных работ, поэтому до 20-40 процентов подобных посылок постоянно находились в бегах, или «нетчиках».

Такую же службу несли служилые люди из других городов в Тамбове. Общее количество шацких и ряжских служилых людей в Тамбове в течение лета колебалось от 130 до 190 человек[1]. Посылка таких служилых людей в южные города сопровождалась специальным государевым указом. В нем перечислялись категории служилых людей, которых привлекали для охраны новых границ, указывался срок службы. Для возвращения служилых людей домой также составлялся специальный государевый указ. Так, Р. Ф. Бобрыкину 16 января 1638 г. была послана грамота о возвращении шацких служилых людей со службы домой[2].

В 1638 г. воевода Р. Ф. Боборыкин отписал в Москву о тех служилых людях, которые вместе с ним строили Тамбов и полевые укрепления. Он упоминал мещерян дворян и детей боярских, белозерских шацких помещиков, ценских новокрещенных мурз и «татаровя», шацких беломестных, полковых и сторожевых казаков[3]. Причем некоторых служилых шацких людей привлекали сначала

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 134. Л. 32-38; № 301. Л. 15-16; № 1118. Л. 185-228; Столбцы Владимирского стола. № 130. Л. 159-196.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 87. Л. 46-47.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 127. Л. 280, 285, 511.

для строительства Козлова в 1635 г. Они несли службу по охране нового города, выходили в поле навстречу татарам, занимались строительными работами по сооружению крепостных укреплений, копали рвы, возводили вал. В 1638 г. их вновь привлекли для службы в Тамбове в количестве 80 человек[1]. Они жаловались, что Р. Ф. Боборыкин не отпускает их домой, и только 16 октября 1638 г. государевым указом из Разрядного приказа приказали отпустить их обратно в Шацк.

Когда в 1639 г. шацкие служилые люди не прибыли в Тамбов, то воевода В. Ф. Янов запросил в приказе причины их отсутствия, подчеркивая, что они живут в своих шацких имениях[2]. Правительственный указ в Шацк возымел свое действие, и спустя некоторое время воевода сообщил о приезде первой половины шацких служилых людей на службу в Тамбов. Были составлены списки прибывших и нетчиков. Так, в августе 1639 г. в Тамбов приехали 86 человек, но вскоре прибыли и другие служилые люди. По майскому указу в Тамбове им вменялась служба с переменою «пополам по два месяца».

Длительная и опасная служба на границе не привлекала население Шацкого уезда, и они всячески старались ее избежать. Встречались «нетчики», которые по разным причинам не являлись на службу, некоторые служилые люди бежали из южных городов в свои родные места. В правительственных распоряжениях подчеркивалось, что г. Тамбов стал впереди Шацка и нести прежнюю охрану по шацким крепостям теперь не надо, а также выезжать по шацким ближним и дальним сторожам и станицам. Правительство неоднократно прибегало к поиску таких беглецов. Составлялись специальные списки, которые отсылались в приказы и к воеводам их городов, проводился розыск. Служилых людей могли лишить денежного жалования и даже земельных наделов, посадить на несколько дней в тюрьму или передать на «поруки». В города посылались грамоты, которые отменяли тревожные вести и разрешали отпустить служилых людей по домам.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 87. Л. 95-96.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 153. Л. 227-236.

Так, в 1638 г. такая весть пришла только 24 октября[1]. Воевода пересмотрел налицо всех присланных служилых людей и 26 октября отпустил их со службы по домам.

В 1641 г. при воеводе С. И. Биркине из Тамбова уехали раньше срока ценские новокрещены, мурзы и «татаровя»[2]. В Тамбове находилось 8 новокрещен, 43 мурзы и 73 татарина. Они не дождались перемены и покинули город. Остались только двое мурз. В ответ на жалобу тамбовского воеводы из Москвы отправили грамоту шацкому воеводе Д. С. Жеребцову с требованием найти беглецов, а тех, кто не явился на вторую половину службы, выслать в Тамбов. Еще раз составили список шацких служилых людей, куда входили 8 новокрещен, 42 мурзы, 75 татар, 1 дворовый шацких помещиков, 13 человек городовых казаков, 3 новика и 2 недоросля[3].

В 1644 г. группу мещерян дворян и детей боярских, ценских мурз, татар направили в Тамбов. Без вестей они несли службу по «половине переменясь», а по вестям обоими половинами вместе[4]. То есть в случае появления татар ставилась задача значительно усилить опытными воинами местный гарнизон. Первой половине указали срок с 15 мая и по конец июня, а второй половине с 1 июля по «отпуска», то есть специального государева указа. Причина присылки служилых шацких людей состояла в просьбе тамбовского воеводы Д. П. Тургенева, что при частых приходах под Тамбов кочевников ему не с кем оборонять территорию Тамбовского уезда. Действительно, в августе этого года воевода сообщал о приходе под р. Челновую 5 тысяч татар. В описи направленных на службу в Тамбов указывались 21 мещерянин, 309 дворовых и городовых и 116 цнинских татар. Воевода Д. П. Тургенев отписал в Казанский приказ донесение о приезде в мае-июне 1644 г. в Тамбов 150 человек, остальные объявились в нетчиках. Воевода получил распоряжение силами крестьян и мордвы Верхоценской волости провести достройку недоделанных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 134. Л. 314.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 73. Л. 273-278, 393-398.

[3] Там же. Л. 410-424.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1118. Л. 44, 65, 185.

степных полевых укреплений, а оберегать работных людей, которые ехали полем, поручалось ратным шацким служилым людям «сколько человек пригоже»[1]. В это время в Тамбове из первой половины находилось только 134 человека. И они требовали отпустить их в указанный срок 1 июля, что воевода не сделал без царского указа. В ответ все мещеряне уехали со службы, осталось только 15 белозерцев, которые не присоединились к работам. Поэтому воевода и жаловался на отсутствие сил для отражения татарского набега.

В мае 1648 г. в Козлове на службе присутствовали 100 поплевинских казаков, 25 донковских полковых казаков и 20 стрельцов, 25 пронских стрельцов, 12 коротоякских сторожевых казаков, 100 михайловских стрельцов, 30 лебедянских казаков, 50 сапожковских казаков[2]. Все 362 человека стояли по «третям».

По государеву указу от 16 марта 1649 г. в Козлов призывались служилые люди из Ряжска. Поместные атаманы посылались по «третям», то есть делились на три группы. Дети боярские и поместные атаманы отправлялись на службу «по месяцу», а сторожевые казаки на шесть недель[3]. Всего на службу предлагалось послать 100 поплевенских казаков, 25 стрельцов и казаков из Пронска, 25 полковых казаков, 20 стрельцов, 12 сторожевых казаков из Данкова, 50 стрельцов из Михайлова, 30 казаков из Лебедяни и 50 казаков из Сапожка, то есть всего 312 человек. Им предлагалось прибыть с пищалью, рогатиной и для земляных работ взять по лопате и заступу.

Они все расписывались в три перемены. Первая группа заезжала с 1 мая 1649 г. Им рекомендовалось идти на службу в Козлов осторожно, останавливаться станом на ночлег в крепких местах, опасаясь нападения «воинских» людей. Козловскому воеводе П. И. Волконскому предлагалось всех прибывших переписать и расписать по службам, списки прислать в Разрядный приказ, а нетчиков сыскивать и наказывать по «вине».

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1118. Л. 224 -226.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 16.

[3] Там же. Л. 21-26.

Однако уже к началу 50-х гг. XVII в. у ряжских и шацких служилых людей накопилась усталость от постоянных посылок в южные города, длительного отрыва от своей хозяйственной деятельности, среди них все больше и больше появлялись нетчики. Ряжский воевода К. В. Нащокин 27 июля 1651 г. получил от козловского воеводы письмо о нетчиках из Ряжска, не прибывших в Козлов[1]. Поэтому он отправил в уезд сына боярского со стрельцами и казаками, но нетчики к воеводе так и не поехали, от посыльщиков «бегают».

В 1651 г. летом и осенью в Козловском уезде развернулись крупные работы по реконструкции полевых укреплений. Своими силами местное население справиться не могло, поэтому сюда направлялись многочисленные жители других городов России. С мая до глубоких снегов в Козловском уезде у «земляных и деревянных крепостей» работали попеременно по 50 человек казаков, стрельцов, детей боярских и монастырских крестьян. Разнарядка из Разрядного приказа предлагала взять по одному человеку с пяти дворов из Пронска, Михайлова, Ряжска, Сапожка, Гремячева и Печерников, а с Лебедяни и Донкова приглашались по 30 человек казаков и стрельцов [2]. Все они несли службу и занимались строительными работами «по третям», то есть разделяя весь личный состав на треть попеременно[3]. Служба продолжалась четыре недели, исключая время на приезд и отъезд. Все работы завершались к 1 октября, после чего строителей отпускали по домам. Однако стрельцам Сапожка и Михайлова пришлось обращаться в Разрядный приказ с просьбой об их отпуске домой, так как специальных «отсрочных грамот» они не получили. Просьбы об отпуске домой сопровождались, как это было принято в то время, жалобами на отсутствие хлеба и угрозу голодной смерти[4].

В Козлов также отправили 80 человек дедиловских сторожевых казаков[5]. Они должны были прибыть в город на «Семенов день»

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 43.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 159-161.

[3] Там же. Л. 37-38.

[4] Там же. Л. 162-163.

[5] Там же. Л. 27-33.

вместе с лошадьми, телегами, рогатинами и пищалями. Для земляных работ и строительства деревянных сооружений их обязали взять строительный инвентарь: топоры, заступы, лопаты, кирки. Однако никаких казаков из Дедилова до 4 сентября 1651 г. на строительные работы не прибыло. Дедиловский воевода Т. А. Карцев лично 5 сентября занялся отправкой своих подчиненных на юг России.

Козловские жители, жалуясь в Разрядный приказ на изнурительные работы по строительству и ремонту козловских укреплений, отмечали наличие вблизи строительных работ монастырских крестьян с. Владычное Ряжского уезда Дмитровского Спасского Симеона Столпника монастыря. В челобитной они писали, что те крестьяне «не знают никакие работы, ни городовых поделок», а укрепления позволят им жить безопасно от набегов кочевников[1]. Государев указ не замедлил появиться на свет, и крестьянам ряжских монастырей и митрополиту Рязанскому, чьи владения подходили к Козловскому уезду, указали выделить на строительные работы по Козловскому валу по одному человеку с пяти дворов. Их обязали приехать в Козлов с лошадью, телегой и лопатой[2].

Среди пришлых служилых людей в Козловском уезде появлялись и иностранные специалисты. В 1651 г. в Козлов прибыли датчане полуполковник Я. Гунденмарк, офицеры Я. Вуцстерн, Р. Тесс и другие специалисты. Всего их насчитывалось 18 человек. В документах иностранцев часто называли «немцами»[3]. Их привлекли для формирования и обучения драгунскому строю новобранцев Доброго и Сокольска и «новиков» козловских детей боярских[4]. На жалование иностранцам за период с сентября по март 1651 г.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 63-64.

[2] Там же. Л.159-161. Всего в этом году на ремонте укреплений Козловского уезда работали служилые люди из Дедилова, Лебедяни, Михайлова, Пронска, Ряжска, Сапожка, гремячинские, печерниковские стрельцы и казаки, поплевинские казаки, а также монастырские и архиепископские крестьяне Ряжского уезда.

[3] Немцами на Руси в XVII в. называли всех иностранцев, от слова немой, то есть не знающий русского языка.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 94-95.

в Козлов отправили 687 руб. 20 алт. Деньги сопровождал подьячий Разрядного приказа Ф. Никифоров с «товарищами». В Ряжске местный воевода выделил для охраны казны дополнительно служилых людей, чтобы доехать до Козлова «бесстрашно». Иностранцам полагалось иметь денщиков для посылок как у севских начальных людей. Подполковник и майор имели право на два, а остальным по одному денщику каждый[1].

Бегство пришлых служилых людей или нежелание ехать на далекую южную окраину являлись обычным делом в первой половине XVII в. Такие репрессивные меры, как розыск беглецов, наказания батогами и кнутом, насильственная высылка по месту службы, не давали большого эффекта. Например, в 1651 г. во время работ по Козловскому валу наблюдался массовый отказ ряжских жителей от поездки в Козловский уезд. Часть служилых людей планировалось послать с 1 октября по 6 ноября. Козловский воевода И. В. Алферьев писал в Ряжск местному воеводе К. В. Нащокину об отказе служилых людей ехать на юг. Ряжский воевода посылал за нетчиками в села и деревни казаков, пушкарей и стрельцов, но они смогли привести только одиннадцать детей боярских, которых «за поруками» выслали в Козлов[2]. Остальные сослались на болезни или просто ушли в бега. Часть пришлых служилых людей и монастырских крестьян, пробыв некоторое время на строительных работах, бежали к себе домой, не дожидаясь окончания указанного срока. Ряжский воевода жаловался на отсутствие достаточного количества полковых казаков и стрельцов в городе, многие из которых в это время находились в Козловском уезде. Поэтому послать в уезд для поиска «нетчиков» ему было некого[3]. Он отослал в села и деревни Ряжского уезда 4 стрельцов и казаков, но уездные служилые люди отказались ехать в город к воеводе.

Некоторые служилые ряжские люди бежали прямо со службы. И. В. Алферьев жаловался на бегство 34 ряжских детей боярских

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 336-337.

[2] Там же. Л. 164-166.

[3] Там же. Л. 191-196.

со сторож, на неявку на службу 38 жителей Ряжского уезда. Из второй трети прибыло только 13 человек[1]. Из 27 ряжских монастырских крестьян 9 человек во главе с И. Ждановым бежали к себе домой, не завершив «ослонку» вала. Все 18 крестьян Спасского монастыря бросили земляные работы и до срока также ушли домой. Козловский воевода отослал списки «нетчиков» и беглецов в Разрядный приказ. Тот в свою очередь потребовал от Ряжского воеводы сыскать «нетчиков» и беглецов и за «ослушание» посадить их в тюрьму, а на следующий сезон с весны заставить своих крестьян и служилых людей доделать работы по валу.

Официально с 1656 г. было предложено больше в Козлов для охраны черты служилых людей других гордов не привлекать, так как их стали использовать на службах в московских полках[2]. Аргументом этого решения стала достаточность служилых людей в Козловском уезде в связи с ростом их численности. Такая же ситуация сложилась и с посылкой в Тамбов. Правда, этот запрет иногда нарушался вследствие военной угрозы. В 1659 г. группа мещерян и детей боярских находилась на службе в Тамбове с воеводами И. А. Полевым и В. Н. Лихаревым. 3 сентября 1659 г. царским указом воеводой в Тамбов назначили стольника, князя А. И. Лобанова-Ростовского, а тамбовский воевода Ф. И. Леонтьев у него должен быть в товарищах[3]. Вместе с ним указали находиться в Тамбове на службе «для береженья от приходу воинских людей» дворянам и детям боярским рязанским, мещерянам, ряшанам, поплевенским и шацким драгунам. Первая половина шатчан планировала прибыть в Тамбов к 1 апреля, а вторая группа вслед за ними должна закончить свою выездную службу 29 августа[4]. Однако на службу в Тамбов не прибыли десятки людей, как сбежавшие, так и нетчики. Ряжский воевода А. И. Мясной получил из Разрядного приказа грамоту от 21 мая 1659 г. о присылке

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 201-202, 227-228.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 921. Л. 512.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы. Московского стола. № 302. Л. 8-9, 15, 27.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 30. Л. 159-196.

в Тамбов на службу ряшан детей боярских. Первая половина несла службу с 1 апреля по август, а вторая половина с августа по декабрь[1].

О том, как распоряжались прибывшими шацкими людьми местные воеводы, можно проследить по челобитной тамбовского воеводы В. Н. Лихарева. Он отмечал, что использовал шацких мещерян в сотниках у стрельцов, «недельщиках», в нарядчиках, а детей боярских в рассыльщиках, денщиках[2].

Зачастую жители соседних северных уездов привлекались для строительства и ремонта укреплений. Это была напряженная физическая и моральная служба, требовавшая значительных усилий пришлого населения. В течение всего лета они почти регулярно выезжали на далекую окраину, отрываясь от своего хозяйства, привычного образа жизни и своих семей. Характерным примером служит челобитная калужанина И. Крадыкина в Разрядный приказ в конце лета 1651 г.[3] Он служил в прежние годы в Курске и Карпове сторожевым казаком, в Белгороде и Тамбове участвовал в «валовом деле», строил деревянные крепости. В 1651 г. его направили в Козлов на помощь стольнику и воеводе И. В. Алферьеву. Он слезно просил Разрядный приказ отпустить его домой, ссылаясь на значительное расстояние в 500 верст, болезнь и потерю лошади. Разрядный приказ специальным распоряжением от 9 сентября 1651 г. разрешил отпустить заслуженного воина обратно домой.

В 1658 г. в Тамбов на государеву службу к тамбовскому воеводе князю А. И. Лобанову-Ростовскому послали 87 поплевенских и 20 шацких драгун, а также полк иноземца Х. Юпкмана 100 человек[4]. Таким образом, общее усиление тамбовского гарнизона составило 207 человек. Князь, воевода А. И. Лобанов-Ростовский пожаловался на отказ козловского воеводы В. Н. Лихорева прислать в Тамбов своих ратных людей для возможного отпора татарскому набегу, несмотря на специальную государеву грамоту. Тамбовский воевода,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы. Московского стола. № 301. Л. 15-17, 48.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 20.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 191. Л. 12-13.

[4] АМГ. II. СПб., 1894. С. 625.

обидившись на действия соседа, писал: «тем меня обесчестил», намекая на разницу в местническом положении соседа, его неродовитость и молодой возраст[1]. В ответ В. Н. Лихорев написал в Разрядный приказ отписку, в которой оправдывался, что он в этом случае должен был отозвать из Белгорода козловских детей боярских и отослать их в Тамбов. Однако по 1 ноября 1658 г. козловские служилые люди домой так и не вернулись. Поэтому отсылать помощь тамбовскому воеводе он не мог, так как служилые люди в Козлове все находились на укреплениях[2].

Существовала пратика привлечения донских казаков на службу в южные города в период военных действий. В 1658 г. по указу Приказа Большого дворца «для бережения от приходу воинских людей» в Тамбов пригласили донского атамана Л. Иванова с 230 казаками[3]. Денежного жалования им планировали выдать из местных денежных доходов, собранных в прежние годы: атаману 5 руб., а казакам по 4 руб. Тамбовский воевода выдал атаману и есаулам по 2 руб., знаменщикам и сотникам по 1,5 руб., рядовым по 1 руб., так как других денег у него в казне не имелось. «Зелья» для ружей выдали атаману и есаулу по фунту, а рядовым по полфунта. Их разместили во дворах тамбовских служилых людей до Филиппова заговенья[4]. Во время прихода противника 29 июля 1658 г. донские казаки бились с татарами, отбив набег, убив и взяв в полон часть нападавших. За эту службу им установили прибавочное жалование: атаману 1,5 руб., а казакам по 1 руб. После этого их отпустили обратно на Дон.

В 1659 г. Приказ Большого дворца вновь запланировал пригласить в Тамбов донских казаков. Однако приезд из Москвы сыщика Е. Г. Огарева для поиска беглых привел к тому, что тот не только местных казаков, но и донских попытался отправить в Москву

---

[1] АМГ. II. СПб., 1894. С. 626.

[2] Там же. С. 631-632.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 214. Л. 153-162; № 951. Л. 29-30.

[4] Филиппово заговенье, или Филиппов день, – 27 ноября в православном календаре.

для дознания. Вероятно, слишком усердного сыщика остановили, так как для несения службы в 1659 г. в Тамбов вновь пригласили 200 донских казаков во главе с атаманом Д. Буяниным. Они сами подали об этом челобитную. Казаки усилили местный гарнизон с воеводой Ф. И. Леонтьевым. Атаману за службу полагалось 9 руб., есаулам по 8 руб., знаменщикам по 7,5 руб., рядовым казакам по 7 руб. жалования[1]. Всего донским казакам причеталось 1405 руб., которые привезли из Москвы есаулы Д. Попов и Н. Попов. Такая финансовая подпитка создавала серьезный стимул для участия донского казачества в отражении татарских набегов.

Ситуация изменилась во второй половине XVII в. в связи с быстрым ростом численности населения новых уездов и городских гарнизонов. Это позволило правительству отказаться от малопопулярной практики привлечения дополнительных сил для постоянной охраны южной границы.

Но периодически в Тамбове и Козлове собирались воинские люди разных центральных городов в качестве дополнительного усиления гарнизонов или для выполнения правительственных поручений на театрах военных действий.

В сентябре месяце 1662 г. тамбовскому воеводе А. И. Головину пожаловались алаторские и арзамасские мурзы, что их люди из Тамбова побежали, а остались «небольшие люди»[2]. По подсчету воеводы в Тамбове на 13 сентября 1661 г. объявилось 210 алаторских и арзамасских мурз и татар, один из них умер, а в «нетях» числилось 206 человек. При опросе оставшихся выяснилось, что остальные со службы в Тамбове сбежали. Воевода отослал в Москву роспись сбежавших с просьбой их найти и вернуть обратно в Тамбов.

В таможенных книгах г. Тамбова за 1670 г. встречалась запись о взятии 5 ноября с доходов таможенного и кружечного дворов денежного жалования тамбовским детям боярским, тамбовским и московским стрельцам, пушкарям и другим служилым людям за осадное сидение во время осады разинцами города. Так, полуголова москов-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 251. Л. 3-6.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приходного стола. № 218. Л. 75-78, 121.

ских стрельцов Г. Салов получил 22 руб. 16 алт. 4 деньги жалования за прошедший год[1]. Сотники его приказа А. Каролин и К. Саветков по 12 руб. человеку, 4 московских стрельца – полугодовое жалование по 3 руб. человеку, 17 десятникам полугодовое жалование по 2,5 руб. человеку, московским 186 рядовым стрельцам по 2 руб. человеку. Всего из таможенных и кружечного дворов выдали 473 руб. Трем московским стрельцам 6 декабря за осадное сиденье и за плотницкую работу выдали денежное жалование по 1 руб., и 192 московским стрельцам выдали по 1 руб. на человека.

17 декабря по приказу стольника и воеводы И. В. Бутурлина полковнику рейтарского полка Ф. Дунде и солдатам выдали 335 руб., а вдове убитого ротмистра Д. Броунта 1 руб. С 1 сентября по 6 декабря за осадное сиденье 1669 г. выделили жалование поденного денежного корма иноземцам за осадное сиденье: ротмистрам С. Тоболевскому и Д. Броунту вместе с женами и челядью по 6 алт. 4 деньги на день. То есть всего они получили 12 руб. Остальные иноземцы получили 42 руб. 20 алт. при сумме выдачи от 6 до 8 денег человеку. Всего за октябрь – апрель 1669 г. на эти цели выделили 309 руб. 30 алт. 2 деньги.

В 1670 г. в Тамбов послали на службу ратных людей из Шацка. Записные книги прибывших служилых людей позволяют представить их состав. Это были дворяне рязанцы, белозерцы, их дворовые и новики. По конец сентября их насчитывалось 125 человек[2]. В апреле 1671 г. по царскому указу Д. Корсакова отправили в города центральной России: Калугу, Медынь, Воротынск, Лихвин и другие, – с целью поиска нетчиков и недорослей, которые в службу поспели. Их требовалось сыскать и выслать на царскую службу в Симбирск в полк к боярину П. В. Шереметеву и в Тамбов в полк к боярину и воеводе князю Ю. Н. Борятинскому[3]. Д. Корсаков выполнил поручение и выслал требуемых людей в Тамбов вместе со списками. Однако из Тулы воевода В. Сафонов выслал в Тамбов только 18 дворян и детей боярских, остальные со службы сбежали.

[1] РГАДА. Книги Денежного стола. № 117. 93-128.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 26. Л. 153-162.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 718. Л. 55-56, 89.

В 1671 г. в полк воеводы Л. И. Салтыкова в Тамбов направили служилых людей из Заоцких городов: Калуги, Лихвина, Серпейска, Козельска, Белоозера и других мест, а также рязанских помещиков и московских дворян[1]. Тамбовский воевода 9 сентября 1671 г. провел смотр прибывших ратных людей. Из московских дворян присутствовали два человека и 4 жильца, остальные служилые люди представляли 17 разных городов. Всего по списку оказалось налицо 827 человек.

Тамбов и Козлов неоднократно становились местом сбора войск для посылки в степь. По государеву указу Алексея Михайловича от 1 мая 1671 г. в Тамбов направили стольника, князя П. И. Хованского и Л. А. Вельяминова[2]. По прибытии в Тамбов в полк к П. И. Хованскому привезли полковое знамя, 20 сотенных знамен, книги, писцовую утварь, чернила для работы канцелярии, одного лекаря с лекарствами. Это был первый медицинский работник в Тамбовском крае. Из приказа Большого дворца в полк направили шатер, прикрепили двух подьячих К. Степанова и И. Каменского. Подьячие пожаловались, что им не выдали подвод для перевозки имущества, что было немедленно исполнено.

П. И. Хованский отписал, что в Тамбов он прибыл 15 июня 1671 г. С ним приехали дворяне и дети боярские полковой службы из украинных, рязанских и заоцких городов. Их планировали отправить в Царицын. Тамбовскому воеводе поручалось собрать подводы и хлебные запасы для передачи в полк. Козловскому воеводе С. И. Хрущову приказывалось козловцам полку С. Писарева рейтарам, полковой и городовой служб детям боярским в 1 тысячу человек быть на службе у Ю. Н. Борятинского[3]. Сам воевода жаловался на реальный недостаток служилых людей. Так, из других городов приехало всего 105 человек, из них 1 сбежал. Полк рейтар В. Важинского насчитывал 1916 человек, а в Тамбове объявился 81 человек, отсутствовало 262 человека. По приезде в Тамбов на 22 июня 1671 г.

[1] РГАДА. Ф. 210. Разрядно-сенатский отдел. № 39. Л. 2-109.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 681. Л. 1-65.

[3] Там же. Л. 106-126.

детей боярских, рейтар, дворян, белозерцев числилось 224 человека, а пехоты 6 сотников и 397 стрельцов.

Тамбовский воевода Е. А. Пашков поступал в полное подчинение в полковых, городовых и других делах к осадному воеводе П. И. Хованскому. Однако отсутствие соответствующего указа позволяло ему отказываться от такого подчинения. Он был готов подчиняться только по полковым делам[1]. Также отказывался подчиняться П. И. Хованскому козловский воевода С. И. Хрущов.

Подводя итог рассмотрению сословной структуры городского населения Тамбова и Козлова, можно отметить ее однородность и слабую дифференциацию. Абсолютное ее большинство (в Тамбове почти 100 процентов, в Козлове – 95 процентов) составляли различные категории служилых людей «по прибору» (см. таблицу № 1). Основной вид их занятий – воинская служба и сельское хозяйство. Об этом говорят значительные земельные наделы городского гарнизона. Так, в Козлове во второй половине XVII в. в руках его жителей насчитывалось в трех полях 17875,5 десятины пашенной земли и сенокосных угодий 23180 копен, в Тамбове соответственно – 15387,5 десятины и 29550 копен. Из всех горожан только посадское население не имело больших земельных угодий. Значительной разницы в хозяйственной жизни и сословной структуре у жителей южных городов и сельского населения в рассматриваемое время не наблюдалось. Только концентрация населения, наличие сложной системы укреплений и административных органов управления уездом выделяли города от других населенных мест.

Посадское население составляло крайне незначительную часть всего городского населения (в Козлове в 1685 г. – чуть более 2 процентов от всех жителей) и не оказывало серьезного влияния на экономический и социальный облик городов (см. Приложение, табл. 1).

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 681. Л. 138, 182-183.

3.3. УЕЗДНЫЕ СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ

Большинство служилых людей южнорусских уездов жили в сельской местности. В южных районах страны они составляли значительную часть всех селян. В 1636 г. по отпискам Р. Ф. Боборыкина в Тамбове и уезде записалось в полковую, сторожевую казачью службу, в пушкари, затинщики и засечные сторожа 1168 человек[1]. Далее численность служилых людей росла с записью новых групп служилых людей и переводом части крестьян сел Верхоценской волости в служилое сословие. В 1659 г. в Тамбовском уезде насчитывалось 2427 служилых человека и 2192 человека их детей, братьев, племенников, зятьев, половинщиков и захребетников.

Сторожевые и полковые казаки

Эта группа служилых людей формировалась для охраны границ уездов и укреплений, участия в сторожевой службе. Нелегкая и опасная служба казаков высоко ценилась на юге страны, в нее стремились записать «крепких» переселенцев, способных обеспечить себя оружием и конем. В Тамбовском уезде казаки составляли большинство всего служилого сельского населения (более 52 процентов). Они образовали в 1678 г. 13 самостоятельных поселений, из которых в 10 жили полковые, а в 3 – сторожевые казаки. В их число входили такие села, как Кузьмина Гать, Городище, Новоселки, Вихляйка, Старая Грязновка, две слободы – у Красного и Лысогорского городков. Сюда переселились выходцы из северных уездов и некоторые бывшие донские казаки.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 17, 42-44.

Частично в полковые казаки перевели дворцовых крестьян Верхоценской волости. Государевым указом 1647 г. их записали в полковые казаки. Такой же участи удостоились крестьяне с. Кукосово[1]. В 1647 г. для охраны нового Тамбовского вала ряд дворцовых крестьян записали в полковые казаки. Старинные мордовские деревни Тонбов и Вижавино, Кукосово специальным правительственным указом перевели с правого на левый берег Цны. Новое поселение по прозвищам переселенцев назвали Бойкиным (ныне с. Бокино), а его жителей записали в полковые казаки, которые должны были нести службу наравне с тамбовскими полковыми казаками. Такая же судьба постигла некоторые другие дворцовые села: Куксово, Горелое, Татаново, расположенные вблизи от уездного города и укреплений черты. Переселением на новое место в с. Татаново занимался воевода князь А. М. Волконский. Поскольку именно в эти места часто приходили татары, вокруг поселения он приказал построить крепи и надолбы. Им предложили переселиться на Лысые Горы, усилив местный гарнизон. Переселенцы пожаловались на отсутствие экономических возможностей совершать еще одно переселение на достаточно большое расстояние. Власти согласились оставить новоявленных казаков на прежних местах без переселения на Лысые Горы.

Сторожевые казаки осели в Кузьминой Гати и пригородной Пяшкильской слободе, а близкие к ним по своим воинским обязанностям засечные сторожа – в д. Починки.

В Козловском уезде казаки составляли всего 2 процента от служилого населения уезда. При наборе в эту категорию служилых людей И. В. Биркин и М. И. Спешнев должны были руководствоваться нормами наделения землей: по 8 руб., хлеба ржи по 3 четверти, овса по 5 четвертей[2]. Они поселились отдельной слободой около Бельского городка. В 1652 г. их насчитывалось 170 человек.

Сторожевая и полковая службы считались наиболее опасными, требовали хорошего снаряжения и выучки. Поэтому они лучше

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 15. С. 49-51. В документах село Куксово первоначально называлось Кукосово.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 201. Л. 391.

других наделялись землей. В Тамбовском уезде сторожевые казаки и станичные вожи имели наделы по 50 четвертей земли в одном поле и 100 копен сенокосных угодий, а полковые казаки и засечные сторожа – по 25 четвертей пашенной земли и 50 копен сенокосных угодий. В Козловском уезде нормы оказались гораздо ниже: только по 10-11 четвертей на двор. Размеры земляных наделов фиксируют градации в среде служилых людей по их служебным обязанностям и положению среди «приборных» служилых людей.

Во главе каждой воинской группы казаков назначались головы. При выборе голов учитывалось мнение самих служилых людей, а окончательное решение принимал воевода. Обычно назначались наиболее опытные, знающие воинское дело, обладающие определенным набором моральных ценностей люди. Официальное утверждение голов происходило в соответствующем приказе. В подчинении голов находились сотники, пятидесятники и десятники, которые в своих слободах контролировали поведение казаков, их воинскую подготовку, наличие в сохранности оружия, припасов, в том числе пороха, пулек, и лошадей.

Запись в полковую службу шла в Козловском уезде не очень активно. Здесь имелась возможность записаться в более престижные дети боярские. Одним из полковых казаков стал турецкий полоняник, бывший белгородец М. Гранин. Его отец нес полковую службу в Белгороде, ребенком он попал в плен. Ему дали в Москве за «выход» деньги и сукно, а денежное и хлебное жалование приказали выдать в Козлове. Другие ногайские пленники Ермолай с сестрой и матерью попали в плен в 1612 г. Мать его вышла замуж за татарина, а все его семейство попало к донским казакам. Михаил окрестился в православную веру и просил отпустить его с семьей в новый город Козлов, чтобы служить по примеру своего отца казаком[1]. В Москве бывшему полонянику Ермолаю выдали 6 руб. на селитьбу. По приезде в Козлов Разрядный приказ указал М. Гранину выдать по норме полковых казаков денежное жалование в 8 руб. на дворовое строение. Хлеба бывшим полоняникам выделили по 3 четверти ржи и 5 четвертей овса.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 110-111.

Сразу по началу записи в Козлове в полковые казаки требовалось записать 300 человек, часть из них планировалось разместить около города в слободах. Сюда записалось 47 человек, они получили по 1 руб. денег и по четверти ржи человеку вместо обещанных 8 руб. и 8 четвертей. На эти деньги построили избы и дворы, распахали огороды, однако не получили ружья. В мае 1636 г. козловским воеводам указали прибрать в полковую службу еще 150 человек[1]. Им надо было выдать на завод 7 служилым людям, записавшимся из солдатской службы, 8 руб., хлеба по 3 четверти ржи и по 5 четвертей овса, а остальным по 1 руб., 1 четверть ржи и представить льготы по службе на 2 года. Таких к 1 января 1637 г. в Козлове записалось только 36 человек. Всего требовалось выдать новоприбранным 256 руб., хлеба 72 четверти ржи, 180 четвертей овса. Деньги указом от 9 января 1637 г. предложили взять из Галицкой чети в размере 188 руб. и послать их в Козлов на дворовое строение, а продовольствие предлагалось поставить из воронежских житниц.

Например, в 1659 г. произошла смена голов у полковых тамбовских казаков. С 1 декабря 1659 г. И. И. Короваева назначили головою полковых казаков вместо П. Ахтоярова[2]. Состоялась передача казачьих дел новому голове. П. Ахтояров уехал из Тамбова в Москву для продолжения государевой службы.

В октябре 1661 г. мещерянин П. В. Ардобаев бил челом на государево имя о переводе его в головы тамбовских полковых казаков вместо И. И. Короваева. Главным аргументом этой просьбы стало ранение и «полонное терпение», а затем и смерть отца и «полонное терпение» брата[3]. Эту просьбу удовлетворили указом 11 ноября 1661 г., и новый голова должен был с 1 декабря заступить на новое место назначение. В его обязанности входило слушаться воеводу, пересмотр всех казаков налицо, составить списки и прислать их в Разрядный приказ. Если казаки прибудут с испорченными пищалями, то им требовалось предоставить свободные пищали

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 333-339.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 430. Л. 2.

[3] Там же. Л. 3-21.

из государственной казны. Запрещалось без разрешения головы казакам куда-либо выезжать, заниматься разбоем и татьбой, без его согласия принимать в слободах посторонних людей, с ведома воеводы держать казаков на караулах на земляных и деревянных укреплениях. Голова должен был проследить стрельбы своих подчиненных, и если они этого делать не умели, научить их пользоваться пищалью. При этом подчеркивалось, что зелье для стрельбы они должны в своих домах держать свое, так как их обеспечили земляным наделом.

В обязанности головы входили и меры противопожарной безопасности. Он контролировал запрет в летнее время в жаркие дни топить избы и мыльни, разжигать вечером костер, а хлеб печь только в летних печах на огороде подальше от строений.

Дети боярские

Эта категория служилых людей вела свое происхождение от боярских слуг периода феодальной раздробленности. В XVII в. они превратились в социальную группу низших служилых людей «по отечеству», которые получали земельные наделы в личную собственность, как дворяне. В период заселения юга Русского государства правительство с целью привлечения большего количества состоятельных горожан, мелких служилых людей и крестьян открыло доступ в число детей боярских. Поэтому в некоторых уездах они стали одной из самых многочисленных групп населения. В их число попадали даже частновладельческие крестьяне. Так, один из старожилов дворцовой д. Черкино Тамбовского уезда Г. Парамзин был поверстан в дети боярские и положил начало династии тамбовских помещиков Парамзиных.

В Тамбовском уезде дети боярские составили незначительную группу служилого населения. В 1678 г. их владения встречались в 7 селах, где проживало 19 семей. В Козловском уезде они составляли большинство населения (70,5 процента от общей численности). Ими полностью заселили 6 из 7 станов, из 60 сельских населенных пунктов – 52 (т. е. 87 процентов всех населенных пунктов) принадлежали детям боярским. В 60–70-е гг. многие дети боярские

записались в престижные рейтарские полки и некоторые в солдаты. Все это привело к сокращению данной сословной группы с 2145 в 1652 г. до 713 рейтар и 125 копейщиков в 1704 г.

Главной особенностью детей боярских, отличающей их от других представителей мелких служилых людей, являлся способ верстания землей. Если казаки, стрельцы, пушкари и другие служилые люди «по прибору» получали землю в общинную собственность и не имели прав наследования, то дети боярские наделялись землей в поместную собственность. Так, в Тамбовском уезде нормы наделения их землей оставались сравнительно высокими. У братьев А. Г. и С. Г. Парамзиных имелось 442 четверти пашенной земли в с. Сержало. В д. Ракшиной поляне тамбовец сын боярский И. М. Князев получил из Приказа Большого дворца 65 четвертей пашенной земли и сенокосных угодьев по 400 копен[1]. Но это были скорее исключения, чем правило. Остальные «помещики» версталась участками пашенной земли от 30 до 50 четвертей в одном поле и сенокосными угодьями до 200 копен на человека.

Козловским детям боярским первые воеводы выдавали жалование. В 1637 г. им прислали из Москвы 2700 руб. вместе с поместными атаманами, из расчета по 5 руб. человеку. И. В. Биркин и М. И. Спешнев собрали их в съезжей избе и по крестному целованию допрашивали на предмет происхождения[2]. То есть кто из них природный сын боярский и из которых городов они прибыли, вольные ли они люди, не являются ли крепостными крестьянами? Нововыбранных детей боярских предупредили, если они скроют свое происхождение из крепостных крестьян, получат государево жалование, то при разоблачении у них возьмут обратно двойные деньги.

Часть детей боярских перешла в Козловский уезд автоматически из Ряжского уезда. Дети боярские д. Ранина после строительства Козлова отошли к новому уезду, так как они стали от Ряжска далеко, а от Козлова в 10 верстах. Воеводы из Ряжска пытались по-прежнему требовать от них уплаты податей, а местные служилые люди в 1638 г.

[1] Архив СПБИРАН. Ф. 2. Кн. 119. Л. 371-386.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 212.

добились окончательного права платить налоги в Козлове[1]. При записи в дети боярские козловские воеводы требовали проверки прежнего состояния кандидатов. Например, в июне 1639 г. в козловские дети боярские хотел записаться шацкий засечный сторож Ф. Пятов[2]. Он предлагал на свое прежнее место взять в службу сына. Однако по государеву указу засечным сорожам запрещалось писаться в другие категории служилых людей. Поэтому ему отказали в просьбе, и Пушкарский приказ потребовал вернуться к прежней своей службе.

Нуждаясь в военных кадрах, местные воеводы старались привлечь опытных в военном деле специалистов. Таким, например, был житель Трубчевска А. И. Тягунев. Он служил на «литовском» рубеже, и его отправили в феврале 1644 г. на вечное житие в Козлов в дети боярские вместе с женой и детьми[3]. С учетом его бедности ему выделили оклад денежного жалования 10 руб., а в 1645 г. из козловских доходов обязали дать наличными 7 руб., двор и землю донской слободы черкашенина М. Петрова, которого за кражу в съезжей избе денег отправили на поселение в Казань.

О проблемах переселенцев детей боярских Козловского уезда писали сапожковцы. Им в городе зачитали грамоту о записи в козловские дети боярские с указанием земельного и денежного пожалования. Поэтому из Сапожка уехали люди, оставившие за себя своих детей, братьев, половинщиков и третьников. Они устроились домами на новом месте, однако воевода М. П. Юсупов не разрешал их женам и детям переезжать в новый город. Грамота из Разрядного приказа потребовала от воеводы Сапожка провести расследование на предмет, кто остался за уехавших[4]. Если места остались заполнены, то родственников немедленно указали отпустить в Козлов.

Запись в службу велась и в 1649 г. Новых детей боярских записывали с окладом 200, 150, 100 четвертей земли и 5 руб. денег[5]. За участие в военных походах, битвах с татарами и убитых «мужи-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 49.

[2] Там же. Л.110.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 244-246.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 301-308.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 3-6.

ков» они просили дополнительного денежного жалования и земельных дач к окладам. За убитых противников участники сражений получали по 50 четвертей земельного оклада и 1 руб. денег.

В Ряжском уезде в селе Княжево имелись старые домовые вотчины рязанских архиепископов. В 1651 г. челобитную по поводу ряжских детей боярских подал архиепископ Рязанский Мисаил[1]. В с. Княжево Ряжского уезда жили еще при прежних архиепископах дети боярские из бывших монастырских крестьян. Они официально занимали домовую землю монастыря Пречистой Богородицы. В 1649 г. их поверстали в дети боярские по г. Козлову, поэтому налоги в монастырь платить перестали. С одной стороны они несли службу по Козловскому уезду, а с другой – продолжали жить в Ряжском уезде. Поэтому архиепископ Мисаил просил Разрядный приказ перевести 52 сына боярского на жительство в Козловский уезд. Однако свободной земли сразу найти не удалось, и сам переезд предложили растянуть на три года, при условии, что ряжские дети боярские с. Княжево будут по-прежнему пока пахать землю в своем селе.

В Козловском уезде в виду многочисленности данной группы служилых людей нормы наделения землей оказались гораздо ниже. Первые козловские воеводы получили постатейную разверстку окладами детей боярских в 150, 100 и 70 четвертей. Однако реальные наделы в одном поле составили 60, 50 и 40 четвертей земли и сена от 40 до 100 копен. Встречались земельные оклады гораздо больших размеров. Так, дети боярские в Алешинском стане в 1646 г. имели оклады в 450 четвертей, но земли они получали по 60 четвертей[2]. Это позволяло выпрашивать дополнительные участки дикой степи, аргументируя своей непрерывной службой. В 1653 г. при верстании в дети боярские козловским воеводой П. М. Пушкиным в с. Верхние Пупки Челнавского стана обнаружили 1144 четверти примерной земли, из которых служилым людям нарезали по 20 четвертей человеку и по 40 копен сена[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 125.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 307-309, 321-322.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 194. Л. 1-3.

Однако существовали и исключения по нормам выдачи земельных наделов. В 1644 г. козловец сын боярский Д. В. Жихарев послал в Москву челобитную[1]. В ней он писал, что начал свою службу под Смоленском и пробыл там от начала до конца. После возвращения обратно был поверстан в Казанском дворце земельным окладом в 250 четвертей, а при записи в Козлове его верстали окладом всего в 70 четвертей. Он просил вернуть старый оклад, что и было исполнено.

Кроме земельных наделов, козловцы верстались от города денежным окладом в размере 4-15 руб. Существовали незначительные прослойки поверстанных несколько меньшей или большей суммой. При первоначальном наделении землей детей боярских учитывался их прежний стаж пребывания в этом же статусе или в другой категории служилых людей. Те лица, которые на смотре при записи смогли доказать свое происхождение из детей боярских, имевших опыт военной службы, могли рассчитывать на более высокий статус в качестве десятников, пятидесятников и сотников. Причем первоначальный оклад не означал получение сразу такого количества земли и жалования. Его надо было выслужить за определенный период службы на юге государства. Так, сын боярский Е. Строков служил по Козлову с 1636 г. В 1643 г. участвовал в бою против татар около с. Горитово на р. Самовец, где был ранен из лука в шею. У него земельный надел в с. Оловай составлял 40 четвертей, тогда как у других – 150 четвертей. Он просил за службу и раны увеличить надел из примерной земли еще на 10 четвертей[2]. Другой козловский сын боярский П. А. Мурза из с. Турмасово имел оклад в 250 четвертей, а реальное поместье составляло 20 четвертей. Он начал свою службу еще при Р. Ф. Боборыкине, участвовал в сражениях с татарами на Лысых Горах, на р. Токае и около Хмелевой слободы. П. А. Мурза отмечал наличие у его «братии» земельных наделов по 50-60 четвертей, поэтому просил увеличить свой земельный надел[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 30.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 194. Л. 6.

[3] Там же. № 194. Л. 9.

В состав детей боярских записывались люди с большим военным опытом, который особо ценился. В 1650 г. козловский сын боярский Е. М. Воропаев просил Разрядный приказ написать его по «дворовому» в Козлове[1]. Перечисляя свою 40-летнию службу государю, он упоминал службу в Можайске, затем в осаде Смоленска, на Ельце, когда туда приходили татары, участие в это же время в сражении на р. Сосне, затем три года службы в Веневе. После этой службы он перешел в Козлов, участвуя вместе с воеводой И. З. Ляпуновым в отражении набега татар. При Р. Ф. Боборыкине сражался с татарами на р. Шехманке, затем в Кусте, где сидели в осаде. За все службы, ранения он просил написать его по «дворовому» в Козлове.

Сам процесс наделения землей всегда сопровождался многочисленными спорами и конфликтами. Причем надо отметить, что в отличие от дворян выборных и московских, дети боярские юга России подчинялись Разрядному приказу, как и другие служилые люди. В 1649 г. дети боярские с. Верхние Пупки Турмасовского стана Козловского уезда подали челобитную по поводу их земляных наделов[2]. В 1643 г. им выделили землю при воеводе И. З. Ляпунове. Для размежевания земли воевода послал подьячего М. Д. Шелковникова, который размежевал землю на 15 человек. В 1644 г. новые дети боярские в количестве 5 человек подали челобитную воеводе Ф. Д. Погожево, в которой написали, что земля в д. Верхние Пупки лежит «в пусте, дикое поле». Воевода, не разобравшись, разрешил им занять эту землю, что привело к серьезному конфликту. Пришлось новым детям боярским искать лишнюю землю в Турмасовском стане на р. Челновой, где имелись владения детей боярских с. Ламки.

Посланные в 1650–1651 гг. князь и воевода Д. М. Несвицкий и подьячий О. Трофимов для описания и измерения в Козловском уезде примерных земель столкнулись с многочисленными случаями давления местных детей боярских. Они приезжали на поля человек по 50 и больше, «шумят великим шумом и безчестят нас позорными словами»[3]. Во время измерения полей Алешинского стана около

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 141-142.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 40-43.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 65-70.

с. Лаврова местные дети боярские всем селом ругали переписчиков. Последние пытались из придаточной земли выделить лишние участки беспоместным «новикам». Землемеры просили дать им подмогу, так как местные жители препятствовали выполнению царского указа, а воевода не выделил служилых людей для охраны и не дал писцовых и строельных книг И. В. Биркина и других воевод. В ответ на эту просьбу воеводе указали виновных в чинении писцам препятствий в описании земель бить нещадно батогами, «что б на то смотря иным неповадно было воровать, их лаять и бесчестить»[1]. Писцам рекомендовалось давать наделы детям боярским с окладом выше 100 четвертей по 60 четвертей, а ниже 100 четвертей – 50-60 четвертей, а 70 четвертей – по 50 четвертей. При наличии окладов в 40-60 четвертей рекомендовалось выделять такие же наделы примерной земли. Примерную землю у владельцев больших дач предлагалось отбирать в пользу беспоместных служилых людей. Наоборот, владельцам небольших дач в 10-20 четвертей, имевшим примерные земли в 5 и 10 четвертей, разрешалось оставлять эти наделы в своем владении. Таким образом, власть пыталась регулировать одну из самых спорных проблем на юге России – наделение землей.

В 1650 г. козловский воевода Н. Л. Пушкин подал челобитную в Разрядный приказ по жалобе козловских детей боярских П. Носова и И. Худякова[2]. В 1649 г. их испоместили в с. Красивом Козловского уезда. П. Носову воевода приказал выдать земли из дикого поля 30 четвертей. Выяснилось, что И. Худякова поверстали на Москве и ему дали земельный оклад в 150 четвертей, а в уезде – 45 четвертей. Однако обоим в с. Красивом реально земли не выдали. Воевода послал козловца сына боярского И. Каменского в данное село для отвода земельных наделов. Местные жители не позволили отмерить землю под предлогом отсутствия свободных наделов. Однако оба челобитчика подтверждали наличие лишней земли в этом селе. Воевода Н. Л. Пушкин просил Разрядный приказ прислать царский указ, чтобы вымерить у помещиков с. Красивое их земли и при наличии лишней земли раздать ее челобитчикам.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 68.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 49-54.

Попытки захватить лишнюю землю вне надела встречались достаточно часто. Если при наделении землей и размежевании в период начала заселения споров было немного, наделов вполне хватало, то со временем стали возникать конфликты. В 1650 г. 40 детей боярских с. Истобоное Слобоцкого стана Козловского уезда подали на царское имя челобитную[1]. Речь в основном шла о сенных покосах, которые им дали по р. Большая Ряса. Они планировали получить из дикого поля 3540 четвертей. По разнарядке 14 детям боярским выделили земельные оклады по 60 четвертей, 21 – 50 и пятерым по 40 четвертей. Разница в размерах определялась количеством душ в семье и должностью служилого человека. Однако им недодали 2380 четвертей из-за земельных владений соседей, детей боярских с. Кривское. Там проживало 60 человек с землей 5920 четвертей. Однако, как утверждали челобитчики дети боярские с. Кривая Поляна, реально они владели значительно большим количеством земли. В 1647 г. дети боярские с. Истобного уже посылали челобитную в Москву с просьбой перемерить участки соседей и лишнюю землю передать им. Р. Ф. Боборыкин послал козловца Ф. Шелоховского в с. Кривую Поляну с целью вымерить эту землю. Однако местные жители не дали это сделать и выгнали землемера. Они же не пускали скот соседей на пустые земли и «всякие насильства» допускали. Из Москвы пришел указ стольнику и воеводе Н. Л. Пушкину провести размежевание земель двух соседних сел.

Землю для детей боярских, как отмечал американский историк В. Дэвис, дети боярские получали полосами по 10 участков, что соответствовало начальной единице построения – десятку. Участки разделялись полосами рядом друг с другом, оставляя место для проезда на свое поле[2]. Лучшие земли, естественно, получали первопоселенцы. Те, кто прибывал позже и записывался в дети боярские, довольствовались тем, что осталось.

Жалобы по поводу размежевания земель как внутри однодворческой общины, так и между разными селами становились в то время обычным явлением. Одну из таких жалоб между детьми боярскими

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 98-106.

[2] *Davies B. L.* Op. cit. P. 126-127.

сел Лежайка и Епанчино разбирал козловский воевода Н. В. Пушкин в 1650 г.[1] Он лично приехал в эти села вместе с 40 их представителями и рассмотрел старую межу на сенные покосы за р. Лесной Воронеж. Дети боярские с. Епанчино просили сохранить для них проход для скота в 10 сажень на свои участки. Основой для решения спора стала межевая книга С. И. Биркина. Некоторые грани разделения оказались утеряны, как например береза, которую сломало ветром. Поэтому помещики с. Епанчино поставили вместо нее столб самовольно не в том месте. Они доказывали, что столб был поставлен вместо сваленного дерева по указу воеводы князя И. А. Ростовского. Н. В. Пушкину пришлось провести опрос старожильцев обоих сел по вопросу, где находилась береза с гранью. Еще один спор возник о грани на осине, место которой также оказалось спорным.

В козловскую службу детей боярских в 1650 г. записалась целая группа белозерцев. Обладавшие большим опытом военной службы, они еще на старом месте имели земельный оклад в 200, 250 четвертей, а денежный от 5 до 14 руб. Поэтому Разрядный приказ при переводе в Козлов указал сохранить за ними все оклады[2].

К 1666 г. у тамбовских воевод накопилось много жалоб и челобитных по поводу размежевания земель среди детей боярских. Межи и грани, разделяющие земли, к этому времени погнили и исчезли. Из-за этого между владельцами наблюдалась постоянная вражда[3]. И. А. Вельяминов отмечал, что у него отсутствовали писцовые книги князя Д. М. Несвицкого за 1651–52 гг. Поэтому он просил Разрядный приказ подготовить по этому поводу указ.

Возникала проблема недорослей служилых людей. Недорослям, имевшим отцовское поместье, разрешалось оставлять землю у себя и, вместо себя, посылать даточных людей во временную службу, пока сами не достигнут соответствующего возраста. За их родителями числились земельные наделы в 40-60 четвертей, однако они сами проживали по чужим домам, а пашню пахали разные наемные

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 79-81.

[2] Там же. Л. 65-76.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 225-227.

люди. Эти участки писцы предлагали дать «новикам» по 20-25 четвертей, а за недорослями оставлять небольшие участки.

Записаться в службу сыну служилого человека, при наличии у отца службы, можно было при наличии большой семьи. В январе 1650 г. козловский сын боярский Ф. К. Сергеев отметил, что его отец служит службу по Козлову в детях боярских 14 лет и у него 4 сына[1]. Сам челобитчик уже поспел в службу и с учетом большой семьи просил записать себя в дети боярские. В Разрядном приказе Ф. К. Сергеева поверстали в 50 четвертей земли и 5 руб. денег. Он также просил ружье и деньги на строительство жилья. Разрядный приказ выдал ему 4 руб. на дворовое строение, установил земельный оклад в 150 четвертей и денег по городу 4 руб.

В 1665 г. Г. Я. Шатилов написал челобитную с просьбой о передаче ему земли К. Горбачева в с. Телятниках[2]. Хозяин земли умер в 1661 г. Он владел участком в 30 четвертей, но после его смерти земля лежала порожняя. Разрядный приказ потребовал разобраться в вопросе и при отсутствии владельца передать ее новому человеку. В качестве примера можно привести челобитную сына боярского И. В. Замаруева в 1666 г.[3] Его отец был поверстан в дети боярские и испомещен в с. Борце. После смерти отца сын, когда достиг возраста службы, попросил поверстать в службу взамен отца и передать ему родительский надел. Разрядный приказ прислал грамоту воеводе с требованием записи И. В. Замаруева в службу и передачи ему отцовского земельного владения.

Кроме верстания в службу вместо отца, встречались просьбы о зачислении в дети боярские от уже служившего брата. Достигнув возраста верстания на службу, челобитчики просили наделить их земляным и денежным окладом. В 1650 г. таких просьб имелось несколько, и все они касались записи в дети боярские[4]. Так, А. Ходаев сообщал, что его отец служил по г. Воронежу, а его старший брат

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 264-266.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 92-97.

[3] Там же. Л. 104-105.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 282-284.

сошел оттуда от татарского разорения в Козлов, записавшись в дети боярские. Он также просил верстать его в службу. К. М. Ламонов жил с отцом в Ряжске. Вместе с братом ушел в Козлов. Его брат записался в службу сыном боярским с окладом в 200 четвертей. К. М. Ламонов также просил записать его в службу.

В 1650–51 гг. десятки детей боярских направили ряд челобитных с просьбой о верстании их на службу и наделении земельным окладом[1]. Начавшаяся военная реформа русской армии, создание полков нового строя, в частности рейтарских, потребовали резкого увеличения численности служилых людей в южных городах. В 1651 г. воевода И. В. Алферьев доложил, что он в 1650 и 1651 гг. записал в козловские дети боярские соответственно 247 и 68 человек[2]. Часть новоприбранных получили жалование на дворовое строение в Москве, другие в Козлове. Причем в Москве к этому вопросу подошли дифференцированно. Там выдавали в основном 4-6 руб. Однако те, кто верстался на место своих родителей, получили только по 2 руб.

Сын боярский И. П. Мордвинов записался в драгунскую службу по Белгороду и нес свои обязанности в Белгороде, Самаре, Цареве-Алексееве, принимая участие в сооружении вала и рвов. Однако оказался неиспомещен поместным окладом и денежным жалованием. Он просил верстать его по Козлову. Целая группа из 6 человек, дети козловских детей боярских Д. В. Малышев с товарищами, также просили их поверстать по Козлову в связи с тем, что в службу поспели. Верстание в полковую службу по Козлову давало возможность получить поместный оклад в 150 четвертей и 5 руб. денежного жалования. Одним из главных аргументов при записи в дети боярские являлась служба отца, особенно если служба родителя начиналась еще со Смоленской войны. Так, сын боярский С. Качининский перечислял все свои службы государю по Козлову и просил, ссылаясь на свою старость, передать ее своему сыну вместе с поместным окладом в 150 четвертей[3]. Д. Д. Картавцев из Борецкого стана участвовал в сражениях

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 183. Л. 1-63; № 265. Л. 287-288 .

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 19-25.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 183. Л. 9.

с турецкими кораблями под Азовом, крымскими и ногайскими людьми. Его родитель и дяди и братья верстаны в Козлове в дети боярские. Он также просил поверстать его по Козлову. В результате государевым указом от 30 марта 1641 г. его поверстали поместным окладом в 150 четвертей и денежным в 5 руб.[1]

В других случаях, если челобитчики только собирались начать службу, поместный оклад составлял 70 четвертей, а денежный – 3 руб. Такие массовые просьбы о пожаловании, вероятно, связаны с обострением ситуации на южных границах в связи с событиями на Украине. В козловские дети боярские записалась по государеву указу от 25 ноября 1650 г. группа рязанцев с окладом 150 четвертей и денежным – 5 руб. Им выдали с «порукою» 4 руб. денег и пищаль. Сюда же просились записаться вольные донские казаки, которые служили на Дону 3 года. Ростовца Ф. П. Назарьева поверстали в дети боярские в Москве, где он получил денежное жалование, а в Козлове его направили в с. Глазок. Все записывающиеся должны были представить поручные записи за выданные деньги и оружие. В случае побега со службы ответственность несли поручители.

За службу попросили увеличить оклад. Козловский сын боярский Г. М. Кочергин служил по Белгородскому полку, бился с татарами на Лысых Горах, при воеводе С. М. Вельяминове находился в Усмани, где сражался с татарами. Добровольцем ездил на Дон к казакам, где в походе на р. Байгоре побили татар. Он просил увеличить свой оклад в 70 четвертей. Разрядный приказ указал увеличить земельный оклад до 100 четвертей и денежный до 4 руб.[2]

С просьбами о прибавке к основному земельному наделу обращались «старые» владельцы, у которых имелись многочисленные родственники по мужской линии. Они просили прибавить к прежним наделам по 10-15 четвертей примерных земель. В сентябре 1651 г. козловский сын боярский А. Г. Федорин, проживавший в с. Белоозеро Иловайского стана, просил вернуть ему часть земли. Он служил солдатскую службу еще под Смоленском, где был ранен, затем

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 183. Л. 15.

[2] Там же. Л. 32-34.

прослужил 9 лет в детях боярских в Козловском уезде[1]. Его верстали наделом земли Исаевской поляной в 60 четей. Однако по писцовой книге князя Д. М. Несвицкого у А. Г. Федорина, якобы «по корысти», 10 четвертей от той поляны отобрали в пользу священника этого же села Кирилла. Челобитчик просил вернуть несправедливо отобранную землю. Разрядный приказ потребовал от воеводы разобраться с этим делом и проверить, каким наделом владел сын боярский и превышал ли этот надел установленные 60 четвертей.

В случае смерти владельца поместья, участок передавался другому человеку, если не находился приемник. Земельный надел мог быть отобран за уголовное преступление. В 1649 г. такой случай произошел с козловскими детьми боярскими А. и Д. Шепиловыми. Они имели имение 50 четвертей в поле и 100 копен сенокосных угодий на р. Воронеже в с. Изосимово, а также участок под усадьбу 60 на 40 сажень[2]. Д. Шатилова в ноябре 1648 г. поймали в Козлове с «воровскими» медными деньгами в сумме 3 алтына 4 деньги, которые они сами сделали с другими козловскими детьми боярскими. За это их отправили в Москву и посадили в тюрьму в Приказ Большой казны. Козловец Ф. И. Селиховский бил челом в Москву с просьбой передать ему поместье Шатиловых. На что была получена грамота о передаче этого поместья со всеми угодьями козловцу князю Ф. И. Селиховскому[3]. Почти такая же судьба постигла имение одного из подручных Д. Шепилова, с которым они делили «воровские» медные деньги, С. П. Романова[4]. Его внук, сын боярский Ф. А. Озеров, который нес свою службу уже 8 лет, не имея поместной земли, подал челобитную о передаче поместья деда в его руки. Само поместье состояло из усадьбы длиной в 60, а в ширину 40 сажень, дико-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 183. Л. 121.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 50-66.

[3] Селеховский Федот Иванович, князь (ок. 1635–1700) – воевода, окольничий (1657). Занимал ряд ответственных постов в русской армии, в том числе был воеводой в черкасских городах, в крепости Острогожск (1659), в г. Верхнесосенске (1664–1665). Владел дачей с детьми боярскими в Козлове, принадлежавшей Чудову монастырю, которая после его смерти перешла вдове Марии.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 68, 72-73.

го поля 40 четвертей и сенокосных угодий в 100 сажень. Решением Разрядного приказа половину конфискованного имения передали Ф. А. Озерову, а другую половину оставили после наказания кнутом С. П. Романову.

Постоянно встречались случаи, когда дети и родственники детей боярских также выполняли служебные обязанности, не будучи поверстанными в службу. В октябре 1650 г. козловский сын боярский В. Н. Викула попросил поверстать его поместьем убитого в бою с татарами отчима Б. Г. Селиванова из с. Гавриловка[1]. Он владел двумя участками земли общей площадью 60 четвертей. Поместье перешло к старшему брату Василия Семену. Тот от «бедности» ушел на Дон, и земля лежала пустой. Ее и просил передать В. Н. Викула. Государевым указом от 17 октября 1650 г. стольнику, козловскому воеводе Н. В. Пушкину разрешали поверстать козловских неверстанных детей боярских окладом 100 четвертей и денежным – 4 руб.[2] На всех записанных в службу накладывали поручную запись их товарищей, которые несли ответственность за принятого на службу человека и выданные деньги, чтобы они построили дома, завели пашню и не сбежали со службы.

В 1651 г. воеводу князя Д. М. Несвицкого и О. Трофимова послали в Козловский уезд отмерить земли новикам детям боярским[3]. В с. Лаврово они выезжали мерить лишнюю примерную землю. Однако местные служилые люди приехали на поля и не дали проводить работы по отмежеванию земли. Воевода планировал испоместить новиков на примерные земли по 20 или 25 четвертей, однако местные служилые люди владели лучшими и «угодными» землями.

Старые помещики приносили челобитные с учетом их больших семей, вместе с детьми, братьями и внуками, и просили добавить земельные дачи по 10-20 четвертей. При наличии больших семей предлагалось записывать по 2 человека. Писцы должны были проверить наличие лишней земли, которую предлагалось отдать новикам.

[1] РГАДА. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 300.

[2] Там же. Л. 302-308.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 65-70.

Не всегда дети боярские добросовестно выполняли свои служебные обязанности. В 1646 г. козловский воевода Ф. Д. Погожево пожаловался на бегство со службы детей боярских с. Борецкого[1]. Он послал их на службу на Стрелков перелаз с переменою через каждые 2 недели. Однако они, не дожидаясь смены, со службы сбежали. Воевода послал за ними в с. Борецкое козловского сына боярского К. Невзорова со стрельцами. Однако те вернулись обратно, сославшись на нежелание беглецов идти в Козлов. Воевода вынужден был писать в Разрядный приказ письмо и получил обратно распоряжение арестовать беглецов, привезти их в Козлов и на торговой площади прилюдно наказать батогами «нещадно», а затем посадить в тюрьму в назидание другим.

Значительное верстание козловских детей боярских произошло в 1650–1651 гг. и было связано с размахом работ по укреплению Козловского вала. С этой целью в Козлов посылались служилые люди соседних северных уездов. Они должны были увеличивать размеры вала, копать ров, возить на башни бревна. Желая привлечь на юг России добровольцев, правительство пошло на дополнительную запись в службу детей боярских. Верстание на службу происходило в Москве и в Козлове[2]. В Москве в дети боярские сразу записалось 11 человек, а в Козлове – 157. Всего в 1651 г. в козловские дети боярские было поверстано 247 человек. Всем им выдавали деньги на дворовое строение. Так, в Москве 1 человек получил – 6 руб., 9 человек – 5 руб., 180 человек – 4 руб, а двое – только по 2 руб., так как их верстали с отцовского поместья, а родители уже получили городовое жалование. В Козлове всем поверстанным выдали по 4 руб. из уездных доходов, а 9 человек не получили денег, так как их отцы имели жалование с города. Однако в Козлов приехало 166 новобранцев, которые не получили жалования. Поэтому им предложили выдать жалование на дворовое строение по стандарту 4 руб. человеку, так же как и прежним новобранцам. Для этого потребовалось еще 664 руб. Разница в размере денежного жалования между Москвой и Козловом, вероятно,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 67-68, 70.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 19-25.

объяснялась тем, что в столице верстались «начальные люди» – сотники и пятидесятники и переезд из Москвы в Козлов требовал определенных затрат.

Козловские дети боярские послали в Москву челобитную с просьбой не отправлять их на эти работы. Они мотивировали свою просьбу тем, что их поверстали на службу в Козловский уезд в Москве в 1650 г., должны были поселиться в диком поле у Хоботовского леса в Степанищевской поляне на р. Олешке (ныне р. Ольшанка). Однако они еще не начали строить усадьбы и планировали это сделать в 1651 г. Правительство разрешило им дать льготу, если не будет больших вестей и серьезных городовых и полковых дел[1]. В с. Кривское и с. Телятников в 1651 г. разместили соответственно 60 и 50 нововерстанных детей боярских. Они просили дать им льготу для «новой селитьбы» – до распашки полей и получения нового урожая не участвать в государевой службе и ремонте вала[2].

Вероятно, Козлов стал настолько популярным местом записи в дети боярские, что сюда просились на постоянную службу даже из далеких уездов России. В феврале 1651 г. дети боярские Псковского Троицкого дома государевой вотчины М. и Г. Ноздрины просили их записать в дети боярские по Козлову[3]. Они били челом в Москву с просьбой указать, по какому чину будут нести службу, о сумме выдачи денег на дворовое строение, и подвод на переезд.

В связи с массовой записью в 1650–51 гг. в службу новых детей боярских по Козлову, от них поступали жалобы на отсутствие ружей. Они ссылались на бедность и невозможность нести службу, в отличие от своей братии, которым выдали ружья в первые годы существования Козлова[4]. Челобитную передали в Оружейный приказ для выдачи 1000 пищалей козловским служилым людям. Оружие и 100 тысяч кремней к ним отвез в Козлов сын боярский А. Хлудов. Козловский воевода раздал все пищали нуждающимся и каждому

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 13-14.

[2] Там же. Л. 80.

[3] Там же. Л. 64-70.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 310-315.

выдал по 20 кремней. Однако кремни выдавали не бесплатно, с каждой тысячи предлагали собрать со служилых людей по 1 руб.

Общины детей боярских оставались сравнительно небольшими. В Тамбовском уезде это буквально несколько человек, в Козловском – 50-60 домов. Только в с. Оловай в двух приходах проживало в 147 дворах 507 человек.

В последней четверти XVII в. наблюдался быстрый естественный прирост местного населения, что привело к укрупнению сел, возникновению поселений с числом дворов более 100. Снизилось экономическое положение детей боярских. Вновь верстанных в службу наделяли поместным окладом всего от 6 до 25 четвертей, т. е. размер надела служилого человека «по прибору». Прекратилась практика верстания денежными окладами[1].

Уровень благосостояния детей боярских можно проследить по некоторым судебным искам. В 1642 г. козловский сын боярский А. Ф. Лопынин пожаловался в Москву на притеснения местного воеводы И. А. Ростовского, который воспользовался его отъездом с челобитной в Москву, отдал имущество на разграбление истцам. Он перечисляет потерянное имущество: 10 коров, 30 овец, две нагайские лошади, 100 ульев пчел, пуд воска и пуд хлеба, 2 винных котла, 2 перины и другую мелкую «рухлядь»[2]. Козловец сын боярский И. Т. Кривопалов хотел в Петров день 1642 г. сторговать у крестьянина Ф. Галкина корову, а сын боярский Г. М. Коротков избил его до полусмерти и ограбил. Он украл серебрянный крест стоимостью две гривны, 6,5 руб. денег, зипун 3,5 руб. и шапку – 0,5 руб.[3]

Социальный юридический статус детей боярских позволял им жаловаться государю на притеснения воевод. В 1642 г. козловские дети боярские братья Ивановы пожаловались на местного воеводу князя И. А. Ростовского[4]. Они обвинили воеводу в аресте их брата Сидора, которого ударили обухом по голове, затем бесчувственного

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 690.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 148. Л. 205-206.

[3] Там же. Л. 212.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 194. Л. 20-30.

вынесли за город, где он лежал без памяти с полдня до вечера. В продолжение конфликта стрелецкий голова И. Петров приказал отнести Сидора в дом, а Федора бил ослопом «без причин». Остальным братьям воевода угрожал смертным убийством. В своей челобитной братья просили отстранить их от власти воеводы и передать в другие руки. Москва пошла на беспрецедентный шаг. Из Разрядного приказа пришел ответ – перевести братьев в подчинение ряжского воеводы, а в Козлове их не ведать.

О наказании тюрьмой и батогами от козловского воеводы без всякой причины пожаловалась и другая группа козловских детей боярских. Они просили перевести их под прямое начало козловского стрелецкого головы И. Петрова. Разрядный приказ и в этот раз пошел навстречу козловцам и прямым указом в адрес воеводы и И. Петрова перевел их в подчинение стрелецкого головы. Подчеркивалось, что никакие налоги и обиды воевода к ним чинить не должен. Естественно, такие решения встречались не часто, но они показывали определенную социальную независимость южнорусских детей боярских.

Юридически дети боярские считались в Русском государстве помещиками, так как наделялись землей лично. Но фактически на юге России они оставались в основной своей массе однодворцами, не сумевшими выбиться в дворяне и обрабатывающие наделы силами своей семьи. Дворовых и крепостных крестьян имели буквально единицы. Считаясь юридически помещиками, они, за редким исключением, никогда не относились правительством к дворянам. Их промежуточное положение привело к некоторой неопределенности в статусе детей боярских. С одной стороны, по форме наделения поместьем они были близки с городовыми дворянами, с другой – со служилыми людьми «по прибору». Причем последняя тенденция все более явственнее стала прослеживаться к концу XVII в. В 1675 г. указом Боярской думы был закрыт доступ в эту категорию служилым людям «по прибору»[1]. Окончательное слияние южнорусских детей боярских с другими категориями мелких служилых людей в сословие однодворцев осуществилось только в начале следующего столетия.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 690.

Поместные атаманы и черкасы

Эти сословные группы встречались не только в Козловском уезде. В них вошли выходцы из донских казаков и переселенцы с Украины. В Донской слободе вместе с казаками поселились 42 переселенца с Украины, или, как их называли на Руси, «черкасы». Они проживали во многих уездах вдоль Белгородской черты как отдельными сельскими поселениями, так и целым городом – Острогожском[1]. Переселенцы из донских и запорожских казаков осели в Устенском стане в Устенской, Борщевской и Хмелевой слободах Козловского уезда. В начале 1637 г. в Козловском уезде поверстали 378 детей боярских и 150 поместных атаманов. К ним позднее добавилось еще 50 детей боярских и атаманов[2]. Для приобретения лошадей им пожаловали по 5 руб. В Козлов в 1647 г. прислали из Москвы 50 черкас с денежным жалованием 5 руб. человеку. Они просили выдать им подводы для переезда в новый город. Просьба была удовлетворена, в Москве выдали 3 подводы для проезда на новое место службы[3]. По приезду им предлагалось предоставить: семейным по 5 четвертей ржи, 3 четверти овса и 2 пуда соли, одиноким по 3 четверти ржи, 2 четверти овса и пуд соли. Из-за отсутствия свободных про-

[1] *Брезгунова В. М.* О приеме и расселении «нововыезжих черкас» в Российском государстве в 1630-е годы [Электронный ресурс] // ЛОМОНОСОВ-2019: материалы Международного молодежного научного форума. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 2. URL: https://conf.spbstu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15776/91868_uid241520_report.pdf (дата обращения: 30.07.2020); *Гоголева А. А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские. Воронеж, 2008; *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). Белгород, 2004; *Он же*. Расселение украинцев на южной окраине России в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 10 (150); *Он же*. Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). С. 34.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 171-177: поместными атаманами называли выходцев с Дона.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 172, 186.

дуктов в городе им выдали денежную замену: в зачет ржи 10 алтын, овса – 6 алтын и за пуд соли – 7 алтын. В 1647 г. переселенцам послали государева жалования по 5 руб. человеку, а воеводе Ф. Д. Погожево предлагалось выдать деньги в два приема: первую половину на «Семенов» день, а вторую половину на Рождество Христово[1].

При верстании в черкасы в Козлове воевода выдавал им денежное жалование. По указу от 21 октября 1643 г. группа черкас была записана за Козловом. Причем часть из них верстались в Москве, а другие только в Козлове «на вечное житие»[2]. В 1645 г. из Разрядного приказа пришла грамота к воеводе Ф. Д. Погожево с требованием взять у козловского кабацкого откупщика П. Золотова деньги 255 руб. и раздать их козловским черкасам за этот год[3]. Выданные деньги записывались в книги, которые затем отсылались в Москву.

Черкасы поселились и в Тамбовском уезде. В 1639 г. часть черкас перевели на постоянное место службы на Валуйку. Местный воевода должен был выдать новоприезжим черкасам денежное жалование 10 руб. атаману В. Маркову и 9 руб. рядовым[4]. Так, черкас Г. Григорьев отметил в своей челобитной 1645 г., что его брат служил черкасскую службу уже 7 лет в козловской Заворонежской слободе, а в 1645 г. ходил с местным воеводой И. З. Ляпуновым в поход на татар на Лысые Горы, где попал в плен. Вместо брата службу на Прогореловом карауле продолжил Г. Григорьев. Он просил верстать его на службу с жалованием брата и с учетом достижения возраста 17 лет.

В 1649 г. 9 марта приехали в Козлов два черкашенина из литовского города Сенчи[5] с целью поступления на государеву службу и на вечное житье[6]. По их словам они проехали по всем городам Белгородской черты от Хотмыжска, Яблонова, Карпова до Козлова. До этого участвовали в битвах Богдана Хмельницкого в 1649 г.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 9.

[2] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 186. Л. 1-2.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 165. Л. 17.

[4] РГАДА. Ф. 210. Книги разных городов. № 22. Л. 206-207.

[5] Ныне г. Сенчи на р. Даугава, неподалеку от г. Саласпилс (Латвия).

[6] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы Поместного приказа. № 279. Л. 108-113.

при взятии Люблина, Замойска, Львова, Винницы. А как украинский гетман распустил на зимние квартиры войско, они пошли на службу к московскому царю. У одного из них вся семья попала в плен к татарам, у другого жена умерла, а детей у них не было. Им выдали государево жалование по лошади, 6 руб. за выход, сукно и указали нести службу вместе с козловскими черкасами.

Черкасы выполняли те же обязанности, что и дети боярские. Они выезжали для охраны козловских полевых укреплений, занимались ремонтом и строительством Козловского вала. Так, в 1651 г. козловский воевода И. В. Алферьев поддержал просьбу 67 козловских черкас для посылки челобитчиков в Москву с целью получения наград за участие в ремонте козловских укреплений[1]. Разрядный приказ указал пожаловать челобитчиков денежным жалованием, как это было в предшествующем году, в размере 5 руб. С этой целью из Москвы выслали денежную казну в 335 руб. вместе с козловским черкашениным Я. Аненковым. Козловскому воеводе предписывалось пересмотреть «налицо» на смотре всех козловских черкас, их лошадей и оружие и сказать «что их пожаловали за их иноземство и бедность»[2]. Им напоминали необходимость иметь ружья и лошадей «доброе», строить дворы на вечное житье, не держать на продажу и для себя вина и табак, «ни к какому воровству не приставать». Жалованье воевода должен был выдавать только добрым черкасам. А тем, кто на вечное житье не устроились, пропивали деньги по кабакам, играли в зернь, незаконно держали корчму и табак никакого жалования не выдавать.

Российская власть не полностью доверяла черкасам. Неоднократно встречались случаи попыток побегов со службы. Менталитет вольной казачьей жизни сказывался на их отношениях к строгой государевой службе. Часть козловских черкас при Р. Ф. Боборыкине пыталась убежать в «литовскую» сторону, воевода их арестовал и посадил в тюрьму. У них не было жен и детей, поэтому воевода

[1] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы Поместного приказа. № 279. Л. 126-129, 167-170.

[2] Там же. Л. 167.

В. С. Волынский получил указ отослать 10 черкас подальше от границы в Переславль-Рязанский[1]. Остальных черкас предложили выпустить из тюрьмы и взять на поруки козловскими черкасами. В 1649 г. 10 черкас попытались в Великий пост бежать из Козлова в «литовскую землю»[2]. Все черкасы были воеводой арестованы и посажены в тюрьму, заодно со своими товарищами. Часть из них в челобитной в Разрядный приказ писала, что они не знали о замышлявшемся побеге и в заговоре не участвовали. Решение из Москвы последовало: беглецов отправить в Переславль-Рязанский, а оттуда сослать в «низовые города». А имевших семьи из тюрьмы выпустить, взять на поруки и оставить служить со своими «братьями» в Козлове.

В 1650 г. произошел конфликт между черкасами старого и нового выезду. Группа черкас во главе с атаманом Л. Степановым пожаловалась, что их притесняли черкасы старого выезда. Новых черкас прислали в Козлов в 1647 г. и устроили в Заворонежской слободе. Им предлагали отвести земельный надел по 20 десятин на человека рядом с наделами черкас старого заезда. Однако в 1648–1650 гг. черкасы старого выезду им пахать землю не давали, а предложили им распахивать за полем, где землями владели полковые и сторожевые казаки. Стольник и воевода Н. Л. Пушкин лично досматривал землю и признался, что без государева указа отмерить новую землю не может. Черкасы просили у государя разрешения пахать землю наравне со сторожильцами через межу.

В 1651 г. воевода И. В. Алферьев получил из Москвы указ о пожаловании 68 черкасам по 5 руб.[3] Из Москвы для этого козловский черкашенин Я. Аненков привез 335 руб. Воевода должен был пересмотреть черкас с ружьем и лошадьми, продолжить их использовать для отражения татарских набегов. Им рекомендовали пашню пахать и хлеб сеять, однако категорически запрещалось держать табак и вино на продажу и для себя, не «воровать» и ни к какому «воровству» не приставать. Выдать деньги только тем, кто этим не занимался.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 385. Л. 138-140.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Столбцы Поместного приказа. № 279. Л. 8.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 190. Л. 167-168.

Такая добавка к указу лишний раз подчеркивала недоверие властей к их поведению и службам.

В 1657 г. группа черкас пожаловалась на отсутствие у них пороха, что не позволяло полноценно нести службу. Местный воевода без государева указа не решился на выдачу боеприпасов. Челобитную козловских черкасов Разрядный приказ удовлетворил и приказал воеводе выдать каждому по фунту пороха и свинцу.

Поместными атаманами называли выходцев с Дона. Правительство разрешало им сохранять свое сотенное казачье устройство и традиции. Учитывая хорошую военную подготовку, власть расселила поместных атаманов вдоль укрепленной линии в качестве передовых форпостов против набегов татар. В 1638 г. бывшие донские казаки пожаловались в Разрядный приказ на невыплату им жалования, из-за чего часть казаков разбрелась из слободы. В 1638 г. в апреле в Козлов с подьячим О. Карповым из Разрядного приказа прислали денежную казну в 1495 руб. на жалование козловским детям боярским, поместным атаманам и Донской слободы казакам[1]. Власти быстро отреагировали на просчет и выслали недостающее жалование, дополнительно прислали 25 руб. шацким казакам, которых поселили в козловскую Донскую слободу.

Нормы наделения землей у поместных атаманов соответствовали детям боярским. В Хмелевой слободе Козловского уезда они получили по 20 четвертей пашни и сенокосных угодий и по 50 копен сена, а в Устенской и Борщевской 25-50 четвертей пашни и 50-100 копен сенокосных угодий.

В 1652 г. поместных атаманов в Козловском уезде насчитывалось уже 196 человек. Они получили при первых козловских воеводах всего 7500 четвертей земли и 5010 копен[2]. Размеры участков земли под усадьбы составляли 70 сажень в длину и 20 в ширину на одного человека, а выдали земельные наделы по нормам 50 четвертей земли. По дачам поместных атаманов Хмелевой слободы прошли поле-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 71; Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 270.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 237-238.

вые козловские укрепления и городки. Поэтому у поместных атаманов земли оказалось мало, они стали «бесхлебны и бедны», в отличие от своей «братии» из Устенской и Борщевой слобод. При воеводе В. С. Волынском в 1650 г. они ездили вместе с казаками и отмерили дикого поля в 624 четверти 100 новоприборным полковым бельским казакам. Границы владений атаманов и казаков закрепили столбами и гранями в писцовых книгах. По писцовым книгам князя Д. М. Несвицкого 1652 г. в Хмелевой слободе проживало 208 поместных атаманов. Они владели пашней общим объемом 344 четверти и диким полем в 2597 четвертей, а также сеном в 6250 копен. В Бельской полковой слободе находилось 60 дворов и 170 человек атаманов. Они получили участки под усадьбы 20 на 15 сажень. Воеводе из Разрядного приказа прислали распоряжение измерить все участки земель атаманов Хмелевой слободы и решить проблему наделения их землей по нормам.

Постоянным процессом перераспределения служеб на юге России приходилось заниматься местным воеводам. Козловский поместный атаман Л. Пышкин в 1679 г. подал челобитную в Разрядный приказ. В ней он просил освободить его от обязанности «подымать» своего племянника, который после выхода из плена служил под Ригой, где был ранен в левую ногу из пищали, что привело к увечью. В момент подачи челобитной у него дома находился лишь сын 12 лет. За ним имелись поместный оклад 50 четвертей и 3 руб. денежного жалования, а земельный надел в с. Борщевом Устенского стана остался от отца. Их было три сына у отца, поместного атамана П. Пышкина: Акинфей, Лев и Андрей. Акинфей с 1652 г. стал служить солдатскую службу и в 1655 г. в литовском походе умер. После смерти Акинфея два брата жили на наделе их отца вместе. У Льва имелся надел в третью часть от отцовского. В 1675 г. Льву предложили быть у племянника своего Исая «споможеньем», то есть помогать ему по хозяйству в отсутствие племянника. Л. Пышкин попал в турецкий плен, где находился 6 лет, после ранения в литовских землях остался хром и глух. Поэтому отказывался чинить «вспоможение» своему племяннику и предлагал вознести эту обязанность на своего брата Андрея.

Бывший поместный атаман старец Елфим служил в атаманах около 10 лет, однако по старости передал службу своему сыну. Богомолец просил разрешить ему уйти в Козловский Троицкий монастырь без вклада, так как он человек бедный и скитается «меж двор».

Во второй половине XVII в. все эти группы записали в новую рейтарскую службу, и категории поместных атаманов и черкас больше в источниках не упоминались.

Запорожские и яицкие казаки

В состав южно-русских гарнизонов записывались и выходцы с Запорожской сечи. В 1638 г. из Тамбова направил отписку воевода В. Ф. Янов, в которой уведомил о приезде на службу из Литвы 73 запорожских казаков[1]. Им предложили устроиться в Тамбове не с кормом, а с получением надела земли. Однако запорожские казаки отказывались от пашни и сенокосов и просили выдать им «корм». В своей челобитной на государево имя они отметили, что готовы служить, где укажет царь. Было предложено давать им государево жалование, поденный корм и кормовые деньги. За выход они получили: атаманы – по 7 руб., есаулы – 6 руб, рядовые – 5 руб., матерям и женам – 1,5 руб., детям старше 15 лет – 1 руб., а младше 15 лет – полтину. Земли им полагалось каждому по 30 десятин в поле, на семена 2 четверти ржи и 5 четвертей овса.

В составе переселенцев на юг России встречались яицкие казаки. В сентябре 1636 г. 7 яицких казаков П. Дорофеев с товарищами, переведенные в Козлов, попросили отпустить одного их представителя в Москву с целью разобраться в поручительстве[2]. Из Козлова весной этого же года в Москву бежал донской казак С. Иванов, которому они вступили поручителями. Их посланник должен был подать в Разрядный приказ челобитную с объяснением ситуации.

В 1637 г. яицкий казак А. А. Крюков подал челобитную в Разрядный приказ[3]. Он перечислял свою службу московскому царю.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 362, 365.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 59.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 279.

Первоначально в составе русского войска с начала осады и по конец под Смоленском. Затем находился на службе в Туле, откуда перешел на службу в новый город Козлов. Он построил двор с избой и клетью в с. Кочетовка, и в 1637 г. якобы был послан в Сапожок, где заболел. А. А. Крюков опасался после болезни возвращаться в Козлов. При проверке выяснилось, что он реально уехал без отпуска в Красную слободу Темниковского уезда, чтобы забрать с собой мать. Поэтому в описке из Разрядного приказа указывалось взять его по-прежнему в казачью службу.

В 1642 г. возникло дело о бегстве со службы в Козлове группы бывших яицких казаков, которые до этого были записаны на службу в Туле, а в 1636 г. переехали на постоянное место жительства в Козлов и поверстались в казачью службу[1]. Им выдали жалование 8 руб., на дворовое строение по 5 руб. и хлебное жалование 3 четверти ржи и 3 четверти овса на одного человека. Со своей службы в Козлове они сбежали и их объявили в розыск. Позднее эта категория вошла в состав полковых казаков и как самостоятельная профессиональная группа исчезла.

Драгуны

Род войск в русской армии, которых могли использовать как в конном, так и в пешем строю. Первая попытка формирования драгун относится к 1638 г., а в период с 1642 по 1648 г. русское правительство осуществило еще один набор в драгунскую службу. В это время помещичьих крестьян на юге России записали на военную службу. В Козловском уезде в их число попали бывшие крестьяне князя Д. М. Пожарского. Их переселили на новые места в села Казинка, Малый Хоботец, Стаева Поляна и Торбеево. Всего в 1652 г. на драгунской службе в Козловском уезде числилось 163 человека. Землю им давали из расчета 8 четвертей в поле пашенной земли и по 20 копен сенокосных угодий. Во второй половине XVII в. драгуны сохранили свое место в структуре уездных служилых людей.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 65-68.

Козловские драгуны несли службу по уезду, участвуя в походах и стоя на караулах по укреплениям. В частности, охраняли Торбеев перелаз. В 1651 г. драгунам приказали нести службу в Добром Городище и на Оскольском остроге, однако правительство не выдало шпаг 153 козловским драгунам. В Москву с челобитной поехал драгунский знаменщик О. Федоров с товарищами. Ему и приказали выдать 156 шпаг и привести их в Козлов на санях, где воевода стольник Н. Л. Пушкин должен был раздать драгунам[1].

Необходимость наделить пашнями в 1651 г. новоприборных служилых людей заставила воевод перераспределить старые земельные наделы. Козловский воевода И. В. Алферьев получил указ из Разрядного приказа об описании земель драгунского с. Торбеево в связи с реконструкцией укрепленной линии. Он обнаружил 191 десятину паханых земель и 185 десятин дикого поля[2]. По промерам от старых укреплений, сделанных еще при Р. Ф. Боборыкине, до села насчитывалось 300 сажень, а от них до новых надолоб вверх по р. Сестренке – 800 сажень. То есть в районе с. Торбеева имелся значительный запас свободных земель, годных для дальнейшего расселения новобранцев.

Воевода узнал, что часть земель напротив с. Торбеева через Польной Воронеж, как писалось в документах «с ногайской стороны», использовалась под пашню. Торбеевские драгуны признались, что у них другой земли нет и пахать больше им негде. Они ее распахивают из-за своей скудости[3]. Они получили землю с русской стороны реки, однако ее передали детям боярским из с. Лаврова. По челобитью 50 драгун из с. Торбеева им предлагали дать землю от поместной земли д. Кретининой, а 12 детей боярских испоместили землей с другими детьми боярскими из примерной земли.

Драгунам выделили землю за р. Лесным Воронежем. Поэтому воевода И. В. Алферьев предложил построить здесь крепости от р. Сестренки к р. Воронежу и до озер и лесов, поставить надолбы и острожки длиной 2050 сажень. Для этого он привлек 150 драгун

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 55-60.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 79-80.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 29-34.

из соседних сел, в задачу которых входил контроль за перекрытием Торбеева перелаза от прихода противника. Воевода писал, что отнять у драгун землю без указа он не смеет, а другой выдать не может из-за ее отсутствия. Разрядный приказ постановил делать здесь систему укреплений, наличие в этом месте воинских сил способствовало надежной обороне удобного брода через реку. И. В. Алферьев проверил пашни на «ногайской стороне» р. Лесной Воронеж напротив с. Торбеева. Всего он обнаружил сдесь земли под пашню 191 десятину, а за новой линией надолоб еще 185 десятин паханой земли[1], что позволило отмерить под пашню и дикого поля 254 десятины.

В 1654 г. козловский воевода П. М. Пушкин получил из Разрядного приказа грамоту, по которой ему приказывали в случае появления на черте большого количества татар идти в Белгород к воеводе боярину В. Б. Шереметеву вместе с козловскими, добринскими и сокольскими драгунами для обороны границы[2]. Скорее всего, этот поход не состоялся, так как большие группы татар на Белгород не напали. Но эта информация позволяет понять смысл создания рейтарских полков в южных уездах, которые должны были действовать не только на своем участке, но и при необходимости поступать в распоряжение главного воеводы Белгородского полка. Причем в задачу козловского воеводы входило сопровождение их до Белгорода.

Рейтарские полки

Начали формироваться в России по образцу западноевропейских конных полков[3]. Первый полк стали собирать в 1632 г. при подготовке к Смоленской войне. Традиционно в него включали драгунские роты. В 1651 г. царем Алексеем Михайловичем был учрежден Рейтарский приказ, к которому приписали новоизбранных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 79-80.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 153. Л. 203, 319-323.

[3] *Чернов А. В.* Вооруженые силы русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до военных реформ при Петре I). Краткий очерк. М., 1954. С. 219-223.

рейтаров. Их численность с 50-х годов XVII в. в русской армии значительно выросла. В Козловском уезде в состав рейтаров вписали большую часть детей боярских.

Приписка козловских рейтар, драгун и солдат к Белгородскому полку требовала периодического прибытия туда и участия в различных походах. Так, в 1658 г. козловский воевода В. Н. Лихарев должен был обеспечить посылку в Белгород козловских рейтаров, драгун и солдат. Для этого он приказал кричать бирючам в торговые дни государеву грамоту и послал посыльных в уезд. Приехавшие из Борецкого стана посыльные 18 апреля пожаловались, что служилые люди отказались идти в дальний поход на государеву службу, посыльных били и бранили «матерно»[1]. В это же время, 29 апреля, подали челобитную 150 детей боярских Козловского уезда с. Иловай. Шли они на государеву службу в Белгород из с. Иловай, а их жен и детей грабили по клетям, гумнам, по полям, лошадей, телеги и одежду отнимали местные служилые люди.

Наделение землей рейтаров шло по поместному праву в личную собственность. В Козловском уезде на эту службу записались в основном родственники детей боярских. Группа козловских рейтаров и ямщиков из 24 человек пожаловалась в 1671 г. на состояние их земельных дач[2]. Они получили в прежние годы при записи в рейтары из примерной земли наделы около Сторожевой слободы казаков и детей боярских. Однако если казакам и детям боярским выдали земли по 50 четвертей, то рейтарам – по 20 или 30 четвертей. Межевали им землю при воеводе А. У. Хрущове на р. Громушке в городском лесу. А на р. Громушке предложили поставить деревню. Недовольство рейтаров вызывала служба соседей и их детей по городовой службе, в то время как им приходилось нести свои обязанности в полках на дальних расстояниях.

Новый воевода Е. А. Пашков из той примерной земли не отвел рейтарам наделы «дружа и наровя» детям боярским и казакам Сторожевой слободы. Обвинения касались того, что сторожевые казаки

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 153. Л. 31-35.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 308-325.

ходили мерить поле веревкой сами, а не посланные стороннние люди. Рейтары жаловались на нехватку пашенной земли и просили выделить дополнительные участки из примерной земли. Рейтарам И. Ананьеву с товарищами 24 человекам предложили выдать примерной земли тем, у кого поместный оклад 120 четвертей – 30 четвертей, а у кого поместный оклад 100 четвертей – 20 четвертей. В 1673 г. воевода А. У. Хрущов отписался в Разрядный приказ, что он со многими людьми ездил и пашни и сенные покосы по писцовым книгам, кроме примерной земли, отмерил и в книги записал. В книгах за сторожевыми казаками и детьми боярскими числилось земли 1430 четвертей, сена – 2760 копен. В другом поле за р. Лесным Воронежем: 1524 четверти земли, сена 3380 копен. Всего в обоих полях вместе с церковной землей пашни 2954 четверти в поле, а сена 6140 копен. Таким образом, местные власти пытались разрулить этот конфликт спорных интересов.

Иноземцы офицеры, принятые на службу в русскую армию, часто страдали, не получая обещанного жалования от дьяков Иноземского приказа[1]. Московские чиновники испрашивали традиционные подношения за оказанные услуги. Усвоив хороший урок, многие иностранные офицеры, отправляясь на далекую границу, сами прибегали к требованиям взяток и использованию служилых людей в личных целях, что приводило к конфликтам в «полках нового строя». Полковник иноземец Ф. Вульф[2] был послан в Козлов в 1669 г. с целью подготовки похода с козловскими рейтарами в Белгород и Сумы[3]. Он должен был провести смотр рейтаров, отобрав тех, кто мог нести службу. Старых и увечных воинов предлагалось оставить в Козлове, а вместо них до государева указа запрещалось дополнительно набирать людей. Ф. Вульф доложил, что 29 августа 1669 г. он из Козлова пошел в поход с 709 рейтарами, а в Тамбове оставил старых и увечных 348 рейтаров.

---

[1] *Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века, правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 181-191.

[2] В разных документах фамилия полковника пишется двояко Фульф, Вульф или Ульф.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 230. Л. 17-19; Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 15-17, 22-23.

По его специальному списку в резерв записали рейтаров 790 человек из числа родственников служилых людей. Он отметил, что когда шел смотр служилых людей, то многие рейтары предложили вписать в них своих малолетних детей, выдавая их за взрослых мужиков.

В ответ на письма Ф. Вульфа в Москву поступила жалоба на его действия в Козлове: «И он Франц приехав в Козлов, не боясь бога, и твоего указу, раззорил нас до конца, чинил смотры безпрестанно и за нетчиков посылал своего полку начальных людей»[1]. Полковника обвиняли во взятках с нетчиков, что он требовал по 2-3 лисицы с человека, а с бедных – по одной, а с совсем бедных по одной лисице с трех человек. А при разборе рейтаров некоторых от рейтарской службы отставил, взяв с них денег 4-7 руб., «животину» или лошадь со двора забрал. Особо отличился в этих делах поручик Г. Жуков, которого обвинили во многих «посулах». Причем этого поручика за «воровство» сослали в Козлов на службу. Он в 1664 г., будучи послан в Старый Оскол, чинил там у служилых людей «многие раззорения».

Эту жалобу подали якобы от всего города с просьбой наказать за взятки Г. Жукова, а полковника Ф. Вульфа отправить из Козлова в Москву. Жалобы служилых людей подтвердил козловский таможенный и кабацкий откупщик Д. С. Попов. Он 21 августа 1669 г. в Москве сообщил о разорений Ф. Вульфом казловских рейтаров. Кроме уже перечисленных обвинений, он добавил мед и всякие съестные припасы в виде вина и масла, а также ремонт двора. Так, с К. Кузмина полковник взял 7 лисиц и 3 пуда меду. С одного из рейтаров взял лошадь по цене 30 руб. и отослал ее в Москву, а его назначил начальным человеком. Ф. Вульф потребовал отправить в самую стадную пору за своею женой в Москву 10 рейтаров в качестве провожатых до Козлова. Во время разбора рейтаров для похода с полком в Сумы он часть служилых людей отставил, а вместо них записал в разборные сказки жилецких людей. Его обвиняли в угрозе наказания батогами и запугивании служилых людей, которые хотели писать жалобы в Москву. Эти же обвинения подтвердил приехавший 20 августа1669 г. в Москву козловский сын боярский С. Фролов.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 20-26.

В 1669 г. козловского рейтара, поручика Г. Жукова обвинили в том, что он вместе с полковником рейтарского строя Ф. Вульфом брал посулы с рядовых рейтаров[1]. По приезду в Москву с росписями рейтаров его арестовали и приковали к стулу. При допросе отрицал взятки, но отмечал, что у полковника Ф. Вульфа он писал полковые письма. При обращении к нему рейтаров с просьбой о написании письма они давали за письмо в почесть по шесть и больше денег, которые он брал из-за своей скудости. О полковнике Ф. Вульфе он сказал, что с некоторых козловских рейтаров тот действительно брал рожь, овес, сено, деньги и лисиц. Причем он брал в «почесть», а не в «посулы», то есть якобы добровольно.

В июле 1669 г. Ф. Вульф написал челобитную в Разрядный приказ, будто козловский воевода А. Щепотьев не давал в его полк ружейного зелья и свинец в период угрозы татар[2]. Тамбовский воевода Я. Т. Хитрово прислал вести о возможности многочисленного прихода татар. В ответ козловский воевода пожаловался, что иноземец в «сплошное время» к нему в съезжую избу не приходил и никакого совета по возможному отражению татарской угрозы не давал, а в поход идти не готов. Он затребовал от козловского воеводы порох и свинец. В ответ тот писал, что в 1668 г. по указу князя Ю. Н. Борятинского он передал в полк Ф. Вульфа 20 пуд. зелья и 5 пуд. свинца. А тот обратно в Козлов эту государеву казну не вернул. Поэтому воевода предложил выдать рейтарам боеприпасы только на случай прихода татар, так как в самом Козлове их осталось немного. Только государев указ потребовал от Ф. Вульфа пойти с козловским воеводой на совет и вместе поговорить об отражении неприятеля. То есть между пришлыми иноземцами и местными воеводами не встречалось согласия, и каждый из них считал себя более самостоятельным в принятии решений.

Полковая служба с 60-х гг. XVII в. стала тяготить местных служилых людей, и они выискивали любую возможность уклониться от нее и вернуться к привычной службе по городу и полевым укреплениям, что позволяло им надолго не отрываться от своего хозяйства.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 413. Л. 374-375.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 221-228.

Поступило много жалоб от козловских рейтаров и солдат на их тяжелое экономическое положение. В 1666 г. козловский сын боярский рейтарского строя М. С. Выборнов вместе с братом Савелием подали челобитную[1]. Они более 10 лет несли рейтарскую службу по Белгородскому полку, участвуя в сражениях. У них дома оставался отец, служивший городовую козловскую службу. После смерти отца прошло уже 4 года, и вместо него службу выполнял Михаил. Когда из Белгорода приехал сыщик, то он потребовал выезда в белгородский полк. Однако тогда в доме некому было оставаться, что привело бы к голодной смерти жены и малолетних детей. Михаил просил отставить его от службы в Белгороде и закрепить за Козловом. Поход Белгородского полка на Украину и участие во многих сражениях привели к серьезному оскудению козловских черкас, участников этих походов[2]. Они просили вернуть их в службу в Козлов.

Подобная просьба поступила от стрелецкого сына И. Родионова, который с 1668 г. нес службу рейтаром в Белгородском полку. Его отец нес стрелецкую службу в Козлове и в сентябре 1669 г. умер. Заменить его на стрелецкой службе, кроме И. Родионова, в семье было некому. Поэтому тот и подал челобитную воеводе С. Хрущову с просьбой вернуть его с рейтарской службы в Козлов и записать в стрельцы[3]. Воевода переправил эту челобитную в Москву и, скорее всего, получил разрешение на возвращение в стрелецкую службу И. Родионова.

С такой же просьбой обратился козловец Ф. Субчев. В 1653 г. его записали в солдатскую службу в Белгородский полк[4]. Он служил на этой службе более 7 лет. В 1661 г. в районе Чудново на Украине его взяли в плен, где он пробыл в Крыму и на каторге 8 лет, откуда его выкупили. За это время умер его отец, а старший брат служил драгунскую службу. Поскольку они с братом жили в одном дворе, он просил перевести его в козловскую городовую службу. Разрядный приказ подтвердил правильность информации Ф. Субчева и грамо-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 193-194.

[2] Там же. Л. 248-252.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 44-45.

[4] Там же. Л. 65-70.

той от 21 февраля 1670 г. разрешил челобитчику служить городовую службу по Козлову. С подобной же просьбой обращался козловец рейтарской службы из с. Ламки Д. А. Симонов, который также попал в плен к черкасам. По возвращению из плена вернулся в Козлов, где остался одинок, так как его брат, служивший в детях боярских, умер. Поэтому Д. А. Симонов просил за свою службу и полонное терпение разрешить ему служить по Козлову в детях боярских[1].

В 1666 г. боярин и воевода Б. А. Репнин из Белгорода пожаловался на козловских нетчиков[2]. Не явились на службу 490 человек. В Козлов прибыли ротмистр Р. Каширянин вместе с поручиками и прапорщиками для поиска «нетчиков», и воевода И. А. Вельяминов должен был помочь им в поисках служилых людей, чтобы выслать их в Белгород. Однако в Козлове и уезде удалось отыскать таковых только 55 человек. Кроме того, воевода отыскал еще 159 человек, которые в разные годы уклонялись от службы в Белгородском полку в рейтарской, драгунской и солдатской службах. Всех этих людей воевода отправил с ротмистром Р. Каширяниным в Белгород. Остальные ратные люди ушли на государеву службу в Белгородский полк, часть из них оказалась убита или ранена.

И. А. Вельяминов отписал еще 4 февраля 1666 г. о посылке в Белгород 46 человек беглых козловских рейтаров[3]. Он их отправил в сопровождении провожатых поместных атаманов, а затем получил из Белгорода от боярина, воеводы Б. А. Репнина информацию о бегстве козловцев. К нему в Белгород приехал М. Бахолдин с товарищами и рассказал о непослушании козловских рейтаров, которые от Доброго Городища поворотились назад в Козлов.

Другую группу нетчиков – 26 беглых солдат – воевода выслал 15 февраля в сопровождении поручика И. Гридасова и прапорщика С. Беляева в Белгород. Через три дня И. Гридасов приехал в Козлов и рассказал воеводе, что в 20 верстах от города солдаты на службу не пошли и от него разбежались. В декабре 1666 г. из Белгорода

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393.. 115-118.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 107-119.

[3] Там же. Л. 167-171.

прибыла группа начальных людей с целью поиска беглых и их возврата в Белгородский полк. Они провели сыск беглых рейтаров и, обнаружив их, с ними пошли к себе в полк. По дороге большая часть рейтаров вновь разбежалась. Воевода жаловался, что без жесткого наказания беглецов и нетчиков он не сможет выполнить государево распоряжение о посылке их в Белгород. Он просил прислать специальный государев указ, разрешающий жесткое наказание беглецов.

Большинство родственников служилых людей Белгородского полка, как отметил козловский воевода, служили по козловским укреплениям, без крестьян и бобылей. Поэтому в поле работать некому, тем более что их жен и детей взяли в Козлов приставы, а дома опустели. Сами служилые люди бегали по полям и лесам, другие убегали по дороге и скрылись в разных городах и уездах или уходили на Дон и Хопер к казакам. Эта часть населения оказалась бедна и сама себя прокормить не могла. С учетом расстояния между Козловом и Белгородом в 500 верст, обнищания служилых людей, служба в Белгородском полку стала «не в мочь», чем и объяснялось массовое уклонение от службы.

В 1667 г. указом государя от 1 сентября царь пожаловал «от нашей всемирной радости» по поводу рождения сына Алексея Алексеевича наделить козловских рейтаров дополнительным поместным окладом в 50 четвертей и 5 руб. денежного жалования[1]. Часть из этих рейтаров получили ранения в ходе войны с поляками или были в плену и имели право на компенсацию.

В 1668 г. появилась целая серия челобитных о переводе в городовую службу по Козлову и Тамбову[2]. Сын боярский рейтарского строя С. Фирсов, ссылаясь на длительную полковую службу и плохое зрение, просил освободить его от белгородской посылки и вернуть в Тамбов. Группа рейтаров города Козлова попала в плен к казакам И. Е. Выговского, вернувшись обратно, они остались одинокими, так как их родственники попали в плен с бояриным В. Б. Шереметевым. Они также просили вернуть их обратно в козловскую полковую службу.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 102-112.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 45-46.

Рейтары Козловского уезда М. Долгов с товарищами пожаловались в 1678 г. на отсутствие у них поместного оклада и денежного жалования[1]. Это было связано с участием их в Чигиринских походах. 27 декабря 1678 г. появился царский указ о жаловании поместного оклада в 100 четвертей и денежного по 4 руб. человеку по Козловскому уезду. По смотренному списку окольничего и воеводы Г. Г. Ромодановского за 1663 г. челобитчики участвовали в боях, когда разгрому подвергся лагерь Ю. Хмельницкого, они же фигурировали в списке 1676–1677 гг. Поэтому за участие в Чигиринском походе козловским рейтарам положили поместного жалования 50 четвертей и денег по 2-3 руб.[2]

Внутрисемейные конфликты по владению поместьем встречались в среде рейтаров достаточно часто в 70–80-х гг. XVII в. Это объяснялось приходом к службе следующего поколения рейтаров и ограниченными земельными ресурсами. В 1678 г. подали челобитную козловские дети боярские С. и И. Крюковы[3]. Сидора за раны и увечья отставили от полковой службы и перевели в городовую солдатскую службу, а Илья оставался в своей прежней службе. У них вместе с братом Игнатом в с. Сысоево находилось общее поместье в 60 четвертей. Игнат умер в 1676 г. С этого поместья записали в рейтары его сына Т. И. Крюкова, который вместе со своими братьями Иваном и Афонасием у своих дядей поместье стали отбирать, называя эту землю наследством Игната, и пашни пахать не давали. Писцовые книги воеводы С. Биркина зарегистрировали поместье за всеми тремя братьями: под двор участок 70 на 20 сажень, пашни доброй земли – 7 четвертей, а дикого поля – 32 четверти. Они же получили к старому своему поместью дикого поля и примерной земли 20 четвертей. Всего за ними числилось 60 четвертей земли, сена вдоль рек Верда и Олешня 120 копен. Для дровяного дела братьям разрешалось вместе со своими односельчанами ездить в Борецкий лес.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 33-35.

[2] Там же. Л. 37-44.

[3] Там же. Л. 66-85,103-115.

По разбору 1661 г. решение спорного вопроса в Разрядном приказе завизировали дьяки. Весь жеребий разделили на равные три доли: двум братьям и их племяннику. То есть каждый из них получал по 20 четвертей, а сенные покосы также делились на три равные доли. Братья продолжали служить с земли поместную городовую службу, а помянник – рейтарскую. По государеву указу в Разряде от 19 июня 1678 г. двум братьям учинили поместного жалования по 70 четвертей и денежного содержания по 3 руб. Решение Разрядного приказа выполнил воевода С. И. Колтовский.

Однако племянники не согласились с таким решением. Они выяснили, что их дядя утаил наличие у него верстанья по Козлову с окладом 5 руб. и наличие земляной дачи в 50 четвертей и просили оставить жеребей их отца за ними. При проверке челобитной воевода С. Колтовский выяснил, что за С. Крюковым действительно числилось поместье в с. Сысоевском, которое он сдал козловцу И. Горохову. Чем закончилось это спорное дело – неизвестно.

Таких запутанных дел встречалось достаточно много. За участие в Чигиринских походах многие козловские рейтары просили поверстать их поместным окладом и денежным жалованием. Так, Г. О. Кончаков служил рейтарскую службу и участвовал во многих боях. Ему пожаловали поместный оклад в 100 четвертей и 4 руб. денежного жалования[1]. По такой же челобитной рейтар Ф. Я. Сафонов получил оклад в 100 четвертей и 4 руб. жалования, как и многие его товарищи.

В 1679 г. козловец сын боярский с. Стежки Челнавского стана Г. М. Смагин подал челобитную на своего соседа сына боярского Н. И. Копылова[2]. Г. Смагин владел поместьем в 20 четвертей земли и 40 копен сена за городовую службу, которую нес с 1668 и по 1679 г. С 1671 г. «насильством и озорничеством» той землей завладел его сосед. Несмотря на подачу челобитной воеводе о суде, вопрос о наделе так и не был решен. Из Разрядного приказа пришло требование воеводе провести суд по Соборному уложению.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 62-65, 94-95.

[2] Там же. Л. 194-197.

Встречались случаи наличия поместной земли, но отсутствия выписки на нее. В 1679 г. дети боярские с. Ламки Челнавского стана Козловского уезда пожаловались, что у них нет выписок на землю из писцовых книг 1650–51 гг. писца князя Д. Несвицкого[1]. Они просили им такие выписки сделать. Разрядный приказ проверил писцовые книги и выяснил, что детям боярским с. Ламки на 32 двора, 15 дворовых мест, на 154 сына боярского и 2 дворов бобыльских выделено под пашню всего 170, а дикого поля 1460 четвертей земли, сена 3280 копен. Сверх дач примерной земли насчитывалось 1900 четвертей. Именно на основании этих сведений козловцам детям боярским выписки и выдали.

Имели место получение вымороченных поместий лиц, по какой-то причине прекративших свою службу. Например, в 1679 г. козловец С. З. Воронков подал челобитную воеводе с просьбой передать ему поместье козловца К. Серова в с. Борец после его смерти[2]. У последнего остались жена и внуки, а записать в службу оказалось некого, так как один из внуков умер, а другой оказался уже испомещен землей и окладом. Однако воевода отдал это поместье козловцу И. Ф. Арзамасцеву, который справил поместье впридачу к уже имеющемуся. Сам С. З. Воронков служил рейтарскую службу в полку Г. Г. Ромодановского, а затем перешел в копейщики. Ему установили оклад в 200 четвертей и денежное жалование 6 руб. Из Разряда пришла грамота, подтверждающая право на передачу поместья.

Таким образом, рейтарская служба в обоих тамбовских уездах носила напряженный характер и требовала в 60-70-е гг. XVII в. постоянных отлучек в Белгород и участия в военных кампаниях, что приводило большинство служилых людей к разорению или серьезным экономическим проблемам. Поэтому наблюдались попытки перехода в городовую или полковую службу.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 198-206.

[2] Там же. Л. 251.

Солдаты

Формирование первых солдатских полков, как и драгунских, пришлось на 1630 г. в связи с началом войны за Смоленск. Они показали хорошую выучку и военную подготовку, и правительство Алексея Михайловича во время русско-польской войны 1654–1667 гг. вновь вернулось к практике набора в солдаты[1]. Для привлечения в новую службу добровольцев им предоставили ряд льгот: наделение, как помещиков, землею в личную собственность и денежное «городовое» жалованье.

Родственников козловских детей боярских и казаков при формировании Белгородского солдатского полка в 1654 г. записали в солдаты[2]. Однако они не получили земельного надела и фактически служили с земли своих отцов. Их посылали в Белгород на службу вместе с рейтарами. Постоянная походная служба тяготила козловских солдат, и они стремились вернуться в службу своих отцов по уезду. Например, в 1657 г. они подали ряд челобитных, ссылаясь на смерть своих родителей, с просьбой поверстать их отцовскими земельными наделами и службой в детях боярских[3]. Они служили в полку боярина В. Б. Шереметева, а затем в полку боярина В. В. Бутурлина, участвуя во многих походах и сражениях. Смерть или старость их отцов позволила им вернуть родительские наделы, но сохранила за ними статус солдат. Все челобитные написаны как под копирку, то есть это было коллективное решения десятков козловских солдат разных сел уезда, однако правительство не позволило им уйти из Белгородского полка.

Принципы формирования солдатских полков можно рассмотреть на примере Тамбовского полка. Указ о его создании воеводы

---

[1] *Малов А. В.* Основные проблемы строительства вооруженных сил России 1613–1689 гг. М., 2023.

[2] *Бабулин И. Б.* Полки солдатского строя Белгородского разряда в начальный периорд своей истории (1653–1671 гг.) // Белгородская черта. № 7. 2022. С. 3-10.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 354. Значительная часть дела посвящена челобитным козловцам – солдатам Белгородского полка.

получили 24 марта 1659 г.[1] Штатный состав полка определялся в 1600 человек. Набирать в солдаты рекомендовалось «с тамбовцев служилых и жилецких со всяких чинов людей и с крестьян детей и братьев их, и племянников, и зятьев их, и внучат, и захребетников» некоторых сел Верхоценской волости и Шацкого уезда[2]. Принцип набора на службу состоял из следующего расклада: одного из трех человек, а из четырех – двух записать в солдаты. Семьи с одним или двумя мальчиками избавлялись от солдатской службы, чтобы не сокращать работников на пашне и сохранить размеры податей в казну. А там, где имелись большие семьи, выбирали «по рассмотрению». От воевод требовалось избежать утайки родственников. Для учения солдатскому строю в Тамбов посылались два майора – И. Хомяков и П. Чириков, а также капитаны, порутчики и прапорщики. Их направлял Разрядный приказ.

Солдаты полностью вооружались за казенный счет[3]. В 1659 г. Разрядный приказ прислал в Тамбов 1443 мушкета, 1600 лядунок[4], ружейные фитили, пики железные, бандельеры[5], знамена и барабаны[6]. В 1668 г. из Разрядного приказа для тамбовских солдат поступило 1118 руб. 13 алтын и 8 денег на пошив 592 кафтанов. Воеводы отчитались 15 сентября 1659 г. о полном сборе солдат и начале их военной подготовки. Следующий тамбовский воевода А. И. Головин 13 декабря 1660 г. доложил о состоянии Тамбовского солдатского полка. В нем насчитывалось командного состава 2 майора, 4 капитана,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 311. Л. 260, 318-319, 327-331.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 117.

[3] *Курбатов О. А.* Вооружение и снаряжение драгун и прочих ратных людей в первые годы существования Белгородской черты // Белгородская черта. № 3. 2022. С. 56-65.

[4] Ляду́нка – специальная коробка или сумка, предназначенная для хранения боевых припасов.

[5] Бандольер, или бандельер (по-русски – берендейка), – специальная кожаная сумка для оружия и боеприпасов, которую носили на ремне через плечо.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 263-265; Столбцы Белгородского стола. № 459. Л. 113.

3 поручика, 5 прапорщиков и 1000 солдат. Их выслали в Белгород со стольником и воеводой И. П. Лихаревым. В нетчиках оказалось 265 человек. Воевода отмечал, что не имеет информацию, сколько солдат погибло в походе.

В Тамбове из начальных людей у солдат находился полуполковник Е. Тяпкин. Ему полагалось государева кормового жалования 12 руб. 25 алт. в месяц, или 153 руб. в год. Капитаны получали по 11 руб., конского корму с 1 ноября по 1 мая трем человекам на 6 лошадей по 20 алт. на одну лошадь в месяц. Прапорщикам выдавали по 3 руб. в месяц. Из общего расчета выходило, что на всех начальных людей в Тамбовском полку в год тратилось 585 руб. и на конский корм – 21 руб. 20 алт.[1]

Первоначально правительство рассчитывало ограничить социальную базу комплектования Тамбовского солдатского полка служилыми людьми уезда по разнарядке. Однако уже 4 июля 1659 г. тамбовские воеводы В. Н. Лихарев и И. А. Полев докладывали о записи в полк 1265 человек, что показало высокую заинтересованность многих молодых людей Тамбовского уезда в солдатской службе. В дальнейшем их ряды пополнились выходцами из дворцовых крестьян. С этой целью в 1661 г. создавались специальные списки. Причем в солдаты попали крестьяне Тамбовской Верхоценской волости и Шацкого уезда из сел Темниково, Чернитово, Сюпы и Шаморги. О наличии среди тамбовских солдат беглых крепостных крестьян рассказывают материалы сыска беглых. В октябре 1664 г. тамбовский воевода И. П. Акинфов писал в Разрядный приказ, что в Тамбов «по татарским вестям» не прибыли 2 сержанта и 116 солдат, которые боялись сыщика Ф. Плещеева[2]. Беглые крестьяне могли записаться в служилое сословие путем женитьбы или устройства в качестве захребетника или подсоседника.

В смотренном списке тамбовских солдат 1662 г. указаны места их проживания[3]. Они обитали у своих родственников: отцов

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 311. Л. 330-331.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 559. Л. 125-128.

[3] РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Кн. № 10. Л. 1-238.

и братьев, в меньшей степени у тестев или шуринов в Беломестной, Пушкарской и Пяшкильской слободах г. Тамбова, селах Куксово, Бойкино, Татаново, Черленово, Погановка, Горелое, Сосновка, Пиркино, Семикино, Серкино, Лысых Горах и других поселениях. Всего насчитывалось 39 слобод, сел и деревень, где числилось 458 солдат. Набирали из лиц, поспевших в службу после 15 лет. Как видно из документов, основная запись в солдаты проходила из служилых сел во время казачьего смотра. Определенная часть солдат записалась из сел и деревень дворцовых крестьян. Из ряда сел в службу записались буквально несколько человек. Так, из с. Темяшево и Бойкино по 4, из Пушкарской слободы – 2 человека. Из некоторых служилых сел и Верхоценской волости число призывников оказывалось гораздо большим: из Красного городка на Лысых Горах – 19, Вановье – 18, Сосновки и Давыдово по 20 человек в каждом, Мутасьева – 22, Пеньки – 25, Питерского десятка – 41, Сокольников – 40, Черкино – 35 человек.

В некоторых случаях лица, записавшиеся в солдаты и драгуны, пытались найти себе замену в лице своих родственников или «наймитов». В сентябре 1659 г. сыщик И. Я. Ильин проводил сыск беглых служилых людей, не пошедших на службу в Белгородский полк. В ряде сел Козловского уезда таковых не оказалось, а в с. Вешневое обнаружил несколько человек[1]. Вместо них несли в Брянске службу другие люди. В Козлове полковой казак И. Замораев на съезжем дворе признался, что его отец, записанный в солдатскую службу, умер три года тому назад. И он несет казачью службу в Козлове 9 лет.

Командный состав солдатского полка формировался из иностранцев, дворян московских чинов и частично из местных детей боярских. В 1664 г. в документах о Тамбовском полку упоминаются 3 майора, 4 капитана и 5 поручиков. За время службы на границе они получали денежное жалованье в размере 12 руб. 25 алтын в месяц – полуполковник, 11 руб. – капитан, 3 руб. – прапорщик и дополнительно деньги на корм лошадям. Среди начальных людей царили казнокрадство, грубые нарушения служебных обязанностей,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 559. Л. 2-30.

вымогательство. Так, в 1660 г. тамбовские солдаты жаловались на майоров П. Т. Чирикова и И. С. Хомякова из-за постоянных поборов деньгами и продуктами, просили Разрядный приказ их сменить. В условиях многочисленных злоупотреблений властью местной администрацией всех уровней подобные жалобы, как правило, оставались без ответа.

В 1666 г. был проведен сыск в Тамбове о злоупотреблениях солдатского строя полуполковника Е. Тяпкина. В результате сыска подробно описали занятия, которые выполняли солдаты и начальный состав во время службы[1]. В 1654 г. они находились в походе в литовских городах, после чего вернулись в Тамбов на свою прежнюю службу. Их использовали по прямому назначению как служилых людей, а также для контроля за деятельностью государственных структур, поиска беглых, на ремонте укреплений. Офицерский состав солдатского полка служил в Тамбове определенное время, а затем возвращался в Москву.

Описывая службы Е. Тяпкина в Козлове, в документе указывалось его жалованье[2]. Е. Тяпкин с 1 апреля по сентябрь 1663 г. получал кормовые 20 руб. 25 алтын на месяц. Вместе с ним в Тамбове несли службу капитан Ф. Остроухов, поручик В. Макиновский, прапорщик Л. Остроухов. С 15 июня 1663 г. по 1 марта 1664 г. по уточненным данным Е. Тяпкин получал по 6 руб. 12 алтын 3 деньги в месяц. Капитан Ф. Остроухов – 5,5 руб., а на зимние шесть месяцев по 10 алтын для приобретения кормов на одну лошадь.

С 25 ноября 1663 г. в Тамбов посылался капитан солдатского строя А. Ряшнев. Ему с 15 июня 1663 г. по март 1664 г. полагалось кормовых денег по 4 руб, а с 1 ноября по 1 марта – по 5 руб. на месяц, на конский корм – на 6 месяцев по 10 алтын на лошадь. Поручик

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 569. Л. 1-216.

[2] Е. Тяпкин до этого служил русскому царю в Вильно 8 лет, в тех же годах сидел 1,5 года в осаде. Его и воеводу Данилу Мышецкого арестовали изменники солдаты и выдали полякам. Воеводу казнили, а его только приводили к плахе. Затем он находился в плену 7 месяцев в Варшаве. Его имущество подверглось ограблению поляками и литовцами. За это полонное страдание его и послали в Тамбов.

В. Макиновский получил по 4 руб. на месяц, а зимнего корму на лошадь по 10 алтын. Прапорщик Л. Остроухов получил по 1,5 руб. на месяц. С 1 марта по сентябрь 1664 г. Е. Тяпкину выдали по 4 руб. 4 алтына с 1 деньгою, капитанам Ф. Остроухову и А. Ряшневу, поручику В. Макиновскому – по 5,5 руб. в месяц да конского корма на два месяца по 10 алтын на одну лошадь. Прапорщику Л. Остроухову выдали 1,5 руб. в месяц. В период с 1 сентября 1664 г. по 1 сентября 1665 г. полуполковник Е. Тяпкин получил 6 руб. 12 алтын 4 деньги, остальные офицеры – по 5,5 руб. в месяц, а прапорщик – 1,5 руб. Таким образом, нахождение офицеров на южной окраине государства обходилось казне в круглую сумму.

Сыск по поводу злоупотреблений начальных людей тамбовского солдатского полка проводил воевода И. П. Акинфов. Опрос солдат роты полуполковника Е. Тяпкина из 124 человек показал, что командир учил их солдатскому делу, взяток и налоги с них насильно не брал[1]. Они косили сено 100 копен и заготавливали дрова на лошадях полуполковника. Пасли три недели корову и три овцы, вспахали один загон пашни и вывозили навоз от лошадей командира в «честь» из-за отсутствия у него денщиков. За это он «бивал им челом», поил вином и кормил.

Сам полуполковник Е. Тяпкин подтвердил речи его подчиненных, отметив, что у него отсутствовали денщики. Все солдаты делали «в честь», а продукты возили, и дрова заготавливали, и пахали на его лошадях. Солдаты роты иноземца Ф. Остроухова в количестве 34 человек пожаловались, что в 1663 г. командир заставил косить на него сено в 100 копен и на его лошадях свозить ему на двор, вспахать 4 загона пашни, засеяв один загон рожью, а 3 – яровым хлебом. Они собрали с тех полей 20 копен овса, 5 копен ячменя, 5 копен проса, 10 телег гречихи. Весь хлеб тут же перемололи. Одновременно рубили и возили Ф. Остроухову бревна и из них перестроили двор,

[1] В опросе принимали участие солдаты сел Бойкино, Татаново, Куксово, Горелое, Черленово, Черкино, Семикино, Морши, Сосновки, Алгасово, Давыдово, Вановье, Ракша, Темяшево, Новоселок, Стрелецкой и Пушкарской слобод. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 569. Л. 17-18.

заменив тын и избу, новую конюшню со стойлом, надрали в лесу дранниц и лубья для дома.

В 1665 г. всей ротой скосили и сгребли 120 копен сена и перевезли к нему на его лошадях, вспахали 4 загона земли и посеяли яровым хлебом, из которого получилось 9 копен овса, 5 копен ячменя, 12 телег гречихи. Они же под озимые вспахали 3 загона пашни и засеяли их рожью, а в 1666 г. вспахали под яровой хлеб пашню и посадили просо. Все годы пребывания Ф. Остроухова в Тамбове солдаты его роты заготавливали ему дрова по 20 возов и перевозили на его лошадях к нему на двор. Солдаты ухаживали за его лошадьми, чистили конюшню, сажали на огороде овощи, пололи и поливали их. В 1664 г. они всей ротой собрали и передали командиру по четверику ржи и овса с человека. С пяти человек по четверику пшена. Выяснилось, что капитан отпускал некоторых солдат домой за «посулы». В 1664 г. он отпустил в мае месяце солдата К. Панкова на неделю за овцу, а в 1665 г. еще одного солдата, также на неделю за овцу, а солдат Т. Мартынова и С. Яковлева отпустил на три недели за поставку вина и помол четверика пшеницы. Е. Григорьева послал в лес для поимки ястребов. За то, что тот птиц не поймал, он посадил его под караул. Солдату пришлось откупаться куницей. Ряд солдат отпускал за привоз крупы, пшеницы, овса или вина, перемолку зерна на крупу. Фактически вся его рота расплачивалась со своим командиром какими-то услугами. Солдат Г. Михайлов, кроме того, смолол капитану зерно, топил ему баню, грел воду, снимал сапоги, а пьяный Феофан бил его по щекам.

У капитана А. Ряшенцева в роте насчитывалось 35 человек, которых он научил солдатскому строю. Он также заставлял своих подчиненных косить сено, пахать пашню, сеять и жать хлеб, заготавливать в лесу 200 штук теса для тына и тем тесом огораживать двор. На дворе солдаты переставили ему клеть и баню, установили коровник, сделали погреб, надрали 300 дранниц и 30 лубков для дома, заготавливали дрова. Они стерегли его 5 лошадей, 2 коровы, телку, чистили двор и конюшню, сажали и поливали на огороде овощи. Исходя из этих примеров, видно, что командный состав Тамбовско-

го полка в значительной мере использовал солад для своего личного обогащения.

Командный состав и рядовые тамбовского полка принимали участие в походах на Хопер и Медведицу. В 1665 г. Ф. Остроухов послал тамбовских солдат и полковых казаков в качестве провожатых в стан на Хопер сопровождать стряпчего Н. Тараканова. В 1663 г. полуполковник Е. Тяпкин был послан в Тамбовский уезд для сбора медных денег с таможен и кабака, переписки кабацкого питья и «заводов». А в 1664 г. его же отправили воеводой в Тамбовский уезд в казачьи села для переписи казачьих детей. В 1665 г. он ездил в Тамбовский уезд в с. Ивенье для контроля над строительством здесь винокурни, погребов и житниц.

В 1664 г. капитан Ф. Остроухов послал провожатых в с. Доброе Городище и Сокольники вместе с сыщиком А. Еропкиным для поиска беглых крестьян. С ним же в этом году послали капитана А. Ивашова в Тамбовский уезд в служилые села для высылки рейтаров на службу в Москву, а также в поместья тамбовских детей боярских для переписи беглых крестьян и бобылей. Солдаты сопровождали в сентябре 1664 г. муку до Воронежа, а другие – выборных целовальников с государевыми денежными оброками и столовыми запасами в Москву. В 1665 г. солдат послали в Тамбовский уезд для погрузки вина на суда и отправки его в Москву. В этом же году солдат направили на Тамбовский вал в район Погорелова прясла для осланивания новыми бревнами. Таким образом, солдат использовали не только по прямому военному назначению, но и как рабочую силу и вспомогательный состав для решения различных организационных и хозяйственных вопросов.

Тамбовских солдат приписали к Белгородскому полку и по «вестям» их отправляли к месту несения основной службы. Часто в документах упоминались случаи бегства солдат из Тамбова и Белгорода, что отражало общую тенденцию нежелания местного населения участвовать в длительных дальних походах руской армии. В Тамбовском уезде такие традиции не сложились, местные служилые люди остались привязанными к своей земле и не горели желанием надолго уходить

в походы. Например, 17 октября 1659 г. начальные люди тамбовского солдатского полка майоры И. С. Хомяков, П. Т. Чириков с товарищами сообщили о бегстве солдат с государевой службы в свои вотчины[1]. В ответ новоприписные солдаты из Верхоценской волости подали встречную жалобу на своих командиров майоров и капитанов И. С. Хомякова, П. Т. Чурикова и их товарищей на отсутствие продовольственных запасов, которыми их не снабдили. Чтобы не помереть в Тамбове голодной смертью, они якобы уехали к своим родителям и родственникам в волость. Жаловались на поборы командиров вином, медом, хлебом, деньгами и «всякими запасами». Отказывающихся выдавать посулы командирам наказывали батогами и ослопьем, сняв рубаху, заставляли выполнять различные работы на майоров и капитанов. Солдаты просили заменить им командиров на других. В ответ на эту жалобу и местническое дело в Тамбов послали воеводу И. Д. Пожарского, который разбирал конфликт солдат с их командирами. Результатом этого расследования стала смена воевод в Тамбове.

Дисциплина солдатских полков мало чем отличалась от казаков и стрельцов. Часть из них предпочитали не ходить в походы, ссылаясь на здровье, другая часть могла сбежать со службы. В 1660 г. 463 тамбовских солдата вместе с воеводой В. Н. Лихаревым отправились на Украину[2]. Их маршрут шел через Белгород в Суммы, Нежин и Гомель. 30 ноября 1660 г., получив жалование и кормовые деньги, они сбежали с дороги. Тамбовский воевода А. И. Головин получил распоряжение провести сыск в Тамбовском уезде и вернуть их обратно в Белгород. При этом пять-шесть «пущих заводчиков» надо было в назидание другим наказать, выдать жалование и отправить всех вновь в распоряжение воеводы Г. Г. Ромодановского. А. И. Головин частично выполнил требование Москвы, обнаружил беглецов и, наказав их, выдал кормовые деньги на проезд из расчета 10 дней, отправил в Белгород на службу. Москва высказала неудовольство, что удалось за три недели обнаружить только 56 беглецов. Было приказано продолжить сыск и вернуть всех беглецов на службу.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 24, 42.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 214. Л. 131-132.

Так, в 1662 г. тамбовскому воеводе А. И. Головину пришла грамота из Разрядного приказа о поисках беглых тамбовских солдат из Белгородского полка[1]. Воеводе поручалось сыскать в Тамбовском уезде беглых солдат и за «поруками» отправить обратно на службу. Воевода доложил, что обнаружил в городе и уезде 340 беглецов и выслал обратно 325 человек в Белгород на службу в сопровождении детей боярских.

В 1664 г. во время массового сыска беглых в Тамбовском уезде стольник и воевода А. П. Еропкин обнаружил 29 беглых козловских драгун и солдат Белгородского полка[2]. Они бежали со службы, скорее всего, опасаясь возвращения к своим прежним владельцам, так как являлись выходцами из категории владельческих крестьян. Их вновь выслали на службу в Белгородский полк к воеводе Г. Г. Ромодановскому. В списках лиц, отосланных в Белгород, присутствует дата записи в солдаты. Это был 1652 г. Бегство из полка состоялось в промежуток с 1658 по 1661 г. Бежали из Белгорода, Яблонова, Белой Церкви, Каменца, с р. Десны и со своих поселений. Беглецы скрывались в городовых слободах Тамбова: Стрелецкой, Полковой, а также в Татаново, Лысых Горах, с. Черленом, Русской, Серкине и других. Интересно, что солдаты предпочитали бежать в поселения служилых людей, а драгуны – к дворцовым крестьянам.

В 1653 г. в Белгородский полк записали 2275 козловских солдат, а по разбору 1658 г. их насчитывалось 1946 человек, так как часть из них погибла в сражениях или попала в плен[3]. В 1669 г., кроме проблем с козловскими рейтарами, у козловского воеводы возникли сложности и с козловскими солдатами Усердского полка[4]. В Козлов от боярина Г. Г. Ромодановского 29 августа приехал поручик С. Гридасов с целью сыска козловских солдат и их отправки в Белгород. Воевода отыскал по 17 августа 73 беглых солдат и драгун и передал их сыщику. Козловских солдат 17 сентября С. И. Хрущов отправил

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 218. Л. 114-115.

[2] РГАДА. Ф. 210. Книги разных городов. № 68. Л. 67-673.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 921. Л. 517.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 30-43.

на службу с поручиком С. Гридасовым и десятью сопровождающими. Воевода отметил скудость и бедность солдат и попросил выдать им в Белгороде жалование на прокорм. Уже 12 октября Г. Г. Ромодановский прислал из Белгорода в Козлов письмо с информацией, что козловцы по дороге сбежали и в полк приехал только один человек. С. И. Хрущов получил задание разыскать беглецов и вновь вернуть их на службу. Он послал служилых людей в уезд с приказом сыскать беглых, а в случае их отсутствия в домах, взять в заложники родственников, жен и детей и привезти в Козлов. Посыльные разыскали только 5 человек солдат и 11 рейтаров. Вместо беглецов привезли в Козлов их жен, детей, отцов и братьев, которые с ними жили в одном дворе. Таких людей набралось 42 человека. Их посадил под караул «за приставы». Выяснилось, что часть солдат сбежали из Козловского уезда вместе с женами и детьми. Козловский воевода 3 ноября с провожатыми отправил в Белгород сысканных солдат, а по поводу арестованных жен и детей попросил прислать государеву грамоту.

Участие козловцев в Чигиринских сражениях потребовало усилить экономическую обеспеченность служилых людей. Так, сын боярский, сержант солдатского строя М. С. Тропов под Чигирином был ранен из пищали в обе ноги, а по возвращении обратно оказался не верстанным поместным окладом и денежным жалованием[1]. Ему пожаловали оклад 150 четвертей земли и 6 руб. денежного жалования.

Вооружение солдат можно проследить по документам периода существования Тамбовского разряда. В 1681 г. солдатам полка Тамбовского разряда Б. П. Шереметева указано было служить по росписи двоим с пищалью, а третьему с пикой[2]. То есть каждый третий солдат являлся пикинером для защиты своих товарищей от возможной атаки конницы. Для реализации этой задачи требовалось прислать из Рейтарского приказа зелья пищального 1275 пуд. 29 гривенок, пушечного 1059 пуд. 33 гривенки и свинец на пули (см. Приложение, табл. 2).

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 61-62.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1000. Л. 217.

Солдаты выборных полков

В Тамбовском уезде существовала еще одна группа солдат. В начале русско-польской войны за Украину русское правительство сформировало два выборных московских полка – прообраз будущих гвардейских полков. В них также принимали родственников служилых людей и крестьян. В выборный полк генерала А. Шепелева попали жители Тамбовского уезда. Полк формировался в 1656/57 гг. и был набран из 91 места и 44 уездов[1]. В основном представители южных и юго-восточных земель, расположенных по границе. В 1656 г. по специальной разнарядке 600 тамбовцев послали в Москву для записи в солдаты. Во время военных действий они находились на полном содержании государства, а в мирное время вернулись на прежнее место жительства. Эта категория служилых людей сохранялась в уезде вплоть до начала XVIII в.: в 1678 г. – 539 вместе с родственниками, а в 1704 г. – 215 человек.

Каков был социальный статус солдат на юге России? Юридически они считались помещиками с правом личного верстания землей. Однако в реальной жизни это сделать оказалось сложно. Сказалась нехватка земляных наделов, слабая материальная база новых «помещиков». Поэтому многие солдаты продолжали жить в прежних домах вместе со своими родственниками. В Верхоценской волости таких солдат оказалось 22 человека из 225. Остальные поселились отдельными дворами среди поселений дворцовых крестьян или мелких служилых людей. Нормы земельных солдатских наделов составляли 25 четвертей пашни и 50 копен сенокосных угодий. Только к концу столетия сложились в Тамбовском уезде отдельные солдатские села: Дубки, Никольское, Дальняя Липовица.

Иная ситуация наблюдалась у солдат московского выборного полка. К 1678 г. 80 процентов их тамбовских сослуживцев еще жили в домах вместе со своими родственниками, а земледельческие общины возникли в селах Новая Грязновка, Черленое и Духовка. В 1704 г.

[1] *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 198-203.

к ним добавилось с. Пахотный Угол. В 1686 г. 180 солдат выборного московского полка полуполковника С. Тоболевского попросили наделить их землей за тамбовскими валовыми крепостями[1]. На имя тамбовского воеводы А. Лутохина пришла государева грамота из приказа Большого Дворца о выделении такой земли и составлении отказных книг. Им разрешалось ездить на эти пахотные земли наездом, но жить по-прежнему в тех селах, откуда они были призваны. Тем солдатам, у которых не имелось своих усадеб, воеводе поручили выделить усадебные места по Польной и Лесной Липовице.

Таким образом, возникшие на рубеже 50–60-х гг. XVII в. на юге Русского государства солдатские полки стали важной составной частью русских вооруженных сил. Их численность во второй половине века колебалась в пределах 1450-1500 человек на полк (Козловский и Тамбовский полки). Они продолжали выполнять службу по охране укреплений черты, активно участвовали во многих военных кампаниях русской армии. Частые длительные отлучки не позволяли постоянно заниматься своим хозяйством, что отрицательно сказывалось на их материальном положении. Тамбовские солдаты не имели крепостных крестьян и так же, как и другие местные служилые люди, обрабатывали земельные участки силами своей семьи, являясь фактически однодворцами (см. Приложение, табл. 4, 5).

[1] ИТУАК. Вып 13. 1887. С. 58-59.

3.4. ТАМБОВСКИЙ РАЗРЯД

Наряду со сложившейся полковой и сотенной организацией службы служилых людей, на юге России возникли и более крупные военные образования. В Русском государстве в XVII в., обычно на границе, существовали военно-административные образования, называемые разрядами. Термин «разряд» происходил от русского слова разрядить, расписать, то есть имелось в виду распределение по полкам. Обычно в разряд входило несколько конных и пеших полков, подчиненных одному воеводе. В 1659 г. из многочисленных городов, вошедших в Белгородскую черту, Разрядный приказ образовал Белгородский разрядный полк. Его военно-административным центром первоначально стал Белгород, затем Курск, потом вновь Белгород[1]. Здесь находился воевода в чине боярина или окольничего и разрядная изба с дьяком и группой подьячих. К 1680 г. в России действовали Белгородский, Казанский, Новгородский, Рязанский, Северский и Смоленский разряды. В 1680 г. Разрядный приказ подготовил новую «Полковую роспись ратных людей в полки по разрядам»[2]. В ней наряду со старыми разрядными полками появились и три новых:

[1] *Сазонов О.* История города Козлова в документах XVII века. Мичуринск, 2010. С. 367-374; *Дудина О. В., Фурсов В. Н.* Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. 2015. Июнь. № 7 (204). Вып. 34. С. 131-136; *Дудина О. В.* Формирование Белгородского полка и Белгородского разряда в 1653–1658 гг. // Власть и общество. Практики взаимодействия и конфликты. Воронеж, 2015. С. 20-25; *Она же.* Область «городов Белгородского полка» 1658–1700 гг.: географический аспект // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXVIII Международной научной конференции. М., 2016. С. 207-209.

[2] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 124.

Московский, Владимирский и Тамбовский. Из них первые два возникли в центре страны, а третий Тамбовский – традиционно на окраине. Ряд исследователей связывали появление новых разрядов с реформами в русской армии этого времени[1]. Однако подробное исследование по истории разрядов проводилось только на примерах Белгородского и Севского разрядов[2].

История возникновения Тамбовского разряда была связана с русско-турецкой войной 1673–1681 гг. и теми событиями, которые произошли на юге России летом 1680 г.[3] После сдачи русской армией Чигирина в 1678 г. активность боевых действий несколько спала. Обессиленная многомесячной осадой и большими потерями турецкая армия отступила. Но угроза татарских набегов на пограничные города продолжала сохраняться. Татарский набег в январе 1680 г. заставил русское правительство форсировать работы по сооружению Изюмской черты. В зоне строительных работ на новой черте и в городах на старой Белгородской черте Разрядный приказ сосредоточил 53 тысячи человек[4].

План кампании лета 1680 г. предусматривал военные действия русских войск в районе Киева. Сюда начали стягиваться значительные силы. Однако в июне правительство получило сведения о возможном нападении татар, калмыков и башкир на Тамбов или Козлов. Боярская Дума попыталась спешно заткнуть образовавшуюся брешь

[1] *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 187-190; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 449: *Разин Е. А.* История военного искусства. М., 1961. Т. 3. С. 216-218.

[2] *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 153-159; *Водарский Я. Е.* Территория и население Севского разряда во второй половине XVII – начале XVIII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 219-242.

[3] Автор ставил вопрос об истории возникновения Тамбовского разряда в своих ранних работах: *Мизис Ю. А.* Тамбовский разряд в XVII в. // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области. Краткие тезисы доклада на научной конференции (сентябрь 1980 г.). Тамбов, 1980. С. 38-41; Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. С. 18; *Мизис Ю. А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов, 1990. С. 72-75.

[4] *Загоровский В. П.* Изюмская черта. Воронеж, 1981.

и передислоцировать часть сил на восточный фланг черты. Специальным указом от 12 июля 1680 г. 8 полков солдат и рейтаров под общим командованием известного русского полководца К. О. Щербатова, конный полк стольника К. П. Козлова и солдатский полк полковника В. Шварта перебрасывались под Тамбов[1].

31 июля 1680 г. тамбовские станичники под руководством М. Пахомова возвращались с Хопра и обнаружили свежую сакму через р. Савалу[2]. Общую численность кочевников станичники определили более чем в одну тысячу человек. Они направлялись на тамбовские и козловские места.

Ближе всех к новому месту дислокаций оказался полк К. П. Козлова. Он находился под Валуйками в составе армии П. В. Шереметева. В нем числились трое голов астраханских и терских, 32 детей боярских, 7 стрелецких сотников, 10 иноземцев, 1071 стрельцов астраханских, терских, черноярских, царицинских, самарских и саратовских, 193 яицких казака, 98 гребенских казаков, 4 астраханских юртовых казака[3]. То есть всего в полку насчитывалось 1418 человек. 11 июня 1680 г. был подготовлен государев указ, согласованный с Боярской думой, по которому полк К. П. Козлова передислоцировался к Козлову и Тамбову и встал на Кузьминой Гати или «где пригоже»[4]. Ему предписывали перейти Дон в районе Битюга и двигаться дальше на север. Не совсем понятно, как полк, состоящий в основном из стрельцов, с небольшой конной группой усиления, мог остановить татарскую легкую конницу? Уже 19 июля 1680 г. он вышел из Валуек и быстрым маршем двинулся на восток. Однако плохое знание местности, отсутствие проводника позволили ему только к концу месяца прибыть на место и встать станом на Лысых Горах, почти

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 301. Л. 11-23; № 950. Л. 113-114, 131, 494-496; № 1301. Л. 310-325.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 171-172.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 955. Л. 495-496.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 950. Л. 120, 131, 490. Похоже, что Боярская дума плохо знала географию местности, так как Кузьмина Гать находилась не между Козловым и Тамбовом, а на восточном фланге Тамбовской черты.

посередине между Козловом и Тамбовом. Основные воинские силы под командованием К. О. Щербатова численностью 7632 человека подошли к Козлову только 17 августа.

Воеводам поступали противоречивые донесения от сторожевых отрядов о продвижении татар. Одни станичники докладывали о возможном движении противника к Тамбову, другие – к Пензе[1]. Ясно, что недостаток значительных воинских сил у местных воевод не позволил им провести полноценную разведку местности. Скорее всего, татары обманули станичников, совершив отвлекающий маневр небольшими силами в сторону тамбовских мест. Они воспользовались отсутствием крупных воинских сил и, имея хорошую разведку, нанесли уже 2 августа внезапный удар под г. Усманью. Нападавшие «проломали» надолбы, прокопали ров и ворвались на территорию Усманского уезда. Они захватили в плен около 80 человек, стада коров, овец и лошадей, а затем стремительно ушли в степь. В плен к русским воинам попал один татарин. Он рассказал, что в поход из Крыма на русские земли пошло более 4 тысяч человек крымских татар, калмыков и горских черкес. Расспрос усманского стрельца В. Широбокова, захваченного в плен татарами и ушедшего от них с Хопра, дополнил картину набега. Он вышел к Кузьминой Гати 19 августа[2]. Татары по традиции захватили пленных на полях во время сельскохозяйственных работ и быстро ушли в степь. Только 17 августа в Тамбов приехал донской казак И. Исаев, который рассказал о бое отряда донских казаков с татарами на Царицинской дороге. Донские казаки ехали из Царицина после «соляного промыслу» и столкнулись с татарами, которые возвращались после набега под Пензу. Казаки укрылись за обозами и ружейным огнем отогнали противника, убив трех и ранив около 30 нападавших.

Воевода Ф. П. Языков принял меры на случай появления противника: выслал в степь станицы вплоть до р. Хопра. Вернувшаяся станица тамбовских станичников во главе с Ф. Степановым доложила, что 4 августа видели, как воинские люди численностью более

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 171-173; 237-238.

[2] Там же. Л. 304-305, 443-444.

1000 человек переправились через р. Савалу и пошли в степь, угоняя с собой скот. Возможно, они видели татар, погромивших усманские места[1]. В это время в Тамбове находился полк солдатского строя из Новгородского разряда полковника В. Шварта: 8 начальных людей, 1311 солдат и 82 вольных человека[2]. При этом в нетчиках у них находилось 82 и больных 21 человек. Они имели 5 медных пищалей, 9 ядер, 50 пуд. пороха, 40 пуд. свинцу, 13 пуд. фитилю. Никакого участия в отражении этого набега они не приняли.

Государевым указом из Разрядного приказа от 2 августа 1680 г. в Тамбов потребовали перевести в прибавку к местному гарнизону 1000 козловцев городовой службы[3]. Козловский воевода И. П. Селунский написал в Тамбов, что отправил требуемое количество людей во главе с головою Л. Мантуровым, сотенными людьми вместе и подьячим Т. Лопшанским. На смотре в Тамбове объявилось 919 человек, включая 105 пеших без лошадей, у них же у 38 человек не оказалось ружья. В указанное число на смотре не объявился 81 козловец. Мы встречаем нечастый случай привлечения для возможного отражения татарского набега в Тамбов служилых людей из соседнего уезда. Обычно воеводы соседних уездов старались не выполнить распоряжение, ссылаясь на недостаток своих воинских людей.

Попытка К. П. Козлова со своим полком, отрядами козловских детей боярских и тамбовскими казаками во главе с головою Л. Мантуровым 6 августа 1680 г. настичь противника не принесла успеха. Расстояние до Усмани оказалось достаточно большим, и когда русские воины подошли к мордовской переправе через Хопер, они обнаружили только свежую двухдневную «сакму». К. П. Козлов не стал преследовать противника, так как «они побежали наскоро назад на старовой шлях за Хопер» [4].

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 384.

[2] Там же. Л. 471-473.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 965. Л. 15-17.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 237-238, 443-444.

Дополнительно князь, окольничий К. О. Щербатый[1] получил распоряжение идти со своими полками к Тамбову и быть в «сходе» с тамбовским воеводой И. Языковым[2]. Полки К. О. Щербатова в этот период медленно продвигались к Тамбову. Из 8 полков численностью в 7632 человека, 3335 человек были пешими солдатами и быстро передвигаться не могли[3]. В составе полков князя К. О. Щербатова находились московские чины начальные и рядовые рейтары, копейщики, рязанцы, а также копейщики и рейтары полковника А. Барова, выборного полка А. Шепелева, солдатского полка полковника И. Инстермана, рейтарского строя И. А. Змеева[4] и другие[5]. В полках имелись пушки на станках, длинные и короткие, ядра, порох пушечный и ружейный, фитили и другие припасы. К. О. Щербатов получил известия о набеге татар под Усмань 12 августа, находясь под Лебедянью. Ему приказали быстро выдвинуться под тамбовские места. Войско прибыло на место 17 августа и стало станом на Донской поляне в 3 верстах от Козлова[6]. В распоряжение К. О. Щербатова перешли тамбовский и козловские гарнизоны, полк К. П. Козлова. 23 августа К. О. Щербатов послал «по вестям» к Усмани сходного воеводу Г. В. Новосильцева с рейтарским полком, усиленным 200 рейтарами полка К. О. Щербатова и 200 конными стрельцами

[1] О. Щербатый – видный военный деятель России XVII в. В 1655 г. стольник, воевода в Смоленске. В 1664 г. товарищ воеводы П. В. Шереметева в г. Севске. Подавлял бунт казаков на Украине в 1667 г. В 1670 г. участвовал в подавлении восстания С. Т. Разина в качестве товарища боярина князя Ю. А. Долгорукого. В 1670 г. стал окольничим. Затем был первым воеводой в Пскове, судьей в Ямском приказе, первым воеводой в Астрахани. В 1682 г. пожалован в чин думного боярина. Участник крымских походов в товарищах у В. В. Голицына в Большом полку. Умер в 1696 г.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 950. Л. 191-192.

[3] Там же. № 950. Л. 131, 494-496; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1301. Л. 310-325.

[4] Змеев Илья Андреевич – известный военный деятель России, участник русско-польской воены 1654–1667 гг. С 1676 г. стольник и полковник рейтарского строя. Состоял при канцелярии Великого посольства Петра I.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. 984. Л. 345-348.

[6] Там же. Л. 170-174, 228, 287-288.

козловского полка воеводы К. П. Козлова, чтобы «поиск и промысел над ними учинить».

В задачу К. О. Щербатову поставили осмотр местных укреплений и разбор причин поражения под Усманью. Уже 21 августа К. П. Козлов давал объяснения причин «допущения» татар к Усмани. Он вполне резонно отмечал, что усманские укрепления не входили в зону действия его полка, так как в приказе ему поручалось оборонять Тамбов и Козлов[1]. В это же время из Тамбова от воеводы И. А. Языкова пришло известие, полученное от тамбовских станичников, о движении татар под тамбовские и козловские места. Отразить молниеносный набег противника на «усманские места», находившиеся в 160 верстах от Тамбова, К. П. Козлову было явно не под силу. Вероятно, объяснения воеводы признали обоснованными, так как никакого наказания он не понес.

Стольник и воевода Г. В. Новосильцев 2 сентября 1680 г. получил задание выехать из полка К. О. Щербатова сначала в сторону Доброго, а затем в Шацк, Керенск, Верхний и Нижний Ломовы, Пензу и осмотреть состояние тамошних укреплений, заповедных лесов и земляных валов. Однако затем задание оказалось скорректировано, и по маршруту от Челнавского городка до Пензы направили стольника и воеводу И. Ю. Леонтьева. Таким образом, осмотру подлежали весь восточный фланг Белгородской черты и укрепления восточнее ее. Планировалось после их осмотра провести ремонтные работы силами местных гарнизонов.

Стольник и воевода Г. В. Новосильский в отчете от 24 сентября 1680 г. в Москву писал, что он со служилыми людьми 14 сентября поехал к Доброму, попутно просматривая земляные и деревянные тамбовские и козловские укрепления. Одновременно воевода сделал ремонт со служилыми людьми козловских укреплений.

Полковник В. Шварт посылался со своим полком в Тамбов для усиления тамбовского гарнизона. В его полку насчитывалось 9 начальных людей, в том числе 3 иноземца, а всего с солдатами –

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 293-295, 376, 379, 381.

1507 человек. В полку имелось 5 медных пищалей с запасом пороха, ядер и других припасов. Его отпустили из Москвы в Тамбов вместе с подьячим Разрядного приказа И. Свиридовым. Они прибыли в Тамбов 16 вгуста 1680 г. Подьячий подал роспись полка. Реально в Тамбов прибыло 8 начальных людей, сержантов и 1311 рядовых, нетчиков – 81 и больных 82 человека, за болезнью в дороге остался 21 человек[1]. Можно проследить, как снаряжался в поход пехотный полк. В полку насчитывалось 5 пушек, 500 ядер к ним, 50 пудов пушечного и ручного пороха, 40 пудов свинца, 13 пудов фитилю, 7 медных форм, 10 кожаных мехов для хранения пороха, полпяты конца холста, 6 уполовников для отливки пуль, 11 пар игорных, 20 лопат железных, 20 заступов, 9 сабель, 6 просеков, 62 мотыги, 2 подтяга, 4 долота, 6 буравов, 20 мушкетов. Для перевозки полковых припасов с ними пришли 55 лошадей. Полк разместили для прокорма в дворцовых селах под контроль местных старост[2].

Тамбовский воевода Ф. П. Языков жаловался в Разрядный приказ на невозможность выполнить поставленную задачу по ремонту укреплений в связи с недостатком служилых людей и большим объемом работ. По осмотру Тамбовского вала от Кузьминой Гати до Челновой и Челнавского заповедного леса, осмотрщики насчитали 21 версту 113 сажень вала и 35 башень вместе с сооружениями Лысогорского городка[3]. При этом только 580 сажень насыпи вала не требовали починки, а остальные 20 верст 670 сажень нуждались в новой ослонке, расчистке рва, 24 башни требовали ремонта венцов, и еще одну башню планировали полностью отремонтировать. В неудовлетворительном состоянии находились и укрепления г. Тамбова. Острог на 120 саж. «погнил и повалился», в «зелейном погребе обруб» также погнил и обвалился, а весной 1682 г. в полую воду осыпался берег р. Цны и городовая стена «пошатнулась»[4]. Состояние «зелейных погребов» оказалось столь плачевным, что воевода вынужден

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л.471-474.

[2] Там же. Л. 521.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1167. Л. 1-9.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1045. Л. 92-93.

был переложить зелье и наряд в амбары, что не соответствовало правилам их хранения. На валу старый ослон весь погнил и повалился, требовалась его замена. Предлагалось все работы произвести силами тамбовских городовых служилых людей и сошных крестьян.

Тамбовский воевода Ф. П. Языков отмечал отсутствие в 1681–1682 гг. достаточного количества служилых людей для проведения всех ремонтных работ. Во время полевой страды многие местные люди занимались сенокосом за валом с полевой стороны[1]. Кроме того, он опасался сильного сокращения лесных запасов в Челнавском и Липовском лесу из-за заготовок бревен.

Отсутствие угрозы татарского набега позволило специальным царским указом от 2 сентября 1680 г. отпустить из Тамбова козловских дворян и детей боярских, начальных людей и солдат полка В. Шварта[2]. Остальных служилых людей до специального указа оставляли еще в Тамбове.

По осмотру укреплений от Усерда до Шацка требовалось 11 легионов[3] 6000 бревен, то есть всего 1106000 бревен, драни не менее 10000 штук[4]. Всего воевода насчитал в этих городах 32207 служилых людей. По разнарядке выходило, что нормы вывоза бревен на человека – от 40 до 130 штук. Если привлечь к этой работе крестьян разных слоев – 52311 человек, то норма вывозки бревен составит от 10 до 20 штук. По итогам осмотра всех линий укреплений от Усерда до Шацка и Керенска сделали вывод: «Да им же того строения в летнии месяцы строить многие годы и от того тягость будет большая»[5].

В справке отмечалось, что прежние укрепления сооружались большим «многолюдством» около 17 лет в безлюдных тогда местах, при наличии большого количества разного леса, в том числе и дубового. В рассматриваемое время произошло резкое сокращение запасов леса, который ушел на разнообразные хозяйственные нужды, «ныне

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 525-527.

[2] Там же. Л. 384.

[3] 1 легион – 100000 бревен.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1167. Л. 218.

[5] Там же. Л. 218, 225-226, 231-238.

лесная скудность большая». На состояние укреплений повлияло отсутствие боеспособных служилых людей, большинство из которых находилось на службе в разных полках. Те, кто остался, были «оскудалые» и не могли активно заниматься ремонтными и строительными работами. Ко всему прочему, в 1680 г. в городах на юге России хлеб не уродился, что привело к серьезному «лошадинному и скотинному падежу». По подсчетам специалистов все работы по черте можно было провести за 2-3 года. Мир с Турцией ограничивал возможности крупных татарских набегов на русские земли, а небольшие группы кочевников не представляли серьезной опасности, так как на линиях укреплений находились русские служилые люди.

После заключения мира с Турцией ремонт укреплений можно было неспешно осуществить силами местных служилых людей, и большинство работ провести с использованием земли, а не леса. В топких местах рекомендовалось копать рвы и ямы с кольями, ставить колоды с частиком в три ряда. В других местах устанавливать надолбы дубовые, двойные или тройные. Предлагалось выбрать в головы «лутчих» и «правдивых» людей, которые будут организовывать охрану полевых укреплений. Требовалось установить нормы пребывания на укреплениях по неделе, разделив служилых людей на 4 части. То есть каждая группа выезжала на охрану границ один раз в месяц на неделю. При этом они должны заниматься не только охраной, но и ремонтом укреплений.

Тамбовскому воеводе И. А. Языкову предлагалось по осмотру тамбовских укреплений К. О. Щербатовым и книгам, присланным в Разрядный приказ, провести работы по укреплению Тамбовской черты[1]: предлагалось заменить сгнивший ослон вала, надолбы, частик и другие деревянные укрепления, расчистить ров, засыпанный полой водой. На усмотрение воеводы передавалось право выбора – восстанавливать ослон или починить его дерном и землей из-за скудости леса. В низких местах предлагали копать глубокие рвы и ямы с кольями, а в колоды набить частик в три или четыре ряда. В местах неудобных для этих укреплений рекомендовалось устроить дубовые надолбы.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1029. Л. 324-325.

По отписным книгам К. О. Щербатова тамбовскому воеводе Ф. П. Языкову указывалось по Тамбовскому валу делать заново «прислону» и почистить рвы на 20670 саженях[1]. Все работы рекомендовали разложить на местных служилых людей и солдат полка В. Шварта. Воевода отметил, что солдаты полка В. Шварта уже отпущены домой, а силами тамбовских людей провести ремонтные работы такого объема на протяжении 7370 саж. будет невозможно. Отмечалось отсутствие запаса леса и те проблемы, которые создаст в заповедном лесу массовая вырубка деревьев. Воевода отмечал, что ослон очень пожароопасен, быстро гниет и укрепления становятся ненадежными. Подчеркивалось, что в прежние годы татары разламывали ослон, делали из него мостки, по которым проходили вал. Приводились примеры наличия у тамбовских служилых людей сенокосов за валом с полевой строны, что, по мнению воеводы, в приход татар не позволит им заготавливать сено для скота. Поэтому предлагалось построить за р. Липовицей новый земляной вал, который позволил бы решить и вопрос с водой, так как со старого вала приходилось ездить за ней верст с 15. Новый вал, по замыслу Ф. П. Языкова, будет хорошей защитой старому валу и позволит поселить здесь новые слободы.

В марте 1682 г. из Разрядного приказа отправили грамоту с концепцией реконструкции укреплений. Столкнувшись с рядом вышеизложенных трудностей, Разрядный приказ предложил провести менее затратные работы[2]. Вместо «ослонного» леса насыпь вала рекомендовалось укрепить дерном и землей. В топких и низинных местах предлагалось выкопать рвы и ямы с кольями и частиком или установить надолбы «двойные или тройные». На валу стояли «самые добрые и лучшие» служилые люди, которые несли службы, меняясь по четыре перемены. На каждого человека распространялась норма выработки по 1 сажени вала и рва.

В полки к К. О. Щербатову из московской Оружейной палаты направили дополнительное оружие: 590 карабинов, 1090 пистолей

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 523-527.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1167. Л. 231-238.

рейтарского строя, 1361 мушкет, 4563 бердыша солдатского строя и 16 полковых пищалей разного калибра[1]. В Козлов отправили большой запас ружейного и пушечного зелья и свинца. С учетом опыта Чигиринских сражений, когда турецкая армия широко применяла гранаты, было предложено выслать запас гранат и устроить «гранатные стрельбы».

Сосредоточение значительных воинских сил русских войск на южной границе России, в том числе и под Тамбовом и Козловом, отпугнуло татар от дальнейших активных военных действий. Кочевники прекратили нападения на русские города и вернулись в Крым. Войска К. О. Щербатова оказались не у дел, и 1 сентября он получил указ о роспуске ратных людей по домам[2]. 10 сентября полки были отпущены домой[3]. 16 августа подьячий Игнатий Свиридов доставил в Тамбов в полк В. Шварта 8 начальных людей и 1311 рядовых. Остальные сказались нетчиками или больными. После отбытия служилых на места своего проживания иностранцев полка В. Шварта оставили в Тамбове для усиления местного гарнизона. С ними имелось 1507 солдат, 5 пищалей с запасом пороха и ядер[4].

Подводя итог событий лета 1680 г. на южной окрайне Русского государства, необходимо отметить несогласованность действий русских войск, отсутствие хорошо налаженной разведки, неэффективные и запоздалые действия местных воевод, которые, ссылаясь на незначительные воинские силы, предпочитали сидеть в городах в осаде. На месте не нашлось центра быстрого принятия решений и реагирования на татарскую угрозу. Руководство Белгородского полка находилось в Курске и не сумело быстро отреагировать на военную угрозу. Это оказалось серьезным тактическим просчетом командования русскими войсками.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1000. Л. 57, 92-94, 167-171, 185, 217-259, 316.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 350-377, 381-387, 471-522.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 121. С. 108.

[4] Там же. Л. 381-383, 471-474.

Неудача под Усманью повлияла на дальнейшие действия правительства, и, разрабатывая планы летней кампании 1681 г., оно приняло соответствующие меры с учетом опыта предшествующего года. Осенью 1680 г. произошло объединение трех важнейших военных приказов: Разрядного, Рейтарского и Иноземского – в руках князя, воеводы М. Ю. Долгорукого. В это же время все южные укрепленные линии, включая Белгородскую, Тамбовскую, Керенскую, Ломовские, Пензенскую, Инсарскую и Симбирскую, передавались в ведение одного Разрядного приказа. В русле этих мероприятий Боярская Дума приняла новую «Полковую роспись ратных людей в полки по разрядам»[1]. По ней, наряду со старыми Белгородским, Северским, Казанским и другими разрядами, предполагалось сформировать три новых: Московский, Владимирский и Тамбовский. Таким образом, намечалась централизация государственного аппарата, ведавшего военными делами. В ходе дворцовых интриг большинство военных приказов оказались в руках отца и сына Ю. А. и М. Ю. Долгоруких. Одновременно создавались региональные центры руководства войсками. В рамках этих перемен появился самостоятельный Тамбовский разряд.

Центром нового разрядного полка правительство определило г. Козлов. Воеводой Тамбовского разрядного полка назначили стольника Б. П. Шереметева – будущего соратника Петра I, первого русского фельдмаршала[2]. 19 марта 1681 г. составили государеву роспись служилых людей по российским разрядам, в том числе и по Тамбовскому. Несмотря на невысокий для разрядного воеводы чин стольника, новый воевода происходил из старинного знатного боярского рода и занимал до этого ряд важных постов в русской армии. Так, летом 1679 г. он находился в «товарищах» у воеводы большого полка боярина М. А. Черкасского[3]. Молодой 28-летний стольник Б. П. Шереметев прибыл в Козлов и сменил местного воеводу

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 124.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 332. Л. 881-884.

[3] *Барсуков А.* Род Шереметевых. СПб., 1904. Кн. 8. С. 301-313.

И. П. Селунского 20 декабря 1680 г.[1] Эту дату можно считать официальным началом деятельности Тамбовского разряда. В распоряжение воеводы поступили дьяк Поместного приказа И. Максимов, 5 «старых» и 10 «молодых» подьячих[2]. Они создали в Козлове разрядную избу – административный орган управления новым военным образованием. «Старые» подьячие Д. Свешников, Д. Топильский, К. Ефремов, И. Кремнев и В. Свешников возглавили своеобразные отделы разряда. Они ведали статейными списками тюремных сидельцев, караулами по черте, книгами обозного строя, хлебного жалования и запасов, различными группами городов. Им выдали деньги по 8 руб. человеку. Подьячие должны были заниматься сбором денег, приемом и выдачей хлебных запасов служилым людям. Дьяк И. Максимов появился в Козлове 24 января 1681 г. Вероятно, с этого времени и началось функционирование разрядной избы. Для работы местной канцелярии из Москвы выслали настольное сукно, подсвечники, два кожанных стула, свечи, ведро чернил, 10 стоп бумаги.

По планам Разрядного приказа в Тамбовский разряд включался 21 город, входившие в северный фланг Белгородского полка[3]. Состав нового военно-административного образования включал 3 рейтарских и 7 солдатских полков общей численностью 14556 человек, в том числе пеших 11223 человека, конных – 3307 человек. Всего планировалось иметь в Тамбовском разряде 2 полковников, 2 полуполковников, 2 майоров и 40 нижних начальных людей рейтарского строя, а также 5 полковников, 5 полуполковников, 8 майоров и 73 нижних начальных людей солдатского строя[4]. В декабре 1680 г.

[1] *Пискарев П. И.* Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. Тамбов, 1878. С. 97-100. Молодость Б. П. Шереметева весьма условна, 28 лет для XVII в. – возраст взрослого мужа.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 984. Л. 50.

[3] Бел-Колодезь, Бельский, Воронеж, Данков, Добрый, Елец, Ефремов, Землянск, Козлов, Коротояк, Костенск, Лебедянь, Ливны, Орлов, Сокольск, Талецкий, Тамбов, Урыв, Усмань, Челнавский, Чернавск (Бельский и Челнавский не были городами, а являлись городками на Козловском участке Белгородской черты и в документе расписаны как пригороды Козлова). См.: Материалы, относящиеся к истории Тамбовского края. Тамбов, 1884. Вып. I. С. 99.

[4] РГАДА. Ф. 210. Стобцы Белгородского стола. №1525. Л. 355-356.

Разрядный приказ спланировал выдачу жалования рейтарам и копейщикам Тамбовского разряда по 6 руб. человеку. Таким образом, на три полка и 3143 человека полагалось 18848 руб.[1] Во главе каждого полка стоял полковник-иностранец: П. Стромичевский, И. Бир, Ю. Франк, А. Шниттер, Т. Калбрехт, М. Болдман, М. Траурнихт, А. Цей, Е. Кро, Я. Баров[2]. Количество рядовых в каждом полку колебалось от 1000 до 1800 человек. Тамбовские служилые люди непосредственно в состав нового разрядного полка не входили, но лично подчинялись Б. П. Шереметьеву. В Москве 11 октября 1680 г. был подписан приказ о «послушании» Б. П. Шереметьеву тамбовского воеводы Ф. П. Языкова-Меньшова[3]. В декабре 1680 г. боярин и оружейничий И. М. Языков указал выслать в Белгородский и Тамбовский разряды 1000 карабинов и одну тысячу пар пистолей с немецкими замками, а 1 января 1681 г. к Б. П. Шереметьеву в Козлов отправили 500 пар пистолей для вооружения рейтарских полков[4]. Формировался единый стрелецкий полк в составе Белгородского и Тамбовского разрядов под командованием полковника Г. Горюшкина[5].

В 7 полках Тамбовского разряда выдавали по одной гранатной пищали на полк. К ним прилагалось по 150 ядер, грантчик с одним учеником. На 1 полк выделяли по 1000 ручных гранат. Таким образом, на весь Тамбовский разряд предполагалось 7 гранатных пищалей, 1050 ядер и 7000 ручных гранатных ядер, 4 гранатчика и 7 учеников. Из Москвы с оружием и боеприпасами вместе с гранатчиком Ф. Савельевым послали 3 пуда селитры, 2 пуда 50 гривенок серы, а также канфару, воск и другие материалы. Все необходимые припасы

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 994. Л. 30-31.

[2] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 124. Л. 63-69.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 994. Л. 19-20.

[4] РГАДА. Ф. 210. Стобцы Белгородского стола. №1436. Л. 78-82.

[5] В*еликанова В. С.* К вопросу о создании Тамбовского разряда в 1680–1681 гг. // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 3. Белгород, 2018. С. 9-13; *Она же.* Роспись перечневая ратным людям Белгородского и Тамбовского разрядов 189 года // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2020. Вып. 5. С. 136-140.

предлагалось прислать из Иноземского приказа. Указом от 8 февраля 1681 г. в Козлов воеводе Б. П. Шереметеву для 4 пехотных полков распорядились прислать с тульских «железных» заводов на ямских подводах ручных ядер 1334 штуки, гранатных составов селитры 3 пуда, серы два пуда 50 гривеников, а также четыре гранатных пищали[1]. Из вышеизложенного видно, что местные вооруженные силы готовились к большой войне с Турцией.

В самом начале деятельности нового разряда встал вопрос о его административном подчинении. По старым традициям Тамбов с пригородами находился в приказе Большого дворца, а Козлов с пригородами Добрый, Сокольск, Челнавский и Бельский городки относились к Белгородскому разряду и ведались в Приказном столе Разрядного приказа[2]. В 1669 г. указом от 24 апреля белгородский полк стал ведаться в Московском столе Разрядного приказа. В 1671 г. Тамбов и Козлов с пригородами перевели в ведение Приказного стола Разрядного приказа, а остальные города Белгородского разряда – в Московском столе.

Большая часть городов, входивших в новый разряд, относилась к Разрядному приказу, а Тамбов ведался в Приказе Большого дворца. Стрельцы и казаки этих городов находились до этого в подчинении Стрелецкого приказа. В этом плане интересен доклад о подчинении укрепленных линий Российского государства, составленный осенью 1680 г.[3] В нем говорилось, что в прошлые годы Белгородскую черту от «Белгорода налево к Тамбову» ведали в Разрядном приказе и ремонтом занимались служилые люди разных чинов этих городов. Все укрепления от Тамбова к Козлову и по Симбирской черте ведались в Приказе Большого дворца или Казанском дворце.

Указом от 12 ноября 1680 г. городовые стрельцы и полковые казаки Северского, Новгородского, Белгородского и Тамбовского разрядов передавались в распоряжение Разрядного приказа[4]. Из При-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1000. Л. 257-259, 304.

[2] РГАДА. Ф. 210. Стобцы Белгородского стола. № 848. Л. 258-260.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1530. Л. 352-354.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1525. Л. 147-161; ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. С. 284-285.

каза Большого дворца предлагалось все списки городов Тамбовского разряда, ратных людей с поместными и денежными окладами и крестьянскими дворами взять и передать в Разрядный приказ. А села и деревни дворцовых волостей продолжать ведать в Приказе Большого дворца. Сюда же передавались из Стрелецкого приказа списки всех служилых людей, а стрельцам предписывалось служить солдатскую службу. В Тамбовском разряде должны были нести службу ельчане, лебедянцы, ливенцы, черняне и донковцы. Начальных людей, копейщиков, ретаров, солдат, стрельцов и казаков предлагали ведать в Иноземском и Рейтарском приказах[1]. Укрепления Верхне- и Нижне-Ломовские и далее на восток по-прежнему оставались в Приказе Казанского дворца.

Козлов превратился в центр Тамбовского разряда, его войсковую базу. Сюда выслали большое количество полковых припасов, снаряжение, знамена, шанцевый инструмент, военных специалистов – подкопных дел мастеров, из Аптекарского приказа направили лекаря А. Беккера с двумя учениками Н. Шишинским и З. Васильевым и с запасами лекарств[2]. С ними послали два короба лекарств[3]. В Козлов лекарь с учениками прибыл 8 марта 1681 г. Появление лекаря-иностранца явилось совершенно новым делом в медицинском обслуживании армии в провинции. Он стал первым медицинским специалистом в нашем крае.

В Тамбовском разрядном полку хранилось 337 пудов 19 гривенок пищального и 243 пуда 35 гривенок пущечного зелья, 856 пудов 5 гривенок свинцу и 920 пудов фителя[4]. Таким образом, новый разрядный полк включал в себя уже существовавшие до этого в рамках Белгородского разряда воинские подразделения. Он, по замыслу его создателей, должен был укомплектован для автономных действий

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1029. Л. 322-323.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 994. Л. 3-50, 146-152, 297-307; № 1013. Л. 539, 669-670.

[3] После расформирования Тамбовского разряда козловский воевода Е. Языков вынужден был организовывать возврат в Москву лекарств, оставшихся от А. Беккера.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 722. Л. 32-33.

в полевых условиях южной границы и нести службу во время возможных военных действий лета 1681 г.

Однако полностью развернуть и подготовить Тамбовский разрядный полк к военным действиям не удалось. События нарастали стремительно. В начале ноября 1680 г. русское правительство получило известие о намерениях турецкого султана и крымского хана направить весной следующего года войска под Киев[1]. В именной росписи от 12 ноября 1680 г. все вооруженные силы России расписали по различным приказам[2]. Тамбовские, Нижне- и Верхне-Ломовские полковые казаки и конные иноземцы передавались в ведомство Разрядного приказа. Копейщики и рейтары по-прежнему оставались в ведении Иноземского и Рейтарского приказов. Дворцовые волости оставались в подчинении Приказа Большого дворца. Разрядный приказ уже 25 января 1681 г. специальным указом потребовал выделить три солдатских полка под командованием Ю. Франка, А. Шнittера и Я. Барова для возможного отражения татарских набегов на Украину[3]. Каждому рядовому выдавалось жалованье размером в 1 руб. Получив боеприпасы, снаряжение и денежное довольствие, отряд численностью 4600 человек в начале марта двинулся в далекий путь в Путивль, где они должны были появиться 9 марта[4]. Остальные части находились еще в процессе формирования.

Весной 1681 г. произошло важное событие, резко изменившее всю политическую ситуацию на юге России. В Крыму русские посланники В. М. Тяпкин и Н. М. Зотов подписали с ханом Мурат-Гиреем мирный договор сроком на 20 лет. Москва получила известие о заключении Бахчисарайского мира только в начале апреля 1681 г. Дальнейшая концентрация войск на границе и все предшествующие военные приготовления становились бессмысленными, так как отпадала угроза крупного татарского набега на русские земли.

---

[1] ПСЗ. СПб., 1830. Т. II. С. 281.

[2] Там же. С. 283-285.

[3] РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Кн. № 75. Л. 570-575.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 994. Л. 187.

В июне 1681 г. татары приходили к тамбовским крепостям. 8 июня в Тамбов прибежали тамбовские полковые казаки – раненый П. Михайлов и А. Андреев[1]. С группой вотчинников в 16 человек они были на Сампурском урочище, и 7 июня в середине дня на них напали человек 100 татар. Во время боя 7 русских вотчинников погибли, а остальные получили ранение и укрылись в соседнем лесу. Татары пошли дальше на Русь на тамбовские места. Наблюдая с дерева, казаки обнаружили большой отряд противника численностью более 3000 человек. Не доходя до Кузьминой Гати, кочевники повернули на Козлов. Ночью оба казака быстро отправились в Тамбов. О приходе татар к козловским крепостям донес голова Красного городка О. Коптев. Тамбовский воевода Ф. Языков направил на Тамбовский вал служилых людей солдатского полка майора С. Тоболевского и на Лысые Горы 200 человек конных казаков с иноземцем А. Леиным. Татары проломили надолбы и разрыли вал в Козловском уезде, оставили 300 конников охранять пролом, а сами проникли в уезд и грабили населенные пункты.

Однако после ухода противника полки распустили по домам. 20 июля 1681 г. по указу Федора Алексеевича конных и пехотного строя полковников, начальных людей иноземного строя предложили пересмотреть в Козлове и отпустить всех в Москву, Белгород или в Курск «кто где жить хочет»[2].

В Козлове началась смена воевод. Сначала думный дворянин И. П. Лихарев сменил Б. П. Шереметьева, а после его смерти 20 июня 1681 г. воеводой назначили стольника П. Стромичевского. 6 октября 1681 г. ему на смену в Козлов приехал стольник Е. С. Языков[3]. Фактически эти назначения означали смену статуса козловского воеводы, который терял право сбора разрядного полка, так как находился в одном социальном статусе с воеводами соседних городов. 13 апреля 1682 г. Разрядный приказ предложил произвести обмен

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1555. Л. 801-803, 828.
[2] РГАДА. Ф. 210. Стобцы Белгородского стола. № 1016. Л. 68-69, 98.
[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1018. Л. 616-619.

козловского воеводы Е. С. Языкова на тамбовского – Ф. П. Языкова[1]. Однако обмен по неизвестным причинам не состоялся, и оба воеводы остались на своем месте. Указом 20 июня 1682 г. на место Е. С. Языкова воеводой в Козлов назначили стольника В. М. Дмитриева[2].

Летом 1681 г. началось возвращение городов-крепостей к востоку от Тамбова в прежнее подчинение. Ломовская черта царским именным указом передавалась из Разрядного приказа в Приказ Казанского дворца[3]. В справке Разрядного приказа напомнили, что прежде тамбовские и шацкие укрепления ведались в Приказе Большого дворца, а более восточные крепости – в Приказе Казанского дворца. Поэтому возврат ведомственного подчинения прежних линий укреплений был естественен. В Тамбовском полку в Разрядном приказе ведали только детей боярских и новокрещен, а все остальные служилые люди передавались в Приказ Большого дворца.

Тамбовская разрядная изба фактически просуществовала до весны 1682 г., ее руководитель дьяк И. Максимов с 29 мая этого года уже числился в штате Стрелецкого приказа[4]. В это же время все города Тамбовского разряда вновь возвратились в подчинение Белгородского разряда. Хотя термин «служилые люди Тамбовского Разряда» еще продолжал встречаться в деловой правительственной переписке лета и осени 1682 г., он не должен вводить в заблуждение[5]. Его уже употребляли вместе с Белгородским разрядом, а отчеты по количеству служилых людей обоих полков готовились и высылались в Москву воеводами и дьяками Белгородского разрядного полка. Фактически полки Тамбовского разряда уже вошли в Белгородский разряд. Отсутствие особого указа о закрытии Тамбовского разрядного полка можно объяснить серьезными политическими потрясениями в Москве лета 1682 г.: смерть царя Федора Алексеевича, стрелец-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1021. Л. 172-184

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1013. Л. 407.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1530. Л. 350-354.

[4] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячии XV–XVII вв. М., 1975. С. 312.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1052. Л. 101; № 1200. Л. 124-125; № 1036. Л. 29-65.

кое восстание в Москве, неустойчивое положение нового правительства царевны Софьи.

Еще в октябре 1682 г. из Москвы прислали роспись по Белгородскому и Тамбовскому разрядам с указанием жалования служилым людям[1]. Рейтарского строя полковник получал по 80 руб., подполковники по 36 руб., майоры – 32 руб., ротмистры – 26 руб., капитаны – 18 руб., поручики – 16 руб., прапорщики – по 14 руб. на одного человека. Офицеры солдатского строя получили: полковники – от 70 до 100 руб., подполковники – 30 руб., майоры – 30 руб., капитаны – 22 руб., капитан-поручик и поручик – 16 руб. 6 алт. 1 д., прапорщики – от 6 до 10 руб. 26 алт. 6 д. на одного человека. Однако в Разрядном приказе отсутствовали данные на многих служилых людей, так как они уже уехали на новое место службы.

Включение Тамбова и Тамбовской черты в состав Тамбовского разряда привело к изменению административного подчинения края. Он по традиции управлялся Приказом Большого дворца. Тамбовский разряд весь подчинялся Разрядному приказу. У последнего отсутствовала документация по Тамбовскому уезду. Фактически изменения ведомственного подчинения ломало устоявшиеся административные связи и запутывало центральное делопроизводство в переписке трех приказов: Разрядного, Иноземского и Большого дворца. Приказные дьяки неоднократно поднимали в 1682 г. вопрос перед Боярской думой о том, где ведать Тамбовскую черту[2]. Последним отголоском недолгой истории существования полка стал указ от 3 марта 1683 г. о передаче всех тамбовских укреплений вновь в распоряжение Приказа Большого дворца[3]. Этим актом была перевернута последняя страница истории Тамбовского разряда.

Изменившаяся политическая обстановка позволила не проводить серьезные ремонтные работы по Тамбовской черте. В марте 1683 г. в Тамбове воеводою стал стольник И. А. Апраксин. Однако

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1036. Л. 33-36.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1029. Л. 322-323, 328, № 1530. Л. 350-354.

[3] Там же. Л. 206.

уже в августе 1683 г. он получил из Москвы опасную грамоту и в ответе указал на крайне плохое состояние Тамбовского вала. Он предупреждал, что в случае прихода значительных сил противника «худой тот вал за малолюдством удержать будет невозможно» [1]. От Ф. Языкова новый воевода принял 400 фитильных мушкетов. 28 августа козловский воевода В. М. Дмитриев сообщил в Разрядный приказ о посылке «по вестям» служилых людей, возможном приходе татар и калмыков на Козловский вал. 2 сентября В. М. Дмитриев вместе с козловскими служилыми людьми встал на валу и начал посылать в степь на Битюг и Хопер станичников. Однако разведчикам не удалось обнаружить следы татар. Набег не состоялся.

Подводя итоги изучения роли и места мелких служилых людей в процессе заселения и освоения окраин, необходимо подчеркнуть их быстрый динамичный рост, многочисленность различных категорий, своеобразие положения среди других сословий. Они занимали промежуточное положение между феодалами и крестьянами, но по-своему фактическому состоянию все более сближались с крестьянами. Приближаясь к феодально зависимому населению, эта социальная группа быстро теряла свои привилегии, а наступление феодалов, угроза восстановления крепостной зависимости заставляли многих из них, особенно выходцев из крестьян, активно участвовать в многочисленных народных восстаниях. Набранные из различных этнических групп переселенцев, включая русских и мордву, украинцев и так называемых литовцев и поляков, т. е. выходцев из Белоруссии и Украины, они к концу XVII в. слились в одну великорусскую народность.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1058. Л. 32-33, 62-63.

3.5. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Учитывая определенную близость в социальном стутусе и экономическом положении практически всех категорий мелких служилых людей на юге Русского государства, можно говорить о них как о единой сословной группе, развивавшейся в сторону постепенного окрестьянивания. Это приводило к единству их социальных требований во время мощных народных выступлений. Четкие сословные грани отсутствовали, скорее речь можно вести о военных профессиональных группах, границы между ними оставались весьма подвижными. Поэтому так часто встречались переходы из одной группы служилых людей в другую.

Объединяло все многочисленные категории служилых людей единообразие их военной организации. Во главе стрельцов и казаков стояли выборные головы, сотники, пятидесятники и десятники. На их место рекомендовалось назначать людей состоятельных, опытных и сведущих в военном деле. Головы подчинялись воеводе и утверждались в соответствующем приказе в Москве. Голова непосредственно отвечал за военную подготовку вверенных ему людей, качество их амуниции, рассматривал различные хозяйственные вопросы, отстаивал интересы подотчетных ему служилых людей. В городах они считались вторыми за воеводами военными чинами, а в небольших городках, таких как Челнавский, Бельский, Лысогорский, имели значительную самостоятельность, полностью контролируя жизнь и деятельность своих подчиненных. Более мелкие командиры выбирались из числа зажиточных казаков и стрельцов, утверждались головами.

Назначение голов происходило по решению воевод и согласованию со служилыми людьми. Затем информация о выборе головы поступала в соответствующий приказ, то есть получала официальное утверждение. Головы, в отличие от воевод, избирались на гораздо больший срок и могли отстаивать интересы своих сослуживцев. Они имели право прямого обращения в подведомственный приказ с жалобами на действия воевод.

Иногда головы вступали в конфликты с местными служилыми людьми, действуя в сговоре с воеводами или преследуя личные корыстные цели. Так, 13 августа 1651 г. в Разрядный приказ обратились с жалобой на своего голову С. Плюскова стрельцы и полковые казаки Бельского острожка. В челобитной они обвинили своего непосредственного командира в сборе дополнительных налогов и «чинимых обидах»[1]. Вероятно, жалоба служилых людей подтвердилась, и дьяки Разрядного приказа направили козловскому воеводе указ о замене прежнего головы на нового М. Останина. Новому голове передавались все списки служилых людей городка.

О воинской службе некоторых голов можно узнать по документам. Так, конфликт между стрельцами Бельского городка и их головой Г. Ремизовым привел к следственному делу в 1663 г., в ходе которого была рассмотрена служба стрелецкого головы[2]. Выяснилось, что он не ходил на службу в Белгород и пытался всеми правдами и неправдами служить только в Козловском и Тамбовском уездах. До этого нес службу в головах у Кашматских ворот под с. Моршей, якобы без указа «самовольством» и сделал многие «обиды и налоги» местным крестьянам. Его приказали доставить в Москву для допроса, однако голова бежал и скрылся в Козловском уезде. Козловский воевода посылал за беглецом в с. Назарьево Борецкого стана двух детей боярских У. Васильева и Г. Кинжалова. Однако в его доме они не нашли беглеца, Г. Ремизов от них «ухоронился».

В 1681 г. во время существования Тамбовского разряда при составлении списков служилых тамбовских людей упоминались стре-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 81-82.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 13-21.

лецкие головы в Тамбове, двух Лысогорских городках и у Кашматских ворот. Причем задавался вопрос, где ведать этих голов – в Приказе Большого дворца, как и прежде, или в Разрядном приказе?[1] Их упоминание объяснялось распоряжением из Разрядного приказа расписать всех служилых людей по сотням и выбрать сотенных голов. В головы требовали выбрать «самых добрых и правдивых людей», а всем служилым людям по вестям велено стоять по «третям» и по половине[2].

Беломестные казаки, поместные атаманы и черкасы, набранные из бывших донских и запорожских казаков и украинских переселенцев, некоторое время сохраняли старую войсковую организацию, выбирая из своих рядов атаманов, сотников, пятидесятников и десятников. В связи с формированием полков «нового строя» – драгун, рейтаров, солдат – в войсковой организации появляются новые звания на западноевропейский манер: сержанты, капралы, прапорщики и различные офицерские чины.

Основные обязанности служилых людей были связаны с несением ими воинской службы «государю». Служба пушкарями, затинщиками, стрельцами, городовыми казаками считалась на юге более спокойной и безопасной. Именно эти категории служилых людей чаще всего занимались торговлей или ремеслом. Охрана крепостных сооружений и города проходила по очереди, поэтому они могли все свое свободное время уделять хозяйственным делам. Казачья служба являлась беспокойной и напряженной. Полковые казаки регулярно выезжали для охраны земляных и деревянных укреплений уезда. В случае угрозы прихода кочевников они удваивали гарнизоны городков по черте.

Сторожевая служба носила опасный характер и требовала серьезных навыков разведки. Выезды в поле, иногда достаточно далеко от линий укреплений, контроль за основными путями проникновения татар на русские земли предъявляли этой категории служилых людей повышенные требования к боевой подготовке, умению скрытно ходить в поле, иметь навыки следопытов. Полковые и сторожевые

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1029. Л. 203-204.

[2] Там же. Л. 325-326.

казаки принимали самое непосредственное участие в отражении набегов кочевников и их преследовании. Дети боярские были близки по военным обязанностям к вышеуказанной категории воинских людей. Появление драгун, рейтаров и солдат привело к тому, что они регулярно участвовали в военных действиях русской армиии, часто ходили в походы и надолго отрывались от своего дома, что зачастую приводило к ухудшению их материального состояния. Вряд ли многочисленные жалобы на тяжелое положение полковых людей во второй половине XVII в. носили только ритуально-протокольный характер челобитных. За ними стояли подлинные бедствия мелких служилых людей, не имеющих возможностей силами своей семьи обеспечить себя всем необходимым на время службы.

Прежде чем служилые люди приступали к своим прямым обязанностям, они давали «крестное целование», то есть присягали на библии и целовали крест на верности русскому царю. И если воеводы упускали такую возможность, то дьяки Разрядного приказа напоминали им об этом обязательном ритуале. В октябре 1651 г. козловскому воеводе И. В. Алферьеву прислали из Разрядного приказа указ, что с 1648 по 1651 г. в Козлове и уезде записалось в дети боярские, стрельцы и казаки большое число переселенцев, но они не приняли присяги[1]. Воеводе предлагалось провести процедуру в козловской приказной избе и оформить это специальным списком.

Периодически воеводам поручалось производить переписи и смотры служилым людям всех чинов. Описывалось вооружение пешего и конного воина, состояние их лошадей, амуниция. По этим смотрам определялась численность служилых людей уезда. Кроме непосредственно служилых людей, описывали их детей, других родственников, подсоседников, половинщиков, которые могли стать резервом местного гарнизона. Так, один из первых смотров козловских служилых людей провели первые козловские воеводы в 1638 г. Они указали, что 104 дворян и детей боярских объявились с саадаком[2] и пистолем, 108 с пищалями, только с рогатиной – 168,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 96-97.

[2] Саадак – набор вооружения конного лучника из лука и стрел в колчане, а также чехла для колчана.

27 человек в это время находились в поездке на Дон, 14 детей боярских, не получивших жалование, пришли с пищалью, 5 – с саадаком, 29 – без оружия, 222 человека находились в разъездах, донских и яицких казаков с пищалью – 26, новоприписанные донские казаки, взамен бежавших – 4 с пищалью, 8 – без оружия, полковых казаков – 194 человека с пищалью, сторожевых казаков с пищалью приехали 2, с саадаком – 5 и без оружия – 53 человека, 200 стрельцов с пищалью. Таким образом, значительная часть новопоселенцев прибыла на службу без оружия или с луком и стрелами[1].

Все воинские люди уезда, наряду со своими непосредственными обязанностями, выполняли различные поручения правительства или местной администрации. Традиционной обязанностью служилого человека на юге России считалась транспортировка государственных грузов. Учитывая местоположение тамбовской окраины, казаки, солдаты и стрельцы регулярно сопровождали донские «отпуска». Русское правительство ежегодно отправляло донским казакам за службу по охране границ съестные припасы, в основном хлеб, вино, снаряжение, оружие и боеприпасы. Такие экспедиции тщательно готовились, собирая всё необходимое снаряжение со всех районов страны, а затем через Воронеж по Дону они отправлялись к казакам.

Например, в 1665 г. в донской посылке только из служилых сел находилось 464 человека, а в 1673 и 1675 гг. из всего Тамбовского уезда 1077 человек мелких служилых людей и дворцовых крестьян участвовали в сопровождении стругов на Дон[2].

Изготовление стругов для донского спуска на протяжении всего XVII в. оставалось важной обязанностью козловских служилых людей. 26 марта 1658 г. козловский воевода В. Лихарев получил из Разрядного приказа распоряжение строить струг в длину 8 сажень, а в ширину 1,5 сажени[3]. Его предлагали осмолить, оконопатить,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 311-313.

[2] Архив СПБИРАН. Ф. 2. № 119; ЦГАДА. Ф. 396. Кн. № 3353, 3354; Ф. 1208. Кн. № 1142.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 186. Л. 23-27.

сбить скобами для весеннего хода в Воронеж. Металлические части струга предлагали делать козловским казенным кузнецам недорогою ценой, а деньги на расходы взять из местных доходов. По весне требовалось отпустить струг в сопровождении сына боярского и 4 служилых людей с пищалями, рогатиной и топором, выдав им по 3 руб. денежного жалования, по фунту ружейного зелья и свинца. Воевода лично отпустил струг 11 апреля 1658 г. с козловцем сыном боярским П. Бушуриновым. Из местной казны им выделили денежное жалование и боеприпасы. К струговому делу были приставлены дети боярские с. Торбеева, которые достаточно давно занимались их изготовлением для донских посылок. Весь расклад расходов на струговое дело, расписанный воеводой, составил 29 руб. 10 алтын 2 деньги.

В 1659 г. козловские воеводы столкнулись с недостатком кузнецов[1]. У них от прежних дел осталось 600 криц железа, из которого требовалось к струговому делу приготовить различные металлические части. Воевода В. Н. Лихарев обратился за помощью с присылкой кузнецов к воеводам соседних Доброго и Сокольска Д. Алабычеву и Г. Байдикову, которые официально подчинялись в это время козловскому воеводе. Однако они козловского воеводу не послушали и по 27 ноября никого не прислали, ссылаясь на отсутствие государевой грамоты. В Козлове и уезде воевода собрал только 25 человек, что для такой работы считал недостаточно. Он жаловался, что силами местных детей боярских и других служилых козловских людей на кричную переплавку за короткий срок нажечь уголья будет невозможно.

Об объеме работ говорил остаток смолы для стругов. В 1662 г. 9 марта козловский воевода В. Н. Лихарев получил грамоту от думного дьяка С. Заборовского об отправке в Белгород смолы, которая осталась после завершения стругового дела[2]. Весь остаток составил 1000 пуд. Для ее перевозки требовалось собрать определенное количество подвод с козловских, тамбовских, данковских, добренских, сокольских служилых людей.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 343. Л. 42-46.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 325. Л. 32-35.

В своей челобитной в Разрядный приказ в 1677 г. козловские городовые и полковые казаки отмечали, что в 1673-75 гг. они сделали для донского отпуска 335 стругов со всеми струговыми запасами[1]. За период 1673–76 гг. доправлено в донской спуск 28966 четвертей ржи и овса. Все это перемололи в муку, крупу и толокно. Всего в Воронеж в стругах и сухим путем отправили 5683 четверти хлебных запасов. С Воронежа хлебные запасы отвезли на Дон до Черкасска, где они передавались Войску Донскому. Козловцы платили хлебные запасы в Донской отпуск в 1673 и 1674 гг. муки ржаной по 1,5 четверти, круп овсяных и толокна по 3 четверти каждой крупы с одного двора[2]. С 1673–76 гг. взято с них в донской отпуск ржаной муки 23068 четвертей с четвериком и полчетверика, круп овсяных 3767 четвертей 3 полуосьмины, толокна 4688 четвертей 3 полуосьмины. Всего круп отправлено было 31524 четверти, 3 полуосмины без получетверика. В 1677 г. в донской отпуск с козловцев взяли 2308 четвертей с осьминою муки ржаной, столько же овса, сделали 210 стругов. Эта обязанность по снабжению войска Донского сохранялась на протяжении всего XVII в.

Козловские служилые люди платили ямщикам по 2 алтына, тюремным сторожам и целовальникам по алтыну, полоняничных 2 деньги. Всего выходило по 3 алтына 2 деньги с человека в год[3]. Важной обязанностью местных служилых людей оставалась служба по Белгородскому полку. После его формирования в 50-е гг. XVII в. часть служилых людей южных уездов регулярно привлекалась для выполнения различных служебных поручений. Характер этих обязанностей прослеживается по челобитной козловских городовых и полковых казаков 1677 г.[4] Они подчеркивали, что служили еще Алексею Михайловичу в Козлове городовую службу и по черте. Занимались ремонтом укреплений по валу и всякими деревянными сооружениями, стояли на разъездах и в караулах днем и ночью.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 921. Л. 492-494.

[2] Там же. Л. 492-494; Столбцы Севского стола. № 321. Л. 10.

[3] Там же. Л. 519-520.

[4] Там же. Л. 491-496.

Припомнили, что в смутное время 1671 г. вместе с воеводой С. И. Хрущовым бились с разинскими отрядами «не щадя живота своего» и на Русь их не пропустили. Подчеркнули при этом потери своих домов, сожженных при штурме города.

Они же принимали участие в походе против «изменников» в составе отряда воеводы, думного дворянина Я. Т. Хитрово под Шацк и Керенск. Дальние посылки на Дон иногда бывали по году и больше. Некоторые из них в этих дальних поездках от «всякой нужи» умерли, попали в полон или пропали безвестно. Такие дальние поездки привели к их разорению и запустению «домишек». Они же жаловались на происки воронежских воевод, голов и подьячих, которые не принимали их хлебные запасы и называли их «худыми». Им приходилось вместо своего хлеба покупать на Воронеже дорогою ценою хлеб, перемалывать его в муку, что приводило к дополнительным расходам. Многие из них возвращались с Воронежа пешими, продав лошади за хлебный запас.

В 1676 г. в Белгородский полк взяли из Козловского уезда 90 меринов по цене 5-6 руб. В 1677 г. по требованию воеводы Белгородского полка Г. Г. Ромадановского с козловцев взяли еще 92 мерина, которых они покупали от 5-6 руб. и больше за одного. Эти лошади прислали затем в Козлов на прокорм за счет местных служилых людей. Многие их родственники несли службы в Белгородском полку и участвовали в боях. Во время приступов противника получили ранения, увечья и от них умерли. Они же отметили, что в 1675–76 гг. был приход к козловским укреплениям в разных местах калмыков. И из-за «...нашим малолюдством, проломав черту, многие конские и животинные стада отогнали и людей в полон поймали»[1]. Из-за этих набегов они были вынуждены все лето беспрестанно стоять на черте, в то же время их отцы, братья и дети были в походах с Белгородским полком. Все это привело к обнищанию, заброшенной пашне и отсутствию запасов сена, непосаженным озимым, что могло привести к недороду, отсутствию хлебов и голоду. Из-за этих повинностей и нагрузок служилые люди перестали заниматься починкой козлов-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 921. Л. 494-495.

ских укреплений, что они делали в прежние времена. Это привело к их порче и разрушению. Требование козловского воеводы в 1677 г. возить бревна на вал для ослона они сполна из-за разорения выполнить не смогли. Запаса сена не сделали и кормить лошадей стало нечем. Поэтому козловские служилые люди просили вернуться к прежней практике присылки из северных уездов служилых людей, снять обязанность изготовления стругов и посылки хлебных запасов на Дон, передачи меринов в полк и отставить их от белгородской полковой службы.

Кроме этого, тамбовские служилые люди сопровождали грузы и деньги из Тамбова и Козлова в Москву и обратно. В обязанности местных гарнизонов входил ремонт укреплений и строительные работы по возведению новых, посылка известий в соседние города о появлении противника, сопровождение пленных, захваченных в бою, различные дипломатические миссии. Особенно напрягали служилых людей обязанности по ремонту полевых укреплений. Им приходилось зимой запасать бревна и возить их к линии укреплений за несколько десятков верст. Затем с весны принимать участие в замене вышедших из строя деревянных сооружений на новые, править вал, рвы, устанавливать ослон.

С козловских служилых людей собирали стрелецкий хлеб, который шел в государевы житницы. Например, 25 августа 1657 г. В. Н Лихарев получил государеву грамоту о сборе со служилых людей уезда по полуосьмине ржи и овса с каждого двора[1]. Если у служилых людей имелись крестьяне, то собрать хлеб требовали и с них. В. Н. Лихарев сообщил, что он получил 880 четвертей 3 полуосьмины ржи и столько же овса. Правда, не стал собирать хлеб с «новиков», только вступивших в службу, вдов и недорослей. Весь собранный хлеб воевода устроил в житницы и поставил туда приемщиков из детей боярских.

Многообразие обязанностей мелких служилых людей Козловского и Тамбовского уездов, где прямые воинские службы перемежались с различными административными поручениями, сильно

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 186. Л. 44-45.

осложняли их жизнь на южной границе, а долгие отлучки затрудняли хозяйственную деятельность. Полная лишений и опасностей служба на юге России все-таки манила переселенцев свободой выбора социального статуса, плодороднейшей землей и хозяйственной самостоятельностью.

В 1658 г. в Тамбове сосредоточили значительные воинские силы, связанные с русско-польской войной. Сюда направили 87 поплевенских, 100 ряжских и 20 шацких драгун[1]. В Тамбов прибыл стольник князь А. И. Лобанов-Ростовский «для бережения от приходу воинских людей». В это время козловский воевода В. Н. Лихарев переходил в подчинение к новому воеводе, ему вменялись обязанности присылки козловских воинских людей для помощи А. И. Лобанову-Ростовскому. В сентябре этого года в Тамбов выслали большое количество оружия и боеприпасов: 20 пуд. ручного пороха, 2 тысячи кремней для ружей, 30 пуд. свинцу для пулек[2]. Из Новгородского стола Разрядного приказа в Тамбов отправили 8 сотенных знамен «киндячных, разными цветами». Из Рязани воеводе Ф. В. Наумову было приказано отправить А. Лобанову-Ростовскому мушкеты для вооружения тамбовских солдат.

19 сентября 1659 г. тамбовский воевода получил известие о наличии на Астраханском броде 100 донских казаков, которые ожидали появления татар. Однако на просьбу прислать из Козлова воинских людей В. Н. Лихорев ответил отказом. А. И. Лобанов-Ростовский жаловался, что с таким молодым «неродословным» человеком ему вести дела «зазорно»[3].

В 1679 г. козловскому воеводе И. П. Селунскому били челом в приказной избе козловцы с. Хмелевого дети боярские и поместные атаманы[4]. К челобитной руку приложили два попа приходской церкви. Сама слобода находилась на р. Польной Воронеж в 7 верстах от Козлова. Они жаловались на свое оскудение, перечисляя пробле-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 302. Л. 27.

[2] Там же. Л. 22-23.

[3] АМГ. Т. III. С. 626.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 321. Л. 1-17.

мы, напоминая, что несли службу на самой татарской сакме с начала строительства слободы в 1635 г. С той поры они служили по башням и острожкам, ходили в станицы в степь навстречу татарам, занимались ремонтом укреплений. А их братья, дети и племянники записаны в рейтары и солдаты в Белгородский полк. Их же привлекали к таможенной, кабацкой, тюремной службам, в том числе в целовальники, из-за чего они оскудали. В последние годы стали частые набеги калмыков, что заставило воинских людей стоять день и ночь на сторожах, из-за чего не хватало времени пахать землю и косить сено.

Причем земляные дачи они получили в трех полях. Два из них находились с «русской» стороны р. Польного Воронежа, а третье – за речкой с «крымской» стороны. В связи с частыми приходами воинских людей, местные дети боярские на этом поле ничего не сажали, только иногда с «великим береженьем» косили сено. Последнее время, лет с пять, здесь даже сено косить стало опасно, и воеводы их сюда не пускали.

В 1677 г. козловцы получили от своей скудости и разорения льготу не служить городовую службу и не посылать рейтаров и солдат в Белгородский полк. Москва отправила воеводу В. Ф. Пестрикова с целью рассмотреть и вновь разобрать их по службам, поэтому они просили отставить их от полковой службы в Белгородском полку, как самой тяжелой повинности. Рарядный приказ проверил, что в городовой службе из Хмелевой слободы задействовали 60 человек, в городовой службе – 13, в Белгородский полк – рейтаров 23, солдат 18 человек. В 1677 г. по указу царя Федора Алексеевича от их разорения служилым людям выдали льготу: полковой службы 29 рейтарам и 14 солдатам дать послабление на 2 года, а городовой службы 90 человек в хлебном сборе, строительстве 6 стругов и во всяких поделках представило отсрочку на один год с 20 марта 1677 по 20 марта 1678 г. С учетом льгот Разрядный приказ потребовал от воеводы провести розыск авторов челобитной и «пущих» заводчиков, 2-3 человека приказали бить батогами нещадно, чтобы им впредь было неповадно писать такие челобитные и просить освободить от полковой службы.

Местные служилые люди иногда выезжали на охоту за линию укреплений с личными целями, что делалось только по разрешению воеводы. Одна из таких несанкционированных самовольных поездок оказалась отражена в документах. Воевода Иван Лихарев сообщил, что ему в съезжую избу 10 августа 1660 г. подали челобитную бельские стрельцы и полковые казаки на голову Г. Ремизова. Он на другой день после праздника Ильи Пророка, то есть 21 июля[1], организовал «для своей бездельной корысти» охотников за зверями и птицами 8 бельских стрельцов[2]. Сам голова на эту охоту не поехал. Во время охоты на них напали 30 татар, взяли в плен 6 человек и убили одного. Только стрельцу Н. Добросотскому удалось убежать в лес. Москва потребовала разобраться в причинах такой поездки: их отпустили на сенные покосы или на охоту?

В Тамбове стольник, воевода А. И. Головин выяснил, что Г. Ремизова назначили головою у Кашматских ворот без указа, самовольством на место М. Земнова[3]. Оттуда он сбежал в Козлов в 1664 г. В. Н. Лихарев сообщил, что Г. Ремизов от службы укрывается, бегает к Москве и в другие города. В. Н. Лихарев послал в с. Назарьево Борецкого стана козловских детей боярских для поимки беглеца. Однако поездка оказалась неудачной, беглец от них «уклонился», то есть его не нашли.

Обеспечение служилых людей обмундированием, снаряжением и оружием на юге России в XVII в.

В связи со строительством новых городов на южной границе России после 1635 г. и возведением Белгородской, Тамбовской и других оборонительных линий начался процесс быстрого набора в местные гарнизоны служилых людей разных категорий и военных специальностей: стрельцов, сторожевых, полковых, городовых

[1] Праздник Ильи Пророка отмечается Русской православной церковью 20 июля.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 1-21.

[3] Там же. Л. 13-20.

казаков, пушкарей, детей боярских, а затем солдат, драгун и рейтаров. Абсолютное большинство из них были беглыми, выходцами из крестьянской среды или неимущих посадских людей. Встречались бывшие служилые люди, которые в смутное время подписали кабальные грамоты. Естественно все они не имели своего оружия, боеприпасов, амуниции и даже лошадей. Хотя по существовавшим правилам коня и амуницию служилые люди в России приобрели себе сами, за счет полученных земельных наделов и денежного жалования, что в основном касалось конных воинов. Однако в некоторых уездах, как Козловском, численность детей боярских достигала 70 % всех жителей, и они без поддержки государства не могли позволить себе купить все для службы. Центральная власть это понимала и старалась обеспечивать новых воинских людей всем необходимым.

Воеводы новых городов вели обширную переписку с московскими приказами о присылке строителей из соседних уездов. Им приказывали прибыть на сборный пункт полностью экипированными: с рогатиной, пищалью и двумя пудами «зелья» ружейного, фунтом свинца для пуль, топором и телегой с лошадью. Специалистов пушкарского дела, плотников и казенных кузнецов для нового города на Цне поставляли Переяславль-Рязанский, Ряжск, Сапожок, Шацк и Пронск.

Таким образом, центральные органы пытались полностью обеспечили материальную базу строительства Тамбова. Такая же история происходила и с возведением Козлова и полевых укреплений. При сооружении Козловского земляного вала в 1636 г. одновременно трудилось 950 служилых людей из 10 южных городов. Служилые люди должны были явиться на строительные работы с ружьем, рогатиной, топором, лопатой и шестинедельным запасом продуктов, так как каждые шесть недель производилась их замена. Для земляных работ Разрядный приказ послал из Москвы в Козлов заступы и лопаты.

Уже при первых воеводах И. В. Биркине и М. И. Спешневе козловским служилым людям высылали ручное огнестрельное оружие. В 1635 г. в Козлов прислали 270 ручных пищалей, из которых

10 оказались испорченными, а остальные тут же раздали козловским стрельцам и казакам[1]. И, как сообщали воеводы, «многим не досталось». Одновременно служилым людям выделили по одному фунту пороха и по полфунту свинца. В 1638 г. козловский сын боярский Д. Савин привез из Москвы 120 пищалей московской работы и 280 пищалей немецких для полковых казаков Зарецкой слободы[2]. В 1641 г. стрельцы Челнавского острожка пожаловались в Разрядный приказ на осутствие у них пищалей. В приказе подсчитали, что в 1636, 1637, 1638 гг. в Козлов отправили 300 пищалей со «шкотским» замком и 400 пищалей с русским замком, которые раздали стрельцам и казакам[3]. По подсчетам в Козлове в это время находилось 237 казаков, 200 стрельцов, в Челнавском острожке – 224 стрельца, на Польном Воронеже в Бельском городке – 93 стрельца. Однако исправного ружья на руках оказалось только 387 пищалей «добрых», у остальных оказались испорчены замки и стволы. Поэтому специальным государевым указом из Разрядного приказа предложили взять еще 300 пищалей для отсылки стрельцам и казакам Челнавского острога.

Реально к 13 декабря 1641 г. удалось обнаружить только 150 пищалей, которых с челнавским стрельцом Б. Лысовым отправили в Козлов. В Разрядный приказ в 1641 г. послали челобитную дети боярские г. Козлова, которые одними из первых записались в новый город на службу. До этого они прошли всю смоленскую эпопею, в 1641 г. получили казенные карабины, но выяснилось, что многие из них «худы», замки и цевья поломались[4]. В Козлове отремонтировать замки никто не мог, поэтому просили отправить поломанные карабины в Москву на ремонт, а вместо них выдать деньги на закупку нового ружья.

В 1642 г. в Козлов к воеводе И. А. Ростовскому послали вместе с туляниным А. Сафоновым 398 карабинов с немецкими стволами, да двум козловцам, сопровождавшим посылку, выдали по караби-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 106.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 146.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 35-41.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 296.

ну[1]. Оружие предназначалось детям боярским, поместным атаманам и черкасам, у которых не имелось своего ружья. Воеводу обязали контролировать сохранность оружия, чтобы служилые люди его не продали, не проиграли в зернь и не пропили, что, вероятно, уже встречалось при прошлых раздачах. В случае отсутствия ружья на смотре с виновных взымался двойной штраф.

Однако не все служилые люди смогли получить новые карабины. Так, сын боярский А. М. Корсаков в это время находился на службе в Лебедяни. Дети боярские И. В. Жуков с товарищами не получили карабины из-за требования воеводы И. А. Ростовского заплатить за ружье по полуполтине[2]. Об этом же писал В. Казаков, который не имел возможности передать воеводе подарок. Все они просили выдать положенные им карабины.

Для отливки пулек к пищалям в 1639 г. послали специальную форму в «десять пулек»[3]. Ее привез Ф. Жданов. В его задачу входила проверка размеров пулек и их соответствие пищалям. В случае несоответствия требовалось поправить форму и затем отлить из свинца пулек пищальных 5 тысяч или «сколько гоже». Эти пульки рекомендовали держать наготове и в случае татарской тревоги сразу раздать воинским людям.

В южных городах формировался стрелецкий гарнизон. Требование Разрядного приказа записывать в стрельцы «прожиточных и семьянистых» воеводы выполнить не могли из-за отсутствия предложений. Стрельцов всех поголовно обеспечивали оружием, амуницией и сукном на кафтаны, исходя из их невысокого материального положения. Из смет служилых людей видно, что двое из трех стрельцов были вооружены казенным оружием. Большинство казаков также имели казенное ручное огнестрельное оружие. Важной задачей воевод и голов оставался контроль за использованием ружей и боеприпасов к ним. Местное население часто отлучалось на охоту, уходя

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 179-182.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 150-151, 174-175, 186.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 297-298.

даже за черту, не спрашивая особого разрешения у воеводы или своего головы. Разрядный приказ постоянно напоминал воеводам требования контроля за использованием государственных боеприпасов только на военные цели, что говорило о частых случаях их применения местными служилыми людьми для охоты.

Наличие оружия в домах на южной границе стало также обычным явлением в южнорусских уездах. Огнестрельное и холодное оружие становилось гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных и промысловых работ. Цена на пищаль в первой половине XVII в. колебалась в районе 1 руб., что в целом было доступно многим местным жителям, попутно с земледелием занимавшимся бортным промыслом и охотой. Помимо огнестрельного оружия на рынках южных городов шла продажа пороха и свинца для пулек[1]. Поэтому огнестрельное оружие имелось не только у самих служилых людей и их родственников, но и у многих крестьян. Дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда в первые годы функционирования крепости использовали для охраны границы и преследования кочевников. Многие из них имели ружья и своих лошадей. Тамбовские воеводы отмечали отличившихся в таких походах местных крестьян, которые за это получали различные льготы или деньги.

В 1650 г. в Козлов стольнику и воеводе Н. Л. Пушкину с козловским сыном боярским А. Хлудовым прислали 1000 пищалей московских, 10000 кремней пищальных к ним[2]. Они предназначались детям боярским и другим служилым людям, кому на Москве и в Козлове при записи в службу не хватило. Если пищали раздавались бесплатно, то за кремний брали деньги из расчета за 1000 штук по 1 рублю. Кремень выдавался из расчета 20 штук на человека.

---

[1] *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005. С. 508-509.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола № 371. Л. 120-122, 128-129, 215-219, 329, 330-331.

Причиной присылки ружей стало письмо воеводы о смотре служилых козловских людей. Он отметил, что в Тамбове, Бельском и Челнавском городках у служилых людей и их родственников, поспевших в службу, нет ружей. Все раздачи записывались в книги, а за каждым служилым человеком стоял поручитель, затем эти материалы пересылались в Москву. Разрядный приказ требовал все ружья держать у себя наготове, «не пропить и зерньюю не пройграть». Воеводы Н. В. Пушкин и его сменщик И. В. Алферьев отчитались о реализации указа в Козлове и выдаче оружия и боеприпасов. Причем некоторые служилые люди получили ружья с формулировкой из-за их «бедности».

В 1658 г. в связи с обострением обстановки на юге России во время русско-польской войны в Тамбов вновь направили большие партии оружия, боеприпасов и снаряжения. В Тамбов послали стольника князя А. И. Лобанова-Ростовского «для бережения от приходу воинских людей», а также дополнительно к местным гарнизонам 87 поплевенских, 100 ряжских и 20 шацких драгун[1]. Козловский воевода В. Н. Лихарев переходил в подчинение к новому воеводе, ему вменялись обязанности присылки козловских воинских людей для помощи А. И. Лобанову-Ростовскому. По распоряжению государя Алексея Михайловича окольничий князь Д. А. Долгорукий и дьяки Пушкарского приказа А. Галкин и В. Якимов отправили в Тамбов воеводе князю А. И. Лобанову-Ростовскому 20 пудов ручного пороха и 30 пудов свинца, а также 8 сотенных киндячных разноцветных знамен[2]. Воеводе Переяславль-Рязанскому Ф. В. Наумову пришла грамота с предложением переслать полученные мушкеты из Коломны в Тамбов.

Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться на имя государя с просьбами о помощи. Это могла быть челобитная о приобретении оружия, амуниции, отрезов сукна на кафтан и даже лошади в случае ее утраты во время военных действий. Такие челобитные

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 302. Л. 27.

[2] АМГ. СПб., 1894. Ч. II. С. 618, 621, 624.

писали особенно отличившиеся по защите государевых рубежей. Во время военных походов на границу и столкновений с татарами служилые люди теряли лошадей и по возвращении обратно обращались в приказы на имя царя, прося лошадь из государевых запасов или компенсацию деньгами. Так, ряшанин С. И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери[1]. Он в 1642 г. находился на государевой службе в Козлове и принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина и потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с кочевниками на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало ему повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади. Подобных просьб только за битву на р. Токае было несколько[2]. Группе козловских черкас, переведенных при строительстве города из Корочи, участников этой битвы, за убитых противников и потерю своих лошадей выдали компенсацию по 4 руб. за лошадь и по 1 руб. за убитого татарина.

Формирование солдатских полков на юге России пришлось на период Русско-польской войны за Украину. Так, указ о создании Тамбовского полка воеводы получили 24 марта 1659 г. Его штатный состав определялся в 1600 человек. Набирать в солдаты рекомендовалось «с тонбовцев служилых и жилецких со всяких чинов людей и Тонбовского уезду с Верхоценской волости с крестьян детей и братьев их, и племянников, и зятьев их, и внучат, и захребетников» и некоторых сел Шацкого уезда[3]. Им давали по 7 руб. за службу. Солдаты полностью вооружались за казенный счет. В 1659 г. Разрядный приказ прислал в Тамбов 1443 мушкета, 1600 лядунок, ружейные фитили, бандельеры, знамена и барабаны[4]. В 1668 г. из Разрядного приказа для тамбовских солдат поступило 1118 руб. 13 алтын и 8 денег на пошив 592 кафтанов.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 184.

[2] Там же. Л. 235-237.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 117.

[4] Там же. Л. 263-265; Столбцы Белгородского стола. № 459. Л. 113.

В 1660 г. козловский воевода В. Н. Лихарев и его товарищ И. П. Лихарев получили из Москвы указ о покупке 1000 кафтанов для местных служилых людей. В этот период воеводы Доброго и Сокольска находились в подчинении у козловского воеводы, которые направили им запрос с требованием произвести закупку кафтанов и овчин. Однако оба воеводы отказались выполнить поручение и ни одного кафтана не закупили[1].

В 1661 г. из Пушкарского приказа в Тамбов отправили зелья ручного и пушечного, а также свинцу по 50 пуд. Позднее дополнительно прислали зелья ручного 16 пуд. 24 гривенки. Часть этих припасов из Тамбова отправили вместе с ратными людьми в Белгород воеводе И. П. Лихореву. Пять пудов зелья ручного воевода передал в Лысогорский городок. В 1662 г. воевода А. Н. Головин принял в Тамбове от окольничего князя И. Д. Пожарского зелья ручного 170 пудов, 154 пуда пушечного и 50 пудов свинцу[2]. Произведя все расчеты А. Головин отметил наличие в Тамбове 173 пуд. 15 гривенок зелья ручного, 173 пуда 15 гривенок зелья пушечного, 100,5 пуд. свинцу. Он отметил недостаток боеприпасов в городе на случай прихода противника.

Особое внимание правительство уделяло оснащению полков, находившихся в военное время на театре военных действий. Так, во время русско-турецкой войны, получив известия о возможном крупном приходе татар под Тамбов, Боярская дума специальным указом от 12 июля 1680 г. перебрасывало часть войска известного русского полководца К. О. Щербатова, действовавшего на Украине, в район Козлова и Тамбова[3]. В полки к К. О. Щербатову из московской Оружейной палаты направили дополнительное оружие: 590 карабинов и 1090 пистолей рейтарского строя, 1361 мушкет и 4563 бердыша солдатского строя, 16 полковых пищалей разного калибра[4].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 343. Л. 42.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 218. Л. 64-65.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 301. Л. 11-23; № 950. Л. 113-114, 131, 494-496; № 1301. Л. 310-325.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1000. Л. 57, 92-94, 167-171, 185, 217-259, 331-333.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о значительном внимании правительства России на протяжении всего XVII в. к вооружению и оснащению служилых людей в южнорусских пограничных городах. Милитаризация повседневной жизни объяснялась постоянной военной угрозой со стороны кочевников. Шло централизованное снабжение не только артиллерией, но и ручным огнестрельным оружием, некоторыми видами холодного оружия. Накануне крупных военных событий присылались и пополнялись запасы пороха, пуль и другие необходимые материалы. Центральная власть стремилась унифицировать внешний вид местных служилых людей, периодически отправляя им деньги или отрезы сукна на кафтаны (см. Приложение, табл. 6, 7).

3.6. ЦЕРКОВЬ НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ СТРАНЫ

В городах и селах юга России определенную долю населения составляли священнослужители. Это были приходское духовенство, возглавляющее местные приходские церкви, и монахи местных монастырей. До основания Тамбовской епархии в 1685 г. тамбовские священники относились к Рязанской епархии и подчинялись рязанским архиепископам. Степень контроля за их деятельностью со стороны Рязанской епархиальной канцелярии оставалось весьма незначительной из-за больших расстояний. Официально 8 января 1637 г. государевым указом Козловский уезд также вошел в подчинение рязанской епархии и рязанскому архиепископу[1]. Однако гораздо большее значение имел контроль за священниками со стороны уездных воевод. Об этом говорят многочисленные факты взаимоотношений воевод и приходских священников. При строительстве монастырей, соборной и частично приходских церквей епископ и его канцелярия снабжала их частью церковного имущества, прежде всего предметами службы и книгами. Епископ обычно имел в подведомственных епархии городах свой двор на случай приезда. Например, в Козлове такой двор появился в 1652 г. при воеводе И. В. Алферьеве. Его купили за 5 руб. с полтиной у сына боярского Г. Филатова в Сторожевой слободе на посаде для архиепископа Рязанского и Муромского Мисаила[2]. Во дворе находилась изба, клеть с конюшней, баня, омшанник, чулан.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 347-352.

[2] ИТУАК. 1886. Вып. XI. С. 42-43.

За городом в Козлове существовало подворье Спасского монастыря. В 1649 г. его получил по строельным книгам соборный поп г. Козлова Елфим. На эти земли обратили внимание дети боярские. Они отметили, что священник имеет свой двор в Козлове, а подворье Спасского монастыря стояло пустым и там никто не жил. Поэтому четыре сына боярских во главе с Г. Полуниным просили это подворье отдать им для строения своего жилья, что и исполнили[1]. Таким образом, интересы служилых людей Разрядный приказ посчитал более важными.

Священнослужители выступали для своих прихожан в качестве духовных отцов, подписывали официальные документы от лица своей паствы, участвовали в переговорах с уездным руководством, готовили челобитные в поддержку своих односельчан. Церковное строительство в южных уездах велось двумя путями. Первый – государственный. Обычно соборную церковь в уездном городе строили за счет государства, выделяя для этого средства, книги и церковную утварь. В самом начале функционирования соборной церкви в Козлове 28 января 1637 г. из казны покойного патриарха Филарета взяли 4 шестодневца[2], 4 Четьи Минеи, 4 псалтыря, 4 часовника печатных в переплете. Все книги предлагалось прислать в Разрядный приказ для дальнейшей их передачи в Козлов[3].

Священнослужители соборных церквей получали ругу в виде денег или льготу в торговле. Так, в 1635 г. по грамоте Михаила Федоровича и благословению патриарха Иосифа в Козлов в соборную Покровскую церковь послали попа Ефима. В грамоте указывалось ведать Козлов и Тамбов рязанским архиепископам[4]. Его обеспечивали книгами, иконами и предметами службы. В октябре 1636 г. воевода И. В. Биркин подал челобитную в Рарядный приказ, в которой отписал, как в Козлове городе в соборной церкви на празд-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 45-46, 49-55.

[2] Шестоднев – религиозно-философское учение, комментирующее первые главы Библии.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 353.

[4] РГАДА. Ф.181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. Л. 40.

ник Пресвятой Богородицы «..ея Покрова» провели торжественную службу, где поминали государя с царицей, детей царя, его воинство и бояр, что являлось своеобразным сопроводительным письмом священника соборной церкви Покрова святой Богородицы Ефима. Он приехал со «святыми водами», а по традиции протопоп или поп, приехавший со святыми водами, имел право на подарок. Поэтому священник и просил жаловать его государевым сукном и деньгами[1].

Соборная церковь обеспечивалась за счет государства вином и ладаном. За период 1635–1641 гг. соборной церкви выдали по ведру церковного вина и по 7 фунтов ладана, поп Ефим получил в Москве на селитьбу и строение 8 руб. государева жалования, а дьякону – 4 руб. А на 1642 г. вино и ладана не получил, о чем он проинформировал Разрядный приказ. Козловской Покровской соборной церкви 21 июня 1636 г. попу Ефиму выдали государева жалования годовую ругу 6 руб. в год, 7 четвертей ржи и 7 четвертей овса[2]. Дьячок получил жалования 2 руб., ржи 6 , а овса 3 четверти. Эту ругу давали с 1636 по 1640 гг., а затем священник получал 4 руб. денег, хлеба рожь 5 четвертей с осьминой, овса 5 четвертей, а дьячку – 2 руб., ржи – 3, овса – 3 четверти. Всех священнослужителей соборной церкви оделили 50 четвертями земли. Однако поп Ефим жаловался, что он вместо зерна получил деньги, на которые прожить невозможно. В 1648 г. государственной руги и зерна ему не дали вообще. Он же просил поверстать в дьячки его сына Аникея, что и исполнили.

В 1652 г. козловский воевода И. В. Алферьев составил опись всех церквей Козловского уезда[3]. Причина составления описи состояла в смерти 25 апреля патриарха Иосифа. Поэтому воевода отвечал за проведение службы сорокоуст в память об усопшем патриархе во всех церквях своего уезда. Иму же вменялась задача сбора денег и отправки их в Москву с одним или двумя представителями местного духовенства.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 146-148.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 279. Л. 100-107.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 341. Л. 171-197.

В Козлове к 60-м гг. XVII в. обветшал собор, поэтому 2 ноября 1666 г. козловскому воеводе И. А. Вельяминову послали грамоту из Разряда с заданием отстроить заново соборную церковь. Бревна для нее велели заготавливать козловцам разных чинов людям[1]. А плотникам требовалось выдать 30 руб. из козловских всяких доходов. Воевода отчитался, что 22 октября 1666 г. он церковь Покрова Пресвятые Богородицы отстроил, а 25 октября освятил. Ее соорудили посреди города на новом порожжем месте между Тамбовскими и Московскими воротами. В церкви насчитывалось 5 глав, украшенных крестами из белого железа: 4 маленьких и одна большая. В Алешенском стане, рядом с Козловом, располагался старинный Троицкий монастырь с 10 жилыми и одной больничной кельями. В двух стрелецких слободах – Бельском и Челнавском городках – находилось по две церкви в каждой. Всего в уезде насчитывалось 49 церквей. В некоторых из них имелся только священник, в других, кроме приходского священника, служил дьячок.

В козловском соборе Покрова Пресвятые Богородицы службу несли два священника Ефим и Василий, дьякон, дьячок-пономарь и просвирница[2]. Около Московских ворот располагалась церковь Пророка Ильи. Кроме священника, здесь проживали монахи в шести кельях. В городе, кроме соборной церкви, еще насчитывалось 9 церквей, причем в двух слободах имелось по 2 церкви.

Строительство приходских церквей осуществлялось, как правило, самими прихожанами. Поскольку практически все церковные строения до конца XVII в. возводились из дерева, коего в окрестностях Тамбовского и Козловского уездов оставалось много, то расходы на их возведение оставались сравнительно небольшими. Однако церкви горели, ветшали, нуждались в ремонте. Иногда и здесь требовалась помощь воеводы. В 1658 г. группа священников козловских приходов из Устинской слободы, сел Турмасово и Круглое просили воеводу В. Н. Лихарева выдать им из государевых запасов тес для покрытия шатров приходских церквей[3]. Воевода без царского указа не решился

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 406-407.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 341. Л. 171.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 65-72.

на такой шаг. Поэтому в ответ на челобитную священников Разрядный приказ указал выделить тес из городовых запасов, а для восстановления после пожара крыльца и кровли Пятницкой церкви в Стрелецкой слободе г. Козлова, передать дубовые бревна и тес.

Обеспеченность церковной утварью происходила за счет рязанской епархии, личных вкладов самих священнослужителей или прихожан. В 1651 г. нововерстанные дети боярские с. Нижних Пупок в количестве 50 человек обратились в Москву с просьбой о получении для построенной ими церкви Богоявления Христово напрестольного Евангелия[1]. Рарядный приказ постановил выдать козловцу сыну боярскому С. Карачникову 2 руб. на приобретение нужной книги.

В 1673 г. воевода И. П. Селунский сообщил в Разрядный приказ, что по росписному списку в Козлове на соборной церкви находятся колокола: первый – 10 пуд. 35 гривенок, прислан в 1652 г. Второй колокол имел вес 10 пуд. 8 гривенок. А всего в соборной церкви 5 колоколов, однако два благовестных колокола оказались разбиты в приход «воинских людей», и к благовестной службе стало нечем звонить. У воеводы имелась отписка о наличии одного разбитого колокола в 1673 г., которую он направил в Разрядный приказ с козловцами детьми боярскими[2]. Туда же послал челобитную протопоп соборной церкви Викула, прося прислать большие колокола. Была проведена проверка на наличие в Москве в котельном ряду колоколов и рассчитана их стоимость. В результате государева указа поступило предложение заменить разбитый колокол, который привезли из Козлова, на новый у торгового человека Ф. Турчанина. Новый колокол оказался весом 16 пуд. 8 гривенок. Расчет стоимости показал расходы: 18 руб. 25 алтын за медь и за работу – 11 руб. 4 алтына 2 деньги, то есть общая стоимость колокола составила 29 руб. 29 алтын 2 деньги. Средства дьяк Ф. Шакловитов предложил взять из доходов Разрядного приказа.

Некоторые монастыри обращались на государево имя с просьбой о приобретении церковного имущества. В 1641 г. черный поп

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 18-19.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 445. Л. 218-226.

новой Живоначальной Троицкой церкви Козловского монастыря Иосиф обратился к царю с просьбой выделить для «богомолья» имущество на усмотрение[1]. В ответ по грамоте из Москвы прислали колокола, ризы киндячные, стихарь, подризник, епитрахиль, поручи бархатные и пояс, а на одежду предложили выдать из местных таможенных доходов 2 руб.[2]

В местных церквях причт состоял из нескольких служителей. Это могли быть один, два, реже три священника, которые несли службу поочереди. Встречались диаконы, дьячки, пономари и просвирницы. Скорее всего, как и в центральных уездах, количество причта во многом определялось размерами села и местными прихожанами[3]. Священнослужителя в сан посвящал епископ, а их пополнение чаще всего шло из детей самих попов, с детства помогавших своим родителям в службе. Земельные наделы выделялись сельской общиной и контролировались воеводской властью. В Тамбовском уезде церкви получали земельные и сенокосные угодья сравнительно небольшие: земельный надел в одном поле имел от нескольких четвертей до 20 четвертей, а сенокосные угодья от 100 до 300 копен[4]. В Козловском уезде наделы землей оставались более универсальными, так как там проживали в основном дети боярские и казаки: 20 четвертей земли и 40 копен сена[5]. Такие земельные наделы в целом были распространены и в центральных уездах России[6]. Кроме того, собственностью приходской церкви являлся участок земли со строениями под усадьбу и огород. В случае смерти священнослужителя, если их в приходе было несколько, усадьба оставалась за вдовой попадьей, пока один из ее сыновей не принимал священнический сан.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 53-58.

[2] Киндячный – название бумажной набойчатой ткани, стихарь – богослужебная одежда церковнослужителей, с широкими, прямыми рукавами, епатрахиль – длинная лента, огибающая шею.

[3] *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. С. 54.

[4] ИТУАК. 1894. Вып. 39. С. 229-244.

[5] Там же. Л. 250-271.

[6] *Стефанович П. С.* Указ. соч. С. 132.

В Тамбовском и Козловском уездах встречаются 24 названия церквей. Наиболее распространенными являлись церковь Чудотворца Николая и Архангела Михаила (по 14 % от всех церквей соответственно), часто упоминались Богоявленская (10 %), Покрова Пресвятой Богородицы (9 %), Вознесения Господня и Дмитрия Селунского (по 6 %)[1]. Остальные названия употреблялись гораздо реже. В меньшей степени встречалось название Святого страстотерпца Георгия, культ которого в этом регионе не получил широкого распространения. Также редко встречались названия церквей, связанные с культом Богородицы, то есть Рождества Пресвятой Богородицы и Успения Пресвятой Богородицы.

Полностью логику названий, данных нашими предками церквям, мы вряд ли сможем предугадать, но некоторые соображения можно высказать. Скорее всего, часть таких названий переносилась от церкви выхода переселенцев, сохраняя прежние духовные привычки. Причем крестьянская психология отмечать престольные праздники в осенне-зимний период, после окончания сельскохозяйственных работ, автоматически переходила на новые поселения служилых людей. Другие названия давались по ближайшим праздникам, когда закладывалась церковь. В некоторых случаях первоначально в поселении появлялась часовня, название которой затем переносилось на церковь. В любом случае интересы сельской общины и ее духовные пристрастия учитывались в первую очередь.

Трагичная история рязанского архиепископа Мисаила

Рязанская епархия после строительства Козлова и Тамбова одной из важнейших своих задач видела в христианизации нерусского населения. Этот процесс шел медленно и неспешно. Какая-то часть мордвы приняла православие, их называли новокрещенами, но значительная группа к середине XVII в. оставалась языческой.

[1] ИТУАК. 1894. Вып. 39. Л. 225-272.

Избрание в 1653 г. патриарха Никона изменило политику русской церкви по отношению к язычникам. Было принято решение о поголовном их крещении в Русском государстве. В Поценье оно вылилось в массовом крещении тамбовской мордвы. Рьяным проводником этого решения стал рязанский архиепископ Мисаил. Он нес службу ризничего у Новгородского митрополита Никона, будущего патриарха, который и рекомендовал его в 1651 г. в Рязанскую епархию. В 1654 г. Мисаил получил согласие патриарха Никона на проповедческую деятельность среди мордвы Рязанской епархии. По указу Михаила Федоровича и патриарха Никона Мисаилу приказали отправиться в Шацкий, Тамбовский, Кадомский и другие уезды для крещения мордвы. П. И. Мельников-Печерский отмечал, что архиепископ, приезжая к мордве, требовал уничтожать старые капища, сжигать их священные рощи. Это, естественно, вызвало сильные волнения у местного нерусского населения, оно внутренне еще не было готово к такому переходу.

Крещение мордвы в Тамбовском уезде осуществлялось в 1654–55 гг.[1] В четырех поселениях Троицкого Цнинского монастыря в это время проживало в 10 дворах 46 человек новокрещенов. Им предложили перейти на казачью службу. Однако крестьяне не хотели терять свои бортные ухожья и сдали право на эту службу «охочим» людям, а сами остались за монастырем. Мисаил первоначально съездил в дворцовое с. Конобеево и Конобеевский присуд, в с. Ялтуново и д. Устье, Янбирино тож, где окрестил 315 человек[2]. Но из с. Березово Ининой слободы, д. Агламазова, Енеевой и Рановской Усады мордва в с. Конобеево к ним на крещение не приехала.

Тогда архиепископ поехал сам в Инину слободу, где собрались мордовцы из всех вышеупомянутых селений. Всего прибыло на лыжах с ослопьем, рогатинами и топорами около 200 человек. Мисаил провел переговоры на дороге с представителями мордвы. Однако те отказались креститься и заявили, что послали к Москве

[1] ИТУАК. 1888. Вып. № 21. Л. 22.

[2] РГАДА. Ф.181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. Л. 70-71; ИТУАК. 1885. Вып. 5. С. 39-41.

челобитчиков с целью выяснить: указал ли государь их крестить. Мордва начала отговариваться, что им христианской веры «не сдержать», они ездят в вотчины дальние на Хопер и Ворону, едят звериное мясо, их жены не знают русского языка. Однако Мисаил приводил свои контраргументы. Русские, живущие в селах Верхоценской волости, также ездили в свои дальние вотчины, ели рыбу и звериное мясо. У многих из них жены мордовки и дети хорошо знали русский язык. Но общего языка спорщики так и не нашли. Мордва явно не стремилась перейти в новую веру.

18 марта 1654 г. Мисаил поехал из с. Конобеево в Тамбовский уезд в Верхоценскую волость. Он ссылался на факты прихода многих местных людей с информацией о готовности мордвы креститься в православную веру. Из отписки Мисаила в Москву видно, что за 1654 г. он сумел окрестить в православие 4200 мордовцев, в том числе и в Тамбовском уезде[1]. В Шацком уезде осталось более 2 тысяч, в Кадомском – 4200 человек некрещеных. Поэтому в 1655 г. он поехал в Шацкий уезд с той же миссией. О дальнейших событиях сообщает отчет сына боярского А. Бахолдина, который лично сопровождал архиепископа в этой поездке[2]. Его донесению можно верить, так как он являлся реальным свидетелем трагичных событий.

26 февраля 1655 г. преосвященный Мисаил на основании царского указа выехал в Шацкий уезд для крещения мордвы и татар[3]. А. Бохолдин отмечал, что мордва оказалась непослушной и «во крещение не пошли». Мисаил отписал Михаилу Федоровичу о нежелании коренного населения креститься, в ответ получил царскую грамоту с требованием взять с собою служилых людей в с. Конобеево «сколько человек пригоже» и ехать в уезд для крещения мордвы. То есть политика насильственной христианизации продолжалась. Однако архиепископ не доехал до Конобеево и повернул в мордовскую д. Янбирево. Это был вторник на Страстной неделе. Подъехав к деревне, они обнаружили множество людей – мордву и татар,

[1] РГАДА. Ф.181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. Л. 72.

[2] Там же. Л. 73.

[3] Там же. Л. 76.

которые укрылись в избах, клетях и срубах. По приблизительным подсчетам здесь присутствовало не менее 5000 человек. Скорее всего, сюда собрались и жители соседних поселений. Сам А. Бохолдин в это время заехал в конюшню за околицу, и мордовцы, увидя его, стали за ним «гоняться» с ружьем. Мисаил один поехал им навстречу, чтобы самому зачитать царский указ. Перед ним из укрытий вышло много местных людей с оружием в руках и начали на лыжах гоняться за домовыми архиепископа людьми. Из-за глубогоко снега ускакать было достаточно сложно, а мордва начала в архиепископа стрелять из луков. Поэтому А. Бохолдин поехал к архиепископу, который остался один, и спас его от удара копьем. В это время один мордвин, по прозвищу Гречишка, выстрелил в Мисаила из лука и попал стрелою в руку и подмышку около сердца. Архиепископ попросил вынуть стрелу из груди. В это время мордва прибежала на лыжах и хотела архиепископа ударить копьем, а тело унести с собою. Один из нападавших бросил копье в сына боярского и сшиб с него шапку, другой ударил дубиной по седлу и частично повредил его. А. Бохолдин ухватил Мисаила под руки и вывез его на лошадях. Дальше ему помог ризничный Варлаам, с которым они увезли раненого на санях в с. Агламазово. Здесь Мисаил перед образом Спасителя начал плакать и кровью своей омывать голову. Через день, в четверг, Мисаил от раны умер. Он велел похоронить себя у церкви Святого мученика Мины в Чернеевом монастыре, в лесу на пустом месте. Однако по указу Михаила Федоровича и патриарха Никона тело Мисаила перенесли в Рязань в церковь Архангела Михаила, где в гробу оно пролежало год. И только затем здесь же его предали земле.

После убийства преосвященного Мисаила воевода, стольник Л. Ермолов провел следствие, и в тюрьме оказалось из нижних 5 деревень 684 человека мордвы[1]. Именно их и окрестил в с. Конобеево священник Кошкого погосту Шацкой десятины Федор и путный ключник Ф. Лихачев. Так закончилась попытка силой принудить цнинскую мордву принять христианство. После принятия христианства мордва приравнивалась к русским крестьянам и ее переводи-

[1] РГАДА. Ф.181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. Л. 76.

ли с привычного ясака к тягловому обложению, чего мордва пыталась избежать. Кстати, в д. Янбирино в это время проживали не только мордовцы, но и русские крестьяне, которые не выступили защитниками своего пастыря. Политику насильственной христианизации признали ошибочной, и церковь продолжила свою миссионерскую деятельность среди нерусской части населения. Спустя несколько десятилетий – к концу XVII в. – эта проблема оказалась решенной, цнинская мордва приняла православие, и конфликты на религиозной почве с язычниками больше не наблюдались.

Тамбовские монастыри

В истории заселения и освоения Тамбовского края значительную роль сыграли местные монастыри, часть которых возникла еще до строительства первых городов[1]. Они становились проводниками русского православия на этих территориях, а также одним из традиционных направлений русской колонизации.

Козловский Троицкий монастырь

После строительства Козлова Троицкий монастырь быстро рос и становился влиятельной экономической и духовной силой в уезде. Часть строений в монастыре поставили служилые люди, а другую часть – старцы. В 1635 г. по строельным книгам И. В. Биркина и М. И. Спешнева отмечалось, что монастырь «вновь строится», то есть началось его расширение. Упоминался недостаток строений и имущества: только 5 келий, отсутствовали колокола, книги. Монастырю передали государеву пашню в 50 четвертей за р. Воронеж, 543 копны сенных покосов возле Касымова перелазу. К Козлову отошли земли по р. Воронеж около города, которые принадлежали крестьянам Д. М. Пожарского. Их воеводы передали черному попу

[1] См.: *Мизис Ю. А., Напольникова П. К.* На южных рубежах Московского государства. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). Тамбов, 2022.

Иосифу с братьею для строительства мельницы, вместе с рыбными ловлями, что давало возможность получить прибыль. Однако четкого разделения угодий не произошло. Козловцы не пускали монастырскую братию на берег для ловли рыбы. Поэтому из Разрядного приказа пришел указ о наделении монастыря береговым участком длиной 5-6 сажень и 1 сажень в ширину для сушки неводов[1].

В 1636 г. ратные люди Козловского уезда построили в Троицком монастыре деревянную церковь, а другие строения соорудили старцы, так как «место пустынное, крестьян нет...»[2]. В 1642 г. по царской грамоте монастырская братия получила на р. Воронеж, от р. Иловай и Сестренки, разрешение на постройку мельницы «на свечи, на ладан и всякое монастырской строение»[3]. Здесь вновь возник конфликт с крестьянами Д. М. Пожарского, с которыми граничили их угодья. Крестьяне не разрешали монастырю построить мельницу. Пришлось вновь обращаться в Москву для разрешения спора, что позволило построить мельницу.

Право монастыря на р. Воронеж заниматься рыбной ловлей и бобровыми гонами подтверждалось специальной грамотой. В 1649 г. Троицкий монастырь по грамоте из Приказа Большого дворца получил грамоту на рыбные ловли и бобровые гоны на р. Воронеж, от устья р. Иловай до устья р. Сестренки. Он мог владеть этими угодьями безоброчно. По описанию 1653 г. в монастыре насчитывалось уже 10 келий с 13 старцами и 8 беглецами. Также одна келья использовалась как больничная. За монастырем числилась слободка с 11 бобыльскими дворами, по обе стороны Лесного Воронежа располагались 112 четвертей пашни, 500 копен сенокоса, 34 десятины леса, 1 мельница и прежние рыбные ловли и бобровые гоны.

В 1649 г. выяснилось, что часть русла р. Воронеж от р. Сестренки до Демьяновского затона официально числилась за крестьянином боярина Н. И. Романова К. Салищевым из с. Малых Студенок. Однако он этой вотчиной не пользовался, а реально она числилась

[1] ИТУАК. 1889. Вып. 25. С. 53-54.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 597. Л. 1-15.

[3] ИТУАК. 1887. Вып. 16. С. 13-15.

за козловским монастырем. Именно последний платил 1 руб. 3 алт. 2,5 деньги оброка в год[1]. Здесь же монастырь на плесе поставил мельницу. Но конфликт за право пользоваться землями и руслом реки продолжал сохраняться. В 1649 г. окончательно определились с землями К. Салищева, передав его в вотчину Козловскому Троицкому монастырю. Одновременно возник спор по владению соседнего ухожья от Никольского затона и р. Сестренки, который принадлежал драгуну с. Доброго С. Филатову[2]. Он получил рыбные ловли в оброк на три года с наддачей, выплачивая за них 3 руб. 2 деньги в год. Этот конфликт пришлось гасить полюбовно.

Записываться в козловский монастырь разрешалось и донским казакам при наличии вклада в монастырскую казну. В 1649 г. подал челобитную Козлова безместный чернец В. Шамов[3]. Он служил на Дону 30 лет, воюя с крымскими и ногайскими воинскими людьми, отбивая у них русский полон, сам попал в плен к татарам и находился в плену в Азове более полугода. Из плена ушел и вышел на Дон к казакам. Затем служил 10 лет в Козлове казачью службу. От всех жизненных передряг стал увечен и подстригся в чернецы, скитаясь между дворами. Внести вклад в монастырь из-за отсутствия средств не смог, поэтому просил записать его за Троицким монастырем без вклада, что и было разрешено. А вклад заслуженному воину выдали в сумме 2 руб. из козловских доходов.

В этом же году монастырю отказали во владении ухожьем по р. Лесному Воронежу в связи с передачей его городским жителям Козлова. Взамен монастырю передавалось право получения ежегодно 5 руб. с городских таможенных доходов[4] Настоятелю монастыря эта сделка показалась неудачной, так как за рыбные ловли монахи получали 25 руб. в год. Монастырю пошли навстречу по грамоте 1658 г., оставив за ним прежний участок по Лесному Воронежу.

---

[1] ИТУАК. 1889. Вып. 25. С. 54-56.

[2] Там же. С. 55-57.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 268. Л. 206-208.

[4] Там же. С. 61-63.

Сохранилось описание Троицкого монастыря при князе, воеводе Д. М. Несвицком. В нем находилась церковь Живоначальной Троицы с комплектом служебных книг, риз, посуды, колоколов. В монастыре насчитывалось 9 келий монашеских, 2 кельи «бельцов» и одна больничная, всего проживало 27 человек монахов и «бельцов»[1]. При монастыре уже имелась слободка с 8 жилыми дворами, в которых жили 1 вдова, 7 владельцев и 10 родственников. Три двора стояли «впусте»: в одном умер хозяин, а в двух других они сбежали. Крестьяне владели 54 четвертями пашенной земли и 58 четвертями дикого поля. Таким образом, всего за слободкой числилось 112 четвертей в одном поле, 500 копен сена в поле и 43 десятины леса. На р. Лесном Воронеже продолжала стоять монастырская мельница с двумя колесами. Одно колесо предназначалось для перемалывания зерна, а другое – для толчения.

В 1660 г. при игумене Кирилле в монастыре появилась каменная церковь Успения пресвятой Богородицы, ограда и деревянная церковь во имя Зосимы и Савватея[2]. Однако обеспечить последнюю церковь всем необходимым монастырь не мог, поэтому попросили дать ухожий, доходы с которого дадут возможность оснастить церковь инвентарем, необходимым для ведения службы.

В 1661 г. от царского имени воеводе В. Н. Лихареву пришла грамота с предложением наделить монастырь рыбными ловлями и бобровыми гонами по р. Лесному Воронежу в Лебедянском уезде от Никольского затона. Воеводе предложили отказать драгунам на право владения этим ухожьем и передать его Троицкому монастырю в оброк за 2 руб. 10 алт. 4 д. в год, что и было осуществлено. В 1664 г. воевода В. Н. Лихарев послал подьячего козловской съезжей избы А. Панова и детей боярских И. Давыдова и О. Степанова на Лесной Воронеж с целью обновить старые межи и грани ухожья Троицкого монастыря[3]. Новые границы были определены и вписаны в межевые

[1] ИТУАК. 1889. Вып. 25. С. 57-59; ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-2.

[2] ГАТО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 127. Л. 63-64; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 597. Л. 2.

[3] Там же. Л. 64-68.

книги. Видно, что настоятели монастыря постоянно требовали уточнения границ угодий, так как грани часто уничтожались временем и погодой, что приводило к хозяйственным конфликтам.

В 80-гг. XVII в. монастырь по-прежнему владел рыбными ловлями по рекам Лесному и Польному Воронежам и от устья до вершины р. Иловай. Раньше монастырь имел угодья на р. Рясе. Однако эти места к 80-м гг. XVII в. оказались занятыми селами и деревнями Ряжского, Добринского и Козловского уездов. Поэтому архимандрит козловского Троицкого монастыря Дорофей просил взамен утраченных земель дать монастырской братии на свечи, ладан, церковное строение и старцам «на пропитание» рыбные угодья от р. Избердей до верховьев р. Матыры. С этой целью составили специальный чертеж земель.

В 1685 г. в ответ на многочисленные челобитные архимандрита Троицкого монастыря Дорофея, в которых отмечался резкий рост численности братии, был подготовлен государев указ. К этому времени в монастыре насчитывалось более 50 монахов, а с мирскими работниками общая численность жителей обители приблизилась к 100 человек[1]. Они просили прибавить к их вотчине на Лесном Воронеже дикую землю до р. Сурены для сенных покосов. К прежним 112 четвертям в одном поле им добавили еще 178 четвертей земли, а к 500 копнам сенных покосов еще 500 копен. Сохранилась мельница, теперь уже с тремя колесами для перемалывания муки. Мельницей монастырь пользовался без оброка и доходы с нее шли на свечи и ладан. В 1702 г. группа посадских людей из Коломны предложила взять мельницу на оброк. Монастырская братия высказала обеспокоенность этой идеей, отмечая отсутствие тогда средств на содержание обители. Эта просьба в Монастырском приказе была уважена, и мельница осталась за монастырем. Козловцу А. Топильскому поручалось по грамоте государя и от лица воеводы Ф. Х. Лапухина наделить Троицкий монастырь дополнительными землями на церковное и монастырское строение и пропитание братии.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 597. Л. 70-83.

В 1695 г. монастырь поставил вопрос о землях около их вотчины на р. Лесной Воронеж. Там стоял лес, который жители Козлова весь извели. Поэтому монастырская братия испрашивала разрешение на присоединение этих земель к своей собственности. Воеводе И. М. Колычову поручалось отмерить указанную землю и передать ее в монастырь. Козловца В. А. Свешникова послали для измерения этих земель и установления граней. Однако Ф. Туровский с товарищами 40 человек отказались передавать свою землю монастырю, но не представили документы на право ее владения. Только в августе 1697 г. подьячий козловской приказной избы А. Пашигорев вместе с жителями Борщевой слободы поехал на Лесной Воронеж для размежевания порожжей земли и установления границ.

Проблема уточнения границ этого надела оставалась и в начале XVIII в. В июне 1703 г. козловца М. Юрлова и подьячего приказной избы Л. Степанова козловский воевода Г. И. Волконский направил к р. Лесной Воронеж на дачи монастыря вместе со старожильцами. Речь шла о разделении пашенной земли и сенных покосов с землями с. Борщевого, владельцев которых в документе еще называли «помещиками» по «крепостям и по старожиловым сказкам, и по досмотру, и по чертежу»[1]. Отсутствие документов у местных «помещиков», привлечение большого количества старожильцев позволили спорную землю отдать монастырю. Таким образом, видно, что Козловский Троицкий монастырь вел хозяйство напористо, расширяя свои владения, пользуясь неограниченной поддержкой как местных воевод, так и органов центрального управления.

Козловский Ильинский монастырь

В Козлове при начале строительства крепости построили женский Ильинский монастырь. По опросу старицы монастыря Дарьи в декабре 1669 г., монастырь появился «в прошлых годях, тому с двадцать пять лет»[2]. По докладу из Разрядного приказа подья-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 597. Л. 4- 96.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородсого стола. № 666. Л. 46.

чии обнаружили, что в документах о строительстве женского монастря информации нет. Впервые она появилась в книгах писца князя Д. М. Несвицкого в 1651–52 гг.[1] В задачу монастыря входил приют для женщин – вдов служилых людей. Некоторый свет на историю появления монастыря проливает письмо его старицы Пелагеи с сестрами на государево имя[2]. Она приводила численность сестер в 50 человек, которые собрались из разных мест. Они жили около церкви Ильи Пророка в Стрелецкой слободе рядом с городской стеной в 6 кельях. Невдалеке находился торг и кружечный двор, от чего у них встречались от людей «обида и теснота», деревянная ограда погнила. Они не получали жалования и не имели никаких угодий. Питались в основном подаянием или помощью родственников. Церковь построил козловец Б. Бровкин, а после смерти его сын Григорий передал церковь ильинскому попу Василию.

Новый священник брал с монашек за келейное место по 1-2 руб. Жить монашкам стало негде, так как никакого девичьего монастыря в городе больше не имелось. Они просили выделить под монастырь землю из порожжих мест между Стрелецкой, Казачьей и Черной слобод. В ответ 2 ноября 1669 г. пришла грамота козловскому воеводе С. И. Хрущову. Ему поручалось подыскать удобное место для монастыря, а также выдать монашкам из государевых житниц полосьмины ржи и по четверти овса на пропитание.

Из челобитной старицы монастыря игуменьи Анны в 1679 г. видно, что изменений в положении монашек произошло немного[3]. При строительстве земляного города воеводой С. И. Колтовским в 1678 г. Ильинский монастырь оказался ближе к прежнем городу. В это время здесь проживало 58 женщин, которые не имели вотчин и жалования. Они по-прежнему собирали милостыню на пропитание, то есть не имели постоянного дохода от государства. Если раньше им помогали мужья и братья, то многие из родственников оказались убиты или попали в плен. Сама игуменья Анна – уроженка Ельца, ее мужа В. Перцева убили в приход крымского хана

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородсого стола. № 899. Л. 21-22.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородсого стола. № 666. Л. 32-66.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородсого стола. № 899. Л. 20-24.

под Конотопом в 1659 г. Анну вместе с сыном захватили в полон татары, где она провела 4 года. Она вышла из плена и постриглась в монашки. Другие женщины также постриглись в Козлове при монастыре, но у них не имелось игуменьи. Ее и поставили игуменьей в 1648 г. В 1669 г. им обещали выдачу хлебного жалования: ржи и овса по осьмине, однако годового денежного и хлебного жалования не указали, руги за ними не имелось. В монастыре с игуменьей находилось в это время 58 стариц и 20 старых вдов «белиц», прибившихся в монастырь от скудости. Кормились они своими трудами и мирским подаянием. Рядом с монастырем размещалась кабацкая изба, а у них отсутствовала ограда, что приводило «к зазору великому». Государевым указом старицам выдали из козловских житниц по осьмине ржи и овса одному человеку, а «белицам» – по полуосьмине ржи и овса. Воеводе указывалось построить около монастыря ограду силами козловских городских и уездных людей. Кабацкую избу приказали перенести в другое место, подальше от монастыря.

В другой челобитной игуменья просила назначить старицам ругу, как в подобных женских монастырях принято. Просьба была удовлетворена, и козловскому воеводе И. П. Селунскому указали выдать с 1 сентября 1680 г. игуменье по полтине, старицам по полуполтине человеку, хлебного жалования по осьмине ржи и овса каждому человеку в год. Таким образом, монашки козловского Ильинского монастыря добились регулярной руги в виде хлебного и денежного жалования из местных доходов, что позволило монастырю получить стабильность в своем существовании, а одиноким женщинам найти приют и духовное успокоение.

Троицкий Цнинский монастырь

Продолжали фукционировать местные монастыри Тамбовского уезда, которые возникли еще до строительства крепостей. В 1640 г. Троицкий цнинский монастырь имел деревянную церковь Живоначальной Троицы, которую поставили игумен Нифонт и стольник Р. Ф. Боборыкин. В церкви находилась икона Живоначальной Троицы, переданная в дар священником с. Перкино Петром, икона

Пречистой Богородицы Одигитрии, Деисус с полным иконостасом и другие иконы, часть из них имели серебряный оклад. Из служебных предметов упоминались крест воздвизальной из серебра и церковное облачение для службы. Перечислялись печатные служебные книги: Евангелие, псалтырь, апостол, часовник. Сохранились вклады Марфы Иоанновна: ризы, стихари, оплечья, кадило. Другая деревянная церковь Николая Чудотворца также имела значительное количество икон, служебных предметов и одежды. Например, на иконе Николая Чудотворца хранилась складная панагия из серебра, позолоченная, с драгоценными камнями. В церкви находилось много книг для службы, в том числе напрестольное Евангелие, обшитое бархатом с золоченым покрытием на обложке и украшенное каменьями. Все это говорило о популярности монастыря, прихожане которого передавали многочисленные дары, и о росте его благосостояния. Часть этих подарков – вклад донского казака С. Акулова[1].

В монастыре в это время числились один келейник, казначей старец Васян, 15 старцев, церковный дьячок и беглец вкладчик Г. Иванов[2]. В монастыре находились три житницы, в которых хранилось 200 четвертей ржи, 40 четвертей овса, 15 четвертей пшеницы и 30 четвертей проса. Около монастыря стоял острожек и за ним конюшенный и скотский дворы. В них размещались 10 меренов, 7 кобыл и 7 жеребят, 27 дойных коров, 15 бычков и подтелков. В гумнах лежало немолоченного хлеба 90 копен ржи, умолот с копны по четверти, 80 копен овса, умолоту из копны – три осьмины. В разных кладях 20 копен пшеницы, умолоту из копны четверть. Плюс находилось 20 телег гречки, умолоту из телеги по осьмине. На монастырской земле поп Кондратий обрабатывал пашню в 4 четверти в поле и сена 30 копен. За монастырем числилась Троицкая слобода с тремя дворами донских казаков, одним двором монастырского служки Д. Сидорова и 32 крестьянскими дворами, в которых проживало 46 человек мужского пола. В слободе насчитывалось 13 бобыльских дворов, 15 бобылей и 20 пустых дворов. Пашни на монастырь крестьяне пахали чуть больше 43 десятин, сошного письма

[1] ИТУАК. Вып. 21. 1888. С. 12-14.

[2] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12128. Л. 1-2.

пол-полчети сохи и дикого поля перелогом 29 десятин. Сена добывали между двумя речками Духовкой и Починкой в диком поле 1000 копен. Границы монастырских владений подходили к землям русских крестьян и мордвы д. Погановки и Городища. И те земли им дали еще от старицы Марфы Иоанновны в 1619 и 1628 гг.

По переписным книгам 1666 г. за Троицким монастырем в Слободке в деревнях Городище, Дубровки и Пишляй насчитывалось 187 дворов и 609 человек. Игумен с братьею и 9 крестьянами платили за Ценского, Челнавского, Ломовицкого, Тремосавского, Городнищенского и Хмелинского ухожаев верхового и медвеного оброку 4 пуда и 3 пуда две трети гривенки, ясак и куньи пошлины, и за мед деньгами и водяной оброки по 5 алт. и 4 алтына и 5 деньги на год[1]. Монастырь платил с Верхоценских ухожаев, с рыбных ловель на Хопре и Вороне денежного оброка 4 руб. 6 алт. 5 денег на год.

До 1647 г. Чудов монастырь владел вотчиной с. Доброе Городище Лебедянского уезда и приписным Николы Чудотворца монастырем с 387 крестьянскими дворами. В этом же году крестьян перевели в драгунскую службу. Взамен Чудову монастырю передали тамбовский Троицкий монастырь с тремя деревнями и крестьянами около обители[2]. Таким образом, монастырь обладал вполне приличной земельной и людской собственностью, позволяющей обеспечивать себя всем необходимым.

Быстро росли бортные и рыбные владения. В 1640 г. Троицкий монастырь произвел обмен своей бортной вотчины на р. Вороне. Ухожий начинался в районе впадения р. Вороны в Хопер и захватывал часть русла Хопра и Вороны. Старец Нифонт обменял его на Хоперский ухожий, принадлежащий крестьянам-бортникам д. Керша Верхоценской волости[3]. Хоперский ухожий простирался по обе стороны русла р. Хопра от его притока Белого Ярка до р. Белозерки. Другой ухожий располагался на Хоперской дороге р. Савала (в документах Сувола) с оброком по 20 алт. в год[4].

[1] ИТУАК. 1888. Вып. № 21. 1888. Л. 9-10.

[2] Там же. Л. 8.

[3] Там же. Л. 6-8.

[4] Там же. С. 9.

В это время за монастырем числились Погановский ухожий на противоположной от монастыря польной стороне Цны. Пошлины платили с меда четверть пуда, с куницы полтретьи деньги и водяного оброка 10 денег. Еще один Суволский ухожей на р. Суволе (скорее всего р. Савала) вдоль Хоперской дороги, оброк с которого платили 20 алт. на год.

В 1666 г. в Троицком монастыре по книгам воеводы, стольника И. С. Хитрово упоминается около монастыря деревянная ограда[1]. В Монастырской слободе церковь Живоначальной Троицы. В ней служили поп Г. Кузмин и три дьячка. Всего за монастырем в 4 деревнях насчитывалось 184 двора, в них 609 человек, новокрещенов 10 дворов и 46 человек. Около монастыря находилась слободка, в которой насчитывалось 75 крестьян, 114 их детей и пасынков, 20 братьев, племянников и внуков, 1 дьячок и его 4 сына. Монастырю принадлежала д. Городище, в которой жили новокрещены 29 крестьян, 48 их детей и приемышей и 30 братьев, племянников и внуков. При описи они «сказались» бывшей мордвой, которые крестились в православную веру в 1653 и 1654 гг. По государеву указу их должны были записать в казачью службу по валу. Однако они не хотели «отбыть», то есть потерять свои бортные вотчины. Поэтому сдали свою казачью службу «всяким охочим людям», а сами остались за монастырем в д. Городище, что для них являлось более предпочтительным.

Еще Троицкий монастырь владел д. Дубровкой, в которой насчитывалось 58 дворов, 58 крестьян, 3 бобыля, 124 сына и пасынка, 25 братьев, племянников и внуков. В д. Пишляй стоял монастырский дом, в котором жил старец Пафнутий, 24 крестьянских и 1 дьячка дворы, в них насчитывалось 32 сына и пасынка, 11 братьев, племянников и внуков.

В 1661 г. 21 августа тамбовский воевода А. И. Головин провел допрос в Тамбовской приказной избе Троицкого монастыря казначея Ионы, черного священника Варлаама и старца В. Хлебникова[2]. Старца Варлаама направил игумен монастыря Макарий, так как тот 21 августа после утренней молитвы сказал за собою государево слово.

[1] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12128. Л. 33-54.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 343. Л. 77-86.

Воевода расспросил старца, его расспросные речи и челобитную настоятеля отослал в Москву с тамбовцем Г. Парамзиным.

Перед стольником и воеводою А. И. Головиным старец Варлаам сказал, что игумен Макарий с братьею не поит и не кормит, в воскресные дни за государя многолетние здоровья молебен не служит, панихиды за государя не произносит. Воевода вынужден был вызвать в Тамбов игумена монастыря Макария и 23 августа провел его допрос. Тот подтвердил, что за государьское многолетие и за всех православных христиан он регулярно проводит молебны, а в воскресные дни часто бывает в отъездах в Тамбове, Шацке и Переяславле-Рязанском у архиепископа. В это время службу выполняют священники монастыря. Напомнил, что в этом же году исполнил вечернюю литургию в память Михаила Федоровича, а вечером нищим на паперти раздали милостыню, а сам Макарий в это время был болен и на службу не пошел. Макарий назвал старца Варлаама «мятежником», который построил двор своей сестры близко и она часто приходила к нему в келью. Макарий утверждал, что жаловался на старца рязанскому архиепископу Иллариону. Воевода А. И. Головин поручил взять игумена Макария на поруки местным священникам и служилым людям. Итоги конфликта в документах не нашли отражения.

В 1662 г. при составлении смотренных списков служилых людей, записавшихся в солдаты, в списки включили крестьян и бобылей Троицкого монастыря, имеющих оружие. Таковых оказалось 66 крестьян и 9 бобылей. У них малолетних сыновей, братьев, племянников, зятьев выявили128 человек.

В 1666 г. по переписным книгам воеводы И. С. Хитрово за монастырем числились слобода и деревни Пишляй, Городище, Дубровка, крестьянских и бобыльских 187 дворов и 609 человек мужска пола, полностью сохранившиеся объемы пашни и сенных покосов. В распоряжении монастыря имелись Ценский, Челнавский, Ломовиский, Тремосавский, Городищенский и Хмелинский ухожеи. Они давали верхового и медвяного оброка меда 4 пуда, 2-3 гривенки; ясак и куньи пошлины, водяных и оброк за мед 5 руб. 4 алт. 5 денег[1].

[1] ИТУАК. 1888. Вып. № 21. Л. 9-10.

Они же платили с Хоперского ухожея и на р. Ворона денежный оброк по 4 руб. 6 алт. 5 денег.

По переписным книгам 1671 г. за монастырем числилось только 46 дворов, 41 владелец и у них 62 родственника. Пустых насчитывалось 27 дворов и побито во время разинского восстания 65 человек (по другим данным 69), в плен взяли 38 человек, безвестно пропало 8 человек. Это были последствия разинского погрома.

В 1671 г. в Троицком монастыре во время набега разинцев ограда, кельи и всякое строение погорели, церковь Живоначальной Троицы уже была ветха. В это время на монастырской земле насчитывалось два священника с 2 сыновьями, 3 братьями и 2 племянниками. При монастыре по-прежнему существовала монастырская слободка с 40 крестьянскими дворами, из которых 10 вдовьих, 11 человек, в том числе 10 детей, попали в полон во время разинского восстания. Всего в слободке числилось 118 человек мужского пола крестьян. Бобыльских дворов насчитывалось 5 вдовых жен, а 4 оказались сожжены в смутное время. В них проживали 7 детей, а 3 родственников взяли в плен. Всего за монастырем продолжали числиться 4 села, 97 дворов живущих с численностью населения вотчины 433 человека мужского пола (см. табл. 4).

Приход разинцев привел к сожжению 69 дворов и взятию в плен 49 человек. Особенно пострадали дворы сельца Вихляйка. Земельный надел монастыря пашни и дикого поля составлял 147 четвертей без полуосьмины в одном поле, а сена 1000 копен по старым межам бывших монастырских игуменов. Мимо владений монастыря проходила большая Ордобазарная дорога, по которой ходили астраханские татары из Тамбова в Шацк для прогона ордобазарных лошадей. Далее через дорогу располагались земли полковых казаков с. Поганки.

Кроме земельных наделов монастырь по-прежнему владел бортными ухожаями. Однако после разинского восстания бортные ухожья и всякие угодья отказали московскому Чудову монастырю, так как в 1676 г. по государеву указу все владения Троицкой обители отошли к Московскому Чудову монастырю. По писцовым книгам стольника В. В. Кропоткина в 1674–1678 гг. в монастыре

насчитывались слобода и четыре деревни, 152 двора крестьянских и 73 двора бобыльских, пашни паханные на монастырь 500 четвертей, а крестьянской пашни 1000 четвертей, перелогу – 76 четвертей, лесом поросло – 500 четвертей в поле. То есть всего за монастырем числилось 2076 четвертей в одном поле[1]. В сошное письмо перешло 13 четвертей с осьминой, а платить им в сошное письмо с живущего с 11 четвертей с полуосьминой. За ними числилось дикой степи 1000 четвертей в поле, сена 5000 копен. Крестьянам разрешалось выезжать в Большой Челнавский лес для рубки хоромного и дровяного леса, кроме бортных владений.

В 1677 г. возникло спорное дело между новым владельцем Троицкого монастыря Чудовым монастырем и местными крестьянами, которых документ назвал «земцами»[2]. Конфликт произошел из-за Пагановского ухожья. В нем одновременно вели хозяйственную деятельность монастырь и местные крестьяне, ссылаясь на имеющиеся у них грамоты. Конфликт поручили разрешить стольнику и воеводе В. В. Кропоткину. Воеводе предписывалось собрать с крестьян их писменные крепости на право владения ухожьем и выслать в Москву в Приказ Большого дворца. В ходе опроса выяснилось, что тамбовские бортники из с. Морши раделили Хоперский ухожей на три улеша: Сенавской, Мокошевской и Ореховской[3]. При проверке прав на ухожей тамбовский подьячий С. Ивинский выяснил, что рядом с Хоперской вотчиной Чудова монастыря находилась вотчина крестьян с. Куксово, а Синцов Яр – крестьян с. Конобеева. От р. Свинцовки вверх по Хопру размещались владения Савина-Сторожевского монастыря, а далее от р. Таволжанки вверх по Хопру – владения земцев с. Бокино. Хоперские бортники Л. Шерстнев с товарищами претендовали на часть Хоперского ухожея, ссылаясь на прежние книги. Однако никаких выписей на нее не представили, из чего проверяющий назвал их челобитную ложной.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 343. Л. 77-86.

[2] Там же. Л. 24-26.

[3] Улеш – по-татарски часть, пай.

По государеву указу 29 ноября 1677 г. тамбовскому воеводе В. Т. Желябужскому велели послать в Хоперский ухожей тамбовца И. Зайцева вместе с монастырским крестьянином С. Рыгаловым. В их задачу входили сбор соседних земцев, изготовление чертежа вотчин, разбор бортных и рыбных владений, зафиксировать все подписями участников спора и прислать документы в Приказ Большого дворца. По этим книгам и чертежу описывались угодья Саввы-Сторожевского монастыря и приписанной к нему Мамонтовой пустыни, а далее вверх по Хопру шли владения полковых казаков с. Черленое, полковых казаков с. Бокино и далее Чудова монастыря, бывшая собственность приписанного Троицкого монастыря. Вверх по реке Хопру располагались владения крестьян сел Керша, Куксово, Питерское. Перечислялись бортные ухожья, рыбные ловли, лосиные стойла, с птичьими «перевесами»[1]. Причем за каждым ухожьем числилось от нескольких человек до трех десятков владельцев. При рассмотрении спорного дела выяснилось, что часть бортных ухожьев крестьяне использовали без соответствующей документации, ссылаясь на какие-то грамоты, не показывая подлинники. Другие были еще записаны в бортных книгах Ф. Чоботова. То есть десятилетия крестьяне считали бортные угодья на Хопре своей вотчиной, которую передавали из поколения в поколение, но документально не оформляли. Окончательное решение гласило: по-прежнему владеть Хоперским бортным ухожьем Чудову монастырю и приписанному Троицкому монастырю взамен Лебедянской вотчины. Крестьянам владеть своими угодьями, расписанными еще по бортной книге Ф. Чоботова[2].

Такой же спор возник в 1680 г. по Савольскому ухожью на р. Савала в Виловатовском липяге[3]. Его по книгам Ф. Чоботова в 1623 г. записали за крестьянином с. Черленое П. Колмаком, а тот передал его в Троицкий монастырь. На основании этого родственникам Колмака отказали в праве распоряжаться этой вотчиной, она передавалась в распоряжение Чудова монастыря. В 1681 г. М. и И. Аверины

[1] Перевес – сеть больших размеров, которую использовали для ловли птиц.

[2] ИТУАК. 1888. Вып. № 21. Л. 42-44.

[3] Там же. Л. 45-46.

отказались от прав на Савальский ухожей в пользу Чудова монастыря. Им указали прибыть в Москву, имея залог в 100 руб. Не желая рисковать деньгами и из-за боязни трат на харчи, крестьяне сдали свою вотчину монастырю за эту сумму. То есть была совершена полюбовная сделка. Оброк с той вотчины составил 30 алт. 2 деньги в год.

В марте 1681 г. крестьянин с. Крюково Л. Ефанов продал за 20 руб. свой «бездушный» ухожей на р. Хопре и Тонцырее архиерею Чудова монастыря Андреяну[1]. Оброк по 8 алт. в год перешел на монастырь. В 1697 г. возник вопрос о проведении торга под Троицким монастырем. Выяснилось, что в монастырской слободке проходил торг, куда съезжались торговцы с соседних поселений. Причем за торговые операции не брали пошлин, то есть торг являлся незаконным. Приказ Большого дворца потребовал сбор пошлин с торга передать филиалу Чудова монастыря Троицкому Цнинскому монастырю, а деньги собирать по торговому уставу и тратить на ладан и свечи[2].

Таблица 4

Вотчина Троицкого монастыря на Цне. 1671 г.

Населенный пункт	*Состав*	*Дворы*	*Сожжено дворов*	*Человек*	*Дети*	*Родственники*	*Попали в полон*
д. Дубровка	крестьяне бобыли	50 1	7 14	58 15	73 17	54 1	15 4
д. Гулынки	крестьяне бобыли	19		15 (4 вдовы) 4	30 2	14 1	6
д. Городища	крестьяне бобыли	19 1	18	43 1	18 2		7 1
д. Попова	крестьяне бобыли	4 1		4 1	3		2
с. Вихляйка	поп дьячок крестьяне	1 1	 30	1 1 33	2 1 33	 10	 7
ИТОГО		97	69	176	181	80	49

[1] ИТУАК. 1888. Вып. № 21. Л. 46-47.

[2] Там же. Л. 51-53.

Таким образом, Троицкий Цнинский монастырь пережил и взлеты, и падение в XVII в. и, в конце концов, в начале XVIII в. прекратил свое существование. Еще длительное время на этой территории действовала церковь, в которой изредка проводилась служба, а основная церковь имелась в с. Троицкая Дубрава.

Мамонтова пустынь

После строительства Тамбова Мамонтова пустынь стала приобретать крестьян и недвижимое имущество. В 1640 г. монастырь получил вклад «впрок, без выкупа» от крестьян с. Носино-Ордашевский бортный ухожей на р. Цне. В монастыре по-прежнему имелись две церкви: Троицкая и Благовещенская, с иконостасами и отдельными иконами, церковной утварью и книгами.

По писцовым книгам 1640 г. Мамонтова пустынь находилась на р. Цне в бывшем Ордашевском ухожье, а рядом размещалась монастырская слободка с коровьим двором и дворником Ф. Ивановым[1]. В слободке проживали бывший донской казак М. Колокольцев, насчитывалось 4 двора монастырских детей, 21 двор крестьянский, 1 бобыльский и 2 двора стояли пустые. Всего числилось 29 человек мужского пола. Еще к монастырю относилась д. Глубокая с 19 крестьянскими дворами и столькими же хозяевами. На монастырь они пахали 20 десятин в одном поле. А своей крестьянской пашни в слободе и деревне насчитывалось 15 десятин, плюс перелога и дикого поля 50 десятин и сена 500 копен. Среди владений упоминается глубокое озеро, расположенное рядом с монастырем.

В описаниях 1646 г. за монастырем насчитывались двор старосты Н. Ильина с тестем и сыном, который переселился из д. Березово в 1637 г., а также двор десятского Н. Меркурьева с 4 братьями, пришедшими из с. Носиных Верхоценской волости в 1643 г. Крестьян и крестьянских дворов имелось 37, плюс 55 детей, внуков и 15 других родственников. Здесь же проживали 5 бобылей и 1 их сын. Документ указывал места выхода переселенцев: Верхоценская волость, с. Серп,

[1] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12127. Л. 1-4.

Березово, Ялтуново, Темяшево, Черленово, Нарочато и д. Токорево. То есть большинство крестьян прибыли из бывшей Шацкой Верхоценской волости, они стали переселяться на новое место после строительства Тамбова в 30–40-е гг. XVII в.

Монастырь начал прибавляться бортными и рыбными владениями по вкладным записям «на помин души»[1]. В 1640 г. К. Спиридонов передал монастырю половину рыбной ловли своего Вяжлинского ухожья на р. Воронеж. В 1643 г. крестьянин с. Ялтуново А. О. Покида передал свой Симановский ухожей на р. Челновая. В 1648 г. крестьянин д. Серповой Н. Мещинин завещал Мамонтовой пустыни по вкладной грамоте бортные ухожья Алаждуб и Атманзинский на р. Вороне, плюс он же передал две лошади. За этот вклад просил похоронить его в монастыре и поминать в службах. В 1649 г. крестьянин д. Чоркино К. Учаватов передал бортные ухожья по р. Цне, Ивенье, Питерка и Кашме.

В 1656 г. сын боярский И. Балабанов завещал свои бортные вотчины на Хопре, Вороне и «Телеорманском» лесу монастырю. Вкладчик передавал свои владения под залог возможного пострижения монахом в монастырь или, если умрет, поминания его в молитвах. То есть это был обычный для того времени вклад на помин души. Мамонтова пустынь значительно расширила свои владения при черном попе Ионе. Он мастерски вел тяжбы с обидчиками, получая для монастыря значительную выгоду. При нем к монастырю стали прибиваться многочисленные крестьянские семьи, включая скотников, конюхов, появились птичьи и пчелиные дворы. Крестьяне, кроме сельскохозяйственных занятий, занимались извозом и бортным промыслом. Сложился механизм управления землями монастыря. В селе интересы обители представлял староста, а контроль за его действиями осуществлял один из старцев.

Часть крестьян, бежавших от своих хозяев в Мамонтову пустынь, пришлось вернуть обратно, вероятно, во время массовых сысков стольника А. П. Еропкина в 1664–1665 гг. Так в новопоселенное с. Богданово Кадомского уезда, принадлежащее Спаса Ново-

[1] ИТУАК. 1891. Вып. 32. С. 71-72.

му монастырю, вернули ряд беглецов. И. Игнатьев с сыном и внуком, Р. Осипов с четырьмя сыновьями были взяты от мурзы Ф. Енговатова из тамбовской д. Святое Озеро, куда они сбежали. Ряд крестьян с. Богданово численностью 30 человек вернули из Мамонтовой пустыни. Тем не менее, монастырские села продолжали расширяться.

В это же время монастырь начал осваивать земли по рекам Пишляйка[1] и Духовка,[2] продолжая христианизировать мордву. В 1652 г. монастырь передали в Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь. Однако вклады бортными владениями продолжались. В 1656 г. тамбовец сын боярский И. Балабанов передал в дар Саввино-Сторожевскому монастырю свой бортный ухожей в Тансырей и Телермановском лесу с правом постричься в Мамонтову пустынь. В 1657–1659 гг. крестьяне пустыни продали и передали Саввино-Сторожевскому монастырю свои Воронский, Телермановский, Корочановский, Нижневатовский (на р. Вороне), Ротмоновский (на р. Хопре), Тынсереевский, Бутаковский бортные вотчины. В 1660-е гг. монастырь приобрел по вкладным записям Ратманово ухожье на Вороне и Хопре, а также старинные Ценский и Ордашевский ухожья. Так, Герасим и Гаврила Парамзины передали вкладную на свои Воронский и Телермановский ухожья Саввино-Сторожевскому монастырю, чтобы «об их здоровье бога молить», а при смерти поминать.

Монастырские служки внимательно следили за хозяйственной деятельностью в своих вотчинах и пресекали попытки крестьян и служилых людей незаконно проникать на их территорию, что нередко приводило к конфликтам. Например, в 1668 г. полковые казаки с. Тамбова помирились с черным попом Мамонтовой пустыни Ионой в связи с их незаконной деятельностью в Свинцовском бортном ухожье на р. Хопре. Они использовали два «борка» для добычи меда и ловли рыбы, за что уплатили монастырю 100 руб. штрафа. В 1674 г. земские старосты с. Серкино подали список с поступной «сливщикам» и «судеревщикам» Ценской, Кулеватовской, Ордашевской и Челнавской «волны» из-за незаконной ловли рыбы на протяжении 5 лет

[1] Правый приток реки Челновой.

[2] Современное название р. Подречка, правый приток Цны в р-не с. Горелое.

на Цне, Челновой и Лебяжьем озере. Провинившиеся якобы не знали о принадлежности этих территорий Саввино-Сторожевскому монастырю. В 1678 г. крестьянка с. Вирятино И. Иванова передала монастырю рыбные ловли на Цне и Челновой, бортный ухожей Кулеватовский, Челнавский и Пчиляевский ее покойного мужа для помина его души. Крестьяне с. Ивенье Г. Максимов и с. Сокольников С. Осипов передали Саввино-Сторожевскому монастырю рыбные ловли и бортные ухожья на Цне, Челновой, Лебяжьем озере.

В 1665 г. Чудову монастырю воевода И. П. Акинфов выдал место за острожными Никольскими воротами в Тамбове на берегу р. Студенец для постройки дома с целью приезда слуг и крестьян Мамонтовой пустыни. Место оказалось востребованным, и в 1680 г. около монастырского подворья в Тамбове добавили участок в 20 сажень длины и 10 в ширину, что позволило значительно расширить собственность монастыря в городе.

В 1683 г. произошел конфликт между Мамонтовой пустынью и солдатами с. Новая Грязновка по поводу старых граний размежевания земель. Монастырь обвинил в разрушении граней воеводу Ф. Языкова, который отдал часть монастырских земель служилым людям. В общем, на протяжении XVII в. прослеживается активная хозяйственная деятельность монастыря, который опирался на центральные органы власти и мог вступать в конфликт даже с воеводами в отстаивании своих интересов.

Во время разинского восстания Мамонтова пустынь сильно пострадала. Сгорели практически все деревянные постройки. Нападение разинцев на монастырь и его поселения привело к убийству 67 человек, захвату 107 пленных и 8 пропавшими без вести[1]. Спустя три года после погрома его следы еще продолжали сохраняться. Передача Мамонтовой пустыни Чудову монастырю привела к оживлению экономического положения бывшей обители. Появились три новых поселения: Поганка, Гулынка и Поповка, в с. Вихляйка построили Покровскую церковь, в села опять потянулись крестьяне. В ходе реформы 1764 г. Мамонтова пустынь была окончательно закрыта как самостоятельный монастырь.

[1] ИТУАК. 1893. Вып. 36. С. 19-24.

Тамбовский Казанский монастырь

В Тамбове до середины XVII в. не существовало ни одного монастыря. Об этом написал государю старец Иосиф[1]. Он отметил, что 7 лет бродил по селам, собирая средства на открытие нового монастыря. По его письму на имя государя и по челобитной рязанского архиепископа в 1666 г. вышел государев указ и благословление рязанского и муромского архиепископа Иллариона на основание нового монастыря в Тамбове. На собранные деньги Иосиф сначала заложил в 1666 г. церковь во имя Пресвятой Богородицы явления иконы Казанской Богородицы, а затем начал строить остальные строения монастыря. В церкви построили два предела: Святого праведного Алексея и великомученника Ф. Стратилата. За две недели до праздника Святой Троицы был освящен престол Пресвятой Богородицы с иконостасом. Однако на книги, ризы и колокола денег не хватило. В это время в новом монастыре числилось всего 7 старцев. Поэтому настоятель монастыря обратился на имя государя с просьбой обеспечить монастырь всем необходимым для ведения служб, ссылаясь на отсутствие вотчин, крестьян и, соответственно, средств.

Государев ответ гласил: ризы выдать с казенного двора, а книги из Приказа Большого дворца[2]. Необходимые книги через Приказ Большого Дворца с садовником М. Хвастливым отослали в Тамбов. Из Казенного двора для монастыря выделялась церковная одежда: 2 ризы полотняные праздничные «дорогильные» и две епитрахильи цветные атласные, два стихаря подризные киндячные[3] и полотняные, поручи и два шелковых пояса. Таким образом, государство обеспечило монастырь всем необходимым для ведения службы. Монастырь в это время имел высокие деревянные стены, которые дополняли укрепления крепости Тамбов с юга.

[1] ИТУАК. 1886. Вып. 7. С. 31-33.

[2] Сохранилась роспись цен на церковные книги из Приказа Большого дворца в Разрядный приказ: Евангелие напрестольное – 1 руб. 23 алт. 2 д.; Апостол 1 руб. 11 алт. 4 д.; Служебника нет, Потребник в десть – 1 руб. 16 алт. 4 д., а в четверть по 11 алт. 4 д.; Шестоднев – 1 руб.; Миней обший мелкой азбуки – 1 руб. 21 алт.; Часослова и Псалтыря – нет. ИТУАК. 1886. Вып. 7. С. 32.

[3] Киндяк – шелковая набойчатая ткань.

К территории Тамбовского уезда крупные русские монастыри проявили интерес уже в середине XVII в. Так, подмосковный Николо-Угрешский монастырь[1], основанный в конце XIV в., в 1664 г. взял на оброк мельницу, расположенную под г. Тамбовом. Воевода И. П. Акинфов в своем отчете о финансовой деятельности Верхоценской волости писал в Москву об отсутствии оброчных денег монастыря за 1664 г., а в прежние годы монастырь платил оброк за мельницу 2 руб., долг составил 22 руб. 8 алтын 2 деньги[2]. В целом, Казанский монастырь в Тамбове в XVII в. не вырос в крупную хозяйственную структуру.

[1] Находится ныне на территории г. Дзержинский Московской области.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 130. Л. 479-480.

3.7. КРЕСТЬЯНЕ ТАМБОВСКОГО УЕЗДА

Дворцовые

Важную роль в заселении и освоении юга Русского государства сыграли крестьяне дворцовых волостей. На территории Тамбовского края дворцовые крестьяне проживали только в Верхоценской волости Тамбовского уезда, возникшей еще до основания Тамбова. После завершения строительства Тамбовской черты наблюдался быстрый рост ее населения. К середине 70-х гг. XVII в. в 50 населенных пунктах Верхоценской волости насчитывалось 3811 дворов и 11540 крестьян. К началу XVIII в. волость, практически не изменив свои границы, сохранив прежнюю численность поселений, резко прибавила в численности населения. Демографический взрыв рождаемости, наблюдаемый всегда после переселения огромной массы молодого и энергичного населения, позволил за четверть века увеличить его численность до 18 тысяч человек.

Население Верхоценской волости формировалось из двух основных этнических групп: русских переселенцев и местной мордвы. Оба этноса жили совместно в одних и тех же селах и деревнях, занимаясь промыслами и земледелием. При наборе в служилые люди некоторые представители русских и мордовских дворцовых крестьян изменили свой социальный статус, но основная масса осталась в ведении Приказа Большого дворца. Мордва быстро переняла обычаи и традиции русского народа, его высокую земледельческую культуру. В свою очередь она делились с переселенцами навыками

бортного и рыболовного промыслов. Хорошее знание русского языка у мордвы отмечал рязанский архиепископ Мисаил: «Жены их и дети русским языком говорить горазды»[1].

В первой половине XVII в. русское правительство стремилось проводить осторожную, гибкую политику на национальных окраинах. Христианизацию нерусских народностей церковь и государство проводили, опираясь на комплекс экономических и политических мер: освобождение от уплаты налогов на определенный период, предоставление лучших земель и лесных угодий, возможность записаться в служилое сословие, а для местной родоплеменной верхушки – войти в состав правящего класса и получить право передавать свои владения по наследству. Такая тактика давала определенные успехи, и многие нерусские народности принимали христианство.

Резко изменилась политика правительства по отношению к нехристианскому населению с середины 50-х гг. XVII в. в период активной деятельности патриарха Никона. С его благословления началась насильственная русификация «инородческого» населения в Поценье, которая закончилась неудачей.

Вероятно, дальнейшую христианизацию мордовского народа в Поценье правительство завершило в 1660-х гг., так как термин «мордва» исчез из официальной переписки и писцовых книг. Цнинская мордва сначала юридически, а затем и этнически исчезла и ассимилировалась с русскими. В настоящее время только географические названия, фамилии и этнический облик местных жителей напоминают нам о бывшем коренном населении края.

Быстрое заселение Верхоценской волости привело к складыванию ее административной структуры и фискального аппарата. Волость делилась на 8 десятков, группу новых сел и Рыбную пустошь. Деление на десяток сохранилось как анахронизм от периода вотчинных владений «мордовских» князей в Поценье. Главным принципом деления на десяток служил объем столовых запасов, поставляемых в Приказ Большого дворца. Возникшие после 1636 г. села называ-

[1] РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. Кн. № 680. Л. 71.

лись новыми, и их население платило специальный оброк. В Рыбную пустошь входили три села на р. Серп: Алгасово, Темяшево и Вановье, богатые многочисленными рыбными «тонями» на реке.

Центром всей волости служило старинное с. Морша. Здесь жил приказчик, назначаемый Приказом Большого дворца из Москвы. Так, в 1657 г. эту должность занимал стряпчий Сытного двора М. Взимов[1]. В его обязанности входили выбор старост и целовальников из числа «лутчих», т. е. наиболее зажиточных крестьян, контроль за сбором налогов, торговыми операциями, варкой пива, меда и вина, судебное делопроизводство за «душегубство», грабеж и убийство. Приказчик пользовался широкими полномочиями по административному и судебному управлению волостью, а его содержание полностью перекладывалось на плечи местных крестьян.

Непосредственно налоги собирали целовальники и старосты. На каждую административную единицу волости приходились по 1-2 целовальника, а в каждом селе – староста. Целовальники собирали подати по одной или нескольким статьям и фиксировали их в специальных книгах. В конце года они выезжали в Москву и в Приказе Большого дворца отчитывались о проделанной работе.

Личное участие царя в хозяйственной деятельности отдаленных вотчин, в отличие от его подмосковных владений, слабо прослеживается. Местная администрация оставалась более свободной от мелочной регламентации, однако иногда встречалось личное вмешательство государя в деятельность волостной администрации Верхоценской волости. В следственном деле крестьян Верхоценской волости против первого Тамбовского воеводы Р. Ф. Боборыкина в 1637–1638 гг. в нескольких документах упоминается участие самого государя Михаила Федоровича в расмотрении спорных дел[2].

11 июня 1662 г. последовал именной царский указ о взятии сполна всех «доимочных» доходов и столовых запасов для «отпуска» на Дон за 1659–1661 гг., так как дьяк В. Брехов из Приказа Большого

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 214. Л. 78-87.

[2] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. № 106. Л. 18-37.

дворца сделал это «без его великого государя именного указа»[1]. Возможно, таких случаев было больше и их отсутствие объясняется пожаром, уничтожившим документы Приказа Большого дворца.

Крестьяне Верхоценской волости несли разнообразные феодальные повинности. Их основу составляла земельная рента в форме натурального и денежного оброка. Между крестьянами старых и новых сел Верхоценской волости существовали некоторые противоречия по сбору налогов. Так, в 1659 г. от имени крестьян новых сел в Приказ Большого дворца пришла челобитная[2]. В ней старосты этих сел жаловались на уклонение крестьян старых сел от уборки и доставки в Москву хлеба в зачет оброка. Было приказано «вымерить» 10 десятин ржи и 10 десятин пшеницы во всех селах Верхоценской волости. Однако приказные люди В. Борков и Н. Суворов отмерили только в новых селах с 15 вытей, а в старых селах отмерил М. Визимов только в одном присуде с 4 вытей. Крестьяне новых сел перечислили весь процесс работ: жатва хлеба, сушка на сушилах и обмолот, покупка житниц и складирование хлеба в житницы, наем подвод и перевозка хлеба в Москву. В старых селах хлеб так и не собрали. В ответ на эту жалобу из Москвы пришел указ о взыскании хлеба с крестьян новых сел.

На протяжении почти всего XVII в. состав сбора съестных припасов с Верхоценской волости оставался почти неизменным: мед, масло коровье, мясо свиное и хмель. Все это поставлялось в Приказ Большого дворца и шло на содержание царской семьи и дворца. Единицей обложения служила одна выть. В 1660-х гг. со всей Верхоценской волости и Рыбной Пустоши собирали ежегодно по 412 пудов 22,5 гривенки меда, свиного мяса – 105 полтей 23 гривенки, масло коровье 31 пуд 382,5 гривенки, хмеля – 45 пудов 392,5 гривенки[3] (см. табл. 6, 7, 8).

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 106. Л. 7-10.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 312. Л. 30-33.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 608. Л. 145-148.

Таблица 5

Денежные доходы с Верхоценской волости

год	*руб.*	*алт.*	*деньга*
1654	14		
1655	300	27	5
1656	274	27	
1657	55	11	
1658	75	27	
ВСЕГО	720	26	3
с живущих 61 выти	607	16	7

В 1662 г. произошла странная история. В Приказе Большого дворца дьяк В. Брехов подготовил письмо в Верхоценскую волость об отмене за 1659, 1660, 1661 и 1662 гг. сбора налогов для хлебного отпуска на Дон, стругового и городового государева дела[1]. Уже 11 июня 1662 г. Алексей Михайлович вместе с Боярской думой аннулировал прежнее распоряжение о сборе доимочных доходов. Было указано взять все доходы с волости сполна, так как первоначальное письмо в Разряде подготовили без его личного государева указа. Предлагалось собрать все недоимки: вытных денег 4454 руб. 25 алтын 5 денег, а также столовые запасы: мед 903 пуда 17,5 «с полтретью гривенок», столько же свиного мяса, коровьего масла 21 пуд 28 гривенок. За 1665 г. было необходимо собрать 3563 руб. 27 алтын 2 деньги вытных денег, столовых запасов: меду и свиного мяса по 722 пуда 30 гривенок без трети каждого продукта, масла коровьего и меду по 177 пуд. 14 гривенок с четвертью. При этом указали не брать налоги с крестьян, которых записали в конную службу по Тамбову и по «валовому делу», они же обеспечивали доставку продуктов на своих подводах в Донской отпуск.

В 1669 г. с Верхоценской волости и Рыбной Пустоши собрали 412 пудов 22,5 гривенки меду, мяса свиного 105 полтей 23 гривенки с третью, масла коровьего 31 пуд 38 гривенок с полутретью, хмелю 45 пудов 39 гривенок с полутретью[2].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 106. Л. 7-23.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 608. Л. 145-148.

Таблица 6

Стрелецкий хлеб[1]

год	*руб.*	*алт.*	*деньга*
1655	89	2	5,5
1656	89	2	5,5
1659	29	–	–
1660	119	28	3
1662	154	–	–

Таблица 7

С оброчных бобылей оброчных денег[2]

год	*руб*	*алт.*	*деньга*
1655	34	28	5
1656	36	17	4
1659	38	19	6
1660	38	19	6
1661	38	19	6
1662	38	14	5
1664	70	3	–

Таблица 8

Столовые запасы[3]

годы	*мед*	*мясо свиное*	*масло коровье*	*хмель*
1659	168 с третью	168 2,5 полтей	42 пуд 3 гривенки	42 пуд 3 гривенки
1660-е гг.	412 пудов 222,5 гривенки	105 полтей 23 гривенки	31 пуд 382,5 гривенки	45 пудов 392,5 гривенки
1669	412 пудов 22,5 гривенки	105 полтей 23 гривенки с третью	31 пуд 38 гривенок с полутретью	45 пудов 39 гривенок с полутретью

В 1663 г. по писцовым книгам Б. Карпова с живущих 85 вытей (без 2,5 выти) денежных доходов собрали 849 руб. 5 алт. 3 д. (с выти

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 106. Л. 7-9.

[2] С выти 1 руб. 5 алт. 0,5 д. См.: Там же. Л. 7-9.

[3] Там же. Л. 26

по 10 руб.)[1]. В 1659 г. с новых сел Верхоценской волости получили столовых запасов: оброчного меда 241 пуд 27 гривенок без трети, мяса свиного 241,5 полти, с полтрети полтя, масла коровьего 60 пудов 13 гривенок без четверти, хмелю 60 пудов 13 гривенок без четверти.

В 1670-х годах налог с выти распространялся на 24 крестьянских двора и включал в себя 16 колов, или 16 десятин в одном поле пахотной земли, и 800 копен сена. С 1 выти крестьяне платили по 10 руб. деньгами, 2 пуда меду, 2 полтя мяса свиного, 0,5 пуда масла коровьего (имелось в виду топленое масло) и 0,5 пуда хмеля натурой. Все это отправлялось в Москву на содержание царского двора. Кроме этого крестьяне платили общерусские налоги: по 4 деньги с одной семьи полоняничных денег и по 4 юфти хлеба на содержание стрелецких полков.

Внутри Верхоценской волости периодически вспыхивали конфликты между населением старых и новых сел. На новопоселенцев часто перекладывали налоги, от которых хотели отказаться коренные жители края. Так, в 1659 г. последовал указ о сборе десятой деньги. Во всех селах Верхоценской волости установили сбор десять десятин ржи и десять десятин пшеницы[2]. Однако приказчики В. Борков и Н. Суворов собрали десятину только с 15 вытей новых сел волости. Крестьяне пожаловались, что они этот хлеб сжали, на сушилах высушили и обмолотили и в государевы житницы ссыпали. А из житниц вывозили хлеб «дорогою ценою» на наемных подводах для перевозки в Москву. Крестьяне старых сел все это обошло стороной. Указ из Москвы от 26 марта 1659 г. потребовал собрать десятину со всех крестьян Верхоценской волости.

В 1658 г. приписали к Тамбову ряд сел Верхоценской волости, население которых написали в солдатскую службу[3]. Это были с. Пиркино (нынешнее Перкино), Серкино с деревнями. Одним из главных налогов дворцовых крестьян оставался сбор стрелецкого хлеба. В 1662 г. тамбовский воевода И. П. Акинфов прислал из Верхоценской волости в Стрелецкий приказ 154 четверти с полосьминою ржи

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. № 106. Л. 13.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 312. Л. 30-32.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. №130. Л. 478-483.

и овса[1]. С них за период 1659–1664 гг. взяли по 10 руб. 25 алт. с полуденьгой в год оброчных денег. Они выплачивали бобыльские деньги в прошлые 1659, 1660, 1661, 1662, 1663 и 1664 гг. по 10 руб. 25,5 алт на год. Всего 64 руб. 17 алт 1 д. Воевода подтверждал получение этих денег в казну.

К 15 марта 1663 г. воевода И. П. Акинфов в Тамбове переоброчил с большой «наддачей» по сравнению с прежними оброками лавки, кузницы и мельницы и в Тамбовском уезде у крестьян Верхоценской волости и Троицкого монастыря всякие угодья и ухожья. Всего «наддача» получилась в 360 руб. 31 алтын 2 деньги, а меда собрал 353 пуда 29 гривенок, денег 371 руб. 18 алт. 1 д. Все это воевода отправил в Москву в разных числах февраля с целовальниками. Всего оброчных денег, кроме бобыльских, мельничьих и лавочных воевода отправил в Москву за 1663 г.: 675 руб. 8 алтын, да донятых с целовальников 34 руб.[2]

В 1664 г. от царя на имя тамбовского воеводы И. П. Акинфова пришла грамота с требованием переоброчить налоги с крестьян Верхоценской волости за прошлый 1663 г. с медных денег на серебряные[3]. Речь шла об откупных и оброчных угодьях, отданных на откуп и на оброк с 1658 по 1663 г. за медные деньги[4]. Поэтому государева грамота была распространена по всей России.

Источники указывают на постоянный рост тяглового обложения крестьян Верхоценской волости в XVII в., что объяснялось не только увеличением численности населения, но и огромными потребностями государства в средствах на содержание быстро увеличивающегося административного аппарата, армии и ведение войн. Если в 1640 г. в Верхоценской волости насчитывалось 85 вытей, то в 1671 г. – 94, а в 1678 г. – 140 вытей. Постоянно росла денежная и натуральная ренты. К середине 70-х гг. XVII в. размер только денежной ренты достиг 1447 руб. 16 алтын 4 деньги.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разных столов. №130. Л. 478.

[2] Там же. Л. 479-480.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 528. Л. 44.

[4] Речь идет о неудачной денежной реформе Алексея Михайловича, закончившейся, как его назвали историки, «медным бунтом» в Москве.

Крестьяне Верхоценской волости обрабатывали и десятинную пашню – общегосударственный налог населения России. Часть хлеба поступала в государственные закрома Тамбова и отсылалась в Москву, а остальные припасы отправлялись на Дон в качестве жалованья донским казакам.

На дворцовых крестьянах лежало выполнение различных государственных служб, характер которых во многом определялся пограничным положением Тамбовского уезда. Так, тамбовских дворцовых крестьян постоянно привлекали для строительства и ремонта укреплений черты. На своих подводах они перевозили столовые припасы в Москву и хлебное жалованье для отправки на Дон.

В число трудных и малопривлекательных занятий местных крестьян входило винокурение. Контроль за приготовлением хлебного вина осуществляли специально назначенные головы и целовальники. Например, в 1667 г. винокуренный голова Ф. Соловьев докладывал о приготовлении 2203 ведер вина, из которых 1710,5 ведра он выслал в Москву, а остальные хранил в погребах Тамбова для местного потребления. Большинство государственных обязанностей дворцовых крестьян Верхоценской волости совпадало со временем активных сельскохозяйственных работ, отвлекало их от собственного хозяйства.

Однако все эти тяготы с лихвой окупались достаточно высоким уровнем жизни местного населения. Большинство крестьянских хозяйств имели более 2 лошадей, 2-3 коровы, а в одном из них упоминается 13 коров и 1 бык[1]. Плодородные черноземы и большие земельные наделы, возможность приобрести бортные и рыбные ухожья создавали те благоприятные условия для процветания дворцовых крестьян Верхоценской волости, которые отличали их от крестьян центра страны. Этим объясняется сравнительно невысокий процент беглецов на Дон и ограниченное участие в событиях восстания под предводительством С. Т. Разина.

---

[1] *Швецова Е. А.* Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964. С. 217–218.

Однако такое положение оставалось сравнительно недолго. Миграция населения и быстрый естественный прирост его привели к укрупнению населенных пунктов и дроблению крестьянских наделов. Если в 70-е гг. XVII в. на один двор крестьянина приходилось тягловой вытной земли 0,25-1 десятина, сверх тягла, четвертной и примерной земли 6-25 десятин, то к началу XVIII в. нормы тягловой земли остались те же, хотя количество наделов размером 0,25 десятины стало гораздо больше, зато сверх тягла земельные наделы резко сократились. Этот процесс отражал рост населения в волости. В середине 70-х гг. уже 12 сел имели свыше 100 дворов, а особенно выделялись с. Сосновка – 323, Алгасово – 322 и Морша – 298 дворов. К началу XVIII в. в 20 селах Верхоценской волости насчитывалось более 100 дворов. Кроме трех уже упоминавшихся, к ним добавились с. Кулики (490 дворов) и Ракша – 257 дворов. Естественно, это сказалось на экономическом положении дворцовых крестьян.

С наличием Верхоценской волости связано появление под Тамбовом государевой бахчи и виноградника в 50-е гг. XVII в. Известно и имя арбузного садовника С. Семенова, который, сидя в осаде во время прихода разинцев под Тамбов, получил полугодовое жалование за 1671 г. в размере 8 руб.[1] Однако разведение арбузов и винограда после разинского разорения не восстановилось.

Монастырские и церковные крестьяне

Монастырское земледелие играло на Тамбовщине значительно большую роль, чем в других уездах по Белгородской черте. В XVII в. в Тамбовском уезде действовали два старых монастыря: Мамонтова пустынь и Троицкий, а также возникли три новых: Казанский и Вознесенский в Тамбове и пригородный Трегуляевский. Однако новые монастыри не обзавелись крестьянами и приписными деревнями. В Козловском уезде выделялся Троицкий монастырь, расположенный в 3 км от города. В нем в 1651 г. проживало 19 старцев, а около монастыря в 8 дворах слободы 16 бобылей.

[1] РГАДА. Книги Денежного стола. № 117. Л. 103.

Монастыри служили центрами культуры и просвещения. В некоторых из них велось местное летописание, оказывалась медицинская помощь. В то же время монастыри, не имея конкуренции в лице крупного феодального землевладения, превратились во второй половине столетия в феодальных собственников средней руки. Тамбовский Троицкий монастырь и Мамонтова пустынь в 70-х гг. владели 10 селами и деревнями с 357 дворами и населением в 1257 человек.

Борьба за рабочие руки в условиях их дефицита становилась на юге России характерной чертой. Для привлечения в свои владения крестьян монастыри переманивали малоимущих беглых крестьян, обещая земельные наделы, скот и инвентарь. По писцовым книгам Б. Карпова 1640 г. за Троицким тамбовским монастырем числилось четыре деревни: Монастырская слободка, Городище, Дубровка и Пяшляй. Всего имелось 184 двора крестьянских и 4 двора бобыльских с числом людей в 609 человек. Кроме того насчитывалось 10 дворов «новокрещенных» и 46 человек бывших мордовцев. В 50-60-е гг. XVII в. Троицкий тамбовский монастырь на р. Цне пополнился выходцами из Владимирского уезда. Монастыри завлекали местное мордовское население, пользуясь трудностями неурожайных лет. В 1652–1653 гг. мордву крестили в православную веру и записали в казаки для охраны вала. Трудности военной службы и наличие у них старинных «жеребьев» в виде бортных промыслов заставили крестьян сдать свои «жеребья» охочим людям и укрыться за Троицким монастырем в д. Городище[1].

В середине XVII в. оба тамбовских монастыря переводили в свои владения крестьян крупных соседних рязанских монастырей. В 50–60-х гг. 155 семей из рязанских Успенского Ольгова, Спасского и Терехова Воскресенского монастырей перевели в Мамонтову пустынь[2]. Учитывая подчинение тамбовских монастырей рязанской епархии, перевод этих крестьян носил вполне официальный характер.

[1] ИТУАК. 1888. Вып. 21. С. 20-23.

[2] *Пискарев П. И.* Мамонтова пустынь Тамбовской губернии. Тамбов, 1887. С. 101-117.

С образованием отдельной Тамбовской епархии появилось землевладение епископское. Его давали на содержание двора тамбовскому епископа. По тамбовским переписным и межевым книгам 1695 г. воеводы Н. Л. Головнина сделана запись на выделение земли тамбовскому епископу Питириму. Ему выдавались земли на Талинской поляне размером 900 четвертей. Талинская поляна располагалась на р. Шамышляй – притоке р. Керши[1]. В 1696 г. в дом епископу Питириму из Посольского приказа отписали «на домовые нужды и пропитание» Черниев монастырь с 224 крестьянскими дворами, 110 бобыльскими дворами и 784 четвертями пашни в одном поле[2]. Эти земли «исстари» принадлежали монастырю. В целом, можно отметить весьма благополучное положение тамбовских монастырских крестьян, чувствующих за собой экономическую и правовую поддержку со стороны монастырей (см. Приложение, табл. 3).

Помещичьи крестьяне

Определенную роль в заселении Тамбовского края сыграли помещичьи крестьяне. До 70-х гг. XVII в. крупных помещичьих владений на территории Тамбовского и Козловского уездов не оформилось, поэтому крепостных крестьян практически не было. Только во дворах отдельных детей боярских и мелких служилых людей встречались работные люди и крепостные. Их численность оставалась незначительной и мало влияла на социальный облик края.

Во второй половине XVII в. правительство приняло ряд законодательных актов, запрещавших держать беглых крестьян и холопов без кабальных грамот. В состав кабальных людей вошли переселенцы, заключившие с хозяином договор на определенный срок. Наемный работник попадал в личную зависимость и обязывался выполнять различные хозяйственные работы. В течение этого периода они не могли уходить от своего владельца, т. е. временно попадали в специфические формы феодальной зависимости.

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 14. С. 55-66.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 16. С. 26-29.

В число наемных работников входили не только беглые крестьяне, но и разорившиеся служилые люди. Они выполняли разнообразную сельскохозяйственную работу: пахоту, сев, жатву, молотьбу, сенокос. Расчет с ними владельцы производили натурой или деньгами. Многие домовладельцы стремились закрепостить своих работных людей, опираясь на письменные сделки.

Как отмечал В. М. Важинский, главными поставщиками наймитов в Козловском уезде служили гулящие люди без определенных занятий[1]. В 1668 г. здесь насчитывалось 164, а в 1700 г. – 78 пришлых и гулящих людей.

Владельцы поместий часто использовали своеобразную форму эксплуатации наемного труда – позятьёвщину, то есть выкуп невесты. Зять отрабатывал определенное время в качестве наемного работника на земле своего тестя. Обычно заключался договор сроком на 10 лет, по истечении которого зять получал свободу, а со временем мог заменить тестя в службе.

В категории зависимого населения можно включать казенных бобылей, подсоседников и захребетников, половинщиков и третников. Только в Козловском уезде в 1694 г. насчитывалось 509 служилых бобылей, которые должны были платить бобыльский налог, но из-за бедности и отсутствия земли шли в наем. Подсоседники, захребетники, половинщики и третники – группы беглецов, не имевших возможности записаться в службу и выполнявшие за часть урожая хозяйственные или служилые обязанности хозяина. Считаясь официально свободными людьми, они подвергались жесточайшей эксплуатации, частично восполняя огромную потребность в рабочих руках на юге России. Некоторые из них позднее записывались в службы и становились служилыми людьми, другие уходили в крестьяне.

С 70-х гг. XVII в. русское правительство ослабило ограничения на приобретение земель на южных рубежах государства для дворян центральных уездов. Однако массовых переселений не последовало,

[1] *Важинский В. М.* Сельское хозяйство с Черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, 1983. С. 40-42.

так как большинство плодородных земель находилось в руках мелких служилых людей и крестьян. Тем не менее, в последней четверти XVII в. в Тамбовском уезде возникли помещичьи села и деревни. В 1678 г. писцовые книги зафиксировали 6 поселений тамбовских помещиков из числа детей боярских и приказнослужителей. Только 7 помещиков имели крепостных крестьян общей численностью 45 человек. Особенно выделялся помещик Кудрин в д. Святой, владевший 15 крепостными душами. Переломным моментом в дворянской колонизации на юге России стало взятие русской армией Азова, позволившее начать активное освоение новых южных плодородных земель.

Глава четвертая

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В XVII В.

4.1. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Служебная деятельность

Повседневная жизнь местного населения в период активного заселения пришлыми во многом определялась особенностями пограничной территории края. Отсутствие четких южных границ, наличие своеобразной буферной зоны, постоянная угроза нападения кочевников вырабатывали у местных жителей определенные стереотипы поведенческого характера. Основным видом занятий служилого населения оставалась государева служба. За нее они получали земельные наделы, жалование и различные привилегии. Служба вырабатывала стереотипы повседневного поведения.

Переходя в статус служилого человека, новоприбранные люди меняли свое восприятие места в обществе. Они становились военными холопами царя, ответственными за безопасность границ государства. Поэтому не только денежное жалование и земельный надел отличал их от других категорий, но и милостивое слово гасударя. Так, в ответ на воеводское челобитье о бое служилых людей с татарами около Атаманской и Хмелевой слобод Козловского уезда в 1643 г. поступил ответ из Разрядного приказа. В нем участникам сражения через воеводу говорилось: «И ты б всем сказал у съезжей избы при многих людях, что та их служба нашему царскому величеству ведома»[1]. Такое поощрение службы от царского имени стоило не меньше денег, являясь важным моральным стимулом. А раненым в бою выдавалось на лечение денежное жалование из таможенных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 442-448.

денег: за тяжелые ранения по 4 руб., а за средние и легкие по 2,5 руб. За убитого родственникам на поминки полагалось по 2 руб. за человека. За проступки также следовало государево наказание. Ряшанина Л. С. Парфенова, присланного с казаками на службу в Козлов, который самостоятельно отпустил на сенокос за р. Польной Воронеж ряжского казака, попавшего в плен, велено при всех бить батогами «нещадно», чтобы другим так поступать было неповадно.

Одной из проблем выполнения воинских обязанностей становились просьбы об их прекращении или переход в более легкую форму служб. Чаще всего это происходило вследствие утраты здоровья или возраста. Утрата здоровья связывалась с тяготами несения воинской службы, ранениями или болезнью.

Некоторые пожилые служилые люди просили отпустить их в монастырь и разрешить записаться в монастырскую братию без вклада пожертвования в монастырскую казну. Как правило, служилые люди, представители дворянства или посада уходили по старости лет в монастырь, делая в него земельный или денежный вклад. Но далеко не у всех имелись такие возможности. Часто в источниках встречались челобитные с просьбами служилых людей разрешить им уйти в монастырь. Козловец посадский человек К. К. Шмаков служил около 40 лет в стрельцах. Он участвовал в освобождении Москвы от поляков с князем Д. Т. Трубецким, выезжал с боярином Ф. И. Шереметевым в Кострому во время избрания Михаила Федоровича царем, участвовал в осаде Смоленска, после этого трижды ездил до Азова, провожая турецких послов. Потом перехал в Козлов, где записался из-за ран в посадские люди. Челобитчик подробно приводил свои многочисленные ранения в голову из пищали под Москвой и Смоленском. В своей челобитной от 9 сентября 1651 г. он просил разрешения постричься в Козловский Троицкий мужской монастырь или Лебедянский Троицкий[1]. Ссылаясь на старость, увечья от ран и физическую слабость, не имея возможности платить налоги, просил разрешения уйти в монастырь без уплаты вклада. Такое разрешение дьяки Разрядного приказа прислали на имя козловского воеводы.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 14-15.

Начальный возраст вступления в воинскую службу определялся в 15 лет. В этом возрасте юношу впервые вызывали на смотр и записывали в службу. Предельного срока прекращения военных служебных обязанностей не существовало, и уход со службы носил личностный характер.

Русское правительство выдавало огнестрельное и частично холодное оружие местным служилым людям для выполнения воинских обязанностей. При этом служилых людей предупреждали, чтобы это оружие и порох не использовались для охоты. Контроль за использованием оружия лежал на головах. Однако соблазн поохотиться с казенным ружьем оставался достаточно велик, такие случаи встречались во многих селах.

Служба на юге Русского государства была полна опасностей. Многим служилым людям приходилось уходить в степь на сторожи или небольшими подразделениями преследовать кочевников. Участие в военных действиях также несло опасность пленения. Плен служил реальной угрозой жизни населения пограничных территории. Истории пленения, побегов или обмена могли бы стать темами многих романов. Повороты человеческих судеб, погони, многочисленные схватки – всё это преломлялось через судьбы отдельных людей.

Невысокий уровень материального благосостояния некоторых служилых людей заставлял их обращаться за помощью на государево имя в приказы. Козловский сын боярский К. Д. Сомов в 1651 г. просил позволить ему «выменить» образ Богоявления господня[1]. Летом этого года он тяжело болел и обещал выменить этот образ при выздоровлении. Не имея средств, он обратился на государево имя с просьбой о финансовой помощи, что ему и обещали. С просьбой о выдаче образа Николая Чудотворца, взамен украденного в церкви, обратился в 1657 г. козловец сын боярский Л. Выставкин. А козловский сын боярский В. С. Бородин еще при воеводе Р. Ф. Боборыкине сражался с татарами на р. Битюг, где его чуть не взяли в плен. Уходя от погони, он обещал приобрести для церкви икону Спаса Нерукотворного, однако ссылаясь на бедность и отсутствие средств, просил оказать

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 12.

помощь в ее приобретении. Другой сын боярский Б. П. Титов, находясь в дальних походах, обещал приобрести икону Великого чудотворца Николая, если останется жив. Однако не имея средств, просил государя оказать ему помощь. Все вышеуказанные просьбы власть удовлетворила.

В случае потери лошади и «оскудения» служилый человек имел право обращаться на государево имя в подведомственный приказ с челобитной о материальной поддержке. Естественно, большинство таких просьб не доходило да царя и решалось на уровне руководства приказа. Козловец сын боярский Ф. А. Ломовской обратился в сентябре 1642 г. с просьбой и выдаче ему лошади взамен убитой во время прихода в 1642 г. татар в Козловский уезд[1]. Он ссылался на бедность и невозможность дальнейшей службы без коня. Сын боярский козловец Донской слободы Б. А. Бухарец служил еще под Смоленском, где получил ранение. Затем перешел в Козлов и за 6 лет службы не получил лошадь. Другие дети боярские А. М. Корсаков и Я. Игуменов также просили выдать им лошадь для пашни. Я. Игуменов уже получал лошадь, однако она заболела и пахать землю ему стало нечем[2]. Им предложили выдать по драгунской лошади. Недостаток лошадей пытались решить закупкой их в Казыеве улусе у татар. Козловцев С. Картавцева и Г. Красикова отпустили из Козлова на Дон с хлебом и вином для закупки в степи лошадей[3].

Встречались случаи привлечения местных служилых людей для сопровождения представителей дипломатической службы на Дон, в Азов или в Крым и к ногаям. В декабре 1641 г. из Посольского приказа пришла в Тамбов государева грамота с требованием о выделении посольских провожатых на Дон. В январе 1642 г. тамбовский воевода С. И. Биркин сообщил, что выделил 35 сторожевых и полковых тамбовских казаков[4]. В 1642 г. группа сторожевых тамбовских казаков участвовала в сопровождении посланника

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 2.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 178-179.

[3] Там же. Л. 293.

[4] ИТУАК. Тамбов. 1886. Вып. X. С. 10-15.

с государевой казной, дозорщика А. Г. Желябовского и подьячего О. Башмакова в Азов. Они проводили посланников в Азов, прожили там 10 дней. При возвращении обратно при переезде через Северский Донец их ограбили крымские татары и отобрали лошадей. Они вынуждены были идти пешком восемь дней до Валуек. По возвращении обратно в Тамбов казаки отправили челобитную в Посольский приказ, отмечая, что по отправке на службу никакого жалования и корму не получали. Им выдали корм только на три недели, а по государеву указу дополнительно еще корму на две недели.

Определенные действия приходилось предпринимать местному населению в связи с попаданием в плен их самих или родственников. В 1643 г. шацкий ценский мурза А. Тохтаров послал челобитную на имя царя Михаила Федоровича с просьбой о выкупе своего брата князя Б. Темирова[1]. Они были на службе в Тамбове с воеводой Ж. В. Кондыревым. 23 августа 1643 г. под Тамбов приходили татары, и воевода направил против них своего сына П. Кондырева с приписными служилыми шацкими людьми. Именно в этом бою раненый брат А. Тохтарова попал в плен. Однако приказные люди не разрешили поехать к татарам на такой рискованный выкуп и послали к донским атаманам грамоту с просьбой выкупить мурзу.

В 1666 г. в Разрядный приказ поступили две челобитные служилых людей, связанных с пленом. Одну из них написал козловец сын боярский Я. Г. Зовкин[2]. Он служил солдатскую службу в полку князя Г. А. Козловского в черкасских городках. При поражении русской армии во главе с боярином В. Б. Шереметевым под Чудновым попал в плен к полякам, получил ранения в правую ногу из мушкета и в левое плечо саблей, а его родной брат был убит. Я. Г. Зовкин попал в плен к литовцам и провел там 4 года. В первый год он предпринял попытку бежать, но его схватили и перевели в г. Корсунь. Во время сенокоса в поле Я. Г. Зовкина вместе с литовцами освободили черкасские казаки и перевезли в Переяславль, а затем вместе с литовским полоном отправили в Москву. В Малороссийском приказе в рас-

[1] ИТУАК. Тамбов. 1886. Вып. X. С. 45.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 98-99, 316-326.

спросе он назвал себя русским человеком, царским холопом, но ему не поверили и сослали с пленными литовцами в тюрьму. Он просил государя освободить его из тюрьмы, поскольку заступиться за него некому и родственников не осталось. При расспросе выяснилось, что 25 ноября 1664 г. гетман И. М. Брюховецкий передал России 7 пленных из татарского и польского плена, в том числе человека, назвавшегося Я. Зовкиным. Тот подал сказку о своих родителях, которые служили в Козлове в детях боярских, а жили в с. Глазок Турмасовского стану. Козловцы подтвердили подлинность речей Я. Зовкина. Его отпустили из Москвы в Козлов, а воеводе приказали поставить на службу и отдать на поруки.

Другой полонный случай произошел с двумя козловскими рейтарами из боярских детей Ю. А. и В. А. Черновыми[1]. В 1653 г. их взяли в рейтарскую службу от отца и большого брата в полк к боярину В. Б. Шереметеву. В одном из боев с поляками убили их зятя Филата. В сражении под Каневым Ю. А. Чернов получил ранение в голову польским чеканом, а Василий – в левую руку мушкетной пулей. В одном из сражений с татарами Юду захватили в плен, и он провел в крымском плену 1 год. Василий попал в плен вместе с боярином В. Б. Шереметевым и провел там 1,5 года. По возвращении из плена они обнаружили обветшавшие дома, а жен и детей скитающихся по дворам, так как «отца нашего и большого брата не стало, поить и кормить некому»[2]. Юда от полученных ран стал увечен и дальше нести службы не мог. Поэтому он просил разрешения отставки с государевой службы, а Василий высказывал готовность служить по-прежнему.

Близость Дона к Козловскому и Тамбовскому уездам накладывала особый отпечаток на повседневную жизнь местного населения, как и в других южных российских городах. Важной обязанностью населения, расположенного по линии укреплений на юге России, стало участие в отправке на Дон государевых запасов в виде ежегодных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 149-151.

[2] Там же. № 330. Л. 149.

весенних «спусков»[1]. Козловский уезд становился одним из центров изготовления стругов для посылки жалования донским казакам. Например, в 1646 г. на Козловский уезд распределили строительство 8 стругов, из расчета выделения на изготовление каждого струга по 15 государственных руб.[2] Было предложено отпустить на Дон хлебных запасов по 100 четвертей на струг. То есть всего выделялось на изготовление 8 стругов 120 руб. Деньги предлагалось взять из козловских «всяких» доходов. Сопровождать струги поручали 10 провожатым Борецкого стана. Государево жалование на эту поездку они получали по 3 руб. на человека, по фунту зелья ружейного и свинца. Провожатые обязались прибыть с наличием топора, рогатины и своих запасов для донской поездки. Однако местные служилые люди пожаловались, что в Козлове на тот момент таких денег не имелось. Было предложено взять деньги из Печатного приказа и начать готовить струги. Деньги в Козлов повез козловский сын боярский Г. Полухин в сопровождении приказных людей от Коломны, а в южных городах воевод обязали выдать провожатых из местных стрельцов и казаков. Струги с припасами планировалось отпустить в Воронеж к воеводе А. В. Бутурлину ранней весной по полой воде. Обязанности строительства стругов и их сопровождение на Дон давали возможность не только получить государево жалование, но и выгодно провести личные торговые сделки.

Служилые люди пользовались правом на выкуривание вина на свадьбу и похороны, без права продавать излишки. Официальных челобитен о разрешении курить вино для личного употребления сохранилось немного. Одно из них датируется 1649 г. Его написали от имени козловских пушкарей, затинщиков, казенных кузнецов и воротников, которые жили в Пушкарской слободе. Они просили

---

[1] *Загоровский В. П.* Воронежские струги и дощенники XVII века // Сборник научных трудов работ аспирантов ВГУ. Воронеж, 1959. С. 101-103; *Он же*. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Труды Воронежского университета. Воронеж, 1961. Т. 53. Вып. 1. Из истории Воронежского края. С. 131-147.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 980. Л. 194-200.

для годовых праздников разрешение сварить вина и браги, ссылаясь на свою скудность[1]. Разрешение было получено с запретом продавать эти напитки. То есть они заранее на год испрашивали такую льготу.

Внутренние конфликты также встречались между служилыми людьми. В 1676 г. в с. Дубовом Козловского уезда произошел спор между служилыми людьми, козловцами детьми боярскими. Здесь 4 февраля на Масленице в доме сына боярского Н. Савина собрались его товарищи 7 человек[2]. Д. Некрасов известил козловского воеводу Г. К. Шишкова о происшедшем разговоре. Я. Докучаев называл всех дубовских помещиков ворами, и Дементий боялся попасть в государеву опалу от этих слов, чтобы «не погибнуть». В Дубовое послали «разъесчика» Я. Масалова с товарищами с целью привода Я. Докучаева в приказную козловскую избу. 8 февраля всех участников вечеринки привезли в Козлов. При опросе выяснилось, что Я. Докучаев назвал присутствующих ворами, а на Д. Некрасова сказал, что если бы ты был царем или воеводой, то всех грешных присутствующих перевешал. Сравнение с царем явно выходило за рамки приличия и уже пахло государственной изменой. На это обвинение Я. Докучаев отметил, что сказал это без умысла «и с простоты ума своего без хитрости»[3]. Сложности взаимоотношений в южнорусских уездах во многом определялись массой беглого населения, которые скрывали свой прежний статус.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 385. Л. 85.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 826. Л. 114-118.

[3] Там же. Л. 118.

4.2. ПОИСКИ БЕГЛЕЦОВ В КОЗЛОВСКОМ УЕЗДЕ В 30-40-Х ГГ. XVII В.

Внутренняя колонизация страны всегда сопровождалась массовым переселением на новые места населения, рассчитывающего изменить свой социальный и экономический статус. Порубежье создавало особые зоны контакта и противоборства, которые привлекали пассионарное население центральных районов страны[1]. Здесь появлялись широкие возможности профессионального и социального лифта. Поэтому на фронтирную территорию стремилось бежать феодально зависимое население центральных уездов. В научной литературе достаточно разработанным является вопрос о поиске беглого населения с конца 50-х гг. XVII в., связанный с реализацией положений Соборного уложения об отмене урочных лет. Этот процесс определялся созданием специальных поисковых отрядов, которые возвращали беглых своим владельцам. Однако и предшествующий период оставался временем борьбы владельцев за свою рабочую силу. После возведения крепостей Козлова и Тамбова на юге России начался период быстрого строительства новых городов и укрепленных линий, что потребовало значительного увеличения местного служилого населения за счет переселенцев.

Правительство планировало заселить новые города и уезды «вольными, свободными» людьми, но на практике сюда хлынули массы беглых частновладельческих крестьян. Государственная власть вынуждена была разделять государственный интерес по освоению

[1] *Белаш Н. Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 5-19.

и защите новых территорий с интересами своей политической опоры – дворянства. С первых же лет существования новых городов и первых побегов представители дворянства регулярно требовали через приказы возвращения своих крестьян. Как правило, они имели достаточно надежные сведения о месте нахождения бывших крепостных и обращались к воеводам конкретных городов. Высказанная мысль А. В. Малова о том, что правительство после начала строительства новых городов и укреплений на юге России якобы пошло на «беспрецендентный» шаг, запрещающий проводить сыск беглых, не совсем верна[1]. На самом деле сыск беглых не прекратился в 30–40-е гг. XVII в. Недостатком его организации являлось отсутствие реального действенного механизма возврата беглых.

Мы рассмотрим этот процесс на примере Козловского уезда, первого нового города и уезда, появившегося в XVII в. на южной границе государства, так как аналогичных документов по Тамбовскому уезду не сохранилось. Документы по сыску беглых крестьян в Козловском уезде встречаются как единичные челобитные, так и целые подборки дел за один год.

Первые попытки возвращения беглых владельцы предприняли еще в 1636 г., то есть на следующий год после строительства нового города, а затем уже в 1639 г. Процедура была стандартной и отработанной предшествующими периодами в центральных уездах России. Сначала в Разрядный приказ отправлялась челобитная, а затем подьячий посылал письмо воеводе для поиска беглеца. Все челобитные за эти годы собраны в отдельный комплекс документов[2]. Среди челобитных значительная часть принадлежала дворянам соседних уездов: Воронежского, Елецкого, Каширского, Лебедянского, Мценского, Новосильского, Переяславль-Рязанского, Ряжского, Рязанского, Тульского, Болховского. Для этого использовался царский указ о принципах записи в новый город служилых людей. «И по нашему указу велено в новом Козлове городе писать в службу вольных

[1] *Малов А. В.* Основные проблемы строительства вооруженных сил России. 1613–1689 гг. М., 2022. С. 13-14.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121, 123, 128, 140.

и гулящих людей, которые дети боярские и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди покиня свою службу в 122 году, а живут во крестьянех за бояры и за окольничими, и за монастыри, и за всякие людьми»[1].

Отдельно стоял вопрос о родившихся в кабале детях бывших служилых людей. Если их не записали в какие-нибудь службы, то их не имели права записывать в воинскую службу в новых городах. Они считались беглыми и подлежали возврату. В 1640–41 гг. среди беглых стало больше наблюдаться жителей центральных уездов России, таких как Каширского и Дедиловского. Первоначально в первые годы строительства Козлова туда уходили крестьяне по одной или реже несколько семей. В последующие годы бегство приобрело массовый характер. В побег уходили группы крестьян вместе с членами семей, одеждой, лошадьми, скотом и инвентарем. Часто встречались подговоры к побегам уже уехавших крестьян или их родственников.

Все спорные дела решались по суду в Разрядном приказе. Чаще всего срок приезда на суд определяли к Рождеству, когда, вероятно, шел массовый процесс рассмотрения подобных дел. Опасность беглецы для владельцев вотчин и поместий представляли в привлекательном примере изменения своего социального статуса для оставшихся крепостных, подговору соплеменников на подобные действия. Одна из первых таких жалоб поступила от И. Е. Бобрищева-Пушкина, в которой он жаловался на бегство своих крестьян из Лебедянского уезда. Причем вариантов бегства и приход в новый город были весьма разнообразны. Иногда беглецы не сразу уходили на границу, а некоторое время жили за владельцами промежуточных уездов. Так, князь М. И. Мещерский жаловался на бегство своего крестьянина М. Г. Бывальца в 1632 г. из Рязанского поместья с. Кисвы. Беглец вместе с женой и детьми ушел в город Скопин, где жил в вотчине боярина И. Н. Романова. На неоднократные жалобы к новому владельцу вернуть беглецов, он не получал никаких ответов. В конце концов, новый владелец отдал распоряжение о возвращении чужих

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. Л. 2.

крестьян. Узнав об этом М. Г. Бывалец бежал в новый город Козлов и записался в стрельцы[1]. М. И. Мещерский требовал вернуть беглеца, ссылаясь на писцовые книги 1626 г. Если во время сыска воевода получал доказательства крепости бывшего крестьянина, то по государевой грамоте тот возвращался обратно к владельцу. Если возникал спор, дело передавалось на рассмотрение в Москву.

В некоторых случаях бегство принимало групповой характер и сопровождалось вывозом значительного движимого имущества. В 1636 г. из Лебедянского поместья Б. Плещеева бежали 12 крестьян, вместе с семьями, 9 лошадьми ценою в 64 руб. и не выплаченным оброком размером в 96 руб.[2] Иногда бежавшие крестьяне, чтобы скрыть свой прежний статус, прибегали к смене официального имени и прозвища. Так, Д. Бочар, крестьянин воронежского атамана Б. Титова, в 1636 г. бежал от своего владельца в Козлов и записался в сторожевые казаки под прозвищем Конюхов[3]. При этом взял с собой винный котел, 20 пчелиных ульев и 2 руб. наличных денег. В 1639 г. ельчанин сын боярский Ф. Петрыкин подал челобитную козловскому воеводе А. К. Беклемишеву на бегство из с. Тросны Елецкого уезда его старинных крестьян трех братьев Вишдкиных с детьми, крестьянскими «животы», денегами, платьем, коровами, овцами и другой живностью на 50 руб.[4] Они записались в козловские атаманы. Пристав требовал дачи суда. В течение 1637 и 1638 гг. из поместий мецнянина А. Шенщина бежало 7 крестьян с женами и детьми, крестьянскими «животы», которые устроились в служилые люди Козловского уезда[5]. В 1639 г. из Каширского уезда д. Рукавниково от Ю. Ф. Космова бежали крестьянин М. И. Чаплин с женой и дочерью, прихватив с собою 7 ульев пчел, корову, четыре лошади, а Г. И. Саблуков с семьей ушел с 7 лошадьми и коровой. Оба беглеца поселились в д. Красниково Козловского уезда за Т. Красниковым[6]. Такую же челобитную

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. Л. 18.

[2] Там же. Л. 22.

[3] Там же. Л. 27.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 123. Л. 1.

[5] Там же. Л. 27.

[6] Там же. Л. 95-96.

подал представитель старинного княжеского рода С. И. Великогагин по поводу бегства из его рязанской вотчины с. Вороново 3 крестьян вместе с семьями. Они, захватили лошадей, рогатой «животины», платья, посуды на 50 руб., а в Козловском уезде записались в челнавские стрельцы[1].

Тулянин М. Афросимов требовал возвращения своих беглых крестьян. Он писал, что в 1633 г. из его тульского поместья д. Голубые бежала группа крестьян вместе с женами и детьми. Перед бегством они убили двух крестьян, забрали лошадей, платья и другой «рухляди» на 270 руб. Некоторое время беглецы жили в Ряжском уезде в с. Скопине за боярином И. Н. Романовым и в д. Чулково за Н. Чеботаревым. А когда их попытались вернуть обратно, они сошли в Козлов. При этом беглецы поменяли свои имена. Ф. Сергеев назвался Мурзиным, а А. Филин поменял имя на Афанасий. Всех ответчиков приказали выслать на суд в Москву.

В 1640 г. подал челобитную на возвращение своих беглых крестьян М. Андреев[2]. В 1632 г. от него бежала группа крестьян из трех человек с семьями и «животами» на 40 руб. В последующие годы от него бежало еще 4 крестьян с семьями. Все они переселились в Козлов и записались в казаки и стрельцы. Владелец требовал суда в Москве. Такую же челобитную подали в Разрядный приказ воронежские дети боярские А. Вороненкин и М. Караулов на возвращение их беглых крестьян в количестве 14 человек вместе с семьями. Они бежали в 1636–38 гг. из разных сел и деревень Воронежского у. и все ушли в новый город Козлов, записавшись в разные службы[3]. В 1638 г. владельцы крестьян от имени всего города Воронежа просили тамбовского воеводу не принимать на службу их беглых крестьян и требовали их возвращения обратно в Воронеж. Молодое воронежское дворянство испытывало серьезные проблемы с рабочей силой и пыталось воздействовать на московских чиновников.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола № 123. Л. 143.

[2] Там же. Л. 275.

[3] Там же. Л. 286-287.

В октябре 1640 г. прошла очередная серия челобитен каширских помещиков на бегство своих крестьян в Козловский уезд. Причем в такой побег крестьяне взяли с собой значительное количество имущества, которое помещики считали своей собственностью[1]. Так, от Т. Г. Уварова бежал крестьянин В. В. Дерабов с семьей, захватив мерина с санями, пищаль, баранью шубу, зипун, кафтан бараний, шапку суконную и другую одежду на общую сумму 25 руб. 26 алт. 4 деньги. Другие каширские помещики С. Степанов и В. Н. Фустов жаловались на бегство своих 6 крестьян с семьями и кражу своих «животов» на сумму 37,5 и 50 руб. В 1638 г. из этого же поместья убежало еще два крестьянина. Все беглые поселились в Козловском уезде в челнавских стрельцах, а один из них, П. И. Фролов, сменил имя на Фильку и записался за козловским сыном боярским С. Назарьевым.

Осенью 1640 г. подал челобитную на беглых крестьян рязанский помещик Б. Конинский. В 1636 г. из его поместья с. Ходынино Рязанского уезда бежали два крестьянина вместе с семьями и «крестьянскими животами»[2]. Челобитную на своих беглых осенью этого же года подал князь М. И. Мещерский на беглого крестьянина его рязанского поместья с. Кисьвы П. С. Смыкова[3]. Он записался в тамбовские казаки. Его задержали в Тамбове и под охраной пристава привезли в Москву, где на суде П. С. Смыков признался в бегстве от своего хозяина, однако беглец уже получил государственное жалование на приезд в размере 18 руб. Эти деньги записали на помещика с требованием возврата в казну. А летом этого же года из другого его поместья с. Кисьвы бежала группа крестьян из трех семей с семьями, захватив с собою крестьянские «животы» в виде лошадей, коров, платья и хлеба общей стоимостью в 120 руб.

Еще один случай был описан в челобитной козловского сына боярского Ф. И. Короваева[4]. По государеву указу о записи в новые города на юге разрешалось набирать служилых людей южнорусских

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 128. Л. 10-18.

[2] Там же. Л. 48.

[3] Там же. Л. 52.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 123. Л. 158-159.

городов, служивших с 1613 г. Челобитчик нес государеву стрелецкую службу на Михайлове до 1616 г. Однако от «бедности» ушел с нее в Елец, где поселился в Пушкарской слободе в качестве наемного работника. Прожил там более 5 лет, а затем перешел в Елецкий уезд и стал жить за Троицким монастырем. Здесь он услышал весть о строительстве нового города на р. Воронеж и поверстался в Козлов в дети боярские. Когда он приехал за своим имуществом в Елец, его арестовали по требованию старца И. Уколова и посадили в тюрьму. В тюрьме он просидел 11 недель, у него отобрали все имущество: двух лошадей, епанчу, пищаль, двое саней, 2 хомута, белый сермяжный зипун, 2 воза ржи – и объявили старинным монастырским крестьянином. Поэтому он требовал суда, где хотел доказать, что его отец и он сам служили стрелецкую службу по Михайлову. Результат дела неизвестен, но если его рассказ подтвердился, то он имел право вернуться на государеву службу.

Массовое бегство крестьян из с. Хавнова Тульского Веневского монастыря произошло в 1639–40 гг. Игумен монастыря жаловался на бегство 9 крестьян и 2 кузнецов с семьями в Козловский уезд[1]. Они поселились в Козлове и записались в казачью службу.

Некоторые случаи побегов носил такой запутанный характер, что истину можно было выявить только во время судебного разбирательства в приказах «очи в очи». Группу козловских детей боярских обвинили в бегстве из вотчины рязанского архиепископа как бывших крестьян[2]. На что ответчики ответили, что они никогда не были записаны в книгах или крепостях за архиепископом. Они вынуждены были выйти из ряда разоренных городов Михайлова и Ряжска и прийти в архиепископскую вотчину с. Княжево Рязанского уезда добровольно. Жили в сторожевых детях боярских на «полуслужбе» и ушли, сдав свою службу. Козловцы просили не отправлять их в Москву для очной ставки, а провести сыск среди служилых людей их бывших городов. Немалое число бывших служилых людей и их дети после Смутного времени скитались по Руси, добровольно записываясь в бобыли.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 128. Л. 117-120.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. Л. 31.

Другой пример оказался связан с судьбой полкового козловского казака К. К. Околелова[1]. Его отец служил казачью службу в г. Ряжске, а после его смерти сына записали на место отца. Погром отряда Лисовского в Ряжске заставил К. К. Околелова уйти в Воронеж к своему двоюродному брату. Отсюда он сшел на «низ», т. е. на Дон, где прожил 10 лет. Он узнал, что его родной брат Меркул находился в Ряжском уезде за помещиком И. Куровым и приехал к нему, где прожил 4 года. От брата переехал к Б. Плещееву в Лебедянский уезд и жил за ним 3 года, а уже оттуда перебрался в г. Козлов. Такая запутанная жизненная траектория привела к тому, что право на этого беглеца могли предъявить несколько владельцев. Таким образом, добровольное проживание за конкретным владельцем ставило таких людей перед проблемой своего социального статуса, которая разрешалась на суде в Разрядном приказе.

Еще один пример сложного и запутанного дела о социальном положении нового служилого человека г. Козлова А. Клементьева[2]. На него подал челобитную о крестьянстве Кирилловский стряпчий. Судьба этого человека с его слов была связана с вотчиной боярина Ф. И. Шереметева с. Переловниково, позднее перешедшей к новому владельцу Кирилловскому стряпчему. Он сбежал от прежнего владельца 20 лет тому назад в г. Астрахань и записался в стрельцы. Из Астрахани перешел на Дон, где прожил до русско-польской войны 1632–1634 гг. Вместе с другими казаками участвовал в походе под Смоленск, где его избрали в есаулы. Во время перехода в Можайск А. Клементьев оказался среди осажденных литовцами гарнизона г. Козельска. После снятия осады перешел в Севск и здесь участвовал в бою против литовцев, а затем его отпустили с пленными в Москву, где он и узнал о строительстве нового города Козлова, куда и записался на службу.

В 1642 г. рассматривалось дело беглого крестьянина П. Петина. На него подал в Разрядный приказ челобитную И. Ф. Коробьин, называя беглеца старинным кабальным крестьянином своего отца[3].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. С. 49.

[2] Там же. С. 74.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. С. 57-59.

В расспросе П. Петин сказал, что он служил государеву службу в прошлые годы в Печерниках, Михайлове и Донкове, а затем из бедности на время записался за И. Ф. Коробьиным. После чего ушел в Козлов и записался в стрелецкую службу. Когда его по кабальной грамоте воевода хотел отдать владельцу, он сказал «слово и дело». Стрельца П. Петина отправили в Москву, где он повинился и сказал, что «слово и дело» он выкрикнул ради боязни отдачи его в кабальные люди без сыску, а на самом деле он никаких государственных тайн не знает. По рассмотрению этого дела дьяки Разрядного приказа указали отдать П. Петина обратно в «холопство» своему владельцу.

Кроме посылок челобитных из Разрядного приказа иногда встречался прямой сыск беглых через приставов владельцев. Так, 8 марта 1637 г. в козловскую съезжую избу при местных воеводах пришел пристав стольника князя И. Ф. Лыкова Т. Мальцев[1]. На личную ставку с ним привели сторожевого казака А. Киреева и полкового казака И. Воробьева. Их обвинили в побеге вместе с женами и детьми из Ценского уезда вотчины И. Ф. Лыкова в Козловский уезд. Если А. Киреев вообще никакого отношения к помещику не имел, то И. Воробьев на самом деле родился в г. Черни в вотчине И. Лыкова, но после 3 лет жизни сошел в д. Хотень Лебедянского уезда к помещику сыну боярскому П. Черному и прожил у него 7 лет. Здесь его взяли в плен татары, у которых провел в плену 2 года. Затем вернулся к П. Черному и был якобы отпущен на волю. После этого он прожил 1,5 года за ельчаниным Б. Сергеевым в д. Возгривая, откуда уже перешел в Козлов. Однако никаких письменных подтверждений сыщик не предъявил, и дело отправили на доследование в Разрядный приказ.

24 декабря 1639 г. в Козлов поступила государева грамота по поводу челобитной белевского помещика М. Кириевского[2]. Он искал своих беглых крестьян, бежавших в Козлов. Воевода А. К. Беклемишев их нашел и заставил повиниться перед своим владельцем, кому они и были возвращены. Однако один из них, Л. Гордеев, «отказался», ссылаясь на свою судьбу. Он жил со своим отцом в Болхо-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121. С. 100-101.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола № 123. Л. 156-157.

ве добровольно, а затем вместе с отцом ушел в Чернь, где его отец прослужил 24 года в стрельцах. После этого они от бедности сошли в Белевский уезд, где прожили 12 лет за С. Владыкиным. Сам Л. Гордеев прослужил два года в Белеве в солдатской службе, затем ушел под Можайск. После этого переехал в Ефремов, где принимал участие в строительстве города. В Ефремове он прожил 2,5 года и перешел в новый город Козлов и записался в стрелецкую службу.

В некоторых случаях местные воеводы предпринимали насильственные действия против новых служилых людей, считая их крестьянами помещиков. В декабре 1639 г. объявился козловский сын боярский М. С. Дорошин, который до этого жил вместе с братом у дедиловского сторожевого казака[1]. Затем он сошел в Козлов, записался в службу. Он поехал в Дедилов с целью забрать свою жену и детей. Местный воевода не отпустил новоявленного козловца обратно на службу. Поэтому М. С. Дорошин написал жалобу в Разрядный приказ и получил официальное разрешение выехать в Козлов на постоянную службу.

Не всем беглецам везло с записью в служилые люди. Ряд из них вынуждены были записаться в качестве наемных работников за козловскими служилыми людьми[2]. Скорее всего, они рассчитывали на изменение своего статуса впоследствии. В 1638 г. из вотчины княгини А. Трубецкой с. Деревенское Рязанского уезда сбежал в Козлов крестьянин М. Репин с женой и детьми. Жил он «в Козлова города в крестьянех переходя», то есть постоянно меняя хозяев[3].

Попытка массового сыска беглых в Козловском уезде в 40-е гг. XVII в. происходила не случайно. К этому времени бегство владельческого населения на юг Российского государства приняло массовый характер и наносило серьезный ущерб экономике помещичьих хозяйств. Сам механизм поиска и возвращения крестьян был достаточно неплохо отработан. Первоначально владелец посылал челобитную на царское имя в Разрядный приказ, который руководил

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола № 123. Л. 59-61.

[2] Там же. Л. 65.

[3] Там же. Л. 83.

Козловским уездом. В ней он называл имена и прозвища своих крестьян, обосновывал причину возврата беглеца. Дьяк Разрядного приказа приказывал готовить специальное письмо на имя местного воеводы, в котором приводилась аргументация владельца беглого крестьянина, и требовал от воеводы провести сыск в своем уезде. Беглеца задерживали и вызывали в приказную избу. Здесь ему объясняли содержание челобитной и требование выдать его на поруки кому-то из местных служилых людей, которые должны были ручаться за него и гарантировать его приезд в Москву. Если находились поручики, то с них брали «поручную запись», которую также отправляли в Разрядный приказ. После этого ответчик выезжал в Москву за свой счет и представал на очной ставке перед истцом в заранее оговоренное время. Например, в мае 1639 г. козловский воевода сообщил в Разрядный приказ, что поместные атаманы дали поручные записи атаману Ф. И. Алтабаеву в его поездке в Москву на очную ставку по поводу «крестьянства»[1].

Если поручителей не находили, тогда воевода сажал виновного в тюрьму, а затем отправлял ответчика за его счет на суд в Москву в сопровождении пристава. Иногда челобитная приходила на несколько человек, и в этом случае в Москву могли отправить двух человек из числа упомянутых в жалобе, а остальные оставались в данном городе. Встать на Москве в Разрядном приказе истец и челобитчики должны были на «Рождество Христова», «Вербное Воскресенье» или в другой определенный день. В связи с жалобой А. Волынского в 1639 г. в Козлов о поиске 5 беглых крестьян дворянина А. Волынского, козловский воевода А. К. Беклемишев отправил четырех ответчиков «за поруками» в Москву для разбора этого судебного дела. А пятый крестьянин Ф. Иванов сам повинился в бегстве и помирился со своим владельцем[2].

Случаи отказа сопровождать беглецов в Москву на очную ставку встречались нечасто. Один из таких произошел в 1644 г. Князь М. И. Мещерский пожаловался на козловского челнавского стрельца

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 123. Л. 132.

[2] Там же. Л. 100.

А. Паршина и его сына Ивана[1], которым предлагалось за 7 руб. привезти из Козлова в Москву к Троицыному дню 1641 г. князю его двух беглых крестьян с семьями. Однако А. Паршин с сыном на указанный срок крестьян не доставили. Князь затребовал отсылки виновных в Москву в суд.

Воеводы русского пограничья оказывались зачастую перед выбором: возвращать беглых крестьян, проявляя классовую солидарность с помещиками, или сохранять и приумножать численность служилых людей своего гарнизона, чтобы выполнить главную государеву задачу по охране границ. Поэтому они начинали процедуру сыска только при наличии государевой грамоты из приказа. Так, в 1642 г. на просьбу «путного ключника» Шацкого уезда дворцовой волости Н. Лошакова к козловскому воеводе А. Беклемишеву о возвращении обратно беглого крестьянина Г. С. Кузнеца воевода ответил отказом, ссылаясь на верстание данного человека в службу по Козловскому уезду в с. Назарьева Поляна[2]. Воевода потребовал присылки государевой грамоты. Лишь после получения документа из Разрядного приказа о задержании беглого шацкого крестьянина Г. С. Кузнеца, его вместе с женой, детьми и имуществом отдали специальному приставу с целью возвращения обратно в свою слободу, А. К. Беклемишев начал проводить процедуру возврата беглеца. При этом последний должен был вернуть выданное ему жалование обратно в казну.

Это дело имело продолжение. Н. Лошаков жаловался на массовое бегство крестьян дворцовой шацкой волости. Пример оказался заразительным, и многие дворцовые крестьяне потянулись вслед за своими удачливыми соседями, пытаясь записаться в служилые люди Козловского уезда[3]. Поэтому попытка собрать даточные деньги в сумме 779 руб. с Конобеевского присуду волости закончилась массовыми жалобами старост сел на бегство своих крестьян и невозможность полностью собрать налоги. К жалобе дворцового ключника подключились дети боярские с. Назарьева Козловского уезда.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 554. Л. 83-84.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 51-53.

[3] Там же. Л. 120-121, 124-127.

Они писали о своих притеснениях новопришельцами беглыми крестьянами из Шацкого уезда, которые их вытесняют с насиженных мест. Этот факт отражает непростую ситуацию с беглыми крестьянами и уже освоившимися местными служилыми людьми, которые пытались избавиться от конкурентов. Воеводе И. А. Ростовскому указывалось сыскать беглых в своем уезде. Он приказал бить их кнутом и отправить с приставом обратно в шацкую дворцовую волость вместе с семьями, скотом и имуществом. Выданное жалование воевода должен был доправить с беглецов обратно в казну. Ему указывалось на необходимость, не дожидаясь специальной грамоты, самому возвращать беглых дворцовых крестьян обратно и наказывать местных служилых людей за укрывательство.

Однако встречались случаи крестьянской солидарности с беглецами. В 1640 г. монастырские крестьяне Спасского монастыря Л. Морозов и Чудова монастыря П. Фролов несли сторожевую службу в козловской тюрьме вместе со сторожем из Козлова. В это время из тюрьмы сбежал колодник И. Блинников. Настоятель монастыря жаловался на использование в качестве сторожей в Козлове его крестьян и просил перенести эту обязанность на помещичьих крестьян других владельцев. В 1642 г. архимандрит Спассо-Нового монастыря Иоан жаловался на поведение своих крестьян[1]. Их привлекли для службы в сторожах козловской тюрьмы. Во время службы из тюрьмы бежало несколько беглецов, содержавшихся здесь по обвинению в бегстве от своих владельцев.

Особо отличались буйным нравом челнавские стрельцы, большей степени набранные на службу из числа бывших владельческих крестьян. Сама стрелецкая служба не считалась на юге России престижной, поэтому туда записывались наименее обеспеченные беглецы. Они-то и пытались решить свои проблемы грабежом рязанских, шацких и ряжских дворян. В конце октября 1638 г. ночью двое челнавских стрельцов П. Евсеев и его двоюродный брат П. Фетисов напали на двор шацкого сына боярского М. И. Спицына и забрали «животов» на 150 руб. Подобное же нападение на его двор почти в то же время

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 188-189.

совершили челнавские стрельцы братья Т. и Е. Гладышевы с товарищами. Они взяли лошадей, платья и денег на 100 руб.[1] Попытка козловского воеводы отправить провинившихся в Москву на суд закончилась провалом. Местный стрелецкий голова В. Фиглев не послушался воеводу и не стал выдавать своих подчиненных.

Челнавский казак Х. А. Федькин жаловался на елецкого сына боярского М. Д. Снетина[2]. Тот отпустил его в Козловский уезд на службу, а после этого поймал его жену и детей, отвел их в Елец и посадил в тюрьму, забрав имущества на 50 руб. Истец требовал суда в Москве на ответчика. В 1642 г. рязанский помещик Л. Измайлов пожаловался в Разрядный приказ на бегство его кабального человека И. Ефтифеева[3]. Тот записался в стрелецкую службу в Тамбове. Истец требовал суда в Москве.

Бегство крестьян зачастую сопровождалось грабежом своего владельца. В 1644 г. рязанский помещик А. Сатин бил челом в Москву в Разрядный приказ. Он напомнил, что в 1641 г. из его рязанского поместья с. Кудясова бежал его старинный крестьянин А. Пахомов с женою и детьми, прихватив все свои крестьянские «животы»: три лошади, четыре коровы, десять овец, десять ульев с пчелами[4]. В Козлове его опознал человек А. Сатина и попросил воеводу взять беглеца за пристава и посадил в тюрьму. Разрядный приказ указал доставить беглеца в Москву для суда. Это был один из немногих случаев, когда виновный сразу признал вину, а воевода проявил завидную оперативность.

Бежали не только одиночки, но и группой. В том же 1644 г. Т. Измайлов пожаловался на бегство в 1641, 1642 и 1643 гг. его крестьян из вотчины с. Мотовилово – три человека, из д. Окуловской также трое и из сельца Светово трое женатых мужиков с детьми[5]. Все они бежали в Козловский уезд в разные села. Владелец просил

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 123. Л. 107-109.

[2] Там же. Л. 189-190.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 554. Л. 54-56.

[4] Там же. Л. 40-41.

[5] Там же. С. 50-52.

найти его беглых крестьян и дать суд на Москве 1 января 1643 г. Разрядный приказ потребовал от козловского воеводы разыскать беглецов и обеспечить их отсылку в Москву с приставами. В этом же году на бегство своих четверых крестьян с женами и детьми из сельца Жданово жаловался в Разрядный приказ касимовский помещик И. А. Савин[1]. Беглецы взяли с собой одежду, хлеба, лошадей, коров и мелкой «животины» на 315,5 руб. Его крестьяне поселились в с. Борецком за детьми боярскими. Москва потребовала беглецов направить в Москву для суда.

Одной из серьезных проблем новой колонизации юга России оставалась острая нехватка женщин. Основная часть переселенцев уходила на новые места с семьями, однако встречалось немало неженатой молодежи. В первые переселенческие годы не все новые служилые люди могли обзавестись семьей. Поэтому встречались случаи подговора вдов с детьми к переезду на новые земли. Так, белевский дворянин И. Д. Левшин жаловался 21 июня 1640 г. на бегство из его поместья дворовой «женки» А. З. Косовой[2]. Ее подговорил к бегству крестьянин помещика Воейкова из д. Иваново Новосильского уезда А. П. Слатков. Они вместе ушли в Козловский уезд в д. Поддубовое, где он записался в дети боярские. Причем беглецы взяли с собой «всякой рухляди» на 50 руб. Истец требовал суда в Москве и возвращения своей крестьянки и имущества.

Таким образом, мы видим, что основная часть населения, переходившая в новые уезды, состояла из числа беглых крестьян, главной целью которых являлась попытка изменения своего социального и профессионального статуса. Южная граница предоставляла такую возможность и манила не только плодородными землями, но и возможностями воли и свободы от крепостной зависимости. Однако не все беглецы могли сразу записаться в службу. Препятствием служило отсутствие движимого имущества: лошади, скота, орудий труда, наличия семенного фонда для посева. Даже выданные средства «за выход» и на дворовое поселение, получение оружия и боеприпа-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 554. С. 57-58.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 123. Л. 191.

сов из государственной казны не могли решить все проблемы. Поэтому определенная часть беглецов записывалась за местными служилыми людьми в качестве работников, рассчитывая со временем самим стать служилым человеком. Огромная потребность в рабочих руках в южнорусских уездах давала возможность части переселенцев находиться во временном состоянии в качестве работников.

Требования возвращения беглых владельческих крестьян через Разрядный приказ местные воеводы проигнорировать не могли. Большинство спорных дел не рассматривалось на месте, а отправлялось на суд в Разрядный приказ. Здесь на очной ставке в присутствии дьяка истец должен был доказать права на владение крестьянином со ссылкой на документы. В случае положительного решения ссудного дела беглеца возвращали прежнему владельцу. Если доказать права на бывшего крестьянина не удавалось, то он возвращался на прежнее место службы. Однако если истец не являлся на суд без объяснения причин, тогда дьяк принимал решение завершить судебное разбирательство, отправить ответчика обратно на службу и запретить в другой раз, якобы владельцу, еще раз подавать подобную жалобу. Так, в 1639 г. ельчанин Л. Перцов подал в Разрядный приказ челобитную о возвращении из Козлова обратно бывшего его крестьянина А. Ягодина[1]. Ответчик прибыл в Москву и предстал перед судом. Однако истец так и не приехал. Поэтому решение суда было определенным. А. Ягодина отправили обратно в Козлов на службу, а истцу запретили еще раз подавать подобную жалобу.

В некоторых случаях не являлся на суд ответчик. Тогда воеводу обязывали принудительно доставить его в Москву. Например, елецкий сын боярский И. Савельев писал три челобитные с просьбой о выдаче ему беглого крестьянина М. Макарова, который в новом г. Козлове записался в дети боярские[2]. Первые два письма он писал на имя воеводы И. В. Биркина и не получил ответа. Третье письмо ушло на имя И. Ф. Кикина, с требованием выслать ответчика в Москву. Сам истец приехал вовремя, а ответчик так и не прибыл.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 123. Л. 266-268.

[2] Там же. Л. 48-49.

Поэтому воеводе предложили доставить ответчика на суд в Москву с приставом.

Причины постоянных челобитных владельцев крестьян по поводу их возвращения своим прежним хозяевам состояли не только в личных взаимоотношениях, но и в страхе потерять остальных крестьян. Беглые для оставшихся соплеменников становились примером решительного и успешного изменения социального статуса. Они поддерживали постоянные связи со своими соплеменниками и переманивали их на новое место жительства. Отсутствие реальных возможностей у мелкопоместных дворян вернуть своих бывших крестьян лично заставляла прибегать к помощи государства. В некоторых случаях местное население пыталось саботировать поиски беглецов, пряча своих соплеменников, ссылаясь на их исчезновение или отсутствие таковых. В некоторых случаях воеводы не торопились возвращать беглецов, опасаясь обезлюживания своих уездов. Многое зависело от настойчивости истца и воеводы довести дело до суда. Непоследовательная политика в области беглого населения объяснялась государственными интересами в освоении и защите новых территорий. Здесь правительству приходилось идти на компромисс, сдерживая аппетиты дворянского сословия.

Возврат беглых в 1661–66 гг. из Тамбовского и Козловского уездов описан в работах А. А. Новосельского и Е. А. Швецовой[1]. Однако и в последующие годы бегство на юг продолжалось. В 1664 г. в Козловский уезд пришел наказ местному населению, чтобы в селах и деревнях никаких беглых людей не держать. В январе 1666 г. в козловскую приказную избу подал челобитную человек дьяка А. Тошлыкова Н. А. Васильев[2]. В челобитной указывалось, что в 1664 г. его кабального человека с женой и двумя детьми подговорил коз-

[1] *Новосельский А. А.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.// Труды института истории. М., 1926. *Он же*. Отдаточные книги беглых как исторический источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды историко-архивного института. М., 1946. Т. 2; *Швецова Е. А.* Колонизация Тамбовского уезда в XVII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 125-139.

ловский сын боярский с. Борец М. Куницын съехать к нему в дом. А с собой кабальный человек свез имущества хозяина на 277,5 руб. В 1665 г. Н. А. Васильева поймали в Москве, он хотел ехать к своим отцу и матери в Псков. Его арестовал у Таганских ворот Иноземского приказа пристав и отвел в свой приказ, оттуда переправили в Холопий приказ. А жену Н. А. Васильева пристав задержал в Козлове. Всю семью воевода отправил в Москву на подводах и лошадях М. Куницына, чтобы остальным был урок не принимать беглых людей. В Москве выяснили, что Н. А. Васильев с женой жил у А. Тошлыкова 8 лет по кабальным грамотам. По приезду семьи в Москву 8 марта 1666 г. их вернули прежнему хозяину.

Таким образом, центральная власть на протяжении всего XVII в. с той или иной степенью интенсивности проводила сыски беглых на юге России в зоне укрепленных линий. Однако до организации массового сыска в 60-е гг., эта работа велась без всякого энтузиазма со стороны южнорусских воевод, которые опасались массового возврата своим владельцам беглых людей с южно-русских уездов, опасаясь сокращения и без того весьма ограниченного воинского контингента в уездах.

4.3. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Бортные ухожья как форма заселения и освоения русского пограничья в XVII в.

Еще М. К. Любавский обратил внимание на освоения новых территорий бортными ухожьями. Он отметил народную колонизацию юго-западной окраины страны выходцами из Приднепровья[1], считая, что сначала здесь появлялись бортные ухожья, затем переселенцы срубали бортные деревья, создавая пасеки, на местах этих пасек появились мелкие поселения. В целом, проблему использования бортных ухожьев в заселении русской лесостепи выдвинули и советские историки[2]. Роль бортного промысла в освоении территории Поценья до 1635 г. мы рассмотрели в первой части книги[3].

Контролем за распределением ухожий и сбором налогов занимался Приказ Большого дворца, а непосредственно выставлением ухожий на оброк – воеводские избы. Ухожья получали в оброк на определенное время, обычно на один год. Затем надо было продлевать договор или сдавать участок. Как показывала практика функционирования этого экономического института, бортные ухожья могли длительное время находиться в собственности одной семьи, переходя из поколения в поколение. По мере заселения и освоения новых территорий эти земли передавались для другой хозяйствен-

[1] *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. М., 1996.

[2] *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства. Воронеж, 1991.

[3] См.: *Мизис Ю. А., Напольникова П. К.* На южных рубежах Московского государства. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). Тамбов, 2022. С. 142-161.

ной деятельности. Как правило, в состав бортных ухожий входили бобровые гоны, рыбные ловли и охотничьи угодья на дикого зверя. Тогда на такой ухожий накладывался сложный налог с каждого вида деятельности.

После строительства в 1635 г. г. Козлова и создания сплошной линии укреплений от Ахтырки до Волги, на эти земли пришли русские переселенцы, создавая здесь новые населенные пункты, распахивая пашню и сенные покосы. Линия бортных владений почти полностью переместилась в районы рек Битюг, Хопер, Матыра, Ворона и их притоков. С начала нового этапа освоения южнорусских степей с 1696 г. после взятия русской армией Азова вся огромная территория междуречья низовьев Волги и Дона стала быстро осваиваться переселенцами, которые в местах бывших ухожьев начали создавать новые населенные пункты, заниматься традиционными видами сельскохозяйственной деятельности. С учетом незначительного количества лесных массивов в этом регионе бортное пчеловодство как массовое явление оказалось свернуто, и начался переход на пасечный промысел.

Бортный ухожей служил формой экономического освоения малозаселенной или совсем незаселенной территории. Особенность бортного промысла требовала достаточно больших размеров владений, входивших в его состав. Кроме добычи меда диких пчел, в таких угодьях давали разрешения на ловлю рыбы и охоту на диких зверей. Здесь же сооружались временные строения для проживания бортников во время промысла.

В хозяйственном ведении каждого населенного пункта Верхоценской волости находилось более десятка бортных угодий. Причем территориально от самого села или деревни бортные ухожьи могли находиться на расстоянии нескольких сотен километров. Так, крестьяне сельца Сыровели и д. Шаморги ходили в Тамбовский ухожей на реке на Цне – это порядка 150-160 км. Бортники д. Пеньков ходили в бортный Хоперский ухожей «от устья реки Тумалы на низ по Хопру по обе стороны...» – 250-260 км, к деревне Борки относился «бортной аржанской и понбинской ухожей на реке на Вороне» –

на расстоянии 180-190 км. Такие большие расстояния от населенных пунктов до владений объясняются в первую очередь характером самого промысла. На достаточно большой территории в 50-60 км^2 бортного ухожья могло находиться только 10-12 бортных деревьев с пчелиными семьями.

Поиск пригодных деревьев для создания бортей, а также сочетание ряда географических факторов – наличие естественного водоема недалеко от бортных деревьев, участков леса и степи, богатых медоносами, – уводили бортников далеко от дома. Бортное ухожье – довольно сложное хозяйство. Оно включало борти, в которых жили пчелы, и борти без пчел, деревья-холостцы, пригодные для бортей, но еще не выделанные бортниками. Таких могучих толстых деревьев было в то время «несчетно», они держались на примете и в любое время могли стать бортным деревом. Бортный промысел в зонах фронтира имел свои особенности функционирования, связанные с угрозой попадания в плен к кочевникам.

Местное население вырабатывало свою тактику отражения угроз:

а) выезжали в ухожья большими группами с оружием. Ухожья принадлежали как одной семье, так и группе собственников, часто в совместном владении русских и мордовских промысловиков;

б) во время промысла часть бортников следила за степью, находясь на «кроватях»-подмостках на деревьях рядом с окраиной леса, и в случае появления противника все промысловики стремились уйти вглубь леса;

в) поддерживали тесные контакты со сторожами и станицами, которые предупреждали бортников об опасности;

г) имели небольшие временные деревянные сооружения на случай непогоды или от дикого зверя, с примитивными защитными сооружениями в виде тына, кольев. Такие бортные ухожья назывались юртами;

д) могли быстро построить временные укрепления, за которыми садились в осаду. Именно такими приемами бортники боролись с угрозами татарских нападений;

е) возможно, именно по рекам добирались бортники до отдаленных ухожьев, и по рекам шло освоение новых территорий. Эта непосредственная связь с речной системой способствовала развитию подсобных промыслов, рыбной ловли и охоты на речных зверьков – бобров и выдр.

К сожалению, значительный массив документов по функционированию бортных ухожьев до нашего времени не дошел. Сохранились лишь отрывочные источники, которые не дают полной картины, но позволяют проследить некоторые сюжеты промысловой деятельности населения южного фронтира. Значительная часть бортных ухожьев, относящихся к ведению Тамбовского уезда, принадлежала по традиции дворцовым крестьянам Верхоценской волости и местным монастырям.

Процесс заселения Козловского и Тамбовского уездов привел к ликвидации старых бортных ухожьев на их территории. Крестьянин Рязанского уезда с. Песочни Н. Яковлев подал челобитную 27 декабря 1641 г. о своем бортном владении на р. Пара: Бовыкинский, Костенский и Суровцовский[1]. Оброк с ухожья он платил в с. Конобеева, Шацкого уезда за пуд по 20 алтын, и новые наддачи за полпуда 10 алтын. Однако в эти бортные ухожья пришли дети боярские и дворяне с. Борца Козловского уезда и завладели землями. Ему разрешили сложить с себя этот оброк.

Крестьянин князя Д. М. Пожарского М. Лукьянов владел Ширинским, Быковским и Сокольским ухожьем и платил в 1632 г. 2 пуда 32 гривны меда, а в 1649, 1641, 1642 и 1643 гг. с него взяли 6 пудов 30,5 гривен на год[2]. После строительства Козлова этот ухожей отошел городу, и в уезде поселились служилые люди. М. Лукьянов также просил снять с него медвяной оброк. Подобные просьбы высказали многие владельцы бортных ухожьев, чьи владения попали в зону расселения новопоселенцев[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 159. Л. 264-265.

[2] Там же. Л. 280.

[3] Там же. Л. 282-283.

Владельцами бортных угодий выступали не только дворцовые крестьяне, но и монастыри. Одним из них являлась Мамонтова пустынь. В 1640 г. 21 февраля крестьяне д. Керша Х. Неверов, С. Дамеркин, Г. Зовы, мордовцы В. и А. Ветониновы, К. Сидоров «полюбовно» поступились своим ухожьем на р. Хопре, по обе стороны р. Белозерка, Нифонту – игумену пустыни Живоначальной Троицы и Николы Чудотворца, будущей Мамонтовой пустыни[1]. В обмен получили от игумена ухожай на р. Вороне, на устье реки до Орлова гнезда. Крестьяне клялись, что их Хоперский ухожей, который они называли своей вотчиной, не был заложен или продан и «не в каких крепостях не написан», обещали не выживать с их бывшего ухожея новых владельцев под залог 300 руб. и за всякое дерево взять по алтыну. Такое же обещание по своему бывшему угодью дал игумен Нифонт. Грамоту заверили 21 февраля 1640 г. дьячки д. Городище К. Ш. Шиндаков и с. Черленое Б. С. Попов. Подписал документ старец Нифонт, а крестьяне поставили свои знамена владельцев. Таким образом, произошел обмен бортными вотчинами.

В 1640 г. встал вопрос об обмене бортного Хоперского ухожея на р. Вороне при впадении ее в Хопер игумена Троицкого Цнинского монастыря Нифонта крестьянам с. Керша Верхоценской волости. В этом же году Мамонтова пустынь на Цне получила часть Вяжельского ухожея по р. Вороне, т. е. половину рыбных ловель[2]. За эту половину Вяжельского ухожея старец пустыни Мамонт должен был платить оброку по 10 алтын.

В 1635 г. буквально накануне строительства Тамбова тамбовский Троицкий монастырь, тогда еще входивший в состав Щацкого уезда, вел спорное дело за владение бортным Хоперским ухожеем[3]. Крестьянин д. Черкино Г. Парамзин обвинил игумена Нифонта с братией в попытках захватить Свинцовский ухожей. Он был записан в свое время за его дядей. Г. Парамзин подтвердил это право

[1] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12123. Л. 1; Там же. № 12124. Л. 1.

[2] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12126. Л. 1.

[3] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12119. Л. 1-2.

грамотой царя Бориса Годунова. Поэтому получил ответ стать в Москве 20 июля в Ильин день для решения спорного дела. Нифонт отмечал, что он владеет на Хопре юртом казака П. Трифонова, а Парамзин с товарищами владеет Свинцовским ухожеем по Хопру в районе Мутного Затона, р. Свинцовского Ярка, до которого настоятелю монастыря «дела нет».

Вопрос о Свинцовском ухожее вновь возник в 1637 г. Спор велся о Хоперском Ореховском бортном ухожее между крестьянами д. Морша Т. Павловым, И. Прокофьевым и д. Пеньков П. Тимофеевым с родственниками и «пущениками»[1]. Они написали челобитную на имя Михаила Федоровича и тамбовского воеводы Р. Ф. Боборыкина. Челобитная была направлена против мордвина д. Чоркино Н. Пурясова и группы русских крестьян – владельцев Свинцовского бортного ухожья. Р. Ф. Боборыкин у себя в Тамбове рассмотрел спор о разделении бортных владений. Здесь состоялось полюбовное решение о продолжении владения Свинцовским ухожеем их старинными прежними владельцами и утверждение разделительных линий границ по Хопру до устья Свинцовского Ярка.

В 1640 г. Троицкий Цнинский монастырь владел рядом ухожьев, которые в приправочных книгах Ф. Чоботова 1623 г. не упоминались[2]. Среди них встречался бортный и рыбный пустой вымороченный ухожей на р. Хопре, ранее принадлежавший казаку П. Трифонову. Его передали монастырю на пропитание без перекупки в 1635 г. Троицкий монастырь платил с него оброк: 1 пуд без четверти меда и с рыбных ловлей по 1 руб. 10 денег на год. Другой бортный Погановский ухожей находился около самого монастыря на р. Цне. Один из его рубежей проходил по р. Хмелинки к Гардалыму и от него к Цне. Оброк с того ухожья монастырь платил четверть пуда меда и пошлин с меда и куницы 2,5 деньги, плюс водяной оброк 10 денег. Третий бортный Судольский ухожей на р. Суволе и Таволжанке[3], оброк с него составлял 20 алтын в год. Владел тем угодьем

[1] Пущеники – жители других деревень, помогавшие в бортном промысле.

[2] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12128. Л. 12-15.

[3] Современное название р. Савала.

монастырь по данной в 1639 г. дарственной крестьянином д. Горелой П. М. Колмаковым.

Длительная эксплуатация бортных угодий приводила к возможности передачи их по наследству своим родственникам или продаже другому владельцу. Крайне редко промысловиками становились служилые люди, из-за занятности по основному виду деятельности и наличия пашни и сенокосов. В феврале 1645 г. крестьянин тамбовской Покровской слободы М. И. Сухоседя продал свой бортный Кершинский ухожей на р. Цне и Хмелинский на р. Хмелина двум братьям крестьянам д. Кулеватово и Ордашево П. Г. и А. Г. Федоровым[1]. За оба владения «заплатили 2 руб. с отбою и прибою», всякими вотчинными угодьями: пнем, колодою, стоячим деревом, бортной делью с пчелами «старыми и молодыми», с сычем, «ястрепцовым» гнездом и становым зверем с лосиными и козьями стойлами, бобровою «вижью», свиным «прорыском», с лисицами и куницами, с озерами, раменьем, борами, липягами, дубравами[2]. По договору М. Сухоседя должен был поставить в известность писцов, переписывающих бортные вотчины, об отказе от своих прежних владений. Оформил эту купчую тамбовский таможенный дьячок С. Костралов.

В 1647 г. произошел раздел бортного Ордашевского ухожья двумя группами крестьян – 29 человек с П. и А. Федоровыми и с еще 8 владельцами – на две половины, или, как писали в разъездной записи, на два рубежа[3]. При разделении ухожья были проставлены грани – границы с новыми знаменами собственности на деревьях. В раздельной грамоте 1 сентября 1647 г. упоминаются прежние старые владения Кулеватовский и Челнавский ухожья. За сделку взяли заряд в 100 руб.

Споры по межеванию и владению бортными владениями встречались постоянно, так как точные границы уничтожались временем и природой. Такие споры обычно разрешал местный воевода.

[1] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12131. Л. 1.

[2] Раменье – лес, соседствующий с полем. Бор – сосновый лес, липяг – липовые рощи.

[3] РГАДА. Ф. 281. Грамоты Коллегии экономии. № 12132. Л. 1-2.

В 1666 г. возник спор между крестьянами с. Романово Верхоценской волости Тамбовского уезда о праве на владение бортным старинным Матчинским ухожьем в Богдасарском лесу на Хопре[1]. Они ссылались на приходную книгу 1666 г. с. Конобеева, куда традиционно сдавали медвяную пошлину. Крестьянин Я. Прокофьев с племянником села Романова платил с этого ухожья на Сытный дворец Приказа Большого дворца по 55 пудов меду с четверти на год. Его односельчанин П. Жванов с товарищами хотели на этот ухожей сделать прибавку к указанной сумме в 25 гривен меду. Причем заявку они подали в Разрядный приказ, а традиционно эти территории ведал Приказ Большого дворца. Новые владельцы ссылались на решение Разрядного приказа.

Такого же типа жалоба поступила в 1666 г. Вотчинный крестьянин с. Песочины Переяславль-Рязанского уезда Г. Полежаев направил челобитную в Москву о том, что бортный Хоперский Надужинский ухожей на Белозерском затоне находился не в эксплуатации[2]. А крестьяне с. Морши Верхоценской волости направили на имя государя письмо, заявляя, что этот ухожей их старинный и они им по-прежнему пользуются и платят налоги. А в 1664 г. они прибавили к своему старинному оброку 1 руб. 9 алтын 5 денег. Из Разряда на имя тамбовского воеводы А. И. Головнина была послана грамота с требованием произвести розыск на право владения бортным Надужинским ухожеем у р. Белозерка.

В 1667 г. разгорелся давний спор между крестьянами с. Питерское и игуменом Чернеева монастыря Филаретом о размежевании их Корочанского ухожья на р. Хопре[3]. Этот спор начался еще при воеводе И. П. Акинфееве. На суд челобитчики представили выписки из писцовых книг Ф. Чоботова 1623 г. По этим челобитным воевода послал досмотр в лице подьячего приказной избы Л. Кондратьева. Крестьяне жаловались, что подьячий доехал в вотчину

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 985. Л. 668-670.

[2] Там же. Л. 580-582.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 395. Л. 267-275, 287-291; Столбцы Приказного стола. № 409. Л. 8-11.

Корочан, но не проверил рубежи по книге Ф. Чоботова. По челобитной игумена Филарета в 1667 г. туда послали второго подьячего – П. Богданова. По отзывам крестьян, он ездил по ухожью «блудя», якобы без выявления граней, поэтому требовали перенести суд из Тамбова в Москву. Из Приказа Большого дворца пришла грамота в Тамбов думному дворянину и воеводе Я. Т. Хитрову. На основании дозора Хоперского ухожья в апреле 1668 г. воеводой В. А. Змеевым было принято решение о владении старинным ухожьем Чернеевым монастырем. Крестьян Ф. Михайлова с товарищами обвинили в самовольной попытке насильно завладеть монастырскими землями и установке граней.

В марте 1659 г. Приказ Большого дворца разбирал челобитную крестьянина с. Романова Ф. Караваева на своих племянников И. Савина и С. Клейменова по поводу раздела их старой вотчины Хоперского и Журавлинского ухожья[1]. Спор шел из-за раздела угодий по старым записям с родным братом К. Караваевым и его детьми. Грамота из приказа рекомендовала воеводе В. Н. Лихареву решить дело по имеющимся раздельным записям и поделить владения по старым грамотам.

Владельцами бортных ухожьев выступали и местные служилые люди. Например, в декабре 1667 г. в Приказ Большого дворца били челом полковые казаки г. Тамбова Ф. Соловьев с товарищами на свой бортный ухожей в Тамбовском уезде на р. Цне за валом около Липовицкого заповедного леса. Они уже несколько лет вовремя платили за него оброк. После строительства вала им не разрешали ездить в этот лес для заготовки дров и хоромного леса. Они жаловались, что теперь полковые казаки и «всяких чинов люди» г. Тамбова, в том числе и кузьминские казаки, ездят через проезжие Кузьминские ворота в их владения для заготовки дров, бревен, лыка. Эта деятельность приводила к «порухам» ухожья, и челобитчики просили запретить такую деятельность в их владениях по специальной государевой грамоте.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 312. Л. 16-18.

Таким образом, бортные владения представляли собой сложные промысловые хозяйства, составлявшие важнейшую экономическую основу юга Русского государства в XVII в. Развитие бортничества, освоение новых бортных ухожьев на пограничных с Полем территориях явились одним из путей «мирной колонизации» и способствовали продвижению южных границ Московского государства. Они подготовили почву для быстрого освоения этих районов русскими переселенцами. Последние были прекрасно осведомлены о местности, где находились промысловые угодья, присматривались к плодородным полям и богатым рыбными ресурсами рекам. Как только с 1696 г. правительство разрешило начать освоение и заселение этих земель, переселенцы поехали не на неизведанное место, а заранее облюбованное, присмотренное и оцененное с точки зрения дальнейшего ведения хозяйства.

Наряду с бортным промыслом население юга России уже в XVII в. переходило на разведение пчел в ульях. Об этом говорят многие документы. Например, во время следствия по поводу восстания в г. Козлове 1648 г. воеводе Р. Ф. Боборыкину местные служилые люди предъявили обвинение в присвоении 300 ульев, конфискованных у местных служилых людей. Однако почти до конца XVII столетия бортные ухожеи являлись основным способом добычи меда в крае.

Быстрый рост населения новых уездов уже к концу XVII в. поставил вопрос о свертывании бортного промысла на старых территориях лесостепи и переходе к пасечному сбору меда, развитию пашенного земледелия и сенокосным угодьям. Сказывался недостаток лесных ресурсов в южной части края, ограничивающий дальнейшую эксплуатацию старинного дедовского промысла. Таким образом, завершалась миссия бортного промысла как формы колонизации края.

Кроме бортного промысла, местное население занималось рыбной ловлей. Иногда ухожья сдавались как для рыбной ловли, так и для сбора бортного меда. Основными получателями рыбных ухожьев выступали частновладельческие монастырские и дворцовые крестьяне. Крупные рыбные ловли находились по небольшим

притокам Цны: Серпу, Паре и другим рекам. Места рыбных ловель часто становились объектами споров и конфликтов. В 1641 г. на государево имя поступила жалоба крестьянина с. Горитово П. С. Дрыкина[1]. В 1639 г. дети боярские Изосимовской и Турмасовской слобод на р. Лесной Воронеж в его ухожье самовольно выловили 20 возов рыбы на 50 руб. Крестьянин платил в государеву казну с этой ловли оброк 4 руб. 25 алт. 5,5 денег. В Козлов воеводе А. К. Беклемишеву отправили грамоту о высылке за поруками тех детей боярских в Москву для проведения сыска. Продукция с рыбных ловель поступала на местные рынки и использовалась в личных целях для еды[2].

Сохраняла свое значение охота на местную дичь. В 1642 г. поместный атаман г. Козлова пожаловался на своего компаньона поместного атамана И. Бебехова[3]. В 1639 г. они охотились за лесными зверями и убили четырех лосей, которыми завладел И. Бебехов. Затем он продал лосей за 20 руб., а деньги оставил себе. Из Разрядного приказа пришла грамота взять И. Бебехова на поруки и отправить в Москву для очной ставки. На торгах Козлова и Тамбова часто встречались охотничьи трофеи: куницы, заяц, белка, лисы, медведи[4].

Хозяйственная деятельность местного населения неизбежно приводила к многочисленным конфликтам и спорам. Они касались землепользования, промыслов и других видов собственности. Крестьяне Чудова монастыря с. Буховой обвинили детей боярских с. Большие Рясы в насильном свозе 26 ноября 1641 г. с левого берега реки сенных покосов 1030 копен сена[5]. Разрядный приказ потребовал прислать к ответу одного или двух представителей сторон для рассмотрения дела. Результаты сыска в документах не нашли отражения.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 148. Л. 13-15.

[2] *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005. С. 429-445.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 148. Л. 72-73.

[4] *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005. С. 488-492.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 148. Л. 91-92, 146-148.

Возможности новых уездов в выращивании зерна было продемонстрировано в середине XVII в. В апреле 1657 г. к козловской пристани пришли корабли из Турции для закупки ржи и пшеницы из-за большого недорода продовольствия. 28 мая 1657 г. толмач И. Свиридов из Козлова писал о прибытии в Козлов из Царьграда 15 кораблей для покупки пшеницы и соли. Козловский воевода запретил продавать пшеницу и разрешил приобрести только соль. 17 июня в Козлове появились 18, а позднее еще 6 кораблей для покупки пшеницы, соли и коровья масла. Они пришли в Козлов, так как турецкий султан приказал у торговых людей (турок, армян и греков) даром отнимать корабли, потому что «воинских кораблей не стало». Корабли перестали строиться из-за войны с «немцами» и прекращения привоза с Белого моря хлеба. Хотя это были разовые прибытия зарубежных торговых кораблей в Козловский уезд[1].

Служилые люди и крестьяне на юге заводили мельницы, которые позволяли получать стабильный доход. Переработка зерна на муку росла с расширением процесса заселения края и ростом населения. Уже в самом начале освоения территории началось строительство мельниц. В 1645 г. мельничный мастер Алексей Марков подал в Разрядный приказ челобитную с просьбой разрешить ему построить мельницу под Козловом выше Донской слободы, около Колокольного затона, который зарос лесом и стоит «впусте»[2]. Указом от 8 августа такое разрешение было дано.

Часто мельницы становились предметами споров и конфликтов. В рассматриваемый период мельницы обслуживали целую округу из нескольких сел и деревень, позволяли иметь стабильный доход. Разрешение на строительство мельницы получали по челобитной через воеводу в подведомственном приказе. Иногда служилые люди просили разрешение на строительство мельницы взамен земляного оклада. Так, козловца сына боярского С. А. Щетинина поверстали на службу окладом в 200 четвертей, реально в с. Верхние

[1] *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 30.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 1-2.

Пупки за ним числилось 30 четвертей[1]. Он просил в сентябре 1666 г. возможность построить на р. Челновой мельницу в зачет отсутствующих земельных наделов. Разрядный приказ прислал козловскому воеводе указ о разрешении строительства мельницы С. А. Щетинину.

Важным условием сооружения мельницы на новом месте являлось отсутствие рядом конкурента. Типичным примером конфликта служило наличие невдалеке еще одного подобного заведения. Так, в сентябре 1665 г. сын боярский с. Малых Пупок А. Перегудов послал челобитную в Разрядный приказ на действия детей боярских с. Верхние Пупки[2]. В 1663 г. он построил мельницу на р. Челновой. В этом же году поверх его мельницы свою мельницу соорудили вышеупомянутые жители с. Верхние Пупки. Они «насильством» сломали и потопили мельницу А. Перегудова. Разрядный приказ послал козловскому воеводе И. А. Вельяминову письмо с требованием разобраться с существом дела и решить спор по Соборному уложению.

В 1666 г. Разрядный приказ разбирался в мельничном споре между служилыми людьми с. Стежки Челнавского стана Козловского уезда. В 1659 г. Ф. Касьянов поставил на р. Челновой мельницу с мельничным строением. Она обошлась ему в 70 руб. Его сын рейтар И. Ф. Касьянов и племянник прапорщик Г. Фефилов жаловались на своих соседей, которые завладели этой мельницей во время их службы в полках[3]. Разрядный приказ просил воеводу разобраться с этим делом.

Наиболее многочисленными встречались конфликты по землепользованию служилых людей в южных уездах России. Они объяснялись неточностью размежевания, наличием значительного массива свободных земель и возможностью к их самозахвату различными группами населения, в разное время начавшими осваивать территорию Тамбовского края. В 1666 г. козловский сын боярский С. А. Измалков пожаловался на сына боярского В. И. Облезова

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 40-41.

[2] Там же. Л. 38-39.

[3] Там же. Л. 239-241.

в насильственном разорении[1]. В 1664 г. «лихие» люди украли у челобитчика лашадей, от чего он «оскудал» и «обеднел». Поэтому уехал к своим родственникам в г. Добрый. Воспользовавшись его отсутствием, В. И. Облезов завладел двором, захватил его личное имущество и сам поселился на захваченной территории, одновременно завладел его поместным земельным пожалованием. Из Разрядного приказа указали воеводе разобраться в этом деле и дать суд.

Экономика края отражалась в развитии торговли[2]. Торг образовывался при основании крепостей и работал один раз в неделю. Однако значительные расстояния между населенными пунктами превышали возможности большинства местного населения воспользоваться ими. Поэтому помимо городов торги появлялись и в сельских населенных пунктах. К 1667 г. в Тамбовском уезде имелось два торга: в Тамбове и с. Рыбном. Тогда на имя царя Алексея Михайловича ушла челобитная жителей ряда сел Верхоценской волости[3]. Они просили открыть торг в с. Морша, так как проживали вдалеке от торговых центров. При этом ссылались на наличие около с. Морши ряда торговых дорог, в том числе проезжих Кашматских ворот с Хопра, Вороны и Медведицы, с Саратовских степей, через которые вывозили мед, рыбу, зверье. Крестьяне упоминали наличие в селе таможни и кружечного двора, а также судоходной пристани на р. Цне. Еще одним аргументом челобитчиков стало расположение вблизи Морши многих сел и деревень Тамбовского и Козловского уездов. В справке из Разрядного приказа указывалось наличие пяти кружечных дворов в Верхоценской волости в с. Шаморга, Рыбном, Морше и Сосновке, а также в Тамбове, которые отдали на откуп. Сельские торги находились на откупе у садовников С. и М. Ивановых. Они обязались платить каждый год налог в государеву казну на достаточно крупную

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 330. Л. 181-183.

[2] Подробнее о развитии торговли в Тамбовском крае см. в монографии: *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Тамбов: Издательство ТГУ имени Г. Р. Державина, 2005.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 395. Л. 293-297.

сумму 1999 руб. 28 алтын. Разрешение на открытие торга в с. Морше было получено из Приказа Большого дворца 20 марта 1668 г. Его выполнение поручалось тамбовскому воеводе Я. Т. Хитрово.

В селах и деревнях Тамбовского края, как и везде на Руси, сохранялась высокая степень пожароопасности. Она объяснялась постоянной топкой изб, печей для приготовления пищи и бань. Поэтому местным властям вменялось в обязанности постоянно контролировать, чтобы в летнее время население изготавливало летние печи на огороде, подальше от изб. Только здесь разрешалось готовить еду. В избах и банях в этот период печи топить категорически не разрешалось[1].

В целом, в основе хозяйственной деятельности населения Козловского и Тамбовского уездов в XVII в. оставались сельскохозяйственные занятия. Промыслы, в том числе бортный, играли вспомогательную роль, позволяя местному населению получать дополнительные средства. Продажа бортного меда и воска, его переработка в кислый мед на протяжении почти всего столетия продолжала сохранять свое место в хозяйственной жизни дворцовых крестьян Верхоценской волости, позволяя им не только снабжать царские закрома, но и реализовывать продукцию на рынке.

[1] ИТУАК. 1889. Вып. 23. С. 117-119.

4.4. ТАМБОВСКИЙ КРАЙ ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА

Живой отклик у местного населения нашло движение под предводительством С. Т. Разина. Причины столь активного участия служилых людей Тамбовского уезда в восстании лежали в массовом сыске беглых людей, проведенном в 1661–62 гг., когда тысячи местных жителей были возвращены своим прежним владельцам. Это создало напряженную ситуацию среди служилых людей. Сюда надо добавить тяжелую обязанность службы в Белгородском полку и отголоски экономических трудностей после русско-польской войны 1654–1667 гг. Кроме того, местные служилые люди сохраняли явные и тайные связи с Доном, откуда часть из них пришла на службу к русскому царю.

Одно из первых тревожных донесений пришло в Тамбов из Саранска через Шацк, в нем говорилось о появлении 28 апреля 1668 г. татар невдалеке от Пензы, приходе башкир под с. Тыркино Пензенского уезда и убийстве там более 50 человек[1]. Тамбовскому воеводе Я. Т. Хитрово тамбовские станичники рассказали, что на р. Хопре на Хоперской дороге они увидели свежую сакму. Крестьянин Троицкого Тамбовского монастыря И. Медведев поведал о поездке в свой бортный ухожей на р. Дон, ниже устья р. Медведицы, где на него напали и ограбили «воровские» казаки, которые затем ушли на Волгу. Уже эта первичная информация показывала сложившуюся взрывоопасную ситуацию на юге страны, вызывавшую у местных воевод беспокойство.

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. 1666 – июнь 1670. М., 1956. Т. 1. С. 106-108.

Неспокойная обстановка заставляла их волноваться о безопасности подведомственных им городов и уездов. Козловский воевода А. Ф. Щепотьев жаловался на оскудалось и плохую вооруженность козловских служилых людей, часть из которых его предшественник отправил в 1665 г. на службу в Белгород. Под его началом осталось 3475 человек служилых людей, что, считал воевода, явно недостаточно для обороны городских и уездных укреплений от прихода «больших» воинских людей. Поэтому А. Ф. Щепотьев просил, как это было раньше, прислать подкрепление из соседних северных уездов.

В мае этого же года тамбовский воевода получил информацию из разных источников о возможном приходе разинцев под Тамбов, якобы с «повинной». Поэтому задавал вопросы Разрядному приказу: пропускать их через город, сколько людей, и что делать, если они пойдут мимо в Воронеж[1]. На Дону в это время уже зрела взрывоопасная ситуация, и царское правительство пыталось получить точные сведения о действиях казаков.

В сентябре 1668 г. Я. Т. Хитрово получил из Посольского приказа царскую грамоту с предложением посылки двух-трех знающих местность людей на Дон с целью выяснения обстановки среди казаков[2]. Таким образом, Тамбов и Козлов как одни из крайних южных городов, близко расположенных к Дону, становились важными поставщиками информации о положении на беспокойном Дону. Угроза Тамбову со стороны восставших казаков потребовала усиления местного гарнизона. Полковому воеводе К. О. Щербатову приказали направить из его полка в Тамбов рязанцев дворян и детей боярских для усиления полка стольника и воеводы Н. Урусова. Власть пыталась превратить тамбово-козловский регион в плацдарм для возможного отражения прихода восставших.

Разинское движение на Дону сразу же привлекло внимание жителей двух уездов. Тамбовские воеводы получали сведения о положе-

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. 1666 – июнь 1670. М., 1956. Т. 1. С. 109.

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1976. Т. 4. С. 10-11, 18.

нии на Дону и от лиц, лично выезжавших в казачьи донские городки. 5 октября 1668 г. тамбовский сын боярский М. Чекунов приехал из донских городков и сообщил, что многие голутвенные казаки и гулящие с Волги приходили к С. Т. Разину в его войско, а местные казаки ссужали их одеждой и оружием[1].

Тамбовский воевода вел разведку, получая сведения о состоянии дел среди донского казачества после прибытия С. Т. Разина из похода за зипунами в Кагальницкий городок. Весной 1670 г. он послал на Дон тамбовского площадного подьячего Д. Михайлова, так как у него в Букановском городке жил отец священник[2]. Одновременно подьячий выполнял разведывательную деятельность, собирая сведения о разинском войске и обстановке среди донских казаков.

В июне 1670 г. в связи с обострением ситуации на юге России из Москвы в Воронеж, Тамбов, Коротояк посылались офицеры и солдаты выборных полков. В это же время сюда пришли грамоты, запрещающие под страхом смертной казни воеводам отпускать людей на Дон для торговых дел. Я. Т. Хитрово получил из Москвы задание выставить в наиболее опасных трех или четырех местах между Тамбовом и Царицыным тамбовских служилых людей по 3-4 человека для проведования вестей о С. Т. Разине. Они должны были стоять тайно и незаметно, а при получении вестей срочно приезжать в Тамбов и оттуда сообщать информацию в Москву. Им предлагалось выдать огромное по тому времени жалование в 100 или 200 руб.[3]

Тамбовскую станицу во главе с вожем И. Болта и 21 станичником, посланную в Царицын для проведования вестей, захватили в июне 1670 г. в плен разинцы и держали у себя. Еще одну станицу тамбовский воевода послал 8 июля в Пензу во главе с вожем С. Лопасовым[4]. Станица вернулась в Тамбов 17 июля 1670 г. и привезла от нижнеломовского воеводы информацию об уничтожении

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. 1666 – июнь 1670. М., 1956. Т. 1. С. 154.

[2] Там же. С. 161-162.

[3] Там же. С. 169-171.

[4] Там же. 219-232.

разинцами укреплений крепости Камышенки и о передвижениях С. Т. Разина к Саратову. Я. Т. Хитрово отправил станицу для вестей к Саратову. От нее получили известия об осаде Астрахани разинцами. А 8 августа тамбовского воеводу известили о взятии Астрахани и убийстве воеводы. Таким образом, тамбовский воевода проводил интенсивную разведку близлежащих территорий, зачастую одним из первых получал информацию о продвижении разинских войск по Волге, передавая ее в Москву.

Воеводам предписывалось опрашивать всех людей, приезжающих с мест пребывания разинцев, получая от них информацию. Таким образом, 13 июля 1670 г. в тамбовской приказной избе допросили группу чебоксарских торговцев, которые приехали из Царицына. Они плыли на патриаршем пауске[1] из Чебоксар в Астрахань. Под Царицыном их поймали разинцы, избили и ограбили, отобрав товар и одежду. Торговцы пробыли в плену две недели, а затем тайно ушли степью из Царицына[2]. Таким образом, тамбовские воеводы старались быть в курсе событий, происходящих в лагере С. Т. Разина.

16 июня 1670 г. по указу царя и Боярской думы в Воронеж, Тамбов и Коротояк послали московских стрельцов для усиления местных гарнизонов. В Тамбов отправили полуголову московских стрельцов Г. Салова, 2 сотников и 210 рядовых. Им выдали большое жалование: сотнику 80 руб., полуголове – 57 руб., а также знамена, барабаны, протазаны и пушки. В Тамбов дополнительно посылались муромцы, мещеряне дворяне и дети боярские.

По государеву указу козловскому воеводе С. И. Хрущову приказали отправить в Тамбов козловцев полковой службы и копейщиков[3]. Козловский воевода отправил 19 августа 1670 г. рейтаров полковой службы и копейщиков Белгородского полка в Тамбов с целью деблокады гарнизона от разинцев.

---

[1] Паусок – парусно-гребное плоскодонное судно.

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. 1666 – июнь 1670. М., 1956. Т. 1. С. 209-210.

[3] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. Август 1670 – январь 1671. М., 1959. Т. 2. Ч. I.

Значительная часть козловцев, в отличие от служилых людей Тамбовского уезда, осталась на стороне правительства и воевод или заняла выжидательную позицию. Сказался профессиональный состав населения, то есть преобладание категорий детей боярских. Тамбовский воевода, думный дворянин Я. Т. Хитрово собрал в городе войска для отправки их в Шацкий уезд с целью подавления восстания местного населения. Сам воевода уже был в престарелом возрасте. Поэтому для усиления руководства тамбовским гарнизоном 24 августа 1670 г. в Тамбов дополнительно послали воеводу Е. А. Пашкова. Ему поручалось быть с Я. Т. Хитрово «в товарищах», а С. Писареву – полковником тамбовского полка. В Тамбове в это время насчитывалось 16 железных, 10 медных и 16 затинных пищалей, 2087 ядер, пушечного «зелья» 203 пуда и «ручного зелья» – 166 пудов, 95 пудов и 19 гривенок свинцу для изготовления пулек [1]. В связи с опасной ситуацией в Тамбов в июне этого же года из Москвы дополнительно прислали с полуголовой московских стрельцов Г. Саловым разного «зелья» 100 пудов и 300 пудов свинцу. В августе 1670 г. сюда же для усиления местного гарнизона из Рязани прибыли 985 служилых людей.

В сентябре 1670 г. козловский воевода получил известия о взятии разинцами под руководством Ф. Минаева Острогожска и убийстве воеводы В. Мезенцева, а затем захвате Ольшанска[2]. После этого восставшие вернулись в Острогожск, где были арестованы острогожскими черкасами и русскими служилыми людьми. Один из организаторов восстания есаул Ф. Агеев оказался бывшим козловским рейтаром Белгородского полка, сбежавшим 10 лет до этих событий на Дон. Ф. Агеева и его товарища острогожского казака И. Казачка приговорили в Москве к смертной казни и четвертовали[3].

Чувствуя угрозу с востока, тамбовский воевода регулярно посылал до Царицына и других мест проезжие станицы по 5-10 человек из числа станичных вожей и стрельцов. Он хотел получить

[1] ИТУАК. 1886. Вып. 11. С. 11-48.

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. Август 1670 – январь 1671. М., 1959. Т. 2. Ч. II. С. 23, 29, 55-56.

[3] Там же. С. 55.

точные сведения о движении разинцев на Волге. Одновременно в городе регулярно на караулах размещали по 50 человек стрельцов и пушкарей. Воевода докладывал, что всего в его распоряжении в Тамбове насчитывалось 996 человек полковых казаков, которые размещались по караулам до козловских и шацких укреплений. В обычное время они менялись понедельно, а по «вестям по половине» личного состава. Кроме этого в Тамбове находилось 1480 тамбовских солдат и 116 донских казаков, которые несли службу по городским и полевым укреплениям, а общая численность гарнизона доходила до 3401 человека.

Посланный в Тамбовский уезд для подавления восстания в Шацком и Тамбовском уездах полк воеводы князя К. О. Щербатова появился в крае[1]. Он сообщил тамбовским воеводам, что идет в с. Серкино и к Троицкому тамбовскому монастырю с целью подавить восстание, а затем двинется к с. Татаново. Он дал бой разинцам под Троицким Цнинским монастырем, где часть восставших оказалась разбита. Один из участников этого боя, получивший там ранение, каширянин А. Писарев в мае 1672 г. просил государя за свои заслуги писать его по московскому списку.

Тамбовские воеводы 3 февраля 1670 г. двинулись с ратными людьми в с. Татаново и Куксово, где разгромили восставших и оба села выжгли. Местные крестьяне с пытки рассказали, что после погрома Троицкого монастыря восставшие хотели пойти в Кузьмину Гать, куда якобы обещали прийти калмыки. Далее правительственные войска отправились в с. Горелое, где посекли восставших и сожгли дома и строения. Снятие угроз развития восстания в Тамбовском уезде позволило властям перебросить полк Ю. Н. Борятинского из Тамбова в Царицын.

2 октября 1670 г. к Нижнему Ломову подошли отряды мятежных казаков во главе с атаманом М. Харитоновым. Они без боя заняли город. Затем разинцы пошли под Керенск, взяли его приступом, убив воеводу, а отсюда двинулись к с. Зарубино к зарубинским засекам.

---

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1976. Т. 4. С. 111.

Сюда прибыл с карательным отрядом из Шацкого уезда тамбовский воевода Я. Т. Хитрово вместе с тамбовскими служилыми людьми. Они рассеяли восставших, захватив пленных, потом пошли к Керенску, освободив город, за что были вознаграждены похвальным царским словом в виде грамоты. Еще одно успешное сражение произошло близ села Очадово, где также отряды мятежников потерпели поражение. Фактически тамбовский воевода освободил от восставших весь Шацкий и Керенский уезды.

В октябре 1670 г. тамбовские воеводы, опасаясь эскалации военных действий в уезде, попросили воеводу Белгородского полка Г. Г. Ромодановского послать полк Ф. Ульфа в Тамбов для усиления гарнизона[1]. Однако Г. Г. Ромодановский отметил невозможность выполнения этого распоряжения, так как в городах по Белгородской черте наблюдались волнения среди служилых людей, сложилась угроза объединения запорожских казаков с восставшими донскими, многие служилые люди Белгородского полка разбежались со службы, и каждая верная правительству воинская часть была на счету. Поэтому Тамбов остался без поддержки служилыми людьми, а полк Ф. Ульфа из 657 солдат и 648 рейтаров, а также 500 воронежских и землянских черкас отправили в Козлов[2].

В это время обострились события в Усмани и Бел-Колодезе, связанные с приездом в Усмань белколодезского сына боярского М. Протасова, который смущал усманцев «воровскими» речами, призывая поддержать С. Т. Разина и царевича Алексея Алексеевича и сообщая об осаде восставшими Тамбова и Козлова. Козловский воевода послал на Бел-Колодезь стрелецкого голову И. Мерлина и козловского приказного подьячего М. Ефимова, чтобы в присутствии священника вновь привести всех местных служилых людей к присяге царю и к С. Т. Разину «не приставать»[3]. Их снабдили государевой грамотой с похвальным словом козловским служилым людям за верность царю, присланной из Москвы.

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. Август 1670 – январь 1671. М., 1959. Т. 2. Ч. I. С. 80, 91.

[2] Там же. Ч. II. С. 91.

[3] Там же. Ч. I. С. 185-187.

Главные события осенью 1670 г. в Тамбовском уезде оказались связаны с именами двух соратников восставшего атамана. Один из них – местный служилый человек, казачий атаман Т. Мещеряков. Его вместе с группой казаков отправили подавлять волнения крестьян и служилых людей в северную часть Тамбовского края. В с. Алгасово Шацкого уезда Т. Мещеряков вместе со своими товарищами заявил о поддержке восставших.

21 октября 1670 г. в шацкой д. Печинищи началось восстание местного населения против «бояр» и изменников[1]. 23 октября 1670 г. под Алгасовом разгорелся кровопролитный бой. Тамбовский воевода Я. Т. Хитрово с правительственными войсками подошел к селу. Командовал восставшими Т. Мещеряков. Схватка оказалась долгой и жестокой, каратели применили даже артиллерию, и только после того, как царский воевода «село – Алгасово велел... зажечь», восставшие сдались.

Я. Т. Хитрово приказал привести повстанцев к «крестному целованию», т е. присяге, и отпустить их в Тамбов. Расчет многоопытного воеводы строился на положительном примере, чтобы они «...ни на какую воровскую прелесть не прельщались». Однако он обманулся в своих ожиданиях. Т. Мещеряков вновь собрал большой отряд численностью в пять тысяч человек и осадил Тамбов. Перед этим в одном из столкновений в Вирятинском лесу Т. Мещеряков разбил отряд сына боярского Ф. Клокова[2]. Ситуация под Тамбовом сложилась критическая, помощник тамбовского воеводы Е. А. Пашков опасался прихода мятежников к Тамбову. Он просил козловского воеводу оказать помощь, страшась быть повешенным восставшими. Просьба Е. А. Пашкова к воронежскому воеводе Б. Бухвостову возымела ответные действия, и 4 ноября из Воронежа вышел отряд Н. Пещурова в 200 человек с медной пушкой, порохом, свинцом и ядрами.

Отряд Т. Мещерякова 29 октября 1670 г. подошел к Тамбову и четыре дня держал его в осаде. Осаждающие потребовали впустить

[1] *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 179.

[2] Там же. С. 180-181.

их в город, воевода Е. А. Пашков начал проводить с ними переговоры, затягивая время. Приближение правительственной помощи привело к колебаниям среди разинцев, они сняли осаду и объявили, что вновь присягнули государю. Тамбовский воевода просил И. В. Бутурлина поспешить в Тамбов.

Опасения Е. А. Пашкова оказались не напрасными. С 11 по 16 ноября 1670 г. разинцы вторично осадили Тамбов и предприняли штурм города, во время которого сильно пострадали его деревянные укрепления, прежде всего острожные. Среди восставших упоминаются имена брата Т. Мещерякова Василия, есаула казаков А. Серебряченко, тамбовского казака В. Гайдука, вдовьего попа Ивана и других.

Воевода стольник И. В. Бутурлин вместе со своим полком в 2395 человек ратных людей ходил в с. Ратное Шацкого уезда, где у них 4 ноября 1670 г. произошел кровопролитный бой с восставшими, закончившийся убитыми и ранеными с обеих сторон[1]. Затем И. В. Бутурлин послал жильца В. В. Коробьина с ратными людьми в с. Сысоево, где состоялся очередной бой с разинцами, которые потерпели поражение.

В конце октября 1670 г. атаман восставших Кондратий Бучнев захватил Лысогорский острожек. 28 ноября И. В. Бутурлин появился со своим полком под Красногорским и Лысогорским городками и здесь также разгромил восставших.

И. В. Бутурлин в начале декабря 1670 г. подошел к Тамбову, нанес поражение восставшим, а Т. Мещеряков и А. Серебряченко попали в плен. После допроса с пристрастием их обоих казнили. И. В. Бутурлин стал новым тамбовским воеводой.

Другим видным соратником С. Т. Разина на Тамбовщине стал его родной дядя Н. Черток, родом из воронежских служилых людей, бежавший затем на Дон. К концу осени 1670 г. Н. Черток с четырьмястами казаками вышел с юга к Кузьминой Гати и двинулся к Козлову. За счет местных жителей его отряд быстро вырос до 3-4 тыс. человек.

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 19-20.

17 октября в ожесточенном сражении под Челнавским городком с царскими ратными людьми из Козлова под командованием воеводы С. И. Хрущова разинцы нанесли им поражение, захватив две пушки.

О событиях боя около Челнавского городка есть сообщение в Разрядный приказ ефремовского воеводы, ссылающегося в свою очередь на информацию из г. Доброго. Сюда послал письмо 18 ноября 1670 г. козловский воевода С. И. Хрущов[1]. У него под Челнавским городком произошел бой с разинцами, где собралось около 2 тысяч восставших, а в осаде Тамбова в это время участвовало, по его сообщению, 10 тыс. человек. Это являлось пиком, самым острым моментом восстания в Тамбовском уезде Лысогорские казаки перешли на сторону разинцев. Пришла информация о возможном приходе с Дона и Хопра дополнительных сил восставших[2]. Козловский воевода получил сообщение, что 26 октября разинцы во главе с атаманом Т. Мещеряковым вместе с лысогорскими казаками подходили к Челнавскому острожку, пытались взять его штурмом, предлагали присоединиться к их войску и идти на осаду Тамбова. Оборону острожка возглавил стрелецкий голова Я. Некрасов. Обороняющимся удалось отбить все приступы и не допустить разинцев на другие острожки и городки Козловского вала. Верные царю челнавские стрельцы и казаки потеряли свои избы, имущество, лошадей и просили позднее помочь им государевым жалованием. Все это говорило об ожесточенности сражения за Челнавский городок. За эту службу им выдали дополнительное жалование по 30 четвертей земли и 3 руб. на человека. Воевода получил разрешение поощрить верных престолу защитников городка служилых людей. Им выделили денежное жалование: у кого земельный надел составлял 70 четвертей – выдали по 7 руб., а владельцам земельного надела 50 четвертей – 5 руб. человеку.

30 декабря 1670 г. восставшие разинцы и тамбовские «изменники» подошли к селу Дехтянка Козловского уезда, «побили и пору-

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 191, 59-60. .

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1976. Т. 4. С. 49-50.

бали» многих людей. В частности, приводилась цифра 54 человека, пожгли 25 домов, потравили хлеб, разграбили имущество, жен и детей захватили в плен. Поэтому дегтянские дети боярские просили государевой помощи от этого разорения[1].

В этот период часть козловцев перешла на сторону разинцев и тамбовских служилых людей. Среди них оказались два брата Ф. и Л. Щетинины, причем Филимон стал у тамбовских бунтовщиков атаманом. Их жен воевода арестовал в Козлове, допросил с пристрастием и посадил в тюрьму[2]. Итогом сражения на валу стало освобождение Лысогорского острожка и изгнание оттуда восставших. Из городка в Козлов перевезли три большие железные и две затинные пищали, а одну медную турецкую пищаль взяли в качестве трофея после пожара Тамбовского Троицкого монастыря.

Козловский подьячий П. Васильев получил царскую грамоту к козловцам с государевым «милостивым словом», поехал в Лысогорский городок и зачитал ее восставшим местным казакам. Он уговаривал их от «воровской шатости уняться». Лысогорцы отпустили его под Тамбов, куда пошел козловский воевода Е. А. Пашков со своими служилыми людьми. Эта грамота там была зачитана всем козловцам. Подьячий затем участвовал в боях с восставшими под Тамбовом. На обратном пути его вновь поймали лысогорские казаки и привели к атаману К. Бучневу. Он опять уговаривал их от «воровства» отстать. Вероятно, уговоры возымели результат, лысогорцы его отпустили и даже проводили до Челнавского острожка. За такую активную позицию подьячий получил государеву награду. Ему к окладу в 7 руб. добавили еще 3 руб.[3]

Однако восстание в Тамбовском уезде продолжалось. Временной базой восставших стали села Бокино и Кузьмина Гать. Здесь 4 декабря 1670 г. произошло еще одно крупное сражение. Воевода

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1976. Т. 4. С. 44-46.

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 38.

[3] Там же. С. 72-73.

И. В. Бутурлин направил в Бокино своего товарища стольника А. П. Еропкина со служилыми людьми. Царский воевода А. П. Еропкин с отрядом дворян и московских стрельцов численностью больше тысячи человек внезапно напал на Бокино. Вытеснив оттуда разинцев, он зажег село и затем пытался отойти в сторону Тамбова. В это время Н. Черток применил военную хитрость. Он посадил часть своих людей в сани и внезапно напал на карателей. Удар оказался настолько мощным и неожиданным, что правительственные войска в панике побежали. Многие из них были убиты или попали в плен, а сам А. П. Еропкин получил четыре ранения в голову и плечо. Вылазка правительственных войск оказалась неудачной, и отряд укрылся за городскими укреплениями Тамбова. Оба тамбовских воеводы дали бой разинцам в Покровской городской слободе и сумели отбить осаду, нападавшие вновь ушли в Бокино[1]. 15 января воеводы отправили в Кузьмину Гать двух тамбовских содат уговорить восставших повиниться. Те согласились на это, только высказали опасение по поводу действий бояр, которые тоже обещали лысогорцам прощение, а затем их ограбили. 17 января 1671 г. в Кузьмину Гать отправили одного священника и пушкаря с целью вновь уговорить их повиниться. Посланцы вернулись обратно с тем же результатом. Вероятно, переговоры закончились мировым соглашением.

Успех восставших на Тамбовщине оказался совершенно неожиданным для правительства. Только что основные силы Разина потерпели серьезное поражение, сам предводитель восставших был ранен. Бояре и дворяне могли праздновать победу, и вдруг полный конфуз под Тамбовом. Не на шутку встревоженные успехами Н. Чертка власти спешно двинули сюда войска.

Все это переполнило чашу терпения правительства. В Тамбовский уезд направили значительные военные силы. 14 января крупные царские отряды под командованием воевод Б. Мышецкого и И. В. Бутурлина, разгромив восставших у Троицкого Цнинского монастыря, и двинулись к Бокино[2]. 3 февраля 1671 г. войска

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1976. Т. 4. С. 25.

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 6-7.

И. В. Бутурлина пришли в села Татаново и Куксово, разгромили остатки разинских войск, а села пожгли. Затем правительственные войска напали на с. Горелое и также выжгли его.

И. В. Бутурлин 8 февраля 1671 г. повел свой отряд под Кузьмину Гать. Сначала он двинул ертаульную сотню головы В. Вердеревского, которую около с. Бокино обстреляли восставшие казаки. Хорошо обученные и вооруженные регулярные войска выдавили казаков из Бокино и преследовали противника до Кузьминой Гати, полностью разгромили восставших. Разинцы ночью бежали в степь за вал, в 20 верстах от вала их догнали в степи и взяли в плен полтораста человек, 4 медных и 2 железных пушки, 3 бочки пороха, 15 знамен[1]. Оплоты восставших села Кузьмина Гать и Бокино подверглись полному разорению, их «выжгли без остатку»[2]. Сам Н. Черток со своими верными сподвижниками сумел уйти от карателей и укрыться на Дону. Где и как сложил свою буйную голову удалой атаман, источники не сообщают.

Однако отголоски восстания в Тамбовском уезде еще продолжились. В мае 1671 г. крестьянин С. Неюша с. Питерского ходил в лес за р. Цну для заготовки лубья и встретил там двух человек с пищалями. Одним из них оказался «вор и изменник» козловец, атаман Ф. Кривой Путимцев. Они хотели получить информацию о ратных людях К. О. Щербатова в Тамбове. Сами сказали, что с ними 600 человек восставших, а под Тамбов идет из Астрахани разинский атаман Усок (речь шла о В. Усе. – *Ю. М.*), а с ним 40 тыс. казаков. Любопытно названа причина их похода. Они якобы идут к государю поклониться, а боярам они кланяться не станут[3]. Они пригрозили Савве никому об этом не сообщать. Тот по возвращению обратно рассказал эту историю дьячку С. Попову и попу с. Питерского Ивану и просил ничего в Тамбов не сообщать, так как боялся мести восставших. Он даже пригрозил, что убежит в свой бортный ухожей на р. Вороне. С. Попов тайно поехал в Тамбов с этими вестями. Тамбовский

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 47.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же. С. 79.

воевода Е. А. Пашков отнесся к этим известиям со всей серьезностью, послал в с. Питерское пушкарей, чтобы они того крестьянина С. Неюша привезли в Тамбов, и просил не отпускать из Тамбова наиболее верный правительственный полк боярина Ю. Н. Борятинского. Сам воевода не очень доверял местным служилым людям.

Восстание в Тамбовском уезде было безжалостно подавлено, но его отдельные отголоски проявлялись еще долго. Так, в июне 1671 г. отряд атамана Серика в 700 человек появился под Тамбовом, однако без каких-либо последствий. В начале июня 1671 г. в Тамбове стоял полк воеводы князя П. И. Хованского и Л. А. Вельяминова, в подчинении которых находился тамбовский воевода Е. А. Пашков. Сюда планировалось собрать дополнительные силы из ряда «заоцких» городов. Им поручалось стоять на сторожах и станицах в поле и, в случае обнаружения «воровских» казаков, идти на них войной. Князю давалось право миловать царской милостью тех, кто придет с повинной, и приводить к вере, чтобы они к измене больше не приставали, а не казнить смертной казнью.

21 июня 1671 г. воевода князь Ю. Н. Борятинский вместе со служилыми людьми ушел из Тамбова в Симбирск[1]. Однако уже 29 июня 1671 г. тамбовский воевода Е. А. Пашков пожаловался в Разрядный приказ на отсутствие в Тамбове достаточных сил для отражения возможного прихода калмыков, которых видели в степи в 60 верстах от города. Он отметил, что на тамбовских крепостях стоят местные служилые люди «малолюдством», у многих отсутствовали ружья[2]. Воевода писал, что не может доверять местным казакам и солдатам.

1 сентября 1671 г. в Тамбов прибыл воевода Л. И. Салтыков и у стольника П. И. Хованского принял полковое знамя, сотенные знамена, шатер, списки ратных людей, государевы указанные грамоты и другие полковые дела. Поручик П. Суслов приехал в Тамбов из Козлова, сообщив, что нетчики козловские рейтары разбежались, а другие ушли в полк к Ю. Н. Борятинскому.

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 241-243, 281-292, 303.

[2] Там же. С. 115.

Отголоски восстания находили свое отражение в ряде документов. Так, в июне 1671 г. в Разрядный приказ подал челобитную козловец сын боярский Р. А. Толкачев. Он перечислил свои заслуги за более чем 20 лет государевой службы: участвовал в боях под Азовом, где был ранен в голову и взят в плен. Его из плена отбили ратные люди. В 1670 г. он участвовал в походе в Тамбовский уезд с воеводой С. И. Хрущовым. В бою у Тамбовского Троицкого монастыря около д. Дубравки получил ранение из пищали в правую ногу. Вместе с сотней разгромил восставших у с. Сосновки, где побили многих разинцев и взяли четыре языка. Он просил разрешить ему стать головой стрельцов в Лысогорском городке, вместо повешенного восставшими Т. Меленина.

Книги таможенного и кружечного дворов г. Тамбова содержали расходы на поддержку местных служилых людей, которые участвовали в обороне крепости[1]. 31 ноября 1670 г. в вылазке из осады на разинцев участвовало 38 тамбовских стрельцов, которые обстреляли восставших. За это местные власти выделили им по 1 руб. жалования[2]. За ноябрь отмечена выдача по 10 руб. двум тамбовским стрельцам И. Семенову и В. Лукьянову за их службу по обороне города. А «тамбовский осадный сиделец» Л. Т. Турищев за поджог лавочного ряда, в котором засели восставшие, получил 10 руб. жалования. Скорее всего, это был период, когда восставшие захватили острог. Деньги получили и бобыльские жены, которые стояли на крепостной стене с кольями. Им выдали по рублю на человека. Таким образом, видно, что в обороне города участвовало почти все взрослое население, включая женщин. В период подавления восстания С. Т. Разина в Тамбовский уезд послали служилых людей из Москвы. Источники упоминают московских стрельцов в количестве 208 человек. Всего за прошедший 1670 г. выдали 598 руб. жалования участникам борьбы с восставшими разинцами.

В 1672 г. подсчитали потери правительственных войск под Тамбовом. В полку воеводы И. В. Бутурлина убитыми составили:

[1] РГАДА. Книги Денежного стола. № 117. Л. 92-129.

[2] Там же. Л. 96.

жильцов – 5, рязанцев – 105, начальных – 12, сотников стрелецких – 2, стрельцов – 161, даточных – 63, детей боярских – 83 человека[1]. В полку козловского воеводы С. И. Хрущова во время похода в Тамбовский уезд погибло сотенных голов – 2, детей боярских – 102, черкас – 3, полковых и сторожевых казаков – 26, поместных атаманов – 5, пушкарей – 1, стрельцов – 1, добренский драгун – 1 человек. И всего погибло 593 человека. У козловского воеводы погибло двое сотенных голов, 61 детей боярских, черкасов – 3, полковых и сторожевых казаков – 26, поместных атаманов – 5, стрельцов – 1, пушкарей – 1, добренских драгун – 1 человек. Все это говорит об ожесточенности конфликта.

Одним из итогов восстания стало создание устройство скорой гоньбы от Тамбова до Москвы с использованием старых ямов. Ответственным за создание почтовых станов назначался коломенский воевода князь В. И. Шеховской[2]. Воевода Я. Т. Хитрово получил распоряжение из Москвы о наличии такой почты и возможности быстрой доставки корреспонденции в Москву и обратно. На станах должно находиться по одному «коняшенного чину» – человеку с двумя лошадьми. На Коломне назначался конюхом Т. Кащеев с двумя лошадьми, а далее к Москве и на юг также формировались станы. По прибытии в Коломну гонцы должны были передать конюху отписки и срочно отсылать их дальше по назначению «не мешкая».

Результатом завершившегося восстания в Тамбовском уезде стало решение Алексея Михайловича провести перепись населения Тамбовского уезда, включая Верхоценскую волость, с учетом побитых и пропавших без вести. К сожалению, материалы переписи, вероятно, сгорели в архиве Приказа Большого дворца. Указом 14 февраля 1671 г. запрещалось дворянам вывозить из Тамбовского уезда взятых в плен местных жителей – участников восстания и закабалять их[3]. Всех таких пленников приказывали вернуть на прежнее место жительства. Козловский воевода получил грамоту

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 286.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 870. Л. 732-733.

[3] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 12.

из Москвы с требованием вернуть из Козлова тамбовцев и их жен, взятых в плен за участие в восстании, и никого у себя не держать[1]. Воевода подготовил таких тамбовцев и приказал проводить их с провожатыми до Лысогорского городка. Однако с женщинами произошла накладка. Некоторые из них оказались девушками, которые в Козлове вышли замуж за местных жителей. Другая часть женщин, проживая в Козлове, вышли замуж за местных и просили их обратно в Тамбов не отпускать. Нашли компромиссное решение – насильно таких женщин в Тамбов не отправлять.

Бывший Тамбовский воевода Я. Т. Хитрово в марте 1674 г. просил хлебного жалования и вина за свою службу в 3 года в Тамбове в боях с разинцем М. Харитоновым в Шацком уезде[2]. Затем он находился на службе воеводой в Керенске, ездил в Сибирь для поиска серебряных руд, а потом воеводил на Таболе для осмотра оловянной руды. Посылка его на Дон привела к челобитной с просьбой о хлебе и вине в дорогу с напоминанием об участии в подавлении разинского восстания.

Тамбовский воевода Е. А. Пашков сообщил в начале июня 1671 г. своему воронежскому соседу об отсутствии в Тамбовском уезде волнений и «изменников воровских казаков», то есть информировал о прекращении восстания[3]. Но еще долго отголоски восстания продолжали проявляться в Тамбовском крае. Местные воеводы отлавливали активных участников движения. В апреле 1676 г. в Козлов дети боярские с. Хоботца привели участника разинского восстания М. Черкина с женой и детьми[4]. Он оказался беглым крестьянином князя М. Я. Черкасского из Нижегородского уезда, который бежал в Поволжские города. Затем М. Черкин ушел на Дон и там примкнул к восставшим. Он участвовал во многих боях против правительственных войск, затем сбежал в Хотмыжск, где женился, перешел

[1] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1962. Т. 3. С. 180.

[2] Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина. Сборник документов. М., 1976. Т.4. С. 147-148.

[3] Там же. С. 95.

[4] Там же.

в Романово городище, а в Козлов пришел «кормиться» работой. Его под охраной отправили в Москву, где выяснили, что он на самом деле дворцовый крестьянин из Красной слободы, который вместе с отцом перешел в Нижегородский уезд. Поэтому его отправили в распоряжение Приказа Большого дворца. Однако полностью ликвидировать причины неудовольствия местного населения своим тяжелым положением не удавалось, и еще часто встречались различные проявления социального протеста.

Восстания разинцев на территории Тамбовского и частично Козловского уездов показали определенную раздробленность местных служилых людей. Козловские дети боярские, составляющие большинство местного населения, имели достаточные земельные и денежные оклады, хотя и проявляли колебания, в целом остались верны властям и участвовали в подавлении выступлений в Тамбовском уезде. В Тамбовском уезде большинство населения служилых сел составляли казаки, опасающиеся повторения сыска беглых первой половины 60-х гг. XVII в. Многие местные казаки были выходцами с Дона, имели там родственников и друзей, поэтому охотно поддержали отряды донских казаков. Частично можно признать справдливыми предложения Д. А. Ляпина о разбойном и жестоком поведении восставших, нацеленных на грабеж местного населения, что приводило к разгрому некоторых сельских населенных пунктов в Верхоценской волости, как это призошло с крестьянами Тамбовского Троицкого монастыря[1]. Однако полностью отказываться от крестьянского влияния на это восстание, нам кажется не совсем правильно. Основной массой восставших являлись «голутвенные» люди, недавние выходцы из крестьянской среды, беглецы в южные уезды. Записавшись в служилые люди, они сохраняли взгляды и чаяния своей прежней среды, опасаясь возвращения в первоначальное состояние. Значительное влияние оказывали издержки воеводского правления со взяточничеством и поборами, что ассоциировалось с боярским произволом и желанием посадить своего, народного царя как единственную форму справедливого управления.

[1] *Ляпин Д. А.* Игра в царя. М.; СПб., 2022. С. 160-164.

4.5. ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ И КРЕСТЬЯН

Переезд в Козловский и Тамбовский уезды значительной массы русского населения приводил к появлению здесь людей, склонных к девиантному поведению. Пограничная территория, относительная слабость государственной власти в сельской местности из-за отсутствия общинных традиций, недостаток на первых порах существования в новых поселениях людей старших возрастов и опытных священнослужителей, близость вольного Дона способствовали проявлению девиантного поведения. Благоприятствовала этому и ссылка на границу людей, замешанных в различных преступлениях в центральных уездах. Хотя их численность, по сравнению с остальной массой переселенцев, оставалась незначительной, они вносили свою лепту в различные конфликты на новых территориях. Сами судебные дела по Соборному уложению вершил воевода. Для реализации сыска и наказания в каждом городе выбирали палача. В 1638 г. воевода С. И. Биркин просил выделить в Козлове должность палача. Указом 22 апреля 1638 г. из Разрядного приказа ему разрешили выбрать из вольных людей палача, дать ему земляной надел вровень со стрельцами и 2 руб. денежного жалования[1].

В каждом городе того времени обязательно находилась тюрьма. Она обычно имела вид избы или нескольких изб, окруженных острогом. Охраняли тюрьму сторожа, набираемые из местного населения. В 1641–42 гг. козловскую тюрьму охраняли крестьяне Спасской вотчины с. Ратчина Поляна Спасо-Нового монастыря и с. Калики-на Чудовского монастыря. Именно в их дежурство совершили побег из тюрьмы, ставший предметом воеводского расследования.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 341-342.

Уже в самом начале формирования гарнизона Козловского уезда И. В. Биркин жаловался на постоянные грабежи его служилых людей «учено быти воровство, великие разбои и грабеж»[1]. Воевода подозревал в этом тамбовского казака М. Булгакова с товарищами. Поэтому он приказал по своему уезду служилым людям найти этих преступников. В съезжую козловскую избу 23 февраля привели пойманного тамбовского казака М. Булгакова. Его обнаружили в поместье К. Вельяминова в д. Вавилов Починок. Он приехал в эту деревню один на санях 22 февраля рано утром. До этого он уже приезжал в деревню и гонялся с товарищами за приставом, стреляя в него из лука и пищалей. М. Булгаков съехал в 1638 г. из Тамбова в поместье К. Вельяминова в д. Семеновку. Затем он ушел на Орел, после чего вернулся в д. Тафино и вновь в д. Семеновку, поместье Вельяминовых, с целью выяснения сведений о тамбовских казаках. Он отрицал свое участие в воровстве, но воевода не поверил арестанту и сообщил в Москву, что тот в 1636 г. жил в поместье князя, боярина Д. М. Пожарского в с. Горитове. В этом же году он убил из-за денег на дороге попа с сыном, а затем ушел в Тамбов, где записался в казаки. Эту же информацию подтвердил лично Д. М. Пожарский. 27 апреля 1638 г. воеводы сообщили из Козлова о поимке 7 воров и разбойников крестьян Д. М. Пожарского, их допросе и пытках в Козлове. Окончание этого дела передали в Разбойный приказ[2].

Однако история имела продолжение. Арестанты 1 апреля ночью из нижней тюрьмы вырезали ножом мосты трех бревен, подкопали под стену и тюремный вал. Затем они вылезли из городской стены и обламов и бежали в одних рубашках на босу ногу. В этот день, как донес воевода, охрану несли козловские дети боярские и стрельцы, их посадили в тюрьму, а по всем дорогам послали полковых казаков, а в лес пеших стрельцов и донских казаков, которым велено стоять на дорогах и в селах, ожидая появления беглецов.

Вскоре приехала группа донских казаков, которые рассказали, что они зашли в д. Олешку и провели розыск беглецов. Не найдя их,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 179-183.

[2] Там же. Л. 287, 290-298.

они выехали из деревни. Одна часть поехала в другие села, а группа из 30 человек донских казаков и полковых казаков Зарецкой слободы отъехали от д. Олешки и укрылись у р. Лесной Воронеж. В 2 часа ночи 15 человек подползли к деревне и спрятались в заброшенном погребе. Ночью к реке прошли два мужика, сели на лодку, отплыли, стали свистеть и кликать беглецов. Те появились, их отвезли в деревню и через некоторое время вернули обратно. Козловские служилые люди испугались арестовывать беглецов, опасаясь своей малолюдности.

С. И. Биркин послал в д. Олешка 50 козловских стрельцов, 100 казаков и 37 детей боярских из Лавровой Поляны во главе с Б. Пешковым и Л. Быковым. Этот отряд сумел арестовать Х. и Д. Кондратьевых в том месте, где их видели ночью. А три человека из беглецов «утекли» топями и болотами. Вскоре приехали донские казаки, привели еще И. Страхова, которого поймали около д. Олешки. С ним же арестовали и крестьянина той же деревни С. Прохода, обвиненного в помощи беглецам. А 3 апреля приехали козловские дети боярские и в съезжей избе рассказали, что они гонялись по лесу за беглецом Н. Ерошенко. Был обнаружен босой след, который привел их в д. Олешку. Однако крестьяне этой деревни начали пришельцев оскорблять и в деревню не пустили. Их было человек 50.

Уже 7 апреля в Козлов привели двух крестьян д. Олешки Б. Грязнова и П. Афанасьева, а приказной человек князя Д. М. Пожарского Н. Дворянинов доставил в Козлов «вора» П. Кондратьева, которого изъяли в д. Олешка. Воевода отписал в Разрядный приказ, что он этих разбойников пытал «накрепко» и жег огнем, а расспросные речи отослал 10 апреля в Москву. Арестанты не подтвердили их связь с охраной, поэтому козловских детей боярских и стрельцов приказали бить батогами, чтобы им впредь стоять у тюрьмы «не оплошно».

Другой случай неадекватного поведения произошел в д. Буховой[1]. С. Биркин послал пятидесятника А. Баскова с товарищами полковыми казаками из Козлова в погоню за Н. Ерошенко. 4 апреля 1638 г. полковые казаки привели в съезжую избу крестьянина Козловского уезда Чудова монастыря д. Буховой П. Иванова.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 335-337, 391.

Они рассказали, что приехали в деревню и начали расспрашивать о беглом «воре» Н. Ерошенко. Тогда один из крестьян выбежал на улицу и стал кричать, чтобы его не дали убить и у него есть «государево слово». Казаки хотели его арестовать, однако крестьяне не дали это сделать. В это время за ворота вышел П. Маховой, они его задержали и повели в Козлов. Отъехав от деревни, казаки пошли к старосте д. Буховой и попросили выдать мужика, который кричал «государево слово», но староста им отказал.

По государеву указу служка Чудова монастыря И. Антонов привел в съезжую избу С. А. Вараку. Последний рассказал воеводе, что он 4 апреля был в гостях у крестьянина П. Мягкова. П. Мягков начал его бить ослопом насмерть, и тут Симион выбежал на улицу и, испугавшись смертоубийства, начал кричать «государево слово», а на самом деле ничего у него нет. Обоих арестованных отвели в тюрьму. Вскоре пришел указ о даче двумя арестантами поручной записи, чтоб им «впредь этого не делать». Воевода подтвердил получение государевой грамоты, по которой взял поручную запись и выпустил двух арестованных крестьян из тюрьмы.

В 1644 г. козловский стрелец Г. Самандаков отдал своему сослуживцу стрельцу Ф. А. Сысоеву на хранение «коробье» со своим «платьем» и деньгами на сумму 20,5 руб.[1] Тот отказался возвращать имущество, поэтому дело перенесли рассматривать в Москву. В этом же году жалобу в Москву направила вдова князя Д. М. Пожарского княгиня Феодора. Она жаловалась на дьячка д. Горитова Т. Спесивцева в бегстве с собранными деньгами, одеждой, ружьем – всего на 90,5 руб., взятых у ее человека Е. Кравцова[2]. Беглец ушел к своему дяде, Пятницкому попу Василию. Воевода г. Козлова И. Ляпунов просил ответчиков явиться в Москву в Разрядный приказ для решения суда.

В 1649 г. козловский воевода В. С. Волынский подал в Москву челобитную. Он ссылался на челобитную пристава Бельского го-

[1] Григорий Самандаков был одним из организаторов восстания 1648 г. в г. Козлове.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 554. Л. 33-36.

родка, стрельцов и полковых казаков на С. О. Шеболдина о его «воровстве»[1]. Воевода послал в Бельский городок ряшанина Д. Давыдова, который произвел обыск и допросил местных служилых людей. Он опросил 144 стрельца, которые подтвердили, что С. О. Шеболдин ворует и воровскую «рухлядь» продает. В 1643 г. он ограбил на дороге тамбовского казака Донской слободы И. Болдырева, который вез соль. За это его наказали кнутом. В 1645 г. он же «поколол» ножом козловца В. Докова, за что отсидел в тюрьме. Вспомнили, что он при Р. Ф. Боборыкине украл в Козлове у сторожевого попа Ивана две лошади, за что также оказался бит кнутом, затем приходил к бельскому стрельцу Б. Радину и ночью его избил. Чем закончились похождения этого настоящего местного «рецедивиста», неизвестно, в документах отсутствует решение суда.

В 1642 г. в Разрядный приказ подал челобитную козловец сын боярский Ф. И. Маклаков. Он жаловался на козловских детей боярских Я. Зюзина и его товарищей. Они приезжали к нему в первой неделе петрова поста и на дворе ограбили имущества на 50,5 руб.[2] После этого Я. Зюзин с товарищами еще взял у него платья, лошадей, всякой «животины» и пчел на 70,5 руб. Их посадили в тюрьму, но затем выпустили. Из Разрядного приказа пришла грамота с требованием воеводе отправить 2 или 3 человек к дьякам в Москву для рассмотрения этого разбойного дела. Тот же Ф. И. Маклаков сообщил в Москву, что в 1640 г. на Покров в Верхоценской волости в д. Чоркино стрелец Белой слободы Д. В. Косой с товарищами напали на племянника Ф. И. Маклакова М. И. Маклакова. Они его убили и ограбили на 42,5 руб.[3] Разрядный приказ указал воеводе взять стрельца Д. В. Косого на поруки и отправить в Москву.

В 1641 г. сын боярский М. И. Оболтаев убил В. С. Дорохова, зарезал его ножом[4]. Племянник убитого козловский сын боярский просил Разрядный приказ послать грамоту козловскому стрелецкому

[1] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 385. Л. 1-2.

[2] Там же. Л. 217-219.

[3] Там же. 221-223.

[4] Там же. Л. 244-248.

и казачьему голове. Разрядный приказ потребовал выслать в Москву на очную ставку убийцу.

Касимовский царевич С. Арасланов подал челобитную на «ведомых воров козловских детей боярских Р. Кирякова и его сына Ивана»[1]. В 1642 г. после Рождества Христова крестьянин царевича посадский человек А. И. Брызгало своего наймита Ф. Кузмина послал с Ельца в Касимов с имуществом на 300,5 руб. Р. Киряков с товарищами этого наймита по дороге на р. Кривеле разбили и имущество захватили. Касимовский царевич просил суд в Москве для разбора этого грабежа.

Вероятно, воеводам приходилось достаточно часто разбирать мелкие дела, связанные с невыплатой долга или ссорами соседей. 2 февраля 1637 г. яицкий казак В. Суровцев был пойман с табаком. Стрелецкий и казачий козловский голова П. Красников взял у него на дворе 21 руб. и не вернул их владельцу[2]. В. Суровцева отпустили в Москву для разбора его спорного дела. Частыми на юге России встречались конфликты на почве заемных кабальных грамот по выдаче денег, которые заемщик под разными прелогами не отдавал обратно. Истцов и ответчиков под гарантии воевод вызывали в Москву для суда[3].

В марте 1637 г. козловский полковой казак Д. Мартынов бил челом воеводам, что 3 марта этого же года он ехал с хлебом из Ряжска. На ряжской степи с ним повстречались рязанец Л. С. Бородавкин с группой крестьян помещиков Колтовских[4]. Они Д. Мартынова избили, связали и ограбили, отобрали кобылу с возом ржи и овса, пять хлебов, зипун и государеву пищаль. Подобные жалобы на грабежи по дорогам воеводы получали и от других новоприписанных козловских людей.

В феврале 1637 г. в Козлове подали челобитную крестьяне князя И. Н. Приимкова-Ростовского С. Скобеев с товарищами. Они ездили

[1] РГАДА. Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 385. Л. 253.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. № 74. Л. 1-2.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 554. Л. 19-30.

[4] Там же. Л. 48.

с княжеской грамотой в поместье князя Д. М. Пожарского в с. Горитово с целью поиска беглых крестьян[1]. У приказного человека с. Горитова А. Андреева они взяли беглых крестьян и поехали в Козлов в сопровождении проводника Б. Шишкина. Около нового починка д. Олешинка на них напало около 30 человек местных крестьян, начали их бить, грабить и отбили беглых крестьян. С. Скобеева с товарищами связали и привезли в д. Олешку на двор, где их мучили, затем отвели к реке Воронежу, угрожая их утопить, требовали не подавать челобитную про это «воровство» к государю. На требование козловского воеводы привезти зачинщика этих событий выяснилось, что они отказались ехать в Козлов, а уехали в Москву, подавать челобитную. Князь Д. М. Пожарский потребовал привезти виновных для розыска в Козлов.

Козловский воевода И. В. Биркин послал в 1638 г. отписку в Разрядный приказ. В ней он отписал, что козловский тюремный сиделец, разбойник М. Булгаков начал в тюрьме кричать государево «слово и дело» и требовал отправить его в съезжую избу[2]. Там воеводе он сказал, что в Козловском уезде за р. Матырой около поместья С. Вельяминова д. Тафино есть серебряная руда. Якобы М. Булгаков был на Дону, ходил с казаками в Турецкую землю и видел там серебряную руду. А в тюрьме ему об этом рассказал крестьянин с Тафино Л. Суренник. Последний весной 1638 г. напротив д. Тафино с другом копал яму в лисью нору для добычи зверя. Именно там они и обнаружили серебряную руду. Скорее всего, этот рассказ остался красивой легендой. Продолжение дела отсутствует, ее окончание состоялось уже в Москве.

В 1643 г. поверстанный по Козлову в д. Пупках Турмасовского стана Козловского уезда сын боярский Василий и его сын Петр Фигилевы по уезду никакой службы не несли. Они выкрали у вдовы сына боярского Анны и ее брата Д. Щитилова из с. Ламки хлеб и лошадей и уехали в Козлов. Их записали на поруки и отдали под суд, однако они из Козлова сбежали в Москву без официального отпуска воеводы[3].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 92. Л. 189-192.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 116. Л. 73.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 450.

Притягательным местом для совершения краж являлись городские лавки. Хотя торговцы и нанимали сторожей для охраны своего имущества, лавочная торговля велась только в торговый день один раз в неделю. Козловский воевода И. А. Ростовский сообщил, что к нему в приказную избу 26 февраля 1642 г. обратились с челобитной козловский пушкарь С. Палка, черкашенин М. Ф. Белогузенков, дворник князя И. Б. Черкасского Р. Шпилев[1]. Они жаловались на кражу у них в лавках денег и товара. Козловский таможенный целовальник, голова В. Стрельников с товарищами сообщили о сборе пошлинных денег с 1 сентября, которые лежали у торгового человека Ф. Белогузенко в лавке. Их и украли. Воров сыскали, ими оказались М. Останин, М. и И. Сапожники, обнаруженные в Козлове. Воевода посадил их в тюрьму до государева указа. А таможенного голову с товарищами отдали на поруки с запретом отъезжать из города из-за хранения денег в лавке для торговых дел, а не в таможне. Разрядный приказ распорядился опросить таможенного голову о причинах хранения денег в лавке, а воров пытать крепко с целью выяснить все подробности кражи.

На юге России также встречалась практика ссылки на южную границу. В 1643 г. из Козлова сбежал черкашенин М. Петровский. Он до этого жил в Коломне, откуда за воровство его отправили в Козлов в Донскую слободу на вечное «житие». Ему выдали жалование на дворовое строение и земельный надел. Здесь он 8 мая украл у сына боярского П. Шитилова и у иноземца А. Команского две лошади и уехал в Москву, где его арестовали в Коломне и посадили в тюрьму[2]. Разрядный приказ потребовал от коломенского воеводы найти этого вора и отослать в приказ.

В 1651 г. состоялась массовая ссылка людей, привлеченных по суду к ответу, в Козловский уезд[3]. Такая ситуация сложилась при козловском воеводе И. В. Алферьеве. Речь шла о десятках людей, отправленных на службу в город на «Поле». Возможно, это был ответ власти на просьбу козловского воеводы, которому явно не хватало слу-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 108-114.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 144. Л. 451-452.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 210.

жилых людей для создания полноценного уездного гарнизона. Особенно остро стоял вопрос об укомплектовании стрелецких гарнизонов в небольших городках по черте: Бельском и Челнавском. Стрелецкая служба являлась одной из самых низкооплачиваемых на юге России[1]. Желающих записаться в нее было сравнительно немного, тем более, что большинство населения уезда состояло из детей боярских.

Характер вины ссыльных оказался разным: наличие подозрительных корений в их домах[2], запрещенные письма, воровство, драки, невыплата долга. Механизм отправки в Козлов действовал достаточно стандартно. От соответствующего приказа, по которому прошел обвиняемый, происходила передача дела в Разрядный приказ. От него выделялся служилый человек в качестве сопровождающего лица. Это мог быть служилый человек Козловского уезда или лицо, назначенное Разрядным приказом, которому приказывалось доставить обвиняемого в Козлов и передать воеводе.

Переселение массы молодых, инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Отсутствие традиций и старших возрастов в сельском поселении служилых людей снижало социальный контроль общины, что в какой-то мере способствовало проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. Социальный контроль в новых уездах оказывался значительно ниже, чем в центральных уездах России.

Говоря о девиантном поведении населения Тамбовского края в XVII в., необходимо учитывать особенности эпохи того времени. Мы не будем включать сюда участие местных жителей в различных социальных конфликтах, которые власть называла одним словом «воровство». Эти сюжеты рассмотрены в других исследованиях[3].

[1] *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М., 2004.

[2] Нахождение корений в доме могло дать повод подозревать их владельцев в колдовстве.

[3] *Лебедев В. И.* Крестьянская война под предводительством Степана Разина. 1667–1671 гг. М., 1955; *Тихомиров Н. М.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969; *Буганов В. И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976; *Чистякова Е. В., Соловьев В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988; *Ляпин Д. А.* Царский меч. Социально-политическая борьба в России в середине XVII веке. СПб., 2018; *Он же.* Игра в царя. М.; СПб., 2022.

Остановимся на чисто уголовных делах, выражающихся в отклонении и нарушении социальных норм в виде преступлений, пьянства, проституции, игры в зернь. Прослеживается как городская, так и сельская преступность.

Убийство на юге России носило достаточно частый характер. Наличие оружия, масса лиц, склонных к авантюрному поведению, местнические споры из-за земли или имущества способствовали этому. В 1642 г. сын боярский А. Н. Кученев обвинялся в убийстве своих прежних жен[1]. А. Н. Кученев прежде жил в Переяславль-Рязанском уезде, где первый раз женился. Свою жену он, по мнению челобитчика, замучил до смерти, затем перехал в Козловский уезд, женился на вдове Зиновье, у которой растлил дочерей. Об этом она неоднократно объявляла детям боярским и их женам в с. Изосимово. Артемий за это свою жену убил, всем рассказывая, что она якобы исчезла. Ее тело нашли спустя некоторое время после Семенова дня, то есть 1 сентября 1641 г., в р. Лесном Воронеже с разбитой головой и задушенной. Местные жители Артемия арестовали и привезли в Козлов воеводе, которому он сказал, что жену подговорил к побегу и убил сын боярский Д. Шетилов. Козловский воевода А. К. Беклемишев отпустил А. Н. Кученева. Дети боярские села Изосимово, где жил А. Кученев, не могли подтвердить, кто виноват в смерти первых двух жен.

Артемия из тюрьмы освободили, и тот женился третий раз на вдове – Ивановской жене Золотухина. В ответ на челобитную А. Н. Кученев обвинил козловцев детей боярских во главе с Д. А. Шетиловым в том, что они 1 сентября 1642 г. якобы приходили во время отсутствия хозяина к нему в дом, ограбили его имущество и убили его жену Аграфену с тремя детьми, тела которых нашли в степи. Обвиняемых привели в съезжую избу, где воевода произвел допрос с пыткой, но они отказались признавать вину в убийстве, говоря о том, что А. Н. Кученев растлил своих падчериц и убивал за жалобы своих жен. Воевода отпустил всех по домам на поруки.

Тогда подозреваемый женился четвертый раз. У очередной жены он тоже растлил дочь, и она привела ее к часовне, показать

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 148. Л. 275-277.

жителям. А. Н. Кученев четвертую жену также убил, снова обвинив своих противников во главе с Д. Шетиловым, говоря, что они вновь пришли к нему на двор, пользуясь его отсутствием. Сына боярского Д. Шетилова воевода посадил в тюрьму, где его пытали. Поэтому Д. Шетилов просил отправить это дело на рассмотрение в Москву. С учетом публичных обвинений жен в растлении их детей, можно предположить реальную вину А. Н. Кученева. В 1646 г. при воеводе Ф. Погожево в козловской тюрьме сидел козловский гулящий человек С. Ермаков за убийство своего тестя сына боярского А. Кученева. Однако эта запутанная история не имела продолжения в судебном расследовании, которое перенесли в Москву.

Часто случаи убийства рассматривались не на местах, а в Москве. В 1641 г. челнавский стрелец П. Евтифеев обвинил в татином деле челнавских стрельцов Т. и Е. Ряшан. Под пытками они ничем себя не оговорили и послали в Москву челобитную с просьбой рассмотреть их уголовное дело. В ответ поступило распоряжение подозреваемых из тюрьмы взять и в кандалах с приставом отправить в Москву[1].

Если челобитчики не получали суд в своем городе, они обращались в Разрядный приказ в Москву с просьбой провести судебное заседание там. Таким же был результат жалобы разных групп детей боярских. Козловский сын боярский С. Иванов с братьями находился 10 февраля 1642 г. в Турмасовском стане между селами Лежайка и Красивое. Вечером на них напали козловские дети боярские П. Горожанкин с товарищами, избили и ограбили, забрав платья, ружья и денег на 50 с половиную руб.[2] Пострадавшие направили челобитную воеводе И. А. Ростовскому, но тот челобитную не принял и суд не дал. Поэтому С. Иванов с братьями подали челобитную в Разрядный приказ с просьбой рассмотреть это дело в Москве.

Козловский сын боярский М. Т. Грибов подал челобитную в 1642 г. в связи с обвинением в покраже 30,5 руб.[3] Воевода И. А. Ростовский «не верша» судного дела на него положил пошлину 8 руб.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 148. Л. 62-64.

[2] Там же. Л. 152.

[3] Там же. Л. 193-194.

М. Т. Грибов пожаловался в Москву на свою бедность и отсутствие средств для оплаты этой пошлины. Москва на имя воеводы прислала грамоту с требованием не брать пошлин с неподсудных дел. На требование о рассмотрении спорных дел детей боярских за «бесчестье», их потребовали заковывать в железо и посадить в тюрьму, так как в Козлове люди на «украине» поселились недавно. А если они продолжат спор, то тогда с них собирать судную пошлину по государеву указу.

Грабеж, кража имущества в XVII в. были обыденностью той эпохи. Грабили на дорогах торовцев и путников, воровали у своих соседей. Таких людей мир презирал, преследовал, наказывал, но избавиться от этого бедствия не мог. В 1643 г. козловский сын боярский И. И. Зубков подал в Разрядный приказ челобитную на группу козловских детей боярских, обвинив их в грабеже[1]. В его отсутствие эта группа пришла к нему на двор, «лаяли» на его жену и трех дочерей, захватили лошадей и «платье и всякой рухляди» общей стоимостью в 30,5 руб. Челобитчик просил дать суд в Москве, на что Разрядный приказ указал обеспечить присылку двух ответчиков по выбору к 1 января 1644 г. На такой же грабеж в 1644 г. жаловался сын боярский г. Козлова Ф. Соколов на своих соседей, которые перед Покровом 1643 г. пришли к нему во двор[2]. Они и его били, жену и дочерей позорили, обвиняя в воровстве лошадей. Разрядный приказ потребовал всех участников конфликта отправить в Москву для суда. В 1643 г. козловец сын боярский М. М. Останин послал своего зятя к козловцу, сыну боярскому Г. Мартынову Останину с личной просьбой[3]. Однако Герасим зятю отказал, его матерно отругал и отобрал 20 руб. М. М. Останин просил суда в Москве.

В 1642 г. подал челобитную в Разрядный приказ крестьянин Верхоценской волости д. Корели, мордвин П. Кистанов[4]. Он жаловался на крестьян Спасского монастыря с. Каликина Козловского уезда.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 554. Л. 9-10.

[2] Там же. Л. 60-61.

[3] Там же. Л. 63-64.

[4] Там же. Л. 85-86.

Мордвин жил в юрте Чудова монастыря на р. Эртиль в устье Битюга для звериного промысла. Крестьяне его «погромили», взяли котел, 7 епанчей, четыре зипуна, четыре рогатины, 4 куницы, 4 лисицы, общей стоимостью 20 руб. Дело также передавалось на суд в Москву.

Другой грабеж произошел 4 января 1650 г. около Чурюкова Липяга. Группа сапожковских полковых казаков, которые ехали по своим делам из Сапожка в Козлов, обнаружили четырех побитых человек[1]. Из них двое еще оставались живы, а двое убиты насмерть. Один из убитых, зять сапожковского казака Яков, а другой оказался касимовским посадским человеком. Двое других сапожковец полковой казак М. Добрынин и касимовский посадский человек В. С. Курбатов. В. С. Курбатов от побоев скончался в с. Турмасове. Выживший рассказал, что ехали они из Касимова в Козлов с товаром: воз сапог, воз сукон, три воза рогож, решет и сит. Под большим Ржавцом они встали на стан и здесь на них наехали четыре человека, их побили и ограбили. Двое убийц – полковой казак Бельского городка А. П. Дымокуров и Г. Астахов – были пойманы. Г. Астахов продал ураденное сукно за 20 алтын и на те деньги устроил себе свадьбу в с. Стаево и тестю, крестьянину этого села, принес две пары сапог женских, 2 сукна сермяжных и восемь сит. Он признался в разбое и убийстве и сказал, что с ним был с. Стаево Красниково тож Г. Плотник из Лебедянского уезда, который строил в этом селе церковь. Г. Плотника пытали и под пытками он признался в убийстве и разбое. У убийц обнаружили украденное имущество и лошадей. Скорее всего, убийц отправили для окончания дела в Москву в Разбойный приказ.

В 1650 г. в козловской тюрьме сидело несколько человек, обвиненных в убийстве. В 1648 г. при Р. Ф. Боборыкине в тюрьму посадили козловца сына боярского Я. Зюзина за убийство кабацкого человека. Стрелец Бельского городка Е. М. Дымовский сидел за убийство сапожковского полкового казака Л. Комарова[2]. Из Разрядного приказа пришла грамота с требованием учинить им всем наказание по Соборному уложению и убийц казнить смертной казнью. Однако документы

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 265. Л. 15-26.

[2] Там же. Л. 59-68.

пыточные и расспросных речей от прежних воевод не остались и козловский воевода Н. В. Пушкин просил Разрядный приказ прислать грамоту. Из Москвы пришел указ С. Ермолова и стрельца Е. М. Дымовского бить кнутом «нещадно», а от смертной казни освободить. Причиной стала информация о тесте Сергея, А. Кучене, которого он убил. Что А. Кученя был вор и убийца многих людей. А. М. Дымовский совершил убийство без умысла и отсидел в тюрьме длительное время. После наказания их предлагалось отдать на крепкие поруки, что и было совершено 17 июля 1650 г. Других убийц: А. Дымокурова и Г. Плотникова, – предлагалось казнить из них одного человека смертною казнью по жребию, а второго оставить для сыску и очных ставок. Я. Зюзина и А. Дымокурова за многое «воровство и за смертное убойство» воевода казнил смертною казнью 2 августа 1650 г.

Козловский воевода И. В. Алферьев 11 сентября 1651 г. доносил в Разрядный приказ о разборе одного уголовного дела о грабеже[1]. Ночью козловские черкасы Д. Романов и Д. Сидоров в с. Турмасово украли у сына боярского Л. Каширянина две лошади. Д. Романов бежал из Козлова «безвестно». До этого его обвиняли в «измене», то есть бегстве на литовскую сторону. Его поймали в Усерде, пытали, но он вновь бежал в Москву. Из Москвы его вернули обратно в Козлов.

В 1648 г. ряжский воевода П. И. Волконский рассматривал жалобу своих служилых людей на сбыт краденых лошадей. Был задержан А. Попов, который признался, что к нему в д. Роговую Ряжского уезда приезжал козловец сын боярский Д. Распопов с товарищами с краденными лошадьми и «воровским» платьем[2]. Воевода приказал сыскать козловца Д. Распопова, его задержали и привели в Ряжскую съезжую избу, где устроили очную ставку с А. Поповым. Последний отказался виниться и сказал государево слово. Их пытали, но с пытки они не повинились. Воевода вынужден был посадить обоих в тюрьму до государева указа. Они бежали из тюрьмы. В октябре 1651 г. ряжский воевода П. И. Волконский сообщил, что поймали беглецов Д. Распопова и его товарища Кирилла с пятью лошадьми.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 83-85.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 260-263.

Их пытали в Ряжском, где они повинились в краже лошадей у крестьян И. З. Ляпунова. Д. Распопова приказали выпустить из тюрьмы и передать на поруки.

Разбойное дело рассматривалось в Добром Городище. Местного драгуна С. Кривого вместе с товарищами обвинили в разбое[1]. В Великий мясоед, то есть в январе 1651 г., он ездил на разбой с драгуном Л. Степановым и козловскими детьми боярскими И. Я. Дудоладовым из с. Дубового и Ф. Беляевым из с. Иловай, а также с другими сотоварищами. Они ограбили в степи около Скопина торгового человека – переяславского пушкаря С. Шмарова. У него отобрали 3 лошади с санями и хомутами, а также 50 осетров.

В этом же году произошел еще один случай, связанный с воровством денег. С «валового дела» бежал из Козлова в Москву И. А. Паншин. В Москве он взял с козловских детей боярских их годовое денежное жалование и по возвращении домой не отдал деньги товарищам. Его сыскали в Козлове, доправили украденные деньги и раздали их служилым людям.

Козловец сын боярский Ф. А. Зыбин в 1651 г. вместе с отписками и писцовыми книгами Козловского уезда встал в Москве на дворе писца князя Д. М. Несвицкого[2]. 23 ноября он пришел поздно вечером на подворье, где проспал до рассвета. Наутро не обнаружил своей сабли и сумки. Ключи от дома находились только у ключника князя Алексея. Однако козловца арестовали и посадили в Стрелецкий приказ в тюрьму за решетку, обвинив в потере документов. Он просил освободить его, так как посажен «напрасно».

В 1666 г. жена полкового казака Д. Сафонова подала жалобу в Разрядный приказ на полкового казака В. К. Пискулина в напрасном обвинении в воровстве его личных вещей: шубы, епанчи, сошника и седла[3]. В 1663 г. казачий голова А. Аблов приказал бить Д. Сафонову, сняв рубаху, по ногам. В ответ на это Д. Сафонова подала в Разрядный приказ челобитную с просьбой о посылке в Козлов

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 184. Л. 335-336.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 272.

[3] Там же. Л. 55-193.

«зазывной» грамоты, чтобы В. К. Пискулина вызвали в Москву. Однако ответчик в Москву не поехал, при многих людях в Козлове повинился и дал крепкую зарядную запись казаку И. Кузелеву в 300 руб. После этого И. Кузелев грамоту разорвал по наущению В. Пискунова и избил «смертным боем» сына Д. Сафоновой. Козловский воевода И. А. Вельяминов потребовал у И. Кузелева и В. Пискулина ответ за порванную зарядную запись. Очные ставки и расспросные речи у Д. Сафоновой на торгу отобрал стрелец С. Золотарь. По жалобе истицы воевода И. А. Вельяминов посадил стрельца под караул, вернул обратно отписки и расспросные речи и отослал их в Москву. 30 июля 1665 г. Разрядный приказ послал в Козлов И. А. Вельяминову указ о проведении суда над В. Пискулиным по Соборному уложению.

В 1666 г. полковой казак г. Козлова Ф. С. Гусев подал челобитную на казачьего сына той же слободы Леонтия Иванова Горбунова, обвинив его в краже со своего двора 24 ульев с пчелами, 12 пахотных лошадей и 17 гусей[1]. В прошлые годы он украл у своего соседа около 20 овец, повинился, вместо наказания пыткой и кнутом, был бит батогами и освобожден. Это было его второе преступление. Челобитчик требовал воеводского сыска и суда, что и получил по грамоте из Разрядного приказа.

В городах при сдаче/принятии города воеводами составлялся список тюремных сидельцев. В качестве примера такого списка мы используем документы из акта принятия города воеводой Е. А. Пашковым у А. У. Хрущова в октябре 1673 г.[2] Список не раскрывет причины нахождения в тюрьме данных лиц. Из перечня видно, что за тюремной стеной находилось в этот момент 94 человека, из них женщин 5 человек новых и 11 колодниц старой записи. Беглые крестьяне составляли 24 человека, за разбой числился один человек, за убийство сидели 2 человека, основная масса – служилые люди разных категорий численностью 52 человека находились в остроге за различные проступки. По профессиональной структуре среди них

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 190. Л. 193-194.

[2] Там же. Л. 162-193.

числилось 29 детей боярских, 12 стрельцов, 1 воротник, 24 крестьянина, 2 гулящих человека.

Таким образом, заселение южнорусских уездов шло под мощным влиянием правительственной колонизации, для чего использовались различные формы поощрения и льгот для записи в служилые люди, привлекали землей, пашней, деньгами и профессиональным статусом, даже для ссыльных. Однако большинство переселенцев переезжали добровольно, рассчитывая на изменение социального статуса, земельный надел и индивидуальное дворовладение. Криминальный элемент составлял незначительный процент населения, но именно он отражался в документации. Справедливость наказания за проступки и преступления определялась воеводским судом по существующему законодательству, хотя в некоторых случаях челобитчики предпочитали обращаться в суд в Москву.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги заселения Тамбовского края в XVII в., необходимо отметить идентичность данных явлений с процессами по всей южной окраине. Расположенные рядом Тамбовский и Козловский уезды как бы сфокусировали на себе весь комплекс проблем региона. Решающую роль в заселении края, как и везде на юге России, играла вольная колонизация в сочетании с мощной государственной поддержкой, преобладающее место в которой имели беглые крепостные крестьяне. Однако правительство стимулировало, а иногда и направляло эти процессы, используя плоды вольного заселения окраин, строя крепости и укрепленные линии, проводя гибкую социальную и экономическую политику, не останавливаясь даже перед определенным ущемлением интересов правящего класса.

Строительство в XVII в. грандиозной по своим масштабам Белгородской, Тамбовской черт и далее восточных укреплений вплоть до Волги коренным образом изменило политическую ситуацию в лесостепной зоне. Инициатива у противника – крымских татар, больших и малых ногаев, татар Казыева улуса и Азова – была выбита. Основные набеги совершались в пределах самих укреплений, а зачастую встречались на дальних подступах. Пользуясь преимуществом в огнестрельном вооружении, гораздо более обученные, чем кочевники, русские служилые люди под руководством местных воевод регулярно наносили противнику серьезные поражения, отбивали полон и добычу, преследовали его глубоко в степи. Огромные расходы государства на строительные и ремонтные работы тяжелым бременем

ложились на местных жителей, но оправдывались необходимостью обороны страны.

Государственные задачи обороны границ и освоения новых территорий становились на определенное время выше узкосословных интересов дворянства. Именно этот фактор во многом объясняет правительственную политику «заказных» городов на черте, сравнительно позднее распространение крепостнических положений Соборного уложения 1649 г. в южных уездах. Важную роль в заселении и освоении Тамбовщины играли монастыри и помещичьи крестьяне.

На всех этапах XVII в. ведущая роль в заселении Тамбовского и Козловского уездов принадлежала русскому народу. Его трудом и энергией, мужеством и отвагой за короткий срок были достигнуты реальные успехи в этом процессе. Многочисленные документы сысков показывают активное участие в освоении междуречья Цны и Воронежа населения центральных и южных регионов, которое постепенно переходило из одного уезда в другой, более южный, «сползало» ближе к району будущего строительства укрепленных линий. В заселении данной территории важное место принадлежит коренному мордовскому населению и украинским переселенцам. Их скромный незаметный подвиг, связанный с многочисленными жертвами, превратил край к концу столетия в важный экономический район страны.

Разнообразный сословный и этнический состав мигрантов, правительственные льготы способствовали складыванию сложной сословной структуры населения с различными экономическими и политическими привилегиями. Общая эволюция различных сословных и профессиональных групп приводила к их постепенной однородности. Правительство никогда не забывало прежнего социального положения основной массы служилого сословия южнорусских уездов, законодательно ограничивало возможности их перехода в дворянство.

На примере козловских и тамбовских служилых людей можно проследить процессы формирования первоначально традиционного

типа войска, ядром которого являлись конные воины: казаки всех категорий, драгуны, дети боярские и стрельцы как гарнизонные пешие и конные войска, так как часть стрельцов имела своих лошадей и участвовала в преследовании противника.

С середины XVII в. состав тамбовских служилых людей претерпел изменения, как и структура русской армии. Появление полков «нового строя» отразилось на структуре местного воинства. Появились солдаты и рейтары, записанные за Белгородским полком и выполнявшие функции полурегулярной армии, участвующие в походах против поляков. Одновременно часть детей служилых людей Тамбовского уезда была набрана в Выборные московские полки. Несмотря на значительные льготы этим категориям новоприбранных людей, многие из них так и не обзавелись собственным хозяйством, предпочитая жить в домах своих близких, так как длительные походы отвлекали от хозяйственной деятельности и при отсутствии лишних рабочих рук приводили к обнищанию и разорению, что стало наблюдаться в 1670–80-х гг. На протяжении почти всего столетия, правительство обеспечивало местных служилых людей оружием, боеприпасами, порохом, отрезами сукна на кафтаны, стараясь поддержать наиболее отличившихся в отражении татарских набегов денежными и земельными пожалованиями.

Неразвитость экономических отношений, военно-административный характер южнорусского города отразились на социальной структуре его населения, абсолютным большинством которого являлись мелкие служилые люди. Посадское население оставалось незначительным и не играло заметной роли в жизни городов. Многофункциональный характер русского пограничного города влиял на размытость сословных границ его жителей. Лишь последующие экономические изменения привели к серьезным сдвигам в облике городов на юге России.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Население городов Козлова и Тамбова в XVII в. (по писцовым книгам)[1]

Города	Начальные люди	Священно-служители	Полковые казаки	Сторожевые казаки	Дети боярские	Солдаты	Стрельцы	Посадские люди	Пушкари	Бобыли	Казенные кузнецы	ВСЕГО
Тамбов 1674 г. дворы	22	6	408	-	12	50	238	-	44	4	7	791
люди	74	27	954	-	14	245	546	-	174	4	10	2048
Козлов 1685 г. дворы	22	13	303	71	159	31	208	26	54	49	2	938
люди	55	33	960	225	506	103	638	67	159	110	5	2861

Таблица 2

Служилое население Козловского и Тамбовского уездов в XVII в.[2]

Уезды	Дети боярские	Поместные атаманы	Черкасы	Полковые казаки	Сторожевые казаки	Драгуны	Стрельцы	Солдаты	Пушкари	Бобыли, половинщики	Вожи, засечные сторожа	Крестьяне	В бегах, плену	ВСЕГО
Козловский (1651 г.)	7922	662	162	170	-	502	983	-	17	120	-	-	-	10538
Тамбовский (1678 г.)	40	2	-	1982	198	-	-	1516	-	313	30	15	54	4154

[1] Санкт-Петербургский архив института Российской истории РАН. Ф. 2. Л. 144-149; РГАДА. Ф. 210. Книги Приказного стола. № 29. Л. 16-179.

[2] Там же.

Таблица 3

Крестьянское население Тамбовского уезда в XVII в.

Категории населения	Населенные пункты	Дворы	Люди
год	*1674*		
Дворцовые	50	3811	11540
Монастырские	10	357	1257
Помещичьи	9	-	12
ВСЕГО	69	4168	12809

Таблица 4

Служилые люди Тамбова и уезда[1]

Категории служилых людей	*1669*			*1672*			*1680*		
	Служилый человек	Дети и родственники поспели в службу	Недоросли	Служилый человек	Дети и родственники поспели в службу	Недоросли	Служилый человек	Дети и родственники поспели в службу	Недоросли
Солдатского строя полу-полковник, иноземцы	1			21			17		
Площадные подьячие							22		
Приказные подьячие	8			23			13		
Дети боярские	19			22					
Неверстанные	3								
Казаки	16								

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 642. Л. 416-420; Там же. № 1167. Л. 2; Столбцы Разных столов. № 106. Л. 28.

Засечные сторожа	1		7	4					
Казаки беломестные	99	6	121						
Казаки Кузьминской и Пяшкильской слобод	98	99	21						
Станичные вожи	8	12	11	15					
Стрельцы	225	3	195	210					
Пушкари, затинщики, воротники	44	7	46	33					
Сторожевые казаки				95					
Полковые казаки	1209	101	1467	1182					
Отставленные от службы за старостью	125			80					
Солдаты	525	-	-	881			346		
Выборного полку А. Шепелева	-	-	-	114	153				
Донские казаки	132								
Бобыли									76
ВСЕГО	2342	223	2047	2837	756	2244	1469 (+95)*	244	847

* половинщики

Таблица 5

Служилые люди Козловского уезда[1]

Категории служилых людей	*1637*	*1642*	*1643*	*1648*	*1666*	*1669*
	Служилый человек					
Площадные подьячие					15	11
Приказные подьячие					5	6
Дети боярские	636	872	1050	1270	1961	2256
Дети боярские отставные					154	402
Казаки донские	170					
Ямщики					4	4
Поместные атаманы	180	150	150	150	149	150
Посадские					40	42
Стрельцы	200	200	200	220	190	190
Пушкари, затинщики, воротники	32	55	51	50	49	48
Сторожевые казаки	200	60	60	74	59	53
Полковые казаки	224	253	231	237	215	224
Бельского и Челнавского городков:						
Стрельцы	32	317	305	380	408	
Казаки				57	62	
Пушкари					14	
Драгуны				163	170	
Черкасы		52	52	95	56	59
Рейтары, драгуны, солдаты Белгородского полка					1453	
ВСЕГО	1674	1959	2099	2696	5004	3445
Находящиеся в отъезде				900	176	
Дети, захребетники, в службу поспели родственники					2778	3285
ИТОГО	1674	1959	2099	3596	7958	6730

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 76. Л. 84-85; Там же. № 284. Л. 237; Столбцы Приказного стола. № 140. Л. 90-91; Столбцы Разных столов. № 106. Л. 28; Столбцы Новгородского стола. № 137. Л. 331; Столбцы Севского стола. № 108. Л. 230-240; Там же. № 230. Л. 293; Ф. 1209. Книги Поместного приказа. № 144. Л. 336-337.

Таблица 6

Наряд и запасы в зелейном погребе г. Козлова. 1647 г.[1]

п /№	Пушки	Коли-чество	Материал	Вес ядра в гривнах	Количество ядер
1	Пищаль вестовая	1	медная	5,5	90
2	Пищаль	3	железная	3	300
3	Пищаль	2	железная	5	200
4	Пищаль	2	железная	2	51
5	Пищаль	7	медная	1	836
6	Пищаль скорострельная	5	железная	0,5	265
	Всего ядер				1792
	Челнавский городок:				
7	Пищаль	4	медная	2 без четверти	260
8	Пищаль	1	железная	5	99
	Всего ядер в погребе зелейном				2422
9	Пушечного зелья				134 пуд 3 гр.
10	Свинец				107 пуд. 15 гр.
11	Пульки мушкетные				2 пуд.
12	Рагульки железные				9950
13	Мушкетного зелья				130 пуд. 33 гр.

Таблица 7

Наряд и запасы в зелейном погребе г. Козлова. 1673 г.[2]

п /№	Пушки	Коли-чество	Материал	Вес ядра в гривнах	Количество ядер
1	Пищаль вестовая	1	медная	5,5	90
2	Пищаль	3	железная	3	300
3	Пищаль	2	железная	5	200
4	Пищаль	2	железная	2	101
5	Пищаль	7	медная	1	711
6	Пищаль скорострельная	5	железная	0,5	200
	Всего ядер в погребе зелейном				2181

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 393. Л. 168-172.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 860. Л. 118-129.

7	Пищального зелья				95 пуд 30 гр.
8	Пушечного зелья				90 пуд 4 гр.
9	Свинец				81пуд 19 гр.
10	Пульки мушкетные				1 пуд 20 гр.
11	Рагульки железные				9950
	Остаток от 1671 г. рейтарских полков:				
12	Пищального зелья				24 пуд 67 гр.
13	Свинец				19 пуд 56 гр.
14	Фитилю				12 пуд. 30 гр.
15	Мушкеты				94
16	Худых пищалей без замков	15			
17	Пищальных стволов	10			
18	Барабаны	4			
	Бельский городок:				
19	Пищаль	1	железная	5	102
20	Пищаль	5	медная	2	661
21	Пищаль	1	железная	2	
22	Пищаль скорострельная	1	железная	0,5 1	20 35
23	Пищаль с городков на валу	2	медная	2 3	50 5
24	Пищального зелья				30 пуд 28 гр.
25	Пушечного зелья				5 пуд. 12 гр.
26	Свинец				23 пуд.
27	Мушкетных свинцовых пулек				25 гр.
	Челнавский острог:				
28	Пищаль	1	медная	4	24
29	Пищаль	1	железная	5	99
30	Пищаль	1	медная	3	20
31	Пищаль	1	медная	2 1	112 66
32	Пищаль с вала	1	медная	1	4
33	Пищального зелья				13 пуд. 35 гр.
34	Пушечного зелья				21 пуд.

Таблица 8

Наряд и запасы в зелейном погребе г. Тамбова. 1678 г.[1]

п /№	Пушки	Количество	Материал	Количество ядер
1	Пищаль	17	железо	1578
2	Пушка гранатная	1	железная	10
3	Пищаль	2	медная	
4	Пищаль полковая	1	железная	Ядер нет
5	Зелье пушечное	270 пуд. 23 фунта		
6	Зелье ручное	33 пуда 20 фунтов		
7	Свинец	20 фунтов		
8	Фитили	99 пуд. 30 фунтов		
9	Пищали затинные	9		
10	Пищали затинные худые	2		
11	Мушкеты	489		
12	Мушкеты без замков	60		
13	Мушкеты худые	115		
14	Карабины	320		
15	Карабины, худые	29		
16	Пистоли	220		
	Красный городок:			
1	Пищаль	1	железная	
2	Затинная пищаль	2		
	Лысогорский городок:			
1	Пищаль	1	железная	

[1] Архив СПБИРИ . Ф. К-2. Коллекция актовых книг. № 119. Л. 16-17.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ – акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук.

АМГ – акты Московского государства.

ИТУАК – Известия Тамбовской ученой архивной комиссии.

Архив СПБИРИ – архив Санкт-Петербургского института Российской истории РАН.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аблов Авдей, голова – 473

Аверин Иван, крестьянин – 377

Аверин Малофей, крестьянин – 377

Агеев Федор, есаул – 445

Аглер Иван, полковник – 237

Азаров В., пушкарь – 31

Акимов Иван, голова – 210

Акинин Елисей, голова – 100

Акинфеев И. П., воевода – 433

Акинфов Иван Павлович, воевода – 77, 95, 123, 300, 303, 382, 384, 391, 392 (2)

Акулов Семен, казак – 371

Алабычев Дмитрий, воевода – 338

Александров Вадим Александрович, историк – 214 (2)

Алексей, ключник князя – 473

Алексей преподобный – 383

Алтабаев Ф. И., атаман – 418

Алтухов Ф. Е., подьячий – 206

Алферьев Иван Васильевич, воевода – 15, 26, 27, 29, 30, 31, 48, 49, 50 (2), 51 (3), 52, 187, 209, 223, 248 (2), 250, 270, 280, 281, 286 (2), 287, 336, 349, 353, 355, 466, 472

Ананьев Иван, рейтар – 289

Ананьин Осташко, слободской тяглец – 226

Андреев Авраам, казак – 124, 329

Андреев Анцы, приказной человек – 465

Андреев Иван, «градоделец» Пушкарского приказа – 20, 39

Андреев Иван, казак – 125

Андреев Михаил, помещик – 412

Андреян, архиерей – 378

Аненков Яков, черкашенин – 280, 281

Анна, игуменья – 369 (2), 370

Анна, вдова сына боярского – 465

Антипов Емельян, стрелец – 218 (2)

Антонов Василий, стрелец – 225

Антонов Иван, монастырский служка – 462

Апраксин Иван Андреянов, воевода – 331

Арасланов Ситбурханко, касимовский царевич – 464

Ардобаев Петр Васильевич, голова – 210, 259

Арина, полонянка – 118

Арзамасцев Исай Федоров, сын боярский – 297
Артемьев Федосей, крестьянин – 224
Афросимов М., помещик – 412
Ахамбетьев Богушун (Никита), татарин – 117 (3)
Ахтояров Перфирья, голова – 259 (2)

Байдиков Григорий, воевода – 338
Базаров Г. Ф. сын боярский – 31
Балабанов Иван, сын боярский – 380, 381
Балобанов Любим, сын боярский – 202
Балцен Абдула, переводчик – 123
Баров Андрей, полковник – 316
Баров Яган, полковник – 325, 328
Барсуков Сергей, голова – 101
Батурин Терентий, стрелец – 225
Басков Архип, пятидесятник – 461
Басулаев Иоким, пленник – 100
Батюшков Петр, голова – 116
Бахолдин Акиндий, сын боярский – 361
Бахолдин Кирил Федоров, стрелец – 222 (2)
Бахолдин Макей, рейтар – 293
Башмаков Ореф, подьячий – 232, 404
Бебехов Иван, атаман – 436 (3)
Беккер Андрей, лекарь – 327 (2)
Беклемишев Афанасий Константинович, воевода – 411, 416, 418, 419 (2), 436, 468
Белогузенко Федор, торговый человек – 466
Белогузенков М. Ф., черкашенин – 466
Беляев Алфер, стрелец – 122 (2)
Беляев Сафон, прапорщик – 293
Беляев Федот, сын боярский – 473
Бесстужев Савва, голова – 100
Бир Иоган, полковник – 325
Биркин Иван Васильевич, воевода – 17 (4), 18, 19, 20, 21 (2), 23 (3), 25, 32, 35, 68, 99, 132 (2), 133, 137, 144, 187, 203, 215, 220, 233 (2), 239, 257, 261, 266, 345, 354, 363, 423, 460, 461 (2), 465
Биркин Иван Иванович – 17
Биркин Иван Михайлович, наместник – 17
Биркин Самойла Иванович, воевода – 19, 23, 31, 103, 110, 122, 232, 244, 268, 295, 403, 459

Биркин Василий, внук Ивана Васильевича – 19, 23
Блинников И., колодник – 420
Боборыкин Роман Федорович, воевода – 30, 41 (2), 42 (3), 46, 49, 61 (5), 65 (2), 67 (6), 68, 69 (2), 70, 71, 84, 98, 99 (2), 100 (2), 101 (3), 102, 116, 128 (2), 129, 131 (2), 141 (2), 143, 144 (2), 145 (3), 151, 152, 184 (2), 185, 196, 197 (2), 220, 236, 242, 243, 256, 264, 265, 267, 280, 286, 370, 387, 402, 431 (2), 435, 463, 471
Бобрищев-Пушкин Иван Гаврилович, помещик – 23, 135, 138, 410
Богданов Буян, сын боярский – 100
Богданов Петр, подьячий – 204 (2), 205, 434
Божетков Иван, воротник – 217
Бозаров Григорий, дьячок – 61
Бойкин Алексей, крестьянин – 70, 100
Болдман Мартин, полковник – 325
Болдырев Иван, казак – 463
Болдырев Михаил, казак – 100
Болдырев Федор Степанович, сын боярский – 193
Болт Иван, вож – 443
Борисов Иван, стрелец – 221 (2)
Борисов Тимофей, крестьянин – 145
Борков Василий, приказчик – 388, 391
Бородавка Иван, черкашенин – 114, 115 (2)
Бородавкин Лукьян Суворов, рязанец – 464
Бородин Василий Семенов, сын боярский – 402
Борятинский Юрий Никитич, князь, воевода – 253, 254, 291, 446, 454 (3)
Бочар Дементий, крестьянин – 411
Бочаров Потап, драгун – 191
Брехов Василий, дьяк – 387, 389
Бровкин Богдан, козловец – 369
Броунт Данила, ротмистр – 253 (2)
Брызгало Андрей Иванов, посадский человек – 464
Брюховецкий Иван Мартынович, гетман – 405
Брянцев Дмитрий, подьячий – 168
Бубна Михаил, казак – 120
Булгаков Мамай, сын боярский – 61
Булгаков Михаил, казак – 460 (3), 465 (2)

Булгаков Михаил Борисович, историк – 235 (2), 237
Булыгин Агей, голова – 216 (2)
Бурдин Карп, драгунский сын – 118
Бутурлин Андрей Васильевич, воевода – 112, 406
Бутурлин В. В., боярин – 298
Бутурлин Иван Васильевич, воевода – 253, 449 (6), 452 (2), 453 (2), 455
Бутурлин Федор Васильевич, стольник – 125
Бухарец Борис Андреев, сын боярский – 403
Бучнев Кондратий, атаман – 449, 451
Бушуринов Полуект, сын боярский – 338
Буянин Денис, атаман – 252
Бывалец М. Г., крестьянин – 410, 411
Быков Г., сын боярский – 15
Быков Ларион, сын боярский – 461
Быков Путила голова – 42 (2), 97, 98 (2), 145, 219 (3), 233
Быков С. К., голова – 112
Быковский Денис, казак – 112
Быковский Иван, служка монастырский – 226
Важинский Владимир Михайлович, историк – 149 (2), 397 (2)
Важинский Василий, полковник – 254
Варака Симион Алексеев, крестьянин – 462
Василий, поп – 369
Василий, Пятницкий поп – 462
Василий, священник – 356
Васильев Гаврила, подьячий – 206
Васильев Захар, ученик лекаря – 327
Васильев Нестр Афонасий, кабальный человек – 424, 425 (3)
Васильев Панфил, подьячий – 206, 217, 451
Васильев Петр, крестьянин – 145
Васильев Сидор, крестьянин – 218
Васильев Ульян, сын боярский – 334
Васян, казначей – 371
Варахеев Полуевкт, подьячий – 123
Варлаам, ризничный – 362
Варлаам, старец – 373 (2), 374
Великогагин Степан Иванович, князь – 412

Вельяминов Андрей, помещик – 149 (2)
Вельяминов Иван Андреевич, воевода – 29, 56, 57, 94, 186, 187, 192, 194, 205, 239, 268, 293 (2), 356, 438, 474 (3)
Вельяминов К., помещик – 460 (2)
Вельяминов Лев Андреевич, воевода – 254, 454
Вельяминов С., помещик – 460
Вельяминов Степан Михайлович, сын боярский – 271
Вельяминовы, братья Кузьма, Семен, Степан – 22, 60, 61 (2), 104, 135 (2), 138, 139, 201, 460
Вердеревский Владимир, голова – 453
Верещагин Григорий, приказной человек – 115 (2)
Верещагин Тимофей Осипов, стрелец – 222 (2)
Ветонинов Арумену, мордовец – 430
Ветонинов Вяча, мордовец – 430
Взимов Миня, стряпчий – 387
Викула Василий Никулин, сын боярский – 273 (2)
Викула, протопоп – 357
Владыкин Сафон, помещик – 417
Водарский Ярослав Евгеньевич, историк – 128, 176, 177 (2), 312
Волконский А. М., князь, воевода – 197, 257
Волконский Григорий Иванович, воевода – 368
Волконский Петр Иванович, воевода – 245, 472 (2)
Волынский Андрей, помещик – 418 (2)
Волынский Василий Семенович, воевода – 49, 134, 141, 201, 220, 281, 283, 462
Воробьев Иван, казак – 416 (2)
Вороненкин Архип, сын боярский – 412
Воронков Свирид Захаров, козловец – 297 (2)
Воротомясов Трифон Григорьев, галичанин – 113 (2)
Воропаев Ермолай Михайлов, сын боярский – 265
Вульф (Ульф, Фульф) Франц Федорович, полковник – 238, 289 (5), 290 (4), 291 (6), 447 (2)
Вуцстерн Яков, офицер – 247
Выборнов Михаил Сафонов, сын боярский – 292
Выборнов Савелий Сафонов, сын боярский – 292
Выговской Иван Евстафьевич, гетман – 85, 294

Выставкин Ларион, сын боярский – 402

Гавренев Иван, дьяк – 168
Галкин Андрей, дьяк – 349
Галкин Федор, крестьянин – 276
Германов С. И., ряшанин – 112, 350
Гладышев Ермол, стрелец – 421
Гладышев Тимофей, стрелец – 421
Годунов Борис, русский царь – 9, 16 (2), 431
Голицын Василий Васильевич, боярин – 126, 316
Головин А. Н., воевода – 351 (2)
Головин Иван, голова – 56
Головнин Алексей Иванович, воевода – 86 (3), 122, 123, 193, 201, 252, 299, 306 (2), 307, 344, 373, 374 (2), 433
Головнин Иван, рязанец – 86 (2)
Головнин Никита Лукин, воевода – 396
Гончаров Степан, рейтар – 217
Горбачев Киприян, сын боярский – 269
Горбунов Леонтий Иванов, казачий сын – 474
Горбунов Роман, сын стрельца – 170
Гордеев Л., крестьянин – 416, 417
Горожанкин Понкрат, сын боярский – 469
Горохов Илья, козловец – 296
Горюшкин Григорий, полковник – 325
Гранин Михаил, полоняник – 258 (2)
Гребцов Семен, крестьянин – 135
Гречишка, мордвин – 362
Грибов Максим Трофимов, сын боярский – 469, 470
Григорьев Артемий, крестьянин – 225
Григорьев Григорий, черкашенин – 279 (2)
Григорьев Денис, донской атаман – 110
Григорьев Ерофей, солдат – 304
Гридасов Иван, поручик – 293 (2)
Гридасов Сазон, поручик – 307, 308
Гридин Лукьян, казак – 126
Грязнов Борис, крестьянин – 461
Гунденмарк Яган, полуполковник – 247
Гурьев Судила Васильев, сын боярский – 170

Гуров Григорий,
сын боярский – 189 (2)
Гусев Фатей Степанов,
казак – 474
Гущин Павел, голова – 147

Давыдов Дмитрий,
ряшанин – 463
Давыдов Иван,
сын боярский – 366
Дамеркин Савва,
крестьянин – 430
Даровский Филипп,
сын боярский – 186
Дасаев Смаилка,
крымский татарин – 112
Дашков Андрей Иванович,
воевода – 123 (2)
Дашков Иван Иванович,
стольник, князь – 115, 204
Дворянинов Ногай,
приказной человек – 461
Деев Богдан, стрелец – 218
Дерабов Власко Петров,
крестьянин – 413
Дмитриев
Василий Михайлович,
воевода – 330, 332 (2)
Добросотский Никита,
стрелец – 193, 344
Добрынин Милентий,
казак – 471
Доков Василий, козловец – 463
Долгов Михаил, рейтар – 295
Долгорукий
Дмитрий Алексеевич,
князь – 349
Долгорукий Михаил Юрьевич,
боярин, князь – 323 (2)
Долгорукий Юрий Алексеевич,
боярин, князь – 235, 316, 323
Дорофеев Петр, казак – 284
Дорофей,
архимандрит – 367 (2)
Дорохов Венедикт Севостьянов,
сын боярский – 463
Дорошин Михаил Сергеев,
сын боярский – 417 (2)
Дрыкин Петр Семенов,
крестьянин – 436
Дубовицкий Иван,
сын боярский – 119
Дубовицкий Никита Афанасьев,
сын боярский – 133
Дудоладов Иван Яковлев,
сын боярский – 473
Дулов Лаврентий Иванович,
князь, воевода – 125
Дунде Франц, полковник – 253
Дураков Данила, козловец – 187
Дымовский Еремей Мартынов,
стрелец – 471, 472 (2)
Дымокуров Андрей Потапов,
полковой казак – 471, 472 (2)
Дэвис Бриан (Davies B.),
американский историк –
138 (2), 221, 267 (2)

Евсеев Петр, стрелец – 420
Евтифеев Петр, стрелец – 469
Екаев Амакай Тохтаров, служилый мурза – 107, 108
Елань Мерекшей, сын мурзы – 111
Елфим, поп – 354
Елфим, старец – 284
Елютин Иван, ряшанин – 220
Енговатов Федор, мурза – 381
Емельянов Осип, полоняник – 106 (2)
Ермаков Сергей, гулящий человек – 469
Ермилов А., староста – 154
Ермолай, полоняник – 258 (2)
Ермолов Лев, воевода – 131, 362
Ермолов Сергей – 472
Еропкин Алексей, сыщик – 305
Еропкин Алексей Павлович, воевода – 153, 307, 380, 452 (3)
Еропкин Артамон Иванович, воевода – 53
Еропкин Моисей Иванович, воевода – 74, 118, 119
Ерошенко Никита, крестьянин – 461 (2), 462
Ефанов Леонтий, крестьянин – 378
Ефим, поп – 354, 355 (3)
Ефим, священник соборной церкви Покрова святой Богородицы – 355, 356
Ефимов Марк, подьячий – 35, 447
Ефремов Карп, подьячий – 324
Ефтифеев Иван, кабальный человек – 421

Жалнин Федор, сын боярский – 202
Жванов П., крестьянин – 433
Жданов Иван, крестьянин – 249
Жданов Иван, пленный – 106
Жданов Филипп, сын боярский – 347
Жеков Герасим, богомолец – 197
Желябовский Афонасий Григорьев, дозорщик – 232, 404
Желябужский Василий Тимофеевич, воевода – 232, 377
Жеребцов Давыд Семенович, воевода – 244
Жихарев Дей Власов, сын боярский – 189 (4), 264
Жуков Василий, командир полка стрельцов – 240
Жуков Герасим, поручик – 290 (2), 291
Жуков Иван Васильев, сын боярский – 347

Заборовский Семен Иванович, думный дьяк – *338*
Завьялов Иван, казак – 110
Зайцев Иван, тамбовец – 377
Закурдай Василий, житель Барашевской слободы – 229
Замаруев Иван Васильев, сын боярский – 269 (2)
Замораев Игнатий, казак – 301
Зарубин Панка, драгун – 191
Здвишков Дмитрий, казак – 232
Земнов Мина, голова – 344
Злобин Устин, стрелец – 197 (2)
Змеев Венедикт Андреевич, воевода – 434
Змеев Илья Андреевич, полковник – 316 (2)
Зова Гордей, крестьянин – 430
Зовкин Яков Григорьевич, сын боярский – 404 (3), 405 (2)
Золотарь Савва, стрелец – 474
Золотухин Андрей Микитин, сын боярский – 113
Золотухин Назар, сын боярский – 130
Зорин Сафон, казак – 241
Зотов Никита Моисеевич, дьяк – 328
Зотов Пантелей, кабацкий откупщик – 188
Зубов Алексей, стрелец – 117 (2)
Зыбин Фатей Андреев, сын боярский – 473
Зюзин Иван, губной сыщик – 190 (2)
Зюзин Яков, сын боярский – 463 (2), 471, 472
Зяблов Трофим Федоров, драгун – 118

Иван, поп – 449
Иван, поп – 463
Иванов Антон Гаврилов, сын боярский – 210
Иванов Владимир, сын боярский – 17
Иванов Гапон, вкладчик – 371
Иванов Григорий, казак – 109, 146
Иванов Ефим, казак – 120
Иванов Лев, крестьянин – 224
Иванов Леонтий, донской атаман – 251
Иванов Петр, крестьянин – 461
Иванов Сергей, казак – 284
Иванов Степан Гаврилов, сын боярский – 469 (2)
Иванов Тарас, толмач – 123
Иванов Федор, крестьянин – 418
Иванов Филат, дворник – 379
Иванов Юрий, стрелец – 218
Иванов Ян, беломестный казак – 107

Иванов Михаил, садовник – 439
Иванов Савва, садовник – 439
Иванова Ирина,
крестьянка – 382
Ивашов Афанасий,
капитан – 305
Ивинский Семен,
подьячий – 376
Игнатьев Иван,
крестьянин – 381
Игуменов Яков,
сын боярский – 403
Игумнов Самойла,
сын боярский – 202
Измалков Степан Архипов,
сын боярский – 192, 438
Измайлов Лев, помещик – 421
Измайлов, Тимофей,
помещик – 421
Илларион,
архиепископ – 78, 121, 374, 383
Ильин Иван Яковлевич,
сыщик – 301
Ильин Никита,
староста – 379
Инстерман Иван,
полковник – 316
Иоан, архимандрит – 420
Иона, архимандрит – 105, 136
Иона, казначей – 373
Иона, черный поп – 380, 381
Иосиф, патриарх – 354, 355
Иосиф, поп – 197, 199 (4)
Иосиф, поп – 179, 180
Иосиф, черный поп – 358, 364
Иосиф, старец – 78, 383 (2)
Исаев Иван, казак – 314

Казаков Василий,
сын боярский – 347
Казачек Иван, казак – 445
Калбрехт Табий,
полковник – 325
Калинин Иван,
донской казак – 99
Калинин Иван,
крестьянин – 218
Калинин Федор, пушкарь – 228
Калинин Харитон,
сторож – 123
Камараули
Елена Владимировна,
историк – 181, 185 (2)
Каменский Иван,
подьячий – 254
Каменский Иван,
сын боярский – 266
Камынин Богдан, воевода – 9
Караваев Клеймен,
крестьянин – 434
Караваев Федор Васильев,
крестьянин – 434
Карельский Федор,
крестьянин – 224
Караулов Митька,
сын боярский – 412

Карачников Савва,
сын боярский – 357
Каролин Артем, сотник – 253
Карпов Богдан,
переписчик – 390, 395
Карпов Осип, подьячий – 282
Картавцев Денис Данилов,
сын боярский – 270
Картавцев Никифор,
подьячий – 39, 220, 233
Картавцев Савва,
козловец – 403
Карцев Исай, голова – 56 (2)
Карцев Тимофей Андреевич,
воевода – 247
Касьянов Иван Федоров,
рейтар – 438
Касьянов Федор, мельник – 438
Катранский Юрий,
воевода – 191 (4)
Кащеев Трофим, конюх – 456
Кашинцов Аввакум,
сын боярский – 59 (3)
Каширянин Лев,
сын боярский – 472
Каширянин Роман,
ротмистр – 293 (2)
Качининский Сергей,
сын боярский – 270
Кашкин Василий Тихонович,
воевода – 131
Кестьянин Никита,
полоняник – 106
Кикин Иван Федорович,
воевода – 25, 32, 136, 423
Кинжалов Гур, воевода – 334
Киреев Андрей, казак – 416 (2)
Кириевский Григорий,
москвич – 16, 35
Кириевский Михаил,
помещик – 416
Кирилл, игумен – 142, 366
Кирилл, священник – 272
Кириллов Семен,
черкас – 112 (2), 113
Киряков Иван Романов,
сын боярский – 464
Киряков Роман,
сын боярский – 464 (2)
Кислицын Агафон,
купец гостиной сотни – 218
Кистанов Прохор,
мордвин – 470
Клейменов Степан – 430
Клементьев А.,
сын боярский – 415 (2)
Клементьев Елисей,
голова – 200 (2)
Клементьев Степан,
крестьянин – 434
Клоков Федор,
сын боярский – 448
Клюков Василий,
сын боярский – 202
Клюков Федор,
сын боярский – 202

Князев Иван Микифоров, сын боярский – 261
Козлов Иван, казак – 102
Козлов Кузьма Петрович, воевода – 313 (3), 315 (2), 316, 317 (3)
Козлов Семен, крестьянин – 20
Козловский Григорий Афонасьевич, князь – 404
Колединский Юшко, воевода – 107
Колмак Петр, крестьянин – 377 (2)
Колмаков Петр Матвеев, крестьянин – 432
Колода Андрей, казак – 101
Колокольцев Максим, монастырский служка – 379
Коломнин Антипенко, стрелец – 121, 122 (2)
Колтовский Иван Павлович, воевода – 179
Колтовский Семен Иванович, воевода – 27, 29, 119, 180, 187, 234, 296 (2), 369
Колударов Самойла, пятидесятник – 115
Команский Алексей, иноземец – 229, 466
Комаров Лев, казак – 471
Конбаров Тимофей, засечный сторож – 15
Кондратьев Дементий, крестьянин – 461
Кондратьев Леонтий, подьячий – 433
Кондратьев Потап, крестьянин – 461
Кондратьев Харитон, крестьянин – 461
Кондырев Ждан Васильевич, воевода – 103, 106 (2), 107, 404
Кондырев Петр, сын Ж. В. Кондырева – 107, 404
Конинский Борис, помещик – 413
Кончаков Григорий Обросимов, рейтар – 296
Коптев Осип, голова – 329
Копылов Никифор Иванов, сын боярский – 296
Коренев Никита, пеший казак – 120 (2)
Корневский Василий, служка монастырский – 226
Корнелий Ян, голландский военный инженер – 13, 36, 37, 39
Коробьин Василий Васильев, жилец – 449
Коробьин Иван Федорович, воевода – 415, 416
Короваев Иван, воевода – 119
Короваев Иван Иванович, голова – 259 (2)

Короваев Федор Игнатьев, сын боярский – 413
Коровин Анисим, служка монастырский – 226
Кородыкин Иван, голова – 108
Коротков Герасим Мартынов, сын боярский – 276
Корсаков Андрей Матвеев, сын боярский – 347, 403
Корсаков Дмитрий, воевода – 253 (2)
Космов Ю. Ф., крестьянин – 411
Косова А. З., дворовая «женка»– 422
Косой Данила Васильев, стрелец – 463 (2)
Костралов С., таможенный дьячок – 432
Кочергин Гаврила Меркулов, сын боярский – 271
Кравцов Енакий, крестьянин – 462
Кравякин Иван, голова – 106
Крадыкин Иван, калужанин – 250
Красиков Герасим, козловец – 403
Красников Петр, голова – 21, 97, 100, 132, 215, 216, 464
Красников Томолка, сын боярский – 411
Кремнев Иван, подьячий – 324
Кривой Семен, драгун – 473
Кривопалов Илья Тимофеев, сын боярский – 276
Кривоперстов Яков, голова – 207
Кро Елизарий, полковник – 325
Кропоткин Василий Васильевич, воевода – 375, 376
Крюков Алексей Анциферов, казак – 284, 285
Крюков Игнат, сын боярский – 295
Крюков Илья, сын боярский – 295
Крюков Сидор, сын боярский – 295, 296
Крюков Трофим Игнатьев, рейтар – 295
Кувшинов Дементий, монастырский служка – 227
Кудрин, помещик – 398
Кукосов Алексей, крестьянин – 70
Кузелев Иван, казак – 474 (3)
Кузмин Григорий, поп – 373
Кузмин Клеймен, рейтар – 290
Кузмин Федот, наймит – 464
Кузнец Григорий Семенов, крестьянин – 419 (2)
Кузнецов Петр, рейтар – 217
Куницын Милован, сын боярский – 425 (2)

Куракин Федор Семенов, боярин, князь – 218
Курбатов Василий Савельев, посадский человек –471 (2)
Куров Иван, помещик – 415
Куров Наум Владимирович, ряшанин – 89
Курохтин Савва, станичный казак – 125
Курпанов Федор, казачий атаман – 119
Кученев Артемий Никитин, сын боярский – 468 (7), 469 (2)
Кученева Аграфена, жена Артемия – 468
Кученя Артамон – 472

Лавров Нифонт Степанов, московский стрелец – 218 (2)
Лавров Петр, командир полка стрельцов – 240
Лагунов Иван, козловец – 170
Ладыженский Максим Савинович, воевода – 130, 137 (2)
Лазарев Емельян, крестьянин – 225
Лазарев Лунка, казак – 109
Ламонов Куприян Макаров, сын боярский – 270 (2)
Лапухин Федор Харлампиев, воевода – 367
Леин Алексей, иноземец – 125, 329
Лепехов Ян, казак – 109
Леонтьев Богдан, монастырский служка – 227
Леонтьев Иван Иванович, воевода – 147, 181, 202
Леонтьев Иван Юрьевич, воевода – 125, 317
Леонтьев Федор Иванович, воевода – 86, 87, 88 (2), 120, 150, 199, 200, 249, 252
Летуновский Максим, посадский человек – 94
Лихарев Василей Никитич, воевода – 25, 26 (2), 27 (2), 28, 34, 51, 56, 88, 120, 187, 194, 199 (2), 200 (5), 249, 250, 288, 300, 306, 337, 338 (2), 341 (2), 342, 344 (2), 349, 351, 356, 366 (2), 434
Лихарев Иван Петрович, воевода – 121, 193, 300, 329, 344, 351
Лихачев Афанасий, казак – 232
Лихачев Федор, путный ключник – 362
Лобанов-Ростовский Александр Иванович, стольник, князь – 120, 249, 250 (2), 342 (4), 349 (3)
Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь, воевода – 180, 197 (2)

Ломов Михаил,
сын боярский – 202
Ломовской Филат Анофриев,
сын боярский – 403
Лопасов Степан, вож – 443
Лопухин Петр, воевода – 15
Лопшанский Тимофей,
подьячий – 315
Лопынин Анисим Федоров,
сын боярский – 276
Лошаков Надежа,
путный ключник – 419 (2)
Лукьянов Василий,
стрелец – 455
Лукьянов Михаил,
крестьянин – 429 (2)
Лукьянов Семен, пушкарь – 16
Лунщин Яков, подьячий – 198
Лутохин Алексей, воевода – 310
Лыков Иван Федорович,
князь – 416 (3)
Лысов Борис, стрелец – 346
Лысый Алексей,
посадский человек – 94
Львов Алексей Михайлович,
боярин, князь – 84, 148
Любавский Матвей Кузьмич,
историк – 426 (2)
Ляпунов Иван Захарьевич,
воевода – 42, 45, 51, 62, 63,
104, 105 (3), 106 (2), 109, 113,
169, 265 (2), 279, 462, 473
Макарий, игумен – 373, 374 (6)
Макаров Григорий,
стрелец – 215
Макаров Михаил,
крестьянин – 423
Макиновский Василий,
поручик – 302, 303 (2)
Маклаков Максим Иванов,
племянник Ф. Маклакова – 463
Маклаков Филат Иванов,
сын боярский – 463 (3)
Максимов Григорий,
крестьянин – 382
Максимов Иван,
подьячий, дьяк – 324 (2), 330
Малечкин Никита,
подьячий – 204
Малов Александр Витальевич,
историк – 298, 309, 409 (2)
Мальцев Тит, пристав – 416
Малышев Дементий Васильев,
сын боярский – 270
Мамонт, старец – 430
Мантуров Любим,
голова – 315 (2)
Марков Алексей,
мельничный мастер – 437
Марков Василий, атаман – 279
Мартынов Герасим,
сын боярский – 470
Мартынов Данила,
казак – 464 (2)

Мартынов Тимофей, солдат – 304
Марфа Иоанновна, мать царя Михаила Федоровича – 143, 371, 372
Масалов Яков, «разъесчик» – 407
Масальский-Литвинов Андрей Федорович, руководитель Пушкарского приказа – 66, 79 (2)
Мастеров Григорий Иванов, стрелец – 215
Матвеев Иван Большой, подьячий – 197 (3), 199
Маховой Петр, крестьянин – 462
Мацнев Кузьма, сын боярский – 189
Медведев Иван, крестьянин – 441
Мезенцев Василий, воевода – 445
Меленин Тихон, голова – 455
Мелентьев Михаил, голова – 210
Мельников-Печерский Павел Иванович, писатель – 360
Мельник Иван Дмитриев, крестьянин – 31
Меркурьев Никита, десятский – 379
Мерлин Иван, голова – 447
Мешков Михаил, голова – 209, 217
Мещерский Михаил Иванович, князь – 410, 411, 413, 418
Мещеряков Андрей, дворянин – 138
Мещеряков Михаил, казак – 76, 138
Мещеряков Тимофей, атаман – 448 (6), 449 (2), 450
Мещинин Никифор, крестьянин – 380
Микифоров Иван, дьячок – 228, 229
Минаев Фрол, казак – 445
Миронов Василий, дьякон – 66
Мисаил, архиепископ – 31, 74 (2), 263 (2), 353, 359, 360 (5), 361 (5), 362 (7), 386
Михайлов Василий, подьячий – 123
Михайлов Герасим, солдат – 304
Михайлов Данила, подьячий – 443
Михайлов Лучка, гулящий человек – 221
Михайлов Першка, казак – 124, 329
Михайлов Фома, крестьянин – 434
Мишнин Андрей, воронежец – 25

Моисей, игумен – 69
Молоковский Емельян Антипьев, сын боярский – 228 (2)
Мончак, тайша – 123
Мордвинов Илья Петров, сын боярский – 270
Морозов Борис Иванович, боярин – 83, 118
Морозов Лужка, крестьянин – 420
Мосолов Петр, жилец – 92
Мурат-Гирей, хан – 328
Мурза Прон Андреев, сын боярский – 264 (2)
Муханов Михаил, крестьянин – 31
Мышецкий Борис Ефимович, воевода – 452
Мышецкий Данила, воевода – 302
Мягков Петр, крестьянин – 462 (2)
Мясной Андрей Иванович, воевода – 249

Назарьев Степан, сын боярский – 413
Назарьев Федор Петров, сын боярский – 271
Наквасин Федор, градоделец, подьячий – 66, 81
Наумов Савелий, казак – 125
Наумов Федор Васильевич, воевода – 342, 349
Нащокин Константин Воинович, воевода – 246, 248
Невзоров Купреян, сын боярский – 274
Неверов Х., крестьянин – 430
Некрасов Дементий, сын боярский – 407 (2)
Некрасов Яков, голова – 450
Ненашев Григорий, сын боярский – 192
Несвицкий Даниил Матвеевич, князь – 187, 265, 268, 272, 273, 283, 297, 366, 369, 473
Нестеров Александр Алексеевич, воевода – 131
Нестеров Иван, голова – 209
Нестеров Лев, крестьянин – 228
Нечаев Михаил, служка монастырский – 226
Неюша Сава, крестьянин – 453, 454
Никита Васильевич, настоятель собора – 143
Никитин Тимофей, староста – 154
Никифоров Федор, подьячий – 248
Никон, патриарх – 67, 360 (4), 362, 386

Нифонт, игумен – 370, 372, 430 (5), 431
Новосельский Алексей Андреевич, историк – 97, 103, 104, 121, 153 (3), 154, 195, 424 (2), 437
Новосильцев Григорий Владимирович, воевода – 316, 317
Ноздрин Гавриил, сын боярский – 275
Ноздрин Михаил, сын боярский – 275
Нос Иван, сын боярский – 16, 35
Носов Прокопий, сын боярский – 266

Обернибесов Федор Петрович, воевода – 134
Облезов Василий Иванов, сын боярский – 193, 438, 439
Оболтаев Михаил Иванов, сын боярский – 463
Объедков Лев Корнилов, сын боярский – 133
Объедков Петр Корнилов, сын боярский – 133
Огарев Евсей Григорьевич, сыщик – 251
Озеров Федот Андреев, сын боярский – 272, 273
Околелов Кирилл Купреянов, казак – 415 (2)
Оленин Роман, казак – 109
Орел Алифанка Васильев, казак – 215 (2)
Осипов А. В., жилец – 222 (2)
Осипов Роман, крестьянин – 381
Осипов Степан, крестьянин – 382
Останин Максим Матвеев, стрелецкий голова – 197, 334, 466, 470 (3)
Остроухов Леонтий, прапорщик – 302, 303 (2)
Остроухов Феофан, капитан – 302 (2), 303 (3), 304, 305
Отманов Савва, крестьянин – 152
Охреян Семен, пленник – 100

Павлов Тит, крестьянин – 431
Палка Степан, пушкарь – 466
Панков Клим, солдат – 304
Панов Алексея, подьячий – 208 (2), 366
Панов Иван, монастырский служка – 225
Панов Ипполит, монастырский служка – 225
Паншин Иван Артемьев – 473
Парамзин Андрей, сын боярский – 202, 261
Парамзин Гаврила, сын боярский – 202, 261, 374, 381, 430 (2), 431

Парамзин Герасим,
сын боярский – 260, 261, 381
Парамзин Семен Гаврилов,
сын боярский – 261
Парамонов Василий Максимов,
пристав – 227
Парфенов Лукьян Семенов,
ряшанин – 89, 401
Паршин Артем,
стрелец – 419 (2)
Пахомов Авил,
крестьянин – 421
Пахомов Михаил, казак – 313
Пафнутий, старец – 373
Пашков Еремей Афанасьевич,
воевода – 54, 124, 179, 198,
199 (2), 209, 255, 288, 445,
448 (2), 449 (2), 451, 454 (3),
457, 474
Пашигорев Авдоким,
подьячий – 368
Пашигорев Агап Иванов,
донской казак – 234 (2)
Пелагея, старица – 369
Первой Иван Михайлов,
площадный дьячок – 207 (2)
Перегудов Анисим,
сын боярский – 438 (2)
Перегудов Онисим,
сын боярский – 192 (2)
Перцов Л., ельчанин – 423
Перцев Василий,
ельчанин – 369
Пестриков Василий Федорович,
воевода – 343
Петин Петр,
крестьянин – 415, 416 (3)
Петр, священник – 370
Петров Иван, голова – 277 (3)
Петров Матвей,
черкашенин – 204, 262
Петровский Матвей,
черкашенин – 229. 466
Петрыкин Федор,
сын боярский – 411
Пешик Григорий, казак – 118
Пешков Богдан,
сын боярский – 461
Печекин Федот,
сын боярский – 137
Писарев Анисим,
каширянин – 446
Писарев Семен,
полковник – 254, 445
Пискулин Василий Ковалев,
казак – 473, 474 (3)
Питирим, епископ – 65, 74,
78 (2), 396 (2)
Плещеев Богдан,
помещик – 22, 23
Плещеев Борис,
помещик – 411, 415
Плещеев Федор, сыщик – 300
Племянников Василий,
монастырский служка – 227

Племянников Поликарп, монастырский служка – 227
Плотник Григорий, казак – 471 (2)
Плотников Григорий – 472
Плюсков Савва, голова – 334
Погожево Федор Дементьевич, воевода – 40, 44, 111, 115, 116, 185 (2), 189, 228, 241, 265, 274, 279 (2), 469
Пожарский Иван Дмитриевич, князь – 122, 306, 351
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, воевода – 20, 21, 22, 23, 38, 45, 60, 104 (2), 133 (5), 134, 140, 240, 285, 363, 364, 429, 460 (3), 461, 462, 465 (2)
Пожарский Михаил Дмитриевич – 201
Пожарский Семен Романович, князь, воевода – 110
Пожарская Феодора, вдова князя Д. М. Пожарского – 133 (2), 134, 201
Поздняков Макей, священник – 66
Покида Афанасий Ордатов, крестьянин – 380
Полев Иван Андреевич, воевода – 88, 120, 199, 200 (8), 249, 300
Полежаев Георгий, крестьянин – 433
Полубояринов Любим, голова – 216
Полунин Григорий, сын боярский – 354
Полянский Гура, сын боярский – 113 (2), 114
Попов Алексей, подьячий – 198
Попов Антон – 472 (2)
Попов Богдан Сафонов, дьячок – 430
Попов Данила Семенов, откупщик – 290
Попов Данила, есаул – 252
Попов Мамон, подьячий – 193
Попов Никита, казак – 252
Попов Савва, дьячок – 453 (2)
Прасолов Оничко, казак – 232
Приимков-Ростовский Иван Наумов, князь – 464
Протасов Макар, сын боярский – 447
Протопопов Никон, путный ключник – 120
Прутской Осип, подьячий – 202
Путимцев Филимон Кривой, атаман – 453
Пушкин Иван Григорьевич, помещик – 22, 60
Пушкин Никита Войнович, воевода – 48 (2), 190, 201, 220, 225, 230, 236, 268 (2), 273, 349, 472

Пушкин Никита Ларионов, воевода – 228, 266 (2), 267, 281, 286, 348
Пушкин Петр Михайлович, воевода – 25, 27 (2), 28 (2), 118 (2), 263, 287
Прибылой Кузьма, сын боярский – 205
Прокофьев Илья, крестьянин – 431
Прокофьев Яков, крестьянин – 433
Пронин Петр, казак – 109
Прохода Степан, крестьянин – 461
Пурясов Нижеватка, мордвин – 431
Пышкин Акинфей Павел, атаман – 283 (2)
Пышкин Андрей Павел, атаман – 283 92)
Пышкин Лев Павел, атаман – 283 (5)
Пышкин Павел, атаман – 283
Пятов Федор, засечный сторож – 262

Радин Богдан, стрелец – 463
Разин Степан Тимофеевич, донской казак – 76, 80, 81, 95, 173, 214, 316, 393, 441 (3), 442 (2), 443(4), 444 (4), 445, 446, 447 (3), 448, 449 (2), 450 (2), 451 (2), 452 (3),453 (2), 454, 455, 456 (2), 457 (2), 467 (2)
Распопов Денис, сын боярский – 472 (3), 473
Ратов Трофим Афанасьев, подьячий – 203, 204
Рахманинов Сергей Васильевич, композитор – 76
Рахманинов Фрол, ряшанин – 37
Резаков Родион, голова – 56
Ремизов Григорий, голова – 121, 193 (2), 194 (8), 334 (2), 344 (3)
Репин Михаил, крестьянин – 417
Репнин Борис Александрович, князь, воевода – 224, 293 (2)
Репнин Петр Алексеевич, боярин, воевода – 31 (2)
Репьев Семен, голова – 122
Родионов Иван, стрелец – 292 (3)
Романов Алексей Алексеевич – 294, 447
Романов Алексей Михайлович – 67 (2), 83, 84, 208, 254, 287, 298, 339, 349, 389, 392, 439, 456
Романов Данила, черкас – 472 (2)
Романов Иван Алексеевич – 147
Романов Иван Никитич, боярин – 410, 412
Романов Михаил Федорович – 7, 9, 41, 67, 84, 113, 210, 354, 360, 361, 362, 374, 387, 401, 404, 431

Романов Никита Иванович, стольник – 50 (2), 107, 114, 236, 364
Романов Петр Алексеевич (Петр I) – 3, 130, 147, 287, 316, 323
Романов Семен Прокофьев, сын боярский – 272, 273
Романов Федор Алексеевич – 210, 329, 330, 343
Ромодановский Иван Иванович, князь, воевода – 84 (5)
Ромодановский Василий Григорьевич, князь, воевода – 106
Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, воевода – 124, 295, 297, 306, 307 (2), 308, 447 (2)
Ростовский Иван Александрович, князь, воевода – 21, 47, 103, 133 (2), 169, 218, 241, 268, 276 (2), 346, 347, 420, 466, 469 (2)
Румянцев Иван Иванович – 134, 141
Рыгалов Степан, крестьянин – 377
Ряшан Еремей, стрелец – 469
Ряшан Тимофей, стрелец – 469
Ряшенцев Алексей, капитан – 304
Ряшнев Афанасий, капитан – 302, 303
Саблин Анисим, сын боярский – 202
Саблин Василий, сын боярский – 189
Саблин Семен Григорьевич, белозерец – 89
Саблуков Г. И., крестьянин – 411
Савельев Иван, сын боярский – 423
Савельев Федор, гранатчик – 325
Саветков Куприян, сотник – 253
Савин Дементий, сын боярский – 346
Савин Иван Алферьев, касимовский помещик – 422
Савин Иван, крестьянин – 434
Савин Никита, сын боярский – 407
Савин Степан Сергеев, мельник – 31 (2)
Сазонов Каприян, крестьянин – 224
Сазонов Михаил, поп – 146
Саидан Мурудан, крымский царевич – 111
Салищев Карнил, крестьянин – 364, 365
Салов Григорий, полуголова стрельцов – 253, 444, 445

Салтыков Лев Иванович, воевода – 254, 454
Сапожник Иван, козловец – 466
Сапожник Милован, козловец – 466
Сатин Алексей, помещик – 421 (2)
Сафонов Афанасий, тулянин – 346
Сафонов Василий Васильевич, воевода – 253
Сафонов Федор Яковлев, рейтар – 296
Сафонов Чушка, пятидесятник – 231
Сафонова Дарья, жена полкового казака – 473 (3), 474 (2)
Свешников Василий, подьячий – 205, 206, 324
Свешников Василий Акимов, козловец – 368
Свешников Гавриил, драгун – 190, 191
Свешников Гаврила, подьячий – 205 (3), 206, 207
Свешников Денис, подьячий – 206, 207 (3), 324
Свешников Михаил Гаврилов, подьячий – 207 (2), 208
Свиридов Иван, толмач – 437
Свиридов Игнат, подьячий – 318, 322
Свищев Григорий, голова – 101
Свищев Семеном, голова – 101
Седов Тимофей, купец – 238 (2)
Селантьев Григорий, стрелец – 217
Селиванов Богдан Григорьев, сын боярский – 273
Селиховский Федот, сын боярский – 272 (2)
Селунский Иван Павлович, воевода – 54, 181, 202, 208, 213, 217, 222 (2), 315, 324, 342, 357, 370
Семенов Василий Григорьевич, дьяк – 131
Семенов Иван, стрелец – 455
Семенов Никита, казак – 233
Семенов Семен, арбузный садовник – 394
Серебряченко Андрей, казак – 449 (2)
Сергеев Борис, ельчанин – 416
Сергеев Никита, крестьянин – 98 (2)
Сергеев Федор, беглый крестьянин – 412
Сергеев Федот Клементьев, сын боярский – 469
Серик, атаман – 454
Серов Кирсан, козловец – 297
Сидоров Данила, черкас – 472
Сидоров Дмитрий, монастырский служка – 371

Сидоров Кирдяш, крестьянин – 430
Сидоров Никита, казак – 98
Сидоров Самсон, крестьянин – 99 (2)
Симонов Дмитрий Андросов, рейтар – 293 (2)
Скобеев Селиверст, крестьянин – 464, 465
Сколзнев Иван, губной целовальник – 191 (2)
Слепцов Андрей, сын боярский – 67
Смагин Григорий Максимов, сын боярский – 296 (2)
Смагин Евдоким Кузьмин, сын боярский – 133
Смыков П. С., крестьянин – 413 (2)
Снетин М. Д., сын боярский – 421
Соврасов Яким, пушкарь – 61
Соймонов Афонасий Андреевич, воевода – 125
Соймонов Иван Афонасьевич, воевода – 125
Соколов Федор, сын боярский – 470
Соловьев Фома, голова – 393
Соловьев Фома, казак – 434
Соловов Григорий, полуголова стрельцов – 80
Сомов Кузьма Дементьев, сын боярский – 402
Сонин Максим Яковлев, голова – 60, 61
Спешнев Михаил Иванович, москвич – 16, 18 (2), 19, 20, 21 (2), 23 (3), 32, 35, 43, 68, 129, 130, 132 (2), 133, 137, 144, 146, 203, 215, 220, 233, 239, 257, 261, 345, 363
Спиридонов Клеймен, крестьянин – 380
Спицын Мартын Иванов, сын боярский – 420
Степанов Дружинка, монастырский служка – 228 (2)
Степанов Кирей, подьячий – 254
Степанов Лазарь, подьячий – 368
Степанов Лунка, атаман – 281
Степанов Любим, драгун – 473
Степанов Остафей, сын боярский – 366
Степанов С., каширский помещик – 413
Степанов Фрол, казак – 314
Стратилат Федор, великомученик – 383
Страхов Иван, крестьянин – 461
Стрелков Савва, казак – 16
Стрельников Василий, голова – 466
Стрешнев Василий Иванович, боярин – 225

Строков Ермол,
сын боярский – 264
Стромичевский Петр,
воевода, полковник – 325, 329
Субчев Филат, солдат – 292 (2)
Суворов Никита,
приказчик – 388, 391
Суренник Лунка,
крестьянин – 465
Суровцев Василей,
казак – 464 (2)
Суслов Прокопий, поручик – 454
Сухосеря Михаил Иванов,
крестьянин – 432 (2)
Сысоев Федот Аверкиев,
стрелец – 462
Сысоев Федот,
сын боярский – 192

Таптыков С., жилец – 154
Таптыков Федор жилец – 154
Тараканов Никифор,
стряпчий – 305
Ташлыков Афонасий,
дьяк – 123
Темиров Бибайка,
служилый мурза – 108, 404
Тесс Родей, офицер – 247
Тимофеев Лунка,
сторож монастыря – 227 (2)
Тимофеев Понкрат,
крестьянин – 431
Титов Богдан Прокопьев,
сын боярский – 403
Титов Борис, атаман – 411
Титов Семен, пушкарь – 30
Титов Семен,
сын боярский – 56
Титов Семен Степанович,
думный дьяк – 206
Тихонов Роман,
крестьянин – 135
Тоболевский Семен,
майор – 125, 253, 310, 329
Толкачев Радион Антипов,
сын боярский – 455
Толмачев Федор, стрелец – 193
Тонаев Девлет, пленник – 100
Топильский Афонасий Яковлев,
посадский человек – 236 (2), 367
Топильский Дивей, козловский
подьячий – 197, 205 (3), 207 (3),
324
Топильский Федор – 207
Тохтаров Амакайка,
ценский мурза – 404 (2)
Траурнихт Марко,
полковник – 325
Трифонов Прон,
казак – 431 (2)
Тропов Моска Степанов,
сержант – 308
Трофимов Осип,
подьячий – 265, 273

Трубецкой Алексей Никитич, боярин, князь – 22, 60, 61, 107, 111, 135, 417
Трубецкой Дмитрий Трофимович, князь, боярин – 401
Трубников Тимофей Дмитриевич, жилец – 92
Тургенев Денис Петрович, воевода – 109 (2), 244 (2)
Турищев Лунка Тимофеев, осадный сиделец – 455
Туровский Федор, козловцы – 412
Турчанин Федор, торговый человек – 357
Туснин Филипп, стрелец – 221
Тягунев Аким Иванов, сын боярский – 262
Тяпкин Василий Михайлович, посланник – 328
Тяпкин Емельян, полуполковник – 300, 302 (5), 303 (4), 305

Уваров Тимофей Гурьев, помещик – 413
Уколов Иев, старец – 414
Ульев Протас, сын боярский – 202
Ураев Федор, сотник казаков – 98
Уретин Мирон, сотенный голова – 56
Урнежевский Герасим Михайлов, голова – 147
Урусов Никита, воевода – 442
Ус Василий, атаман – 453
Устинов Кирилл, пастух – 126
Ушакин Степан, голова – 112, 350
Учаватов Климонт, крестьянин – 380

Фадеев Дементий, атаман – 233
Федор, священник – 74
Федор, священник кошского погоста – 362
Федорин Андрон Григорьев, сын боярский – 271, 272
Федоров Андрей, крестьянин – 432 (2)
Федоров Петр Григорьев, крестьянин – 432 (2)
Федоров Остафей, драгун – 296
Федькин Харитон Алексеев, казак – 421
Фефилов Гришко, прапорщик – 438
Фигилев Василий, сын боярский – 465
Фигилев Петр Васильев, сын боярский – 465

Филарет, патриарх – 7 (2), 17 (2), 67, 354
Филарет, игумен – 433, 434
Филатов Григорий, сын боярский – 353
Филатов Селиверст, драгун – 365
Филипп, казак – 110
Филиппов Парфен, казак – 97
Фирсов Степан, сын боярский – 294
Фомин Василий, атаман – 117 (2)
Франк Юрий, полковник – 325, 328
Фролов Кирей, колодезный мастер – 29, 30 (2)
Фролов Панка, крестьянин – 420
Фролов Петр Иванович, крестьянин – 413
Фролов Сазон, сын боярский – 290
Фролов Тимофей, колодезный мастер – 30
Фустов Василий Нехороший, помещик – 413

Харитонов А., козловский черкашенин – 114 (2), 115 (2)
Харитонов Герасим, сын боярский – 202
Харитонов Лунка, черкашенин – 99, 112 (2)
Харитонов Михаил, атаман – 446
Харитонов Михаил, разинец – 457
Хвастливый Михаил, садовник – 383
Хвенонко Иван, черкашенин – 112, 113
Хилков Андрей Васильевич, боярин, князь – 204
Хитрово Большой Иван Савостьянович, воевода – 373, 374
Хитрово Григорий Семенович, воевода – 117
Хитрово Яков Тимофеевич, воевода – 80, 92, 95, 208, 291, 340, 434, 440, 441, 442, 443, 444, 445 (2), 447, 448 (2), 456, 457
Хлебников Варлаам, старец – 373
Хлебников Тимофей Григорьев, подьячий – 206
Хлуденев Андрей, сын боярский – 230
Хлудов Андрей, сын боярский – 275, 348
Хмельницкий Богдан, гетман – 279
Хмельницкий Юрий, гетман – 122, 295

Хованский Петр Иванович, князь, воевода – 254 (3), 255 (2), 454 (2)
Хомяков Исак Семенов, майор – 299, 302, 306 (2)
Хомутцкой Панкрат, сын боярский – 141
Хомутцкой Федот, казак – 122 (2)
Хрипунов Василий, воевода – 193
Хрипунов Ларка, воевода – 119
Хрущов Афанасий Устинович, воевода – 183, 189, 197 (2), 198 (2), 199 (3), 288, 289, 474
Хрущов Степан Иванович, воевода – 53, 180, 183, 189, 197 (3), 205, 206, 207, 254, 255, 292, 307, 308, 340, 369, 444, 450 (2), 455, 456
Худяков Иван, сын боярский – 266 (2)

Цей Андрей, полковник – 325

Чаплин Мина Иванов, крестьянин – 411
Чарыков Федор, голова – 100
Чеботарев Никифор, помещик – 412
Чекунов Макар, сын боярский – 443
Чепковский Яков, черкашенин – 115
Черкасский Григорий Сунчалеевич, боярин, воевода – 95, 123
Черкасский Иван Борисович, князь – 466
Черкасский Михаил Алегукович, боярин – 323, 457
Черкасский Яков Куденетович, князь – 218
Чернов Василий Авдеев, сын боярский – 405
Чернов Юда Авдеев, сын боярский – 405 (2)
Черной Петр, сын боярский – 416 (2)
Черток Никифор – 76, 449 (2), 452 (2), 453
Чеусов Семен, сын боярский – 137
Чириков Петр Тимофеевич, майор – 299, 302, 306
Чоботов Федор, писец – 377 (3), 431, 433, 434

Шакловитый Федор Леонтьевич, дьяк – 131, 217, 357
Шамов Василий, чернец – 365
Шатилов Григорий Яковлев, сын боярский – 269
Шатилов Данила, сын боярский– 272
Шацкий Варлаам, пленник – 103

Шварт Василий,
полковник – 313, 315, 317, 319, 321 (2), 322 (2)
Швецова Елена Александровна,
историк – 393, 424 (2)
Шеболдин Степан Осипов,
пристав – 463 (2)
Шелковников Ефим,
подьячий– 208
Шелковников
Любим Афонасьев, площадный
подьячий – 208 (2)
Шелковников
Михаил Данилович, подьячий – 203 (2), 204 (5), 205 (3), 265
Шелоховский Федор,
сын боярский – 267
Шенщин Андрей,
помещик – 411
Шенко Михаил, подьячий – 204
Шепелев Алексей,
генерал – 309, 316, 461
Шепелев Тимофей Иванович,
воевода – 218
Шепилов Алексей,
сын боярский – 272
Шепилов Данила,
сын боярский – 272 (2)
Шереметев Борис Петрович,
боярин, воевода – 179, 308, 323 (2), 324, 326
Шереметев
Василий Борисович – 287, 294, 298, 404, 405 (2)
Шереметев Петр Васильевич,
боярин, воевода – 253, 313, 316
Шереметев Федор Иванович,
боярин – 401, 415
Шеховской Василий Иванович,
князь – 456
Шиндаков Кирилл Шушмирев,
дьячок – 430
Широбоков Василий,
стрелец – 314
Шитилов Парфен,
сын боярский – 229, 466
Шишкин Булгак,
проводник – 465
Шишкин Степан, голова – 105, 106 (2), 107, 113
Шишинский Николай,
ученик лекаря – 327
Шишков Герасим Кузмин,
воевода – 54, 179 (3), 180 (2), 407
Шмаков Клим Константинов,
посадский человек – 401
Шмаков Семен,
голова стрельцов – 197 (3)
Шмаров Степан,
пушкарь – 473
Шниттер Андрей,
полковник – 325, 328
Шпилев Родька,
дворник – 466
Шумовской Иван,
подьячий – 203 (2)

Щепотьев Андрей Федорович, воевода – 180 (2), 190, 191, 192, 291, 442 (2)
Щербатов Константин Осипович, князь, воевода – 91, 313, 314, 316 (6), 317 (2), 320, 321 (2), 322, 351 (2)
Щербина Иван Полухин, «оговорный» человек – 190
Щербинин Василий, козловец – 187 (2)
Щетинин Лазарь, казак – 451
Щетинин Лукьян, рейтар – 209
Щетинин Савелий Анофреев, сын боярский – 437, 438
Щетинин Филимон, казак – 451
Щитилов Данила, сын боярский – 465

Юпкман Христофор, иноземец – 250
Юрлов Митрофан, козловец – 368
Юсупов Акиней Мурза, татарин – 117
Юсупов Матвей Понкратович, воевода – 262
Юшков Гавриил, воевода – 98

Ягодин Алексей, крестьянин – 423 (2)
Язов Евдоким Саввич, воевода – 125
Языков Евдоким Саввич – 327, 329, 330 (2)
Языков Иван Андреевич, воевода – 125, 316, 317, 320
Языков Иван Максимович, боярин и оружейничий – 325
Языков-Меньшов Федор Павлович, воевода – 81, 314, 318, 319, 321 (2), 329, 330, 332, 382
Якимов Василий, дьяк, – 349
Яковлев Василий, сын боярский – 224
Яковлев Неустройко, крестьянин – 429
Яковлев Семен, солдат – 304
Янаев Никифор Мамакар, князь – 92

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ГЛАВА ПЕРВАЯ. СТРОИТЕЛЬСТВО УКРЕПЛЕНИЙ КОЗЛОВСКОГО И ТАМБОВСКОЙ УЕЗДОВ В XVII В. 5

1.1. Историческая обстановка на юге России в первой трети XVII в. 6
1.2. Типы фортификационных укреплении на юге России 11
1.3. Козловские укрепления 16
1.4. Тамбовская черта 65
1.5. Продовольственные запасы в южнорусских городах XVII в. 94
1.6. Татарские набеги с 1635 по1680-е гг. 97

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАСЕЛЕНИЕ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В XVII ВЕКЕ 127

2.1. Заселение Козловского уезда 132
2.2. Заселение Тамбовского уезда 143

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ 165

3.1. Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронтира в период его заселения в XVII в. 167
3.2. Городское население 176
3.3. Уездные служилые люди 256
3.4. Тамбовский разряд 311
3.5. Организационные формы и служебные обязанности 333
3.6. Церковь на южных рубежах страны 353
3.7. Крестьяне Тамбовского уезда 385

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ В XVII В. 399

4.1. Повседневная жизнь населения Тамбовского края. 400
4.2. Поиски беглецов в Козловском уезде в 30–40-х гг. XVII в. 408
4.3. Хозяйственная деятельность 426
4.4. Тамбовский край во время восстания под предводительством С. Т. Разина 441
4.5. Девиантное поведение служилых людей и крестьян 459

Заключение 476

Приложение 479
Список сокращений 486
Именной указатель 487

Книга издана за счет средств:

гранта в форме субсидий из бюджета Тамбовской области в соответствии с Соглашением № 131 от 16 августа 2022 года;

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

руководителя Тамбовского общества краеведения предпринимателя Семенова Михаила Ивановича

Научное издание

Мизис Юрий Александрович

НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТАМБОВСКОГО И КОЗЛОВСКОГО УЕЗДОВ В XVII В. (1635–1696 ГГ.)

Печатается в авторской редакции
Дизайн и верстка И. А. Сайгановой

Подписано в печать 14.09.2023. Формат 70x90/16.
Усл. печ. л. 38,03. Заказ 23202. Тираж 500 экз.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

ISBN 978-5-00078-747-2